

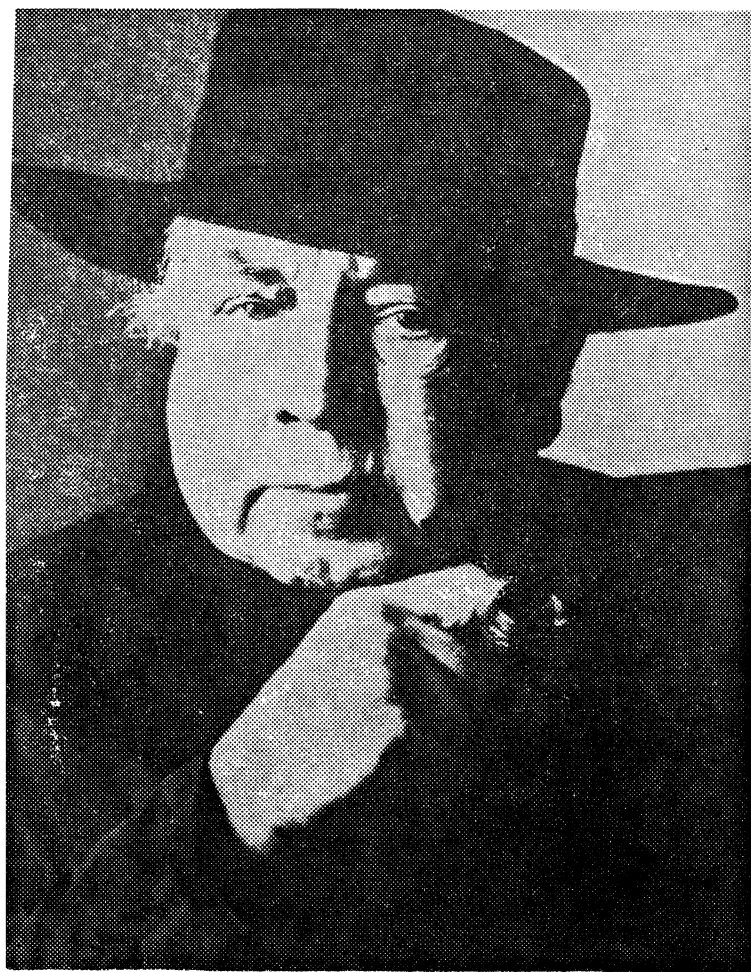
Дж.Б. Пристли
Избранное

Джон
Бойнтон
Пристли

Избранное

том 1

Джон
Бойнтон
Пристли

Избранное
в двух томах

том1 Опасный поворот
Ракитовая аллея
Время и семья Конвей
Таинственное
происшествие в отеле
"Гринфингерс"
Когда мы женаты
Они пришли к городу
"Золотое руно"

Москва «Искусство» 1987

ББК 84. 4Вл

П 77

Перевод с английского

*Составление, редактирование
и комментарий В. ВОРСОБИНА*

Художник О. Л. ЛОЗОВСКАЯ

П $\frac{4703000000-075}{025(01)-87}$ 47-86

© Переводы на русский язык,
комментарий.
Издательство «Искусство», 1987 г.

DANGEROUS CORNER

A Play
1932

Опасный поворот

Пьеса

Перевод В. Метальникова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

РОБЕРТ КЭПЛЕН.

ФРЕДА КЭПЛЕН.

БЕТТИ УАЙТХАУЗ.

ГОРДОН УАЙТХАУЗ.

ОЛУЭН ПИИЛ.

ЧАРЛЗ ТРЭВОР СТЭНТОН.

МОД МОКРИДЖ.

*Место действия — гостиная в доме Кэпленов
в Чантбари Клоз. Время — после обеда.
Декорация — одна на все три действия.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Занавес поднимается — на сцене темно. Раздается приглушенный выстрел из револьвера, сразу же за ним — женский крик, и наступает мертвая тишина. После короткой паузы слышится несколько ироничный голос Фреды: «Ну-с, вот и все!» — и зажигается свет над камином, освещающий гостиную. Фреда стоит у камина: это молодая, красивая, жизнерадостная женщина, лет тридцати. Перед камином сидит Олуэн, интересная брюнетка, одних лет с Фредой. Невдалеке от нее, растянувшись на кушетке, лежит Бетти, молоденькая и очень хорошенькая женщина. Посреди комнаты, удобно устроившись в кресле, сидит мисс Мокридж — писательница, элегантная, средних лет, с типичной для женщин ее профессии внешностью. Все они в вечерних туалетах и, очевидно, только что слушали радиопередачу (радиоприемник стоит тут же на столе), ожидая мужчин, задержавшихся в столовой. Фреда собирается подойти к приемнику, чтобы выключить его, — в этот момент раздается типично дикторский голос.

Диктор. Вы только что прослушали пьесу в восьми картинах «Спящий пес!», написанную специально для нас Хэмфри Стотом.

Фреда (*медленно подходя к радио*). Вот и все. Надеюсь, вам не было скучно, мисс Мокридж?

Мисс Мокридж. Ничуть.

Бетти. Не люблю этих пьес, с их нудными разговорами. Мне,

как и Гордону, больше нравится танцевальная музыка. Фреда (*выключая приемник*). Вы знаете, мисс Мокридж, всякий раз, когда мой брат Гордон навещает сюда, он изводит нас танцевальной музыкой по радио.

Бетти. Я обожаю выключать все эти торжественные, напыщенные разглагольствования — вот так, взять и оборвать их.

Мисс Мокридж. Как называлась эта пьеса?

Олуэн. «Спящий пес!».

Мисс Мокридж. При чем тут пес?

Бетти. А при том, что не надо мешать лгать.

Фреда. Кому — мешать лгать?

Бетти. Ну, как же, все они врут, так ведь? И ввали.

Мисс Мокридж. Сколько сцен мы пропустили?

Олуэн. Кажется, пять.

Мисс Мокридж. Представляю, сколько же вранья было в этих сценах. Понятно, отчего этот человек так обзвизгивался. Я имею в виду мужа.

Бетти. Но который же из них был мужем? Не тот ли, что говорил таким гнусавым голосом, точно у него полипы в носу?

Мисс Мокридж (*живо*). Да, тот самый, с полипами, он-то взял и застрелился. Жаль.

Фреда. Из-за полипов.

Мисс Мокридж. И из-за полипов — жаль!

Все смеются. В этот момент из столовой доносится приглушенный мужской смех.

Бетти. Послушайте только этих мужчин.

Мисс Мокридж. Смеются, наверное, над какой-нибудь непристойностью.

Бетти. Куда там, просто сплетничают. Мужчины обожают сплетничать.

Фреда. Еще бы.

Мисс Мокридж. Ну и пусть их, на здоровье! Люди, не любящие сплетен, обычно не интересуются своими ближ-

ними. Я очень хотела бы, чтобы мои издатели любили посплетничать.

Бетти. При этом мужчины делают вид, что заняты делом. Фреда. У наших теперь прекрасный предлог для сплетен: все трое стали директорами фирмы.

Мисс Мокридж. Ну да, разумеется. Мисс Пиил, мне кажется, вам следовало бы выйти замуж за мистера Стэнтона.

Олуэн. О, зачем же?

Мисс Мокридж. Для полноты картины. Тогда здесь были бы три супружеские пары, обожающие друг друга. Я все время думала об этом за обедом.

Фреда. Что, попались, Олуэн?

Мисс Мокридж. Я сама бы не прочь за него выйти, чтобы только стать одним из членов вашего очаровательного кружка. Вы удивительно миленькая маленькая компания.

Фреда. Мы?

Мисс Мокридж. А разве нет?

Фреда (*чуть-чуть насмешливо*). «Миленькая маленькая компания». Как это ужасно!

Мисс Мокридж. Ничуть не ужасно. Просто прелестно.

Фреда (*улыбаясь*). Звучит несколько слащаво.

Бетти. Да. Смахивает на Диккенса или рождественские открытки.

Мисс Мокридж. И ничего в этом нет плохого. В наш век это даже чересчур хорошо и не похоже на правду.

Фреда (*видимо, забавляясь ее тоном*). Да неужели?

Олуэн. Я не знала, что вы такая пессимистка, мисс Мокридж.

Мисс Мокридж. Не знали? Тогда вы, видимо, не читаете отзывов на мои книги, а следовало бы, поскольку вы работаете у моих издателей. Я пожалуюсь на это моим трем директорам, когда они вернутся. (*С коротким смехом.*) Разумеется, я пессимистка. Но не поймите меня превратно. Я только хотела сказать, что у вас тут чудесно!

Фреда. Да, здесь довольно мило. Нам посчастливилось.

Олуэн. Здесь восхитительно. Ненавижу уезжать отсюда. (*Мисс*

Мокридж.) Знаете, я теперь занята в городской конторе издательства... не так, как прежде, когда я работала здесь, в типографии. Но я приезжаю сюда при малейшей возможности.

Мисс Мокридж. Я вас вполне понимаю. Должно быть, удивительно приятно жить вот так — всем вместе.

Бетти. Да, неплохо.

Мисс Мокридж (Фреде). Но мне почему-то кажется, вам всем не достает вашего деверя. Он ведь тоже часто приезжал сюда к вам?

Фреда (которой это замечание явно неприятно). Вы говорите о Мартине, брате Роберта?

Мисс Мокридж. Да, о Мартине Кэплене. Я в то время была в Америке и так толком и не поняла, что же с ним случилось. Похоже, что-то ужасное?

Неловкое молчание — Бетти и Олуэн смотрят на Фреду.

(Переводит взгляд с одной на другую.) О, кажется, это был бестактный вопрос. Со мной всегда вот так.

Фреда (очень спокойно). Нет,нисколько. Это было большим потрясением для нас в свое время, но теперь немного улеглось. Мартин застрелился. А случилось все почти год назад, точнее, в июне прошлого года, но не здесь, а в Фоллоус-Энде, в двадцати милях отсюда. Он там снимал коттедж.

Мисс Мокридж. О да, это ужасно. Мне кажется, я видела его всего раза два. Помню, я нашла его чрезвычайно интересным и очаровательным. Он ведь был очень красив собой, не правда ли?

Входят Стэнтон и Гордон. Стэнтону — около сорока, манера обращения его несколько нарочитая, речь слегка ироническая. Гордон — молодой человек лет двадцати с небольшим, очень симпатичный, хотя и несколько неуравновешенный.

Олуэн. Да, очень красив.

Стэнтон (*со снисходительной улыбкой*). Кто это очень красив?

Фреда. Успокойтесь, не вы, Чарлз.

Стэнтон. А можно узнать кто или это большой секрет?

Гордон (*беря Бетти за руку*). Они говорили обо мне, Бетти, почему ты позволяешь им так грубо лстыть твоему мужу? И тебе не стыдно, моя милая?

Бетти (*держа его за руку*). Мой дорогой, я убеждена, что ты слишком горячо сплетничал и выпил лишнего. У тебя лицо пунцовое и даже припухло, ну совсем преуспевающий финансист.

Входит Роберт. Ему немного больше тридцати. Он может служить образцом здорового, привлекательного мужчины. Можно не всегда с ним соглашаться, но все же он невольно будет внушать вам симпатию.

Роберт. Простите, что запоздал, но всему виною твой проклятый щенок, Фреда.

Фреда. О, что он еще натворил?

Роберт. Пытался сожрать рукопись нового романа Сони Вильям. Я боялся, что его стошнит. Вы видите, мисс Мокридж, как мы отзываемся о вас, авторах.

Мисс Мокридж. Я уже привыкла. Я говорила только что, какой очаровательный, тесный кружок составляете все вы.

Роберт. Мне чрезвычайно приятно, что вы так думаете.

Мисс Мокридж. Я нахожу, что вам очень посчастливилось.

Роберт. Да, так оно и есть.

Стэнтон. Тут дело не в счастье, мисс Мокридж. Видите ли, случилось так, что мы все оказались людьми с легким, уживчивым характером.

Роберт (*шутливо, пожалуй, — слишком шутливо*). Кроме Бетти — у нее характер бешеный.

Стэнтон. Это потому, что Гордон недостаточно часто колотит ее!

Мисс Мокридж. Ну, видите, мисс Пиил, мистер Стэн-
тон по-прежнему циничный холостяк, боюсь, он вам портит
всю музыку.

Стэнтон. Мисс Пиил теперь никак не может повлиять —
она перевелась в Лондонскую контору и совсем нас поки-
нула.

Олуэн. Я приезжаю сюда очень часто, так часто, как меня
приглашают.

Гордон. Но для чего? Чтобы видеть меня или Роберта, —
этого мы еще не можем решить. Во всяком случае, наши
жены уже начинают ревновать.

Бетти (*смеясь*). И страшно!

Гордон (*принимаясь крутить радио*). Что сегодня передают?
Кто знает?

Фреда. О, пожалуйста, Гордон, не включай радио. Мы толь-
ко что его выключили.

Гордон. А что вы слушали?

Фреда. Конец какой-то пьесы.

Олуэн. Под названием «Спящий пес!».

Стэнтон. Что за название?

Мисс Мокридж. Мы толком не поняли — что-то о лжи
и каком-то господине, который застрелился.

Стэнтон. Ну и шутники на радиостанции.

Олуэн (*которая, видимо, о чем-то думала*). Послушайте, мне
кажется, я поняла, в чем было дело в пьесе. Спящий пес —
это правда, и человек — ну, этот муж — непременно хо-
тел потревожить ее, разбудить пса.

Роберт. Ну что же, он поступил совершенно правильно.

Стэнтон. Вы полагаете? Любопытно. Я нахожу, что это
глубокая мысль: правда — спящий пес.

Мисс Мокридж (*не обращая внимания на его слова*).
Действительно, мы слишком много времени тратим на то,
чтобы лгать, как словами, так и поступками.

Бетти (*с видом наивного ребенка*). Но это же совершенно
неизбежно. Я всегда привираю, целый день только это и
делаю.

Гордон (*по-прежнему возясь с радио*). Именно так, моя дорогая, именно.

Бетти. В этом весь секрет моего обаяния.

Мисс Мокридж (*несколько нетерпеливо*). Очень возможно. Но мы подразумевали нечто более серьезное.

Роберт. Всерьез или в шутку, но я всегда стою за то, чтобы все выходило наружу. Так лучше.

Стэнтон. Мне кажется, говорить правду все равно что делать поворот на скорости шестьдесят миль в час.

Фреда (*с каким-то загадочным или даже злым оттенком в голосе*). А в жизни столько опасных поворотов, не так ли, Чарлз?

Стэнтон (*как бы вступая в пререкания с ней или с кем-то другим из присутствующих*). Да, бывает — если только не уметь выбрать правильного пути. Лгать или не лгать — что вы об этом скажете, Олуэн? У вас страшно глубоко-мысленный вид.

Олуэн (*очень серьезно*). Я с вами согласна. Мне кажется, говорить все, до конца, крайне опасно. Дело в том, что... бывает правда и правда.

Гордон. Точно: правда правде рознь.

Стэнтон. Да помолчите вы, Гордон. Продолжайте, Олуэн.

Мисс Мокридж. Да, да, продолжайте.

Олуэн (*задумчиво*). Мне кажется... настоящая правда... то есть все, все до малейшей мелочи, без всякой утайки... была бы не страшна. Я имею в виду высшую, истинную правду. Но что в обычной жизни подразумевается под правдой и что этот человек в радиопередаче подразумевал под ней — только половина правды. Из нее не узнать, что происходит в душе у каждого. Вас попросту знакомят с рядом фактов, которые до того были скрыты... и очень хорошо, что были скрыты. Такая истина — предательская штука.

Гордон. Да, вроде той гнусности, которую стараются вытянуть из человека в суде: «Где вы находились в ночь на

двадцать седьмое ноября прошлого года?.. Отвечайте только «да» или «нет».

Мисс Мокридж (*которая явно хочет вызвать присутствующих на спор*). Вы меня не убедили, мисс Пиил. Но готова приветствовать то, что вы называете полуправдой, то есть факты.

Роберт. Я тоже. Я полностью стою за это.

Фреда (*каким-то загадочным тоном*). Ты так полагаешь, Роберт?

Роберт. Что ты хочешь этим сказать?

Фреда (*беззаботно*). Да так, ничего. Давайте поговорим о чем-нибудь более веселом. Кто желает выпить? Налей же, Роберт. И предложи папиросы.

Роберт (*заглядывая в папиросницу, стоящую на столе*). Здесь нет больше папирос.

Фреда. В этой есть. (*Беря со стола музыкальную шкатулку для папирос.*) Мисс Мокридж, Олуэн, хотите? (*Протягивает шкатулку.*)

Олуэн (*рассматривая шкатулку*). О, я помню эту шкатулку. Она играет мелодию, когда открываешь крышку. Я даже вспоминаю мотив. Да, кажется, «Свадебный марш»? (*Открывает шкатулку, вынимает папиросу, слышится нежная мелодия «Свадебного марша».*)

Роберт. Хорошо, не правда ли?

Фреда (*закрывая шкатулку*). Вы не могли помнить этой шкатулки. Я сегодня впервые ее достала. Она принадлежала... одному постороннему человеку.

Олуэн. Она принадлежала Мартину, не так ли? Он мне ее показывал.

Небольшое молчание. Обе женщины пристально смотрят друг на друга.

Фреда. Он не мог вам ее показывать, Олуэн. У него ее еще не было, когда вы его видели в последний раз.

Стэнтон. Откуда вы знаете, что ее у него не было, Фреда?

Фреда. Неважно. Я это знаю. Мартин не мог вам показывать этой шкатулки, Олуэн.

Олуэн. Вы думаете? *(Смотрит многозначительно на Фреду, затем совсем другим тоном.)* Да, может быть, и не мог. Я, наверное, что-нибудь спутала. Должно быть, видела похожую где-нибудь еще, а приписала ее покойному Мартину — он обожал такие вещи.

Роберт. Олуэн, я, может, буду невежлив, но уверен, вы не посетуете. Вы только что, вдруг, прекратили говорить правду и хорошо осознаете это. Вы ведь совершенно уверены, что это та коробка, которую вам показывал Мартин, точно так же как Фреда убеждена в противном.

Олуэн. Ну, допустим, а какое это имеет значение?

Гордон *(возясь с радио)*. Ни малейшего. Я все пытаюсь поймать какой-нибудь фокстрот, но эта машинка вдруг решила забастовать.

Роберт *(с раздражением)*. Да оставь ты ее в покое.

Бетти. Чего вы кричите на Гордона?

Роберт. Ну, хорошо, тогда сами остановите его. Нет, Олуэн, я не думаю, что это имеет значение, но после того, что мы говорили, невольно задумываешься, что ситуация довольно любопытная.

Мисс Мокридж *(с нетерпеливым любопытством)*. Как раз то, что я думала. Действительно, очень любопытно. Пожалуйста, расскажите нам всю правду об этой музыкальной папироснице.

Фреда. Все очень просто...

Олуэн. Одну минуточку, Фреда. Я вовсе не уверена, что все так просто, но, кажется, теперь это и не так важно.

Фреда. Я вас не понимаю.

Роберт. Я тоже. Сначала вы говорите, что это не та шкатулка, а теперь — что все совсем не так просто, и напускаете таинственного туману. Мне кажется, вы что-то скрываете, и это совсем на вас не похоже. Или эта шкатулка принадлежала Мартину, или нет...

Стэнтон (*со свойственным ему грубоватым добродушием*).
Далась вам эта чертова шкатулка.

Бетти	}	О, Чарлз, нам хотелось бы
Мисс Мокридж		(<i>вместе</i>). послушать.
		Но, мистер Стэнтон...

Стэнтон. Извините, но я ненавижу эти играющие шкатулки.
В особенности с такой музыкой. Забудем о ней.

Гордон (*с внезапным оттенком горечи*). И о Мартине, кстати. Его уже нет на свете, а мы все сидим здесь и нам тепло и уютно — такой очаровательной, милой компанией.

Роберт. Прекрати, пожалуйста, Гордон.

Гордон. Не будем упоминать о Мартине или думать о нем.
Это неуместно. Он умер.

Фреда. Незачем из-за этого разводить истерику, Гордон. Слушая тебя, можно подумать, что Мартин являлся твоей личной собственностью.

Бетти. На самом-то деле Мартин никому не принадлежал.
Он принадлежал только себе и был не так глуп.

Роберт (*внезапно пробуждаясь от задумчивости*). Что все это значит, Бетти?

Бетти (*со смехом*). Это значит, что я говорила ерунду, а вы все несете страшную чушь, и я рискую каждую минуту получить мигрень.

Роберт. И это все?

Бетти. А разве этого недостаточно? (*Смотрит на него с улыбкой.*)

Роберт. Продолжай дальше, Фреда.

Фреда. Я бы хотела, чтобы ты не был столь безрассудно настойчив, Роберт. А со шкатулкой не очень просто. Она попала к нам вместе с некоторыми другими вещами Мартина из его коттеджа. Я спрятала ее и сегодня впервые извлекла. Между тем Олуэн была в коттедже в Фоллоус-Энде в последний раз в ту субботу, когда мы все там были... вы помните, в самом начале июня.

Гордон (*со сдерживаемым, но сильным волнением*). Еще бы!

Конечно. Какой был день! И чудесная ночь, не правда ли? Мы долго сидели в саду, и Мартин нам рассказывал о своих смешных, напыщенных соседях, с которыми жил в Корнуэлле...

Бетти. Да, и о долговязой, сухопарой леди, которая все спрашивала обо всех: «Это человек нашего круга?»

Гордон (*вполне искренне*). У меня не было другого такого счастливого дня, и нам такого уже не видать.

Роберт. Да, это был дивный день. Хотя я никогда не думал, что ты будешь так переживать.

Фреда. Ни ты и никто другой таких переживаний и предположить не мог. Похоже, Гордон решил биться в истерику всякий раз при упоминании имени Мартина.

Бетти. Мне кажется, все дело в крепком брэнди. Неудивительно, при таких огромных рюмках. Вино ударило ему в голову.

Гордон. А куда ему еще, по-твоему, надлежало ударить?

Роберт (*Фреде*). Так, стало быть, ты утверждаешь, что в ту субботу в начале июня Олуэн в последний раз посетила коттедж Мартина?

Фреда. Да, и я знаю, что у него тогда еще не было этой папиросницы.

Роберт. Он бы нам ее показал, будь она у него. И действительно, я не помню, чтобы когда-нибудь видел эту вещь у него в коттедже. Ну а вы, Олуэн?

Олуэн (*с неопределенной улыбкой*). Что — я?

Роберт. Черт возьми, вы-то что можете сказать?

Олуэн (*снисходительно улыбаясь*). Вы настоящий ребенок, Роберт. Надеюсь, я не на скамье подсудимых или лавке для свидетелей.

Мисс Мокридж. О, нет, нет, пожалуйста. Не обманывайте наших ожиданий.

Бетти. Вы же знаете, Олуэн, приезд в коттедж к Мартину в субботу был не последним вашим посещением этого дома. Вы разве не помните, как мы с вами в следующее воскре-

сенье, после обеда, ездили туда, чтобы поговорить с Мартином относительно этих маленьких гравюр?

О л у з н. Помню.

Р о б е р т. Да, правильно.

Б е т т и. Но я не помню, чтобы он нам показывал эту папиросницу. Я ее действительно никогда раньше не видела.

С т э н т о н. А я не видел ее и видеть не хочу. Никогда не слышал, чтобы подымалось столько шума из ничего.

Ф р е д а. Я бы не была столь категорична, как вы, Чарлз. К тому же могу сообщить — хотя бы только для того, чтобы покончить с этим, — Мартин никак не мог показывать этой папиросницы в воскресенье, потому что ее у него тогда еще не было.

С т э н т о н (*не без некоторого ехидства*). Похоже, вам очень многое известно относительно этой коробки, Фреда?

Г о р д о н. Это как раз то, что я хотел сказать. Откуда такая осведомленность?

Б е т т и (*торжествующе*). Я знаю откуда. (*Фреде.*) Вы ее ему подарили.

Все смотрят на Фреду.

Р о б е р т. Это правда, Фреда?

Ф р е д а (*невозмутимо*). Да, я ее ему подарила.

Р о б е р т. Странно! Я хочу сказать, странен не сам по себе подарок какой-то папиросницы — почему бы тебе и не подарить. Странно, что ты никогда об этом не упоминала. Когда ты ему ее подарила? Где раздобыла?

Ф р е д а (*по-прежнему с полным самообладанием*). Это тоже все очень просто. Помнишь день накануне той ужасной субботы? Ты был тогда в городе, и я приехала туда на один день. Там-то я случайно и увидела эту шкатулку в антикварном магазине. Мне она показалась занятой и стоила довольно дешево, я и купила ее для Мартина.

Р о б е р т. Магазины сам отправил ее Мартину в Фоллоус-Энд — так, что ли? Поэтому он не мог получить ее раньше той роковой субботы?

Ф р е д а. Да.

Роберт. Тогда понятно.

Гордон. Прошу прощения, Фреда, но все это совсем не так очевидно, как вы говорите. Вы не должны забывать, что я как раз был у Мартина в коттедже утром в ту субботу.

Роберт. Ну, так что же?

Гордон. А то, что я был там в то время, когда с почты вместе с письмами пришли посылки. Помню, Мартин получил посылку с книгами от Джека Брукфильда, — я не могу забыть ни одной подробности того утра, да и вы бы не забыли, доведись вам пройти через этот проклятый допрос, как мне, — но шкатулки там не было.

Фреда. Наверно, ее прислали не с утренней, а с дневной почтой, только и всего. Какая разница?

Гордон. Конечно, никакой, дорогая Фреда, за исключением лишь той маленькой разницы, что в Фоллоус-Энд посылки никогда не приходят с дневной почтой.

Фреда. Нет, приходят.

Гордон. Нет.

Фреда (*резко*). Откуда вы знаете?

Гордон. Потому что Мартин всегда ворчал по этому поводу и жаловался, что вечно получает книги и рукописи с опозданием на день. Эта папиросница не была прислана утром, я сам присутствовал при вскрытии почты, ее не могли доставить и с дневной почтой. Фреда, я не верю, что магазин вообще когда-нибудь отправлял эту шкатулку. Вы сами свезли ее Мартину. Так ведь было?

Фреда (*в порыве раздражения*). Вы просто глупы, Гордон.

Гордон. Возможно. Но не забывайте, не я это все начал. И все же, ведь вы привезли ее Мартину?

Роберт. Правда это?

Фреда (*быстро опомнившись, сдержанно*). Ну, что же, если вам так хочется знать, — да, я привезла.

Роберт. Фреда!

Гордон. Я так и полагал.

Роберт (*пораженный*). Но, Фреда, если ты отправилась в коттедж, чтобы вручить Мартину шкатулку, уже после ухо-

да оттуда Гордона, ты должна была видеть Мартина позже, чем кто бы то ни было, то есть за несколько часов до того, как он... как он покончил с собой.

Фреда. Да. Я видела его в промежутке между дневным чаем и обедом.

Роберт. Но почему ты раньше ничего об этом не говорила? Почему не выступила в качестве свидетельницы? Ты могла бы дать показания.

Фреда. Да, могла, но ради чего? Кому это пошло бы на пользу? Достаточно неприятно было и то, что Гордону пришлось пройти через это...

Гордон. Это было ужасно!..

Фреда. Если б я могла помочь Мартину, я бы это сделала. Но это никому не могло принести пользы.

Стэнтон. Верно. Вы были совершенно правы.

Роберт. Да, это я могу понять. Но отчего ты мне ничего не сказала? Почему скрыла, почему скрывала до сих пор, — ты ведь была последним человеком, который разговаривал с Мартином.

Фреда. А разве я была последней?

Роберт. Очевидно.

Фреда. Ну а как же тогда Олуэн?

Роберт. Олуэн... ах да, папиросница!

Фреда. Да, именно, — папиросница. Мартин получил ее только после чая в ту субботу, а Олуэн призналась, что он показывал эту папиросницу ей.

Бетти (*которой явно неприятно все это разбирательство*). Ничего подобного, она сказала лишь, что видела, возможно, похожую, и я предлагаю поверить ей и покончить с разговорами.

Мисс Мокридж. Нет, нет, миссис Уайтхауз.

Бетти. Нет, да. А то чем дальше, тем все хуже и хуже.

Стэнтон. И я поддерживаю предложение покончить с этим.

Роберт. А я — нет!

Бетти. Но, Роберт...

Роберт. Мне очень жаль, Бетти... и хотя к вам это не

имеет отношения и никак не может затронуть... но Мартин был моим братом и мне не нравится весь этот туман. Я имею право знать все.

Олуэн. Хорошо, Роберт. Но вам обязательно знать все теперь?

Фреда (*холодно*). Я лично не вижу в этом необходимости. Как не видела необходимости и в том, чтобы меня допрашивали для явного развлечения всех присутствующих. Но поскольку теперь ваша очередь, Олуэн, я не сомневаюсь, что Роберт будет не столь суров.

Роберт. Не понимаю, зачем ты это говоришь, Фреда.

Олуэн. Я уверена, что вы не понимаете этого, Роберт.

Фреда (*теперь наступила ее очередь допрашивать*). Вы могли бы кое-что прояснить, Олуэн. Вы говорили, что Мартин показывал вам папиросницу, не так ли? В таком случае вы должны были видетсья с ним и быть в коттедже в ту самую субботу вечером.

Олуэн. Да, он мне показывал шкатулку. Это было после обеда, около девяти часов вечера... в ту самую субботу.

Роберт (*совершенно потрясенный*). И вы тоже были там? Но это же безумие! Сначала Фреда, потом вы. И ни одна из вас словом не обмолвилась об этом.

Олуэн. Простите меня, Роберт. Но я просто была не в силах.

Роберт. Но что вы там делали?

Олуэн. Я была в большой тревоге из-за одной вещи... одного обстоятельства, о котором слышала... это преследовало и мучило меня несколько дней подряд, и наконец я просто не могла вынести, почувствовала, что должна видеть Мартина, чтобы выяснить все. Я поспешила в Фоллоус-Энд. По дороге я перекусила и прибыла в коттедж как раз около девяти. Никто не видел, как я входила, и никто не видел, как выходила, — вы ведь знаете, какое это пустынное место. А затем я, так же как и Фреда, решила: кому на пользу мое свидетельство — никому, и промолчала. Вот и все.

Роберт. Нет, вы не можете на этом поставить точку. Вы

были, вероятно, последним человеком, с которым говорил Мартин, и должны что-нибудь знать о нем.

Олуэн (*устало*). Все это было и прошло. Оставим бывшее в покое. Прошу вас, Роберт. (*Другим тоном.*) Кроме того, я уверена — мы, должно быть, изрядно надоели мисс Мокридж со всей этой чепухой.

Мисс Мокридж (*живо*). О, несколько, мне, напротив, очень интересно... чрезвычайно интересно.

Олуэн. Уж не собираемся ли мы, Фреда, обсуждать все это? Нечего ворошить. Все уже давно кончено.

Роберт (*охваченный грустными размышлениями; с настоятельной просьбой*). Послушайте, Олуэн, вы обязаны мне ответить на следующее... Имел ли ваш визит к Мартину в тот вечер какое-нибудь отношение к делам фирмы? Вы сказали, что чем-то были встревожены?

Фреда. О, Роберт, прошу вас.

Роберт. Простите, но я должен знать. Имело ли это какое-нибудь отношение к пропавшим пятистам фунтам?

Гордон (*запальчиво*). О, ради всего святого, не впутывайте сюда эти деньги. Никто из нас не хочет еще раз касаться всего этого. Мартина уже нет на свете. Оставьте его в покое, прошу вас, и прекратите разговор об этих проклятых деньгах.

Фреда. Гордон, успокойтесь. Вы ведете себя сегодня точно истеричный ребенок. (*Мисс Мокридж.*) Простите, пожалуйста.

Гордон (*бормочет*). Присоединяюсь. Очень прошу извинить меня, мисс Мокридж.

Мисс Мокридж (*вставая*). Нет, нет, что вы! Но мне кажется, мы уже припозднились.

Фреда. Несколько.

Роберт. Нет, еще рано...

Мисс Мокридж. Паттерсоны сказали, что пришлют за мной машину. Приехала она, вы не знаете?

Роберт (*идя к двери*). Приехала. Я слышал ее, когда мы

выходили из столовой, и сказал шоферу, чтобы подождал на кухне. Я его сейчас велю позвать.

Фреда (*вполне сознавая иронию произносимых ею слов*). Неужели вы нас уже покидаете?

Мисс Мокридж. Да, кажется, мне действительно пора. Отсюда до Паттерсонов по крайней мере полчаса езды, и не думаю, чтобы они были очень довольны, если я слишком долго задержу их машину и шофера. (*Пожимая руку Фреды*.) Очень, очень вам благодарна. (*Пожимая руку Олуэн*.) Так приятно было опять увидеть вас всех вместе — вы составляете такое очаровательное общество. (*Пожимая руку Бетти*.) До свидания, миссис Уайтхауз. До скорого свидания. (*Прощается со Стэнтоном*.)

Фреда (*идя к двери*). Мне кажется, вы забыли шаль у меня в комнате. Я вам ее сейчас принесу.

Мисс Мокридж (*у двери*). До свидания.

Все. До свидания.

Фреда (*уходя*). Я слышала, что вы очень приятно провели время в Америке...

Обе женщины уходят и закрывают за собой дверь. Олуэн начинает рассматривать книги на полках. Бетти подходит к роялю и берет папироску из коробки, стоящей на нем. Стэнтон, вздохнув с облегчением, наливает себе виски.

Гордон. Слава тебе господи, легче дышать стало.

Бетти. Да уж — слава создателю. Мне очень жаль, но я не переношу этой женщины. Она слишком напоминает мне школьную преподавательницу геометрии.

Стэнтон. Что-то мне всегда была подозрительна ваша геометрия, Бетти. Хотите налью, Гордон?

Гордон. Нет, спасибо.

Стэнтон. Очень странно, но Мокридж совсем не плохая писательница. Я не хочу сказать, что ее книги раскупаются нарасхват, но все-таки она недурно пишет. И почему это в хороших писателях всегда есть что-то неприятное?

Гордон. Этого я не знаю. Но никак не нахожу Мод Мокридж хорошей писательницей, Стэнтон.

Бетти. Я уверена, что она страшная сплетница.

Стэнтон. Не отрицаю. Она известна этим. Вот почему дамам следовало бы при ней помолчать. Она-то уж сумеет приукрасить и раздуть эту историю с папиросницей — в течение какой-нибудь недели пустит гулять ее по всему Лондону. Паттерсоны, для начала, услышат ее сегодня же вечером. Для нее было, наверное, мукой уйти на самом интересном месте.

Гордон. Она бы не ушла, если б надеялась что-нибудь еще услышать. Но и так услышала достаточно, чтобы развернуться. *(Со смехом.)* Наверное, уже завтра с утра засядет за новый роман, и все мы будем в нем фигурировать.

Бетти *(решительно)*. Ей придется немало напрячь свое воображение в отношении меня.

Стэнтон. И меня тоже. По всей вероятности, нам с вами, Бетти, она припишет самые гнусные пороки.

Бетти *(смеясь)*. Ну, знаете, с тем, что она слышала, ей многого сделать не удастся. В конце концов, почему бы Фреде не привезти Мартину в подарок папиросницу и почему бы Олуэн не отправить его проведать?

Олуэн *(перелистывая книгу, лениво)*. Да, именно, почему бы и нет?

Бетти. О, я совсем забыла, что вы тут, Олуэн. Можно мне спросить вас кое о чем? В конце концов, мне кажется, я еще никого до сих пор ни о чем не спрашивала?

Олуэн. Можете спросить. Впрочем, не обещаю, что отвечу.

Бетти. Я все-таки рискну. Были вы влюблены в Мартина, Олуэн?

Олуэн *(твердо)*. Ни капельки.

Бетти. Я так и думала, что нет.

Олуэн. По правде сказать, если быть совершенно откровенной, он был мне, скорее, неприятен.

Бетти. Я так и предполагала.

Гордон. Вздор. Никогда этому не поверю. Вы не могли не

любить Мартина. Никто не мог. Я не хочу сказать, что он был лишен недостатков и так далее, но в отношении него это и несущественно. Он был особенным человеком. Нельзя было не любить его. Он был Мартином — и этого достаточно.

Бетти. Другими словами, — вашим богом, мой друг. Вы знаете, Гордон буквально обожал его. Разве не так, мой дорогой?

Стэнтон. Нужно сказать, он мог быть обворожительным. Во всяком случае, был очень умен. Должен признаться: без него фирма уже никогда не будет тем, чем была.

Гордон. Не думаю!

Бетти (*чуть насмешливо*). Ну, еще бы!

Олуэн ставит книгу на место. Входит Роберт, идет к столу, наливает себе виски. Затем входит Фреда, берет папироску из коробки и закуривает.

Роберт. Ну-с, теперь мы можем внимательно разобраться во всем.

Олуэн. О нет, прошу вас, Роберт!

Роберт. Простите, Олуэн, но я желаю знать правду. Во всем этом есть что-то очень странное. Сначала Фреда едет к Мартину — и ни слова не говорит об этом. Затем вы, Олуэн, тоже едете к нему — и тоже ни словом не обмолвились. Не очень пристойно получается. Почему-то вы обе это скрывали. Может, вы скрываете еще что-нибудь? Мне кажется, настало время кому-то из нас, для разнообразия, начать говорить правду.

Фреда. А ты всегда говоришь правду, Роберт?

Роберт. Во всяком случае, стремлюсь к этому.

Стэнтон (*иронически*). Какое благородство. Но не требуйте от нас, простых смертных, слишком многого. Имейте снисхождение к нашим слабостям.

Фреда (*с внезапной подозрительностью*). Каким слабостям?

Стэнтон (*пожимая плечами*). Да каким угодно, дорогая

Фреда. Например, к приобретению музыкальных папиросниц. Я уверен, это тоже своего рода слабость.

Фреда (*вкладывая тайный смысл в свои слова*). Или к тому, чтобы по-разному использовать возможности, предоставляемые маленькими деревенскими коттеджами? Мне кажется, при некоторых обстоятельствах это тоже может считаться слабостью.

Стэнтон. Вы говорите о коттедже Мартина? Я почти там не бывал.

Фреда. Нет, я не думала о коттедже Мартина. Я думала о чем-то другом коттедже, — может быть, о вашем.

Стэнтон (*посмотрев на нее пристально*). Боюсь, что я вас не понимаю.

Роберт (*выведенный из терпения*). Послушайте, что все это значит? Теперь вы, Стэнтон, начинаете, что ли?

Стэнтон. Конечно, нет. (*Смеется.*)

Роберт. Ну-с, прекрасно. Я желаю выяснить всю эту историю с Мартином до конца. И хочу сделать это теперь же.

Гордон. О боже! Это что же, будет новое дознание?!

Роберт. В нем не было бы необходимости, если бы мы услышали немного больше правды во время следствия. Прежде всего это касается вас, Олуэн. Вы были последним человеком, кто видел Мартина. Зачем вы отправились на свидание с ним? Касалось ли это пропавших денег?

Олуэн. Да, касалось.

Роберт. Вы знали тогда, что Мартин их взял?

Олуэн. Нет.

Роберт. Но вы предполагали, что он взял?

Олуэн. Я предполагала, что он мог это сделать.

Гордон (*с горечью*). Вы все как-то удивительно охотно готовы были поверить этому.

Бетти (*очень настойчиво*). Гордон, я хочу домой.

Роберт. Так скоро, Бетти?

Бетти. У меня будет отчаянная мигрень, если останусь дольше. Надо домой... в постель.

Гордон. Хорошо. Еще одну минуточку.

Стэнтон. Я провожу вас, Бетти, если Гордон желает остаться.

Бетти (*подходя к Гордону*). Нет, я хочу, чтобы Гордон поехал со мной.

Гордон. Хорошо. (*Поднимаясь*.) Я иду с тобой. Но подожди минуточку.

Бетти (*с внезапным, почти истерическим криком*). Я тебе говорю, что хочу уехать сейчас же. Отвези меня.

Роберт. Но почему, что случилось, Бетти?

Бетти. Не знаю. Я, вероятно, просто глупа.

Гордон. Ну, прекрасно. Едем. (*Идет за ней*.)

Фреда встает.

Стэнтон. Я тоже поеду с вами.

Роберт. Бетти, мне ужасно неприятно, что все это расстроило вас. Я знаю, что происшедшее вас совершенно не касается, но все же...

Бетти (*отгалкивая его и устремляясь к двери*). Ах, пожалуйста, не продолжайте, не продолжайте дальше. Почему вы не можете оставить всего этого в покое? (*Выбегает, с силой захлопывая за собой дверь*.)

Гордон (*у двери*). Ну что ж, спокойной ночи всем.

Стэнтон (*идя к двери*). Я провожу этих младенцев и тоже поеду.

Олуэн (*иронически*). Очень мило с вашей стороны.

Стэнтон (*угрюмо улыбаясь*). Спокойной ночи. (*Уходит*.)

После его ухода трое оставшихся придвигаются ближе к камину и друг к другу, — в комнате сразу становится интимнее и уютнее.

Роберт. А теперь, Олуэн, вы можете мне рассказать с полной откровенностью, почему вы кинулись искать Мартина из-за пропавших денег.

Олуэн. Ну что ж, теперь будем правдивы или как?

Роберт. Я очень хочу этого.

Олуэн. А как вы, Фреда?

Фреда (*несколько усталым голосом*). Да, да, конечно, мне все равно. Какое это имеет значение.

Роберт (*вновь удивленно*). Станный ответ.

Фреда. Ты находишь? Что же, иногда и я бываю странной, Роберт. Ты просто недостаточно знал меня.

Олуэн. Вы сами все затеяли, Роберт. Теперь ваша очередь. Будете ли вы вполне откровенны со мной?

Роберт. Боже мой! Конечно, буду. Я ненавижу все эти дурацкие тайны. Но пока не моя очередь. Я предложил вам вопрос, на который еще не получил ответа.

Олуэн. Я знаю. Но я сама хочу задать один вопрос, прежде чем ответить на ваш. Давно хотела это сделать, но никак не было случая или не осмеливалась. А сейчас мне все равно. Роберт, вы не брали этих денег?

Роберт (*пораженный*). Не брал ли я этих денег?

Олуэн. Да.

Роберт. Разумеется, нет. Вы, должно быть, не в своем уме, Олуэн.

Олуэн смеется, точно она освободилась от давившей ее большой тяжести.

Что же вы думаете, если б я взял их, я так и взвалил бы на плечи бедного Мартина весь этот позор? Но, к сожалению, Мартин взял их. Мы все это знаем.

Олуэн. Боже, какая же я была дура!

Роберт. Ничего не понимаю. Уверен, вы должны были знать, что их взял Мартин. Не могли же вы думать все время, что это дело моих рук.

Олуэн. Да, думала. И не только думала, — я терзалась этой мыслью.

Роберт. Но почему же, почему? Да, черт побери, в этом же нет никакого смысла. Я, может быть, и мог взять эти деньги — полагаю, мы все при известных обстоятельствах были бы способны на это, — но никогда в жизни не мог бы свалить

вину на кого-нибудь другого, и в особенности — на Мартина. Как вы могли подумать, что я способен на такой поступок! Я верил, что вы мой друг, Олуэн, — один из моих самых лучших старых друзей...

Фреда (*холодно и спокойно*). Пора бы наконец понять тебе, Роберт...

Олуэн (*в большом волнении*). О нет, Фреда. Прошу вас, не надо. Прошу вас.

Фреда (*очень спокойно, беря Олуэн за руку*). А почему бы и нет? (*Роберту.*) Пора бы понять тебе, Роберт, — как ты мог быть настолько слеп, это меня поражает, — понять, что Олуэн совсем не друг тебе.

Роберт. Уверен — друг.

Фреда. Вовсе нет. Она влюбленная в тебя женщина, а это большая разница. Она влюблена в тебя с незапамятных времен.

Олуэн (*в отчаянии*). Фреда, это ужасно и нечестно. Это жестоко, жестоко.

Фреда. Пусть вас это не обидит. А он хотел правды — так он ее и услышал.

Роберт. Я страшно огорчен, Олуэн. Вероятно, я был очень глуп. Мы всегда были добрыми друзьями, и я всегда очень искренне вас любил.

Олуэн. Довольно, довольно. О, Фреда, как вы только могли! Вы не имели права говорить этого.

Фреда. Но ведь это же правда? Не так ли? Ты хотел правды, Роберт, — и вот тебе правда, во всяком случае, частица ее. Олуэн влюблена в тебя целую вечность. Я точно не знаю, с какого именно времени, но наблюдаю уже полтора года. Жены, ты знаешь, всегда замечают такие вещи. Но этого мало, теперь скажу тебе то, что уже давно жаждала сказать: мне кажется, ты просто глуп, что не заметил всего этого сам, что не ответил на это чувство, не решился давно уже на какой-нибудь смелый поступок. Если тебя кто-нибудь любит столь сильно, — так, боже мой, воспользуйся

же этим, насладись этой любовью, ухватись за нее крепко, пока еще не поздно.

Олуэн (*пристально глядя на нее*). Фреда, теперь я все понимаю.

Фреда. Понимаю — что?

Олуэн. Все о вас. Мне следовало понять это раньше.

Роберт. Если вы хотите этим сказать о своем прозрении, что Фреда не слишком любит меня, — вы правы. Мы с ней не очень были счастливы. Как-то так вышло, что брак наш не удался. Никто этого не знает...

Фреда. Напротив, все знают.

Роберт. Не означает ли это, что ты обо всем им рассказала?

Фреда. Нет, конечно, я им ничего не говорила. Но если ты подразумеваешь под словом «им» тех, кто нас близко знает, наш тесный кружок, — то они не нуждаются в том, чтобы им об этом говорили.

Роберт. Но вот Олуэн только что призналась, что она впервые это поняла.

Олуэн (*мягко*). Нет, Роберт, об этом я знала раньше. Я думала совсем о другом, когда...

Роберт. Так о чем же?

Олуэн. Лучше воздержаться от объяснений. (*Отворачивается.*)

Фреда. Хотите сыграть в благородство? Можете не стараться, Олуэн, мы слишком уже далеко зашли.

Олуэн (*в тоске*). Нет, это не то. Дело в том, что... что я не могу говорить об этом. В этом для меня есть что-то ужасное. И я не могу вам сказать почему.

Фреда (*внимательно смотря на нее*). Что же — ужасное?

Олуэн. Что-то действительно ужасное. Не будем больше говорить об этом.

Фреда. Но, Олуэн...

Олуэн. Я сожалею, что сказала, что все поняла. Это у меня вырвалось. Прошу вас...

Фреда. Прекрасно. Но вам нужно еще объяснить насчет этих

денег. Вы сказали, что все время думали, будто их взял Роберт?

Олуэн. Мне казалось, что именно он должен был это сделать.

Роберт. Ну а если вы были в этом уверены, отчего же ничего не сказали?

Фреда. О, Роберт, неужели ты не уразумеешь, почему она не могла сказать!

Роберт. Намекаешь, что она меня покрывала?

Фреда. Ну разумеется.

Роберт. Олуэн, мне ужасно совестно. Я понятия не имел. Хотя нахожу совершенно невероятным — как вы могли думать, что я такой человек, и продолжать любить меня по-прежнему, никому ничего не сказав.

Фреда } Но это же совершенно естественно.

Олуэн } *(вместе)*. Вот почему я вам говорила, что мучилась этой мыслью.

Фреда *(патетично)*. Если кого-нибудь действительно любишь, то тут уж не рассуждаешь, а тот человек может делать все, что угодно, быть подлым и низким, и ты ему все простишь или даже просто не заметишь. Во всяком случае, некоторые женщины будут поступать именно так.

Роберт. Не представляю, чтобы ты так поступала, Фреда.

Фреда *(возвращаясь к своему обычному тону)*. Не представляешь? Ты очень многого обо мне не представляешь. Но вот что я хотела сказать вам, Олуэн: если вы подозревали, что Роберт взял деньги, выходит, вы знали, что Мартин их не брал?

Олуэн. Да, я была уверена — после разговора с Мартином в тот последний вечер, — что он их не брал.

Фреда *(с горечью)*. Но вы оставили нас всех в убеждении, что он это сделал.

Олуэн. Я знаю, знаю. Но это уже не могло иметь значения, не могло больше обидеть Мартина. Он был там, где уже не обижаются. И я чувствовала, что мне надо молчать.

Роберт. Молчать ради меня?

Олуэн. Да, ради вас, Роберт.

Роберт. Но ведь Мартин взял эти деньги.

Олуэн. Нет.

Роберт. Ведь из-за этого он и сделал то, что сделал. Боялся, что его изобличат. Он был ужасно нервный, он всегда... бедный малый. Он просто не мог выдержать того, что его ожидало.

Олуэн. Нет, совсем не то. Вы должны верить мне. Я полностью убеждена, что Мартин никогда не касался этих денег.

Фреда (*пылко*). Мне всегда казалось странным, что он на это пошел. Это было совсем не похоже на Мартина — пойти на мелкое жульничество с поддельным чеком. Я знаю, он мог быть бешеным, а подчас и довольно грубым. Но не мог быть расчетливым, коварным мелким воришкой. Это было совсем не в его характере. И потом, он не очень ценил деньги.

Роберт. Но тратил их порядочно. Он сильно запутался в долгах, должен тебе сказать.

Фреда. Да, но в том-то и разница. Его мало тревожили долги. Он мог быть весел и беззаботен, будучи кругом в долгу. Денежные дела не волновали его. Ты, например, не переносишь долгов. Ты совсем другой человек.

Олуэн. Да, это и было одной из причин, почему я думала, что вы...

Роберт. Да, я понимаю. Хотя сам считаю: люди, которые о деньгах не думают, которым долги безразличны, — они-то как раз, скорее всего, и способны воспользоваться чужими деньгами.

Фреда. Возможно, но не таким путем — трусливым и подлым. Это совсем не похоже на Мартина.

Роберт (*после паузы, в раздумье*). Меня интересует, Олуэн, почему вы были так уверены, что я взял деньги?

Олуэн. Почему? Да потому, что сам Мартин был в этом уверен. Он сказал мне об этом.

Роберт (*удивленно*). Мартин вам это сказал?

Олуэн. Да. Это было первое, о чем мы с ним говорили.

Роберт. Мартин полагал, что я их взял. Но он меня, кажется, знал лучше. Как он мог так думать?

Фреда. Ты тоже думал, что он вор. Ты тоже, видимо, его знал не лучше.

Роберт. Да, но тут есть разница. Тут были особые причины. И, кроме того, мне кое-что еще сообщили. Впрочем, я совсем не был уверен до конца. Только после того, как он застрелился, ко мне пришла уверенность.

Олуэн (*с растущим волнением*). Вы сказали, что вам что-то сообщили. Но ведь и Мартину тоже кое-что сообщили. То есть ему попросту сказали, что вы взяли этот чек.

Роберт (*смотря на нее*). Боже мой!

Олуэн. И знаете, кто ему сказал, что вы взяли этот чек?

Роберт. Начинаю догадываться.

Фреда. Кто?

Роберт (*с раздражением*). Стэнтон, что ли?

Олуэн. Да, Стэнтон.

Роберт. Но он же сказал, что Мартин взял чек

Фреда } О, но ведь он...

Олуэн } (*вместе*). Боже мой, он...

Роберт. Он убедительно доказал мне. При этом уверял, что не хочет выдавать Мартина, говорил о круговой поруке, связывающей нас всех.

Олуэн. Но, поймите, то же самое он говорил Мартину. И Мартин никогда бы не поделился со мной, если б не знал... ну, что я вас не выдам...

Роберт (*задумчиво*). Стэнтон...

Фреда (*решиительно*). Тогда сам Стэнтон и взял эти деньги.

Олуэн. Похоже на то.

Фреда (*тоном судебного следователя*). Уверена, что так и было. Он способен на это. Вы же видите, как он сумел обмануть Мартина и Роберта, натравив их друг на друга. Может ли быть что-нибудь отвратительнее?

Роберт (*в раздумье*). Но отсюда еще не следует, что сам Стэнтон был этим вором.

Фреда. Уверена, что был.

Роберт. Подождите. Давайте разберемся. Старик Уайтхаузу потребовались наличные деньги, и мистер Уайтхауз подписал чек на предъявителя, на сумму пятьсот фунтов. Слейтер всегда настаивал на чеках на предъявителя — одному богу, впрочем, известно почему. Чек остался лежать на столе мистера Уайтхауза. Слейтер не пришел на другой день, как обещал, а когда явился через три дня, чека на месте не оказалось. В этот промежуток времени он был предъявлен в банк и реализован. Причем это был другой банк, а не то отделение, услугами которого постоянно пользовалась фирма, так как чек был выписан на личный счет мистера Уайтхауза. Только Стэнтон, Мартин или я могли воспользоваться этим чеком — и еще милейший старый Уотсон, который никак не мог взять его. Следует отметить — никто из нас троих не был известен в этом отделении банка, но они заявили, что человек, предъявивший чек к оплате, был моего возраста или возраста Мартина. Судя по этому, они имели довольно смутное представление о наружности преступника. Но то, что они запомнили, во всяком случае, совершенно исключает Стэнтон.

Олуэн. Насколько я помню, мистер Уайтхауз не хотел, чтобы вас всех опознавали в банке.

Фреда. Нет, он слишком их всех любил и притом был слишком расстроен. К тому же в то время он был болен.

Роберт. Мне казалось, единственно, чего он хотел, так это личного признания того, кто взял деньги.

Олуэн. Он мне так и сказал.

Фреда. И мне тоже. Это очень похоже на папу. Но что тебя заставило поверить, что Мартин взял чек?

Роберт. Показания банковских служащих указывали на Мартина и на меня, но про себя-то я знал, что не брал.

Фреда (медленно). А Стэнтон сказал тебе...

Роберт. Стэнтон сказал мне, что видел, как Мартин выходил из комнаты твоего отца.

Олуэн. А Мартину — как вы выходили из той же комнаты.

Фреда (со страстным убеждением). Стэнтон сам взял эти деньги.

Роберт (в гневе). Взял ли он деньги или нет — это и придется ему разъяснить нам. (Идет к двери, открывает ее и снимает с рычага телефонную трубку.) Неудивительно, что он не одобрял нашего разговора и был рад, что может избежать его. У него на совести слишком много такого, что приходится скрывать.

Олуэн (печально). У нас у всех, похоже, на совести слишком много такого, что нам приходится скрывать.

Роберт. Ну, так на сей раз будь что будет, а мы прольем свет на все эти тайны. Стэнтон обязан дать нам объяснение. (Вызывает по телефону.) Чэнтбери, один-два.

Фреда. Когда?

Роберт. Сегодня ночью.

Фреда. Ты хочешь всех вызвать сюда обратно, Роберт?

Роберт. Да. (Звонит.) Алло, это ты, Гордон... Стэнтон у вас? Ну, так я хочу, чтобы вы оба вернулись сюда... Да, да, чем дальше, тем больше... Это чертовски важно... Да, мы все в этом заинтересованы... О, нет, конечно, нет. Мы можем обойтись без Бетти.

Фреда и Олуэн переглядываются.

Ну, превосходно. Приезжайте как можно скорее. (Вешает трубку. В передней закрывает дверь и зажигает свет у входа.) Они возвращаются.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

При поднятии занавеса Роберт, Фреда и Олуэн стоят в тех же позах, что и в конце первого действия.

Роберт. Они возвращаются.

Фреда. Все?

Роберт. Нет, кроме Бетти. Она ложится спать.

Олуэн (*с легким оттенком горечи*). Мудрая маленькая Бетти.

Роберт. Не понимаю, почему вы говорите таким тоном, Олуэн, точно Бетти от чего-то увивляет. Вам очень хорошо известно, что она не замешана в этом деле.

Олуэн. Вы так думаете?

Роберт (*встревоженно*). А что, разве нет?

Фреда (*мрачно усмехаясь*). Бедный Роберт, взгляните только на него. Так и видишь, как он убеждает себя: «Это действительно уже серьезно». Как мы все все-таки выдаем себя. Удивительно, что у нас еще есть секреты друг от друга.

Роберт. Но, черт побери, Олуэн, вы просто не имеете права задевать таким образом Бетти. Вы прекрасно понимаете, что лучше не впутывать ее в эту историю.

Олуэн. Да, конечно, мы не должны пачкать ее чистого юного воображения.

Роберт. Ну, что же, она действительно моложе нас всех — и страшно впечатлительна. Вы же видели, что было с ней как раз перед уходом. Ей была не под силу создававшаяся обстановка.

Олуэн. Но это было совсем не потому.

Роберт. Очевидно, вы не любите ее, Олуэн. Я не могу понять — почему? Она всегда так восхищалась вами!

Олуэн (*чистосердечно, без всякой насмешки*). Ну, что же, мне очень жаль, Роберт, но я не могу ей отплатить тем же, — я восхищаюсь только ее наружностью. Не могу сказать, чтобы я ее не любила. Но... во мне нет к ней той жалости, того сочувствия, которые мне хотелось бы или которые я, может быть, должна была проявлять к ней.

Роберт (*недовольный ее ответом*). Вы не питаете к ней жалости? Разве есть какая-нибудь необходимость вам или кому-нибудь жалеть ее? В вас чувствуется какое-то раздражение, Олуэн.

Фреда (*к ней полностью вернулось самообладание*). Я не ду-

маю, Роберт. Хотя, вероятно, наш сегодняшний вечер располагает к подобному состоянию. Кстати, я сейчас стою перед весьма щекотливой проблемой — перед проблемой, которую приходится решать только хозяйкам. Если человека призывают обратно в дом, для того чтобы обозвать лжецом, подлецом, мерзавцем, а возможно, и вором, — следует ли приготовить для него несколько сэндвичей?

Роберт (*раздраженно*). От меня он никаких сэндвичей не получит.

Фреда (*поддразнивая его*). Ах так, нет честности — нет и сэндвичей, таков твой девиз? Не так ли? О, дорогой мой, какими мы сделались мрачными без Мартина! И в каком бы он был восторге от всего этого. Он бы непременно выдумал какие-нибудь немыслимые и невероятные грехи и разыграл покаяние. О, пожалуйста, не смотрите так ужасно серьезно, вы оба. Могли бы быть немного повеселее... ну, хоть на минуту.

Роберт (*мрачно*). Боюсь, что нам недостает твоего легкомыслия, моя дорогая Фреда.

Фреда. Мне кажется, у меня такое настроение потому, что, невзирая на все, я себя чувствую немного хозяйкой, ожидающей гостей, и, как ни странно, не могу не думать о комплиментах и сэндвичах.

Звонок в передней.

А, вот и они. Тебе, Роберт, придется их впустить самому.

Роберт выходит. Как только обе женщины остаются одни, их поведение резко меняется. Обе говорят быстро, шепотом.

Олуэн. Вы действительно давно догадались?

Фреда. Да. Больше года. Мне часто хотелось сказать вам что-нибудь по этому поводу.

Олуэн. Что бы вы сказали?

Фреда. Точно не знаю. Какую-нибудь глупость. Но что-нибудь очень хорошее, дружеское. (*Пожимает ей обе руки.*)

Олуэн. А о вас я узнала лишь сегодня вечером, Фреда. А теперь мне все это кажется таким очевидным. Не понимаю, почему раньше мне в голову ничего не приходило.

Фреда. Я тоже не понимаю.

Олуэн. Это все совершенное сумасшествие, не правда ли?

Фреда. Совершенное безумие. И с каждой минутой оно усугубляется. Впрочем, мне все равно. А вам? Это все-таки дает какое-то облегчение.

Олуэн. Да, отчасти. Но в то же время становится как-то жутко.

Точно несешься в машине, у которой отказали тормоза.

Фреда. А впереди опасные повороты и страшные тупики.

За дверью слышны мужские голоса. Первым входит Стэнтон, следом — Гордон и Роберт.

Стэнтон *(в дверях)*. Я не понимаю зачем. Прошу прощения, Фреда, но это дело рук Роберта. Он настаивал на нашем возвращении.

Фреда *(холодно)*. Ну, что же, я думаю, Роберт был прав.

Гордон *(направляется к кушетке и растягивается на ней)*.

Во всяком случае, какое-то развлечение. Ну-с, в чем же дело?

Роберт. В основном дело касается пропавших денег.

Гордон *(с отвращением)*. О! Черт, я так и знал! Почему вы не можете оставить в покое бедного Мартина?

Роберт. Подожди, Гордон. Мартин не брал этого чека.

Гордон *(вскакивая на ноги)*. Что? Как — не брал? Ты в этом уверен?

Фреда. Да.

Гордон. Вы знаете, я никогда не мог этого понять. Это было так непохоже на Мартина.

Стэнтон *(обращаясь к Фреде и Роберту)*. Вы действительно уверены, что Мартин не брал денег? А если не он, то кто же? И если не брал, то почему же застрелился?

Роберт *(очень спокойно)*. Мы не знаем, Стэнтон. Но надеемся, что вы нам это разъясните.

Стэнтон *(подняв брови)*. Вы изволите шутить, Роберт

Роберт. Нисколько. Я не стал бы вас вызывать сюда для шуток.

Однажды вы сказали мне, что совершенно уверены в том, что Мартин взял этот чек, — так ведь?

Стэнтон. Ну разумеется. И разъяснил, почему так думаю.

Все данные указывали на это. Случившееся потом подтвердило, что я был прав.

Роберт. Вы полагаете?

Стэнтон. А разве нет?

Фреда (*в внезапном, страстном порыве*). Однако если это и так, то почему Мартину вы сказали, что в краже подозреваете Роберта?

Стэнтон (*в смущении*). Не будьте смешны, Фреда. Зачем я стал бы говорить Мартину о своих подозрениях?

Фреда. Да, именно, зачем? Вот это-то мы и хотим узнать.

Стэнтон. Но, простите, я этого не говорил.

Олуэн (*спокойно*). Нет, говорили.

Стэнтон (*оборачиваясь к ней, с отчаянием*). Олуэн! Вы тоже против меня!

Олуэн. Да, я тоже. Оттого, что вы солгали Мартину, уверив его, что Роберт взял этот чек, вы доставили мне долгие-долгие часы страданий.

Стэнтон. Но я совсем этого не хотел, Олуэн. Как мог я знать, что вы пойдете к Мартину и он вам все расскажет?

Олуэн. Неважно, могли вы знать или нет. Это была низкая, подлая ложь. После этого мне не хочется больше говорить с вами.

Стэнтон. Простите меня, Олуэн. Я бы предпочел все, что угодно, только не это. Можете ли вы этому поверить, скажите? (*Смотрит на нее с мольбой во взоре, но не получает ответа.*)

Фреда (*язвительно-холодно*). По-видимому, все остальные мало что для вас значат? Но все-таки вы нам обязаны дать некоторые объяснения.

Роберт. Прекратите лгать, Стэнтон. Вы уже достаточно навстремили. Почему вы стремились сравнить нас с Мартином?

Фреда. Тут может быть только один ответ. Потому что он сам взял чек.

Гордон (*с большим жаром*). Стэнтон, вы не могли этого сделать!

Стэнтон. Но я это сделал.

Гордон (*возбужденно, подбегая к Стэнтону, с угрожающими жестами*). Какая же вы после этого сволочь, Стэнтон! Мне наплевать на деньги. Но вы навлекли позор на Мартина. Вы заставили всех поверить в то, что он был вором.

Стэнтон. Не будьте таким истерическим дурачком, в самом деле! (*Отталкивает его от себя.*)

Роберт. Замолчи, Гордон.

Стэнтон. Замолчите и прекратите, пожалуйста, махать передо мной руками. Мы пока не собираемся устраивать здесь чемпионат по боксу.

Гордон. Но вы навлекли...

Стэнтон. Ничего я на Мартина не навлекал, никакого позора, как вы выражаетесь. Он был не из тех, на кого можно было навлечь, и вам следовало бы это знать. Просто случилось так, что в разгар всей суматохи, поднятой из-за денег, он взял да застрелился. Вы все сразу сделали вывод, что он поступил так потому, что присвоил деньги и боялся разоблачения. Я не препятствовал вам так думать, вот и все. Вы с таким же успехом могли предположить любую причину самоубийства. И как бы то ни было, с ним все свершилось и он ушел от нас. А там, куда он удалился, ему, наверное, в высокой степени безразлично, считает ли кто-нибудь здесь его повинным в краже пятисот фунтов стерлингов или нет.

Роберт. Но вы сознательно стремились взвалить вину на Мартина или на меня.

Фреда. Тут и сомневаться не приходится. Это-то и делает его поступок столь мерзким.

Стэнтон. Нет, право. У меня и в мыслях не было, чтобы кто-нибудь другой был наказан вместо меня. Я только стремился выиграть время. Я взял этот чек, потому что мне спешно

понадобились деньги и, чтобы вывернуться, я не видел иного выхода. Я полагал, что за какую-то неделю сумею покрыть недостачу, а ежели нет, смогу сговориться со стариком Слейтером, который в таких делах большой дока. Но когда все вышло наружу, мне необходимо было выиграть время, и выход, который вы знаете, показался мне самым простым.

Роберт. Но вы же не могли сами реализовать чек в банке?

Стэнтон. Нет, я нашел для этого кое-кого — человечка, который умеет держать язык за зубами. По чистому совпадению он оказался приблизительно одного возраста и такого же сложения, как вы и Мартин. Пожалуйста, не подумайте, что во всем был какой-то глубокий, хитроумный замысел. Ничего подобного. Все сплошная импровизация, простая случайность и несусветная глупость.

Роберт. Почему же вы не признались в этом раньше?

Стэнтон (*поворачиваясь к нему*). А ради какого дьявола я стал бы это делать?

Фреда. Если вы не можете понять почему, то безнадежно объяснять вам это. Но на свете все-таки существуют такие понятия, как элементарная честность, порядочность.

Стэнтон (*вновь с полным самообладанием*). Да неужели? Вот уж сомневаюсь. Не забудьте, пока вы еще не слишком возгордились: вам лишь случайно удалось узнать обо мне. А если мы будем продолжать, то, возможно, и до кого-нибудь другого дойдет очередь.

Роберт. Возможно. Но это не объясняет, почему вы так упорно таились до сих пор.

Стэнтон. А мне казалось, что все понятно. Самоубийство Мартина сразу все собой покрыло. Никому не хотелось после этого вновь ворошить пережитое. Мол, покойный Мартин сделал, и дело с концом! Вот как на это смотрели. Суть была не в пятистах фунтах. Я был бы рад вернуть их. Однако я хорошо представлял себе: сознайся я, старик в два счета вытурит меня из фирмы. Я не был его любимчиком, как вы или Мартин. Мне пришлось самому пробиваться

из самых низов. Меня не ввели в правление, как некоторых, лишь из-за их университетского образования и принадлежности к определенному социальному кругу. Поверь старик на минуту, что я украл деньги... ему и в голову не пришло бы замять дело. Он тут же пожелал бы вызвать полицию. Не забудьте, что я начал с младшего клерка в конторе. Вы, друзья мои, так не начинали. В этом все-таки есть кое-какая разница.

Фреда. Но мой отец удалился от дел фирмы за шесть месяцев до происшествия.

Стэнтон. Ну и что из того? И вообще, все ведь прошло и со всем этим покончено. Зачем было начинать все сначала? Никто бы об этом не вспомнил, не начни мы сегодня этой дурацкой инквизиции. Роберт, Гордон и я прекрасно вместе работали в фирме. Что изменилось бы от моего покаяния? К чему мы сейчас пришли? Кто от всего этого выиграл?

Фреда. Вы — нет, скажу по совести. Но Мартин — да. И те, кому он был дорог.

Стэнтон. Вы полагаете?

Фреда. Разумеется, они выиграли.

Стэнтон. Не будьте так в этом уверены.

Фреда. По крайней мере мы знаем теперь, что он не был подлым воришкой.

Стэнтон. И это все, что вы знаете. Однако при всем том он взял да застрелился. Надеюсь, вы не предполагаете, что сделал он это, чтобы позабавиться!

Фреда (*глубоко оскорбленная его словами*). О! Вы... вы... (*Отворачивается от него.*)

Гордон (*в бешенстве вскакивает и делает шаг вперед*). Вы мерзавец, Стэнтон!

Две последние фразы произносятся одновременно.

Стэнтон (*поворачивается к нему*). Это почему же? Вы хотели правды — ну, вот вы ее и получаете. Я совсем не желал возвращаться сюда обратно и садиться на скамью подсудимых. Это дело ваших рук. И теперь я буду говорить,

черт возьми, все, что только пожелаю. Мартин застрелился, и он поступил так, прекрасно зная, что никогда не дотрагивался до этих денег. Значит, были другие причины. Какие же? Вы сами теперь видите, что затеяли.

Фреда (*холодно*). Ну и что же, по-вашему, мы затеяли? Вы так говорите, будто знаете о Мартине гораздо больше, чем знали мы.

Стэнтон. Я знаю только, что у него должны были быть причины, чтобы пойти на то, на что он решился. И если деньги тут ни при чем, то, вероятно, сыграли роль другие мотивы. Вы очень много выиграли оттого, что гадаете теперь, какие же это были причины? Однако еще больше выиграли бы, если б не затевали этого доискивания и не совали свой нос куда не следует.

Роберт (*в размышлении*). Может быть, он пошел на это, сокрушаясь, что я взял эти деньги.

Стэнтон (*саркастически*). Может быть, и да, а может быть, и нет. Если вы полагаете, что Мартин мог застрелиться из-за предположения, что вы украли какие-то деньги, то вы совершенно не знали вашего собственного брата. Мне очень неприятно вас огорчать, но, когда я сообщил ему о моем подозрении, он очень смеялся. Это сильно его позабавило. Вы знаете, он был очень смешлив, этот молодой человек.

Олун (*усталым голосом*). Это правда, я знаю. Ему было все равно. Он не дорожил ничем.

Роберт. Скажите, вы знаете, почему Мартин покончил с собой?

Стэнтон. Нет. Откуда мне знать?

Фреда (*с растущим раздражением*). Вы говорите так, как будто знаете.

Стэнтон. Я кое-что могу предположить.

Фреда (*очень резко*). Что вы этим хотите сказать?

Стэнтон. Я хочу сказать, что он был тот еще субъект. И вел черт знает какую жизнь.

Роберт. Должен заметить, что не вам...

Стэнтон. Да я его не осуждаю.

Фреда (*в бешенстве*). Вы его не осуждаете? Да кто вы такой, чтобы осуждать его? Имени его не имеете права произносить. Вы ему навязали на шею свое собственное гнусное, подленькое воровство и постарались отравить нам самую память о нем, а теперь, когда разоблачены и имя Мартина осталось чистым и незапятнанным, хотите начать все сначала и намекаете, что он был преступником, или сумасшедшим, или еще чем-то в этом роде.

Роберт. Она права. Чем меньше вы теперь будете говорить, тем лучше.

Стэнтон (*жестким тоном*). Чем меньше мы все будем говорить, тем лучше. Вам следовало об этом раньше подумать, Роберт. Я вас лично предупреждал, до того как вы приняли публично ковыряться во всей этой муре. Но вы уперлись на своем, как бык.

Роберт. Во всяком случае, я восстановил честное имя Мартина.

Стэнтон. Ни черта вы не восстановили, и, если бы у вас было хоть чуточку здравого смысла, вы бы поняли это. Но теперь мне наплевать на все. Вы получите сполна все, чего желали.

Фреда (*по-прежнему в бешенстве*). Мы прежде всего желали бы избавиться от вас.

Гордон. Неужели вы думаете, что останетесь работать в фирме после всего, что произошло?

Стэнтон. Не знаю, и это меня мало трогает.

Фреда. А ведь год назад трогало.

Стэнтон. Да, но теперь не трогает. Мне будет куда лучше без фирмы, чем ей без меня.

Гордон. Ну, что же, во всяком случае, нам доставит удовольствие попробовать обойтись без вас. Вы всегда ненавидели Мартина, и я это знал.

Стэнтон. У меня были на то причины. Не так, как у семейства Уайтхауз, где отец, дочь и сын — все сразу были влюблены в него.

Роберт (*медленно и раздельно*). Вы что-нибудь хотите этим сказать, Стэнтон? Если нет, то сейчас же возьмите ваши слова обратно. Если да, то будьте любезны объяснить.

Стэнтон. Ничего я не возьму обратно.

Олуэн (*становясь между ними*). Стэнтон, прошу вас, прекратите, довольно. Мы все и так слишком много наговорили тут.

Стэнтон (*поворачиваясь к ней*). Мне очень жаль, Олуэн, но, кажется, не вам меня упрекать в этом.

Роберт (*холодно и решительно*). Я жду вашего объяснения, Стэнтон.

Фреда. Разве ты не видишь, он целит в меня?

Роберт. Это правда, Стэнтон?

Стэнтон. Во всяком случае, я не намерен ее щадить.

Роберт. Смотрите, Стэнтон!

Стэнтон. Слишком поздно, чтобы смотреть! Как вы полагаете, отчего Фреда так рассердилась на меня?.. Она была любовницей Мартина.

Фреда вскрикивает.

Роберт (*глядит на Фреду, затем — на Стэнтона, потом — опять на нее; подходит к Фреде и становится перед ней*). Это правда, Фреда? Я должен знать, ибо если это неправда, то сейчас же вышвырну его вон отсюда.

Стэнтон. Ах, Кэплен, пожалуйста, не разыгрывайте из себя героя мелодрамы. Я бы слова не сказал, не будь в том уверен. А сознается она или нет — другой вопрос. Но даже если не признается, вы все равно меня не вышвырнете вон. Я, с вашего разрешения, уйду когда захочу.

Роберт. Фреда, это правда?

Фреда (*у нее нет больше сил, чтобы бороться*). Да.

Роберт (*так, как будто бы они одни*). И это продолжалось все время, пока...

Фреда. Да, все время.

Роберт. Когда это началось?

Фреда. Очень давно. Или кажется, что давно? Много-много лет тому назад.

Роберт. До нашей женитьбы.

Фреда. Да. Я думала тогда, что смогу разорвать... мне удалось на время... Но это вернулось, и с большей силой, чем раньше...

Роберт. Я хотел бы знать, почему ты мне не сказала?

Фреда. Я хотела. Сотни раз пыталась. Начинала говорить первые слова мысленно, про себя, и... иногда мне казалось, что я на самом деле, вслух говорю их тебе.

Роберт. Было бы хорошо, если б решилась, хорошо! Но почему я сам ничего не замечал? Теперь это кажется таким очевидным. Я, должно быть, был очень глуп. Я знаю, когда это началось. Это случилось, когда мы все в то лето поехали в Тинтаджель.

Фреда. Да, это началось тогда. Тинтаджель! Чудное, чудное лето! Ничего подобного я уже не переживала с тех пор.

Роберт. Мартин тогда отправился путешествовать пешком, а ты сказала, что проведешь несколько дней у Хэтчинсонов. Неужели тогда...

Фреда (*очень спокойно*). Да, именно. Мартин и я провели время вместе. И это было единственным временем, которое мы действительно прожили вдвоем. Для него не много все это значило — так, еще один эпизод в жизни.

Роберт. Как, но разве он не любил?

Фреда (*в глубоком отчаянии*). Нет, по существу, нет. Если бы любил, все было бы гораздо проще. Вот почему я никогда не могла тебе ничего сказать. Я думала, что, если я выйду за тебя замуж, все будет иначе. Это было нечестно по отношению к тебе, я знаю, но тогда я искренне думала, что все пройдет. И так же думал Мартин. Но это не прошло. Ты тоже знаешь. Это было безнадежно. Но ты не знаешь, насколько безнадежно это было для меня.

Роберт. Но почему сам Мартин мне ничего не сказал? Он же знал, как я был несчастен.

Фреда. Он не мог. Он отчасти боялся тебя.

Роберт. Мартин? Боялся меня?

Гордон. Да, это верно.

Роберт. Чепуха! Он никого не боялся, а меня и подавно. Фреда. Нет, у него был какой-то необъяснимый страх перед тобой.

Олуэн (*очень мягко*). Это правда, Роберт. Он вас боялся. Я знала это.

Гордон. И я знал. Он мне как-то сказал, что, если ты действительно рассердишься, ты не остановишься ни перед чем.

Роберт (*задумчиво*). Странно. Я никогда не подозревал этого в Мартине. Боялся меня... не понимаю... почему? Из-за чего же? (*Фреде.*) Не могло же это быть из-за вашей...

Фреда. Нет, нет. Он не любил. (*Окончательно теряет самообладание.*) О, Мартин! Мартин!

Олуэн (*подходит к ней и обнимает*). Фреда, Фреда, не надо. (*Пытается успокоить ее.*)

Стэнтон. Ну-с, вы теперь сами видите, Кэплен, что вы натворили. Приятный вечер, нечего сказать.

Роберт. Я ни в чем не раскаиваюсь и рад, что все вышло наружу. Я только жалею, что не узнал всего этого раньше.

Стэнтон. А что бы вам это дало? Вы бы все равно ничего не смогли сделать.

Роберт. Прежде всего, знал бы правду. А затем можно было бы принять какое-нибудь решение. Я бы не стоял у них на пути.

Стэнтон (*саркастически*). Да вы и не стояли у них на пути.

Гордон (*на которого весь разговор произвел очень тяжелое впечатление*). Да, сам Мартин был виноват во всем. Он не любил ее, как говорит Фреда. Я знал это. (*Фреде.*) Он мне сам признавался.

Роберт (*поворачиваясь к нему, недоверчиво*). Он — тебе говорил?

Гордон. Да.

Роберт. Тебе, ее брату?

Фреда (*оттолкнув Олуэн и поднимая голову*). Гордон, я не верю тебе!

Гордон (*горячо*). Зачем мне лгать? Мартин мне сам говорил об этом. Он привык поверять мне все.

Фреда. Ерунда. Он считал тебя несколько нудным и надоедливым.

Гордон. Это неправда.

Фреда. Нет, правда, он мне об этом говорил даже в ту последнюю субботу, когда я принесла ему папиросницу. Он мне тогда сказал, что ты у него ночевал прошедшую ночь и ему стоило невероятных трудов от тебя отделаться.

Гордон (*втягиваясь в ссору*). Фреда, я знаю, ты все это сейчас выдумала. Мартин никогда бы не сказал этого обо мне. Он знал, как я его любил, и он по-своему платил мне тем же.

Фреда. Вовсе нет.

Гордон. Ты это говоришь из ревности.

Фреда. Нисколько.

Гордон. Ты всегда ревновала Мартина ко мне.

Фреда (*горячо*). Гордон, это возмутительная ложь!

Гордон. Нисколько.

Фреда. И все-таки он сам говорил, как устал от твоих вечных приставаний и внезапных истерик. Теперь я понимаю, что он хотел сказать этим. Всякий раз, когда его имя упоминалось сегодня вечером, ты впадал в истерику. В чем ты хочешь меня уверить, скажи, пожалуйста? (*Схватившись руками за голову, отворачивается от него.*)

Роберт (*резко*). Фреда, ты не в своем уме!

Гордон (*в бешенстве, пронзительно-резким тоном, обращаясь к Роберту*). Это все ревность, ревность. (*Обращаясь к Фреде.*) Если я был надоедлив, зачем ему надо было упрекать меня приезжать в коттедж. Ты сама осточертела ему до смерти — своими домогательствами, своей любовью. Он сам признавался мне в этом и просил как-нибудь поговорить с тобой, чтобы ты оставила его в покое.

Фреда (*в злобе*). Ты мне отвратителен!

Гордон. Ну, так позволь мне тогда...

Олуэн (*возмущенная, отталкивая Гордона в сторону*). Прекратите! Замоlчите оба, сейчас же!

Стэнтон (*саркастически*). Нет уж, дайте им кончить, раз они начали.

Гордон (*кричит*). И я как раз хотел передать тебе его просьбу! Но он застрелился.

Фреда. Не верю, не верю. Мартин не мог быть так жесток.

Гордон (*подойдя к ней вплотную*). Ах не мог? А что он сказал тебе тогда, когда ты привезла ему папиросницу?

Фреда. Что бы ни говорил — это не важно. Ты выдумал всю эту отвратительную ложь только затем...

Роберт (*грубо*). Послушайте, вы оба, я больше не хочу ничего слышать. Вы точно двое сумасшедших кричите друг на друга. Я понимаю тебя, Фреда, и сочувствую тебе, но, ради бога, помолчи. Я не могу больше этого вынести. А что касается тебя, Гордон, то ты или пьян, или...

Гордон (*мрачно*). Ничего подобного. Я так же трезв, как и ты...

Роберт. Тогда веди себя соответствующим образом. Ты не ребенок. Я знаю, что Мартин был тебе другом...

Гордон (*поворачиваясь к Роберту, горячо*). Другом? Он не был мне другом! В тебе, видно, течет рыбаья кровь. Мартин был единственным человеком на свете, которого я действительно любил. Для него я сделал бы все на свете. Пятьсот фунтов! Боже мой, да я украл бы пять тысяч фунтов из кассы фирмы, только попроси он меня об этом. Он был самым замечательным человеком, которого я когда-либо знал. Иногда я готов был его ненавидеть. Иногда он изводил меня вконец. Но все это, в сущности, было неважно: он был Марином, и я бы предпочел быть с ним, даже если бы он надо мной только насмехался, чем быть с кем-нибудь другим. Я как и Фреда... с тех пор как он умер, мне все все равно... Я не живу, а существую.

Роберт. А как же Бетти?

Гордон (*угрюмо*). Можешь оставить ее в покое.

Роберт. Очень бы хотел. Но не могу не думать о ней.

Гордон. Выбрось из головы. Она сама о себе позаботится.

Роберт. Это как раз то, чего она не может и не должна делать.

Ты обязан это понять.

Гордон. Этого-то я и не понимаю. И я знаю Бетти гораздо лучше, чем ты.

Фреда (*с горечью*). Ты, кажется, все и всех знаешь лучше, чем кто бы то ни было, не так ли?

Гордон. Ах вот что? Я, право, ничего не могу поделать, если Мартин относился ко мне лучше, чем к тебе.

Фреда. Почему ты знаешь, что он...

Олуэн. О, прекратите. Прекратите, вы оба. Неужели не видите, что это он делал со злым умыслом, только для того, чтобы позабавиться?

Гордон (*сердито*). Нет, не вижу. Он не был таким.

Стэнтон (*с иронией*). О нет. Совсем не таким. Поискать надо было такого очаровательного, простого, искреннего человека...

Фреда (*холодно*). Никто и не собирается утверждать этого. Однако он не воровал денег и не перекладывал вины на других.

Стэнтон. Знаешь, Фреда, не будем начинать все сначала. Не надо валить все с одной головы на другую.

Олуэн. Я согласна. Но хочу все же, чтобы Фреда и Гордон поняли, что нет ничего глупее, как спорить о том, что им когда-то сказал Мартин. Он был прирожденным интриганом и коварен, как кошка. Это была одна из причин, по которой я его ненавидела.

Роберт. Вы его ненавидели?

Олуэн. Да, Роберт, мне очень неприятно, но я не любила его. Я относилась к нему с отвращением. Вы должны были бы это заметить.

Стэнтон. Я видел. И вы были совершенно правы. Боюсь, что вы всегда правы, Олуэн.

Олуэн. Нет, далеко не всегда.

Стэнтон. А я очень вам верю.

Роберт. В данном случае и я вам верю.

Олуэн. Нет, нет.

Стэнтон. И вы единственная, кто выйдет отсюда такой же незапятнанной, как вошли.

Олуэн (*смущенно и с некоторым беспокойством*). Нет, это неверно.

Гордон. Из-за нее-то и этой проклятой папиросницы и началась вся эта мура.

Стэнтон. Папиросница — пустяки. Я знал кое-что и другое.

Олуэн. Что — другое?

Стэнтон. Я знал, что вы ездили к Мартину Кэплону в ту субботу.

Олуэн (*в волнении*). Вы знали?

Стэнтон. Да.

Олуэн. Но откуда вы могли знать? Не понимаю.

Стэнтон. Я был в тот вечер у себя, в моем коттедже. Вы помните автозаправочную станцию в том месте, где дорога разветвляется? Вы останавливались там в тот вечер, чтобы заправиться бензином.

Олуэн (*вспоминая*). Да, вспоминаю, действительно.

Стэнтон. Мне сообщили, что вы были и поехали по дороге в Фоллоус-Энд. Так я и узнал, что вы должны были навестить Мартина. Вы ведь не могли поехать в другое место, не правда ли? Очень просто.

Олуэн (*пристально смотря на него*). И вы знали об этом все это время?

Стэнтон. Да, все это время.

Роберт (*с некоторой горечью*). Предполагаю, бесполезно спрашивать у вас, Стэнтон, почему вы до сих пор ни слова об этом не сказали?

Стэнтон (*холодно*). Боюсь, что да. Мне представляется, я достаточно исповедался на вашем допросе.

Гордон. Однако я хотел бы знать несколько больше. Ведь почему-то меня таскали в проклятый суд и допытывались: «Знал ли я это?», «Знал ли я то?» Боже милостивый! И все это я претерпел, не будучи даже последним человеком,

с которым он разговаривал. Фреда была у него после обеда, а Олуэн — поздно вечером, может быть, даже в самый последний момент... Вот, в сущности, и все, что мы знаем.

Стэнтон. Не говорите ерунды.

Гордон. А разве это ерунда? *(Указывая на Олуэн, которая отворачивается и отходит к окну.)* В конце концов, что мы знаем? Что там делала Олуэн?

Роберт. Она нам уже сказала: ездила к Мартину, чтобы поговорить с ним о пропавших деньгах.

Гордон. Ну и очень много это нам объяснило?

Стэнтон. Что вы этим хотите сказать?

Фреда. Он хочет сказать, я так думаю, что Олуэн пока поведала нам отнюдь не всё. Мы знаем, что она отправилась к Мартину, чтобы поговорить с ним относительно пропавших денег. Знаем также, что Мартин подозревал Роберта в похищении этих денег и что она сама думала так же. Вот и все, что нам пока известно.

Гордон. Да-с, мы не знаем ни как долго она там была, ни что Мартин ей говорил, мы вообще ничего не знаем. Ее счастье, что она не попала в лапы к судебному следователю, там бы из нее мигом все вытянули. *(Оборачиваясь к Олуэн.)* Мне кажется, настало время ей быть с нами пооткровеннее!

Стэнтон. Во всяком случае, нет никаких оснований говорить вам с ней таким злобным и мстительным тоном.

Олуэн, которая все это время, немного отодвинув занавеску, смотрела в окно, вдруг отскакивает назад и вскрикивает.

Роберт } Что такое?
Стэнтон } *(вместе).* В чем дело?

Роберт подходит к окну и смотрит наружу. Фреда тоже встает и идет к окну.

Роберт *(смотря в окно)*. Там никого нет.

Олуэн. Нет, там кто-то был, но отскочил в сторону. Могу поклясться, что там кто-то был. Нас подслушивали.

Стэнтон (*который остался сидеть, угрюмо*). Должен сознаться, что лучшего времени, чем сегодняшняя ночь, для подслушивания придумать трудно.

Роберт. Это невозможно, Олуэн. Там абсолютно никого нет.

Гордон. Ну и слава богу.

Все отходят от окна, и в этот момент у входной двери раздаётся несколько коротких и резких звонков подряд. Все замирают на месте и смотрят друг на друга изумленно и растерянно.

Роберт. Черт возьми, кто бы это мог быть?

Фреда. Что ты меня спрашиваешь? Понятия не имею. Пойди и посмотри.

Роберт. Да, разумеется. Не хватало еще, чтобы нам мешали.

Фреда. Ну, так не пускай никого, чтобы не мешали. Но тебе все-таки надо пойти взглянуть, кто это.

Вновь раздается звонок, и Роберт выходит. Пока он отсутствует, никто не произносит ни слова. У всех напряженное выражение лица. Затем из передней доносятся голоса Роберта и Бетти.

Голос Роберта. Но мы не говорили, уверяю вас. Ваше имя даже не упоминалось.

Голос Бетти. Знаю, что говорили. Я чувствовала это. Поэтому и вернулась.

Голос Роберта. Я уверяю, вас мы не поминали.

Роберт открывает дверь и пропускает перед собой Бетти.

Гордон. Я думал, ты легла в постель. Что случилось?

Бетти (*стоя на пороге двери*). Вы тут говорили обо мне? (*Оглядывая всех.*) Я знаю, не отрицайте. Я хотела лечь спать и даже начала раздеваться. А затем не выдержала. Я знала, что вы поминаете меня. Эта мысль не давала мне покоя. Поэтому пришлось вернуться.

Фреда (*холодно-спокойно*). Ну, так вы ошиблись. По правде

сказать, вы единственный человек, о котором мы еще не говорили.

Бетти (*смотря попеременно на Гордона, Стэнтона, затем на Роберта*). Это правда?

Роберт. Конечно, правда.

Олуэн. Это вы только что стояли снаружи? То есть там, за окном, и подслушивали?

Бетти (*смущенно*). Нет, я не подслушивала. Я пыталась заглянуть сюда, чтобы узнать, кто здесь есть и что вы здесь делаете. Видите ли, меня преследовала мысль, что вы обсуждаете тут меня. Хотела лечь, так как чувствовала себя очень усталой, но была слишком возбуждена, чтобы заснуть, и приняла подряд три таблетки от бессонницы. Теперь у меня какой-то туман в голове. Один бог знает, что я сейчас могу наговорить. Не обращайтесь на меня внимания. (*Тяжело опускается в кресло.*)

Роберт (*наклоняясь над ней*). Я страшно огорчен, Бетти. Могу ли я вам помочь чем-нибудь?

Бетти отрицательно качает головой.

Вы уверены?

Бетти по-прежнему отрицательно качает головой.

Ни слова мы о вас не говорили. По правде сказать, нам всем хотелось сблизиться с вами. Все и так достаточно неприятно.

Фреда (*с иронией*). Но, принимая во внимание, что Бетти вышла замуж за одного из членов нашей семьи, мне казалось бы, что ее можно было бы уж не так тщательно оберегать от низменной истины.

Роберт (*выйдя из себя*). Замолчи сейчас же, Фреда!

Фреда. Не подумаю. Зачем мне молчать? Видимо, мы сейчас увидим совсем другого Роберта?

Роберт. После того, что было сказано сегодня вечером, не представляю, чтобы вас тронуло, буду ли я другим или нет.

Фреда. Возможно, вы правы, но я все же предпочитаю людей воспитанных.

Роберт. Тогда покажите нам пример.

Гордон. О, пожалуйста, прекратите, вы оба.

Бетти. Но о чем же вы тогда говорили?

Гордон. Началось с пропавших денег.

Бетти. Ты говоришь о тех, которые взял Мартин?

Гордон. Мартин их не брал. Мы это теперь знаем. Стэнтон украл деньги. Он сам признался.

Бетти (*вскрикнув*). Признался, он? Стэнтон? Не может быть! Это невероятно!

Стэнтон (*саркастически*). Это кажется невероятным, не правда ли, Бетти? Но тем не менее это так. Мне очень неприятно сразу пасть так низко в ваших глазах, дорогая Бетти, но сегодня ночь откровенных признаний, и я принужден согласиться, что украл эти деньги. Ужасно, не правда ли? (*Устремляет пристальный взгляд на Бетти, она в смущении отворачивается*)

Роберт (*изумленно глядит то на одного, то на другого*). Что вы хотите этим сказать, Стэнтон?

Стэнтон. То, что сказал.

Роберт. Почему вы говорите с Бетти таким тоном?

Стэнтон. Может быть, потому, что Бетти обо мне не такого уж высокого мнения, как мне кажется, и поэтому нет оснований ей так изумляться и пугаться.

Роберт (*медленно*). Я не совсем понимаю вас.

Фреда (*саркастически*). Еще бы, где тебе, Роберт!

Роберт (*оборачиваясь к ней, резко*). А ты понимаешь?

Фреда (*елейным тоном*). Да, мне думается, понимаю.

Бетти. Но если Мартин не брал этих денег, тогда почему же... почему он... застрелился?

Гордон. Вот это-то мы и хотим узнать. Олуэн в тот вечер видела его последней и знала, что он не брал денег, но она нам только это и сказала.

Олуэн. Я вам сказала, что он подозревал Роберта в их краже.

Роберт. И этого было достаточно, чтобы в том состоянии,

в котором он находился, вывести его из равновесия. Все рассказы о том, что моя причастность к краже его только позабавила, — сущая чепуха. Это была игра и обман с его стороны. Мартин не терпел, чтобы кто-нибудь его видел расстроенным или взволнованным.

Гордон. Это правда.

Роберт (*с растущим волнением*). И он верил в меня. Он часто посмеивался надо мной, но это были пустяки. Повторяю, он верил в меня. Вы сами сказали, что втайне он меня несколько боялся. Это происходило оттого, что он питал ко мне уважение. Он считал меня спокойным и уравновешенным человеком. Я был одним из тех немногих людей, с которыми он действительно считался. Уверю вас, клевета на меня была страшным ударом для бедного Мартина.

Олуэн. Я не согласна с вами, Роберт.

Стэнтон. И я тоже.

Роберт. Но ни один из вас не знал его так хорошо, как я. Да что тут говорить? Он был в очень плохом состоянии, разбитый духовно и физически, глубокий неврастеник, и, когда услышал, что я украл этот чек, он должен был почувствовать, что теряет последнюю опору, что я его предал. Он, вероятно, не находил себе места от этих мыслей ни днем, ни ночью — он был такой. Он бы вам и виду не показал, Олуэн. Но эта мысль его не оставляла ни на минуту, терзала и мучила его. О, как я был глуп!

Гордон. Ты?

Роберт. Ну разумеется. Я должен был бы прямо пойти к Мартину и передать ему то, что мне сказал Стэнтон.

Гордон. Если это правда, тогда настоящим виновником его смерти является Стэнтон.

Фреда. Правильно.

Стэнтон. Ерунда!

Фреда. Нет, не ерунда. Неужели вы не видите, что наделали?

Стэнтон. Нет, не вижу, потому что не верю в это.

Гордон. Вы просто не хотите верить, вот и все.

Стэнтон. О, не болтайте чепухи! Неужели вы не видите,

что у Мартина имелись свои причины для самоубийства?
Роберт. Нет. До самоубийства Мартина довели моя глупость
и ваша подлая ложь, Стэнтон.

Бетти (*разражаясь рыданиями*). А!!

Роберт. Простите, Бетти, но в этом необходимо разобраться
раз навсегда.

Стэнтон (*угрюмо*). Ни один из вас не способен сейчас разо-
браться, в чем бы то ни было.

Роберт. Послушайте меня, Стэнтон...

Стэнтон. Ах, отстаньте вы от меня!

Гордон. Вы обязаны ответить.

Роберт. Я никогда не прощу вам того, что вы сказали Мар-
тину, — клянусь богом, никогда!

Стэнтон. Вы все совершенно превратно толкуете случившееся.

Гордон. Нет, не превратно, проклятый лжец! (*Подходит к
нему, чтобы его ударить.*)

Стэнтон (*отталкивая его*). Убирайтесь вы прочь!

Гордон (*подступая к нему вновь, кричит*). Вы довели Мар-
тина до самоубийства!

Олуэн. Одну минуту, Гордон!

Все оборачиваются и смотрят на нее.

Мартин не застрелился.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Все стоят в тех же позах, как и в конце второго действия.

Олуэн. Мартин не застрелился.

Фреда. Как, он не...

Олуэн. Уверю, нет. Я застрелила его.

*Бетти испуганно вскрикивает. Все остальные неподвижно,
затаив дыхание, смотрят на Олуэн.*

Роберт. Не смешите, Олуэн! Вы не могли этого сделать.
Гордон. Что за розыгрыш?

Олуэн. Я бы хотела, чтобы это был розыгрыш. *(Внезапно опускается в кресло и закрывает лицо руками.)*

Длительная пауза.

Гордон. Олуэн!

Роберт *(вполголоса)*. У нее, должно быть, истерия или что-нибудь в этом роде. Я слышал, что в таком состоянии люди часто признаются в безумных поступках, в поступках, которые они никогда и никак не могли совершить.

Стэнтон *(качая головой)*. Олуэн не истеричка. Она в полном здравии.

Бетти *(шепотом)*. Не может же она утверждать, что... что убила его! Ведь это же невозможно!

Стэнтон *(очень мягко, Олуэн)*. Вы не расскажете нам теперь, что же именно произошло, Олуэн, если только чувствуете себя в силах? И кстати, могу сообщить вам — пока вы еще не начали, — что я совсем не удивлен этим. Я с самого начала подозревал вас.

Олуэн *(в изумлении смотря на него)*. Вы подозревали меня? Но почему?

Стэнтон. По трем причинам. Во-первых, я не мог понять, зачем было Мартину кончать с собой. Видите ли, я знал, что он не брал денег, и, хотя он находился в крайне затруднительных обстоятельствах, мне он казался не из тех, кто таким путем выходит из положения. Затем, я знал, что вы были у него поздно вечером: как я вам уже говорил, мне сообщили, что вы проехали к нему. И третья причина — ну, о ней я пока помолчу. А вам будет лучше, если вы расскажете, что же произошло. Это была случайность, не так ли?

Олуэн *(тихо, с усилием)*. Да, действительно, это была случайность. Я расскажу, как было, но нет сил входить в подробности. Все так запутанно и ужасно. Но я вам скажу всю правду. Больше ничего не буду скрывать, обещаю вам. Мне думается, нам всем лучше теперь говорить все, что мы знаем, выложить все начистоту.

Роберт (*тоже тихим голосом*). Я согласен.

Стэнтон. Подождите минуточку, Олуэн. Хотите чем-нибудь подкрепиться, до того как начнете?

Олуэн. Немного содовой воды, если разрешите.

Стэнтон наливает стакан и передает ей.

Роберт. Садитесь сюда.

Олуэн (*Стэнтону*). Благодарю вас. (*Пьет. Роберту.*) Нет, я сяду у огня. (*Переходит к камину.*) Я поехала к Мартину, как вы знаете, вечером в ту субботу, чтобы поговорить о пропавших деньгах. Мистер Уайтхауз сообщил мне об этом. Он полагал, что Мартин или Роберт — один из них — взял деньги. Я поняла так, что он, скорее, подозревал Роберта. Я поспешила к Мартину. Я не любила его, и он знал это, как знал о моих чувствах к Роберту, и, в конце концов, он все-таки был братом Роберта. Он сам тоже был убежден, что деньги — дело рук Роберта, и нисколько не был огорчен этим. Мне очень неприятно, Роберт, но так было, и поэтому он был мне особенно отвратителен. В нем даже чувствовалось какое-то тайное злорадство. Наконец-то, мол, и добродетельный братец пал.

Фреда (*негромко, с тайной горечью*). Вполне допускаю это. Мне очень тяжело, но должна признать, что он иногда мог быть таким. И он был таким в тот вечер.

Олуэн (*мягко*). И вы тоже это нашли в тот вечер?

Фреда. Да, он был в одном из сквернейших своих настроений. Иногда он бывал таким — и тогда мог мучить и издеваться...

Олуэн. Я никогда не видала его в столь ужасном состоянии, как в тот вечер. Он был явно ненормален.

Роберт (*возмущенно*). Олуэн!

Олуэн (*очень мягко*). Простите меня, Роберт! Мне не хотелось, чтобы вы это знали, но теперь уже все равно. Он, видимо, одурманил себя каким-то снадобьем...

Роберт. «Одурманил»? Вы хотите сказать, он принимал наркотики?

Олуэн. Да. У него всегда имелся запас этих средств.

Роберт. Вы в этом уверены? Не могу поверить.

Стэнтон. Это правда, Кэплен. Я знал это.

Гордон. И я тоже. Он меня однажды заставил попробовать это снадобье. Но мне не понравилось, только тошноту вызвало.

Роберт. Когда же это было?

Гордон. Вы помните, каким он был нервным, когда вернулся из Берлина?

Стэнтон. Да, помню.

Гордон. Так вот, там он встретил какого-то типа, который и научил его употреблять наркотики. Это был какой-то новый, особый сорт, которым взбадривали себя в литературной и актерской среде.

Стэнтон. Да, я помню...

Фреда. Но разве Мартин...

Гордон. Да. Он втянулся, и ему вскоре нужны были все большие и большие дозы.

Роберт. Но откуда же он добывал эти средства?

Гордон. Через какого-то немца, которого он знал в городе. Когда не удавалось добыть, он становился отвратительным. Правда, не терял полностью человеческого облика, как завязые наркоманы, но все же — отвратительным.

Стэнтон. А вы не пробовали его останавливать?

Гордон. Конечно, пробовал, но он только смеялся. По правде сказать, я его не виню. Никто из вас не может понять, чем была жизнь для Мартина — при его впечатлительности и ранимости. Он был одним из тех людей, которые созданы для счастья.

Стэнтон (*угрюмо*). Все мы созданы для счастья. Мартин в этом отношении не исключение.

Роберт. Да, это правда. Но я понимаю то, что хотел сказать Гордон.

Фреда. Если бы вы знали Мартина, вам бы многое стало ясным. Для него не было золотой середины — ему нужно было непременно все до конца, до предела... Или он бывал весел —

и уж тогда веселее его не было на свете, — или крайне несчастен.

Бетти (*порывисто*). Я такая же! Разве все мы не такие же? За исключением разве скучных и нудных стариков.

Роберт. Но что вы начали говорить по поводу наркотиков, Олуэн?

Олуэн. Он принял подряд несколько порошков, — собственно, это были не порошки, а маленькие белые таблетки, — пока я у него была. Они оказали на него ужасающее действие. Он стал дьявольски весел. Я как сейчас вижу его перед собой. Глаза какие-то странные. Он был совершенно ненормален. (*Внезапно умолкает.*)

Роберт. Что же случилось?

Олуэн (*внешне спокойно, но с огромным внутренним волнением*). Ужасно говорить об этом. Я пыталась забыть все. Он знал, что он мне не нравится, но не мог поверить, что я действительно не люблю его. Он был преисполнен невероятного сомнения. Казалось, он был убежден в том, что все, и юноши и девушки, должны непременно обожать его. Он разыгрывал из себя какого-то неотразимого обольстителя, какого-то древнего Пана, понимаете.

Фреда (*тихо*). С ним такое случалось. Для этого у него было достаточно оснований.

Олуэн. Он принялся дразнить меня. Он считал — а может, просто притворялся, — что я какая-то чопорная старая дева, закореневшая в предрассудках, никогда, по существу, не жившая полной жизнью. Все это чепуха, на самом деле я совсем не такая. Но он делал вид, что верит в это, и всячески убеждал меня, что мое отвращение к нему на самом деле всего лишь подавление желаний, которые он во мне возбуждает. Ну и, разумеется, что все эти мои подавленные желания причиняют мне только вред. Я, мол, никогда не жила по-настоящему, никогда не буду жить и так далее, все в том же роде. Он долго говорил на эту тему. Мне надо было бы бросить его и уйти, но я чувствовала, что не имею права, пока он в таком состоянии. Мне отчасти было его

жалко, потому что он действительно был болен, совершенно ненормален, психически и физически, и я подумала, что, может быть, смогу его успокоить. Я могла не любить его, но, в конце концов, он все же был не чужой, из нашего круга и самым тесным образом связан с большинством тех людей, которые для меня дороже всего на свете. Я пыталась остановить его. Но все, что я говорила, казалось, только подливало масла в огонь. Я объясняла это его возбужденным, ненормальным состоянием, а он продолжал говорить о подавленных желаниях. Когда же я начала над ним смеяться, он пришел в еще большее возбуждение. Затем он попытался показать мне какие-то отвратительные, мерзкие картинки — ужасные, непристойные рисунки какого-то сумасшедшего бельгийского художника...

Фреда (*падая в кресло*). О боже! (*Рыдает.*)

Олуэн (*идет к ней*). О, Фреда, я так сожалею. Пожалуйста, прости меня. Я понимаю, как вам должно быть больно.

Фреда (*обезумев от горя*). Мартин! Мартин!

Олуэн. Не слушайте дальше. Я больше не буду, если вы этого хотите. Или пойдите и прилягте.

Фреда. Не могу. О, он не был таким, право. Если бы вы его знали таким, каким я его знала раньше.

Олуэн. Понимаю. Мы все это понимаем. Он был другим. А тут он был просто болен.

Фреда (*тихо*). И все же продолжайте, Олуэн.

Роберт. Да, Олуэн. Вы теперь уже не имеете права молчать.

Олуэн. Осталось совсем немного. Когда я оттолкнула его омерзительные рисунки и выразила свое возмущение ими, он пришел в еще большее возбуждение, потерял уже всякое самообладание и стал кричать на меня за то, что я подавляю свои желания. И вдруг слышу: предлагает мне снять платье... Я сказала ему, что это просто глупо и что я немедленно уйду. Тогда он бросился вперед и загородил собою двери. В этот момент у него в руке появился револьвер, он мне что-то кричал о смертельной опасности, о страхе и о любви. Эта угроза мне или себе самому не была

серьезна. Он только махал передо мной револьвером, желая, вероятно, произвести этим драматический эффект. Я даже не думала, что он заряжен. Но тут уж и я потеряла всякое самообладание. Я не могла больше жалеть его. Я велела ему немедленно отойти от двери и, когда он не захотел, пыталась оттолкнуть его с дороги. Тогда он вступил со мной в борьбу. *(К этому моменту рассказа ее нервы начинают сдавать, и далее она говорит уже менее связно.)* Он пытался сорвать с меня платье... Мы действительно боролись с ним... Это было ужасно... Он даже не был сильнее меня... *(Поясняет жестами, как протекала схватка.)* Я схватила его за руку, держащую револьвер, и повернула револьвер дулом к нему... Его палец, видимо, лежал на курке, а я подтолкнула его руку... *(Закрывает лицо руками.)* Раздался выстрел... О, как это ужасно, ужасно!.. Я пыталась, я делала все, чтобы забыть... Если бы он был только ранен, я непременно осталась бы с ним, несмотря на весь свой ужас... Но он не был ранен — он был мертв...

Роберт. Теперь нам все ясно. Можете не продолжать.

Олуэн. Осознав, что случилось, я в панике бросилась бежать и затем долго еще, не знаю сколько, сидела в своей машине, перед дверьми коттеджа, будучи не в силах пошевелить пальцем. Кругом ни души. Было уже очень поздно, и вы знаете, как там пустынно. Я продолжала сидеть в машине и дрожала мелкой дрожью, а в коттедже все было тихо, ужасающе тихо. И вновь и вновь я мысленно переживала тот ужас. *(Закрывает лицо руками и беззвучно рыдает.)*

Бетти *(отворачиваясь от нее, шепотом)*. Боже мой!

Роберт. Вы не виноваты, Олуэн.

Стэнтон *(решительно, вставая)*. Конечно, не виновата. И ни слова не должно быть сказано об этом никогда, никому. Мы все должны обещать это.

Все кивают и бормочут какие-то слова в знак согласия.

Гордон *(с горечью)*. Как жаль, что мы все не можем быть столь рассудительны и хладнокровны, как вы, Стэнтон.

Стэнтон. Я совсем не так рассудителен и хладнокровен. Но дело в том, что для меня это не явилось такой большой неожиданностью, как для вас всех. Я давно уже догадывался, что произошло что-то в этом роде.

Роберт. Все было так похоже на самоубийство, что никому в голову не приходило предположить что-нибудь иное. У меня самого в мыслях не было подумать о чем-нибудь другом. Все данные указывали на самоубийство. Я не могу понять, как вы могли догадаться, даже принимая во внимание, что знали о посещении Олуэн.

Стэнтон. Я вам сказал, что у меня была еще третья причина. Я попал в коттедж очень рано на следующее утро. Заведующая почтовым отделением в Фоллоус-Энде позволила мне по телефону, и я приехал, когда там были только доктор и констебль. Я заметил кое-что на полу, что прозевал деревенский полицейский, и поднял с пола, когда он отвернулся. С тех пор храню это в моем бумажнике. *(Вытаскивает бумажник и вынимает из него кусочек цветного шелка.)* Я довольно наблюдателен в таких вещах.

Олуэн. Дайте мне взглянуть. *(Разглядывает кусочек шелка.)* Да, это клочок платья, которое было на мне... Он был оторван во время нашей борьбы. Так вот откуда вы узнали?

Стэнтон *(бросая кусок материи в камин)*. Да, вот так я и узнал.

Олуэн. Но почему же вы ничего не сказали?

Гордон *(с горечью)*. Я вам могу ответить на это. Он ничего не сказал, потому что хотел, чтобы все думали, что Мартин застрелился. Ведь это должно было означать, что Мартин украл деньги.

Роберт *(с грустью)*. Думаю, что именно этими мотивами руководствовался Стэнтон. Это очень похоже на все то, что мы о нем сегодня узнали.

Стэнтон. Нет, тут была иная причина, гораздо более важная. Я знал, что если Олуэн каким-то образом причастна к смерти Мартина, то она не может быть виновата. Ибо нечто подобное все равно бы произошло. Я знал ее лучше, чем

кто-либо из вас, или мне казалось, что я понимаю ее лучше. И я верил ей. Она, пожалуй, единственный человек, которому я верю до конца. Она это знает. Я ей это говорил достаточно часто. Ей это безразлично, но она это знает.

Олуэн (*удивленно*). И вы даже не намекнули мне, что знаете?

Стэнтон. Удивительно, не правда ли? Какой замечательный случай я потерял, чтобы заинтересовать вас хотя бы на несколько минут. Но я не мог так поступить с вами. Мне кажется, что даже теперь, когда мы все запутались в этом деле, один из нас будет относиться к вам по-прежнему, с таким же почтительным, рыцарским уважением. И именно так я уже давно отношусь к вам. Я всегда знал, что вы молчали только оттого, что подозревали Роберта в похищении этих денег, и считали, что он находится в безопасности, до тех пор пока этот поступок будет приписываться Мартину. А все это, вместе взятое, не поощряло меня к откровенности.

Бетти (*с едкой иронией*). Неужели? Как жаль. Вы прямо романтический герой, не правда ли?

Роберт (*ласково*). Тише, Бетти, вы не понимаете.

Фреда (*с горечью*). Ах, где ей понять!

Бетти (*возмущенно, обращаясь к Фреде*). Почему вы так говорите? И еще таким тоном.

Фреда (*устало-безразлично*). Зачем вообще говорить... И не все ли равно, каким тоном?

Олуэн (*Стэнтону*). Вы знаете, я чуть-чуть не призналась вам. И тогда все могло бы быть иначе. Но я выбрала для этого неудачный момент.

Стэнтон (*живо*). Почему? Когда это было? Скажите.

Олуэн. Я вам говорила, что некоторое время сидела в моей машине, не в состоянии ни на что решиться. Но затем, когда несколько пришла в себя, я почувствовала, что мне необходимо с кем-нибудь поделиться, кому-нибудь рассказать обо всем... И вы были ближе всего.

Стэнтон (*в волнении*). Но ведь вы же не поехали ко мне в тот вечер?

Олуэн (*спокойно*). Нет, я поехала. Прямо направилась к вашему коттеджу в Черч-Мерли и прибыла туда около одиннадцати или немного позже. Оставив машину у полянки, я прошла пешком к коттеджу. А затем... затем... вернулась обратно.

Стэнтон. Вы подошли к самому коттеджу?

Олуэн. Да, да. Не притворяйтесь же таким бестолковым, Стэнтон. Я подошла вплотную к вашему коттеджу и увидела то, что заставило меня тут же повернуться и броситься обратно.

Стэнтон. Так вот когда вы приходили. После этого я понимаю, что было бесцельно...

Олуэн. Совершенно бесцельно. Мне кажется, это было последней каплей, переполнившей чашу. Я не знаю, относилась ли я с той ночи хоть к кому-нибудь из людей так же, как раньше, не только к присутствующим здесь, но вообще ко всем людям, безразлично, будь то прислуга или пассажир в вагоне поезда или автобуса. Знаю, что это глупо, но я ничего с собой не могла поделать. И (*с принужденной улыбкой*) вы, вероятно, заметили — с тех пор я перестала посещать деревенские коттеджи.

Фреда (*не без ехидства*). Да, даже Бетти это заметила.

Бетти раздражается слезами и опускает голову.

Роберт. Что такое? Что с вами, Бетти?

Гордон. Какая же ты маленькая лгунья, Бетти.

Бетти (*сдавленным голосом*). Разве все вы не лгуны?

Роберт. Но вы же не лгунья, Бетти!

Гордон. О, не будь же так глуп, Роберт. Конечно, она лгала! Она лгала, обманывала нас на каждом шагу.

Роберт. Но в чем же?

Фреда. Почему ты не спросишь у нее?

Олуэн (*тоскливо*). О, какое это имеет значение! Оставьте эту девочку в покое.

Бетти. Я совсем не девочка. Вы все в этом ошибались.

Роберт (*задумчиво*). Неужели вы и Стэнтон?

Пауза. Бетти не отвечает.

Это то, что они подразумевают?

Бетти по-прежнему молчит, но смотрит на него вызывающе.

Почему вы не скажете им, что это нелепо?

Фреда (*презрительно*). Как же она может это сказать? Не будь же смешон, право.

Олуэн (*мягко*). Видите ли, Роберт, я их видела вдвоем в коттедже Стэнтона в ту ночь.

Роберт. Простите меня, Олуэн, но в данном случае мне недостаточно даже вашего слова. Вдобавок могут быть и другие объяснения.

Стэнтон. Ах, перестаньте, Кэплен. Не хватит ли объяснений! Я ухожу.

Роберт (*в бешенстве, поворачиваясь к нему*). Вы никуда не уйдете!

Стэнтон. Да не валяйте дурака. Вас это совершенно не касается.

Фреда (*с некоторым ехидством*). Вот в этом вы ошибаетесь, Стэнтон. Именно сейчас это начинает касаться и Роберта.

Роберт. Я жду ответа, Бетти.

Бетти (*испуганно*). Что вы хотите, чтобы я сказала?

Роберт. Были вы у Стэнтона в его коттедже?

Бетти (*шепотом*). Да...

Роберт. Были вы его любовницей?

Бетти. Да. (*Отворачивается и низко опускает голову.*)

Роберт (*медленно, но с большой силой, обращаясь к Стэнтону*).

Боже мой, я мог... (*Пауза. Поворачивается к Бетти. С сильным волнением.*) Но почему, почему, ради всего святого, — почему? Как вы могли?

Бетти (*внезапно пробуждаясь к жизни*). Как я могла? Потому что я не ребенок и не кукла, набитая опилками; — вот почему. Вы пожелали вытащить все это наружу, — ну так, черт возьми, получайте же то, что вам причитается. Да, я ночевала в ту ночь у Стэнтона, проводила с ним и другие

почи. Он не влюблен в меня, и я знаю это, да и сама я вовсе не влюблена в него. Я не вышла бы за него замуж, даже если б могла. Но мне необходимо было что-то сделать с собой. Гордон сводил меня с ума. Если вы кого-нибудь хотите называть ребенком, так называйте его, потому что он сущее дитя. Наш проклятый брак, из-за которого вы все разводили такие сантименты, был самым большим обманом, который когда-либо существовал. Это был не брак, а одно притворство, притворство, притворство. «Бетти, моя дорогая», «Гордон, мой дорогой» — и это в то время, когда он тосковал о своем Мартине, а мне от одного его вида хотелось кричать.

Фреда. Бетти, вы не должны...

Бетти (*в ее голосе появляются пронзительно-крикливые нотки*). Это не моя вина! Я была влюблена в него, когда вышла замуж, и думала, что все будет чудесно!

Гордон. Ради бога, Бетти, помолчи!

Бетти (*с истерической страстностью*). Не буду молчать! Они хотят правды — так они ее получают! Мне все равно! Я ничего, ничего не вынесла из своего замужества, кроме стыда и унижения.

Олуэн. Бетти, все это вздор!

Бетти. Если бы я была той хорошенькой, наивной куколкой, за которую вы меня принимаете, может быть, это не имело бы значения. Но я не кукла. И не ребенок. Я женщина. И Стэнтон был единственным человеком, который это понял и который обращался со мной как с женщиной.

Гордон (*презрительно*). Я бы не стал тебя осуждать, если бы ты действительно влюбила в кого-нибудь, но это была лишь гнусная, подленькая интрижка, грязенькое маленькое приключение, ради которого не стоило столько лгать. Кстати, не Стэнтон ли был тем богатым дядюшкой из Америки, который осыпал тебя ценными подарками?

Бетти. Да, он. Ты даже не умел проявить щедрости, хотя твоему ненаглядному Мартину ты бы отдал все, что у тебя есть. Я знала, что Стэнтону я, в сущности, не дорога, так по крайней мере я хотела выманить у него все, что возможно.

На лице Стэнтона появляется несколько недоумевающая, ироническая улыбка.

И поделом вам. Мужчина, который говорит, что влюблен в одну женщину, и развлекается с другой у себя в коттедже, с субботы на воскресенье, — ничего лучшего не заслуживает.

Фреда (*Стэнтону*). Не из-за этого ли у вас вдруг оказалась такая нужда в деньгах, что пришлось воспользоваться злополучными пятьюстами фунтами?

Стэнтон. Да. Как странно все это оборачивается, не правда ли?

Гордон. Выходит, Бетти ответственна за все, за все это несчастье с Мартином.

Бетти (*оборачиваясь к нему*). Вы видите? Вечно один Мартин. Если я и ответственна за все, что случилось, то это только твоя вина, Гордон. Потому что ты ответствен за все, что случилось со мной. Ты никогда не должен был жениться на мне.

Гордон. Я не знал, это была ошибка.

Фреда (*с горечью*). Мы все, кажется, в нашем семействе совершили подобного рода ошибку.

Бетти (*идя к роялю*). Мне давно надо было тебя покинуть. Моей ошибкой было — оставаться с тобой, пытаться что-то наладить, представляться, что я замужем за кем-то, а на самом деле — за мертвецом.

Гордон. Мне и самому кажется, что я мертв и умер прошлым летом. Олуэн застрелила меня.

Олуэн. Гордон, я нахожу, что это непорядочно и, кроме того, глупо и претенциозно.

Гордон (*спокойно*). Может быть, это так и звучит, но это правда. Я говорил серьезно, Олуэн.

Роберт (*залпом выпив полстакана чистого виски*). Я начал все это? Ну, что ж, я и кончу. Я вам теперь кое-что скажу. Бетти, я боготворил вас, — вероятно, вы это замечали?

Фреда. Если она этого не заметила, то была просто тупа.

Роберт (*оборачиваясь к Фреде. Он не пьян, но говорит хриплым голосом и манеры его несколько несдержанны*). Я теперь говорю о Бетти. Ты могла бы нас оставить в покое на минуту. (*Обращаясь к Бетти.*) Вы понимали, что я чувствовал к вам, Бетти?

Бетти. Да. Но меня это не очень трогало.

Роберт (*с горечью*). Еще бы, почему это вас должно было трогать!

Бетти. Нет, я не то хотела сказать. Я знала, что вы влюблены не в меня. Вы меня совсем не знали. Вы обожали образ, созданный вашим воображением и лишь похожий на меня. А это совсем не одно и то же.

Роберт. Я не очень отваживался узнать. Да и не мог, понимаете. Я полагал, что вы и Гордон вполне счастливы.

Бетти. Выходит, мы не очень плохо разыгрывали образцово-счастливое супружество?

Роберт. Да, не плохо. (*Берет другой стакан и пьет.*)

Гордон. Да, что было — то было. А к чему бы привела наша игра в счастливое супружество?

Бетти. Ни к чему!

Гордон. Нет. Если бы мы продолжили ее, то, уверяю, в какой-то момент мы смогли бы обрести совместное счастье. Часто в жизни тем все и кончается.

Бетти. Никогда!

Олзуш. И я так думаю. А все, что вы сказали, Гордон, неверно. Настоящая искренность — это нечто настолько глубокое, что таким путем ее не добиться, а всякие полуправды рано или поздно все равно вылезут наружу. К тому же это и недостойно!

Стэнтон. Я согласен.

Роберт (*берет другой стакан; цинично*). Вы согласны!

Стэнтон. Вы не дожидаетесь от меня сочувствия, Кэплен.

Роберт. Сочувствия — от вас? Стэнтон, отныне я не желаю вас видеть. Вы — вор, наглый обманщик, лжец и низкий, грязный соблазнитель.

Стэнтон. А вы дурак, Кэплен. У вас очень солидный вид,

и только. На самом деле у вас много общего с вашим половым братцем. Вы не желаете взглянуть реальной правде в глаза. Выдумали себе какой-то дурацкий рай, в котором и обретались, а теперь, выбравшись оттуда благодаря потраченным за целый вечер усилиям — и, заметьте, вы сами этого захотели, — теперь строите дурацкий ад, в котором отныне намереваетесь пребывать.

Роберт *(хватает со стола стакан, из которого только что пил Стэнтон)*. Это, кажется, ваш стакан, Стэнтон? *(Подходит к окну и выбрасывает стакан за окно.)* А теперь катитесь за ним! Выметайтесь отсюда! *(Наливает себе новый стакан виски.)*

Стэнтон. Спокойной ночи, Олуэн. Прошу прощения за все.
Олуэн. И я тоже. *(Подает ему руку.)*

Стэнтон ее пожимает.

Спокойной ночи.

Стэнтон. Спокойной ночи, Фреда.

Фреда. Спокойной ночи.

Стэнтон *(поворачиваясь у двери к Бетти и Гордону)*. Я полагаю, вы тоже идете?

Гордон. Только боюсь, что не с вами. И не забудьте, Стэнтон, что вы обязаны вернуть фирме пятьсот фунтов и затем подать заявление об отставке.

Стэнтон. Ах вот как? Вы настаиваете на таком решении?

Гордон. Да, я настаиваю на таком решении.

Стэнтон. Вы об этом пожалеете. Спокойной ночи. *(С иронической любезностью.)* Не беспокойтесь — я и один найду дорогу. *(Уходит.)*

Олуэн. Не делайте опрометчивых поступков, Гордон. Какой бы Стэнтон ни был — в деловом отношении он выше всяких похвал. Если он уйдет, дела фирмы сильно пострадают.

Гордон. Я ничего не могу поделать. После всего, что случилось, я не мог бы с ним дальше работать. Пускай страдает фирма, вот и все.

Роберт. Не терзайся! Дело не в фирме. Она и так уже летит в тартарары.

Фреда. Глупости.

Роберт. Ты полагаешь? А я не уверен.

Гордон *(с горькой иронией)*. Ну, что ж, моя дорогая Бетти, мне кажется, нам лучше вернуться к себе в наш маленький домик, в наше уютное гнездышко.

Бетти. О, Гордон, пожалуйста, не надо!

Фреда *(уходя вместе с Гордоном)*. Я вас выпущу.

Роберт *(когда Бетти проходит мимо него к выходу)*. Прощайте. *(Пристально смотрит на нее.)*

Бетти. Почему вы так на меня смотрите?

Роберт. Я не с вами прощаюсь. Вас я не знаю. Прощаюсь с этим. *(Жестом указывает на ее лицо и фигуру.)* Вот и все. *(Резко поворачивается и идет к столу за новым стаканом виски.)*

Бетти несколько мгновений неподвижно смотрит на него и быстро уходит.

Олуэн *(с глубокой тоской)*. Роберт, пожалуйста, не пейте больше. Я понимаю ваше состояние, но от виски будет только хуже, — право, уверяю вас.

Роберт. Какое это имеет значение? Я конченный человек.

Олуэн. Роберт, я не могу видеть вас таким. Вы знаете, как мне это больно.

Роберт. Мне очень жаль, Олуэн. Мне действительно вас очень жаль. Вы одна вышли из всего этого с честью. Странно, не правда ли, что вам все время пришлось мучиться из-за меня?

Олуэн. Да, все время.

Роберт. Я очень сожалею.

Олуэн. А я нет. Я говорю о себе. Вероятно, мне нужно было бы жалеть себя, но я не жалею. Иногда мне было нестерпимо больно, но в то же время это поддерживало меня и придавало силы.

Роберт. Понимаю. Но мне теперь силы изменили. Что-то сломалось внутри.

Олуэн. Завтра это уже не будет казаться таким безнадежным. Так всегда бывает.

Роберт. Ничего не изменится к завтраму, Олуэн.

Олуэн. Фреда вас поддержит. В конце концов, она все-таки к вам привязана.

Роберт. Нет, не очень. Я, конечно, ей не слишком противен, но бывают моменты, когда она меня ненавидит. Я теперь понимаю почему. Она ненавидит меня за то, что я Роберт Кэплен, а не Мартин, потому что он умер, а я живу.

Олуэн. Теперь, может быть, она будет относиться к вам иначе... после сегодняшней ночи.

Роберт. Может быть. Но сомневаюсь. Она не очень легко меняется, вот в чем сложность. Но теперь, как вы понимаете, мне это довольно безразлично. Изменится она ко мне или нет — мне все равно.

Олуэн *(с глубоким чувством)*. Вы знаете, Роберт, нет ничего такого, чего бы я не сделала для вас. Я бы... *(с неловким смехом)* я бы в любой момент убежала с вами, если б вы захотели.

Роберт *(просто)*. Я безмерно вам благодарен, Олуэн, но это ничего не изменит... тут у меня внутри. Вот в чем проклятие. Все останется по-прежнему, так же пусто, так же безжизненно.

Фреда входит и затворяет за собой дверь.

Фреда. Я чувствую, что это неприлично в такой момент, но факт остается фактом — мне хочется есть. А как вы, Олуэн, а ты, Роберт? Или ты слишком много выпил?

Роберт. Да, я выпил слишком много.

Фреда. Ну, так это очень глупо.

Роберт *(устало)*. Да. *(Закрывает лицо руками.)*

Фреда. Ты сам всего добивался.

Роберт *(на минуту поднимая голову)*. Да, добивался, и вот — добился.

Фреда. Хотя сомневаюсь, чтобы тебя это очень трогало, пока дело не коснулось Бетти.

Роберт. Это неправда, но я понимаю, что ты можешь так думать. Видишь ли, по мере того как все больше и больше этой мерзости выходило наружу, я все чаще обращался к моим тайным мечтам о Бетти и искал в них поддержки, так как только они могли мне вернуть былую радость жизни.

Фреда. Я давно знала, что творится с тобой при виде ее, какие чувства и какое благородство охватывали тебя. Давно знала все и о Бетти, поэтому много раз собиралась рассказать всю правду о ней.

Роберт. Я не жалею, что ты этого не сделала.

Фреда. И напрасно.

Роберт. Почему?

Фреда. Такого рода самообольщение довольно глупо.

Роберт. А что ты скажешь о себе самой и Мартине?

Фреда. Я-то уж не обольщалась. Я знала все или почти все о нем. Я не была влюблена в кого-то, кого на самом деле не существовало, кого я сама выдумала.

Роберт. А мне кажется, что ты именно так и была влюблена. Вероятно, мы все влюбляемся так.

Олуэн. Ну, что же, тогда не все потеряно. Вы еще сумеете создать себе какой-нибудь идеальный образ и влюбиться в него.

Роберт. Нет, не смогу. В этом все горе. Я лишился этой способности — строить иллюзии. Нет во мне больше того материала, из которого создаются прекрасные иллюзии, точно какая-то железа прекратила во мне свои функции навсегда.

Фреда. Тогда тебе надо учиться жить без иллюзий.

Роберт. Нет, ничего не выйдет. Со мной не выйдет. Я принадлежу к другому поколению. Может быть, теперь и умеют воспитывать людей, которые способны жить без иллюзий. Ну, что ж, тем лучше. А я не могу. Я весь свой век прожил среди иллюзий.

Фреда (*угрюмо*). Что верно, то верно!

Роберт (*с растущим волнением*). Ну и что же из того? Они давали мне надежду, в них черпал я мужество. Они помогали мне жить. Возможно, что все это нам должна была бы давать вера в жизнь. Но у меня нет этой веры. Ни религиозной веры, никакой иной. Только этот проклятый скотный двор, в котором я должен жить. И это все. И вдобавок мне еще даны какие-то поганые железы, и секреты, и нервы, чтобы чувствовать и переживать. Но все это было не так уж плохо, скажу я вам, пока у меня были мои маленькие иллюзии.

Фреда (*горько*). Так почему же ты не оставил себе своих иллюзий, а кричал и требовал правды всю ночь, как безумец?

Роберт (*в большом возбуждении*). А потому что действительно дурак. Стэнтон был прав. Это единственная причина. Мне, как ребенку, захотелось поиграть с огнем. Еще сегодня, в начале вечера меня что-то привязывало к жизни. Я хранил добрые воспоминания о Мартине. У меня была жена, которая, правда, не любила меня, но все же хорошо ко мне относилась. У меня были два компаньона, которых я любил и уважал. Было существо, которое я мог идеализировать. А сейчас...

Олуэн (*в отчаянии*). Нет, Роберт, пожалуйста, мы знаем...

Роберт (*в исступлении*). Нет, вы не знаете! Вы не можете знать... во всяком случае, так, как знаю я. Иначе вы бы не стояли передо мной с таким видом... как будто ничего не случилось... так, пустячная ссора за бриджем, и всего-то.

Олуэн. Фреда, неужели вы не можете...

Роберт. Разве вы не видите, что мы живем уже в другом мире? Все ушло, все пропало. Мой брат был каким-то полупомешанным развратником...

Фреда (*очень резко*). Довольно об этом!

Роберт. А моя жена любила его до самозабвения и изводила своей любовью. Один из моих компаньонов оказался лжецом, обманщиком и вором. Другой — один бог знает, что он

такое, — какой-то до мозга костей испорченный истерик.
Обе женщины пытаются остановить его и успокоить.

А существо оказалось коварной, похотливой мартовской кошкой...

Олуэн (*почти кричит*). Нет, Роберт, нет! Это ужасно! Это безумие! Довольно, не надо, пожалуйста, прекратите! (*Несколько спокойнее.*) Завтра все будет иначе.

Роберт (*в совершенном безумии*). Завтра! Завтра! Нет, я уже дошел до точки. Никакого завтра быть не может. (*Качаясь, направляется к двери.*)

Фреда (*вскрикивает, бросается к Олуэн и хватает ее за руку*). У него есть револьвер в спальне.

Олуэн (*с криком бросаясь к двери*). Стойте, Роберт! Стойте! Остановитесь!

Свет постепенно гаснет, на сцене совершенно темно. Раздается выстрел из револьвера, слышится женский крик, затем наступает минута тишины. Из темноты доносится неясный звук женских рыданий, совсем как в начале первого действия.

Олуэн (*в темноте, в истерическом исступлении*). Этого не может быть! Не должно быть!

Сквозь ее крик, еле слышно, начинает пробиваться голос мисс Мокридж, и затем постепенно свет вновь зажигается, освещая всех четырех женщин, сидящих в тех же позах, что и в начале первого действия.

Мисс Мокридж. Сколько сцен мы пропустили?

Олуэн. Кажется, пять.

Фреда подходит к радио и выключает его.

Мисс Мокридж. Представляю, сколько же вранья было в этих сценах. Понятно, отчего этот человек так обозлился — я имею в виду мужа.

Из столовой доносится приглушенный мужской смех.

Бетти. Послушайте только этих мужчин.

Мисс Мокридж. Смеются, наверное, над какой-нибудь непристойностью.

Бетти. Куда там, просто сплетничают. Мужчины обожают посплетничать.

Фреда. Еще бы. У наших теперь прекрасный предлог для сплетен: все трое стали директорами фирмы.

Мисс Мокридж. Вы миленькая маленькая компания!

Фреда (*с легкой гримасой*). Миленькая маленькая компания — звучит это несколько пошловато.

Олуэн. Здесь восхитительно. Ненавижу уезжать отсюда.

Мисс Мокридж. Я вас вполне понимаю! Должно быть, удивительно приятно жить вот так — всем вместе.

Бетти. Да, неплохо.

Мисс Мокридж (*Фреде*). Но мне почему-то кажется, вам всем здесь недостает вашего деверя. Он ведь тоже часто приезжал сюда к вам?

Фреда. Вы говорите о Мартине, брате Роберта?

Олуэн, Бетти и Фреда переглядываются, затем следует короткая пауза.

Мисс Мокридж. О, кажется, это был бестактный вопрос? Со мной всегда вот так!

Фреда (*спокойно*). Нет, нисколько. Это было большим потрясением для нас в свое время, но теперь немного улеглось. Мартин застрелился.

Мисс Мокридж. Да, разумеется, это было ужасно. Ведь он был очень красив собой, правда?

Входит Стэнтон в сопровождении Гордона, который прямо идет к кушетке и берет Бетти за руку.

Олуэн. Да, очень красив.

Стэнтон (*с снисходительной улыбкой*). Кто это очень красив? Можно узнать?

Бетти. Не вы, Чарлз.

Гордон. Они говорили обо мне. Бетти, почему ты позволяешь

им так грубо льстить твоему мужу? И тебе не стыдно, моя милая?

Бетти (*держит его за руку*). Мой дорогой, я убеждена, что ты слишком горячо сплетничал и выпил лишнего.

Входит Роберт.

Роберт. Простите, что запоздал, но всему виною твой проклятый щенок, Фреда.

Фреда. О, что он еще натворил?

Роберт. Попытался сожрать рукопись нового романа Сони Вильям. Я боялся, что его стошнит. Вы видите, мисс Мокридж, как мы отсылаемся о вас, авторах.

Мисс Мокридж. Я уже привыкла. Я говорила только что, каким очаровательным тесным кружком вы все здесь живете. Я нахожу, что вам очень посчастливилось.

Стэнтон. Тут дело не в счастье, мисс Мокридж. Видите ли, случилось так, что мы все оказались людьми с легким уживчивым характером.

Роберт. Кроме Бетти — у нее характер бешеный.

Стэнтон. Это потому, что Гордон недостаточно часто колотит ее.

Мисс Мокридж. Ну, видите, мисс Пиил, мистер Стэнтон по-прежнему тот же циничный холостяк, боюсь, он вам портит всю музыку.

Гордон. Что сегодня передают? Кто знает? (*Принимается крутить радио.*)

Фреда. О, пожалуйста, Гордон, не включай радио. Мы только что его выключили.

Гордон. А что вы слушали?

Фреда. Конец какой-то пьесы.

Олуэн. Под названием «Спящий пес!».

Стэнтон. Что за название?

Мисс Мокридж. Мы толком не поняли, но что-то о лжи и о каком-то господине, который застрелился.

Стэнтон. Ну и шутники на радиостанции.

Фреда. Да, и самоубийство и еще бог знает что.

Олуэн. Послушайте, мне кажется, я поняла, в чем было дело в песне. «Спящий пес» — это правда, и человек, ну, этот муж,— непременно хотел потревожить ее, разбудить пса.

Роберт. Ну, что же, он поступил совершенно правильно.

Стэнтон. Вы полагаете? Любопытно. Мне кажется, говорить правду все равно что делать поворот на скорости шестьдесят миль в час.

Фреда. А в жизни столько опасных поворотов, не так ли, Чарлз?

Стэнтон. Да, бывает,— если только не умеешь выбрать правильного пути.

Фреда *(беззаботно)*. Давайте говорить о чем-нибудь другом. Кто желает выпить? Налей же, Роберт. И предложи папиросы.

Роберт *(заглядывая в папиросницу, стоящую на столе)*. Здесь нет больше папирос.

Фреда. В этой есть. *(Беря со стола музыкальную шкатулку для папирос.)* Мисс Мокридж, Олуэн, хотите? *(Протягивает шкатулку.)*

Олуэн *(рассматривает шкатулку)*. О, я помню эту шкатулку. Она играет мелодию, когда открываешь крышку? Я даже вспоминаю мотив. Да, кажется, «Свадебный марш»? *(Открывает шкатулку, и она играет.)*

Гордон *(возясь с радио)*. Подождите, подождите. Послушайте-ка это.

Какая-то мелодия начинает пробиваться сквозь шум, свист и радиоразряды. Она постепенно становится все яснее и громче.

Бетти *(поднимаясь с места)*. О, я обожаю этот мотив.

Стэнтон. Что это?

Бетти. «Все могло быть иначе».

Мисс Мокридж. Что такое?

Гордон. Это такой фокстрот — «Все могло быть иначе».

Роберт отодвигает кресло, в котором сидела мисс Мокридж, Фреда подвигает стол к окну. Стэнтон приглашает мисс Мокридж на танец. Она отказывается. Олуэн подходит к Роберту, и они танцуют. Все очень веселы, и музыка звучит все громче и громче, в то время как занавес падает.

LABURNUM GROVE
An Immoral Comedy
1933

Ракитовая аллея

*Аморальная
комедия*

*Перевод
Е. Голышевой
и Б. Изакова*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке появления на сцене)

МИССИС БЭКСЛИ. (ЛЮСИ).

ЭЛЬЗИ РЕДФЕРН.

БЕРНАРД БЭКСЛИ.

ДЖОРДЖ РЕДФЕРН.

ХЭРОЛД РАСС.

ДЖО ФЛЕТТЕН.

МИССИС РЕДФЕРН (ДОРОТИ).

ИНСПЕКТОР СТЭК.

СЕРЖАНТ МОРРИС.

*Действие происходит в гостиной дома
Редфернов — «Папоротниковый дом»,
в Ракитовой аллее — одном из
предместий северной части Лондона.*

Действие первое — воскресенье, вечер.

*Действие второе, картина первая —
понедельник, раннее утро;*

*картина вторая — понедельник, после
полудня.*

Действие третье — понедельник, вечер.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Светлая, удобно обставленная в провинциальном стиле гостиная в доме Редфернов — «Папоротниковый дом» на Ракитовой аллее, одном из прѣдмѣстий северной части Лондона. Позднее лето; воскресный вечер, еще достаточно светло. На задней стене справа налево: небольшое окно, затем дверь, ведущая в теплицу, и, наконец, большое окно, выходящее в сад. По правой стене, ближе к авансцене, дверь в небольшую переднюю с входной дверью и лестницей на второй этаж. По левой — дверь в кухню, за нею небольшой буфет с графином виски, сифоном и бутылками пива. В дальнем левом углу гостиной овальный или круглый стол на роликах, накрытый для ужина; еда прикрыта двумя салфетками. В углу справа небольшой столик с телефоном, радиоприемником и папиросницей. Рядом корзина для бумаг. В комнате одно-два кресла и несколько стульев.

На сцене миссис Бэксли и Эльзи Редферн. Они сидят за карточным столиком в центре комнаты. Миссис Бэксли за сорок, она одета с претензией на шик, но туалет ее уже видал виды. В характере миссис Бэксли глупость отлично уживается с расчетливым эгоизмом. Эльзи — хорошенькая, но капризная и неудовлетворенная жизнью девушка лет двадцати, каких немало встречаешь на главной улице каждого более или менее зажиточного пригорода. Эльзи тасует колоду карт, затем, разделив ее на две части, кладет перед миссис Бэксли.

Миссис Бэксли (*собрав карты вместе, раскладывает их на столе*). Для тебя... для дома... для сердца. Ты загадала желание?

Эльза. Да, тетя. Еще бы!

Миссис Бэксли. Чего ты ждешь... чего не ждешь... и что наверняка исполнится. Имей в виду, я не всегда в ударе. Иногда будущее от меня скрыто, а иногда я вижу его как на ладони и, что бы я ни нагадала, — все сбывается. Такой уж у меня дар. И я сама над ним не властна.

Эльзи (*с волнением*). Сегодня ты непременно должна быть в ударе.

Миссис Бэксли. Почему? Чего это ты так волнуешься? Видно, неспроста.

Эльзи. Потом расскажу. Сперва сама угадай. А то неинтересно. Миссис Бэксли. Ладно. Только бы мать не вернулась, пока я тебе гадаю, — она этого не любит.

Эльзи. Мама у миссис Репингтон и вернется после ужина. (*Показывая на стол в углу.*) Она поэтому и ужин нам оставила. Не беспокойся.

Миссис Бэксли. Ну, давай. (*Рассматривает карты. Напускает на себя мистическую значительность; но ухватки ясно-видящей находятся в комическом противоречии с замечаниями, не имеющими прямого отношения к гаданию.*) Кхэм... Кхэм... Прежде всего я вижу неожиданность. Тебя ждет большой сюрприз.

Эльзи. Сюрприз? Когда?

Миссис Бэксли. Скоро.

Эльзи. А как скоро? На той неделе?

Миссис Бэксли. Возможно. А может, и раньше.

Эльзи. Нет, раньше — вряд ли. Сегодня уже воскресенье, да и день на исходе, так что та неделя почти наступила.

Миссис Бэксли. Словом, это случится очень скоро. И сюрприз будет не такой уж приятный. Думаю, радости тебе не принесет.

Эльзи (*ужасно*). Ну-у, тетя Люси!

Миссис Бэксли. Ничего не поделаешь. Я говорю то, что вижу на картах.

Эльзи. А что это за сюрприз?

Миссис Бэксли (*углубляясь в карты*). Кажется, тут замешан один шатен.

Эльзи (*напрягая память*). Шатен? Молодой?

Миссис Бэксли. Не похоже. Все это связано с твоим домом.

Эльзи (*разочарованно*). Ну-у!

Миссис Бэксли. Да, а шатен, наверно, твой отец.

Эльзи. Это... это касается помолвки?

Миссис Бэксли. Нет, помолвки что-то не видно. Думаю, тебя ожидает большущий сюрприз со стороны отца.

Эльзи (*с отвращением*). Ах уж эти карты! Всегда так. Большой сюрприз... и, оказывается, от папы!.. Наверно, весь сюрприз в том, что у него в теплице выросли два помидора. Или что по его заказу будут передавать по радио «Ларго» Генделя. Или трубку, или один из своих дурацких детективов найти не может... Или еще что-нибудь! Папа!..

Миссис Бэксли. Что ж, тут так выходит... Ясно как день.

Эльзи. Может, ты, тетя, сегодня не в ударе?

Миссис Бэксли (*холодно*). Напротив, я чувствую, что в ударе. Сама просила, чтобы я погадала, а если мое гадание тебе не нравится, могу и перестать. (*Хочет подняться.*)

Эльзи (*удерживая ее*). Нет уж. Прости, пожалуйста. Продолжай.

Миссис Бэксли (*всматриваясь в карты*). Тут большой сюрприз еще для двоих, они живут в вашем доме. И скоро уедут.

Эльзи. Это, должно быть, ты и дядя Бернард. Кто же кроме вас живет у нас в доме, не считая папы, мамы и меня?...

Миссис Бэксли (*ей это вовсе не нравится*). Кхэм! Очень странно. Ума не приложу, что за сюрприз нас ожидает, — мы пока и не думали уезжать. И речи об этом

не было. Кхэм! Может, я и в самом деле что-нибудь путаю. Э л ь з и. Ну, дальше. Скажи еще что-нибудь.

М и с с и с Б э к с л и (*открыв последние карты*). Дальняя дорога. И очень скоро.

Э л ь з и (*с волнением*). Не может быть! Неужели?

М и с с и с Б э к с л и. Да. Вот она, смотри. Дорога. Чужая постель. Вода. Все это неожиданно. Но, пожалуй, это уже другая неожиданность. Не та, о которой я говорила. Дальняя дорога по воде, очень скоро.

Э л ь з и. Вот было бы хорошо, даже не верится! Ты ведь этого не выдумала, чтобы доставить мне удовольствие?

М и с с и с Б э к с л и (*с достоинством*). Конечно, нет. Я никогда ничего не выдумываю, чтобы доставить кому-нибудь удовольствие.

Э л ь з и. Значит, карты опять врут. Вечно предсказывают дальнюю дорогу, просто чтобы было интереснее. Я уже попала на эту удочку. Нагадают дорогу по воде, чужую постель, блондинку, брюнета, и ты уж думаешь, что тебя ждет что-то особенное. А кончается дело тем, что едешь в гости к тете Флорри в Сайденгэм. И в дорогу твою я не верю. Держу пари, что и тут будет как с тем большим сюрпризом, который принесет мне шатен. Такая же скука, как и все, что связано в папой.

М и с с и с Б э к с л и (*собирая карты*). В следующий раз гадай себе сама. Я сказала все, что вышло на картах.

Э л ь з и. Но ты не заметила самого главного. Неужели там ничего не было насчет помолвки?

М и с с и с Б э к с л и. Ни намека.

Э л ь з и (*торжествуя*). Вот видишь, как они врут... Я ведь почти помолвлена, а сегодня вечером буду помолвлена окончательно.

М и с с и с Б э к с л и. Помолвлена?! Что ты говоришь!

Э л ь з и. Ты, кажется, не очень-то рада?

М и с с и с Б э к с л и. Если хочешь знать, совсем не рада.

Э л ь з и. Почему?

М и с с и с Б э к с л и. Потому что ты еще слишком молода.

Эльзи: Неправда. Мне уже двадцать.

Миссис Бэксли. Ну и что? Ты еще сама не знаешь, что тебе нужно.

Эльзи. Нет, знаю. При чем тут возраст? Я всегда знала, что мне нужно.

Миссис Бэксли. Тебе так кажется... Это тот, кто был здесь вчера вечером?

Эльзи. Да, Хэролд Расс. Я пригласила его сегодня ужинать. Он хочет поговорить с папой.

Миссис Бэксли. Странное ты выбрала время — мало на это дня?

Эльзи. Ему было некогда. Он помогает приятелю продавать подержанные автомобили, и ему пришлось катать покупателя. Он хочет открыть собственное дело, как только достанет деньги.

Миссис Бэксли. Имей в виду, твой отец его недолюбливает.

Эльзи. Кажется, да. Но папа его почти не видел, а ты знаешь, какой папа. Если бы Хэролд был скучен, как вчерашний день, жил в Ракитовой аллее или где-нибудь в нашем квартале, ходил каждое утро на службу, а вечером возвращался домой и копался в теплице, папа был бы от него без ума. Но раз у Хэролда голова на плечах и он хочет сделать карьеру и как-то даже посмеялся над нашей Ракитовой аллеей...

Из передней входит Бернард Бэксли — ходеный пройдоха лет за сорок; он то нагловат, то трусоват.

Миссис Бэксли. Не пойму, над чем тут смеяться.

Бэксли (в дверях). Кто смеется и над чем смеется?

Эльзи. Мы говорили с тетей о Хэролде Рассе.

Бэксли. А... о твоём молодом человеке, который вчера был здесь? (Идет к буфету, берет банан.)

Эльзи. Да. Папе он не понравился — смеялся над Ракитовой аллеей.

Миссис Бэксли. А я не пойму, над чем тут смеяться. Вполне приличный район, почтенные люди.

Эльзи. Вот-вот. Тоска смертная. Кругом одни садики да теплицы. Ничего здесь никогда не случается, разве что соседи справа купят новый автомобиль или у соседки слева родится ребенок.

Миссис Бэксли. Погоди, родится у тебя ребенок, тебе будет не до скуки.

Бэксли (*ест банан, сидя верхом на стуле и облокотясь о его спинку*). Да, Эльзи вся в меня. Ее тяготит такое добропорядочное, однообразное существование. Конечно, изредка можно и здесь пожить наездом — вот как мы сейчас, — пока раздумываешь, за что дальше взяться, но прозябать здесь всегда я бы не смог. Мне нужна настоящая жизнь. А тут разве жизнь? Ну что она для человека бывалого, пожившего на Востоке? (*Откусывает банан.*)

Миссис Бэксли (*выразительно*). Я тебе скажу, что она для женщины бывалой, пожившей с тобой на Востоке: завтрак, обед и ужин каждый день и спокойный сон в одной и той же постели.

Бэксли. Ты так и не сумела там освоиться.

Миссис Бэксли. Да и ты не очень-то горевал, когда мы унесли оттуда ноги.

Эльзи. А я понимаю дядю Бернарда, и Хэролд тоже... Ой! Который час?

Бэксли. Десятый.

Эльзи. Я обещала встретить его возле метро. Надо бежать. (*Поспешно уходит.*)

Бэксли. Что тут происходит?

Миссис Бэксли (*встает и подходит к мужу*). Она помолвлена с этим парнем. Сегодня вечером он собирается просить согласия у Джорджа.

Бэксли. Ах вот как!

Миссис Бэксли. Да, но это еще не все. Он хочет выпросить у Джорджа денег и открыть торговлю подержанными автомобилями.

Бэкс ли. Откуда ты знаешь?

Миссис Бэкс ли. Догадываюсь — Эльзи мне выболтала.

Такой парень не стал бы спрашивать согласия папаши, если бы у него не было своего расчета.

Бэкс ли. Ну а как это отзовется на нас?

Миссис Бэкс ли. Ты уже виделся с тем человеком?..

Бэкс ли. С Симпсоном? Да. Они даже разговаривать не хотят со мной, пока я не выложу четыреста пятьдесят фунтов. И сроку мне дали до среды.

Миссис Бэкс ли (*посмотрев, нет ли кого за дверью*). В таком случае чем скорее мы попросим у Джорджа эти четыреста пятьдесят фунтов, тем лучше.

Бэкс ли. Поговорить мне откровенно с ним или лучше тебе обстригать это дело через Дороти?

Миссис Бэкс ли. Только не через Дороти.

Бэкс ли. Почему? Она же твоя сестра.

Миссис Бэкс ли. Да, но мне кажется, что мы ей чуть-чуть надоели. Гостим у них почти две недели, и это уже в третий раз за последний год. Она знает, что ты то и дело берешь займы у Джорджа. Сколько ты у него вытянул на этот раз?

Бэкс ли. Будто ты не знаешь! (*Покончив с бананом, бросает кожуру на стол.*)

Миссис Бэкс ли (*неумолимо*). Нет, не знаю. Кроме того, о чем ты мне изволил сказать.

Бэкс ли. А больше ничего и не было.

Миссис Бэкс ли. Так я тебе и поверила.

Бэкс ли (*посмотрев в записную книжку*). Может, я и брал еще время от времени шиллингов по десять — так, сушая чепуха. (*Прячет записную книжку.*)

Миссис Бэкс ли. Ничего себе чепуха. Хоть Дороти мне и сестра и человек она покладистый, но, кажется, и у нее терпение лопнуло. Последние дни она с нами не слишком-то любезна. Так что возмись-ка лучше за самого Джорджа.

Он добрый малый, хоть веревки из него вей.

Бэкс ли. Еще бы — ни забот ни хлопот. Завел себе дело, и

оно катится как по маслу. Загрывает денежки так себе, за здорово живешь. Сразу видно, стоит только на него посмотреть. Живет себе — в ус не дует.

Миссис Бэксли. Пожил бы он с тобой — знал бы почем фунт лиха.

Бэксли. Ладно, ладно. Вопрос вот в чем: взяться нам за него сегодня или еще подождать?

Миссис Бэксли. Лучше сегодня, прежде чем за него возьмется дружок Эльзи.

Бэксли. А Дороти дома?

Миссис Бэксли. Нет, в гостях у миссис Репингтон и вернется только после ужина. Так что сейчас самое время.

Бэксли. Он, наверное, там, в теплице?

Миссис Бэксли. Да, позови его.

Бэксли. Минуточку. Прежде надо выработать тактику. Пожалуй, лучше поговорить с ним немножко свысока. В конце концов, я же все-таки повидал свет, кое-где побывал, кое-что сделал, а он? *(Ставит ногу на стул, делает жест в сторону кресла.)* Допустим, я...

Миссис Бэксли. Допустим, ты его позовешь и покончишь с этим делом. А если боишься, я попрошу сама. *(Идет к двери в теплицу.)* Джордж, Джордж!

Голос Редферна *(за сценой)*. Да! Иду.

Миссис Бэксли возвращается, говорит что-то шепотом мужу, но тот ее не слышит.

Бэксли. Что?

Из теплицы входит Редферн, человек лет пятидесяти. Наружность его ничем не примечательна, хотя под его добродушным видом угадывается уверенность в своих силах и привычка распоряжаться людьми. Он одет по-домашнему: на ногах шлепанцы, на плечах поношенный пиджак; во рту трубка. Он несет два крошечных помидора и демонстрирует их с шутливым торжеством. Подходит к миссис Бэксли, чтобы дать ей поближе разглядеть свое творение.

Редферн. Посмотрите на них. Чего вам еще надо? Прямо с куста.

Миссис Бэкли. Прелесть! Очень миленькие. Присядь на минутку.

Редферн (*обходит вокруг стола, чтобы показать помидоры Бэкли*). Прекрасные помидоры. Мой особый сорт. Обращайтесь в парники Редферна, «Папоротниковый дом», Ракитовая аллея. (*Оглядываясь.*) А я думал, ужин готов. (*Кладет помидоры в салатницу на буфете.*)

Миссис Бэкли. Еще нет. Мы хотели с тобой кое о чем поговорить, пока мы одни.

Редферн. А... вот оно что. О чем именно?

Пауза.

Миссис Бэкли (*с нетерпением*). Ну, говори же, Бернард. Бэкли. Вот в чем дело, старик...

Редферн. Минутку... (*Берет кожуру от банана и бросает ее в корзину для бумаг.*) Говори.

Бэкли. Я только что виделся с Симпсоном — помнишь, я тебе о нем рассказывал? Это единственный день, когда его можно поймать, — всю неделю его нет в Лондоне. Золотое дельце — я тебе, по-моему, говорил...

Редферн. Что-то не верится. Когда в делах застой, не очень-то большой спрос на канцелярские принадлежности.

Бэкли. Дело верное, старина. Я все подсчитал. Ты уж мне поверь. Но есть одно маленькое препятствие: они говорят, что согласны поручить мне представительство — заметь, монопольное представительство, — если я им выложу четыреста пятьдесят фунтов.

Редферн. Так просто — возьмешь, да и выложишь?

Бэкли. Ну да, просто выложу. Деньги им не нужны, но их агент обязан положить на стол четыреста пятьдесят фунтов.

Редферн. Но у тебя же нет четырехсот пятидесяти фунтов.

Бэкли. Конечно нет, старик. Мне не так везло, как тебе.

Редферн. Откуда ты знаешь, что мне везло?

Миссис Бэкли. Ничего он не знает. Это у него просто

глупая манера выражаться. Всем известно, как ты из кожи лез, чтобы встать на ноги.

Бэксли. Понятное дело. Я этого не отрицаю. И я не забыл, что ты мне уже кое-что дал взаймы.

Редферн (*добродушно*). Что-то около двухсот пятидесяти фунтов.

Бэксли. Но я тебе их верну.

Миссис Бэксли. Само собой разумеется.

Пауза.

Бэксли. Вот если бы ты мне дал эти четыреста пятьдесят фунтов, чтобы я мог их выложить...

Миссис Бэксли. Понимаешь, Бернарду представился такой необыкновенный случай...

Бэксли. Я и подумал — поговорю-ка я прямо с тобой, вместо того чтобы обращаться к Дороти, хоть она и родная сестра моей жены...

Редферн. Правильно. Не будем впутывать в это дело Дороти. По правде говоря, она не знает, что ты уже должен мне двести пятьдесят фунтов.

Миссис Бэксли (*едко*). И не только она.

Бэксли. Не люблю впутывать в такие дела женщин. Вот и Джордж тоже не любит... Ну, так как, старик?

Редферн (*задумчиво*). Четыреста пятьдесят фунтов... (*Поднимается и идет к двери в теплицу.*) А ведь это большие деньги. Мне надо подумать.

Бэксли. Времени в обрез, не хочется упускать такой случай.

Редферн. Понятно, старина, но четыреста пятьдесят фунтов вдобавок к двумстам пятидесяти, которые я тебе уже дал, на полу не валяются. (*Внезапно поворачивается.*) Знаешь что... напости мне об этом после ужина, я дам тебе ответ. (*Уходит в теплицу.*)

Супруги Бэксли провожают его взглядом, потом многозначительно переглядываются.

Миссис Бэксли. Ну, как ты думаешь?

Бэксли. Дело в шляпе. После ужина выпьем рюмку-другую, и я припру его к стенке.

Миссис Бэксли. Да, а что же будет с молодым человеком Эльзи?

Бэксли. К тому времени он уже уйдет.

Миссис Бэксли. Послушай, если они захотят говорить с ним до ужина, для нас это даже лучше.

Бэксли. Верно, пускай. В конце концов, я просил первый.

Миссис Бэксли. Вот, кажется, и они.

За сценой слышны голоса и звук запираемой двери. Входит сияющая Эльзи. За ней идет Хэролд Расс, смазливый, одетый с иголочки молодой человек. Сразу видно, что лет через двадцать это будет второй Бэксли.

Эльзи (взволнованная и счастливая). Хэролд, познакомься — тетя Люси и дядя Бернард.

Хэролд, не вынимая папиросы изо рта, подходит к миссис Бэксли и здоровается с нею.

Вы ведь уже встречались?

Миссис Бэксли (с деланной улыбкой). Да, кажется, во вторник. Отличный сегодня денек, правда?

Хэролд. Я им наслаждался вволю. Возил одного типа, пытался сплавить ему машину.

Бэксли. Ну и как, вышло?

Хэролд. Не удивлюсь, если он ее купит.

Бэксли. А как дела вообще?

Хэролд. Так себе. А у вас?

Бэксли. Да в данный момент... я... гм... осматриваюсь.

Хэролд. Ах да, помню, вы мне тогда рассказывали. Вы ведь, кажется, пожили на Востоке?

Бэксли. Совершенно верно. В Малайе. Главным образом — в Сингапуре. Жалею, что вернулся. Вот там — настоящая жизнь для мужчины... даже в наши дни. Правда, Люси?

Миссис Бэксли (колко). Насчет мужчин не скажу. А для женщины это не жизнь.

Бэкссли. Ее потянуло домой. Ну, я и решил еще разок попытать счастья на родине.

Эльзи. Как мне хочется куда-нибудь съездить! И тебе тоже, Хэролд, правда?

Хэролд. Не возражал бы. (*Проходясь по комнате.*) Я, правда, и так разъезжаю понемножку, то туда, то сюда.

Бэкссли. А сейчас что, собираетесь сделать предложение о браке?

Хэролд. Позвольте, кто вам это сказал?

Бэкссли. Не все ли равно. (*Миссис Бэкссли.*) Ведь мы знаем, правда?

Миссис Бэкссли (*зло передразнивая его*). Да, мы знаем.

Бэкссли. Если вы хотите остаться с ее папочкой с глазу на глаз, скажите.

Эльзи. Хорошо. Спасибо. Но мы, пожалуй, немножко подождем.

Миссис Бэкссли (*с достоинством*). Вам представляется такой удобный случай...

Из теплицы возвращается Редферн; в руках у него еще один помидор.

Хэролд. Добрый вечер, мистер Редферн!

Редферн. А-а... добрый вечер. (*Подходит к Бэкссли и показывает ему помидор, затем тоже кладет в салатницу.*) А вот и еще один, итого у нас уже три. На ужин хватит.

Эльзи (*миссис Бэкссли*). Видишь, тетя. Вот и сюрприз, который ты нагадала. Что я тебе говорила? Папочка со своими тремя помидорами.

Редферн (*показывая на карты*). Опять гадали? (*Набивает трубку.*) А ведь гадать в воскресенье — не к добру.

Миссис Бэкссли. Пустое суеверие!

Редферн. Конечно. Но и верить в карты — тоже суеверие. Зачем же быть суеверным только наполовину? Ну, так что сегодня сулят вам карты?

Миссис Бэкссли. Большую неожиданность для Эльзи. И ей скоро предстоит дальняя дорога.

Хэролд. Ну?

Эльзи (*улыбаясь ему*). Я бы не возражала.

Редферн. Куда угодно, лишь бы подальше от Ракитовой аллеи?

Эльзи. И вовсе не куда угодно. Куда-нибудь, где интересно.

Бэксли. Я знаю, что тебе нужно. Поезжай...

Редферн (*прерывая его*). На Восток. Я сказал это первый, Бернард.

Эльзи. Тут все такие чопорные, скучные, самодовольные, с места их не сдвинешь.

Редферн. А почему бы им не быть довольными собой? У них удобные, приятные домики...

Эльзи (*с горечью*). Теплицы, радиоприемники...

Редферн (*добродушно*). Ну, а что, по-твоему, тут должно быть — слоны, тигры, подвесная канатная дорога?

Эльзи. Нет, но все они такие... такие...

Хэролд. Провинциальные.

Эльзи. Да... провинциалы.

Редферн. Ну и что? Когда мы с твоей матерью здесь поселились, мы понимали, что кое-чего в жизни достигли. Вот почему мы и довольны своей тихой, спокойной жизнью.

Бэксли. Тебя это, может, и устраивает, Джордж. Ты всегда любил так жить. А вот мне дайте настоящую жизнь, с приключениями.

Миссис Бэксли (*едко*). Вот как? С каких это пор?

Хэролд. Я его понимаю. Я сам такой.

Эльзи. И я тоже.

Редферн. Ну а я — нет. Хорошую жизнь на подносе не подают.

Эльзи. Что ты хочешь этим сказать?

Редферн. А вот что. Ты все получаешь готовеньким, даром, ни за что ни про что, а я — нет. И (*с жестом в сторону*) они — тоже нет.

Бэксли (*оглядываясь*). Кто — они?

Эльзи. Не понимаю.

Редферн. А ты послушай. Возьми наше предместье, самое

новое в северной части Лондона. Такое чистенькое, приличное. Новенькое — как с иголочки. Прекрасные магазинчики на главной улице. «Вам доставить на дом, мадам?», «Как прикажете, мадам». Кафе, кинематографы. «Здравствуйте, миссис Робинсон», «Добрый вечер, мистер Джонсон». И Ракитовая аллея, одна из наших лучших улиц, очень тихая, почтенная, с изолированными коттеджами последнего образца. У каждого коттеджа — свое имя — «Утес», «Моя обитель». И наш «Папоротниковый дом», хотя папоротника здесь нет и в помине. Милые домики. В них живут славные люди. Ведут себя тихо, чинно. Никаких скандалов. Ничего подозрительного. Не кричат по ночам. Малолитражные машины, теплицы, радиоприемники.

Эльзи (*холодно*). Вот-вот. Уж ты-то все это знаешь, папочка. Хэролд. Да уж... действительно.

Редферн (*добродушно*). Да, знаю. А ты — нет. Ты как тот баловень, который думал, что бублики растут на дереве. Не знаешь жизни. Тебе все подают на подносе. Вот ты и думаешь, что и другим — тоже.

Бэксли. А разве нет?

Редферн. Нет. Людям пришлось здорово попотеть, прежде чем они здесь поселились. Одному богу известно, чем им пришлось рисковать... кое-кому из них. Ничего ты о них не знаешь.

Бэксли (*с некоторым презрением*). Надеюсь, завтра тебя никто не подстрелит утром по дороге в контору. Что-то я не заметил, чтобы тебе приходилось чем-нибудь рисковать.

Редферн. Ну... мне... Я другое дело.

Бэксли. Тебе всегда везло.

Миссис Бэксли. Я уверена, что Джордж честно работал, хотя, конечно, в своем деле он не знал ни забот, ни хлопот.

Эльзи (*вставая и стараясь привлечь внимание миссис Бэксли*). Кхэм...

Редферн (*заметив знаки, которые делает Эльзи*). Люси, это, кажется, тебя...

Миссис Бэксли. Ах, да, Бернард, пойдем. *(Уходит в переднюю.)*

Бэксли. Куда? *(Появ в конце концов жесты Эльзи.)* А-а... да-да. *(Поднимается и уходит вслед за женой, вполголоса напевая «Свадебный марш».)*

Редферн *(с удивлением глядя им вслед)*. Что это с ними?

Хэролд *встает*.

Эльзи. Они ушли, чтобы мы могли поговорить.

Редферн. Вот оно что.

Хэролд *(придвигая свой стул к столу)*. Дело в том, мистер Редферн, что Эльзи и я...

Эльзи *(подходит к Хэролду и берет его под руку)*. Папа, мы решили пожениться.

Хэролд. То есть мы хотели бы пожениться.

Редферн. Вот оно что. *(Эльзи.)* Ты уже сказала матери?

Эльзи. Нет, я скажу после ужина, когда она вернется.

Хэролд. Естественно, что мне хотелось поговорить об этом с вами.

Редферн. Понятно.

Хэролд. Мы хотим пожениться как можно скорее.

Редферн. А на что вы собираетесь жить?

Хэролд. В том-то и дело. Конечно, мне надо бы сперва встать на ноги.

Редферн. Постойте, вы же как будто помогаете приятелю торговать подержанными автомобилями?

Хэролд *(небрежно)*. Да. Конечно, это — пока я осматриваюсь.

Редферн. Вот как, и вы тоже осматриваетесь? *(Эльзи.)* Совсем как дядя Бернард. Тот прямо мастак по этой части.

Эльзи *(с нетерпением)*. Да говори прямо, Хэролд. *(Подходит к столу и наклоняется через него к Редферну.)* Дело в том, папочка, что мы хотим пожениться... а Хэролд знает один магазин, торгующий подержанными автомашинами, — если бы у него было немного денег, он бы мог его купить...

Редферн. Часом, не за четыреста ли пятьдесят фунтов?

Хэролд *(подсаживаясь к столу и в восторге вытаскивая запис-*

ную книжку). Видите ли, можно заплатить и подороже, а можно и поторговаться. Я приведу вам цифры...
Редферн (*останавливая его*). Только не сейчас. Я спросил потому, что эта сумма сегодня, кажется, пользуется успехом.

Громкий звонок в передней.

Эльзи. Ах, черт! Кого это принесло?

Редферн. Наверно, Джо Флеттен. Он хотел забежать сегодня вечером.

Эльзи (*капризно*). Почему так поздно? Скоро станет являться по ночам, чтобы посоветоваться с тобой насчет своей теплицы.

Редферн. Очень может быть. Открой ему.

Эльзи выходит в переднюю.

Кажется, нам придется отложить нашу беседу.

Хэролд (*поднимаясь*). Ничего не поделаешь. Может, мы обсудим это дело после ужина?

Редферн. Может быть. Но боюсь, что после ужина я буду очень занят. Кстати, вы никогда не собирались стать агентом по продаже канцелярских принадлежностей?

Хэролд. Это не мой профиль. Зато машины — на этом я собаку съел. А тут такое дельце, стоит только руку протянуть...

Редферн. И положить на стол денежки. Просто выложить их — и все, а?

Хэролд. Вот-вот, именно. Понимаете...

Редферн (*останавливает его*). После ужина.

Входит Эльзи, за ней — Джо Флеттен. Это простецкий, жизнерадостный человек средних лет; на социальной лестнице он стоит несколько ниже тех, с кем мы уже встречались. В руках у него шляпа.

Флеттен. Добрый вечер, мистер Редферн.

Редферн (*поднимается и идет ему навстречу*). Добрый вечер, Джо. Я так и думал, что вы зайдете.

Флеттен (*Хэролду*). Добрый вечер. Сдается мне, я вас тут уже встречал?

Хэролд (*дуюсь*). Как будто. Добрый вечер. (*Отходит к Эльзи.*)

Флеттен (*Редферну*). Извините, что так поздно. Но с моей теплицей просто беда, — может, посоветуете что-нибудь...

Редферн (*поспешно*). Насчет помидоров? Пойдемте, я покажу, что надо делать. (*Идет в теплицу.*)

Флеттен (*следуя за Редферном*). Я вас задержу на одну минуточку. (*Эльзи и Хэролду, весело.*) Столько возни с этими теплицами, честное слово! Ни часу покоя. (*Уходит.*)

Хэролд (*вполголоса, ворчливо*). Надеюсь, этот тип не будет здесь торчать весь вечер.

Эльзи. Нет, он ненадолго. Вот надоедливый старик, просто ужас. По два, по три раза в неделю ходит поглазеть на папину теплицу. Ах, Хэролд, я так надеюсь, что все будет хорошо!

Хэролд. Да, надо бы. Вот только... твой отец меня как будто недолюбливает.

Эльзи. Узнает лучше — полюбит. Он просто чуточку ошарашен, вот и все.

Хэролд. Да и я не скажу, чтобы был в восторге от него.

Эльзи. Когда узнаешь — все у тебя с ним будет в порядке. Он мрачноват, но по натуре добр, всегда все делает для меня. А вот матушку я побаиваюсь. С отцом легко.

Дверь из передней открывается, в комнату заглядывает миссис Бэксли.

Миссис Бэксли. Как, вы одни?

Эльзи (*не слишком приветливо*). Да, можете войти.

Миссис Бэксли входит, оставляя дверь открытой.

Пришел Джо Флеттен, они с напой в теплице. (*Сидится на стул.*)

Миссис Бэксли. Не понимаю, что твой папа нашел в этом человеке. Он такой вульгарный.

Хэролд. Да, похож на шулера.

Миссис Бэксли (с достоинством). Никогда не видел шулеров.

Из передней заглядывает Бэксли.

Ладно, Бернард, не стой с таким идиотским видом. Можешь войти.

Бэксли входит, все еще напевая «Свадебный марш».

Пожалуй, пора на стол накрывать.

Бэксли. Отличная мысль! (Садится в кресло.)

Хэролд тоже устраивается в кресле.

Эльзи (вскакивая). В самом деле!

Миссис Бэксли. Если ужин будет на столе, не придет ли отцу в голову пригласить этого Флеттена?

Эльзи. Господи, кому он нужен!

Хэролд. Да уж, лучше бы без посторонних.

Бэксли. Правильно!

Эльзи. Он не останется, он никогда не остается ужинать. Так что можем рискнуть.

Миссис Бэксли. Тогда давай, Бернард. Не сиди сложа руки.

Бэксли. Что? Вот еще чего не доставало!

Миссис Бэксли и Эльзи подкапывают накрытый стол в центр, карточный столик переносят на его место. Снимают салфетки, ставят на стол графин с виски и бутылки пива.

Миссис Бэксли. И почему твой папа не наймет прислугу? Он-то уж может себе это позволить.

Бэксли. И даже двух или трех.

Эльзи. Одна из его причуд. А мама как-то об этом не думает: сама справляется, ей помогает поденщица, ну и я тоже.

Миссис Бэксли (ядовито). Вот именно — и ты тоже.

Эльзи. Не моя прихоть — сидеть дома и помогать маме, вместо того чтобы служить. Я куда охотнее поступила бы на службу.

Бэкс ли. Идут.

Из теплицы выходят Флеттен и Редферн. Стол накрыт на пятерых. На нем ветчина, язык, холодный картофель, фрукты, хлеб, масло, пиво, виски и сифон с лимонадом. Быстро сгущаются сумерки.

Флеттен (*направляясь к столу, весело*). Стол ломился от пиршеств и яств!

Редферн. Перекусите с нами, Джо.

Флеттен (*идет к двери справа*). Нет, спасибо, мистер Редферн. Тороплюсь. Завтра вечером загляну.

Редферн (*проводя его до дверей*). Заходите. В любое время после восьми.

Флеттен (*поворачивается у самой двери и возвращается к столу, миссис Бэкс ли*). Погодка стоит на славу, а? Красота. (*Идет к двери и снова поворачивается.*) Спокойной ночи вам всем. Спокойной ночи.

Все вполголоса бормочут ему в ответ: «Спокойной ночи».
Редферн выходит за Флеттеном в переднюю.

Миссис Бэкс ли (*негромко, но выразительно*). Как он меня испугал своей... «погодкой на славу»! Я же говорила — неотесанный.

Бэкс ли. «Стол ломился»... Ну и манеры! Можно подумать, что никогда в приличном доме не бывал и ничего подобного не видел.

Миссис Бэкс ли. А может, и не бывал.

Бэкс ли (*ставит на стол кувшин с пивом*). Это уж его беда, что дальше своей конуры носа не высовывал. (*Наливает себе пива.*)

Эльзи. Это один из папиных дурацких приятелей. Не будь теплицы, он и носа сюда не показал бы.

Миссис Бэкс ли. Ну, если такие дружки — приложение к теплице, я рада, что у меня ее нет.

Эльзи (*вполголоса, Харолду*). Смотри, папин ответ надо получить сегодня же.

Хэролд. Знаю, знаю.

Миссис Бэксли (вполголоса, Бэксли). Не забудь, после ужина...

Бэксли. Предоставь это мне.

Редферн возвращается и поворачивает выключатель у двери. Яркий электрический свет заливает стол.

Редферн (добродушно). Да будет свет и внесет в наши дела ясность.

Миссис Бэксли подходит к окну и опускает штору.

Ужин готов? Отлично! Поглядите на эти помидоры. Выращены своими руками. Краса и гордость всего стола.

Миссис Бэксли. Если ты так носишься с помидорами, слава богу, что не выращиваешь ананасов... Уж не знаю, что бы тогда было.

Редферн (осматривая стол). Ветчина, язык, салат. Пиво. Все, что душа желает. Давайте приступим. Прошу!

Рассаживаются. Редферн — во главе стола, лицом к зрителям; Эльзи — по одну сторону от него, рядом с ней — Хэролд; по другую сторону — супруги Бэксли. Редферн раскладывает себе салат и картофель; слышны обычные в таких случаях реплики. Эльзи передает хлеб. Хэролд просит Бэксли налить ему пива. Редферн осведомляется у Бэксли, как у него аппетит, добавляя: «Извини, что нет твоего любимого восточного соуса, Бернард! Зато помидоры не так уж плохи». Бэксли отвечает: «Попробую, что ты тут вырастил». Берет помидор, замечая при этом: «Кажется, это самый спелый», на что Редферн отвечает: «Вот-вот, бери самый лучший».

Когда начинается диалог, общий разговор смолкает.

Бэксли. Ветчина как будто свежая.

Редферн (добродушно). Она и в самом деле свежая. Знаете, ни одна еда не доставляет мне такого удовольствия, как

воскресный ужин. Сам не знаю почему. Тишь да благодать!
Эльзи (*со скрытым раздражением*). Тебе бы только тишь да благодать, папочка!

Редферн (*с ироническим самоуничижением*). Боюсь, что да. Не то что вам.

Миссис Бэксли. Ты меня с ними не путай. Я за авантюрами не гонюсь. Одного хочу — быть уверенной в завтрашнем дне. (*Многозначительно смотрит на Бэксли.*)

Хэролд. А кто не хочет?

Редферн (*с легкой иронией*). Этого вы все, конечно, хотите. Но в наши дни такая уверенность не так-то просто дается.

Бэксли (*самоуверенно*). Не просто — для людей честных. Вот в чем дело. Я люблю денюжки не меньше других, но в чужой карман за ними не полезу. (*Многозначительно смотрит на Хэролда.*)

Хэролд (*таким же тоном*). Само собой. Я тоже. И не притронусь к деньгам, если они не заработаны честным путем.

Миссис Бэксли. Господи! А кто же об этом говорит?

Бэксли. Бывали случаи... деньги сами в руки шли.. И какие деньги!

Редферн (*иронически*). И не взял?

Бэксли. Что ты, Джордж! Пальцем не тронул. Когда деньги плохо пахнут, я — пас!

Хэролд. И я не дотронусь до них даже в перчатках. У меня тоже бывали случаи — в нашем деле они частенько подворачиваются, — но, если деньги сомнительные, я на них даже и не взгляну.

Эльзи. Надеюсь, и не взглянешь.

Хэролд. Уверяю.

Бэксли (*напыщенно*). Что бы ни случилось, честность — прежде всего.

Редферн. Что ж, приятно слышать. Я и сам раньше так думал.

Эльзи. То есть как это — «раньше»?

Редферн. Тогда, когда у меня было писчебумажное дело.

Бэксли. Но оно у тебя и сейчас есть.

Редферн. Откуда ты знаешь?

Бэксли. Я так считал...

Редферн. Ошибался. Я уже много лет этим не занимаюсь.

Бэксли. А как же твоя фирма, контора?..

Редферн. Ну, я их держу для отвода глаз. Эльзи, пожалуйста, передай горчицу.

Эльзи. Но я не слышала, чтобы ты теперь занимался чем-то другим.

Редферн. Да? Кажется, эта ветчина не так хороша, как в прошлый раз. Знаешь, Эльзи, придется сказать об этом маме.

Эльзи. Послушай, папа, а мама знает, что у тебя больше нет писчебумажного дела?

Редферн. Нет. И не должна знать. Она у нас человек немножко старомодный, и для нее это может быть ударом. Мне же можете задавать любые вопросы, и я отвечу вам как на духу. Но ей — ни сл.ва. Если не можете обещать, тогда сменим тему.

Хэролд Обещаем.

Эльзи

Миссис Бэксли. И я обещаю.

Бэксли. Я тоже.

Редферн. Вот и слава богу! На том и порешим — ей ни слова. Так что же вас интересует?

Эльзи. Когда ты бросил свое дело?

Редферн. Помнишь, года четыре назад нам приходилось очень туго?

Эльзи. В тот год, когда мы никуда не поехали летом?

Редферн. Да. Мы прочно сидели на мели и без поездки к морю. Нас чуть было не продали с молотка. Вот тогда я и кончил торговать бумагой.

Хэролд. А как это случилось?

Редферн. Я бился как рыба об лед, когда вернулся с войны. Работал как каторжный. Потом наступил кризис. Пришлось попотеть еще больше. У нас сохранилась хорошая, хоть и небольшая клиентура. Кое-кто позарился на наше дело — крупная фирма. Со мной повели переговоры. Мне

не понравились предложенные условия, да и тот тип, который их предлагал, мне тоже был не по душе. Я отверг предложение, а крупная фирма, не успев я оглянуться, слопала меня — со всеми потрохами. Надо признаться, тот тип был с головой... получил потом дворянский титул... подлая скотина.

Бэксли. Ну а дальше?

Редферн. Что ж, раз честность не помогла, пришлось зажить иначе.

Миссис Бэксли. Иначе?

Редферн. Да.

Миссис Бэксли. То есть как, нечестно?

Редферн. Вот именно.

Бэксли. Ты нас разыгрываешь.

Редферн. Ничего подобного.

Миссис Бэксли. Ты хочешь убедить меня, что обдуманно стал нечестным человеком?

Редферн. Вот именно.

Эльзи. Папа, но это просто смешно!.. Ты — и жулик?!

Редферн (*небрежно*). Конечно, жулик.

Миссис Бэксли. Жулик?!

Редферн. Да, жулик. Преступник. Враг общества.

Все глядят на него, разинув рты. Первой приходит в себя Эльзи.

Эльзи. Папа, ну и шутник ты.

Бэксли. И еще какой! Хватит, Джордж. Потешились, и будет!

Редферн (*спокойно*). Я говорю совершенно серьезно. Это не шутка. (*Эльзи.*) Хочешь еще салату?

Эльзи (*не спуская с него глаз, запинаясь*). Нет, спасибо. Мне... что-то не хочется...

Редферн. Брось. Никогда не теряй аппетита — вот мое правило. Ну а вы что скажете насчет салата, Хэролд?

Хэролд (*в полной растерянности*). Да... пожалуй... мистер Редферн.

Миссис Бэксли (*торжественно*). Джордж Редферн, по-моему, ты не похож на жулика.

Редферн. Внешний вид обманчив. Зачем, по-вашему, сюда приходит Джо Флеттен?

Миссис Бэксли. Советоваться по поводу теплицы.

Редферн. Если ты думаешь, что Джо Флеттен хоть что-нибудь смыслит в теплицах, — ты ошибаешься. Стоит на него поглядеть, сразу видно, что никакой он не огородник.

Миссис Бэксли. Что же, он тоже жулик?

Редферн. Конечно. И со стажем. Работает под моим началом, в нашей же организации. (*Миссис Бэксли.*) Еще ломтик языка?

Миссис Бэксли (*слабым голосом*). Я и этого не съем. Эльзи. Папа, ты серьезно?

Редферн. Разумеется. За последние годы в этот дом не попало ни гроша, заработанного честным трудом.

Бэксли. Господи!

Редферн (*спокойно*). Только деньги, которые дурно пахнут. Вы на них ели, пили, одевались, жили, ходили в кино, ездили к морю. Если бы я и дальше старался прожить честным трудом — не знаю, что бы с тобой было, Эльзи. А так — погляди. Живем припеваючи, а твой Хэролд да и твой дядя Бернард даже падеются перехватить у меня несколько сот фунтов, — скорее всего без отдачи.

Хэролд. Позвольте, позвольте...

Эльзи. Но чем же ты все-таки занимаешься?

Миссис Бэксли. Ты что, грабишь квартиры?

Редферн. Грабить квартиры! Ну уж нет. Разве я похож на громилу?

Миссис Бэксли. Нэ, по-моему, ты вообще не похож на жулика.

Эльзи (*умоляюще*). Ты не жулик, правда, папочка?

Редферн. Я же сказал, что жулик. Стоит мне поскользнуться, чуть-чуть, самую малость, — и мне крышка.

Миссис Бэксли (*с почтительным трепетом*). Тюрьма? Редферн. Да.

Миссис Бэксли хватает стакан воды и залпом выпивает его.

И очень надолго.

Эльзи *(глядя на него с благоговейным страхом)*. Папочка!

Бэксли. Послушай, что же ты все-таки делаешь?

Редферн. Вношу посылные поправки в работу казначейства.

Эльзи. Не понимаю.

Миссис Бэксли. И я.

Эльзи *(Хэролду)*. А ты понимаешь?

Редферн. Теперь неплохо бы съесть компот. Давайте уберем грязные тарелки. *(Хочет подняться.)*

Эльзи *(поспешно)*. Я сама. *(Передает грязные тарелки Хэролду.)*

Тот складывает их горкой у себя под носом. Затем Эльзи приносит компот и наливает блюдце Редферну. Остальные отказываются.

Миссис Бэксли. Компот!

Редферн. Ну да. А что?

Миссис Бэксли. Сейчас не время есть компот.

Редферн. Наоборот. Самое время. Когда ж его есть?

Бэксли. Она не в том смысле, старина. Она и сама любит компот.

Редферн. Вот и отлично, чудесный ревень, прямо с грядки.

Миссис Бэксли. Мне не нужен ревень с грядки — мне нужна правда.

Редферн. Пожалуйста, можно — и ревень и правду.

Бэксли. Но как ты помогаешь казначейству?

Редферн. Ах, ты об этом? Видишь ли, многие думают, что кризис объясняется главным образом нехваткой денег в обращении. Представьте себе, что вы играете на фишки и видите, что фишек до конца игры не хватит. Наша организация — мои коллеги и я — все эти годы потихоньку старалась исправить сие прискорбное положение. Мы начали в Америке — стали печатать там фальшивые деньги и об-

лигации, — а потом перевели производство сюда. Последнее время, правда, американский филиал работает неважно, почти сошел на нет, но здесь все идет как по маслу. Я вообще думаю, что положение Англии было бы куда хуже, если бы не мы. Так что, можно сказать, мы вносим свой вклад.

Бэксли (*не веря своим ушам*). Подделывая облигации и деньги!

Хэролд (*с почтением*). Черт возьми!

Редферн (*любезно*). Увлекательное дело! Ты одновременно и художник и коммерсант.

Эльзи. Это серьезно?

Хэролд. Да уж куда как серьезно!

Редферн. Одно из самых тяжких преступлений в Уголовном кодексе, Эльзи. Банкирам не нравится, когда другие занимаются тем же, чем и они, а то, что не нравится банкирам, — в наши дни тяжкое преступление, как богохульство — в средние века.

Эльзи. И ты в этом замешан?

Редферн. Замешан? Нет, это моя профессия. Когда-то я смог вступить в организацию только потому, что у меня оказался нужный сорт бумаги. Но со временем я стал одним из ее руководителей. Я ведаю сбытом. Вот почему мне так часто приходится бывать в разъездах. Завтра рано утром еду в Бирмингем.

Миссис Бэксли. Как? Ты едешь в Бирмингем по этому темному делу?

Редферн. А почему нет? Если им можно заниматься в Лондоне, почему им нельзя заниматься в Бирмингеме? Разве Бирмингем — священный город?

Эльзи. А полиция действительно за тобой охотится?

Бэксли. Не будь дурой, Эльзи. Конечно, охотится. Подделывать деньги и облигации — тяжкое преступление.

Редферн (*спокойно*). Мы загадали полиции загадку — одну из самых головоломных за много лет. Они все просто с ног сбились. Полиция, сыщики, банкиры, судьи, казначейство,

армия, флот, даже воздушные силы! Лига Наций — и та против нас.

Бэксли. Не понимаю, как вас до сих пор не сцапали...

Редферн. Отчасти — удача, отчасти — хорошая постановка дела. Конечно, никогда не знаешь, что тебе готовит противник. Может, он уже расставил свои сети.

Громкий телефонный звонок. Эльзи и миссис Бэксли вскакивают. Хэролд отодвигается от стола.

Эльзи (испуганно). Что это?

Редферн (хладнокровно). Телефон. Я возьму трубку. У тебя не осталось кусочка сыру? (*Идет к телефону.*) Алло! Нет... Ничего подобного... Ничем не могу помочь. Вы ошиблись номером. (*Возвращается к столу.*) Разыскивают лечебницу для собак.

Эльзи. Как я испугалась!

Редферн. Прости, пожалуйста, но тебе же так не хватало острых ощущений. (*Садится.*)

Бэксли (торжественно). Джордж, может быть, это был один из них — из тех, кто за тобой охотится?

Хэролд. Вполне возможно.

Редферн. А может, и нет. Если вся работа сыщика — звонить по телефону и спрашивать, не у вас ли лечебница для собак, каждый мог бы стать Шерлоком Холмсом.

Эльзи (горячо). И, кроме того, я не думаю, чтобы они стали искать преступников в таком районе, как наш.

Редферн. Район не имеет значения. У сыщиков другой подход. Преступникам ведь тоже надо где-то жить, почему бы и не в Ракитовой аллее? Они же уже упекли на два года одного из соседей. Начало положено. Возможно, кого-то и еще ждет такая участь.

Хэролд с шумом отодвигает стул и встает.

Что с вами?

Хэролд (запинаясь). Мне... пора.

Эльзи (огорченно). Хэролд!

Хэролд (*поспешно идет к двери направо*). Простите, но мне пора.

Редферн (*вкрадчиво*). Вы же хотели со мной поговорить?

В другой раз, а?

Эльзи (*идет за Хэролдом*). Но ты же не можешь так уйти!..

Хэролд (*нечленораздельно*). Извините, уже поздно, я очень устал...

Эльзи (*берет его под руку*). Хэролд! Что с тобой?

Хэролд (*вырывая руку, истерически кричит*). Оставь меня в покое! Я же сказал, что мне надо идти! Спокойной ночи. (*Стремительно уходит.*)

Эльзи бежит за ним. Слышно, как хлопает входная дверь. Супруги Бэксли сидят потупив взгляд. Редферн улыбается, вытирая рот салфеткой. Немного погодя открывается дверь и появляется Эльзи; на глазах у нее слезы.

Миссис Бэксли. Ушел?

Эльзи (*плача*). Ушел. Я иду спать. Спокойной ночи.

Редферн. Эльзи, погодн...

Эльзи (*качая головой*). Только не сейчас. Я больше не могу. Спокойной ночи. (*Уходит.*)

Редферн (*глядя ей вслед, печально*). Бедняжка, боюсь, что на ее долю выпало больше острых ощущений, чем ей хотелось.

Миссис Бэксли (*язвительно*). И не ей одной. Даже великому искателю приключений Бернарду.

Бэксли (*встает и облакачивается на спинку стула; уставившись на Редферна, растерянно*). Послушай, Джордж, скажи нам, ради бога, наконец правду.

Редферн (*внушительно*). Я же сказал. Уже четыре года, как я бросил свое старое дело. Все, что вы здесь видите (*обводит вокруг рукой*), нажито незаконным или преступным путем. Куплено на грязные деньги. А ты ведь долго жил на эти деньги. И кажется, не прочь заполучить еще толику, а? Грязных денег. Нажитых нечестным путем. Подумай, как бы тебе не стать соучастником...

Бэксли (*с испугом*). Нет, уж это извините!

Миссис Бэксли. Меня даже мутит от страха. Теперь об-
мирать буду при одном виде полицейского.

Редферн. А, забудь!

Миссис Бэксли (*в негодовании*). Легко сказать — забудь!

Резкий звонок.

Что это?

Редферн (*хладнокровно*). Это Дороти, она опять забыла ключ.

Помните: ей — ни слова.

Бэксли (*идет к двери*). Лучше я пойду наверх.

Миссис Бэксли. Я тоже. Сегодня я не могу ее видеть.

(Идет за мужем.)

Бэксли. Идем скорее, чтобы не встретиться...

Редферн (*подталкивая их*). Давайте, скорей, скорей! (*Нето-
ропливо выходит, зажигая по дороге трубку.*)

Слышно, как открывается и закрывается входная дверь.

Голоса за сценой. Редферн возвращается с женой.

Ей немногим больше сорока; у нее приятная внешность.

Миссис Редферн. А где остальные?

Редферн. Эльзи повздорила со своим молодым человеком
и улеглась в постель, чтобы всплакнуть в одиночку.

Миссис Редферн. Может, мне подняться к ней?

Редферн. Оставь ее. Все пройдет.

Миссис Редферн. А Бернард и Люси?

Редферн. Также пошли спать.

Миссис Редферн. Так рано?

Редферн (*невинным тоном*). Наверно, им захотелось перед
сном потолковать друг с другом.

Миссис Редферн. Знаешь, отец, Люси хоть мне и родная
сестра, я бы не слишком горевала, если б они наконец
потолковали насчет своего отъезда. И ты, я думаю, тоже.

Редферн. Да, я бы это как-нибудь пережил. Давай я тебе
помогу. (*Убирает со стола посуду.*)

Миссис Редферн. Не надо. Посиди и покури спокойно.

Тебе ведь завтра рано вставать и ехать.

Редферн. Да. Поезд в Бирмингем уходит утром.
Миссис Редферн. Видишь. *(Берет блюдо, чтобы отнести его на буфет, но останавливается. Тепло.)* Знаешь, отец, иногда мне кажется, что ты слишком тихий и безответный. Но когда слушаешь, что миссис Репингтон рассказывает о своем муже... то, слава тебе господи, что муж у меня такой милый, честный старый тюфяк, как ты...
Редферн *(кладет руку на ее плечо)*. Что верно, то верно...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Раннее утро. Та же гостиная. Слышен звук отпираемой и запираемой наружной двери; входит Э л ь з и, неся бутылку с молоком, которое выливает в молочник. Справа появляется Б э к с л и. На нем поношенный халат; вид у него заспанный.

Б э к с л и *(зевая)*. Доброе утро.

Э л ь з и. Доброе утро, дядя.

Б э к с л и. Мне послышалось, что здесь кто-то ходит.

Э л ь з и. Наверно, это была я.

Б э к с л и. Конечно, ты. Но обычно ваша милость встанет позже всех. Чего это ты поднялась чуть свет?

Э л ь з и. Не спалось. А почему ты так рано встал?

Б э к с л и. Тоже не спалось. Вдруг вспомнил, что твой отец утром уезжает в Бирмингем.

Э л ь з и. Я тоже. И решила встать и накормить его завтраком.

Б э к с л и. С чего это вдруг? Раньше подобные идеи тебе не приходили в голову.

Э л ь з и. Женщина, которая нам помогает, заболела. Вот я и решила похозяйничать вместо нее.

Бэкс ли. Правильно! Молодец. *(Садится.)* Если бы такой человек, как твой отец, жил на Востоке, он мог бы иметь двадцать, а то и тридцать слуг. Ему самому и шагу не приходилось бы ступить.

Эльзи. Да...

Бэкс ли. Пальцем шевельнуть!

Эльзи. Да и не только на Востоке, если б он захотел!

Бэкс ли. Еще бы! Но теперь ты поняла, почему он не хочет держать в доме прислугу?

Эльзи. Да.

Бэкс ли. Ох и хитер же, ну и хитер! Знает, чем занимается. *(Замечая ботинки Редферна возле кресла справа.)* Это его ботинки?

Эльзи. Да.

Бэкс ли *(встает и благоговейно берёт ботинки)*. Не мешало бы их немножко почистить.

Эльзи. Я как раз собиралась это сделать.

Бэкс ли. Не трудись, я их почищу сам. Дай щетки и бархотку.

Эльзи выходит на кухню. Бэкс ли медленно подходит к креслу слева, останавливается, чтобы смахнуть с ботинок пыль. Садится, держа их в руках, зевает, дожидаясь, пока Эльзи принесет ему сапожные принадлежности. Эльзи возвращается.

Спасибо. Сейчас наведу блеск. *(Принимается чистить.)*
Вот удивится. Что ты дашь отцу на завтрак?

Эльзи. Яйца. Это легче всего.

Бэкс ли. А какие он любит яйца? Всытку?

Эльзи. Понятия не имею.

Бэкс ли *(роняет ботинки на пол, встает и, переступив через ботинки и сапожные принадлежности, подходит к Эльзи, с упрямом)*. Не знаешь, какие яйца любит твой папа?

Эльзи. А вы знали, какие яйца любил ваш папа?

Бэкс ли. Эльзи, не будь дурочкой, это совсем другое дело. Ты женщина. *(Поворачивается и берет с буфета банан.)*

Да и, кроме того, я уж столько лет не живу со своим папашей.

Эльзи. А чем занимался ваш папа?

Бэксли (*жует банан*). Торговал молитвенниками от методистского издательства. Всю жизнь заботился о набожном виде, ходил только в черном и носил окладистую бороду — вылитый мормон. Не курил и не пил, а вместо этого сосал карамельки от кашля. Пожирал их целыми фунтами. До сих пор слышу их запах. (*Нюхает воздух*.) Смесь патоки с керосином.

Эльзи. Он был хороший?

Бэксли. Нет. Он был чертовски скучный человек.

Эльзи (*жалобно*). Мне казалось, что и мой папа скучный. Как бы я теперь хотела, чтобы это было так.

Бэксли. Ну, уж он-то не скучный...

Эльзи. Я знаю... Дядя, как вы думаете, это правда — то, что он сказал?

Бэксли. Должно быть, правда.

Эльзи. Но ведь это мой папа! Вы только подумайте!

Бэксли (*раздраженно оглядываясь, куда бы бросить кожуру от банана*). Ты меня лучше не проси об этом думать. (*Размахивает кожей перед носом у Эльзи.*)

Она отнимает у него кожуру и бросает в корзину для бумаг.

У меня это и так не выходит из головы.

Эльзи. Я всю ночь не сомкнула глаз.

Бэксли. Ничего удивительного!

Эльзи. Меня просто трясло от страха!

Бэксли. Да, по правде говоря, тебе есть чего бояться. (*Снова принимается чистить ботинки.*)

Эльзи (*трагическим шепотом*). Послушайте, дядя... если его поймут, его на самом деле посадят в тюрьму?

Бэксли. Еще бы! Засадят как миленького на много лет. Каторжные работы.

Эльзи. Но ведь он никому не сделал ничего плохого.

Бэкс ли. Какое это имеет значение, если он занимался таким делом? Они навалятся на него всем скопом.

Эльзи. О боже!

Бэкс ли (*мрачно*). Разорвут в клочья. В мелкие клочья. Всем скопом. Каторжные работы на годы и годы... (*усердно наводя лоск*) и годы.

Эльзи. Но, дядя, это ужасно!

Бэкс ли. Как человек бывалый, который много повидал на своем веку, могу вас заверить, что ботинки начищены перво-классно! Да-а, дело дрянь, дело дрянь...

Эльзи. Им теперь осталось только поймать его.

Бэкс ли. Сцапать его, вот именно, цап-царап!

Эльзи с ужасом смотрит на Бэксли. Дверь справа открывается. Эльзи вздрагивает. Входит миссис Бэкс ли. Она полудета, у нее измученный вид.

Эльзи. Ох, тетя, как вы меня напугали.

Миссис Бэкс ли. Ничего удивительного. Теперь нам всем есть чего пугаться. Что это вы оба так рано вскочили?

Эльзи. Я готовлю папочке завтрак.

Миссис Бэкс ли. Вот и я решила поглядеть, не могу ли быть ему чем-нибудь полезной. (*Бэкс ли.*) А что ты здесь делаешь?

Бэкс ли (*непринужденно*). Да ничего, хочу вот навести немножко блеску на ботинки Джорджа.

Миссис Бэкс ли (*подсаживается к столу*). Смотри, как бы тебе теперь не пришлось чистить мне туфли. А чай готов? Скажу откровенно, я бы выпила чашечку. Ну и ночка!

Бэкс ли (*раздраженно*). Знаем, слышали.

Миссис Бэкс ли. Она-то ведь не знает. (*Эльзи.*) У меня много лет не было такой ночи. Говорили, говорили — и все об этом, все о том же, потом думали, думали — и все о том же, а когда я наконец уснула, мне снились одни полицейские, толпы полицейских!

Эльзи (*в отчаянии*). Замолчи, умоляю тебя!

Бэкс ли. И в самом деле! С чего это ты затинула волынку с самого утра?

Пауза.

Миссис Бэкс ли (*встает и, подчеркнуто подвинув стул, усаживается прямо против Бэкс ли*). Какую волынку?

Бэкс ли. Насчет полицейских.

Миссис Бэкс ли. Разве они все уже вымерли? Знаю, что теперь не осмелюсь полицейскому в глаза глянуть.

Бэкс ли. А зачем тебе ему глядеть в глаза?

Миссис Бэкс ли. О господи, опять! Хватит, наговорился ночью!

Бэкс ли. Да, когда мне удавалось вставить словечко.

Эльзи подходит к двери в переднюю и прикрывает ее.

Миссис Бэкс ли. Было уже два часа ночи, когда я попросила тебя замолчать.

Бэкс ли. Ну да, а в половине третьего сама начала все сначала. Эльзи (*подходя к столу*). Пожалуйста, только. никому ни слова...

Бэкс ли. За кого ты нас принимаешь?

Миссис Бэкс ли (*с негодованием*). Кому это надо? Нам и без того плохо, зачем еще рассказывать другим?

Эльзи. Даже маме. Не забудьте!

Миссис Бэкс ли. Неужели ты думаешь, что твоя мать не знает, если это тянется столько лет?

Эльзи. Уверена, что мама ровным счетом ничего не знает.

Миссис Бэкс ли. Не понимаю, как это она умудрилась. Родная ведь сестра, я всегда считала, что от нее ничего не скроется. Если бы твой дядюшка вздумал заняться каким-нибудь странным промыслом, уж я-то все бы знала!

Бэкс ли (*кончил наводить лоск на ботинки и закурил сигарету*). Может, да, а может, и нет.

Миссис Бэкс ли. Ты о чем это?

Бэкс ли. Я сказал, что, может быть, и знала бы, а может быть, и нет!

Миссис Бэксли. Ах так! И какое же, позволь спросить, ты затеял дельце?

Бэксли. Кто говорит о дельце? Я просто сказал, что, если бы я его затеял, ты могла бы о нем знать, но с другой стороны...

Миссис Бэксли. Я тебя поняла. Нет, я бы знала. Знала наверняка. И никак не пойму, как Джордж умудрялся скрывать это столько времени от Дороти.

Бэксли (с невеселой гордостью). То-то и оно, птицу видно по полету! Хитер!.. (Поймав взгляд миссис Бэксли.) Скрыть от нее, от нас, от всего света! В этом-то и есть его хитрость.

Эльзи. Да. Оказывается, он ужасно хитрый. Вот никогда не подозревала.

Бэксли. Ну, у меня на этот счет были свои подозрения.

Миссис Бэксли. Только не в том, что он хитер.

Бэксли. И в этом. Я уже давно его подозреваю.

Миссис Бэксли. В первый раз слышу.

Эльзи. Чайник! (Бежит на кухню.)

Бэксли. У него ума палата, у нашего Джорджа.

Миссис Бэксли. Думаешь?

Бэксли. Уверен! То, что он рассказывал мне, — свидетельство тому. С тобой о таких вещах он не говорил.

Миссис Бэксли. Я и вижу.

Бэксли. Вот и хорошо.

Миссис Бэксли. Хорошо, да не очень. Скажу откровенно: он никогда не производил на меня впечатление человека умного.

Бэксли. Да что ты в этом понимаешь?

Миссис Бэксли. Было бы куда умнее, если бы он держал свои секреты при себе. Мало того, что он разболтал их нам, он еще вздумал откровенничать с молодым человеком Эльзи. Где ж его хваленый ум?

Бэксли. А если Джордж хотел от него отвязаться? Я лично думаю, что в этом дело.

Миссис Бэксли. Ну да, но что теперь делает молодой человек?

Бэкс ли. Спят, конечно, если у него есть хоть капля здравого смысла.

Миссис Бэкс ли. Не валяй дурака. Что ему помешает сбежать в полицию?

Бэкс ли. Мы уже это ночью обсуждали.

Миссис Бэкс ли. Давай-ка снова обсудим.

Бэкс ли. У него нет никаких улик, и, если он пойдет в полицию, там над ним будут смеяться. К тому же он туда не пойдет. А ты бы пошла?

Миссис Бэкс ли. Я? Не будь идиотом. Глаза бы мои никогда не видели этих полицейских!

Эльзи возвращается с чайником и ставит его на стол.

Эльзи. Я знаю по крайней мере, что чай он любит крепкий.

Миссис Бэкс ли. Вот и хорошо: пока он спустится вниз, чай настоится и будет черный, как деготь.

Бэкс ли снова принимается чистить ботинки.

Я люблю свежий чай.

Эльзи. Подождите немного. Папа сейчас придет. Теперь, когда я знаю, что он такой умный, мне кажется, лучше бы я этого не знала. Лучше бы я никогда не говорила, что он такой глупый и скучный. Хотела бы я, чтобы он опять стал глупым и скучным.

Бэкс ли. Как же он может опять стать глупым, если никогда им не был?

Эльзи (*горестно*). Неужели вы не понимаете, что я хочу сказать?

Миссис Бэкс ли. Не обращай внимания на дядю. Сегодня он никого не желает понимать.

Эльзи. А ведь я сама затеяла этот разговор, сказав, что у нас никогда ничего не случается.

Миссис Бэкс ли (*простирая руки*). Все предсказали карты!

Бэкс ли. Если они так здорово предсказывали (*подражает жесту миссис Бэкс ли, не выпуская из руки ботинка*), почему ты нас не предупредила?

Миссис Бэкли. Детка, разве я тебе не говорила, что твой папочка готовит всем нам большой сюрприз?

Бэкли. Какой толк говорить людям, что их ожидает сюрприз, не говоря им, что это за сюрприз?

Миссис Бэкли. Да если бы я знала, что это за сюрприз, какой же это был бы сюрприз, ты, умная голова!

Эльзи. Все дело в том, что, если бы вчера я не затеяла этого разговора, мы бы так ничего и не знали, а ведь самое ужасное — это то, что мы знаем. Я ни о чем другом и думать не могу!

Миссис Бэкли. И я тоже — ровно ни о чем.

Эльзи. И потом, что скажет Хэролд...

Миссис Бэкли. Да! Как он к этому отнесется? Вот вопрос.

Бэкли. Ты же видела вчера, как он отнесся. *(Громким, самодовольным тоном.)* Вы должны взглянуть на это следующим образом...

Наверху хлопает дверь.

Эльзи. Он идет сюда. *(Встает и слегка отступает в глубь сцены.)*

Миссис Бэкли. Помолчите! Он уже тут. *(Встает и отходит направо.)*

Бэкли встает, держа в руке ботинок. Все трое напряженно ждут, вытянувшись, словно солдаты перед полководцем. Входит Редферн — деятельный, добродушный, аккуратно одетый, если не считать того, что на ногах у него домашние туфли. Изумлен, видя всех в гостиной.

Редферн. С добрым утром. Что это значит? Вы все уже на ногах?

Бэкли *(почтительно)*. Доброе утро, Джордж.

Редферн *(сухо)*. Доброе утро, Бернард. Надеюсь, ты здоров. И ты тоже, Люси. *(Подходит к Эльзи, чтобы поцеловать ее.)*
Доброе утро, детка.

Эльзи. Доброе утро, папочка.

Миссис Бэкли *(мрачно)*. Как ты сегодня спал, Джордж?

Редферн (*благодарушно*). Как убитый. Я всегда отлично сплю.
А ты?

Миссис Бэксли (*с упреком*). Совсем не спала. Всю ночь.
Никто из нас не сомкнул глаз. (*Подходит к окну и выглядывает на улицу.*)

Редферн. Да ну? Почему же вы так рано встали?

Эльзи. Мне захотелось приготовить тебе завтрак, папочка.

Редферн. Очень мило с твоей стороны. (*Идет направо, туда, где сидел Бэксли.*) А ты... (*иронически поглядывает на чету Бэксли*) магараджа?..

Бэксли. Да и мне, старина, захотелось поглядеть, не могу ли я быть тебе чем-нибудь полезен. Иногда и на меня находит такой стих — хочется приносить пользу. Знал, что ты сегодня рано собираешься в путь-дорогу.

Редферн. По-моему, это мои ботинки?

Бэксли (*небрежно*). Да. Я как раз пытался навести на них глянец.

Миссис Бэксли направляется к столу.

Редферн (*глядя на них обоих*). Ты здорово начистил их, Бернард, блестят как зеркало. Спасибо. А ты почему здесь, Люси?

Миссис Бэксли (*с некоторым вызовом*). Ну, меня тебе не за что благодарить. Я пришла потому, что не могла спать и мне захотелось выпить чаю.

Редферн. Вот и прекрасно. И ты уже пила чай?

Миссис Бэксли. Нет.

Редферн (*сядаясь к столу*). Тогда налей-ка тете Люси чаю, Эльзи. (*Ехидно поглядывает то на одного из них, то на другого.*)

Эльзи наливает чай миссис Бэксли.

Так, так, так. Ботинки сияют. Чай готов. За мной ухаживают, как за важной персоной. (*Встает и берет в руки ботинки.*) Не хуже, чем на Востоке, а, Бернард? (*Садится снова.*)

Бэкс ли. Я как раз говорил, Джордж, что такой человек, как ты, на Востоке имел бы двадцать или тридцать слуг.

Редферн. Я бы не знал, что с ними делать.

Эльзи. Папочка, ты любишь яйца всмятку или вкрутую?

Редферн. Я вообще не беру в рот яиц вот уже два года. Мне от них нехорошо.

Эльзи (*покаянно*). Сразу видно, как я внимательна, правда?

Редферн (*ласково*). Ну, какое это имеет значение?

Эльзи. Что же ты будешь есть на завтрак?

Бэкс ли. Перед поездкой надо поплотнее заправиться.

Редферн. Я всегда завтракаю в поезде. И время проходит незаметно.

Эльзи. А я приготовила чай.

Редферн. Вот это мило. Чашку чаю я выпить успею.

Миссис Бэкс ли. Куда же это ты отправляешься, Джордж?

Редферн (*весело*). Еду на день в Бирмингем по делу.

Миссис Бэкс ли (*с горечью*). «По делу»!

Редферн. Так точно — по делу. Надеюсь, ты не думаешь, что я стал бы ездить в Бирмингем ради удовольствия?

Миссис Бэкс ли (*все с той же горечью*). Да, но дела бывают разные.

Редферн (*добродушно, но не без ехидства*). Ты хочешь сказать, что бывают дела, которые нас касаются, и дела, которые нас не касаются?

Миссис Бэкс ли. Вовсе нет!

Эльзи (*с укором*). Ты ведь знаешь, папочка, что она подразумевает.

Редферн (*копируя миссис Бэкс ли*). Вовсе нет!

Бэкс ли. Темные дела, вот на что она намекает.

Эльзи. Ну да, темные дела.

Редферн. «Темные дела»! «Темные дела»! Что за тема для разговора, особенно в понедельник, с утра.

Миссис Бэкс ли. А как же прикажете их называть?

Редферн. Да просто делами. Коммерцией. Вот до чего доводит вечная беготня в кино. Что бы подумали наши соседи, если бы они тебя слышали?

Эльзи (*не принимая шутки*). Но, папа, ты ведь сам нам вчера сказал!

Редферн. Я? Сам вам вчера сказал?

Бэкли. Разве ты не помнишь, Джордж, что вчера вечером ты нам все выложил начистоту? Теперь от этого никуда не денешься. Мы все знаем.

Эльзи. И я из-за этого всю ночь не спала. Думала, думала...

И дядя Бернارد с тетей Люси — тоже.

Бэкли. Не всю ночь, неправда.

Миссис Бэкли. Как — неправда, ведь всю ночь рта не закрывал! Значит, ты разговаривал во сне?

Бэкли. Да и ты меня, видно, сквозь сон слушала.

Редферн. Погодите минутку. Если вам хочется жить хорошо, удобно, покойно, запомните одно золотое правило...

Миссис Бэкли (*с горечью*). Жить, как ты, Джордж?

Редферн. Да, как я. Правда, я это правило только сейчас придумал, но всякое правило кто-нибудь рано или поздно выдумывает.

Бэкли. Хорошо сказано, старина.

Редферн. А правило такое: никогда не думай и не повторяй в понедельник утром того, что говорилось в воскресенье вечером.

Эльзи (*смеясь сквозь слезы*). Ох, папка, как это глупо!

Редферн. Нисколько. В понедельник утром надо начинать жить с чистой совестью, ничего не помня, — ведь впереди новая неделя.

Миссис Бэкли (*с горечью*). «С чистой совестью»?

Редферн. Вот именно — с чистой совестью.

Миссис Бэкли (*в сердцах*). Как ты можешь так говорить, Джордж Редферн, после всего, что ты нам рассказал вчера вечером! Ведь полиция вот-вот вломится сюда и всех нас заберет...

Громовой стук в наружную дверь.

(Вскакивает; в смятении.) Кто это?

Редферн (*спокойно*). Почтальон.

Миссис Бэкли садится.

Эльзи *(поспешно)*. Я схожу. *(Выбегает в дверь направо.)*

Редферн *(закуривает трубку, взглянув на часы)*. Который час? Ничего, я не опаздываю. *(Начинает обувать ботинки.)*

Бэкли. Могу я чем-нибудь тебе услужить, Джордж?

Редферн. Нет, спасибо, Бернард. Я и так тебе очень обязан. Смотри, как блестят ботинки. Но стоит ли меня так баловать только за то, что я зарабатываю деньги нечестным путем?

Эльзи возвращается, неся письмо.

Эльзи. Два письма тебе, папа. Одно — мне.

Бэкли. Для нас, значит, ничего?

Миссис Бэкли. А от кого могли быть письма нам?

Бэкли. Понятия не имею. Я думал, нет ли письма от одного из моих ребят...

Миссис Бэкли. Каких это «твоих ребят»?

Бэкли. Да тех самых...

Миссис Бэкли. Каких это «тех самых»?

Бэкли. Если не знаешь, то помолчи.

Эльзи распечатывает письмо, с жадностью читает и пронзительно вскрикивает.

Редферн. Что случилось?

Эльзи. Это от Хэрлда. Он пишет, что больше не хочет... О, все кончено! *(Всхлипывая, роняет голову на стол.)*

Редферн *(подходит к ней)*. Не горюй, Эльзи.

Эльзи *(сквозь слезы)*. Ты ничего не понимаешь.

Редферн *(мягко)*. Послушай, детка. Ей-богу же, из-за него не стоит расстраиваться...

Эльзи *(сердито прерывает его, обливаясь слезами)*. Ты во всем виноват! *(Смотрит на него с вызовом.)* Все это из-за тебя! *(Отталкивает Редферна и бежит к двери.)*

Навстречу ей появляется миссис Редферн.

Миссис Редферн *(с удивлением)*. Что с тобой?

Эльзи *(в слезах)*. Все кончено! *(Отстранив ее, убегает.)*

Миссис Редферн *(смотрит ей вслед, потом переводит взгляд на присутствующих)*. Может, мне все-таки кто-нибудь скажет, что здесь творится? *(Подходит к столу, поправляет скатерть.)* Эльзи вскочила чуть свет. Вы оба — тоже. Эльзи плачет. Что тут происходит?

Редферн *(подходит к ней)*. Оставь, мать, Эльзи в покое. Ну и вздорный же, слабодушный, ничтожный тип этот ее Хэролд!

Миссис Редферн. А что он наделал?

Редферн. Эльзи получила от него письмо. Они из-за чего-то поссорились. А теперь он с ней порвал.

Миссис Редферн. Ах вот оно что. *(Берет конверт, который Эльзи оставила на столе.)* Хотела бы я высказать этому молодому человеку, что я о нем думаю. Сам не знает, чего хочет.

Бэкли. Чтобы знать, чего хочешь, надо иметь мозги. А их у него никогда не было. Я сразу его раскусил.

Миссис Редферн. Как он смеет так ее огорчать? Кто он такой, что позволяет себе морочить ей голову, а потом ссориться...

Редферн. Не стоит из-за него огорчаться.

Бэкли. Конечно, не стоит. Я мог бы вам это сразу сказать.

Миссис Бэкли. Какая жалость, что ты не делишься с нами твоими познаниями.

Редферн. Послушай, мать, ты ей ничего не говори. Оставь ее в покое.

Миссис Редферн. Что ж, пожалуйста, но мне не хочется, чтобы она выплакала себе все глаза...

Редферн. А ты не можешь свезти ее в город, за покупками... или что-нибудь в этом роде?..

Миссис Редферн. Сегодня не могу, отец. У меня много работы, и я пообещала миссис Репингтон сходить вместо нее в контору по найму прислуги.

Редферн *(подходит к миссис Бэкли)*. А тебе ведь сегодня нечего делать, Люси?

Миссис Бэксли (с горечью). Нет, мне остается только развлекаться.

Редферн. Вот и развлекайся вместе с Эльзи. Свозите-ка вы с Бернардом ее в город. Походите по магазинам. Сходите в кино.

Миссис Бэксли. На какой-нибудь фильм про жуликов?

Редферн (весело). Конечно! Выберите хороший фильм про жуликов. Вот и повеселитесь — здесь ведь такая скука. Возьмите. (Вынимает из кармана две бумажки по фунту стерлингов.) И помогите Эльзи их истратить.

Миссис Бэксли (берет деньги, но поглядывает на них с недоверием). Хорошо... Только, надеюсь...

Редферн. Не бойтесь, они вас не укусят.

Миссис Редферн. Ты даешь слишком много, отец.

Редферн. Неважно, пусть потранжируют.

Миссис Бэксли (с горечью). Еще бы, там, где их взяли, наверно, осталось немало!

Миссис Редферн. Как не стыдно, Люси!

Миссис Бэксли (угрюмо). Прошу прощения.

Миссис Редферн. Ты портишь Эльзи. Она и так не знает цену деньгам. Если ее послушать, деньги пачками валяются на улице — стоит за ними только нагнуться.

Миссис Бэксли (угрюмо). Воистину!

Редферн (подходя к Бэксли). Хорошо сказано. «Деньги пачками валяются на улице». Что ты скажешь, Бернард?

Бэксли (в смущении). Да-да, конечно, еще бы... (Неестественно хохочет.)

Редферн. Хотел бы я знать, где можно подобрать такой паке-тик. Куда лучше, чем все время осматриваться...

Миссис Бэксли. Поищи в Бирмингеме.

Редферн. Попробую. Пора, кстати, и в путь. (Идет к двери.) Если меня будут спрашивать, скажите, что я вернусь около восьми. Может, зайдет Джо Флеттен — попросите его подождать.

Миссис Редферн. Как, опять Джо Флеттен? Он скоро совсем сюда переселится.

Миссис Бэкли. С этими теплицами, видно, много мороки. Редферн. Да, Люси, ты угадала. Ладно, желаю хорошо провести день. *(Целует миссис Редферн.)* И успокойте Эльзи.

А теперь мне надо пойти и заработать хоть пару грошей честным трудом. *(Идет к двери направо.)*

Миссис Бэкли *(громко, негодующим тоном)*. Каким трудом?

Редферн. Я сказал — честным. Привет. *(Быстро уходит.)*

Миссис Редферн *(идет на кухню и, вернувшись оттуда с передником, надевает его)*. Не знаю, что тебя сегодня укусило, Люси, но ты явно встала с левой ноги.

Миссис Бэкли *(вспыхивая)*. Да? И как ты думаешь почему?

Бэкли. Сама знаешь почему.

Миссис Бэкли *(строго)*. Ты лучше помолчи. *(Миссис Редферн.)* Могу я осведомиться, почему ты думаешь, что я не в духе?

Миссис Редферн. А как же? Джордж дал тебе два фунта, чтобы ты прогулялась с Эльзи. По-моему, это чересчур много, а ты, вместо того чтобы сказать спасибо, косо смотришь и на него и на деньги, будто бы... будто бы...

Миссис Бэкли. Будто бы что?

Миссис Редферн. Не знаю. Будто он украл их, а не надрывался столько лет, чтобы их заработать!

Миссис Бэкли. Надеюсь, он и в самом деле надрывался, чтобы их заработать!

Миссис Редферн *(с негодованием)*. Да, конечно! Можно подумать, что я тебе не рассказывала!

Миссис Бэкли. Рассказывала, но у него бывает такой самодовольный вид, что он никак не похож на человека, который столько лет выбивался из сил.

Миссис Редферн. Ты находишь? Есть люди, для которых труд — не наказание.

Миссис Бэкли. Это, Бернард, в твой огород. Ты и отвечай. *(Встает.)*

Миссис Редферн. Тебе бы следовало объяснить, на что ты намекаешь.

Миссис Бэкли (*с достоинством*). Может, теперь я наконец попаду в ванну. (*Гордо удаляется.*)

Миссис Редферн. Какая муха ее укусила? Она сегодня какая-то странная. (*Подходит к столу и ставит чашки на поднос.*)

Бэкли (*чувствуя неловкость*). Да она... просто сегодня не выпалась.

Миссис Редферн (*многозначительно*). Может, ей лучше переменить обстановку?

Бэкли. Нет, что ты. Правда, здесь немножко шумно и маловато воздуха...

Миссис Редферн (*враждебно*). Нам в этом доме воздуха хватает. (*Подходит к нему и поднимает сапожные щетки и бархотку, которые он забыл убрать.*)

Бэкли (*поспешно*). Ну да, но все зависит от того, к чему привыкаешь. Вот когда мы жили в Сингапуре...

Миссис Редферн (*холодно*). Одну минутку, Бернард. Тебе было хорошо в Сингапуре?

Бэкли. О да, отлично.

Миссис Редферн. Ты, кажется, кое-что забыл насчет Сингапура.

Бэкли. Да разве можно его забыть?

Миссис Редферн. А все-таки забыл.

Бэкли. Что именно?

Миссис Редферн. Забыл, что он стоит на прежнем месте и дожидается тебя. (*Решительно направляется на кухню.*)

Бэкли (*недоумевая*). А? Ах?.. Ну да, ну да. (*Смеясь, идет к буфету. Берет банан, садится и ест, но вдруг его осеняет догадка и он резко поворачивает голову в сторону кухни.*)

Картина вторая

Сумерки того же дня.

Когда занавес поднимается, сцена пуста. На столе — книга и корзинка для рукоделия. Из кухни появляется миссис Редферн, хочет сесть, но замечает на столе кожуру от

банана, берет ее и выносит на кухню. Вернувшись, принимается штопать носки. Звонок в передней. Она идет открывать, и скоро за сценой слышны голоса. Миссис Редферн возвращается; за ней идет полицейский в штатском, инспектор Стэк, щеголеватый человек лет сорока, с уверенными, властными манерами. Судя по всему, он произвел на миссис Редферн весьма благоприятное впечатление.

Стэк. На один день?

Миссис Редферн. Да. Может, вы присядете?

Стэк. Спасибо.

Садятся.

Миссис Редферн (*радуясь возможности поболтать*). Ну да, он поехал в Бирмингем по делу, всего на один день. Он туда часто ездит.

Стэк. Ах вот как. Вы, случайно, не знаете, когда он вернется?

Миссис Редферн. Сказал, что около восьми.

Стэк. Значит, если я зайду после восьми, я его застану?

Миссис Редферн. Непременно. Не думаю, чтобы он куда-нибудь пошел. Как всегда, будет возиться в теплице или с радиоприемником.

Стэк (*почтительно*). И поверьте, очень умно поступит, миссис Редферн. Хотел бы и я иметь возможность почаще проводить вечера дома.

Миссис Редферн (*наслаждаясь болтовней*). Ну, знаете, мой муж всегда был домоседом. Дела, конечно, вынуждают его выходить из дому, а частенько и разъезжать, но стоит ему вернуться — и все, что ему надо, — это шлепанцы, трубка, книжка, его теплица, радиоприемник.

Стэк. Позвольте, он ведь, кажется, торгует бумагой?

Миссис Редферн. Да, у него оптовая торговля дорогими сортами бумаги.

Стэк (*небрежно*). Подходящей и для... ну, скажем... бумажных денег?

Миссис Редферн. Думаю, что да, но боюсь сказать точно.

Знаю только, что дело у него оптовое и всегда было оптовым.

Стэк. Его склады, вероятно, где-нибудь в городе?

Миссис Редферн. О да. Знаете, возле Смитфилда. Я заглянула туда всего раз, — помню, был теплый день и так пахло мясом со Смитфилдского рынка, прямо ужас!

Стэк. Знаю. Сам ненавижу этот запах. Отбивает охоту от бифштексов. *(Смеется.)* И ему удалось остаться на поверхности, пережить тяжелые времена?

Миссис Редферн. Да, нам грех жаловаться. Он чуть-чуть сдал четыре или пять лет назад — как и многие другие, если припомните, — да кто же был в этом виноват...

Стэк *(сочувственно)*. Конечно. Время было такое.

Миссис Редферн. Вот-вот. Но с тех пор он пошел в гору.

Да, нам и в самом деле грех жаловаться.

Стэк. Я уверен, что вы и не жалуетесь.

Миссис Редферн. Почему вы так говорите?

Стэк *(вежливо улыбаясь)*. Вижу, что вы не из числа таких людей, миссис Редферн.

Миссис Редферн *(польщена)*. Ну, я-то всегда считала, что надо довольствоваться тем, что у тебя есть. Живем ведь только раз, так давайте же радоваться тому, что бог послал. *(Решительно, хотя и совсем не грубо.)* Понятия не имею, с чего это я разоткровенничалась с посторонним человеком. Кстати, вы ведь мне даже имени своего не назвали!

Стэк. Нет. Простите. *(Встает и достает из бумажника визитную карточку.)* Прощу вас. *(Передает ей.)*

Миссис Редферн *(читает)*. «Полицейский инспектор Стэк. Уголовно-следственное управление, Скотланд-Ярд». Господи, твоя святая воля! Вы из Скотланд-Ярда? Сыщик?

Стэк *(улыбаясь)*. Да. Похож на сыщика?

Миссис Редферн. Вот уж не знаю. Никогда еще сыщика не видела. Но, во всяком случае, вы ничуть не похожи на полицейского.

Стэк. Спасибо хоть за это.

Миссис Редферн. Но зачем вам понадобился мой муж?

Стэк (без запинки). Нам надо навести кое-какие справки, и мне указали на мистера Редферна — говорят, он может кое-что сообщить. Боюсь вас разочаровать, но не обещаю ничего из ряда вон выходящего. Никого не убили. Семейных бриллиантов не крали. Маленькое, скучное дельце, связанное с коммерцией. *(Снова усаживается в кресло.)*

Миссис Редферн. Что ж, если муж сможет вам помочь, он будет только рад. И ему будет интересно встретить сыщика — он ведь так любит читать детективные романы. Как раз на днях заставил меня прочесть один. *(Ставит визитную карточку у пепельницы.)*

Стэк. Насколько я знаю, мистер Редферн несколько лет назад имел дела с одной из интересующих нас фирм. Вот я и думал, что он сможет сообщить мне о ней кое-какие сведения. Кроме того, он ведь много разъезжает, правда?

Миссис Редферн. Да, ему частенько приходится ездить.

Стэк. Вот, например, Бирмингем. Это, конечно, не очень далеко...

Миссис Редферн. Да, но это у него самое близкое место.

Иногда ему приходится ездить в Ливерпуль. И в Ньюкасл:

Стэк *(жадно ловит ее слова)*. И, наверно, даже в Шотландию?

Миссис Редферн. Да, ему частенько приходится ездить в Глазго.

Стэк *(откидываясь в кресле)*. Неужели? Однако это все же не так утомительно, как поездка за границу.

Миссис Редферн. Ну, он вынужден иногда ездить и туда тоже.

Стэк. Да? Ничего удивительного. У меня был приятель, он работал в той же отрасли, и ему то и дело приходилось путешествовать в Амстердам и Брюссель.

Миссис Редферн. Это как раз те города, куда ездит муж. В Амстердам и Брюссель. Он, наверно, знаком с этим вашим приятелем.

Стэк. Ни капли не удивлюсь, если так.

Миссис Редферн. А вы его спросите, если зайдете сегодня вечером.

С т э к. Непременно. *(Вставая.)* Ну, я больше не стану вас задерживать. Если позволите, загляну вечером.

М и с с и с Р е д ф е р н *(встает, закрывает корзинку с рукоделием).* Милости просим. *(Пожимает ему руку.)*

Слышен стук входной двери.

Одну минуточку, это вернулись моя дочь и сестра с мужем. Разрешите вас с ними познакомить — им ведь тоже будет интересно поглядеть на сыщика.

Стэк, улыбаясь, кивает и останавливается вполоборота к двери. Входят Эльзи, Бэксли и миссис Бэксли. Они с удивлением смотрят на Стэка.

(Заговаривает прежде, чем они успевают открыть рот; игриво.) Ну, вы трое, держу пари, никогда не отгадаете, кто это такой.

Все трое вопросительно смотрят на Стэка.

М и с с и с Б э к с л и *(мрачно).* Я, во всяком случае, не знаю. Б э к с л и *(с надеждой).* Лицо мне кажется знакомым...

Э л ь з и. Не смогу догадаться.

М и с с и с Р е д ф е р н *(очень довольная собой).* Это — инспектор Стэк из Скотланд-Ярда.

На лицах Эльзи, Бэксли и миссис Бэксли сразу же отражается ужас. У Бэксли отвисает челюсть, глаза миссис Бэксли чуть не выскакивают из орбит. Заметив произведенное впечатление, Стэк смеется.

Не смотрите так! У вас такой вид, словно за вами пришли, чтоб отвести в тюрьму. *(Стэку.)* Вы уж их извините. Если они чего-нибудь и натворили, я об этом не знаю.

С т э к. Ничего, ничего. Мы привыкли, что на нас так смотрят. *(Идет к двери, все перед ним расступаются.)* Значит, я зайду вечером повидать мистера Редферна. Всего хорошего. *(У двери поворачивается и отвешивает поклон.)*

Миссис Редферн идет его проводить. Остальные стоят, окаменев от ужаса, и провожают их глазами. Возвращается миссис Редферн.

Миссис Редферн. Ну, скажу я вам, и компания! Прямо удивительно, что он не принял вас за шайку жуликов или что-нибудь в этом роде. А какой милый человек! Видно, не из простых и так хорошо воспитан. Что с вами?

Эльзи. Мама... *(делает к ней шаг)* он в самом деле сыщик и хочет видеть папу?

Миссис Редферн. Конечно.

Бэкли. Господи! Ну, Люси, складывай вещи.

Миссис Редферн. То есть как это — «складывай вещи»? В чем дело?

Миссис Бэкли. Арест, тюрьма, каторжные работы — вот в чем дело.

Эльзи *(кидаясь на шею матери)*. Ох, мама!

Бэкли *(направляясь к двери)*. Пойдем, Люси. Нам надо убраться — и поскорее.

Миссис Редферн *(отстранив Эльзи, закрывает дверь)*. Ну, нет, этот номер не пройдет, Бернард. Во всяком случае, пока вы не скажете, в чем дело.

Эльзи рыдает.

Что вы натворили?

Бэкли *(негодующим тоном)*. Я? Я-то ничего не натворил.

Миссис Бэкли. Не вздумай только валить все на нас.

Миссис Редферн. «Валить на вас»? Что именно?

Миссис Бэкли. Спроси лучше Эльзи. Нам тут не место.

Миссис Редферн. Никуда вы не уйдете, пока не скажете, чего вы боитесь.

Эльзи. Ах, мама... это папочка.

Миссис Редферн. Папа?

Миссис Бэкли *(с горечью)*. Ну да, ваш папочка, ваш драгоценный, тишайший, почтенный Джордж. И его честно заработанные гроши.

Эльзи. Это правда, мама. Он сам нам все рассказал. Вчера вечером.

Миссис Редферн (*выведенная из себя*). Что он вам рассказал, дурачье?

Миссис Бэксли. Что он — жулик.

Бэксли. И уже много лет.

Миссис Бэксли. Все нажито бесчестным путем.

Бэксли. Орудует с большой шайкой, все сыщики их ищут, прямо с ног сбились.

Миссис Бэксли. И еще гордится этим!

Бэксли (*ударяя кулаком по столу*). Его ожидают долгие и долгие годы каторги.

Эльзи (*сквозь слезы*). Ах, мама, это правда! (*Садится у стола и плачет.*)

Миссис Редферн (*громко*). Замолчите, замолчите!

Они стихают.

(*Продолжает спокойно.*) Что такое? Что вам папа вчера сказал?

Бэксли. Пусть расскажет Эльзи. (*Направляется к двери.*) Мы пойдем укладываться.

Миссис Редферн (*останавливая его*). Ничего подобного. Никто не выйдет из комнаты, пока я не пойму, в чем дело.

Бэксли делает беспомощный жест, возвращается и садится в кресло.

Ну, кто из вас мне объяснит?

Миссис Бэксли. Говори, Эльзи. Скажи ей.

Эльзи. Вчера вечером, как раз перед твоим приходом, папа нам рассказал, что он уже много лет назад забросил свое дело и что он теперь мошенник.

Миссис Редферн. Он рассказал это тебе, Люси и Бернарду?..

Эльзи. И Хэролду.

Миссис Редферн. А-а, и Хэролду тоже?

Эльзи. Да. Он говорил, что мошенничает уже много лет и участвует в международной шайке.

Бэксли. Она возникла в Америке.

Миссис Редферн. Понятно. Возникла в Америке. Дальше.

Эльзи. И что они в Америке обжуливали банки, и здесь, и во Франции тоже, и повсюду.

Бэксли. Делали фальшивые банкноты и облигации.

Миссис Бэксли. Чем только они не занимались — всякими грязными и опасными аферами.

Эльзи. И что сыщики уже много лет пытаются напасть на след этой шайки, но им не удается и что, если его поймут, он получит много-много лет каторжных работ.

Бэксли. И получит, будьте уверены.

Миссис Редферн. Так вот что он вам рассказал!

Эльзи. Да, мама, и это правда. Вот почему ему приходится все время ездить в разные города и даже за границу. И вот почему мистер Флеттен так часто сюда ходит — он тоже в шайке, а в теплицах он вовсе и не понимает ничего, то есть...

Бэксли. Теплицы — это просто ширма, самая обыкновенная ширма. До сих пор ему удавалось водить нас за нос, но теперь ему всыпят!

Миссис Редферн. Он, верно, просил вас ничего мне не говорить?

Миссис Бэксли. Да. Сказал, что ты ничего не знаешь и не должна знать, хотя я лично не представляю себе, как он умудрился все это от тебя скрыть.

Миссис Редферн. Да очень просто.

Миссис Бэксли. Просто?

Миссис Редферн. Еще бы! Я могу объяснить, почему он вам, а не мне об этом рассказал.

Бэксли. Почему?

Миссис Редферн. Он отлично знал, что вы — дурни и пове-
рите во всякую чепуху, а со мной такой номер не пройдет.
Неужели вы не видите, что он вас просто разыграл? Так
вам, болванам, и надо. Только потому, что он любит тишину

и покой у себя дома, вы вбили себе в голову, что он скучный, старый сухарь. Я ведь слышала, что ты говорила, Эльзи. И вы оба ничуть не лучше. (*Подходит к Эльзи.*) А что до твоего Хэролда, я отлично понимаю, чего добивался отец: он просто хотел его отвадить. Так вот о чем было его письмо, вот почему он решился порвать с тобой, а ты все утро обливалась слезами?

Эльзи. Ну да, конечно.

Миссис Редферн. А на вас лица не было и вы всю ночь не спали?

Миссис Бэкли (*с достоинством*). Естественно.

Миссис Редферн. И вскочили спозаранок?

Бэкли. Именно.

Миссис Редферн. Тогда вы еще глупее, чем я думала.

Эльзи. Но, мама, это же правда!

Миссис Редферн. Какая там правда! Во всем, что он сказал, нет ни слова правды. Неужели я бы не знала? Понять не могу, как вы во все это поверили!

Бэкли. Хорошо тебе говорить...

Миссис Редферн. А теперь, наверно, подумали, что сыщик пришел его арестовать. Если хотите знать, инспектор просто наводил справки о какой-то торговой фирме...

Бэкли. Это он так говорит.

Миссис Редферн. Послушай, Бернард, надо же иметь голову на плечах — даже если ты и жил когда-то в Сингапуре. Как вы полагаете, стала бы я так спокойно с вами сейчас разговаривать, если бы хоть на минуту могла допустить, что отец занимается чем-то предосудительным?

Миссис Бэкли. Но откуда ты знаешь, что нет?

Бэкли. Ведь он нам рассказывал, а не тебе.

Миссис Редферн. Я знаю одно: то, что он вчера вам рассказывал, — полнейшая чушь, он просто хотел вас напугать.

Эльзи (*с надеждой*). Ах, мама, ты правда так думаешь?

Миссис Редферн. Не думаю, а знаю.

Бэкли. Но доказать не можешь.

Миссис Редферн *(с торжеством)*. Могу! *(Берет книгу и кладет ее перед Эльзи.)* Видишь эту книгу?

Бэкли *встает и с любопытством подходит.*

Она называется «Тайна одного банка». Я только что ее прочла, и отец тоже ее читал. Если хотите знать, вся эта история с международной шайкой, которая обжуливает банки и подделывает облигации, шайкой, которая возникла в Америке, — вся эта история описана здесь, в книге.

Бэкли *(падая на стул)*. Будь я проклят! *(Сидит, утирая лоб.)*
Эльзи *(радостно)*. Мамочка! *(Обнимает ее.)*

Миссис Бэкли *(сварливо)*. Хорошенькие шутки — пугать людей всякими глупостями из детективного романа!

Бэкли. Ну, знаете, это уж слишком!

Миссис Бэкли *(с негодованием)*. Да уж, прямо скажем!

Миссис Редферн *(вдруг разражаясь смехом)*. Ну и проказник же наш отец...

Миссис Бэкли. А я считаю, что это безобразие! Какой кошмарный день я провела. При виде полицейского каждый раз покрывалась холодным потом, а когда встретила здесь твоего сыщика, у меня прямо кровь похолодела и сердце ушло в пятки. Нетрудно после всего этого и заболеть!

Бэкли. Разрешите вам заметить, что так не шутят.

Миссис Редферн *(все еще смеясь)*. По-вашему, нет, Бернард, а вот Джордж думает иначе. И он правильно поступил, хоть я ему и задам, когда он вернется.

Эльзи *(со счастливой улыбкой обнимает мать)*. Ну, а я все равно рада! Ведь было так, так ужасно! Никогда больше не назову никого скучным, никогда, никогда, никогда! Пускай будут скучные. Зато теперь снова все хорошо, покойно. Просто красота! *(Выбегает.)*

Миссис Редферн. Ну, слава богу, она себя уже чувствует лучше. *(Садится к столу.)* Глупо было со стороны Джорджа так ее пугать. Бедняжка! *(Берет корзинку с рукоделием.)*

Миссис Бэксли. А почему ты не подумаешь о нас, Дороти? Разве мы не были напуганы?

Бэксли. Я до смерти переволновался за Джорджа.

Миссис Бэксли. Я тоже. И мне кажется, Дороти, что Джордж должен как-то возместить нам глупый розыгрыш, который он себе позволил.

Миссис Редферн. Вы думаете?

Миссис Бэксли. Да, думаю. Последние дни он был с нами не очень-то любезен. Надеюсь, он поймет, что самое меньшее, чего от него ждут, — это помочь Бернарду купить то дельце, о котором мы говорили.

Бэксли (*встает, подходит к буфету, берет банан и принимается его есть*). Ну, уж если ты об этом упомянула, Люси, могу добавить, что и я того же мнения. Раз он пошутил...

Миссис Редферн (*очень спокойно*). Значит, по-вашему, за это надо платить? Да?

Бэксли. Что ж, можно поставить вопрос и так. Вы ведь знаете наше положение, Дороти. Если Джордж одолжит мне несколько сот фунтов и мы сможем пожить у вас, пока сделка не вступит в силу...

Миссис Бэксли. Ты ведь не станешь возражать, Дороти? Я тебе разрешаю ему сказать, что он меня очень расстроил своей глупой шуткой...

Миссис Редферн (*спокойно, но решительно*). Минуточку. Я хочу вас верно понять. Вам обоим кажется, что после того, что произошло, я должна уговорить Джорджа дать вам деньги и просить вас остаться у нас, пока вы не купите предприятие, о котором мечтаете. Так я вас поняла?

Бэксли. Да, так.

Миссис Редферн. Так вот что, Люси, и ты, Бернард. Скажу вам напрямик, что я об этом думаю. Я думаю, что вы оба просто невыносимы. И я теперь вижу, что отец был прав, а я — нет.

Миссис Бэксли. Что ты говоришь? (*Встает.*)

Миссис Редферн. Я говорю, что он был прав, не желая вас больше терпеть. Вы ведь мои родственники, а не его. Вы

злоупотребляли его добротой, да и я тут грешна. Вы жили у него и занимали у него деньги слишком часто. Ему это надоело, и он рассказал вам вчерашнюю историю. А теперь все это надоело и мне. *(Захлопывает корзинку с рукоделием и встает.)*

Бэкс ли. Обождите секундочку, а в чем мы виноваты?

Миссис Редферн *(вырывает у Бэксли кожуру от банана, кидает ее в корзинку для бумаг и возвращается на свое место)*. Вы показали, что вам на него наплевать и что вы здесь находитесь только затем, чтобы выпотрошить его карман. А когда вы решили, что он в опасности, что его могут арестовать, как вы к этому отнеслись? Вы беспокоились только о себе. Побежали складывать вещи, чтобы поскорее отсюда удрать. Мне пришлось чуть не силком вас удерживать.

Входит Э л ь з и.

Ну, а вот теперь я вас больше не держу. Можете складывать вещи и уезжать когда вам заблагорассудится.

Миссис Бэксли и Бэксли переглядываются.

Миссис Бэкс ли. Говорить такие вещи родной сестре — красиво?

Миссис Редферн. Некрасиво, но я говорю то, что думаю.

Бэкс ли. Тем хуже. Пойдем, Люси. Давай складывать вещи. Я не желаю оставаться в доме, где я лишний. *(Идет к двери. Оборачивается на полпути.)* Ну и посмеюсь же я, если окажется, что старик и в самом деле все эти годы был мазуриком! *(Выходит.)*

Миссис Редферн. Придется вам поискать какой-нибудь другой повод для смеха.

Миссис Бэкс ли *(с горечью, у двери)*. Здесь ему недолго пришлось бы искать. *(Выходит.)*

Э л ь з и. Они уезжают?

Миссис Редферн. Да. Я их попросила. Они и так слишком долго сидели у отца на шее. Больше они ничего из него не

высосут. Хотели улизнуть, как только заподозрили, что у него неприятности.

Эльзи подходит к телефону.

Ты что собираешься делать?

Эльзи. Сказать Хэролду, что все это была чепуха, и попросить прийти сюда.

Миссис Редферн. Он порвал с тобой после того, что услышал вчера вечером?

Эльзи. Да.

Миссис Редферн. Еще одного вывели на чистую воду.

Эльзи (*подходя к миссис Редферн*). Но, мама, ты не можешь винить его в том, что он не хочет жениться на дочери преступника.

Миссис Редферн (*резко, с издевкой*). Ты уверена, что не могу?

Эльзи (*делая вид, что она убеждена*). Конечно, не можешь!

Миссис Редферн. А ты сама не можешь?

Эльзи (*смешавшись*). Нет. (*Опустив голову.*) Да, пожалуй, могу.

Миссис Редферн (*обнимая ее за талию*). Конечно, ты можешь его в этом винить. (*Сажает Эльзи против себя.*) Он должен был постоять за тебя, кем бы ни оказался твой отец. И ты это понимаешь сама. Видно, отец прав относительно твоего Хэролда. Он и в самом деле слабовольный, мелкий человек, который тянется за тем, что плохо лежит.

Эльзи. Ты не права. Я не виню Хэролда, что он со мной порвал. И, во всяком случае, ему надо дать возможность оправдаться. (*Идет к телефону, но миссис Редферн удерживает ее.*) Я скажу ему, что все это было шуткой.

Миссис Редферн. Если ты это сделаешь, мне будет за тебя стыдно.

Эльзи. Почему?

Миссис Редферн. А где твоя гордость?

Эльзи. Не понимаю, при чем тут гордость. В конце концов, ведь это и в самом деле была шутка.

Миссис Редферн. Вот тут-то и должна заговорить твоя гордость. Он доказал, как мало тебя любит — не хотел жениться на тебе из-за твоего отца.

Эльзи (*уязвленная этим, опускается на пол и кладет голову на колени матери*). Не надо... мама.

Миссис Редферн (*гладит Эльзи по голове*). А теперь ты хочешь сказать ему, что все в порядке. Будь я на твоём месте, я не захотела бы иметь его на этом условии. Нет, позови его сюда, проверь в последний раз, если хочешь, но не говори, что над ним вчера подшутили. Пусть думает, что все это правда, а потом спроси его, хочет ли он на тебе жениться. Вот это будет настоящим испытанием.

Эльзи. Хорошо, мама. (*Встает, обнимает мать, подходит к телефону, набирает номер.*) Я просто попрошу его прийти, а когда он придет, я промолчу о том, что отец вчера сказал неправду.

Миссис Редферн кивает.

Алло, это восемьдесят два сорок девять? Я хочу поговорить с мистером Хэролдом Рассом.

Миссис Редферн (*вставая*). А я хочу выпить чаю. (*Уходит на кухню.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечером того же дня.

Книга все еще лежит на столе; здесь же, у печельницы, — визитная карточка инспектора. Возле двери — большой чемодан, поверх которого брошены шляпа и дождевик.

Бэксли (*шаря по карманам, кричит в открытую дверь*). Люси! Слышишь? Где мой портсигар? (*Пауза, прислушивается.*)

Нет. В кармане его нет. Да говорю же тебе, нет! Ах так? Хорошо. *(Возвращается, достает портсигар из кармана дождевика, открывает его, но портсигар пуст. Идет к письменному столу, открывает папиросницу и, оглянувшись по сторонам, наполняет портсигар. Закуривает, кладет портсигар в карман и возвращает дождевик на прежнее место.)*

Слышен звонок. Бэксли уходит. Шум отпираемой и запираемой двери; Бэксли возвращается вместе с Хэролдом.

Хэролд. А что, Эльзи дома?

Бэксли. Она наверху. Помогает жене укладываться, скоро спустится.

Хэролд. Вы уезжаете?

Бэксли. Ночным поездом в Шотландию. Там живет мой брат. Здесь для меня не нашлось ничего.

Хэролд *(скептически)*. Ничего?

Бэксли. Ничего подходящего. Попытались уговорить меня заняться поставкой канцелярских принадлежностей. Только самым лучшим фирмам. Один мой приятель, некто Симпсон. Но я ему сказал: «Кому нужны канцелярские принадлежности, когда вся страна идет под откос?» Это его совершенно обескуражило. Имейте в виду: вакансия свободна. Небольшое, но верное дельце. Такому юнцу, как вы, вполне подойдет. Мне оно ни к чему. Вот я и решил опять двинуться в путь. Страсть к перемене мест — моя слабость. Вечный скиталец, знаете ли, перекаати-поле!

Хэролд *(кладя шляпу на стол, недоверчиво)*. Свистите!

Бэксли. То есть как это — «свищу»? Это еще что за жаргон?

Хэролд *(усаживаясь к столу)*. Не станете же вы уверять, будто смывается только из любви к перемене мест?

Бэксли. Простите?

Хэролд. Знаю я, почему вы уезжаете. И я вас не виню.

Бэксли *(тоже садясь)*. Спасибо, но я вас не понимаю.

Хэролд. И если бы у меня была хоть капля здравого смысла, меня бы здесь тоже не было.

Бэкс ли. Правильно! Брак — это западня для простофиль...
(Смотрит на дверь, которую Хэролд забыл закрыть, и про-
должает вполголоса.) Вы уж поверьте — для простофиль.

Хэр ол д. При чем тут брак?

Бэкс ли. А что же вас сюда вновь привело? Уж не вчерашний
ли его рассказ?

Хэр ол д. Конечно.

Бэкс ли. И вы поверили?

Хэр ол д. А вы — нет?

Бэкс ли. Конечно, нет. Шутки. Невинный розыгрыш. Мы вечно
друг друга разыгрываем. Семейная традиция, знаете ли.
То я его разыграю, то он меня. Вчера героем был он.

Хэр ол д. Да уж герой хоть куда!

Бэкс ли. Он и вас провел. Вот бы не подумал. Мне казалось,
что у вас есть голова на плечах. А еще занимаетесь прода-
жей подержанных машин!

Хэр ол д. Так это была шутка?

Бэкс ли. Да. Полнейшая чепуха. Вычитано из книжки. Вот и
книжка.

Хэр ол д. Послушайте, вы в этом уверены?

Бэкс ли. В чем? В том, что это книжка?

Хэр ол д. Нет, что все это он отсюда вычитал и просто пошутил?

Бэкс ли. Сколько раз вам повторять одно и то же? Не хотите
верить — не верьте. Дело ваше.

Хэр ол д. Да я вам верю. А Эльзи знает?

Бэкс ли. Знает.

Хэр ол д. Она, наверно, позвала меня, чтобы все объяснить...
Хотя могла это сделать по телефону.

Бэкс ли (с хитрой миной). А вдруг она ничего вам и не
скажет?

Хэр ол д. Как — не скажет? Почему?

Бэкс ли. А вдруг она захочет вас испытать?

Хэр ол д. Испытать? Ах, понимаю... сделать вид, что это не шут-
ка. Продлить розыгрыш.

Бэкс ли. Есть ведь и такая возможность?

Хэролд. Да. *(Встает и ходит по комнате.)* Послушайте, не говорите ей, что вы мне рассказали.

Бэкли. Не скажу. Надеюсь, вы ее обкрутите. Так им и надо — ей и ее папаше! *(Внезапно понимает, что выдал себя.)*

Хэролд. Что значит — «так им и надо»? *(Подходит к Бэкли.)*

На что вы намекаете? Это грубо. Вы хотите меня оскорбить?

Бэкли. Ни-ни. Я подразумевал совсем другое. *(Смотрит на часы.)* А время бежит. *(Подходит к двери и кричит.)*

Нам пора ехать, слышишь?.. Ну, так спускайся. Ладно, ладно. *(Выходит.)*

Хэролд достает карманное зеркальце и причесывается. Входит Эльзи.

Эльзи. Здравствуй, Хэролд.

Хэролд *(подходя к ней)*. Здравствуй, Эльзи. Видишь, я сразу же пришел. *(Пытается ее поцеловать, но она его отстраняет.)*

Эльзи. Нет, я хочу сперва с тобой поговорить.

Хэролд. Пожалуйста! Давай поговорим.

Эльзи. погоди минутку. Тетя с дядей уезжают.

Входит миссис Бэкли, одетая в дорогу, с несессером в руках.

Миссис Бэкли *(проходя мимо Хэролда)*. Как, вы опять здесь?

Хэролд. Да, а вы возражаете?

Миссис Бэкли. Какое мне дело? *(Кладет несессер на стол и натягивает перчатки.)* Но я знаю человека, которого здесь очень долго не будет, даже если его станут на коленях молить вернуться. Это я.

Хэролд подходит к письменному столу. Увидев, что папиросница пуста, достает папиросу из собственного портсигара, закуривает, бродит по комнате.

Эльзи. Вам действительно пора ехать, тетя Люси?

Миссис Бэксли. Твой дядя уверяет, что пора, не то мы опоздаем на поезд.

Эльзи. Ты не хочешь попрощаться с мамой? Она сейчас вернется.

Миссис Бэксли. Спасибо. Не хочу. Даже если бы у меня было время, я не стала бы ее ждать. Но ты можешь ей кое-что от меня передать.

Эльзи. Что?

Миссис Бэксли. Напомни ей, пожалуйста, что нет дыма без огня. Запомнишь? Нет дыма без огня.

Бэксли с грохотом волочит по ступенькам чемодан. Входит с чемоданом и зонтиком. Кладет их рядом с другим чемоданом.

Наконец-то! Я давно готова.

Бэксли. Пойти за такси?

Миссис Бэксли. Не будет никаких такси. До вокзала можно доехать и в метро.

Бэксли. А как мы доберемся до метро?

Миссис Бэксли. Пешком.

Бэксли (*похлопывая зонтиком по чемоданам*). Как, с этим грузом?

Хэролд (*злорадно*). Каких-нибудь десять минут ходьбы...

Миссис Бэксли. Не помрем, всего десять минут ходьбы.

Бэксли (*швыряя зонтик на пол*). Ты не помрешь, а я помру, если буду тащить эти чемоданы. (*Надевает пальто.*) Вот награда за то, что вернулся на родину. Таскаешь чемоданы, как мул. Хорошо, что те, на Востоке, меня не видят.

Миссис Бэксли (*холодно*). Кто именно?

Бэксли. Кто?.. Сама знаешь кто. Приятели на Востоке.

Миссис Бэксли. Послушаешь тебя, можно подумать, что ты там был китайским мандарином. Какие приятели?

Бэксли (*кричит*). Мало ли какие! Терпеть не могу таскать эти чертовы чемоданы. (*Берет шляпную коробку.*)

Миссис Бэксли. Ничего, потащишь. Прощай, Эльзи. *(Подходит к Эльзи и подставляет ей щеку для поцелуя. Потом возвращается к столу, берет несессер и идет к двери.)*

Постарайся вести себя разумно, хоть это и не так легко в вашем доме. *(Хэролду.)* Прощайте.

Хэролд. Всего хорошего.

Миссис Бэксли *(очень угрюмо)*. Рада была с вами познакомиться. *(Не обращая внимания на шляпную коробку, которую протягивает ей Бэксли.)* Пойдем, Бернард. *(Беличественно покидает комнату.)*

Бэксли *(швыряя на пол шляпную коробку)*. Десять минут ходьбы. Убийство! Из-за таких вот пустяков люди куда сильнее меня умирали от разрыва сердца.

Эльзи. Не расстраивайтесь, дядя. Отдохнете в поезде.

Бэксли *(ворчливо)*. Ну да! Поезд идет со всеми остановками. Там не только отдохнуть, там и мохом порастить можно.

Эльзи *(целует его)*. Прощай, дядя.

Бэксли. Прощай.

Хэролд. Всего хорошего.

Бэксли. Прощайте. *(Подходит к багажу и застегивает пальто. Берет коробку под мышку, а чемодан поменьше — в руку. Вспомнив о зонтике, засовывает и его под мышку. Другой рукой берет большой чемодан и, охая, уходит.)* Прощайте.

Эльзи его провожает. Слышен стук закрываемой двери. Эльзи возвращается.

Хэролд *(присаживаясь на ручку кресла)*. Что-то они больно быстро смылись, а?

Эльзи. Ну да, как только узнали, в каком мы положении, сразу побежали укладывать вещи. Мама рассердилась и...

Хэролд *(недоумевая)*. В каком вы положении? Это то, о чем рассказывал отец?

Эльзи. Но только они считают, что отца вот-вот арестуют, потому и решили уехать от греха подальше. Тогда мама им сказала, чтобы они и в самом деле уезжали. Мама не любит

людей, которые бросают вас в тяжелую минуту, и (*подчеркнуто*) я тоже их не люблю.

Хэролд (*вставая*). Но погоди минутку. Никто ведь не собирается арестовать твоего отца?

Эльзи (*следя за ним*). Не знаю.

Хэролд (*следя за ней, с бледной улыбкой*). Ну что ж, меня этим не испугаешь. (*Снова усаживается на ручку кресла.*)

Эльзи (*живо*). Хэролд, ты правда так думаешь? (*Подходит к нему поближе.*)

Хэролд (*явно неискренним тоном*). Да, думаю. Я пришел, чтобы сказать тебе: мне жаль, что вчера я ушел, а утром написал это дурацкое письмо. У меня не было времени подумать. Меня как громом поразило.

Эльзи. О чем у тебя не было времени подумать?

Хэролд. О тебе. И о себе. Когда вчера раскрылась эта история, мне захотелось — как захотелось бы всякому честному человеку на моем месте — быть от всего этого подальше! В какую-то минуту мне показалось, будто и ты тут замешана. Теперь я понимаю, как был не прав. Чем бы ни был твой отец и что бы он ни делал, нас с тобой это не касается.

Эльзи (*заглядывая ему в лицо*). Ты и в самом деле так думаешь?

Хэролд (*не очень уверенно*). Конечно.

Эльзи (*строго*). Честное слово?

Хэролд. Да-да.

Эльзи. А если отца поймают, ты знаешь, какой нам грозит позор?

Хэролд (*с деланным благородством*). Что поделаешь! Переживем как-нибудь. (*Приглаживая волосы.*) И, кроме того, я подозреваю, что отец твой немножечко преувеличивал...

Эльзи. Ты думаешь?

Хэролд. Да ты ведь сама знаешь. Кажется, он у вас шутник, а?

Эльзи. Ну нет. Папа никогда не шутит. Это не в его натуре. Вот дядя Бернард — тот кому хочешь вотрет очки. Ни одному его слову верить нельзя.

Хэролд (*с беспокойством*). Да ну?

Эльзи. Ни единому звуку! Такой каверзник, а уж враль!..

Надеюсь, он тебе ничего не наплел?

Хэролд. Да в общем... нет, ничего.

Эльзи (*наблюдая за ним*). Вот и хорошо, потому что ему нельзя верить. Папа — совсем другой.

Хэролд. Послушай... (*вставая*) я тут чего-то не понимаю.

Эльзи. Но в общем, какое это имеет значение? Главное — это мы с тобой.

Хэролд. Ну... конечно.

Эльзи. Ведь только это имеет значение, да?

Хэролд (*приближаясь к ней*). Да.

Эльзи. Не надо, я тебя еще целовать не буду.

Хэролд (*пытается обнять ее*). Ну, брось, Эльзи!

Эльзи (*останавливая его*). Не могу забыть, как ужасно ты меня расстроил, когда убежал, а потом написал это письмо.

Хэролд. Я ведь сказал, что теперь у нас опять все по-старому.

Эльзи. У тебя — может быть, а вот у меня как-то не получается. Я ведь... от тебя уже отказалась. И мне понадобится время, чтобы снова тебя полюбить. Как раньше.

Хэролд. Глупости!

Эльзи (*уклоняясь от Хэролда, отходит за стол*). Нет, я себя знаю. Кроме того, я хочу с тобой поговорить. А когда люди целуются, они не могут серьезно разговаривать. (*Садится на стул.*)

Хэролд. Да о чем нам с тобой серьезно разговаривать? (*Тушит папиросу в пепельнице и смотрит на нее через стол.*) Я же сказал тебе, что мне нужна ты и что мне все равно, кто твой отец и чем он занимается. (*Замечает визитную карточку и не может оторвать от нее глаз.*)

Эльзи (*поймав его взгляд*). Что с тобой?

Хэролд (*с беспокойством*). Надеюсь, это тоже шутка?

Эльзи (*спокойно*). Визитная карточка? Нет, инспектор ее оставил, когда приходил к нам после обеда.

Хэролд. Сыщик из Скотланд-Ярда?

Эльзи. Да. Он приходил сегодня к папе. И придет опять попозже.

Хэролд. Боже мой!

Эльзи (*пристально глядит на него*). Да, и я сначала была очень расстроена.

Хэролд (*отходя подальше, со злостью*). Скажи мне на милость, что здесь творится?.. Сначала твой отец рассказал нам, что он жулик, потом твой дядя уверил меня, что все это было шуткой, а теперь ты говоришь, что вы ждете сыщика из Скотланд-Ярда!

Эльзи. Значит, дядя рассказал тебе, что это была шутка?

Хэролд (*надувшись*). Если уж на то пошло, — да!

Эльзи (*вставая*). А ты от меня это скрыл. Сделал вид, будто ничего не знаешь.

Хэролд. Ну и что за важность?

Эльзи. Это очень важно.

Хэролд (*рванувшись к двери, а потом переходя в наступление*). Мне надоело! Шутка это или нет? А если шутка, зачем приходил к вам этот тип из Скотланд-Ярда?

Эльзи. А ты бы дождался его и спросил. Он скоро придет.

Хэролд (*нервно*). Ну уж нет. И не подумаю его дожидаться. (*Идет к двери.*) Меня все это не касается.

Снаружи слышен шум.

Эльзи (*колко*). Вот кто-то пришел. Не лучше ли тебе уйти, пока еще есть время?

Входят Редферн и Флеттен.

Редферн (*весело*). Здравствуй, девочка. Встретил на пороге Джо Флеттена. (*Подходит к дочери.*) Э-э, ну-ка, скажи мне, что тут у вас случилось?

Эльзи. Тебе лучше уйти, Хэролд.

Редферн (*Хэролду, довольно сурово*). Я-то думал, что вы уже ушли. И навсегда.

Эльзи. И я так думала утром. Но мне хотелось дать ему возможность оправдаться. А теперь скажи ему, папа, правду.

Редферн. Какую правду?

Эльзи. То, что нам сегодня сказала мама. Что ты вчера пошутил и ему не стоило убегать.

Редферн. Ага, вот оно значит как? Понятно.

Эльзи. Мама показала нам книжку... (*Берет со стола книгу.*)

Вот она... из которой ты все это вычитал.

Флеттен. Что именно? Если, конечно, не секрет?

Эльзи. Да нет, почему же? Вчера вечером папа выдумал, что он преступник.

Флеттен (*с шутливым ужасом*). Помилуй бог, мистер Редферн, как вам не стыдно!

Эльзи. И рассказал нам целую историю, которую вычитал в книжке. Мы ему все поверили, а Хэролд и сейчас думает, что это правда, и хочет сбежать.

Флеттен (*строго, Хэролду*). Неужели вы хоть на минуту могли поверить, что мой друг мистер Редферн — шулер? Такой человек, как мистер Редферн?!

Редферн. Да, он все это принял за чистую монету.

Хэролд (*обиженно*). И не я один.

Флеттен. А где была ваша голова, молодой человек? А где ваше — как это называется? — понимание человеческой натуры? Мистер Редферн, с вас, пожалуй, станет сказать, что и я жулик.

Эльзи (*лукаво*). А мы так и думали.

Флеттен. Обо мне? Бедный старый Джо Флеттен. Я ведь за всю свою жизнь и мухи не обидел. Странная у вас манера шутить, мистер Редферн.

Редферн. Вы уж простите меня, Джо. Грешен, захотелось побаловаться. Но я так и предполагал, что на удочку кое-кто попадется...

Флеттен (*строго, глядя на Хэролда*). И вы были правы.

Редферн. Тетя Люси и дядя Бернард уехали?

Эльзи. Да, но только потому, что мама их попросила.

Редферн. Какая разница — почему, важно, что они уехали.

Флеттен (*Хэролду*). Вам не кажется, что следовало бы перед нами извиниться?

Хэролд. Нет, не кажется. *(Обходя Флеттена, идет к двери; Эльзи.)* Знаешь, с меня хватит! Сыт по горло!

Эльзи *(печально)*. Что поделаешь, Хэролд. Я давала тебе возможность, но, оказывается, папа был все-таки прав. Прощай.

Хэролд *(сердито оглядывается у двери, словно желая разразиться гневной речью)*. Ну... спокойной ночи. *(Круто поворачивается и выходит.)*

Редферн идет следом за Хэролдом. Эльзи стоит глубоко задумавшись. Флеттен смотрит на нее, откашливается, словно желая что-то сказать, но, передумав, тихо напевает какую-то мелодию. Когда Редферн возвращается, за ним идет миссис Редферн в пальто и шляпе.

Миссис Редферн. Добрый вечер, мистер Флеттен. *(Эльзи.)* Значит, Люси и Бернард все-таки отбыли?

Эльзи. Да, четверть часа назад. И Хэролд тоже.

Миссис Редферн. Это я знаю. Чуть не сбил меня с ног у ворот. Он ушел... совсем?

Эльзи *(горестно)*. Да. Прошел испытание и оказался недостоин.

Редферн. Не тужи, детка. *(Подходит к ней, хочет утешить.)* Я придумаю что-нибудь очень интересное, чтобы тебя развеселить...

Флеттен. Молодой человек и в самом деле поверил, что мы с вашим супругом — пара разбойников? Вот нахал!

Миссис Редферн. Во всем виноват Джордж, его выдумки. И очень глупые выдумки, скажу я тебе, отец.

Флеттен. А я не пойму, как в них можно было хотя бы на минуту поверить.

Миссис Редферн. Да и меня это удивляет не меньше вашего.

Редферн. Уж больно хорошо я рассказывал.

Флеттен *(назидательно)*. Вот уж не подумал бы, что вы на это способны, мистер Редферн. Сыграть такую роль даже

в шутку. И вообще сомневаюсь, можно ли шутить такими вещами.

Миссис Редферн. Золотые слова, мистер Флеттен!

Флеттен (*тем же тоном*). Доброе имя — не предмет для шуток.

Даже смеха ради. Так я по крайней мере считаю.

Редферн (*сухо*). Это делает вам честь.

Эльзи (*направляясь к двери*). В сущности, Хэролд сегодня попался не на том, что сказал папа, а на визитной карточке.

Редферн. Какой карточке?

Эльзи. Той, что лежит на столе. (*Уходит.*)

Миссис Редферн (*посмеиваясь*). Господи, какая глупость! Это она о карточке, которую оставил тот сыщик из Скотланд-Ярда.

Флеттен (*тревожно, взглянув на Редферна*). Кто?

Редферн (*спокойно*). О ком ты говоришь, мать?

Миссис Редферн. Да вышла смешная история. Тут к тебе приходил один инспектор из Скотланд-Ярда, очень милый джентльмен, мы так приятно с ним поболтали...

Флеттен (*бросая отчаянные взгляды на Редферна*). Вы с ним болтали?..

Миссис Редферн. Он оставил свою карточку. Но что было уж очень смешно — это испуг Эльзи и моей сестрицы с ее муженьком, когда я им сказала, что он из Скотланд-Ярда — они пришли еще при нем, — надо было видеть их лица! Вы бы просто рыдали от смеха!

Флеттен (*выражение его лица ничем не уступает тому, о котором она рассказывает*). Особенно я. Да... очень смешно.

Редферн (*делая хорошую мину при плохой игре*). Ну и ну, вот здорово. Ха-ха-ха!

Флеттен (*которому это не так хорошо удается*). Еще как здорово! Ха-ха-ха!

Редферн. А он сказал, зачем приходил?

Миссис Редферн. Да. В общем, чепуха. Хотел навести справки о какой-то фирме. Я просила его зайти вечером.

Он, по-моему, скоро будет. Ты сам с ним должен поговорить.

Редферн. Не сомневаюсь.

Миссис Редферн. А я пойду наверх, разденусь и погляжу, какой бедлам Люси с Бернардом оставили в своей комнате. *(Выходит.)*

Пауза. Миссис Редферн оставила за собой дверь открытой.

Флеттен *(крадучись, пересекает комнату, выглядывает за дверь и, притворив ее, поспешно возвращается к Редферну, который опустился в кресло)*. Послушай, как ты думаешь, что это значит?

Редферн. Не знаю.

Флеттен. Не верю, чтобы он приходил справляться о какой-то фирме.

Редферн. И я не верю.

Флеттен. Послушай, мне это не нравится...

Редферн. Только без паники. Не теряй головы. Придется тебе задержаться. Сейчас я тебя не отпущу. Нам, видно, предстоит немало хлопот. Когда услышишь его шаги, пройди через теплицу и спрячься в траве, чтобы тебя не было видно...

Флеттен. Но меня могут увидеть соседи.

Редферн. Лишь бы не он и не те, кто с ним придут. А соседи — это не важно. Сделай вид, будто ты занимаешься ботаникой.

Флеттен. Я не знаю, как занимаются ботаникой.

Редферн. Ну, тогда сделай вид, будто ты выпил и тебя размогло.

Флеттен. Вот это у меня получится.

Оба направляются к двери в глубине. Раздается звонок.

Редферн. И не выходи, покуда я тебе не крикну. Но когда я тебя позову, не теряй ни секунды. Понял? Ну, марш, живо!

Флеттен исчезает.

И, Джо, слышишь, Джо! Спрячься как следует.

Снова звонят.

Редферн закрывает дверь в теплицу, оглядывает комнату и выходит. Слышен шум отворяемой наружной двери и голоса. Редферн возвращается в сопровождении Стэка.

Присаживайтесь, инспектор, прошу вас.

Стэк. Спасибо. *(Садится в кресло.)*

Редферн *(идет к буфету)*. Хотите что-нибудь выпить?

Стэк. Нет, спасибо.

Редферн. Сигару?

Стэк. Нет, спасибо.

Редферн *(возвращаясь к столу)*. Вот интересно! Никогда еще не имел удовольствия беседовать с сотрудником Скотланд-Ярда.

Стэк. Да, мы встречаемся впервые.

Редферн. Завидная у вас жизнь! Столько приключений. Не то что у нашего брата.

Стэк. Да не так уж наша жизнь увлекательна, как принято думать. Унылая поденщина, и сидеть приходится чуть не до ночи. Редко-редко проведешь тихий вечерок в семье.

Редферн. Сочувствую!

Стэк. Да. *(Вставая.)* Миссис Редферн мне как раз сегодня рассказывала, какой вы домосед и все такое прочее. Говорят, вы очень увлекаетесь своими парниками.

Редферн. Да. Жена и дочь частенько надо мной потешаются. Считают, что я старый, ленивый тюфяк.

Стэк. Я, правда, знавал такие случаи, когда жены и дети здорово ошибались в своих ближних и не подозревая, что те ведут совсем не тот образ жизни, какой они думают. *(Садится справа от стола.)*

Редферн. Не может быть! (*Садится слева от стола.*) Мне лично такие случаи не встречались.

Стэк (*подчеркнуто*). Вы в этом уверены?

Редферн. Ей-богу, не могу припомнить.

Стэк (*подчеркнуто*). Вы меня удивляете.

Редферн. Рад буду сообщить все, что вас интересует, — если это, конечно, в моих силах. Хотя, признаться, не пойму, что заставило вас прийти ко мне, да еще вечером.

Стэк. Мы себя не жалеем, мистер Редферн. Особенно если дело крупное. (*Рассеянно протягивает руку за книгой и читает заголовок.*)

Редферн. Верю.

Стэк (*подняв книгу*). Вы эту книгу читали?

Редферн. Какую? Ах, «Тайну одного банка»? Да, вчера только кончил.

Стэк. Как она вам понравилась?

Редферн. Не мог оторваться. Но, как и большая часть такого чтива, мало правдоподобное произведение. А вы ее читали?

Стэк. Читал.

Редферн. А вам она нравится?

Стэк. Вы правильно заметили — история не вполне правдоподобная. Прежде всего, мошенники ведут операции слишком большого масштаба.

Редферн. Да, пожалуй.

Стэк. И тем не менее книга напоминает мне дело, которым мы занимаемся вот уже три года.

Редферн. Да неужели? Ах, как интересно. Целых три года?

Стэк. Даже больше. Не жалея ни сил, ни средств. Но поверьте, в конце концов мы одержим верх. (*Захлопывая книгу.*) Мы не можем проиграть.

Редферн. От души вам желаю успеха. Мы, налогоплательщики, хотим видеть, что наши деньги тратятся не впустую.

Стэк. Иногда мы действуем медленно...

Редферн. Но верно. Не так ли?

Стэк (*кладя книгу на стол*). Так точно, мистер Редферн. Видите

ли, вот уже четыре года у нас орудует банда — ловкая, хорошо организованная банда, которая занимается подделкой бумажных денег и облигаций казначейства.

Редферн. Да неужели? Вот не думал, что это возможно в наши дни!

Стэк. Шайка орудует и здесь, в Англии, и за границей. Ее главные центры — в Амстердаме и Брюсселе. Часть денег печатается там, остальные — здесь. Вот их продукция. Хотите взглянуть? *(Вынимает бумажник и достает оттуда ассигнацию.)*

Редферн. С удовольствием. *(Вынимает носовой платок, через него берет за кончик ассигнацию и начинает рассматривать ее.)*

Стэк. К чему такая предосторожность, мистер Редферн?

Редферн. Не скажите. Предосторожность никогда не помеха.

Стэк *(мягко)*. Вы же понимаете, если бы мне нужны были отпечатки, уж я бы нашел способ лучше, чтобы заполнить их.

Редферн *(изучая банкноту, улыбается)*. Как-то об этом не подумал. Мне всегда казалось, что всякие там отпечатки — это только в детективных историях. Ну, а эта если подделка, то я бы ни в жизнь не догадался. Правда, я не специалист, но, вы знаете, торгую бумагой и в ней разбираюсь.

Стэк. Да, знаю, мистер Редферн.

Редферн. Я бы ничего не заподозрил и спокойно разменял эту бумажку на серебро. Поразительно, на что люди способны. Никогда бы не подумал!

Стэк. О да, они люди ловкие.

Редферн. По-видимому. *(Возвращает Стэку деньги.)*

Стэк. Гм...

Редферн. Гм...

Стэк *(шелесть банкнотой, чтобы продемонстрировать качество бумаги)*. Они раздобыли нужный сорт бумаги, хорошо поставили у себя гравировку, печатание и распределение липы.

Редферн. Липы?

Стэк. Да, фальшивых денег. Казначейство и банки нас просто заели. Но наконец-то нам удалось нащупать концы.

Редферн. Поздравляю!

Стэк. Всякие мелочи, которые, казалось, не имеют никакого значения, теперь начинают складываться в определенную картину.

Редферн. Как части головоломки?

Стэк. Вот именно. Конечно, кое-каких деталей еще не хватает, но их немного. Теперь это только вопрос времени.

Редферн. Ну, как хорошо! Представляю, как вы собой довольны!

Стэк. Мы чувствовали бы себя еще лучше, если б могли окончательно развязаться с этим делом.

Редферн (*нагибаясь, чтобы завязать шнурок от ботинка, сочувственно*). Куда лучше!

Стэк. Видите ли, в подобных делах часто бывает так... Надеюсь, я не наскучил вам, мистер Редферн?

Редферн. Что вы, инспектор! Это так интересно.

Стэк. Бывает так: мы нападаем на след... ну, скажем, в Бирмингеме...

Редферн. В Бирмингеме? Я как раз там сегодня был!

Стэк. Одно имя, одно из многих имен на записке. Имя это попадает и в другом месте... скажем, в Глазго... или в Амстердаме. Владелец этого имени выдает себя за простого гражданина, почтенного дельца. И думает, что он в безопасности. Понимаете?

Редферн (*добродушно, но с глумливым смешком*). Еще бы, чего тут не понять? Ах, бедняга. Я так ясно себе его представляю. Жалкий простофиля думает, что ему ничего не угрожает. А на самом деле он на краю пропасти. Ведь у вас против него собраны неопровержимые улики!

Стэк. Да, улики есть.

Редферн (*облокотясь о стол и поглаживая рукой подбородок, тем же тоном, но еще более подчеркнуто*). И улики, конечно.

но, бесспорные, такие, что вы не будете посмешищем, если потащите мирного, почтенного господина в суд?

Стэк (*принимая вызов*). Нет, дело обстоит не совсем так. Пока что нам еще не удалось подобрать достаточные улики. Но мы добыли кое-какие весьма прелюбопытные подробности. Хотите расскажу?

Редферн. Буду счастлив, инспектор.

Стэк. Ну что ж. Мы, например, знаем, что член этой шайки фальшивомонетчиков прибыл из-за границы в Глазго двадцать третьего числа прошлого месяца и был там встречен одним из своих сообщников. И мы почти с уверенностью сможем доказать, что тихий, почтенный господин, о котором мы говорили, тоже находился в Глазго двадцать третьего числа прошлого месяца.

Редферн. Двадцать третьего в Глазго. Что-то мне эта дата напоминает... Двадцать третьего? (*Вынимает из кармана записную книжку и просматривает ее.*) Я-то сам не был в Глазго. Если говорить точно, я в этот день был в...

Стэк (*быстро, с торжеством, перегнувшись через стол*). В Нью-касле. (*Встает.*) Так же как этот человек, приехавший из-за границы. Совсем не в Глазго. Это была маленькая ловушка, которую я вам поставил, и вы в нее попались.

Редферн (*очень спокойно*). Да ну? Простите, но я не совсем понимаю вашу мысль, инспектор. Видно, у меня на такие вещи не хватает смекалки.

Стэк (*угрюмо*). Очень возможно.

Редферн. Но вы меня не дослушали. Я хотел сказать, что запомнил дату потому, что как раз двадцать третьего местный клуб кегельщиков устраивал пикник. Сперва прокатились по реке, а потом закончили выпивкой в «Палладиуме». Я тоже с ними ездил. Было нас человек двадцать.

Стэк (*разочарованно*). Гм!..

Редферн. Гм!.. Вот это я и подразумевал, инспектор. На вашем языке такие вещи называют алиби, не так ли?

Стэк беспокойно шагает по комнате.

И знаете, будь я тем человеком, которого вы по глупости потащили в суд, я поступил бы именно так: предъявил свое алиби, и, боюсь, вид у вас тогда был бы чрезвычайно нелепый. Поймите, я далек от подобных вещей, но мне приходилось читать о них в детективных романах.

Стэк (*круто поворачивается и подходит к Редферну*). Если бы вы были тем человеком, о котором мы говорили, знаете, что бы я вам сказал?

Редферн. Даже не могу себе представить.

Стэк. Я бы вам сказал напрямик: послушайте, мы знаем, что вы замешаны в этом деле, но еще не можем ничего доказать. Рано или поздно мы получим нужные доказательства. Но дело тянется без конца, а мы хотим поскорее с ним покончить. Поэтому не делайте глупостей и не ждите, пока мы посадим вас на скамью подсудимых, где вас никто не пожалует. Выложите нам все начистоту *сейчас*, помогите нам покончить с этой аферой, и мы не будем *даже пытаться* искать против вас улики.

Редферн (*не глядя на него*). Что ж, мне, конечно, трудно ответить за того человека...

Стэк (*с издевкой*). А вы попробуйте. Сделайте над собой усилие.

Редферн. Мне кажется, прежде всего он бы сказал (*поворачивается и смотрит Стэку прямо в глаза*): напрасно вы меня пугаете.

Стэк. А знаете, как бы я доказал, что мы говорим всерьез, а не просто блефуем? Во-первых, я назвал бы два адреса: Пул род, пятьдесят девять, Глазго, и Беллинхэм-стрит, семнадцать, Ньюкасл.

Пауза. Стэк возвращается на свое место у стола и садится, скрестив на груди руки и не спуская глаз с Редферна.

Редферн (*принимает ту же позу; с восхищением*). Ай-ай-ай, два адреса — и готово. Как интересно!

Стэк (*угрюмо*). Да, думаю, ему это покажется очень интересным. Потом я назову ему два имени: Питер Кордермен и Уильям Фрейзерли. Как видите, никакого блефа. (*Откидываясь на стуле.*) Мы знаем и о Кордермене и о Фрейзерли.

Редферн. Да это куда занятнее любого детективного романа или фильма! Давно я так не развлекался. Продолжайте.

Стэк. Отлично. Раз уж я выкладываю карты на стол, покажу еще одну. (*Вынимает из бумажника половину валета бубен.*) Что вы об этом скажете?

Редферн (*разглядывая карту*). Половина валета бубен. Великолепно. Но не хотите же вы сказать, что люди, за которыми вы охотитесь, пользуются такими приемами?

Стэк (*с иронией*). Мы подозреваем, что пользуются. Нечто вроде визитной карточки, мистер Редферн. Романтично, не правда ли?

Редферн (*качая головой*). В том-то и беда. На мой взгляд, даже чересчур романтично.

Стэк. То есть как?

Редферн (*извиняющимся тоном*). Видите ли, я, конечно, не разбираюсь в таких вещах...

Стэк (*угрюмо*). Нет-нет. Это нам известно.

Редферн. Но я вам сразу скажу, что вся эта петрушка с разорванными картами очень похожа на розыгрыш. Уж больно книжно выглядит, понимаете ли. Прямохонько из Шерлока Холмса. Могу себе представить, что какие-нибудь ребята — знаете, ребята, которые любят подшутить, — просто подкинули вам такую штуку, чтобы позабавиться... (*Возвращает Стэку карту.*) И этот Карл Кордермен, о котором вы упоминали...

Стэк. Питер Кордермен.

Редферн. Ну, Питер Кордермен. Что ж (*качая головой*), и он, знаете ли, мне кажется выдуманной персоной. Может, и тут маленький розыгрыш.

Стэк (*встает, хватается за спинку своего стула и резко задвигает его под стол*). Послушайте, Редферн. Бросим эту галиматью и поговорим в открытую.

Редферн. Прошу вас.

Стэк (*обличающим тоном*). Вы занимаетесь выпуском фальшивых денег. Я это отлично знаю, и вы знаете, что я знаю. Прямой разговор, не так ли?

Редферн. Прямой или нет, но, мне кажется, вы меня оскорбляете.

Стэк. Тогда я скажу еще прямее. Мы, конечно, хотим посадить преступников за решетку, но мы еще больше хотим поскорее разгромить эту шайку, потому что и банки и казначейство просто не дают нам житья. Сообщите нам все, что вам известно, отдайте шайку в наши руки — и мы о вас забудем. А вы догадываетесь, что вам грозит, если мы о вас не забудем? Никакие враки на суде о том, что это ваше первое преступление, что вы ошиблись и больше не будете, — ничто вам не поможет. Вы получите самый большой срок, какой вам можно будет дать, а это порядочно! Ну, что вы скажете?

Редферн (*встает, берется за спинку стула и задвигает его под стол, впушительно*). Вот что я вам скажу, инспектор Стэк. Мое имя — Джордж Редферн, я владею писчебумажным делом и могу это доказать. Я живу в коттедже «Папоротниковый дом» в Ракитовой аллее, где я хорошо известен как порядочный, всеми уважаемый гражданин и домовладелец. В свое время меня самого обжулили, но никто еще не обвинял меня в том, что я хоть кого-нибудь — будь то мужчина, женщина или ребенок — обидел. А что касается банков, моя работа так же честна, как их, или так же бесчестна — как на это смотреть... И у вас нет никаких улик, чтобы отвести меня не только в тюрьму, но хотя бы за эту дверь. Вы это сами знаете.

Стэк. Дайте мне немножко времени, и я отведу вас куда дальше, чем за эту дверь.

В дверь стучат.

Р е д ф е р н. Войдите.

Заглядывает улыбающаяся миссис Редферн.

Миссис Редферн. Ах, это вы, инспектор! Добрый вечер. Стэк. Добрый вечер, миссис Редферн.

Миссис Редферн. Простите, что я вас прервала, но я где-то оставила ножницы. *(Входит, ищет ножницы.)* Вот они. Ну, как, отец, верно, тебе интересно?

Редферн. Очень интересно.

Миссис Редферн *(возвращаясь к двери)*. Ну и слава богу. Не буду вам больше мешать.

Редферн. Кстати, мать! Помнишь рекламные книжонки пароходных компаний, которые любила разглядывать Эльзи?

Миссис Редферн. Их у нас целая груда. Они у нее в спальне.

Редферн. Вот и хорошо. Скажи Эльзи, чтобы она принесла их сюда. Попозже.

Миссис Редферн. Ладно. *(Кивает, улыбается им и выходит.)*

Стэк *(подходя поближе к Редферну)*. Ну, так что вы скажете?

Редферн *(присаживаясь к столу)*. Вы же слышали, как я попросил принести мне проспекты пароходных компаний. Моя дочка постоянно пристает ко мне, просит свезти ее куда-нибудь подальше. И мне кажется, что небольшая перемена обстановки ей будет полезна. Да и мне тоже, тем более что дела идут туго. *(Вставая и глядя прямо в глаза собеседнику.)* Я, пожалуй, отправлюсь в долгое путешествие по морю.

Стэк. Да ну? И далеко?

Редферн. Не знаю. Думаю, что далеко. Может, в Австралию. Или на Дальний Восток. Попробую подыскать себе там какое-нибудь новое занятие. И погляжу на белый свет.

Стэк. Сам всегда об этом мечтал. Мне было бы так неприятно лишиться этого удовольствия другого.

Редферн. А вы и не пытайтесь, инспектор. Ради ваших же благ.

Стэк. Неудобная штука, однако, этакий пароход. Не можешь с него сойти, когда захочется, вот в чем его неудобство. И теперь, когда есть радио, на нем не спрячешься.

Редферн. Что верно, то верно.

Стэк. Английское судно столь же надежно для нас, как полицейский участок.

Редферн. Ну что ж, тогда вы знаете, где меня искать.

Стэк. Думаю, да. Вот так. *(Направляется к двери.)*

Редферн *(проводя его)*. Благодарю вас, инспектор, за ваше посещение. Мне оно доставило большое удовольствие. Вы мне позволили, если можно так выразиться, бросить взгляд за кулисы нашего правосудия. Будет о чем рассказать друзьям.

Стэк. Ваши друзья, мистер Редферн, меня очень интересуют. У вас нет желания познакомить меня кое с кем из них?

Редферн. Не думаю, чтобы в этом была нужда, инспектор.

Не сводя друг с друга глаз, они выходят из комнаты — Стэк немного впереди — и оставляют дверь открытой. Слышно, как они иронически очень вежливо желают друг другу доброй ночи, а потом — как захлопывается дверь и щелкает замок. Редферн поспешно возвращается. Теперь это человек быстрых и решительных действий. Идет к телефону, но, передумав, быстро подходит к двери в глубине и зовет Флеттена. Потом направляется к письменному столу, вынимает из ящика три паспорта и кладет их в карман. Отряхивая брюки, входит Джо Флеттен, шляпа его сдвинута на затылок.

Флеттен *(в тревоге)*. Ну как? Они что-нибудь знают?

Редферн. Достаточно. Слушай, Джо, и смекай. Дело теперь

за тобой. Ступай к Вестербергу, разыщи его, где бы он ни был и что бы ни делал, и повидайся с ним.

Флеттен. Я знаю, где искать. Он всегда развлекается в одном месте.

Редферн. Скажи ему, что у меня был сыщик из Скотланд-Ярда. Они узнали адреса в Глазго и в Ньюкасле, знают о Кордермене и Фрейзерли...

Флеттен. Ах, дьявол их возьми. Мы пропали.

Редферн. Отнюдь. Это пока все, что они знают. Но больше они ничего не должны узнать. Скажи Вестербергу, что настало время для плана «Б».

Флеттен. Как? Утопить доски и прессы, а самим разбежаться куда глаза глядят?

Редферн. Да, он знает, что делать. И скажи ему, что я, во всяком случае, с сегодняшнего вечера действую по плану «Б». Пусть протелеграфирует в Амстердам. А я сейчас со звонюсь с Мидлтоном. Понял? *(Идет к телефону.)*

Флеттен. Да. *(Направляется к двери в глубине комнаты.)*

Редферн. И ты сам, Джо, тоже воспользуйся планом «Б», если не хочешь снова засесть в тюрьму.

Флеттен. Кто же этого хочет?

Редферн *(набирая номер)*. Тогда давай, поторапливайся. Ближайший путь — через сад, затем направо. Через три минуты будешь в метро. Но смотри, не веди себя так, будто каждый полицейский готов тебя сцапать. *(Протягивает руку.)*

Флеттен подходит и пожимает ее.

Будь счастлив. Надеюсь, увижу тебя не скоро.

Флеттен. Всего вам наилучшего, мистер Редферн. *(Бросается опреть к двери, но, опомнившись, уходит спокойным шагом.)*

Редферн *(в трубку)*. Алло, это вы, Чарли?.. Да, Редферн... Да, в Бирмингеме все в порядке... Слушайте, Чарли...

Справа входят миссис Редферн и Эльзи, которая с несчастным видом несет кипу рекламных брошюр пароходных компаний; обе ведут себя тихо, чтобы не помешать разговору.

Ко мне только что заходил инспектор из Скотланд-Ярда... Да... Вы ведь знаете, эти ребята обычно бывают в курсе дела... Он сказал, что, по его мнению, в ближайшие месяцы нечего рассчитывать на очень хорошие операции... Поэтому я решил немножко отдохнуть — я ведь давно об этом мечтал... Да, то, что мы с вами называли планом «Б», помните, когда мы дурачились... Голландия, конечно... Отлично... Прощайте, Чарли... *(Кладёт трубку.)*

Миссис Редферн *(жизнерадостно)*. Значит, тебя, отец, все-таки не арестовали?

Редферн *(проглядывая брошюры, тем же тоном)*. Да нет, еле-еле спасся.

Миссис Редферн. А что нужно было этому сыщику?

Редферн. То, о чем ты говорила. Наводил справки об одном бумажном деле. Ну и странную жизнь они ведут!

Эльзи. Тебе бы она не подошла, отец. Слишком много треволений.

Редферн. Вот это верно.

Миссис Редферн *(поддразнивая его)*. А ты не рассказал ему, что ты сам — матерый преступник?

Редферн. Не пришлось. Он об этом знал.

Эльзи *(все так же безучастно)*. Что это ты говорил по телефону насчет отъезда?

Редферн. Тебе завтра придется отвезти маму в Брюссель.

Эльзи *(просияв)*. Папа! Ты шутишь?

Редферн. Нисколько. Мы запрем дом и отправимся путешествовать.

Миссис Редферн. Боже милостивый!

Эльзи *(вставая)*. Папа!

Редферн. Паспорта у нас уже есть.

Эльзи. А куда они выданы?

Редферн. В любую часть света. *(Обнимает жену и дочь.)*

В Индию, на Дальний Восток, в Австралию — куда глаза глядят. И поедем мы на голландском пароходе.

Миссис Редферн. Почему на голландском? Разве английские плохие?

Редферн. У голландцев куда больше удобств. Английские пароходы похожи на полицейский участок. Вы с мамой поедете в Брюссель, а там мы с вами встретимся.

Миссис Редферн. А ты куда поедешь?

Редферн. Прямо в Голландию. У меня еще есть кое-какие дела.

Миссис Редферн. Тоже сядешь на пароход?

Редферн. Еще не знаю. Там видно будет.

Эльзи. Мама, мы отправляемся путешествовать! *(Танцует от радости, обнимая мать.)*

Миссис Редферн. Надеюсь, отец, на этот раз ты нас не разыгрываешь?

Эльзи. О, папочка, ни за что не прощу, если ты опять шутишь!

Редферн. Нет, на этот раз я всерьез. В вашем распоряжении всего двадцать четыре часа, чтобы уложиться, запереть дом и отправиться в Брюссель.

Эльзи *(вне себя от счастья)*. Тогда мы сегодня совсем не будем спать! Давайте наметим окончательный маршрут, поужинаем и сразу же начнем укладываться!... Но, мама, нам же нужно кое-что из одежды, особенно если соберемся в жаркие края, хотя купим в Брюсселе или где-нибудь еще... а нельзя ли сначала в Париж, уж там все купим, от Парижа до Голландии рукой подать...

Миссис Редферн. Помолчи, Эльзи. Голова и так кругом идет.

Звонок, громкий и настойчивый. Все вздрагивают.

Эльзи. Я открою. *(Выбегает.)*

Миссис Редферн. Девочка так взволнована, что не соображает, что говорит.

Редферн. Пусть ее.

Миссис Редферн. Не дай бог ей еще раз разочароваться.

Редферн. Об этом я позабочусь.

Миссис Редферн. Что-то ты раскомандовался сегодня.

С чего бы это?

Редферн. Приходится иногда, дорогая.

Возвращается Эльзи; у нее испуганный вид.

Эльзи. Папа, пришел полицейский сержант. Спрашивает тебя.

Редферн (*серьезно*). Что поделаешь.

Эльзи (*подходя к нему, тихонько*). Папочка... это неправда?

Скажи, это неправда?

Редферн (*весело*). Успокойся, детка. Попроси его войти.

Эльзи прижалась к нему и не выпускает его руки.

Миссис Редферн. Не глупи, Эльзи! (*Идет к двери и вводит сержанта Морриса — крупного, коренастого человека средних лет, с низким голосом и несколько высокопарными манерами.*)

Сержант Моррис (*стоя у двери*). Могу я видеть мистера Джорджа Редферна?

Редферн (*твердо*). Это я, сержант.

Сержант Моррис. Вы, наверно, знаете меня в лицо. Я из местного отделения полиции.

Редферн. Помню. Видел вас не раз.

Сержант Моррис. Мне сказали, что вы собираетесь уезжать.

Редферн. Вас не обманули. Я серьезно об этом подумываю.

Сержант Моррис (*снимая шлем и делая несколько шагов к Редферну*). Мистер Кросс из крайнего дома по вашей улице говаривал мне, что вы не возражали бы стать вице-президентом нашего нового футбольного клуба...

Редферн. А-а... и вы пришли с подписным листом?..

Сержант Моррис *(с облегчением)*. Вы угадали, мистер Редферн, с вице-президента — три гиней.

Редферн *(вынимая бумажник)*. Прошу вас. Пять фунтов для почина. Я и в самом деле не прочь стать вице-президентом.

Сержант Моррис *(пишет бумагу)*. Возьмите расписочку по всей форме, пожалуйста. И премного вам благодарен, мистер Редферн. Доброй ночи, мадам, доброй ночи, мисс. Доброй ночи. *(Выходит.)*

Миссис Редферн идет его провожать, Эльзи истерически смеется.

Редферн. Что тут смешного?

Эльзи. Не знаю. Все... Папка, а мы долго будем в отъезде?

Редферн. Трудно сказать. Месяца четыре. А может, и больше.

Эльзи. А как же твоя теплица?

Редферн. Страна, куда мы едем, сама по себе большая теплица.

Входит миссис Редферн.

Эльзи. А что станется без нас с Ракитовой аллеей?

Миссис Редферн *(деловито)*. Будет стоять на месте, пока мы не вернемся.

Эльзи *(берет пачку путеводителей и, усевшись на стул, с волнением их листает)*. Давайте выберем, куда нам ехать.

Миссис Редферн *(решиительно)*. Сперва поужинаем, а потом уж и посмотрим. *(Отнимает у Эльзи брошюры.)* И в кои веки можешь помочь мне накрыть на стол.

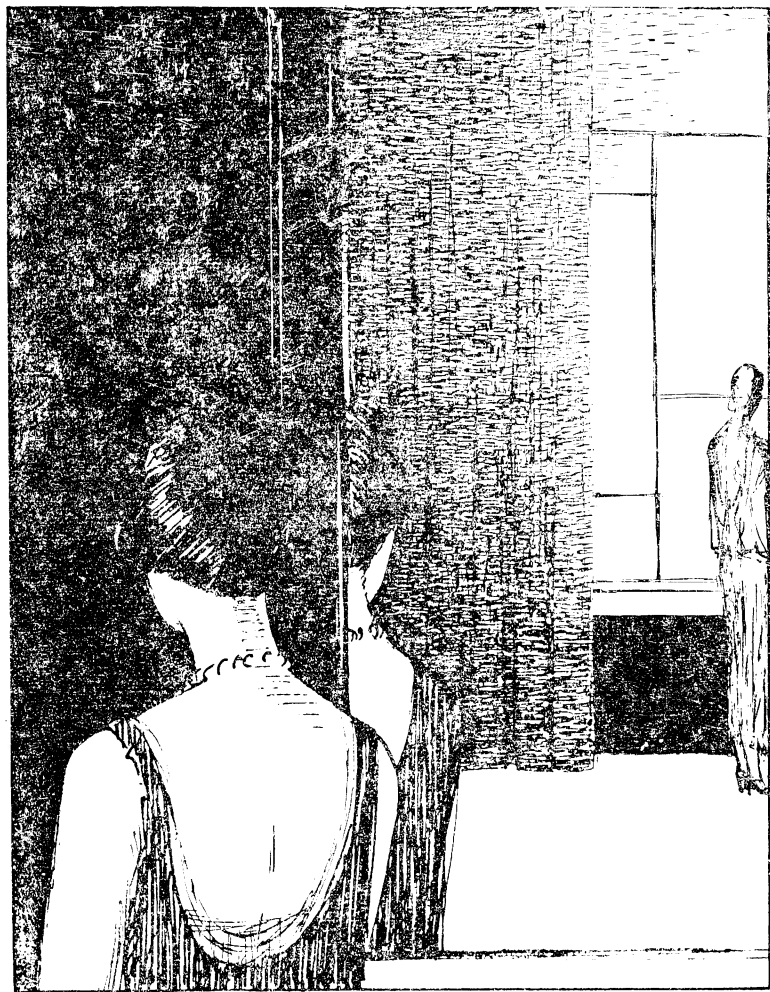
Эльзи *(счастливым голосом)*. Хорошо, мамочка! *(Бежит на кухню, оттуда слышно, как она радостно что-то напевает.)*

Миссис Редферн *(доставая из буфета скатерть и прибо-*

ры). А что касается тебя, отец, то не рассказывай мне, что ты ни к чему не причастен. (*Расстилает скатерть.*) :
Р е д ф е р н (*передавая ей вазу для цветов и широко улыбаясь*).
Ладно, мать. Я и пыгаться не стану...

*Входит Э л ь з и с обеденной посудой. Редферн с улыбкой
смотрит на жену и дочь.*

З а н а в е с

TIME AND THE CONWAYS

A Play
1937

Время и семья Конвей

Пьеса

Перевод В. Исакова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЕМЬЯ КОНВЕЙ:
МИССИС КОНВЕЙ.

АЛАН.

МЭДЖ.

РОБИН.

ХЕЙЗЕЛ.

КЕЙ.

КЭРОЛ.

ПРОЧИЕ:

ДЖОАН ХЕЛФОРД.

ЭРНЕСТ БИВЕРС.

ДЖЕРАЛЬД ТОРПТОН.

Действие происходит все время в одной из гостиных загородной виллы миссис Конвей, в богатом пригороде небольшого промышленного города Ньюлингхема. Первое и третье действия происходят осенним вечером 1919 года, второе действие — осенним вечером 1937 года.

Действие первое — день рождения Кей, ей 21 год; вечер.

Действие второе — другой день рождения; другой вечер.

Действие третье — ей 21 год; опять тот же вечер.

Третье действие является непосредственным продолжением первого.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Этим осенним вечером в доме Конвеев собрались гости, но мы не видим их — только слышим. Все, что мы можем различить сперва, — это луч света из холла, падающий справа сквозь занавешенную арку, и небольшое пламя в камине слева. Доносятся молодые голоса, смех и пение, резкие взрывы одной-двух хлопнушек и звуки рояля, на котором кто-то исполняет популярную песню того времени. Спустя минуту или две несколько голосов подхватывают мелодию, которую играют на рояле. Царит неподдельное веселье.

Затем мы слышим ясный и громкий голос молодой девушки (это Хейзел Конвей), спрашивающей: «Мама, куда их отнести?» Голос, который отвечает издалика, принадлежит миссис Конвей: «В заднюю комнату. Мы будем играть здесь». На это Хейзел, которая, по-видимому, очень возбуждена, восклицает: «Да, да, чудесно!» — и затем подсказывает сестре, находящейся еще дальше, вероятно, наверху: «Кэрл, в заднюю комнату!» И вот Хейзел вбегает и зажигает свет. Это высокая, вся сияющая, одетая ради вечеринки в самый лучший свой наряд девушка. В руках у нее целая охапка старых платьев, шляп, всякого тряпья — всего, во что счастливые люди обычно наряжались для разыгрывания шарад. Комната очень уютная, хотя у нее нет дверей, а только широкая занавешенная арка справа. В глубине окно с ведущей к нему ступенькой и кушетка с подушками. Портьеры задернуты. Слева — камин или

чугунная печь с раскаленными угольями. Несколько небольших книжных шкафов стоят вдоль стен или вделаны в стены; довольно хорошая мебель, включающая круглый стол и небольшое бюро, на стенах — более или менее сносные картины. Очевидно, это одна из тех неопределенных комнат, где семья проводит больше времени, чем в гостиной, и которую называют то задней комнатой, то утренней, то учебной, то детской, то синей, коричневой или красной. Эту комнату можно было бы смело назвать «красной комнатой», потому что при таком освещении ее окраска меняется от розового до цвета сливы, образуя нежный, уютный фон для молодых девушек в их нарядных платьях. Пока Хейзел сбрасывает свою ношу на круглый диванчик, стоящий посреди комнаты, входит Кэрол, младшая из Конвеев — ей лет шестнадцать, — необычайно возбужденная, запыхавшаяся и едва передвигающая ноги под тяжестью всяких маскарадных принадлежностей, включая коробку из-под сигар с накладными бакенбардами, носами, очками и т. д. С небрежной поспешностью ребенка она швыряет свою ношу на диван и начинает говорить, еле переводя дыхание. А теперь, прибавив еще, что Кэрол — очаровательная молодая особа, мы можем предоставить им объясняться самим.

Кэрол (задыхаясь, но торжествующая). Я нашла... эту коробку... с накладными бакенбардами и всякой всячиной...

Хейзел (торжествуя). Я знала, что ее не выбросили!

Кэрол. Никто не посмел бы ее выбросить. (Протягивает коробку с открытой крышкой.) Гляди!

Хейзел запускает туда руку.

Да не хватать же!

Хейзел (не сдержась). Должна я посмотреть или нет, дурочка?

Обе, как дети, жадно обследуют содержимое коробки.

Я возьму вот это. (Выуживает большие висячие усы.)

О-о... и это! (Вытаскивает толстый привязной нос.)

Кэрол (*великодушно*). Ладно, только не забирай все самое хорошее, Хейзел! Кей и Мэдж тоже ведь захотят. Я думаю, Кей должна выбирать первой. В конце концов, это ведь ее рождение, и ты знаешь, как она обожает шарады. Мама отсюда ничего не возьмет, потому что, наверно, захочет облачиться во что-нибудь пышное и изображать испанку, или русскую, или кого-нибудь еще. Что ты делаешь?

Хейзел (*отворачивается, чтобы приладить нос и усы, ей это удается, хотя они и не очень прочно держатся. Поворачивается лицом к сестре; басом*). Доброе утро, доброе утро!

Кэрол (*взвизгивает от восторга*). Мистер Пеннимэн! Знаешь, Хейзел, тот, из писчебумажной лавочки? Который так медленно-медленно покачивает головой, когда объявляет, что Ллойд-Джордж никуда не годился. Будь мистером Пеннимэном, Хейзел! Давай!

Хейзел (*обыкновенным голосом*). Не смогу, Кэрол, и видела-то его всего раза два, а так я не бываю в этой лавке.

Алан заглядывает в комнату и усмехается, увидев Хейзел. Это застенчивый, тихий молодой человек лет двадцати с небольшим; он может слегка заикаться. Одет довольно небрежно, по-будничному.

Кэрол (*оборачивается и замечает его*). Входи, Алан, и не давай подглядывать другим.

Алан входит.

Ну, разве она не точь-в-точь мистер Пеннимэн из писчебумажной лавочки, тот, что ненавидит Ллойд-Джорджа?

Алан (*застенчиво улыбаясь*). Похоже... немножко.

Хейзел (*натужно глубоким басом*). «Я ненавижу Ллойд-Джорджа».

Алан. Нет, он не так говорит.

Кэрол. Точно — не так! Он говорит (*довольно искусно подражает грубому голосу полубразованного человека*): «Я вам вот што скажу, миш Конвей... этот шамый Ллойд-Джордж... они уж рашкаются, што поштавили его на такое мешто... помяните мое шлово».

А л а н (*улыбаясь*). Вот теперь он. Очень хорошо получается, Кэрол.

К э р о л (*возбужденно*). Я думаю, мне следовало бы стать актрисой. В школе говорили, что я была самым лучшим Шейлоком, какой только у них был.

Х е й з е л (*снимает нос и усы*). Возьми, если хочешь, Кэрол!

К э р о л. А ты что, раздумала? Мне кажется, тебе не следовало бы наряжаться каким-то глупым мужчиной, ты такая хорошенькая. Может быть, я могла бы их надеть и сыграть мистера Пеннимэна. Нельзя ли как-нибудь вставить его в третью картину? Вместо генерала. Я думаю, хватит нам генералов.

А л а н. Хватит. Попроси Кей вместо генерала вставить мистера Пеннимэна.

Х е й з е л. Вот Кей придет и все устроит.

А л а н. Она сейчас появится. Мама велела передать вам, чтобы вы не устраивали тут кавардак.

К э р о л. Но при шарадах иначе не бывает. Это так полагается.

Х е й з е л. Подожди только, пока мама начнет одеваться! У нее беспорядка получается больше, чем у других. (*Алану.*)

Надеюсь, кое-кто из старших уже собрался уходить, а?

А л а н. Да.

Х е й з е л. Без них куда веселее. Да и мама не будет так скованна, как при них. Позови сюда Кей и Мэдж, Алан!

А л а н. Ладно. (*Уходит.*)

Обе девушки принимают рассматривать платье.

Х е й з е л (*вытаскивает старомодные предметы женского туалета и примеряет их на себя*). Погляди-ка! Ну можно ли поверить, что люди носили такие смешные вещи?

К э р о л. Я еще помню, как мама их носила. А ты помнишь?

Х е й з е л. Ну, разумеется, помню, малышка!

К э р о л (*более серьезным тоном, глядя на старомодную охотничью куртку*). Это ведь папина куртка, правда?

Х е й з е л. Да. По-моему, он надевал ее во время тех самых праздников.

Кэрол. Пожалуй, ее следовало бы отложить в сторону.

Хейзел. Я думаю, маме все равно теперь.

Кэрол. Нет, ей не все равно, да и мне тоже. Я вовсе не хочу, чтобы кто-нибудь наряжался и представлял разные глупости в куртке, которую папа носил как раз перед тем, как утонул. *(Складывает куртку и кладет ее на подоконник, затем возвращается.)* Я все думаю... так ли это ужасно... утонуть?

Хейзел. Ах, да не начинай ты все это снова, Кэрол! Ты что, забыла, как приставала ко всем с этим вопросом... пока мама не разозлилась?

Кэрол. Да... но ведь тогда я была маленькая.

Хейзел. Ну, так вот, теперь, когда полагаешь, что ты большая, возьми и перестань!

Кэрол. Это куртка мне напомнила... Знаешь, Хейзел, вот так разговаривать, смеяться и быть веселым, совсем как всегда... и потом, через какие-нибудь полчаса... утонуть... Это так ужасно! Нам показалось, что все произошло за какой-то миг... а ему там, в воде, может, показалось, что прошли целые века...

Хейзел. Ах, да перестань же, Кэрол! Как раз когда мы захотели немножко повеселиться! Зачем ты это?

Кэрол. Не знаю, право. Но разве у тебя не бывает часто такого же чувства? Как раз когда все кругом весело и оживленно, я вдруг начинаю думать о чем-нибудь страшно серьезном, иногда ужасном: вот как папа утонул... или о том сумасшедшем мальчике с огромной головой, которого я раз видела... или об этом старике, который гуляет в парке, с огромным наростом на лице...

Хейзел *(закрывая уши)*. Нет, я не слушаю, не слушаю!

Кэрол. Знаешь, Хейзел, эти мысли выскакивают прямо посреди самого веселья. И с Кей такое бывает. Должно быть, это у нас семейное...

Входит Мэдж. Она на год или на два старше Хейзел, не такая хорошенькая и вообще гораздо более серьезная и со-

лидная особа. Она окончила Гертон и уже побыла немного учительницей — отсюда ее категоричность, решительность и самоуверенность.

Мэд ж. Вы их нашли? Отлично. (*Рассматривает вещи.*) Не думала, что у нас осталось столько разного старья. Мама должна была бы отдать эти вещи.

Кэр о л. Я очень рада, что она не отдала. Да и кому они могли бы пригодиться?

Мэд ж. Многие были бы рады их получить. Ты не можешь себе представить, Хейзел, в какой бедности живет большинство людей! Тебе это просто не приходит в голову. Верно ведь?

Хейзел (*добродушно*). Не разыгрывай учительницу, Мэдж!

Кэр о л (*примеряя вещи, оборачивается к Мэдж; многозначительно*). Что, Джеральд Торнтон пришел?

Мэд ж. Он действительно пришел... несколько минут тому назад.

Кэр о л (*торжествующе*). Я так и поняла. Я увидела это по твоим глазам, Мэдж.

Мэд ж. Не говори глупостей! Он привел с собой одного человека, своего клиента, который сгорает желанием познакомиться со всем семейством.

Хейзел. Так ему и надо, пускай сгорает! Симпатичный?

Мэд ж. О, забавный коротышка.

Кэр о л (*прыгая по комнате*). Это нам как раз и нужно — забавный коротышка. Чудесно для шарад.

Мэд ж. Нет, он вряд ли подойдет. Похоже, у него нет никакого чувства юмора. Пока он очень робок и боится мамы. Этаким маленький деловой человек.

Кэр о л. Не спекулянт, как их рисуют в «Панче»?

Мэд ж. Похоже, что он может им стать со временем. Зовут его Эрнест Биверс¹.

Хейзел (*фыркая*). Глупее не придумаешь! Если у него есть жена, мне ее жалко.

¹ Автор обыгрывает фонетическую омонимию фамилии Beever и слова «Beever», означающего «бобер» (переносное значение — «работяга», «трудолюбивый»)

Мэдж. По-моему, у него ее нет. Слушайте, девочки, нам пора начинать!

Входит Кей, которой сегодня исполнился двадцать один год. Это умная, развитая девушка, но миловидности несколько уступающая Хейзел. В руках у нее лист бумаги.

Мэдж. Кей, нам пора начинать!

Кей. Знаю. Остальные сейчас придут. *(Начинает рыться в вещах.)* А здесь недурные костюмы. О-о, поглядите-ка! *(Вытаскивает какую-то нелепую, старомодную женскую накидку, пальто или плащ и шляпу, нелепо натягивает их на себя, выходит на середину комнаты, становится в утрированно мелодраматическую позу; ходячьим, напыщенным тоном.)* «Минуточку, лорд Как-вас-там-зовут! Если меня застанут здесь в столь поздний час, кто поверит, что целью моего посещения... вашей комнаты... без провожатых... было исключительно желание... э-э... получить документы... которые дадут мне возможность... обелить имя моего супруга, имя человека, который... э-э... никогда не добивался ничего другого, как только... э-э... чести послужить своей родине... и нашей также, лорд Трам-ти-та-там... человека... который... которому...» *(Обыкновенным голосом.)* Ничего не выходит, я совсем запуталась. Знаете что? Нам надо бы устроить подобную сцену — пышную, драматическую и полную всяких документов.

Мэдж. Ну хорошо, так что же мы будем играть?

Хейзел *(холодно)*. Я забыла шараду.

Кэрол *(с негодованием)*. Хейзел, это неслыханно! А мы-то целыми часами бились над ней!

Хейзел. Я не билась. Только ты и Кей, потому что вы воображаете себя будущими писательницами и актрисами.

Кэрол *(строгим тоном)*. Эта шарада, идиотка, — «Кот-в-сапогах». Три слова: кот-в-сапогах. Получается шарада.

Мэдж. Я думаю, четырех сцен слишком много. И потом, они легко угадают.

Кей. Это ничего не значит. Если они угадают, это доставит им удовольствие.

Кэрол *(с оттенком торжественности)*. Самое главное — в переодевании.

Входит миссис Конвей, очаровательная женщина лет сорока пяти, очень изящно одетая, с живыми, непринужденными манерами.

Миссис Конвей. Ну, я готова — если вы готовы. Какой беспорядок вы тут наделали! Так я и знала. Дайте-ка мне посмотреть! *(Принимается рассматривать вещи и разбрасывает их куда более хаотично, чем это делали остальные. В конце концов извлекает испанскую шаль и мантилью.)* Ага, вот где они! Я буду красавицей испанкой. У меня есть и песенка для этого. *(Начинает надевать испанский наряд.)*

Хейзел *(Кей)*. Ну, что я тебе говорила?

Миссис Конвей *(которая питает особенную нежность к Хейзел)*. Что ты ей говорила, моя дорогая?

Хейзел. Я сказала Кей — все равно, что бы она ни устроила, ты захочешь выступить в роли испанки.

Миссис Конвей. Ну и что, а почему бы и нет?

Кей. Это не подходит к сценам, которые я придумала, — только и всего.

Миссис Конвей *(занятая своим костюмом)*. О, ты очень легко сумеешь это устроить, дорогая, ты ведь такая умница! Я только что рассказывала доктору Холлидею и его племяннице, какая ты умная. Они как будто удивились. Не могу себе представить почему.

Хейзел. Я первый раз увидела Монику Холлидей без ее деревенского облачения. Диву даюсь, как она не явилась к нам сегодня в штанах и крагах.

Кей. Ужасно странный у нее вид без них. Как будто это переодевший в женщину мужчина.

Мэдж. Ну, Кей, что нам делать дальше?

Кей. В первой сцене — «Кот» — изображается старуха, которая потеряла своего кота. Она похожа на настоящую ведьму.

К э р о л *(восторженно)*. Я буду старухой. *(Начинает подыскивать подходящее одеяние — старую шаль и т. п., — а также седой парик. В течение последующего диалога постепенно преобразуется в старуху.)*

К е й. Мама, ты и Хейзел — две дочери, которые приходят навесить ее.

Х е й з е л. Я знаю свою роль. Я все время повторяю: «Я всегда терпеть не могла твою ужасную кошку, мама». Что бы мне надеть? *(Ищет.)*

М и с с и с К о н в е й *(в костюме испанки)*. Кажется, все в порядке. Что ж, буду дочерью-испанкой.

К е й *(покорно)*. У нее не было дочери-испанки, но мне кажется, это и не важно.

М и с с и с К о н в е й. Нисколько. Никто не обратит внимания. И потом, я думаю, мне лучше не появляться в других сценах — вы же, наверное, захотите, чтобы я спела.

К е й. Конечно. Но я наметила для тебя еще два выхода. Придется их передать Мэдж и Джоан Хелфорд.

М и с с и с К о н в е й. Как жаль, что с нами нет Робина. Ты знаешь, Мэдж, он писал, что его могут демобилизовать со дня на день. Ужасно досадно, если он пропустит день рождения Кей. Робин так любит вечеринки! Он весь в меня. Ваш отец всегда был к ним равнодушен. Вдруг в самой середине вечера, как раз когда все только налаживалось, ему хотелось покоя... он отводил меня в угол и спрашивал, как долго еще останутся гости... а они только-только начинали веселиться. Я никогда не могла этого понять.

К е й. Я могу. Я часто ощущала то же самое.

М и с с и с К о н в е й. Но почему, дорогая, почему? Это же неразумно! Если ты устроила вечеринку — значит, у тебя вечеринка.

К е й *(серьезно)*. Да нет, не в том дело! И не то чтобы мне вдруг стали неприятны люди. Но ты чувствуешь — по крайней мере у меня появляется такое чувство, и, паверно, такое же чувство было и у папы, — внезапно тебе кажется, что

все это не настоящее... и тебе хочется чего-то настоящего.
Ты понимаешь, мама?

Миссис Конвей. Нет, дорогая, не понимаю. Для меня это звучит немножко мрачно. Но ваш отец иногда становился очень мрачным. Ты, может быть, и не веришь, но так бывало — и у тебя это, наверно, от него.

Кей (*очень серьезно*). Ты думаешь, что иногда, таинственным образом, он *знал*?

Миссис Конвей (*не очень внимательно*). Что знал, дорогая? Взгляни на Хейзел — ну разве она не очаровательна? Я еще помню, как впервые надевала эти вещи. Какая нелепость! Что знал?

Кей. Знал о том, что с ним случится. Ты помнишь, Алан говорил, что некоторые из его знакомых, которые были убиты на фронте, иногда как будто знали, что они будут убиты, словно на них опустилась какая-то тень. Знали, потому что... вроде бы нам дано... заглянуть за угол... и увидеть свое будущее.

Миссис Конвей (*легким тоном*). Тебе приходят в голову самые необычайные мысли. Ты должна попытаться вставить некоторые из них в свою книгу. Ты счастлива, дорогая?

Кей. Да, мама. Очень счастлива.

Миссис Конвей. Тогда все хорошо. Я хочу, чтобы у тебя был веселый день рождения. Я чувствую, что мы все можем быть снова счастливы теперь, когда эта ужасная война кончилась, и люди опять стали разумными, и Робин и Алан в безопасности. Да, я и позабыла спросить: Робин тебе прислал что-нибудь, Кей?

Кей. Нет. Я и не ждала, что он придет.

Миссис Конвей. О, но это так непохоже на Робина, ты знаешь, Кей! Он очень внимательный мальчик, в сущности, даже слишком внимательный. Может быть, это значит, что он рассчитывает вернуться очень скоро.

Входят Алан и Джоан Хелфорд, подруга и сверстница Хейзел, хорошенькая и довольно глупенькая.

Кей. Алан, скажи им, что мы начинаем... и что шарада состоит из трех слов.

Алан уходит.

Джон. По-моему, вы все выглядите чудесно. Ты знаешь, Кей, я по этой части никуда не гожусь. Не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Кей. Ну, Кэрол, тебе начинать! И помни, что «Кот» надо произнести только раз. Вы обе не произносите этого слова — только Кэрол. Она говорит: «Но ведь это же была не кошка, а кот — разве ты этого не знала?»

Алан возвращается. Кэрол уходит — и вслед за тем могут раздаться отдаленный смех и хлопки.

Добрая старушка Кэрол! Ну, теперь вы обе! (*Почти выталкивает их из комнаты.*) Следующее слово — «в». Я и подумала, что, пожалуй, не будет слишком большим обманом публики, если мы представим заика, который хочет произнести слово «вечером» — и у него выходит только «в-в-в»! Мэдж, ты — старушка мать.

Мэдж (*которая тем временем надела очень смешное, потрепанное платье*). Да, я помню.

Алан. А я кто? Я позабыл.

Кей. Ты — Берг. Надень только что-нибудь пошумнее. А ты, Джоан, найдешь тут для себя.

В течение последующего диалога все переодеваются.

Джон. Я была на прошлой неделе в Лондоне в гостях у дяди, и мы три раза ходили в театр. Мы смотрели «Тилли из Бломсбери», «Муж Золушки» и «Время поцелуев». Больше всего мне понравился «Муж Золушки» и особенно Оуэн Нейрс. А я думала, что Робин скоро вернется.

Кей. Скоро.

Джон. Он ведь офицер, правда? А вы не были офицером, Алан, нет?

А л а н. Нет, я был капралом. Одна нашивка, только и всего.
Сплошное ничтожество.

Д ж о а н. И вам не хотелось стать чем-нибудь получше?

А л а н. Нет.

К е й. У Алана нет никакого честолюбия. Так ведь, мой дорогой?

А л а н (*просто*). Никакого.

Д ж о а н. Будь я мужчиной, я бы хотела быть чем-нибудь очень важным. Что вы сейчас делаете, Алан? Кто-то говорил, что вы служите в городской управе?

А л а н. Да. В отделе налогов и сборов. Простым чиновником, только и всего.

Д ж о а н. И вам не скучно?

А л а н. Скучно.

К е й. Алан ничего не имеет против скуки. Наверное, у него в голове масса историй и необычайных приключений, о которых никто ничего не знает.

Д ж о а н. Хейзел говорит, что ты начала писать новый роман, Кей. Правда это?

К е й (*отрывисто*). Да.

Д ж о а н. Я не знаю, как ты это можешь... Я хочу сказать, у меня, наверно, тоже пошло бы дело, если бы я только как следует начала... Но я не понимаю, как тебе удается начать. А что ты сделала с предыдущим?

К е й. Сожгла.

Д ж о а н. Почему?

К е й. Он был отвратителен.

Д ж о а н. Но разве ж это не ужасная трата времени?

К е й. Да, пожалуй, так.

А л а н. Но подумайте, Джоан, сколько мы с вами тратим времени попусту!

Д ж о а н. О нет... я всегда что-нибудь делаю. Хотя мне не нужно больше ходить в солдатскую столовую, я всегда занята.

Мэдж, которая отошла в сторону, раздражается смехом.

Чему ты смеешься, Мэдж?

М э д ж. Разве нельзя смеяться?

Дж о а н (*кротко*). Ты всегда смеялась надо мной. Это, наверно, потому, что я не так умна, как ты.

Хейзел возвращается, доносятся смех и хлопки.

Хейзел. Ну, можете себе легко представить, как все это было! Мама разошлась, и, конечно, все сразу стало испанским. Я не думаю, чтобы они помнили, был ли хоть раз упомянут «кот». Что ты должна изображать, Джоан?

Дж о а н (*преисполненная надежды*). Что-то вроде девушки из простонародья.

Хейзел. Ты кажешься законченной дурочкой. Ах, да... (*Кей.*) Кэрол хочет сыграть мистера Пеннимэна из писчебумажной лавочки вместо генерала в третьем слове.

Кей. Но как же это? Если там смотр новобранцев, там нечего делать мистеру Пеннимэну. Разве что мы сделаем его одним из новобранцев... и заставим Джеральда Торнтона или кого-нибудь другого быть генералом.

Кэрол возвращается, вся раскрасневшаяся от жары, и начинает снимать с себя костюм старухи.

Кэрол. Мама все еще продолжает. Уф! Ну и жарко же быть старой ведьмой!

Кей. Ты настаиваешь на том, чтобы представлять мистера Пеннимэна в третьем слове?

Кэрол (*оживляясь*). О-о... я ведь совсем забыла! Да, пожалуйста, Кей, позволь мне сыграть мистера Пеннимэна! Душечка, голубушка, золотая моя!

Кей. Хорошо. Только ему придется быть солдатом. Новобранцем, понимаешь?

Входит миссис Конвей, очень величественная, раскрасневшаяся, торжествующая. В руках у нее бокал с красным вином.

Миссис Конвей. Ну, в самом деле все это было ужасно глупо... Но они, по-видимому, веселились, а это самое глав-

ное. По-моему, ты сыграла очень хорошо, Кэрол. (Кей.) Кэрол была очень мила, Кей. Пожалуйста, больше не проси меня участвовать, тем более если ты хочешь, чтобы я потом плала. Так что вычеркни меня, Кей. (Потягивает из бокала вино.)

Кей. Хорошо. Теперь идите! (Начинает выстраивать своих актеров — Мэдж, Джоан, Алана.)

Джоан. Честное слово, Кей, я буду ужасна!

Кей. Это несважно. Тебе ничего не нужно делать. Давай теперь, Мэдж!

Мэдж (громким голосом, старательно подражая говору уличной торговки). «Да ну-у же, Берт! И ты, Ди-и-зи! Идись за мной, не то мы апазда-а-ем!» (Идет к двери.)

За ней — трое остальных.

Хейзел. Откуда ты вдруг достала этот бокал с вином, мама?
Миссис Конвей (удовлетворенно). Заставила Джеральда Торнтона подать его мне... и это очень мило завершило мою маленькую сценку. Я больше не хочу. Может быть, ты попробуешь?

Хейзел берет бокал и потягивает из него, в то же время прибирая вещи; остальные помогают ей.

Кэрол. Ты, мама, не собиралась стать актрисой, ты была только певицей?

Миссис Конвей. Я не знаю, что ты хочешь этим сказать — «только певицей». Я, конечно, была певицей. Но я играла и на сцене. Когда Ньюлингхемский любительский оперный театр впервые поставил «Веселую Англию», я играла Бесс. А вас тогда у меня было уже шестеро. Тебе, Кэрол, было в ту пору около двух лет.

Хейзел. Мама, Джоан гостила в Лондоне на прошлой неделе и побывала в трех театрах.

Миссис Конвей. У нее там есть родственники, а у нас нет. Это большая разница.

Хейзел. Неужели мы никогда не поедем?

Миссис Конвей. Поедем, конечно. Может быть, Робин све-
зет нас — я хочу сказать: нас двоих, тебя и меня, — когда
вернется.

Кэрол (*торжественно*). Сегодня в утренних газетах сказано,
что «мы все должны выполнять свои обязанности. Эта
голая погоня за наслаждениями продолжалась достаточно
долго. Ждет непочатый край работы».

Хейзел (*негодующе*). Действительно, мы только и делали, что
гонялись за наслаждениями! Я нахожу, что это ужасно
несправедливо и глупо. Как раз когда мы могли бы немнож-
ко повеселиться после всей этой стирки и уборки в столовых
и госпиталях и очередей за гнилой провизией, когда ровно
никого около нас не было, к нам приходят и говорят, что мы
довольно наслаждались и теперь должны выполнять свои
обязанности. Какие обязанности?

Кэрол. Восстанавливать разрушенный мир. Это там тоже было
написано.

Миссис Конвей (*полулегкомысленно-полусерьезно, Хей-
зел*). Твоей обязанностью будет найти очень славного моло-
дого человека и выйти за него замуж. Для тебя это не будет
трудно.

Кэрол (*надевая брюки, чтобы играть мистера Пеннимэна*).
Торопись, Хейзел, а я буду у тебя подружкой! Думаю, это
мой единственный шанс. Кей говорит, что она до-олго не
выйдет замуж, если только выйдет вообще, потому что ее
писательство — ее дело — должно стоять на первом плане.

Миссис Конвей. Глупости, моя дорогая. Когда подвернется
подходящий молодой человек, она забудет о своем писа-
тельстве.

Кэрол. Я этого не думаю, мама. Во всяком случае, она не захо-
чет подружек на свадьбе. А если Мэдж когда-нибудь выйдет
замуж, то уж наверняка за какого-нибудь социалиста в
твидовом костюме, который будет требовать, чтобы их по-
женили в Отделе регистрации.

Хейзел. Я не так уж в этом уверена. Я наблюдала за Мэдж
последнее время.

Кэрол (*в роли мистера Пеннимэна*). «А я наблюдал за Ллойд-Джорджем. А для чего, миш Конвей? Потому што нельзя доверять этому шловечку. Шмотрите жа ним в оба, вот што я вам шкажу...»

Миссис Конвей. Очень хорошо, дорогая. Точь-в-точь как мистер Уорсноп, кассир с нашей фабрики. Ты помнишь его? Накануне Нового года, когда все дела в конторе были закончены, ваш отец всегда приводил мистера Уорснопа сюда и угощал его портвейном. А когда я входила, мистер Уорсноп вставал и, держа свою рюмку вот так (*прижимает бокал к груди, в подобострастной позе*), говорил: «Мое почтение, миссис Конвей, моё глубочайшее почтение». И мне всегда хотелось смеяться. Он теперь вышел в отставку и живет в Южном Девоне.

После небольшой паузы входит Мэдж, все еще в нелепом костюме уличной торговли, с Джеральдом Торнтоном. Ему лет тридцать с небольшим, он стряпчий и сын стряпчего. Довольно высок ростом, обладает красивой внешностью, тщательно одет. Он выработал в себе манеры приятного светского человека.

Мэдж (*с юношеской запальчивостью продолжает спорить*). Но ведь чего требуют и добиваются горняки — это просто национализации. Они говорят: если уголь имеет такое важное значение, как вы утверждаете, тогда копи не должны больше оставаться в руках частных владельцев. Национализуйте их, говорят они. Это самое справедливое.

Джеральд. Прекрасно. Но предположим, что мы не хотим, чтобы они были национализированы. Что тогда? Кое-кто из нас достаточно нагляделся на правительственное хозяйничанье.

Миссис Конвей. Совершенно верно, Джеральд. Все знают, как это было нелепо. Посылать мешки с песком в Египет!

Мэдж (*с жаром*). Я и наполовину не верю этим историям. Кроме того, им приходилось все изобретать на ходу, в спеш-

ке. И наконец, это было не социалистическое правительство.

Д ж е р а л ь д (*кратко*). Но откуда вы знаете, что эти будут лучше? Они могут оказаться хуже — меньше опыта.

М э д ж (*тем же тоном*). О, знаю я этот опыт! Нам всегда бросают в лицо этот упрек. А ведь требуется только немного разумности... и энтузиазма... и... и честности.

Д ж е р а л ь д (*миссис Конвей, тоном, каким взрослые разговаривают между собой на детских праздниках*). Меня мобилизовали для следующей сцены. Изображать генерала или что-то в этом роде.

Х е й з е л. У нас нет для вас костюма.

Д ж е р а л ь д. Отлично.

М и с с и с К о н в е й. О, мне, вероятно, не следовало так долго отсутствовать, оставив гостей одних, правда? К тому же большинство из них скоро уйдет. Тогда у нас будет свой собственный маленький интимный вечер. (*Уходит.*)

К э р о л (*Джеральду*). Знаете, вам надо все-таки принять какой-то другой вид. Вы могли бы вывернуть ваш пиджак наизнанку.

Д ж е р а л ь д. Не думаю, чтобы это было особенно эффектно.

К э р о л (*нетерпеливо*). Тогда наденьте пальто! Да, и вот... (*Извлекает большие накладные усы и подает ему.*) Прилепите! Это очень хорошие усы.

Джеральд берет усы и глядит на них с сомнением. Вбегает Джоан, более оживленная, после того как закончилось ее испытание.

Д ж о а н (*возбужденно, как девочка*). Хейзел, ты знаешь, кто здесь? Тебе ни за что не угадать!

Х е й з е л. Кто?

Д ж о а н (*не обращая внимания на вопрос*). Этот ужасный корытщик, который всегда глазеет на тебя... Тот, что шел раз за нами вокруг всего парка.

Х е й з е л. Не может быть!

Дж о а н. Он здесь, говорю я тебе. Я отлично видела, как он стоял сбоку, около двери.

Дже р а л ь д. Похоже, что речь идет о моем приятеле Биверсе. Хей з е л. Уж не хотите ли вы сказать, что ваш спутник — тот самый коротышка? В таком случае, Джеральд Торнтон, это уж слишком. Ведь это же отвратительное создание! Каждый раз как я выхожу из дому, он тут как тут... уставится и не спускает с меня глаз. А теперь вы привели его сюда!

Дже р а л ь д *(на которого эта вспышка не подействовала)*. Ну, он не так уж плох! Он настаивал, чтобы я привел его к вам, и ваша матушка дала согласие. Вам не следовало бы так обрушиваться на него, Хейзел.

Дж о а н *(хихикая)*. Я говорила тебе, Хейзел, что он без ума от тебя.

Хей з е л *(недоступная красавица)*. Даю честное слово, что не буду с ним разговаривать. Пускай он пробивает стену лбом!

Кэ р о л. А почему бы ему этого не делать, бедному коротышке?

Хей з е л. Молчи, Кэрол, ты ровно ничего о нем не знаешь!

Входят Кей и Алан.

Кей. Не вышло. Артисты все смазали... А, это, может быть, к лучшему, Кэрол. Ну, теперь вы: генерал — Джеральд, а остальные — новобранцы. Живей, Алан, надень что-нибудь другое! Джеральд, вы производите смотр — устройте какую-нибудь глупость и потом говорите одному из них: «Посмотрите, что у вас на сапогах» — или что-нибудь в этом духе. Словом, «сапоги» — непременно.

Дже р а л ь д. У меня только два новобранца, Кэрол и Алан?

Кей. Нет, мама пришлет еще одного. Они ни о чем не догадываются, но это только потому, что у нас такая путаница. Мне кажется, я уже не так люблю шарады, как прежде. Папа чудесно играл в них. *(Джеральду.)* Он всегда представлял очень толстых людей. Вам лучше быть толстым генералом. И тебе тоже недурно было бы потолстеть, Алан!

Доносится тихая музыка — играют на рояле. Пока мужчины засовывают под пиджаки подушки, а Джоан, Кей и

Мэдж снимают последние остатки своих костюмов, в комнату медленно и робко входит Эрнест Биверс. Он маленького роста, лет около тридцати, застенчивый и неуклюжий в обществе; причиной тому — происхождение из среды, значительно ниже стоящей на общественной лестнице, чем семья Конвей, но в нем чувствуется растущая сила и самоуверенность. Его, видимо, привлекает ее семейство, но он совершенно очарован Хейзел.

Эрнест (робко, неуклюже). Э-э... гм... миссис Конвей сказала, чтобы я пришел сюда.

Кей. Да, конечно. Вы будете одним из новобранцев в следующей сцене.

Эрнест. Я... право, знаете... не очень-то гожусь... для таких вещей.

Кей. Это ничего не значит. Только ведите себя поглупее!

Джеральд. О, Биверс, прошу прощения! Сейчас я вас представлю. *(Выпрямляет несколько неловкое положение; с наигранной легкостью.)* Это мистер Эрнест Биверс, недавний пришелец в наш... э... многообещающий город. А это все — Конвей, за исключением сей юной леди, мисс Джоан Хелфорд...

Эрнест *(серьезно)*. Здравствуйте!

Джоан *(чуть-чуть хихикая)*. Здравствуйте!

Джеральд. Это вот Кей, которая решила сегодня стать совершеннолетней, чтобы дать нам возможность провести этот вечер...

Эрнест. Разрешите пожелать вам всякого благополучия!

Кей *(мило)*. Благодарю вас!

Джеральд. Она — литературный гений этого почтенного семейства. Вон там стоит Мэдж, которая училась в Гертоне и будет пытаться обратить вас в социалистическую веру.

Эрнест. Боюсь, что это ей не удастся.

Джеральд. Этот странного вида старичок — не кто иной, как юная Кэрол...

Кэрол *(мило)*. Привет!

Эрнест *(благодарный ей за это, улыбаясь)*. Привет!

Джеральд. С Аланом вы, кажется, уже знакомы? (*Подсмеваясь.*) Ах да, постойте-ка, а это — Хейзел! Она приводит в такое смятение, что, когда здесь был расквартирован Лестерский полк, полковник написал ей письмо, прося не выходить из дому во время учебных маршей.

Эрнест (*торжественно*). Здравствуйте!

Хейзел (*сердито*). Не будьте идиотом, Джеральд! (*Очень быстро, Эрнесту.*) Здравствуйте!

Джоан слабо хихикает.

Алан (*Эрнесту*). Вы постарайтесь все-таки принять забавный вид. Может быть, тут для вас что-нибудь найдется?

Эрнест неуклюже роется в вещах. Хейзел с презрением наблюдает за ним, Джоан силится сдерживать смех.

Кей. Кэрол и Алан, вам начинать! Вы — новобранцы. Кэрол для разнообразия может вставлять реплики мистера Пенни-мэна.

Кэрол и вслед за ней Алан уходят. Джеральд дожидается Эрнеста. Кей уходит.

Джоан. Что это говорила твоя мама, Хейзел, насчет переезда? Хейзел. Об этом она и думать не хочет. Хотя ей предлагали пять тысяч фунтов — пять тысяч! — за этот дом.

Эрнест (*деловой человек*). Скажите ей, чтобы соглашалась. Бьюсь об заклад, через десять лет она не получит и двух тысяч. Это только временный недостаток квартир поднял цены на недвижимость. Скоро они упадут с треском, вы увидите.

Хейзел (*обрывает его*). Но она обожает этот дом, так что, конечно, это безнадежно.

Эрнест понимает, что его одернули. Сделав кое-какие смешные изменения в своем костюме, пристально смотрит на Хейзел, которая демонстративно не отвечает на его взгляд. Джоан все еще в смешливом настроении.

Эрнест (с достоинством, которое плохо вяжется с его обретенным внешним обликом). Если я сказал невпопад — я извиняюсь.

Кей (заглядывая в комнату). Скорей, мистер Биверс!

Эрнест (бросается вперед). Знаете, мисс Конвей, я совсем не гожусь для этого дела, и мне...

Кей выталкивает его и Джеральда и сама уходит следом. Джоан разражается хохотом.

Хейзел (с негодованием). Ничего не вижу смешного, Джоан. Меня это бесит.

Джоан (давясь от смеха). У него... был такой... смешной вид!..

Хейзел начинает смеяться, и они вместе покатываются со смеху.

Хейзел (едва внятно). Ты слышала? «Если я сказал невпопад — я извиняюсь»...

Джоан (не в состоянии остановиться). Нам надо было сказать: «Очень приятно познакомиться», а он бы ответил: «Взаимно».

Кей возвращается и сурово смотрит на них.

Кей. Я нахожу, что вы обошлись с ним по-свински.

Они продолжают смеяться, и Кей, глядя на них, тоже начинает смеяться. Теперь они смеются все втроем.

Хейзел (приходя в себя). О господи! Кей, это же тот самый коротышка, о котором я тебе рассказывала, который всегда глазееет на нас, а раз ходил за нами следом!

Кей. Ну, теперь он сможет еще и здороваться с вами.

Хейзел (яростно). Это все, на что он может рассчитывать, даю тебе честное слово! И, по-моему, Джеральд Торнтон поступил крайне опрометчиво, что привел его сюда. Подумаешь, новый клиент!

Джоан (все еще хихикая). Так ты, значит, не выйдешь за него замуж, Хейзел?

Хейзел. Брр! Я скорее выйду замуж за... за хорька!

Кей (*чуть высокомерно*). Я уверена, что вы обе никогда не думаете и не говорите ни о чем другом, как только о платьях, о поездках в Лондон, о молодых людях и о замужестве.

Хейзел (*не слишком резко*). Ах, пожалуйста, не задавайся! (*С пафосом цитирует.*) «Звездный сад»!

Кей (*поспешно*). Замолчи, Хейзел!

Хейзел (*Джоан*). Это она так назвала свой последний роман, который начала писать, — «Звездный сад». Повсюду было разбросано столько бумажек с начальными словами, что я знаю их наизусть. (*С пафосом цитирует. Как только она начинает, Кей бросается на нее, но она ускользает, продолжая цитировать.*) «Мэрион вышла в еще теплую ночь. Луна не светила, но уже... уже... небо было усыпано серебряной пылью звезд. Она прошла через сад, где аромат умирающих роз подымался навстречу серым ночным бабочкам...»

Кей (*стараясь ее перекричать*). Я знаю, что это дребедень, но я ведь порвала все.

Хейзел (*кротко*). Да, мой цыпленочек. А потом ты плакала.

Кей (*сердясь*). Я только что начала писать *настоящую* вещь. Не безделку. Увидите!

Хейзел. Держу пари, что это роман об одной девушке, которая живет в городе совсем вроде Ньюлингхема.

Кей (*с вызовом*). Ну и что же, почему об этом нельзя писать? Дай мне только время!

Входят медленно и торжественно Джеральд, с накладными усами, Алан и Эрнест, в своих нелепых костюмах.

Джеральд. Это верно, Алан.

Эрнест (*серьезным тоном*). Нельзя же ожидать, что люди будут действовать иначе, если кругом еще сохранились всякие ограничения военного времени. Незачем гнаться за двумя зайцами.

Джеральд. Да, но спекуляция еще процветает.

Э р н е с т. Надо предоставить предпринимателям самим выбрать путь. Чем больше вмешательства, тем хуже.

А л а н. Хуже — для всех?

Э р н е с т *(решительно)*. Да.

А л а н *(с несвойственной ему твердостью)*. Сомневаюсь в этом.

Э р н е с т *(несколько резковато)*. Вы работаете в городской управе, верно ведь? Ну, так вот что я вам скажу: вы там не многому научитесь, чтобы разбираться в этих вещах.

К е й *(с убийственной иронией)*. Послушайте, вы трое были, наверно, ужасно хороши в шараде, а?

А л а н. Нет, не очень.

К э р о л *(входя)*. О, они были — хуже не придумаешь. Нет, мистер Биверс, вы были уж не так плохи, особенно для человека, который выступает в шараде в незнакомом доме.

Э р н е с т. Вот это благородно с вашей стороны, мисс Кэрол.

К с й *(с живостью)*. Ну, теперь заключительная сцена. Это будет вечеринка в Америке, и мы не можем раздобыть никаких напитков. Для этой сцены нам незачем переодеваться. Нужно только хорошо сыграть. Джоан, скажи Мэдж, что и она должна участвовать. Только одни девушки — для пышного финала.

Джоан уходит.

Д ж е р а л ь д *(снова в обычном своем виде)*. Нас, значит, прогнали?

К е й. Да. Вы не годитесь.

Д ж е р а л ь д. Тогда мы можем позволить себе выпить. Мы это заслужили. Будут потом танцы?

К е й. Может быть, после того как мама кончит петь.

Д ж е р а л ь д. Вы танцуете, Биверс?

Э р н е с т. Нет, некогда мне было этим заниматься.

Х е й з е л *(громким, ясным голосом, многозначительно)*. Да, Джеральд, нам обязательно надо потанцевать.

Эрнест пристально смотрит на нее. Она отвечает ему невинным взглядом широко раскрытых глаз, выражающим полнейшее безразличие. Он кивает, поворачивается и

уходит. Джеральд, улыбнувшись направо и налево, следует за ним.

Кэрол *(занята тем, что снимает с себя костюм мистера Пенни-мэна; возбужденно)*. Кей, мы могли бы в последней сцене изобразить принца Уэльского в Америке. Почему мы об этом не подумали? Ты могла бы быть принцем Уэльским и влюбиться в Хейзел, которая в конце концов оказалась бы дочерью маркиза Карабаса.

Кей *(смеясь)*. Мама была бы шокирована. А также кое-кто из присутствующих.

Кэрол. Я бы ни за что не хотела быть принцем Уэльским! А ты? **Хейзел** *(решительно)*. Я — с большим удовольствием.

Кэрол. Старая миссис Фергюсон — знаешь, та, с кривым глазом, такая страшная, — говорила мне, будто есть старинное пророчество, что, когда царь Давид воцарится в Британии, — все станет прекрасно.

Слышны громкие восклицания, затем гул голосов и смех.

Кей. Что это значит?

Хейзел *(возбужденно)*. Это Робин!

Все смотрят с жадным любопытством. Хейзел хочет выйти, но, прежде чем ей удастся сделать несколько шагов, в комнату стремительно вбегает Робин. Ему двадцать три года, это блестящий, красивый молодой человек в форме офицера-летчика. Он в превосходном настроении. В руках — небольшой пакет.

Робин *(громко)*. Приветствую всех! Хейзел! *(Целует ее.)* Кей, желаю счастья! *(Целует ее.)* Кэрол, милая старушка! *(Целует ее.)* Уфф! Ну и пришлось мне потрагиться, чтобы попасть сюда вовремя! Полдороги я ехал на грузовике. И ведь не забыл о сегодняшнем дне, Кей. Что ты скажешь насчет этого? *(Кидает ей пакет, который она раскрывает и обнаруживает шелковый шарф.)* Ну как, все в порядке?

Кэй *(с благодарностью)*. Это чудно, Робин. Чудно, чудно!

Р о б и н. Ну и замечательно! А я — все! Готово! Наконец демо-билизован!

Х ей з е л. О-о, вот здорово! Ты маму уже видел?

Р о б и н. Ну конечно, глупышка! Ты посмотрела бы на ее лицо, когда я сказал ей, что снова штатский. Ну и повеселимся же мы теперь!

К ей. Вовсю, вовсю!

К э р о л. А Алана ты видел?

Р о б и н. Только мельком. Как он, все такая же важная старая сова?

К э р о л. *(очень юная и торжественная)*. По-моему, Алан — чудеснейший человек.

Р о б и н. Знаю, знаю, ты всегда так считала. Про себя этого не скажу, но и я очень уважаю эту старую гусеницу. А как твоё писание, Кей?

К ей. Я продолжаю свои попытки... и учусь.

Р о б и н. Вот это самое главное. Мы им покажем, на что способны Конвей. Сколько молодых людей, Хейзел?

Х ей з е л. *(спокойно)*. Никого, о ком бы стоило говорить.

К э р о л. Она привыкла завоевывать полковников. Верно, Хейзел?

К ей. *(игриво)*. А так как они теперь стали штатскими, ей приходится менять тактику. И она пока чувствует себя не совсем уверенно.

Р о б и н. Это они всё из зависти. Правда, Хейзел?

Показывается миссис Конвей с подносом в руках, нагруженным сэндвичами, пирогом, пивом и т. п.

О, вот это кстати! (Бросается ей навстречу и берет поднос.)

М и с с и с К о н в е й. *(очень счастлива; расплываясь в улыбке)*. Ну, разве это не мило? Теперь мы все вместе. Я чувствовала, что ты едешь, Робин, хотя ты ничего и не сообщил нам, скверный мальчишка.

Р о б и н. Честное слово, мама, никак не мог. Распутался только в самую последнюю минуту.

М и с с и с К о н в е й. *(Кей)*. Кончай свою шараду, дорогая!

Р о б и н. Шараду? А мне нельзя сыграть? Я когда-то был героем по этой части.

М и с с и с К о н в е й. Нет, милый, они как раз кончают. Теперь ты дома и мы сможем устраивать шарады, как только пожелаем. Поешь немножко и побудь со мной, пока они разыгрывают последнюю сцену.

К е й (*Хейзел и Кэрл*). Идите, вы обе! Мэдж мы заберем там. Помните, это американский вечер, и у нас нет ничего выпить, а потом, затеяв скандал, вы спрашиваете: «Разве мы не у маркиза Карабаса?» — и я тогда скажу: «Да, но он переехал в Америку, а кот в сапогах остался дома». (*Произнося эти слова, уходит.*)

Остальные идут за ней следом. Миссис Конвей поспешно складывает несколько костюмов, пока Робин устраивается с подносом. Миссис Конвей подходит и с материнской радостью наблюдает, как он ест и пьет. Оба они счастливы и чувствуют себя друг с другом прекрасно.

М и с с и с К о н в е й. Все ли тут есть, чего бы тебе хотелось, Робин?

Р о б и н (*с полным ртом*). Да, мама, спасибо! Фу, ты не знаешь, что это значит — наконец вырваться!

М и с с и с К о н в е й. Конечно, знаю, глупенький мальчик. А что же еще я должна чувствовать, когда ты наконец вернулся ко мне... навсегда?

Р о б и н. Мне надо будет одеться.

М и с с и с К о н в е й. Да, тебе нужно несколько действительно хороших костюмов. Хотя, право, жаль, что ты не можешь продолжать носить эту форму. У тебя в ней такой бравый вид! Бедный Алан, — ты знаешь, он был только капралом или что-то в этом роде и носил отвратительную форму, все было ему не к лицу — Алан всегда казался не на своем месте в армии.

Р о б и н. Я слышал, он получил какое-то дрянное место в городской управе?

Миссис Конвей. Да. Хотя ему, кажется, нравится. Может быть, со временем он найдет что-нибудь получше.

Робин *(с жаром)*. Ты знаешь, мама, у меня куча всяких планов. Мы там, на фронте, толковали обо всех этих вещах. Один из наших ребят знаком с Джимми Уайтом... ты знаешь, с тем самым Джимми Уайтом, ты слыхала о нем... и он обещал устроить мне к нему рекомендацию. Я думаю заняться чем-нибудь по части авто и мотоциклов. Понимаю в них толк и слыхал, что люди покупают их как бешенные. И потом, ты знаешь, у меня есть наградные.

Миссис Конвей. Да, мой дорогой, нам придется обо всем еще потолковать. Слава богу, времени у нас теперь довольно! Как по-твоему, девочки выглядят хорошо?

Робин *(уплетая за обе щеки)*. Да, замечательно! Особенно Хейзел.

Миссис Конвей. О, на Хейзел все обращают внимание. Ты посмотрел бы на молодых людей! И Кей — ей двадцать один год, прямо не могу поверить... она стала совсем взрослой и серьезной. Не знаю, выйдет ли у нее что-нибудь с этим писательством... хотя она очень старается. Не дразни ее, пожалуйста, мой дорогой, она этого не любит...

Робин. Я никогда ее не дразнил.

Миссис Конвей. Нет, но Хейзел иногда позволяет... а я знаю, каковы вы, дети. Мэдж уже учительствовала, ты знаешь, а теперь пытается подобрать школу получше.

Робин *(безразлично)*. Молодчина Мэдж! *(С гораздо большим интересом.)* Я думаю, мама, мне надо отправиться в Лондон насчет моих костюмов. В Ньюлингхеме нельзя раздобыть ничего приличного, а поскольку я собираюсь заняться продажей авто, мне надо иметь вид человека, который умеет отличить хороший костюм от плохого. Господи! Как хорошо быть снова дома, и не в каком-нибудь жалком отпуску! *(Останавливается, взглянув на мать, которая стоит вплотную, рядом с ним.)* Ну, мама, не надо!.. Сейчас не о чем плакать.

Миссис Конвей *(улыбаясь сквозь слезы)*. Я знаю. Потому-

то и плачу. Видишь, Робин... я потеряла вашего отца... потом эта война... тебя забрали... Я совсем не привыкла к счастью! Я забыла о нем. Вот и волнуясь! Робин... Теперь, когда ты вернулся... пожалуйста, не уезжай снова! Не покидай нас... оставайся навсегда с нами! Мы будем жить все вместе так уютно и счастливо, правда?

Входит Джоан и смущенно останавливается, увидев их вместе. Миссис Конвей оборачивается и замечает ее. Робин также ее замечает, и лицо его просветляется. Миссис Конвей видит это, затем снова смотрит на Джоан. Эта игра должна продолжаться не дольше, чем необходимо.

Джоан (волнуясь). О, миссис Конвей... они кончили шараду... кое-кто из гостей собирается... И Мэдж просила меня сказать вам, они ждут, что вы споете что-нибудь.

Миссис Конвей. Почему она не пришла сама?

Джоан (нетвердым голосом). Она, и Кэрол, и Кей, как только кончили шараду, стали угощать гостей сэндвичами и...

Робин (подымается). Привет, Джоан!

Джоан (подходит, взволнованная). Здравствуй, Робин! Ну как, приятно вернуться домой?

Робин (улыбаясь, многозначительно). Разумеется!

Миссис Конвей (несколько раздраженно). Какой же тут ужасный беспорядок. Я знала, что так будет. Хейзел и Кэрол принесли все эти вещи вниз. Джоан, пойдите и скажите им, что они должны сейчас же унести все это наверх! Я не желаю, чтобы эта комната превращалась в лавку старьевщика. И может быть, вы им поможете, дорогая?

Джоан. Да... конечно... (Улыбается Робину и уходит.)

Миссис Конвей оборачивается и смотрит на Робина. Он улыбается. Ей приходится улыбнуться в ответ.

Робин. У тебя очень лукавый вид, мама.

Миссис Конвей. Разве? У меня совсем не то настроение. (Осторожно.) Джоан выросла и стала очень миловидной девушкой. Правда?

Робин *(улыбаясь)*. Вполне.

Миссис Конвей *(тем же осторожным тоном)*. И по-моему, у нее приятный, легкий характер. Она не очень умная или развитая... но безусловно *милая* девушка.

Робин *(соглашаясь)*. Да, бьюсь об заклад, что это так.

Хейзел *вплывает в комнату, чтобы собрать вещи. Это должно быть сделано максимально быстро.*

Хейзел. Они все там жаждут, чтобы ты спела, мама. Согласны даже, если это будет что-нибудь немецкое.

Миссис Конвей. Слава богу! Я никогда не была так глупа, чтобы перестать петь немецкие песни. Что общего у Шуберта и Шумана с Гинденбургом и кайзером?

Входит Кэрол и следом за ней — Джоан. Хейзел уходит с охапкой вещей. Робин помогает Джоан собирать ее долю. Миссис Конвей стоит в стороне.

Кэрол *(громко и весело, собирая вещи)*. Все разгадали шараду, что это был «Кот в сапогах», хотя до этого не угадали ни одного слова. Все, кроме мистера Джеймса, который почему-то думал, что слово было «Синематограф». Когда говорят «синематограф», я ни за что не могу поверить, что когда-нибудь была в одном из них, — это звучит как название какого-то совсем другого места. Робин, ты видел Уильяма С. Харта?

Робин. Да.

Кэрол *(останавливаясь со своей пошей, очень торжественно)*. Я люблю Уильяма С. Харта. Интересно бы знать, что обозначает это «С»?

Робин. Сидни.

Кэрол *(оборачиваясь, в ужасе)*. Робин, не может быть! *(Уходит.)*

Джоан собирает оставшиеся вещи.

Миссис Конвей. Пойдем, Робин, я хочу, чтобы ты с Аланом передвинул для меня рояль.

Р о б и н. Ладно.

Все уходят. Почти все вещи собраны и унесены. Доносятся отдаленные аплодисменты и смех. Затем быстро входит К е й и озабоченно ищет клочок бумаги и карандаш. Найдя их, задумывается, морщит лоб, затем делает несколько быстрых замечок. Слышно, как на рояле берут несколько аккордов. Заглядывает К э р о л, которая пришла собрать последние остатки маскарадных костюмов.

К э р о л (с благоговением, очаровательная в своей непосредственности). Кей, тебя внезапно посетило вдохновение?

К е й (поднимает глаза, очень серьезно). Нет, не совсем. Но я прямо переполнена всякими чувствами, мыслями и впечатлениями. Ты знаешь...

К э р о л (подходит ближе к своей любимой сестре). О да, я тоже! Всего так много! Я ни за что не могла бы начать писать о них.

К е й (с увлечением юной писательницы). В моем романе одна девушка идет на вечер... понимаешь... и там ей встречаются некоторые вещи, которые я как раз почувствовала... очень тонкие вещи. Я знаю, что она их почувствовала... а я хочу, чтобы на этот раз мой роман был очень правдивым... так что мне обязательно нужно было их записать...

К э р о л. Ты мне потом расскажешь?

К е й. Да.

К э р о л. В спальне?

К е й. Да, если ты будешь не слишком сонная.

К э р о л. Ни за что! (Умолкает, счастливая.)

Они смотрят друг на друга — два серьезных молодых существа. И как раз теперь слышно, как миссис Конвей в гостиной начинает петь романс Шумана «Орешник».

(Преисполнена торжественности и благоговения.) Кей, по-моему, ты — замечательная.

К е й (сама благоговей). По-моему, жизнь — замечательная.

К э р о л. И ты и жизнь — вы обе. (*Уходит.*)

Теперь милые, переливчатые звуки Шумана доносятся яснее, чем раньше. Кей пишет еще минуточку-другую, затем, взволнованная музыкой и внезапным творческим вдохновением, откладывает карандаш и бумагу, идет к выключателю и тушит свет. В комнате не темно, потому что свет проникает в нее из холла. Кей идет к окну и раздвигает портьеры, так что, когда она садится на подоконник, голова ее залита серебристым лунным сиянием. Совсем притихшая, она слушает музыку и отрешенно всматривается куда-то в даль; в то время как замирает песня, медленно опускается занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Когда занавес подымается, в первую минуту мы думаем, что ничего не произошло, с тех пор как он опустился, потому что свет так же проникает в комнату из холла и К э й так же сидит на подоконнике. Но вот входит Алан и зажигает люстру, и мы видим, что произошло, очевидно, очень многое. Перед нами та же комната, но она оклеена другими обоями, обстановка вся заменена новой, картины и книги не совсем те же, что были раньше, появился радиоприемник. Общее впечатление жестче и несколько светлее, чем было во время того вечера, в 1919 году, и мы сейчас же догадываемся, что действие происходит в наши дни (1937 год). Кей и Алан уже тоже не те, какими они были двадцать лет тому назад. У Кей — слегка жестковатый облик преуспевающей, холеной сорокалетней женщины, которая долгие годы привыкла сама зарабатывать себе на жизнь. Алан, которому около сорока пяти, имеет еще более затрапезный вид, чем раньше, — нелепый пиджак, надетый на нем, никак не подходит к остальному костюму, — но сам он все

такой же робкий, неловкий, милый, только теперь в нем чувствуется какая-то спокойная уравновешенность, внутренняя уверенность и просветленность, отсутствующие у всех остальных, которых мы сейчас увидим.

А л а н *(спокойно)*. Ты здесь... Кей?

К е й *(радостно)*. Алан! *(Вскакивает на ноги и целует его.)*

Затем они смотрят друг на друга, слегка улыбаясь.

А л а н *(смущенно потирает руки, как он делал всегда)*. Я рад, что тебе удалось приехать. Только это и заставляло меня терпимо относиться ко всей этой затее — мысль, что ты, может быть, сумеешь приехать. Но мама говорит, что ты не останешься ночевать.

К е й. Я не могу, Алан. Мне нужно вернуться в Лондон сегодня же вечером.

А л а н. Дела?

К е й. Да. Я должна отправиться в Саутгемптон завтра утром — писать заметку о новейшей кинозвездочке.

А л а н. И часто тебе приходится этим заниматься?

К е й. Да, Алан, очень часто. На свете существует страшное множество кинозвезд, и все они приезжают в Саутгемптон, за исключением тех случаев, когда они приезжают в Плимут, чтоб их черт побрал! А все читательницы «Дейли куир» обожают, когда в газете есть бойкая статейка о какой-нибудь из их блистательных фавориток.

А л а н *(задумчиво)*. Они выглядят очень мило... но как-то все на одно лицо.

К е й *(решительно)*. Они и есть все на одно лицо — и таковы же и мои бойкие интервью с ними. В самом деле, порой у меня такое чувство, словно мы все кружимся на одном месте, как цирковые лошади.

А л а н *(после паузы)*. Ты пишешь новый роман?

К е й *(очень спокойно)*. Нет, мой дорогой, не пишу. *(Пауза, затем раздражается коротким смехом.)* Я говорю себе, что слишком многие пишут сейчас романы.

А л а н. Что ж, оно, пожалуй, так выглядит... иногда.

К е й. Да. Но это не настоящая причина. Я все-таки продолжаю думать, что мой роман был бы не похож на то, что они пишут, — по крайней мере следующий, если предыдущий даже и был похож. Но... дело в том, что я просто не могу...

А л а н *(после паузы)*. Последний раз, что ты писала, Кей, — я хочу сказать — ко мне — мне показалось, что ты несчастлива.

К е й *(как бы упрекая себя)*. Я и была несчастлива. Думаю, поэтому-то вдруг и вспомнила о тебе... и написала. Не очень это лестно для тебя, не правда ли?

А л а н *(с благодушной скромностью)*. Знаешь, в известном смысле, пожалуй, лестно. Да, Кей, я готов счесть это за комплимент.

К е й *(с внезапным порывом нежности)*. Алан, я просто не могу смотреть на твой пиджак! Он ведь совсем не подходит ко всему остальному. Ты не находишь?

А л а н *(заикаясь, извиняющимся тоном)*. Да... видишь ли... я пошу его только ~~дама~~. Это старый пиджак... ну, вроде домашней куртки... вместо другого, который я берегу. Конечно, мне не следовало его надевать сегодня, но, знаешь ли, привычка. Я переоденусь, пока другие еще не пришли. Почему ты была так несчастлива тогда... когда последний раз писала?

К е й *(с трудом, отрывистыми фразами)*. Одна история, все время подходившая к концу, как раз тогда действительно кончилась... Она продолжалась десять лет... плохо было, когда она тянулась... и уж совсем невольно, когда завершилась. Он был женат. Были дети. Обычная нудная канитель. *(Умолкает.)* Алан, ты, наверно, не знаешь, какой сегодня день?

А л а н *(посмеиваясь)*. Да знаю, знаю! И мама тоже знает. Гляди! *(Вытаскивает из кармана маленький пакет и протягивает ей.)*

К е й *(берет пакет и целует Алана)*. Алан, ты ангел! Я не думала, что когда-нибудь придется еще получить подарок в день

рождения. А ты знаешь, сколько мне лет? Сороковой! А л а н *(улыбаясь)*. Мне — сорок четыре. Знаешь, и ничего плохого. Тебе это понравится.

Звонок в передней.

Погляди на подарок. Надеюсь, тебе он подойдет. *(Идет в переднюю.)*

Кей быстро развязывает пакет и извлекает отвратительную, дешевую маленькую сумочку. Она смотрит на нее и не знает, плакать ей или смеяться. Тем временем А л а н вводит Д ж о а н — теперь Джоан Конвей, потому что она вышла замуж за Робина. Время не очень милостиво обошлось с ней. Она стала довольно-таки обрюзгшей, сварливой сорокалетней женщиной. В ее голосе появилось что-то раздражающее.

Д ж о а н. Хэлло, Кей! Не думала, что тебе удастся приехать — ты ведь теперь почти совсем не бываешь в Ньюлингхеме, правда? И я должна сказать, что понимаю тебя. *(Умолкает, заметив отвратительную сумочку.)* О, что это за...

К е й *(поспешно)*. Мило, не правда ли? Алан только что подарил мне ее. Как дети?

Д ж о а н. С Ричардом все в порядке, но доктор советует Энн вырезать железы, хотя он и не говорит, кто заплатит за операцию. Это ему совсем не приходит в голову. Они были так рады подаркам, которые ты прислала к рождеству, Кей, — я просто не знаю, что бы они без них делали, хотя я и постаралась изо всех сил.

К е й. Я уверена в этом, Джоан.

Д ж о а н. Алан тоже был очень добр к ним. Правда ведь, Алан? Хотя, конечно, это не может заменить им отца. *(Умолкает и с жалким видом смотрит на Кей.)* Знаешь ли, я не вижу Робина по целым месяцам. Некоторые говорят, что я должна развестись с ним, но... я, право, не знаю... *(С внезапным порывом горя.)* Правда, ну разве это не ужасно? О, Кей! *(Вдруг хихикает.)* Как смешно это звучит: «О, Кей»!

Кей *(устало)*. Я давно перестала обращать внимание.

Джоан. Ричард постоянно говорит «о'кэй», он слышал это в кино, и, конечно, Энн копирует его. *(Умолкает и с тревогой глядит на обоих.)* Как вы думаете, это хорошо, что я пришла сюда сегодня? Хейзел сказала мне, что у вас что-то вроде семейного совета, и она думала, что мне следует быть здесь, и я тоже так думаю. Но бабушка Конвей не приглашала меня...

Кей *(разражаясь смехом)*. Джоан, ты, надеюсь, не называешь маму «бабушкой Конвей»?

Джоан. Видишь ли, я так привыкла к этому, с детьми...

Кей. Она, наверно, терпеть этого не может.

Алан *(извиняющимся тоном, Джоан)*. Знаешь, я думаю, Кей права.

Джоан. Я постараюсь запомнить. Она наверху?

Алан. Да. Мэдж тоже здесь.

Джоан *(подбадривая себя)*. Пожалуй, я схожу наверх и спрошу ее... следует ли мне оставаться. А то буду чувствовать себя ужасно глупо.

Кей. Да, сходи! И скажи ей, что мы думаем, что тебе нужно тут быть... если ты хочешь...

Джоан. Да нет, не в том дело... Но... видишь ли... если это насчет денег... мне надо ведь тоже знать, правда? В конце концов, я жена Робина, а Ричард и Энн — его дети...

Алан *(с симпатией)*. Да, Джоан, скажи это маме, если она будет возражать. Но она не будет.

Джоан несколько секунд смотрит на них с сомнением, затем уходит. Они провожают ее взглядом, потом смотрят друг на друга.

Кей *(слегка понизив голос)*. Я думаю, с Робинем дело безнадежное... Но что поделать, Джоан — такая дурочка...

Алан. Да, но то, как Робин с ней обращался, заставило ее почувствовать себя гораздо глупее, чем она есть на самом деле. Видишь ли, Кей, это отняло у нее всякую уверенность в себе. А так она могла бы быть совсем неплохой.

Кей. Тебе когда-то нравилась Джоан, правда?

Алан (*глядит на нее, затем медленно улыбается*). Ты помнишь, когда она и Робин сказали нам, что они помолвлены? Я был в нее влюблен тогда. Это был единственный раз, что я вообще влюбился. И помню... как внезапно я возненавидел Робина... да, по-настоящему возненавидел его. Вся эта любовь и ненависть скоро прошли, конечно, — все это были глупости. Но я хорошо это помню.

Кей. А что, если бы на месте Робина был ты?

Алан (*поспешно*). О нет, из этого ничего бы не вышло! Решительно ничего. Совсем неподходящее дело.

Кей смеется, ее трогает и забавляет его ужас холостяка. Входит Мэдж. Она очень непохожа на девушку из первого действия. У нее коротко подстриженные волосы с проседью, носит очки и строгое, хотя и изящное платье. Тон ее сух и четок, но под уверенными манерами учительницы чувствуется невротичка.

Мэдж (*решительным тоном, деловито расхаживая по комнате, отыскивая конверт и наполняя чернилами свою авторучку*). Я только что сказала матери, что, если бы я случайно не оказалась сегодня здесь поблизости — ты знаешь, Кей, я подала заявление на должность начальницы в Бордертоне и сегодня днем ездила туда для переговоров, — ничто не заставило бы меня прийти сюда.

Кей. Ну, я не знаю, зачем тебе понадобилось говорить ей это, Мэдж. Ты здесь — и в этом все дело.

Мэдж. Нет, не в этом. Я хочу дать ей понять совершенно ясно, что для меня все эти семейные дразги, финансовые и иные, больше не представляют решительно никакого интереса. А также, что я не сочла бы нужным отпрашиваться на целый день с работы в Коллингфилде только затем, чтобы присутствовать на одном из этих нелепых, истерических собраний.

Кей. Ты говоришь так, будто тебя каждый месяц заставляли на них присутствовать.

Мэдж. Нет, не заставляли. Но вспомни, пожалуйста, Кей, что мне пришлось выдержать гораздо больше этих глупейших препирательств, чем тебе. Мать и Джеральд Торнтон, по-видимому, воображают, что время лондонской журналистки гораздо более драгоценно, чем время старшей преподавательницы большой женской гимназии. Почему — не могу себе представить. Но в результате — меня очень часто заставляли бывать здесь, а тебя — нет.

Кей (*с оттенком усталости*). Ну, хорошо. Но раз мы обе здесь, постараемся провести время получше.

Алан. Да, разумеется.

Мэдж. Джоан здесь. Я надеюсь, что Робин не вздумает тоже появиться. Тебе, кажется, не пришлось еще испытать этого, Кей. Я однажды была свидетельницей их неожиданной встречи здесь: Робин — полупьяный, готовый всех оскорбить, Джоан — в слезах, недовольная. Оба они во всех деталях обсуждали самые неприятные подробности своей частной жизни... Нет, это не такой опыт, который я хотела бы повторить.

Кей (*улыбаясь, но, по существу, серьезно*). Я не могу порицать тебя, Мэдж. Но будь, ради бога, сегодня человечной! Ты сейчас не выступаешь перед общим собранием в Коллингфилде. Вот твой милый брат Алан. Я — твоя милая сестра Кей. Мы знаем о тебе все...

Мэдж. Вот в этом как раз вы ошибаетесь! Вы почти ничего обо мне не знаете, вы все. Жизнь, которой вы не видите — назовите ее общим собранием в Коллингфилде, если это вас забавляет, — это моя настоящая жизнь. Она представляет подлинную меня, какова я сейчас, а то, что помните вы с Аланом и мать — и уж поверь, что мать не забыла ни одной смешной или нелепой мелочи, — все это давно не имеет ни малейшего значения.

Кей. Мне не хотелось бы думать так, Мэдж.

Алан (*робко, серьезно*). И это ведь неправда. В самом деле неправда. Потому что... (*Колеблется и терзается.*)

Мэдж. Я слышала, как ты излагал свои необыкновенные взгля-

ды, Алан, последний раз, что я была здесь. Я даже обсуждала их с Херриксон — это паша старшая математичка, блестящая женщина, — и она разбила их самым основательным образом.

К э й (*желая его подбодрить*). Расскажи мне об этом, Алан, потом, если будет время. Мы не дадим себя попирать всяким мисс Как-их-там-зовут. И нам не важно, что они такие блестящие. Правда ведь, Алан?

Алан усмехается и потирает руки.

М э д ж (*сознательно меняет тему разговора*). Я надеюсь, ты занимаешься еще чем-нибудь другим, Кей, кроме этой дешевой журналистики? Начала ты писать новую книгу?

К е й. Нет.

М э д ж. Очень жаль, не правда ли?

К е й (*после паузы, пристально глядя на нее*). Как обстоят твои дела, Мэдж? Строишь ли ты Новый Иерусалим в нашей старой Англии?

М э д ж. Возможно, и нет. Но я стараюсь вложить некоторое знание истории и немного разума в головы ста пятидесяти девочек из мелкобуржуазных семей. Это тяжелый и полезный труд. Во всяком случае, это работа, которой нечего стыдиться.

К е й (*пристально глядя на нее, очень спокойно*). Тогда — почему же ты стыдишься?

М э д ж (*поспешно, громко*). Я не стыжусь.

Входит Хейзел, только что пришедшая. Она очень хорошо одета, гораздо лучше всех остальных, и не потеряла былой красоты, но в ней ощущается что-то заметно приниженное, боязливое.

Хейзел. Хэлло, Мэдж! (*Замечает Кей.*) Кей! (*Целует ее.*)

К е й. Хейзел, дорогая, ты с каждым разом становишься все великолепнее!

Хейзел (*охорашиваясь*). Тебе нравится?

К е й. Да... И ты, конечно, достала это не в Ньюлингхеме. У Бон-

Марше. Помнишь, как мы когда-то думали, что Бон-Марше — верх совершенства?

Хейзел (*оживляясь при этих словах*). Да, а теперь они кажутся отвратительными. Не правда ли, хорошо? (*Понимает, что выдала себя, поспешно.*) Что, Джоан здесь?

Алан. Да. Она наверху с мамой. А Эрнест придет сегодня?

Хейзел (*неуверенно*). Я... право... не знаю.

Мэдж. Я думала, это решено, что он придет. Мама в том уверена. По-моему, она рассчитывает на него.

Хейзел (*поспешно*). Вот это напрасно! Я уже говорила ей. Я даже не знаю, будет ли он вообще здесь сегодня.

Мэдж (*расстроенная*). Но ведь это же смешно! Нам говорят, что положение отчаянное. Кей и я — мы должны бросать нашу работу, мчаться за тридевять земель, не думать ни о чем другом, а теперь ты даже не знаешь, соблаговолит ли твой супруг перейти дорогу, чтобы прийти сюда.

Хейзел. Но ты же знаешь Эрнеста? Он сказал, что, может быть, придет. Я спросила его еще раз сегодня за завтраком... и он сказал, что не знает... и я не захотела...

Мэдж (*резко обрывает ее*). Не захотела! Скажи лучше — не посмела. Этот жалкий коротышка...

Хейзел. Мэдж! Замолчи, пожалуйста!

Мэдж смотрит на нее с презрением и отходит. У Хейзел очень несчастный вид.

Кей. Как дети?

Хейзел. Питер опять простудился... бедный крошка... он всегда простужается. С Маргарет все в порядке. С ней никогда ничего не бывает. Ты знаешь, она учится балетным танцам, и учитель говорит, что она *изумительна* для своего возраста. О, ты забыла ее последний день рождения, Кей! Бедная девочка была так расстроена.

Кей. Извини меня, пожалуйста! Скажи ей, что я искуплю свою ошибку на рождество. Я, наверно, уезжала куда-нибудь по делам.

Хейзел (*с жаром*). Я читала твою статью о Глирне Фосс...

знаешь, ту, около трех месяцев тому назад... когда она приехала из Голливуда. Она действительно говорила тебе все это, Кей, или ты сама придумала?

К е й. Кое-что она говорила. Остальное я сама придумала.

Х е й з е л (*с жаром*). А говорила она что-нибудь о Лео Фробишере? Знаешь, о своем муже, они еще только что развелись тогда с ним?

К е й. Говорила, но я этого не напечатала.

Х е й з е л (*снедаемая любопытством*). Что она сказала?

К е й. Она сказала (*подражает американскому говору весьма дурного пошиба*): «Держу пари, что этот мой недоделанный отставной муженек-актеришка вывалится и из следующей лодочки». (*Обыкновенным голосом, сухо*.) Тебе она понравилась бы, Хейзел. Она — очаровательная малютка.

Х е й з е л. Это звучит ужасно, но я полагаю, что нельзя судить о них по тому, как они говорят, употребляя все эти жаргонные словечки. И я знаю, Кей, что ты не считаешь себя особенно счастливой...

К е й. Как сказать... Порой, когда я вспоминаю, что приходится переносить женщинам, большинству женщин во всем мире, я не только думаю — я *знаю*, что я счастливица. Но обычно — обычно я чувствую себя совсем не в ладах со счастьем.

Х е й з е л. Вот об этом-то я и говорю — я уж знаю. Но все же счастлива — встречаешься со всем этим народом, живешь в Лондоне и все такое. А я застряла в Ньюлингхеме, — как я *ненавижу* этот город, он становится все хуже и хуже. Правда, Алан? Хотя ты, наверно, не замечашь.

А л а н. По-моему, он все такой же... Может быть, мы становимся хуже — вот и все.

Х е й з е л (*смотрит на него каким-то безразличным взглядом*). Кто-то мне только на днях говорил, каким тебя считают чудачком, Алан. И ты на самом деле чудак, правда? Я хочу сказать, что ты как-то не беспокоишься обо всем, как большинство людей. Я часто думаю — счастлив ты или тебе просто скучно? Я вообще часто задумываюсь о людях... (*Кей*.) А ты тоже? Хотя, наверно, теперь, когда ты такая

умная, и писательница. и все такое, ты *знаешь* о них все. А я — нет. Я совсем не умею судить людей по их внешности. У нас была горничная, знаешь — Джесси, и она казалась мне таким веселым созданием, всегда улыбалась и напевала. Эрнест обычно очень на нее сердился. Она в самом деле была уж *чересчур* веселой. А потом вдруг проглотила сразу двадцать таблеток аспирина, нам пришлось вызывать доктора и все такое, и она сказала, что это просто потому, что она больше не могла вынести — ей *все осточертело*. Ну разве это не странно?

К е й. Но ведь у тебя самой иногда такое же чувство?

Х е й з е л. Да, бывает. Но я всегда удивляюсь, когда оно бывает у других, потому что по ним этого как-то никогда *не видно*. Ах да... (*Встает, понизив голос.*) Робин звонил мне вчера — вы знаете, он сейчас живет в Лестере, — и я сказала ему насчет сегодняшнего вечера... Он сказал, что, может быть, зайдет, потому что будет здесь неподалеку.

А л а н. Надеюсь, что не зайдет.

К е й. Что он поделывает сейчас, Хейзел?

Х е й з е л. Право, не знаю... Он ведь все время меняет свои занятия, ты знаешь. Что-то связанное с комиссионерством. Надо ли говорить Джоан, что он, может быть, придет?

К е й. Нет. Рискую... (*Умолкает, потому что входит миссис Конвей в сопровождении Джоан.*)

Миссис Конвей сейчас шестьдесят три года, она не стала скромнее и современнее, а сохранила эдвардианский стиль начала века.

М и с с и с К о н в е й (*по-прежнему очень живая*). Ну как, Хейзел, привела ты с собой Эрнеста?

Х е й з е л. Нет, мама. Я надеюсь... что он сам скоро будет.

М и с с и с К о н в е й. Конечно, будет. Ну что ж, пока Джеральд не пришел, мы не можем начать. Он знает, как обстоят дела... в точности. Где Мэдж?

К е й. По-моему, она пошла наверх.

М и с с и с К о н в е й (*зажигая еще лампы*). Она, наверное, в

ванной — занимается своим туалетом. Я никогда не знавала никого, кто бы так много занимался туалетом, как эта бедная Мэдж. Она употребляла всегда столько притираний, полосканий и духов, но ни один мужчина даже не взглянул на нее дважды, на бедняжку. Алан, я думаю, надо будет подать и портвейн и виски. Верно? Я сказала девушке, чтобы она все приготовила в столовой. Принеси их, пожалуйста!

А л а н уходит и затем, во время последующего диалога, возвращается с подносом, на котором — портвейн и рюмки, а также виски, содовая вода и стаканы.

Теперь я вот о чем думаю: должны ли мы все усесться в кружок с натянутым и официальным видом — знаете, как подобает при решении серьезных дел, хотя у нас действительно деловой вопрос, — или сделать так, чтобы каждый чувствовал себя хорошо и уютно? Как вы думаете?

К е й. Я думаю, мама, последнее тебе доставит большее удовольствие.

М и с с и с К о н в е й. В конце концов, почему же нет? Так приятно, дети, видеть вас всех опять дома. Даже Мэдж.

Входит М э д ж.

(Вероятно, заметила ее уже раньше.) Я говорю, что так приятно видеть вас всех опять дома, дети, даже тебя, Мэдж.

М э д ж. Я уже не ребенок, и это больше не мой дом.

М и с с и с К о н в е й. Ты была когда-то ребенком, и очень беспокойным к тому же, и в течение двадцати лет этот дом был твоим домом. И вообще, пожалуйста, не говори со мною таким тоном! Ты не в классной комнате, помни это!

Х е й з е л. Ну, мама, пожалуйста... Нам и так нелегко будет сегодня...

М э д ж *(холодно)*. Не беспокойся, Хейзел! Маме приятно, когда другим нелегко. *(Садится.)*

М и с с и с К о н в е й *(зло наблюдает за ней, затем обращается*

к Кей). Кей, кто был тот мужчина, с которым Филипсоны видели тебя в... Как называется этот ресторан?

Кей. «Ива», мама. А мужчину этого зовут Хуго Стил. Я тебе уже говорила.

Миссис Конвей (мягко). Да, дорогая, но ты сказала мне так немного. Филипсоны говорили, что вы производили впечатление очень близких друзей. Вероятно, это старый друг?

Кей (резко). Да.

Миссис Конвей (тем же тоном). Разве не жаль... что ты не можешь... Я хочу сказать, если он действительно хороший человек...

Кей (стараясь прекратить разговор). Да, очень жаль.

Миссис Конвей. Я так часто надеялась, что ты устроишься с каким-нибудь хорошим человеком. И когда Филипсоны сказали...

Кей (жестко). Мама, мне сегодня сорок один. Ты забыла?

Миссис Конвей (принимает это благодушно). Конечно, нет! Мать всегда помнит. Джоан...

Джоан (чьё внимание было отвлечено куда-то в сторону, оборачивается). Да, бабушка Конвей?

Миссис Конвей (обиженно). Не называй меня, пожалуйста, этим глупым именем!

Джоан. Я забыла, простите!

Миссис Конвей. Разве я не говорила тебе, что сегодня рождение Кей? И я кое-что припасла для тебя...

Кей. Нет, мама, не надо... в самом деле...

Миссис Конвей (вынимает небольшую бриллиантовую брошь). Вот! Твой отец подарил мне ее на второе рождение после нашей свадьбы. Это очаровательная брошка. Бразильские бриллианты. Она и тогда уже была старинной вещью. Погляди на окраску камней! Это всегда характерно для старинных южноамериканских бриллиантов. Вот, возьми!

Кей (ласково). Ты очень-очень добра, мама, но, право, мне лучше не брать ее у тебя.

Миссис Конвей. Не говори глупостей! Она моя, и теперь я дарю ее тебе. Возьми, или я обижусь. И желаю тебе всякого счастья, разумеется.

Кей берет брошь, затем, внезапно растроганная, целует мать.

Когда ты была моложе, я никогда не любила тебя так, как Хейзел, но теперь я думаю, что я ошибалась.

Хейзел. О, мама!

Миссис Конвей. Я знаю, Хейзел, дорогая, но ты ведь такая дура со своим коротышкой! Если бы он был моим мужем...

Хейзел *(с несвойственной ей резкостью)*. Но он не твой... и ты в самом деле очень мало знаешь о нем.

Миссис Конвей *(оглядываясь вокруг)*. Пора мужчинам прийти. Мне всегда противно было видеть целое собрание женщин, которые сидят одни, без мужчин. У них бывает всегда ужасно глупый вид, и я тогда тоже начинаю чувствовать себя глупой. Не знаю почему. *(Замечает Алана. С некоторым раздражением.)* Ах да, ты здесь, Алан. Я и забыла о тебе. Или позабыла, что ты мужчина.

Алан *(кротко)*. Мне придется отрастить густую бороду, бить себя в грудь и р-р-ы-чать.

Джон *(стараясь быть светской)*. Когда дядя Фрэнк... вы знаете, муж Фреды, они живут в Лондоне... повел детей в первый раз в Зоологический сад — маленькому Ричарду было тогда только пять лет, — там была громадная обезьяна, и то, что сказал Алан, напомнило мне о ней, и она...

Миссис Конвей *(безжалостно обрывает ее)*. Можно предложить кому-нибудь рюмку портвейна? Кей? Хейзел? А как ты, Мэдж? Это вино ученых. Помнишь, что Мередит писал о нем в «Эгоисте»? Но теперь никто не читает Мередита и никто не пьет портвейна. Когда я была молодой девушкой, я любила читать Мередита и думала, что очень умная. Но тогда я не любила портвейна. Теперь я охладела к Мередиту, но от портвейна не откажусь. *(Надвигает себе рюмку и потягивает из нее.)* Это не очень хороший портвейн, даже

я могу это распознать, хотя мужчины уверяют, что женщины ничего в винах не смыслят, но в нем, даже в таком виде, есть аромат и оно согревает... как приятный комплимент. Они, впрочем, тоже вышли из употребления. Никто больше не говорит комплиментов, исключая старого доктора Холлидея, которому уже далеко за восемьдесят и который стал совсем беспамятным. На днях он полчаса говорил со мной, принимая за миссис Решбери...

Раздается звонок.

Это, вероятно, Джеральд.

Мэдж (устало). Наконец-то!

Миссис Конвей (с некоторым недовольством). Тебе не следовало бы быть такой нетерпеливой.

Мэдж бросает на нее негодующий взгляд. Алан выходит и вводит Джеральда Торнтона, который держит в руках портфель, и Эрнеста Биверса. Джеральду теперь за пятьдесят, и, хотя он следит за своей внешностью, ему меньше не дашь. Он совсем седой, в очках, стал гораздо суше и жестче, чем был в первом действии. Эрнест Биверс имеет значительно более преуспевающий вид, чем раньше, и утратил всю свою былую робость. С прибытием обоих мужчин все приглашенные, по-видимому, в сборе, так что чувства ожидания больше не ощущается.

Миссис Конвей. Хотите выпить, Джеральд, прежде чем начнем?

Джеральд. Нет, благодарю вас. (Кей.) Как вы поживаете, Кей?

Кей. Очень хорошо, благодарю вас, Джеральд. (Смотрит на него в упор.) Извините меня, вот уж воистину...

Джеральд. Что — воистину?

Кей. Я всегда вспоминаю ваши слова много лет тому назад, что вы ничего не имеете против того, чтобы жить в Ньюлингхеме, но что вы твердо решили быть как можно более непохожим на ньюлингхемского жителя.

Джеральд (*поспешно, слегка хмурясь*). Не помню, чтобы я это говорил...

Кей. Да, говорили. А теперь — извините меня, Джеральд, — но воистину вы внезапно стали похожи на *всех* ньюлингхемских жителей, взятых вместе...

Джеральд (*отрывисто*). Так что же мне делать? Извиняться? (*Отворачивается.*)

Она продолжает задумчиво глядеть на него.

Хейзел (*которой удалось на минуту заполучить Эрнеста*).

О, Эрнест... я так рада, что ты пришел...

Эрнест (*неодобрительно*). Ах ты рада? Вот как?

Хейзел (*понимающе*). Ты, значит, не хочешь остаться... только чтобы показать мне...

Эрнест. Мне нечего тебе показывать. На сей раз ты поняла.

Хейзел (*понижая голос*). Эрнест... пожалуйста... будь с ними сегодня помягче... особенно с мамой... Ты так мог бы помочь, если бы захотел...

Эрнест (*обрывая ее причитания*). Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Оба замечают Мэдж, которая стоит рядом, глядя на них с презрительной улыбкой. Эрнест бросает на нее пронзительный взгляд, затем отворачивается. Хейзел застывает в смущении, потом подымает глаза, словно собираясь апеллировать к Мэдж.

Мэдж (*холодно*). На твоём месте, Хейзел, я не стала бы ничего говорить. Я имею в виду — мне. Это только испортило бы дело.

Миссис Конвей (*громким, бодрым голосом*). Итак, пожалуйста, прошу всех успокоиться и быть внимательными! Нам нужно вести себя по-деловому. Правда, Джеральд? Я очень рада, что вам удалось прийти, Эрнест. Вы поможете нам вести себя по-деловому, не правда ли?

Эрнест (*свирепо*). Да!

Мэдж. Но это вовсе не значит, что вам дано право вести себя неприятно.

Миссис Конвей (*резко*). Успокойся, Мэдж! (*Джеральду, покровительственно улыбаясь*.) Итак, Джеральд, мы ждем. Расскажите нам все.

Джеральд (*который просматривал бумаги, смотрит на нее и затем обводит взглядом всех присутствующих с выражением некоторого отчаяния, как бы спрашивая, что же, в конце концов, делать с такой публикой; сухим тоном законника*). Действуя согласно инструкциям, полученным мной от миссис Конвей, я, после того как было решено, что все вы должны здесь собраться, заготовил краткое сообщение относительно нынешнего финансового положения миссис Конвей...

Миссис Конвей (*протестуя*). Джеральд!

Джеральд (*с некоторым отчаянием*). Да?

Миссис Конвей. Неужели вам непременно нужно говорить так сухо и не по-человечески? Я хочу сказать, что знаю вас с тех пор, когда вы были мальчиком, и дети знают вас всю свою жизнь, а вы вещаете так, будто видите нас в первый раз. Это звучит так ужасно!

Джеральд. Но я здесь не как друг дома, а как ваш поверенный.

Миссис Конвей (*с достоинством*). Нет, вы здесь как друг дома, потом уж — мой поверенный. И я думаю, было бы гораздо лучше, если бы вы просто и по-дружески рассказали нам, как обстоят дела.

Алан. Знаете, Джеральд, я думаю, так будет лучше.

Кей. Я тоже так думаю. Когда вы напускаете на себя вид такого законника, я никак не могу принять вас всерьез. Мне все кажется, что вы играете в одной из наших старых шарад.

Хейзел (*с неожиданной теплотой*). Ах, как мы тогда веселились! И вы так хорошо играли в них, Джеральд! Почему бы нам не устроить теперь...

Эрнест (*грубо*). В вашем-то возрасте?

Хейзел. Не понимаю, почему бы нет? Мама была старше, чем мы теперь, когда она выступала...

Джеральд (*которого все это несколько не забавляет*). Вы,

надеюсь, не предлагаете обратить все это в шараду, Хейзел?
Кей. Как жаль, что это не шарада!

Алан (*очень спокойно*). Быть может, это все-таки шарада.
Миссис Конвей. Пожалуйста, ты-то не говори глупостей, Алан! Ну, Джеральд, расскажите нам, как обстоят дела... и не читайте массы цифр и всяких данных. Я знаю, что вы принесли их с собой... но пускай они останутся для тех, кто захотел бы взглянуть на них. Может быть, вы, Эрнест, захотите потом посмотреть...

Эрнест. Возможно. (*Джеральду*.) Давайте!

Джеральд (*суховатым тоном*). Итак, положение сводится к следующему. Миссис Конвей в течение долгого времени получала доходы из двух источников: от акций фирмы «Фарроу и Конвей» и с недвижимости в Ньюлингхеме — с домов, находящихся в северной части Церковной улицы. Фирма «Фарроу и Конвей» жестоко пострадала от кризиса и до сих пор не оправилась. Дома на Церковной улице далеко не представляют собой той ценности, какую они представляли раньше, и единственный способ заставить эту недвижимость окупать себя — перестроить дома на систему отдельных квартир. Но это потребует существенных вложений капитала. Миссис Конвей получила предложение относительно продажи ее доли участия в фирме «Фарроу и Конвей», но это предложение весьма невыгодное. Оно не покроет расходов по перестройке домов на Церковной улице. Между тем эта недвижимость может вскоре превратиться из источника доходов в задолженность. Таким образом, как вы видите, положение весьма серьезное.

Мэдж (*холодно*). Должна сказать, что я крайне удивлена. Я всегда полагала, что мать осталась чрезвычайно хорошо обеспеченной.

Миссис Конвей (*с гордостью*). Ну конечно. Ваш отец позаботился об этом.

Джеральд. Надо иметь в виду — акции и недвижимость значительно упали в цене.

Мэдж. Да, но и в этом случае... я все-таки удивлена. Очевидно, мать была крайне расточительна.

Джеральд. Миссис Конвей не проявляла всей той осторожности, какую она могла бы проявить.

Миссис Конвей. Надо было вырастить и воспитать вас шестерых...

Мэдж. Не в этом дело. Я знаю, сколько *мы* стоим. Деньги были истрачены после. И я знаю, кому они в основном достались — Робину!

Миссис Конвей (*рассерженная*). Довольно, Мэдж! Это были мои деньги...

Мэдж. Нет, не твои. Они были у тебя, чтобы ты сберегла их для нас. Алан, ты старший и ты жил здесь все время, почему ты не мог ничего сделать?

Алан. Боюсь... что я... не очень-то интересовался... этими вещами.

Мэдж (*с возрастающей силой*). Значит, надо было интересоваться. Я нахожу, что это совершеннейшее безобразие. Я больше двадцати лет тяжелым трудом зарабатывала свой хлеб и надеялась, что в будущем смогу воспользоваться хоть немногим из того, что оставил отец, смогу позволить себе побывать несколько раз в настоящем, хорошем отпуске или купить собственный маленький домик. И вот теперь все это пошло прахом... только потому, что мать и Робин вдвоем растратили эти деньги...

Миссис Конвей (*гневно*). Ты должна бы постыдиться говорить такие вещи! Что из того, что я помогала Робину? Он нуждался в этом, и я его мать. Если бы ты нуждалась, я бы и тебе помогла...

Мэдж. Нет, не помогла бы. Когда я сказала, что мне представляется случай стать совладелицей той школы, ты, помню, посмеялась надо мной...

Миссис Конвей. Потому что тебе было хорошо и там, где ты была, вовсе ни к чему было покупать какую-то школу.

Мэдж. А Робину, видимо, надо было покупать?

Миссис Конвей. Да, потому что он глава семьи... он должен

содержать жену и детей. Это так похоже на тебя, Мэдж. Называешь себя социалисткой и бранишь людей за то, что они проявляют интерес к деньгам, а потом оказывается, что ты самая меркантильная из нас.

Мэдж. Я совсем не называю себя социалисткой... хотя это не имеет никакого отношения...

Эрнест (*который просматривал вечернюю газету, грубо прерывает*). Долго еще это будет продолжаться? У меня есть другие дела.

Миссис Конвей (*стараясь умиротворить его*). Хорошо, хорошо, Эрнест! Погляди, Мэдж, что ты наделала. Заставила Джоан плакать.

Джоан (*неожиданно заплакавшая втихомолку, на заднем плане*). Простите... я только... вспомнила... так много разных вещей... вот и все...

Джеральд. В настоящий момент миссис Конвей имеет значительную задолженность банку. Сейчас перед нами две возможности: продать дома за сколько удастся и сохранить акции «Фарроу и Конвей», — но я должен предупредить, что за дома удастся выручить немного; другая возможность — продать акции, затем раздобыть недостающую сумму, примерно от двух до трех тысяч фунтов, и перестроить дома на квартиры...

Миссис Конвей (*с надеждой*). Мы получили нечто вроде плана от одного архитектора, — и в самом деле, это выглядит очень привлекательно. Там можно устроить по крайней мере тридцать очень милых квартирок, а вы знаете, какие деньги люди сейчас платят за квартиры. Не правда ли, великолепная мысль, Эрнест?

Он не отвечает.

(*Улыбается ему, затем ее улыбка постепенно гаснет, но она с надеждой возвращается к прежней теме.*) Я подумала, что, если мы все мирно и дружно обсудим ее, мы сможем что-нибудь решить. Я знаю, вы деловые люди, вы любите приходить на готовенькое, но я верю, что лучше решать по-

дружески, по-хорошему. Неправда, будто люди все делают только за деньги. Я всегда удивлялась этому. Люди на самом деле очень добры и милы... *(Замолкает, потом взглядывает на женщин; более интимно.)* Вот только на прошлой неделе я была на похоронах старухи миссис Джепсон и возвращалась через кладбище вместе с миссис Уайтхед... Я не была там целую вечность... и увидела могилу Кэрол. Конечно, очень взволновалась, когда так вдруг набрела на нее. Но она так замечательно содержится... вся в цветах... И я подумала, какой пример... никто не велел им этого делать, и никто им не платил... они просто по доброте душевной...

М э д ж *(резко)*. Нет, неправда! Кто-нибудь да должен был заплатить.

К е й *(оборачиваясь)*. Алан! Это ты, наверное?

А л а н. Ну... я посылаю им кое-что... раз в год, понимаешь. Немного, конечно.

Х е й з е л. О, мама, я и забыла о Кэрол!.. Ведь уже шестнадцать лет...

А л а н. Семнадцать.

Х е й з е л *(с меланхолическим изумлением)*. Подумать только — моя Маргарет почти такая же большая, какой была Кэрол! Разве тебе это не кажется странным, Кей?

К е й. Я тоже почти совсем забыла о Кэрол.

М и с с и с К о н в е й *(несколько взволнованная)*. Не думайте, что я забыла... потому что я так бесчувственно отнеслась к этой могиле. Я не из тех, кто помнит о могилах, — я людей помню. Как раз на днях, когда я сидела наверху, вдруг слышу, как Кэрол кричит: «Ма-ма, ма-ма», — знаете, как она обычно делала. Я вспомнила о ней, о моей бедной крошке, и о том, как она пришла в этот ужасный день с совершенно посеревшим лицом и сказала: «Мама, у меня такие ужасные боли». И когда ей сделали операцию, оказалось, уже слишком поздно...

Х е й з е л. Да, мама, мы помним.

Э р н е с т *(резко, к общему удивлению)*. Я вам вот что скажу,

чего вы не помните, а некоторые из вас никогда и не знали. Она была самая лучшая из всей компании, эта девочка, маленькая Кэрол, — стояла всех вас, вместе взятых.

Хейзел (*уязвленная супруга*). Эрнест!

Эрнест. Да, я и тебя посчитал туда же. Ты была той, которую я желал, — все правильно, я и получил то, чего желал. Но мне не потребовалось и двух часов, чтобы распознать, что маленькая Кэрол была лучшей из всей компании. (*Добавляет мрачно.*) Меня ничуть не удивило, что она так быстро ушла. Подальше отсюда! Все кончилось! Слишком хороша, чтобы жить!

Миссис Конвей (*готовая расплакаться*). Эрнест совершенно прав. Она была лучшей из вас всех. Мое дорогое дитя, я не забыла тебя, я не забыла тебя! (*Встает.*) Ах, почему Робин не с нами? (*Плачет и направляется к выходу.*) Джеральд, продолжайте ваши объяснения. Я ненадолго. Сидите! (*Уходит в слезах.*)

Несколько секунд царит молчание.

Мэдж. Разумеется, при такой ситуации бессмысленно матери и Алану продолжать жить в этом доме. Он слишком велик для них.

Алан (*кротко*). Да. Мы смогли бы удовлетвориться гораздо меньшей квартирой.

Мэдж. Тогда этот дом можно продать, что было бы кстати. Это ведь собственность матери, не так ли?

Джеральд. Да. Я думаю, что было бы лучше переехать в маленькую квартиру и тем сократить издержки. Но за этот дом сейчас много не выручить.

Хейзел. Но как же, маме ведь предлагали за него несколько тысяч как раз после войны?

Эрнест (*сухо*). Да, но сейчас — это не как раз после войны. Это как раз перед следующей войной.

Джеральд. Сколько, вы думаете, Эрнест?

Эрнест. Берите все, что вам предложат.

Кей. И так, что же нам прикажете делать? На худой конец мы можем соединенными силами оказать помощь маме...

Мэдж. Но это же чудовищно! Когда я жила дома и кое-что понимала, нас считали очень состоятельными. Налицо были все акции и недвижимость, которые отец оставил не только матери, но и всем нам. А теперь не только все это пущено по ветру, но нам еще предлагают заботиться о матери...

Кей (с оттенком усталости). Но ведь если денег нет — их нет. Джеральд. Суть не в том...

Его прерывает громкий звонок. Все оборачиваются и смотрят. Алан делает движение, затем останавливается. В комнату входит Робин. На нем старый макинтош. Он одет с претензией на дешевое франтовство и выглядит тем, кем является на самом деле, — опустившимся сорокадвулетним человеком, пьяницей и неудачником.

Робин. Привет! Все тут? Где мать?

Алан. Она сию минуту вернется.

Робин снимает макинтош и небрежно отдает его Алану, который — это характерно для него — принимает его и уносит.

Робин (не обращает на это никакого внимания и глядит на Джоан). Ну-с, Джоан, как отпрыски?

Джоан (натянута). Они здоровы, Робин.

Робин. Все продолжаешь им рассказывать, что за ужасный человек их отец?

Мэдж. Неужели нам придется выслушивать все это снова?

Робин. Нет, не придется, досточтимейшая Мэдж! Что я там зрю — живительную влагу? Я не ошибся. Выпьем, Джеральд! Эрнест, выпьем! Нет? Ну, тогда я выпью! (Идет и щедрой рукой наливает себе виски с содовой. После первого, быстрого глотка оборачивается к присутствующим и ухмыляется.) Привет, Кей! Соблаговолила посетить нашу провинцию, а?

Кей. Да, только мне придется сегодня же вернуться.

Робин. Не порицаю. Я сам бы хотел вернуться в город. Там мое настоящее место. Я не прочь бросить свои дела и снова попытаться там счастья. Есть у меня там несколько хороших ребят.

Кей. Что ты сейчас поделываешь, Робин?

Робин *(не без мрачности)*. Пытаюсь сбывать новый сорт моторного масла. Мне бы следовало удариться по твоей части — по писательской. Может, еще и займусь этим. Я бы уж нашел что порассказать, честное слово, нашел бы! *(С шумом допивает стакан.)* Ну-с, давайте не прерывать из-за меня ваших дел. Или вы дожидаетесь матери?

Мэдж. Нет, нам лучше без нее.

Робин *(воинственно)*. Это по-твоему! Но не забывай, что это ее деньги... *(Умолкает, потому что возвращается миссис Конвей.)*

Миссис Конвей *(широко улыбается; радостно)*. Робин! Вот это мило! *(Идет к нему и целует. В ее теплом приеме есть, может быть, нотка вызова в отношении всех остальных.)* Ты останешься почевать?

Робин. Я не собирался, но мог бы остаться. *(Ухмыляясь.)* Если Алан даст мне свою лучшую пижаму.

Все усаживаются.

Мэдж. Мы только что говорили, мама, что тебе не имеет никакого смысла оставаться жить в этом доме. Он слишком велик и требует больших расходов.

Робин. Это мать должна решать...

Миссис Конвей. Нет, дорогой мой, это совершенно правильно. Он стал слишком большим, и, конечно, если я продам его, я, вероятно, получу достаточную сумму, чтобы перестроить дома на Церковной улице.

Эрнест. Нет, не получите. Ничего похожего.

Миссис Конвей *(с достоинством)*. Но послушайте, Эрнест! Мне однажды предлагали за него четыре тысячи фунтов.

Эрнест. Надо было их взять!

Джеральд. Боюсь, что вы не можете рассчитывать получить большую сумму за этот дом, но, с другой стороны, вы, занимая меньшую квартиру, будете сберегать деньги.

Робин. Ну, не очень-то много! Ей ведь придется платить ренту за меньший дом, а этот — ее собственный.

Джеральд *(с некоторым несвойственным ему нетерпением, — вероятно, потому, что здесь Робин)*. Но этот дом обложен большими налогами и сборами. Я хочу, чтобы все вы осознали, что положение в высшей степени неудовлетворительно. Задолженность банку можно, конечно, покрыть путем продажи акций или одного из домов, но после этого дела миссис Конвей будут еще хуже, чем раньше. Если бы удалось достать денег для перестройки, тогда недвижимость на Церковной улице стала бы приносить приличный доход.

Миссис Конвей. И я уверена, что это самый лучший выход. Квартиры! Я сама могла бы поселиться в одной из них — в уютной маленькой квартирке. Чудесно!

Джеральд. Но и после продажи акций вам нужно будет найти еще две или три тысячи, чтобы оплатить перестройку.

Миссис Конвей. Но ведь я могла бы занять?

Джеральд. Только не в банке. Они не желают принимать дома на Церковной улице в обеспечение ссуды на их перестройку. Я уже пытался.

Хейзел *(с надеждой, но в то же время робко)*. Эрнест... мог бы ссудить тебе денег...

Эрнест *(потрясенный этим)*. Что?!

Хейзел *(колеблющимся тоном)*. Ну, тебе ведь это ничего не стоило бы, Эрнест!

Миссис Конвей *(улыбаясь)*. Если верить слухам, ваши дела идут сейчас очень хорошо, Эрнест.

Джеральд. О, в этом не может быть никакого сомнения.

Миссис Конвей *(надеясь этим завоевать Эрнеста)*. А ведь кажется, что это было вчера, Эрнест, когда вы впервые

пришли к нам — такой робкий, никому не известный молодой человек.

Э р н е с т *(свирепо)*. Это было почти двадцать лет назад, и как раз таким я и был тогда: робкий, никому не известный молодой человек. И когда мне удалось проникнуть в этот дом, я подумал, что попал невесть куда.

М и с с и с К о н в е й. Я так хорошо помню, что у меня было именно такое чувство относительно вас тогда, Эрнест.

Э р н е с т. Да. Меня заставили-таки почувствовать, что я попал невесть куда. Но я вцепился крепко. У меня всегда была крепкая хватка, когда я твердо решал чего-нибудь добиться. Вот так-то и удалось мне кое-чего достигнуть.

Р о б и н *(который, очевидно, его не любит)*. Избавьте нас от рассказа о том, как вы прибыли сюда с одним-единственным шиллингом в кармане.

М и с с и с К о н в е й *(с упрёком и предупреждая, но втайне забавляясь)*. Ну, ну, Робин!

Э р н е с т *(ровным, неприятным голосом)*. Я и не собирался. Не беспокойтесь, историю *моей* жизни вам не придется слушать. Я хотел только одно сказать, поскольку это меня касается: плакали ваши две или три тысячи фунтов! От меня вы не получите ни пенни. Скажу вам, кстати, раз уж я веду себя неприятно: я мог бы ссудить вам две или три тысячи даже не моргнув глазом. Только я этого не сделаю. Ни одного пенни!

Х е й з е л *(негодование борется в ней со страхом)*. Ты заставляешь меня краснеть!

Э р н е с т *(пристально глядя на нее)*. Вот как! Почему?

Она не отвечает, но постепенно съезживается под его неотрывным взглядом.

Продолжай! Расскажи им, почему это я заставляю тебя краснеть. Расскажи *мне*. Или ты предпочтешь рассказать об этом позже, когда я расскажу тебе кое о чем?

Хейзел разражается рыданиями.

Робин (*вскакивает, взбешенный*). Вы мне всегда были противны, Биверс. Я готов выкинуть вас из этого дома.

Эрнест (*он не трус*). Сделайте это, а я подам на вас в суд. И с удовольствием. Деньги — или вон из дому, так, что ли? Я давным-давно заявил Хейзел, что ни один из вас не получит от меня ни пенни. Я вовсе не скуп. Спросите ее! Но после первого же вечера, когда я у вас был и когда вы все так надменно задирали нос — особенно вы, — я дал себе слово, что никогда вам не видать ни одного пенни, заработанного этими руками!

Робин (*с полусмешкой*). Я видел.

Эрнест (*очень резко*). Что это значит? Клянусь богом, это она! Она давала вам деньги, мои деньги!

Хейзел (*в ужасном смятении*). О, Робин, зачем ты?

Робин (*раздраженно*). Не все ли равно? Он ведь не съест тебя!

Эрнест (*очень спокойным, неумолимым тоном, Хейзел*). Идем! (*Уходит.*)

У Хейзел испуганный вид

Мэдж. Если ты не хочешь идти, не ходи.

Кей. Хейзел, тебе нечего бояться!

Хейзел (*спокойно, искренне*). Нет, есть чего. Я боюсь его. За исключением только самых первых дней, я всегда боялась его.

Робин (*шумно*). Все это глупости! Этакое ничтожество! Что он может сделать?

Хейзел. Не знаю. Дело не в том! Но в нем что-то такое...

Эрнест (*возвращается одетый, в пальто; Хейзел*). Идем! Я ухажу.

Хейзел (*призывая на помощь все свое мужество*). Н-нет!

Он останавливается и смотрит на нее. Она медленно направляется к нему, испуганная и пристыженная.

Миссис Конвей (*быстро идет к Эрнесту; возбужденно*).

Вы пробрались к нам в дом как змея, Эрнест Биверс, и вам удалось каким-то образом убедить или запугать Хейзел, ко-

... которая тогда считалась одной из самых хорошененьких девушек Ньюлинггема, и заставить ее выйти за вас замуж...
Хейзел *(умоляя)*. Мама... пожалуйста, не надо!

Миссис Конвей. Я выскажу ему сейчас все, что у меня давно накипело. *(Решительно подходит к Эрнесту.)* Я была дурой. Мой муж и близко не подпустил бы к дому такую хвастливую, подлую маленькую крысу. И меня вовсе не удивляет, когда вы говорите, что всегда ненавидели нас. Никогда больше не смейте являться сюда, никогда не показывайтесь мне на глаза! Я хотела бы только один день побыть на месте Хейзел — я бы сумела вам показать. Вы... и вдруг... моя дочь! *(Во внезапном порыве ярости сильно ударяет его по лицу; жестом, не лишенным известного величия.)* Теперь подавайте на меня в суд. *(Остается стоять, сверкая на него глазами.)*

Эрнест *(слегка потирает щеку и отступает, пристально глядя на нее; спокойно)*. Вы наделали кучу чертовских глупостей в свое время, миссис Конвей, но вы увидите, что *эта* была самой идиотской из всех. *(Поворачивается и идет к двери. У двери быстро оборачивается к Хейзел.)* Идем! *(Уходит.)*

Хейзел *(совершенно разбита)*. О, мама... не надо было так!
Робин *(в благородной позе)*. Она поступила совершенно правильно. А ты только дай мне знать... если он начнет устраивать тебе что-нибудь.

Хейзел *(в слезах, качая головой, медленно направляется к двери)*. Нет, Робин. Ты не понимаешь... ты не понимаешь...
(Медленно уходит.)

Устанавливается напряженное молчание.

Миссис Конвей *(возвращается на свое место; с коротким смешком)*. Ну, кажется, я действительно сделала глупость.

Джеральд *(серьезно)*. Боюсь, что это так.

Кей. Видишь ли, расплачиваться за это придется Хейзел.

Робин. И совершенно напрасно. Пусть она только даст мне знать, что он замышляет!

Джон *(неожиданно)*. Ну к чему ты так говоришь? Что ты-то

можешь сделать? Он может отравить ей всю жизнь — и ты ничем не сумеешь помочь.

Мэдж. Она сама во всем виновата. Я совершенно не могу ее переносить. Я бы не выдержала и десяти минут.

Джонап (*с несвойственным ей присутствием духа*). Ты бы лучше уж не говорила, Мэдж! Ты просто не понимаешь. Ты никогда не была замужем.

Мэдж. Нет, и после того, на что я тут насмотрелась, — думаю, что я очень счастлива.

Миссис Конвей (*энергично*). Ты вовсе не счастлива — никогда не была и никогда не будешь, — и так как ты не имеешь ни малейшего представления, что такое в действительности жизнь женщины, то чем меньше будешь говорить, тем лучше. Ты тут не в обществе школьниц и твоих дурацких учительниц. Робин, дай мне рюмку портвейна! Сам не хочешь ли выпить?

Робин налил ей портвейна, а себе — второй стакан виски.

Джеральд (*встает. Он уже спрятал все бумаги в портфель*). Я думаю, дальнейшее пребывание мое здесь лишено смысла.

Миссис Конвей. Но мы ведь ничего не решили.

Джеральд (*с холодком*). Я полагал, что имеется возможность убедить Эрнеста Биверса ссудить вам деньги. Так как я не думаю, что у кого-нибудь из присутствующих найдутся лишние три тысячи фунтов...

Робин (*напускается на него*). Ну, уж вам-то, Торнтон, нечего особенно чваниться по этому поводу! По-моему, вы не очень-то блестяще вели дела матери.

Джеральд (*неприятно пораженный*). Я нахожу, что вам не к лицу делать подобные замечания. Из года в год я давал хорошие советы, и ни разу им не следовали. Сейчас я с громадным удовольствием передал бы ведение дел кому-нибудь другому.

Робин. Думаю, я сам лучше бы с ними управился.

Джеральд (*натянуто*). Не могу себе представить более не-

удачного выбора. *(Берет портфель и направляется к выходу.)* До свидания, Кей! До свидания, Алан!

Дж о а н *(идет к выходу)*. Я, пожалуй, пойду вместе с вами, Джеральд.

Джеральд и Алан уходят.

Р о б и н. По дороге вы можете хорошенько поболтать насчет меня.

Дж о а н *(останавливается и смотрит на него; очень спокойно)*. Теперь не так больно от твоих укоров, Робин, как бывало прежде. Со временем, наверно, совсем не будет больно.

Р о б и н *(который в эту минуту пожалел о своих словах)*. Прости меня, старушка! Поцелуй от меня ребят. Скажи, что я скоро приду к ним.

Дж о а н. Да, приходи поскорее! Только помни — мы теперь очень бедны.

Р о б и н. Спасибо на добром слове! А ты еще упрекаешь меня в горечи.

Несколько секунд они смотрят друг на друга потерянными, безнадежным взглядом. Затем Джоан медленно направляется к выходу.

К е й *(страдальчески)*. До свидания, дорогая!

Дж о а н *(оборачивается со страдальческим выражением и улыбается вымученной вежливой улыбкой)*. До свидания, Кей! Так приятно было повидать тебя снова. *(Уходит.)*

Кей, расстроенная, отходит в глубину сцены.

Р о б и н *(оптимистически настроенный после еще одного стакана виски)*. Ну, теперь мы, пожалуй, сможем до чего-нибудь договориться.

М э д ж *(холодно)*. Что касается меня, то все это было попросту потерей времени... и нервов.

М и с с и с К о н в е й *(с издевкой)*. Ты знаешь, Мэдж, когда я задумываюсь о Джеральде Торнтоне, каким он стал те-

перь — скучным, самовлюбленным пожилым холостяком, — я невольно начинаю сожалеть, что ты *не* вышла за него замуж.

Р о б и н (*разражаясь хохотом*). Как, Мэдж? Я и не знал, что ты воображала, будто Джеральд Торнтон...

М и с с и с К о н в е й (*легким, но многозначительным тоном*). Да, это было... когда-то. Правда, дорогая? И мне кажется, он был равнодушен... О, это было очень давно, когда все вы, дети, жили еще дома.

К е й (*резко*). Мама, если это неправда, то это глупая, бессмысленная болтовня. Если это *правда* — тогда это жестоко.

М и с с и с К о н в е й. Какой вздор! И пожалуйста, оставь этот нравоучительный тон, Кей!

М э д ж (*открыто глядя на всех*). Это было правдой, очень давно, сразу после войны. Когда я еще думала, что мы можем сразу сделать жизнь для всех лучше. Социализм! Мир! Всеобщее братство! Всякие такие вещи. Я чувствовала тогда, что Джеральд Торнтон и я — мы вместе смогли бы помочь. Я находила в нем множество всяческих достоинств — по моему, он действительно обладал ими тогда — и полагала, что достаточно вырвать его из здешней рутины, чтобы пробудить в нем энтузиазм. Я вспомнила об этом сегодня, когда смотрела на него. Мне все это пришло на память внезапно. (*Последние фразы сказаны больше для Кей, чем для остальных; матери.*) Достаточно было одного вечера, только одного вечера, и того, что ты сделала тогда, чтобы все уничтожить. Я почти совсем забыла... Но, увидев сегодня здесь всех нас снова вместе, вспомнила — кажется, это было на каком-то вечере в твою честь, Кей. (*Укоряющим тоном, матери.*) Ты помнишь это?

М и с с и с К о н в е й. Мэдж, а ты в самом деле неспосна! Припоминаю какой-то давний нелепый эпизод, когда все мы дурачились.

М э д ж. Значит, вспомнила. Это было вполне обдуманно с твоей стороны. То ли чтобы удержать молодого человека, который мог пригодиться, то ли из зависти к девушке, которая

могла устроить свое счастье, а может быть, просто из чисто женского злобного коварства. А что-то разбилось навеки...

М и с с и с К о н в е й. Тогда это не много значило...

М э д ж. Семечко легко уничтожить, а из него могло бы вырасти могучее дерево. *(Пауза. С вызовом смотрит на мать.)* Я рада, что не стала матерью.

М и с с и с К о н в е й *(раздраженно)*. Ты это вполне можешь утверждать.

М э д ж *(с беспощадной нарочитостью)*. Я знаю, как презирала бы я себя, окажись плохой матерью.

М и с с и с К о н в е й *(встает; злобно)*. Так вот кем ты меня считаешь? *(Пауза. Затем с большой силой и страстностью.)* Это все потому, что вы никогда не думаете ни о ком, кроме самих себя. Эгоисты, все эгоисты! Потому что все вышло не так, как вам бы того хотелось, вы напускаетесь на меня — я во всем виновата. Вы никогда, в сущности, не думаете обо мне. Не даете себе труда хоть на минуту взглянуть на окружающее с моей точки зрения. Когда вы были детьми, я так гордилась вами, так верила, что вы вырастаете замечательными людьми. Я видела себя в старости в окружении вас и ваших детей, думала, буду гордиться вами, буду счастлива среди вас, а дом этот будет счастливее и веселее, чем в лучшие свои дни в прошлом. И вот моя жизнь прошла, и что же мы имеем? Ты — злопамятная, прокисшая школьная учительница, состарившаяся раньше времени. Хейзел, чудеснейший ребенок, какого только видел свет, — замужем за вульгарным, хвастливым коротышкой и совершенно затюкана им. Кей — уехала прочь, чтобы жить своей собственной, самостоятельной жизнью, вся полна горечи, все скрывает, словно потерпела крах. Кэрол, самая счастливая и самая добрая из всех, умерла, не дожив до двадцати лет. Робин — да, мой дорогой, я все знаю, я не упрекаю тебя, но я должна хоть раз высказать всю правду — женился на женщине, которую он не может любить, не имеет никакого положения в жизни, ни домашнего уюта; ничего. А Алан, са-

мый старший, которого отец обожал, думал, что из него выйдет что-то необыкновенное, — он чего добился?

А л а н в это время вошел в комнату и стоя спокойно слушает.

Жалкий чиновник, без будущего, без стремлений, без честолюбия, ничтожный человек, которого ни во что не ставят! (*Замечает Алана, но теперь, когда она взвинтила себя до бешенства, ей все равно; бросает ему в лицо.*) Да, ничтожный чиновник, которого ни во что не ставят!

К е й (*с внезапным порывом сестринских чувств, взбешенная*). Как ты смеешь, мама, как ты смеешь! Так говорить об Алане!

А л а н (*с улыбкой*). Ничего, Кей. Не волнуйся. Это была неплохая характеристика. Ты знаешь, я ведь в самом деле жалкий мелкий чиновник. Это, должно быть, очень неутешительно.

М и с с и с К о н в е й. Ах, не будь, пожалуйста, таким всепрощающим! Робин, что касается тебя, то ты всегда был эгоистом, и слабовольным, и немножко бездельником...

Р о б и н. Потихе, потихе, старушка! Мне чертовски не повезло в жизни — вот что. Дело было просто в неудаче. Я сейчас это ясно вижу.

М и с с и с К о н в е й (*силы ее истощились*). Ну, хорошо, прибавь сюда еще и неудачу, мой дорогой. Суть в том — что бы они там ни говорили о тебе, Робин, дитя мое, — ты мой ненаглядный мальчик, ты весь в меня, ты — мое утешение. Пойдем-ка со мной вместе наверх и там поговорим.

Р о б и н (*в то время как она берет его под руку*). Вот это дело!

Они направляются к выходу.

М э д ж (*очень спокойно*). Мать!

Миссис Конвей останавливается, но не оборачивается.

Мы обе высказали то, что хотели. Больше для меня не существует этих семейных собраний. И не давай себе труда

приглашать меня, потому что я не приеду. Я вижу, что мне не видать ни гроша из отцовских денег. И не рассчитывай, пожалуйста, на мои.

Р о б и н. Кому нужны твои деньги?

М и с с и с К о н в е й. Пойдем, мой дорогой, мы поговорим с тобой как люди... как люди.

Уходят. Трое оставшихся спокойны и неподвижны.

М э д ж. Мне думается, что я не очень-то приятно обошлась с тобой, Кей, когда мы встретились сегодня. Если так, извини меня!

К е й. Все в порядке, Мэдж! Ты возвращаешься в Коллингфилд сегодня же?

М э д ж. Нет, не могу. Я остановилась у Норы Флеминг. Ты ее помнишь? Она теперь директриса Ньюлингхемской гимназии. Я оставила у нее свои вещи. Ну, я теперь пойду. С матерью я не хочу больше встречаться.

К е й. Прощай, Мэдж! Надеюсь, ты все-таки получишь место начальницы.

М э д ж. Прощай, Кей! Постарайся написать хорошую книгу, вместо того чтобы все время заниматься этой никчемной журналистикой.

Целуются. М э д ж уходит в сопровождении А л а н а. Кей остается одна; она очень взволнована, беспокоится, ходит по комнате, затем быстро наливает себе виски с содовой, закуривает папиросу, потом садится, забывает о зажженной папиресе, которую держит в руке, и о виски, углубляется в прошлое и начинает плакать. А л а н возвращается, набивая трубку.

А л а н (веселым голосом). У тебя еще есть время, Кей. Раньше чем через полчаса тебе незачем спешить к лондонскому поезду. Я провожу тебя на станцию. (Подходит к ней.) Что случилось? Или все это... оказалось для тебя немножко чересчур?

К е й (с раскаянием в голосе). По-видимому. А мне-то казалось,

что я теперь закаленная! Смотри, я хотела разыграть современную деловую женщину: папироска, виски с содовой. Все это ни к чему... Видишь ли, Алан, для меня это был не только сегодняшний вечер. Я вспоминала другие вечера, давно прошедшие, когда мы сами были другими.

А л а н. Да, я знаю. Это старые дни рождества... дни рождения...

К е й. Да, я вспоминала. Я видела всех нас, какими мы были тогда. И себя тоже. Глупенькая девочка того далекого года! Счастливая девочка!

А л а н. Не надо слишком огорчаться. Все в порядке, знаешь. Тебе нравится быть сорокалетней?

К е й. О нет, Алан, это ужасно и невыносимо. Вспомни, чем мы когда-то были и чем мы надеялись быть! И вот результат! И все, что мы имеем, Алан. С каждым нашим шагом, с каждым тиканьем часов все кругом становилось хуже и хуже. Если в жизни ничего больше нет, на что она? Лучше умереть, как Кэрл, прежде чем убедиться в этом, прежде чем попадешь в лапы времени. Мне приходилось и раньше испытывать это чувство, Алан, но никогда с такой силой, как сегодня. В мире существует злой дух, который мы называем Время.

А л а н (*играя трубкой, спокойно, робко*). Ты читала когда-нибудь Блейка?

К е й. Да.

А л а н. Ты помнишь это место? (*Декламирует спокойно, но с чувством.*)

«Боль и радость чередой
Ткут покров души людской,
В каждой горсти земной
Радость — нитью золотой.
Справедлив судьбы закон:
Человек на то рожден.
Если это мы поймем,
Верный в жизни путь найдем...»

К е й. «Верный в жизни путь найдем»? Нет, это неправда, Алан, — во всяком случае, неправда для меня. Если бы все

было только перемешано — добро и зло, — в этом не было бы ничего плохого. Но все идет хуже и хуже. Мы убедились в этом сегодня вечером. Время нас побивает.

А л а н. Нет, Кей, время — это только призрак. Иначе ему пришлось бы разрушать все, всю вселенную, и снова воссоздавать ее каждую десятую долю секунды. Но время ничего не разрушает. Оно только двигает нас вперед и подводит от одного окна к другому.

К е й. Но ведь счастливые юные Конвеи, которые разыгрывали здесь шарады, — они ушли, и ушли навсегда!

А л а н. Нет, они живы, они существуют так же реально, как существуем мы с тобой. Мы видим другой уголок действительности — скверный уголок, если хочешь, — но весь ландшафт по-прежнему на месте.

К е й. Но, Алан, мы не можем быть ничем иным, как только тем, что мы есть *сейчас*.

А л а н. Нет... это трудно объяснить... вот так вдруг... У меня есть книга, я дам тебе ее почитать. Суть в том, что сейчас, сию минуту, и вообще в любую минуту мы представляем лишь частицу нашего подлинного «я». То, что мы *реально* представляем собой, — это весь наш путь, все наше время, и когда мы дойдем до конца нашей жизни, весь этот путь, все это время будут представлять *нас* — подлинную тебя, подлинного меня.

К е й. Я постараюсь понять... если только ты действительно решишь и думаешь, что я тоже способна поверить, будто время не уносит с собой каждую частицу нашей жизни... уничтожая... и разрушая все... навсегда...

А л а н. Нет, это верно, Кей. Я принесу тебе эту книгу. (*Направляется к двери, затем оборачивается.*) Ты знаешь, я уверен, что половина наших бед происходит оттого, что мы думаем, будто время уносит по частям нашу жизнь. Вот почему мы мечемся из стороны в сторону...

К е й. Словно мы в панике на тонущем корабле.

А л а н. Да, в этом роде.

К е й (*улыбаясь ему*). Но ты-то ведь не мечешься, слава богу!

А л а н. Я думаю, разумнее не делать этого, если широко смотреть на вещи.

К е й. Так, словно мы — бессмертны?

А л а н. Да, и словно у нас впереди — необычайное приключение.
(Уходит.)

Кей, все еще задумчивая, подходит к окну и смотрит вдаль, подняв голову. В эту минуту занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кей сидит в той самой позе, в какой мы оставили ее в конце первого действия, и до нас продолжают доноситься звуки шумановского «Орешника», который поет миссис Конвей. На сцене ничего не происходит, пока не заканчивается песня и не раздаются хлопки и возгласы из гостиной. Вслед за тем входит А л а н и зажигает свет. Мы видим, что комната и обстановка точно такие же, какими они были раньше. Только сама Кей изменилась. Что-то посетило ее — нечто неуловимое, мимолетное видение, рой темных предчувствий, — и она глубоко взволнована. Она окидывает взглядом комнату раз, другой — так, словно бы только что видела ее в каком-то другом обличье. Смотрит на Алана с выражением недоумения. Он усмехается и потирает руки.

А л а н. Ты здесь, Кей?

К е й (слосно готовясь сообщить нечто очень важное). Алан! .
(Умолкает.)

А л а н. Да?

К е й (торопливо). Нет... ничего.

А л а н (всматривается в нее более внимательно). Ты, кажется, спала... пока мама пела?

К е й (сбивчиво). Нет. Я тут сидела... слушала. Я выключила

... свет. Нет; я не засыпала... Может быть, на один миг. Во всяком случае, не дольше.

А л а н. Ты знала бы, если б заснула.

К е й (*оглядываясь вокруг, медленно*). Нет, я не спала. Но... вдруг, внезапно, мне показалось, что я видела... всех нас... во всяком случае, ты был там, Алан.

А л а н (*забавляясь и недоумевая*). Где я был?

К е й. Не могу вспомнить. И я помню, что я все время слушала мамино пение. У меня немножко кружится голова.

А л а н. Большинство гостей уходит. Ты бы лучше пошла и попрощалась.

Входит Хейзел, неся на тарелке огромный кусок роскошного торта с кремом. Она уже на ходу начала пробовать его.

К е й (*увидев ее*). Хейзел, жадина! (*Ловко отхватывает кусочек торта и съедает его.*)

Х е й з е л (*с полным ртом*). Я пришла вовсе не затем, чтобы только съесть это.

К е й. Ну конечно, затем!

Х е й з е л. Они там все прощаются, и я хотела скрыться от этого маленького уродца, которого привел Джеральд Торнтон.

К е й (*торопливо*). Мне надо им продекламировать мое стихотворение. (*Убегает.*)

А л а н (*медлит; после паузы*). Хейзел!

Х е й з е л (*с полным ртом*). Мм?

А л а н (*с нарочитой небрежностью*). Да, а что Джоан Хелфорд собирается теперь делать?

Х е й з е л. Так, попорхать немножко.

А л а н. Я как будто слышал, она говорила, что собирается уезжать. Я уж думал, что она хочет покинуть Ньюлингхем.

Х е й з е л. Она просто отправляется гостить к тетке. Джоан всегда гостит у теток. Отчего это у нас не разбросаны по всей стране тетки?

А л а н. У нас есть тетя Эдит

Хейзел. И докторский дом в Уолверхемптоне! Кошмар! *(Быстро меняет тон на поддразнивающий.)* Желательно тебе что-нибудь еще узнать насчет Джоан?

Алан *(сконфуженный)*. Нет... нет... Я только так думал... *(Поворачивается, чтобы уйти, и почти сталкивается с Эрнестом, который одет в очень потрепанный макинтош и держит в руках шляпу-котелок.)*

Как только Хейзел видит, кто вошел, она отворачивается и снова принимается за свой торт. Алан останавливается, то же делает и Эрнест.

Алан. Вы уже уходите?

Эрнест *(себе на уме)*. Да, уйду сейчас! *(Явно ждет, чтобы Алан оставил его наедине с Хейзел.)*

Алан *(в некотором смущении)*. Ах да... *(Делает движение, чтобы уйти.)*

Хейзел *(громко и четко)*. Алан, ты уходишь? *(Смотрит на него, совершенно игнорируя Эрнеста, который ждет ухода Алана; он не столь хладнокровен, каким кажется внешне, шляпа в его руке слегка подрагивает.)*

Алан *(испытывая неудобство)*. Да... знаешь... надо попрощаться и помочь одеться и... *(Уходит.)*

Хейзел занимается тортом, затем не улыбаясь бросает взгляд на Эрнеста.

Эрнест. Я только заглянул попрощаться, мисс Конвей.

Хейзел *(с отсутствующим видом)*. Ах да... конечно... Ну...

Эрнест *(прерывает ее)*. Для меня было большим удовольствием побывать у вас и познакомиться со всем вашим семейством. *(Выжидает.)*

Хейзел *(вынуждена заговорить; безразлично)*. Ах вот как...

Эрнест *(снова прерывает ее)*. А в особенности — с вами. Я знаете, еще новичок в городе. Живу здесь только около трех месяцев. Я вступил в долю на бумажной фабрике Экерсли, что в Уэст-Ньюлингхеме. Вы знаете ее?

Хейзел *(без всякого поощрения)*. Нет.

Эрнест. Я думал, вы, может быть, ее заметили. Она там стоит не первый день. В сущности, она сильно нуждается в перестройке. Там-то вот я и нахожусь. И я не пробыл тут еще и недели, как обратил на вас внимание, мисс Конвей.

Хейзел *(которая знает об этом лучше других)*. В самом деле?

Эрнест. Да. И с тех пор я наблюдал за вами. Вы, надо полагать, заметили меня?

Хейзел *(высокомерно)*. Нет, не могу этого сказать.

Эрнест. О, вы должны были заметить. Признайтесь, что это так!

Хейзел *(естественность берет в ней верх)*. Ну, если вам непременно нужно знать, — я вас заметила...

Эрнест *(польщенный)*. Я так и думал.

Хейзел *(быстро и с негодованием)*. Потому что находила, что вы поступаете очень глупо и дерзко. Если вы хотите ставить себя в глупое положение — ваше дело, но вы не имеете никакого права ставить и меня также...

Эрнест *(уничтоженный)*. О, а я и не знал... что дело обстояло так скверно...

Хейзел *(чувствуя свое превосходство)*. Да, именно так!

Он пристально глядит на нее и делает шаг в ее направлении. Она сначала не смотрит на него, но затем вынуждена ответить на его пристальный взгляд. В этом взгляде есть что-то проникающее в самую глубь ее слабохарактерной натуры.

Эрнест *(снова ободравшись)*. Простите меня! Хотя я не вижу, чтобы кто-нибудь от этого особенно пострадал. В конце концов, мы только один раз живем, так давайте же, говорю я, использовать нашу жизнь! А вы, по моему мнению, — самая красивая девушка в этом городе, мисс Хейзел Конвей. Я говорил вам это — мысленно — в течение последних двух месяцев. Но сказать вам откровенно, я знал, что пройдет не много времени, как я познакомлюсь с вами. *(Глядит на нее в упор.)*

Он ей не нравится, но она совершенно беспомощна перед этой лобовой атакой.

(Медленно кивает головой.) Вы, надо полагать, думаете, что я парень нестоящий. Но во мне есть больше, чем можно увидеть глазом. Кое-кто уже убедился в этом, а еще больше убедятся в самом недалеком будущем, здесь, в Ньюлингхеме. Вы увидите! *(Меняет тон, так как в чисто светских вопросах чувствует себя неуверенно; почти смиренно.)* Хорошо это будет... если я... ну, вроде как... в гости к вам приду... как-нибудь на днях?

Хейзел *(снова обретая свое превосходство).* Об этом лучше спросите маму!

Эрнест *(шутливо).* Ага, как говорится: «Спросите маменьку», да?

Хейзел *(смущенная и встревоженная).* Нет... я вовсе не так хотела сказать. Я хотела сказать, что это мамин дом...

Эрнест. Да, но вы ведь достаточно взрослая, чтобы иметь своих собственных друзей. Не правда ли?

Хейзел. Я не очень-то легко вступаю в дружбу.

Эрнест *(с поразительной бестактностью).* Разве? А я слышал — легко.

Хейзел *(надменно, сердито).* Уж не хотите ли вы сказать, что толковали обо мне с посторонними?

Эрнест. Да. Почему нет?

Они в упор глядят друг на друга, Эрнест — с умышленной холодностью, Хейзел — стараясь казаться высокомерной,— когда в комнату входят Мэдж и Робин, занятые разговором.

Робин *(он сейчас очень авангажен).* Ну да, черт возьми! Вот была потеха! Мы, разумеется, были без формы. Я — за кочегара. Работа тяжелая, но зато здорово.

Мэдж *(горячо).* Ничего здорового! Вам надо было бы постыдиться!

Робин *(удивленный).* Почему?

М э д ж. Потому что помогать срывать забастовку и быть штрейк-брехером — вовсе не потеха и не здорово. Железнодорожники стремились во что бы то ни стало улучшить свое положение. Они устроили стачку не ради забавы. Для них и для их жен и детей это было чрезвычайно серьезное дело. А люди вроде тебя, Робин, думают, что это очень забавно — выполнять их работу и сделать забастовку бесполезной. Я нахожу просто позорным то, как средние классы ополчаются против пролетариата.

Р о б и н (*несколько сбитый с толку*). Но ведь надо же было, чтобы ходили поезда!

М э д ж. Зачем? Если бы людям пришлось обходиться совсем без поездов, они, может быть, поняли бы, что железнодорожники чем-то недовольны.

Э р н е с т (*сардонически*). Может быть. Но мне вот думается, что они больше всего были бы заняты собственным недовольством — из-за отсутствия поездов. И достаточно будет еще нескольких железнодорожных стачек — и половина грузов будет для них потеряна навсегда, перейдет на автотранспорт. Что тогда будут делать ваши премудрые железнодорожники?

Пауза. Мэдж, конечно, слушает, но не вполне признавая за ним право вмешаться в разговор.

И еще вот какая вещь: рабочий класс стоит сам за себя, так почему же средним классам не постоять самим за себя?

М э д ж (*холодно*). Потому что средние классы давно уже «постояли за себя», как вы это называете.

Э р н е с т. Ну, а вы как это называете? Как-нибудь по-латыни?

М э д ж (*с холодным нетерпением*). Я говорю о том, что средние классы уже раньше постояли за себя, иначе они не были бы преуспевающими средними классами. Почему же надо набрасываться на рабочий класс, когда он наконец пытается отстоять свои права?

Э р н е с т (*цинично*). Все яснее ясного! Существует только

определенное количество земных благ, и если вы возьмете больше — я получу меньше.

Мэдж (*довольно резко*). Простите меня, но это плохая экономика, а также плохая этика.

Робин (*выпаливает*). Да ведь у нас была бы красная революция, как в России, если бы мы стали слушать этих смутьянов, вроде какого-нибудь Томаса.

Хейзел (*направляясь к выходу*). По-моему, так все это глупости! Почему люди не могут сговориться?

Эрнест (*видя, что она уходит*). О, мисс Конвей!

Хейзел (*с подчеркнутым, унижающим безразличием*). Ах... да... до свидания! (*Уходит.*)

Эрнест смотрит ей вслед с довольно жалким видом. Затем бросает взгляд на Робина и ловит на его лице усмешку.

Мэдж (*Робину*). Я ведь сюда зачем-то пришла. Что это было? (*Осматривается вокруг, глядя поверх Эрнеста, который ей неприятен.*)

Робин (*на его лице все еще блуждает усмешка*). Вот уж не могу тебе сказать.

Мэдж уходит, игнорируя Эрнеста, не столько, впрочем, подчеркнуто, сколько рассеянно.

(Со все еще насмешливым видом закуривает папиросу, небрежно.) Вы служили в армии?

Эрнест. Да. Два года.

Робин. По какой части?

Эрнест. В армейском казначействе.

Робин (*легким тоном, не очень грубо*). Вот, наверно, лафа для вас!

Эрнест готов сердито возразить, но в эту минуту вбегает Кэрол.

Кэрол. Мистер Биверс!

Когда он оборачивается с недовольным видом, Робин выходит из комнаты.

О, у вас такой вид, как будто вы получили отставку.

Эрнест *(со злостью)*. Так оно примерно и есть. Получил отставку!

Кэрол *(всматриваясь в него)*. У вас, наверно, все так и кипит внутри? Правда?

Эрнест *(стараясь, насколько это в его силах, не придавать значения происшедшему)*. А может быть, просто разочарован. Что-то из двух?

Кэрол. И то и другое, надо полагать. Так вот, мистер Биверс, не расстраивайтесь! Вы так мило отнеслись к нашей шараде и очень хорошо сыграли в ней, а ведь, наверно, никогда раньше не выступали?

Эрнест. Нет. *(Резко.)* У меня дома такими вещами не занимались.

Кэрол *(изучающе оглядывает его)*. Да, я думаю, что вам слишком мало пришлось веселиться. В этом ваша беда, мистер Биверс. Вы должны опять к нам прийти играть в шарады.

Эрнест *(словно бы отделяя ее от остальных)*. Вы-то хорошая!

Голос миссис Конвей. Так он ушел наконец или нет?

Кэрол. Мы все хорошие! Помните это, мистер Биверс!

Эрнест *(которому она понравилась)*. Вы — занятная малютка.

Кэрол *(строго)*. Я не очень-то занятная и, уж во всяком случае, не малютка...

Эрнест. О, простите!

Кэрол *(благодарушно)*. На этот раз я вас прощаю.

Входит миссис Конвей с Джеральдом. Она несколько удивлена тем, что Эрнест еще не ушел.

Эрнест *(замечает это; застенчиво)*. Я как раз ухожу, миссис Конвей. *(Джеральду.)* Вы идете?

Миссис Конвей *(не давая Джеральду ответить)*. Нет, мы с мистером Торнтоном должны еще несколько минут потолковать о делах.

Эрнест. Понимаю. Ну, до свидания, миссис Конвей! Очень приятно было познакомиться с вами.

Миссис Конвей *(со снисходительной любезностью)*. До свидания, мистер Биверс! Кэрол, будь добра...

Кэрол *(с готовностью)*. Хорошо. *(На манер героев вестернов обращаясь к несколько недоумевающему Эрнесту.)* Я провожу вас с конем вашим до большой дороги, приятель!

Кэрол и Эрнест уходят. Миссис Конвей и Джеральд следят за ними взглядом. Затем Джеральд оборачивается к миссис Конвей и смотрит, подняв брови. Миссис Конвей качает головой. Доносится стук захлопнувшейся двери.

Миссис Конвей *(с живостью)*. Мне очень жаль, если ваш приятель подумал, что его выставили. Но в самом деле, Джеральд, дети ни за что не простили бы мне, если бы я предложила ему еще остаться.

Джеральд. Боюсь, что Биверс не имел большого успеха.

Миссис Конвей. Ну, в конце концов... все-таки... Вы не находите?

Джеральд. Я ведь вас предупреждал. Он в самом деле так страстно жаждал познакомиться с знаменитым семейством Конвей.

Миссис Конвей. С Хейзел, вы хотите сказать.

Джеральд. С Хейзел в особенности, но он стремился узнать всю семью.

Миссис Конвей. Что ж, я думаю, дети составляют очаровательную компанию.

Джеральд. Затмеваемую лишь их очаровательной мамашей.

Миссис Конвей *(восхищенная)*. Джеральд! Вы, кажется, собираетесь флиртовать со мной?

Джеральд *(который вовсе не собирался)*. Ну разумеется! Между прочим, вы ведь не хотели говорить со мной ни о каких делах, не правда ли?

Миссис Конвей. Пожалуй, что и нет. Но, я думаю, вам следовало бы знать, что мне опять предлагали огромную сумму за этот дом. Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы

продать его, но так приятно сознавать, что он так много стоит. Ах да, молодой Джордж Фарроу очень хочет, чтобы я продала ему свой пакет акций, и говорит, что готов сделать предложение, которое меня поразит.

Д ж е р а л ь д. Я уверен, что это будет весьма недурное предложение. Но, разумеется, нет никакого смысла продавать, когда они выплачивают пятнадцать процентов дивиденда. А когда мы наконец выйдем из этой атмосферы военного времени и будут сняты правительственные ограничения, начнется грандиозный подъем.

М и с с и с К о н в е й. Ну разве это не чудесно? Все дети опять дома, и у нас вполне достаточно денег, чтобы помочь им устроиться. И знаете, Джеральд, я ничуть не буду удивлена, если Робин очень скоро добьется необыкновенных успехов в каком-нибудь деловом предприятии... по части продажи, например... Люди находят его таким очаровательным. Милый Робин! *(Пауза. Затем другим тоном, с большей глубиной и чувством.)* Джеральд, еще совсем недавно я считала себя несчастнейшей женщиной на свете. Если бы не дети, у меня не было бы желания жить. А теперь — хотя, конечно, без него никогда не будет прежней жизни — я вдруг почувствовала себя счастливейшей женщиной в мире. Все дети со мной, наконец-то в полной безопасности, счастливы.

Г о л о с Р о б и н а *(он кричит)*. Играем в прятки по всему дому! М и с с и с К о н в е й. Что он сказал? «По всему дому»?

Д ж е р а л ь д. Да.

М и с с и с К о н в е й *(кричит)*. Пожалуйста, только не в моей комнате, Робин!

Г о л о с Р о б и н а *(он кричит)*. Кроме маминой комнаты!

Г о л о с Д ж о а н *(еще дальше)*. А кто будет водить?

Г о л о с Р о б и н а. Я буду! Мама, идем! Где Джеральд?

М и с с и с К о н в е й *(собираясь уходить)*. Только слышать его голос в доме — вы не понимаете, Джеральд, что это для меня значит! И никогда не поймете.

Оба уходят. Проходя мимо выключателя, м и с с и с К о н

в ей может погасить половину ламп, оставив, скажем, правую сторону неосвещенной и слева — только один торшер.

Г о л о с Р о б и н а (громко). Я пойду в платяной шкаф и буду считать до пятидесяти. Ну, теперь расходитесь!

Несколько секунд спустя входит Джоан, счастливая и запыхавшаяся, и, оглядевшись вокруг, ищет место, где бы спрятаться — за креслом, книжным шкафом, диваном или за портьерой. Прячется. Тут же входит Алан и направляется в ее сторону.

Джоан (выглядывает и видит его; умоляющим шепотом).

О, Алан, прячьтесь, но не здесь!

Алан (смирено). Я нарочно пришел. Видел, как вы вошли.

Джоан. Не надо, пожалуйста! Идите в другое место!

Алан (с чувством). Вы сегодня такая очаровательная, Джоан!

Джоан. Правда? Это мило с вашей стороны, Алан.

Алан. Могу я теперь остаться?

Джоан. Нет, пожалуйста! Будет гораздо веселее, если вы пойдете в другое место. Не портите, Алан!

Алан. Что — не портить?

Джоан (очень быстро). Игру, конечно! Ну же, Алан, будьте хорошим мальчиком! Нет, нет, вы теперь не можете отсюда выйти. Вам придется вылезти в окно и пройти кругом. Идите!

Алан. Ну, хорошо. (Вылезает в окно, затем пристально смотрит на нее; мягко). Прощайте, Джоан!

Джоан (шепотом, изумленная). Почему вы это говорите?

Алан (очень грустно). Потому что я чувствую, что это прощание.

Слышится голос Робина, который что-то напевает вдали. Алан скрывается за окном. Робин, напевая вполголоса популярную песенку того времени, медленно входит в комнату. Он доходит до края освещенной половины и осматривается вокруг. Наконец поворачивается и собирается уходить, но в это время Джоан тихонько начинает подпевать ему из своего убежища.

Р о б и н (удовлетворенно). Ага! (Быстро задергивает портьеры.)

193

Но в тот момент, когда он отвернулся, Джоан протягивает руку и поворачивает выключатель торшера в своем углу. Комната погружается почти в полную темноту.

Хорошо, хорошо, Джоан Хелфорд! Где вы?

Слышен ее смех.

Вам не уйти, Джоан Хелфорд, вам не уйти! Нет, нет, нет, нет! Не уйти маленькой Джоан! Не уйти!

Они бегают по комнате, затем она идет к окну и становится на кушетку. Он стягивает ее вниз, на фоне лунного света видно, как они обнимаются и целуются.

Д ж о а н (по-настоящему взволнованная). Ах, Робин!

Р о б и н (насмешливо, но с теплотой). Ах, Джоан!

Д ж о а н (робко). Вы, наверно... делали то же... с десятками девушек?

Р о б и н (наигранно). Да, Джоан, с десятками.

Д ж о а н (вглядываясь в него). Я так и думала.

Р о б и н (не совсем твердо). Делал, Джоан! Только не так! (Целует ее с большей страстностью.)

Д ж о а н (глубоко взволнованная и все еще робея). Робин, вы — чудный!

Р о б и н (после паузы). Вы знаете, Джоан, хотя я вас не так давно видел в последний раз, сегодня же прямо глазам своим не поверил — такой у вас был сногшибательный вид.

Д ж о а н. Это потому, что я мечтала о вашем возвращении, Робин.

Р о б и н (притворяясь). Не верю.

Д ж о а н (искренне). Правда... честное слово! А вы, наверное, ни разу и не подумали обо мне?

Р о б и н (говоря неправду). Нет, думал. Сотни раз.

Д ж о а н. Я тоже — о вас.

Робинн (*целуя ее*). Джоан, ты душка!

Джоан (*после паузы, шепотом*). Ты помнишь то утро, когда ты так рано уехал... в прошлом году?

Робинн. Да. Но тебя тогда не было. Только мама, и Хейзел, и Кей.

Джоан. Я тоже была, но никто из вас меня не видал.

Робинн (*искренне удивленный*). Ты встала в такой ранний час только затем, чтобы проводить меня?

Джоан (*просто*). Да, конечно. О, это было так ужасно — прятаться и стараться не плакать!

Робинн (*все еще удивленный и тронутый*). Но, Джоан, я не имел ни малейшего понятия...

Джоан (*очень робко*). Я не собиралась выдавать себя.

Робинн (*обнимая ее*). Но, Джоан, вот здорово! Это же замечательно!

Джоан. Ты не любишь меня?

Робинн (*уверенный теперь, что любит*). Ну конечно, люблю!

Черт, это здорово! Джоан, ну и заживем же мы на славу!

Джоан (*торжественно*). Да, Робин! Но только, знаешь, это страшно серьезно.

Робинн. О да! Не думай, что я этого не чувствую. Но ведь это не помешает нам веселиться, верно?

Джоан. Нет, нет, нет! Пусть наше счастье никогда, никогда не кончается!

Они пылко обнимаются, выделяясь на фоне освещенного лунной окна. Внезапно портьеры раскрываются и показывается Кэрол, которая видит их и кричит, обращаясь к находящимся позади нее.

Кэрол (*в ее тоне слышится что-то вроде веселого негодования*). Я так и думала! Они здесь — обнимаются! Я знала, что эти прятки затеяны неспроста.

Робин и Джоан отскакивают друг от друга, продолжая держаться за руки, когда Кэрол зажигает все лампы и входит в комнату в сопровождении Мэдж и Джеральда. Мэдж кажется возбужденной и несколько растрепанной,

словно бы она пряталась в каком-то труднодоступном месте.

Р о б и н (*ухмыляясь*). Прошу прощения! Может быть, начнем сначала?

М э д ж (*идет к окну*). Нет, спасибо, Робин!

К э р о л. Вы уж лучше объяснитесь с мамой! Я пойду приготовлю чай. (*Уходит.*)

Р о б и н и Д ж о а н смотрят друг на друга, затем уходят. Джеральд наблюдает за Мэдж, которая закрывает портьеры и потом оборачивается к нему.

Д ж е р а л ь д. Что ж, Мэдж, все это звучит очень хорошо. И я знаю, что лорд Роберт Сесиль — превосходный парень. Но я не совсем понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

М э д ж. Через несколько недель здесь, в Ньюлингхеме, откроется отделение Союза Лиги наций. Мне нет смысла много заниматься этим делом, поскольку предстоит уехать, но я вступаю в него. Вы, Джеральд, могли бы стать ответственным секретарем или что-нибудь в этом роде.

Д ж е р а л ь д. Не знаю, много ли я мог бы принести пользы.

М э д ж. Вы были бы идеальны. Вы деловой человек. Вы умеете обращаться с людьми. Вы могли бы стать превосходным оратором. Ах, Джеральд, вы просто с ума меня сведете!

Д ж е р а л ь д (*улыбаясь, не без чувства*). Почему, Мэдж? В чем я провинился?

М э д ж. Мы друзья, не правда ли?

Д ж е р а л ь д. Я считаю вас одним из самых лучших моих друзей, Мэдж, и надеюсь, что не обманываюсь в этом.

М э д ж (*с теплотой*). Конечно, нет!

Д ж е р а л ь д (*улыбаясь*). Прекрасно! Итак?

М э д ж. Вы недостаточно работаете, Джеральд.

Д ж е р а л ь д (*кротко*). Я, знаете, занят немало.

М э д ж. Да я вовсе не хочу сказать, что вы ленитесь — знаете, Джеральд, может быть, и это есть чуточку, — я хочу сказать лишь, что вы недостаточно работаете над собой. Вы не

используете своих возможностей до конца. Я могла бы ужасно гордиться вами, Джеральд!

Дже р а л ь д. Это... просто потрясающе — услышать такое от вас, Мэдж.

М э д ж. Почему именно от меня?

Дже р а л ь д. Потому что мне очень хорошо известно, что вы обладаете острым умом и что вы весьма критически мыслящая молодая женщина... несколько даже устрашающая.

М э д ж (*сейчас в ней больше женственности*). Глупости. Вы вовсе не думаете этого. Я бы не хотела, чтобы вы так думали.

Дже р а л ь д. Хорошо, не буду. На самом деле вы мне очень нравитесь, Мэдж, но я редко имею возможность доказать вам это.

М э д ж (*просветлев при этих словах*). И вы мне всегда нравились, Джеральд, и вот почему я говорю, что могла бы ужасно гордиться вами. (*Более увлеченно и горячо, с подлинным энтузиазмом.*) Мы будем строить новый мир! Эта страшная война была, очевидно, необходима, потому что она явилась великим костром, куда мы выбросили весь мусор старого мира. Век цивилизации может наконец начаться. Народ научился многому...

Дже р а л ь д (*с сомнением*). Надеюсь.

М э д ж. О, Джеральд, не будьте таким пессимистом, таким циником!

Дже р а л ь д. Простите меня, но адвокату, даже молодому, приходится видеть немало людских типов в своей конторе. Перед ним проходит целая вереница людей, с их дразгами и недовольствами. И порой я сомневаюсь, многому ли они способны научиться.

М э д ж. Это потому, что вам приходится иметь дело с наиболее неразвитыми. Но народ во всем мире научился многому. Вы увидите! Не будет больше нескончаемых вооружений. Не будет больше войн. Не будет больше ненависти, нетерпимости и насилия. О, Джеральд, я уверена, что, когда мы оглянемся назад, через двадцать лет, мы будем поражены

«...» достигнутым прогрессом! Теперь ведь все совершается очень быстро...

Д ж е р а л ь д. Вот это действительно верно!

М э д ж (*начинает немножко ораторствовать, очень искренне*).

Верно и остальное. Мы создадим новое содружество всех наций — так, чтобы они жили друг с другом в мире. Империализм исчезнет. И в конце концов, конечно, исчезнет и капитализм. Не будет больше ни бумов, ни кризисов, ни паники, ни стачек, ни локаутов, потому что и политическая и экономическая власть будет в руках самого народа, возглавляемого лучшими умами каждой нации. Осуществится наконец социализм, и будет жить свободный, благоденствующий, счастливый народ, все будут пользоваться равными возможностями, жить в мире со всем миром. (*Декламирует с большим жаром и искренностью*.)

«Подайте лук мой золотой,

Подайте мне желанья стрелы!

На колеснице огневой,

С копьём в руке помчусь я смело.

Не отступлюсь я от борьбы,

Не заржавеет меч тяжелый,

Пока воздвигнем новый град

В просторах Англии веселой...»

Д ж е р а л ь д (*искренне взволнованный ее пылом*). Мэдж, вы сегодня какая-то вдохновенная. Я... я не узнаю вас... Вы...

М э д ж (*с теплотой, счастливая*). А я такая и есть. Ах, Джеральд! В этом новом мире, который мы начнем строить, мужчины и женщины не будут больше проводить время за глупенькой игрой в вопросы и ответы. Они пойдут вперед вместе... разделяя друг с другом все...

Входят миссис Конвей и Хейзел. Мэдж умолкает; вид у нее довольно растрепанный. Джеральд, который действительно находился во власти ее слов, оглядывается, приходя в себя.

Миссис Конвей (*с раздражающей материнской хлопот-*

ливостью). Мэдж, что с тобой? Волосы в беспорядке, нос блестит, вся ужасно растрепанная, — уверена, опять витствовала о социализме и нагнала скуку на бедного Джеральда.

Возвышенного настроения как не бывало — Мэдж словно ударили по лицу. Она смотрит на свою мать, затем бросает быстрый взгляд на Джеральда, читает на его лице что-то похожее на отстранение от нее, отстранение, по-видимому, окончательное, и, не говоря ни слова, поворачивается и уходит из комнаты.

(Невинок, но зная, что произошло.) Бедняжка Мэдж! Хейзел (с внезапным упреком). Мама!

Миссис Конвей (изображая полнейшую непричастность). Что, Хейзел?

Хейзел (многозначительно, указывая на Джеральда). Ты знаешь!

Джеральд (растерявший половину своей мужественности). Я думаю... мне лучше уйти.

Миссис Конвей. О нет, Джеральд, не уходите! Кей и Кэрл готовят чай, и мы все тут мило и уютно проведем время.

Джеральд. По-моему, уже довольно поздно. (Смотрит на часы, пока Хейзел высказывает из комнаты.) Двенадцатый час. Я должен идти. У меня завтра утром назначено деловое свидание, а сегодня надо еще успеть просмотреть некоторые дела. Так что... (Слегка улыбается.)

Входит Кей, неся в руках ножки от складного восточного столика. Она ставит их на пол и оборачивается к Джеральду; миссис Конвей раскладывает столик.

До свидания, Кей! Благодарю вас за очень милый вечер. И надеюсь, что теперь, когда вы стали совсем взрослой, вы будете счастливы.

Кей (с легкой улыбкой). Благодарю вас, Джеральд. Вы думаете, я буду счастлива?

Джеральд (*улыбка внезапно исчезает*). Я не знаю, Кей. Право, не знаю. (*Снова улыбается и прощается с ней за руку. Кивает и улыбается Хейзел, которая входит с чайным подносом.*)

Миссис Конвей. Нет, я провожу вас, Джеральд.

Оба уходят. Хейзел и Кей во время разговора расставляют посуду.

Хейзел. Я всегда думала, что гораздо веселее быть женщиной, чем мужчиной.

Кей. Не уверена. Иногда кажется, что мужчины безнадежно тупы. Как деревянные. А порой кажутся забавными.

Хейзел (*с несвойственной ей серьезностью*). Кей, вот сейчас, в эту самую минуту, я хотела бы не быть девушкой. Хотела бы быть мужчиной, одним из этих мужчин, с красным лицом и громким голосом, которым совершенно все равно, что люди о них говорят.

Кей (*смеясь*). Может быть, им все-таки не все равно.

Хейзел. Я бы хотела быть одним из тех, кому все равно.

Кей. К чему ты это?

Хейзел качает головой. Входят Керол и Алан, неся чайные принадлежности.

Керол. Алан говорит, что он хочет пойти спать.

Кей. Ах нет, Алан! Не порти нам удовольствия!

Алан. Каким образом?

Кей. Тем, что ты пойдешь спать. Это мое рождение, и ты не смеешь уходить, пока я тебя не отпущу.

Керол (*строго*). Совершенно правильно, Кей. (*Идет к Алану.*) Это потому, что мы очень-очень любим тебя, Алан, хоть ты и ужасный чурбан. И ты должен закурить свою трубку для уюта! (*Ко всем.*) Робин и Джоан милуются сейчас в столовой. Я предвижу, что они доставят нам массу хлопот.

Кей (*пока Хейзел и Керол усаживаются*). Если бы вам случилось влюбиться в кого-нибудь, как бы вы предпочли — чтобы это было дома или где-нибудь в другом месте?

Хейзел. В другом месте. Дома слишком обыкновенно. Где-нибудь на яхте, или на террасе в Монте-Карло, или на острове в Тихом океане. Чудесно!

Кэрол. Слишком много захотела зараз. Жадина!

Хейзел (*холодно*). Да, я жадная.

Кэрол. Это уж точно. (*Остальным.*) Вчера утром она принимала ванну, читала «Зеленый плащ» и ела шоколад с орехами!

Кей (*которая сидела задумавшись*). Нет, влюбиться здесь, дома, — совсем не обыкновенно. Я думаю, это было бы самое лучшее. Представь себе, что ты вдруг несчастлива. А быть влюбленной и несчастной где-то за сотни миль, в чужом доме, — вот это ужасно! (*Внезапно умолкает, вздрагивает.*)

Кэрол. Кей, что с тобой?

Кей. Ничего. Меня просто дрожь пробирает.

Кей резко отворачивается от них и идет к окну. Хейзел смотрит на нее (остальные двое — тоже), затем, подняв брови, бросает взгляд на Кэрол, которая строго покачивает головой. Входит миссис Конвей и с удовольствием глядит на чайный стол.

Миссис Конвей (*весело*). Ну, а теперь давайте пить чай, и нам будет хорошо всем вместе! Где Робин?

Кэрол. Флиртует с Джоан в столовой.

Миссис Конвей. О, разве Джоан еще не ушла? Я в самом деле думаю, что она могла бы оставить нас одних. В конце концов, это ведь первый раз, что мы собрались все вместе здесь, в доме, — за сколько времени? — по крайней мере за три года. Я разливаю. Иди, Кей! Что с тобой?

Кэрол (*многозначительным шепотом, серьезно*). Шш! На нее нашло.

Кей оборачивается. Вид у нее довольно измученный. Мать смотрит на нее с заботливой улыбкой. Кей удается улыбнуться в ответ.

Миссис Конвей. Вот это лучше, дорогая. Ты у меня чудная, дитя мое, правда?

Кей. Нисколько, мама. Где Мэдж?

Алан. Она пошла наверх.

Миссис Конвей. Поди, милый, к ней и скажи, что мы все здесь, собираемся пить чай, и попроси ее хорошенько, дорогой,— особенно от меня — спуститься к нам.

Хейзел *(скорее, про себя)*. Держу пари, что она не придет.

Алан уходит.

Миссис Конвей *(начинает разливать чай)*. Совсем как в прежние времена. Правда ведь? Кажется, что мы так долго ждали этого. Мне надо бы снова погадать сегодня.

Хейзел *(с жаром)*. О да, мама, пожалуйста!

Кей *(довольно резко)*. Нет!

Миссис Конвей. Кей! В самом деле! Ты, может быть, чересчур взволнована сегодня!

Кей. Нет, не думаю. Прости, мама, мне как-то очень неприятно показалось, что ты сегодня будешь возиться с картами.

Я никогда особенно этого не любила.

Кэрол *(торжественно)*. Я верю, что исполняется только плохое.

Миссис Конвей. Нисколько! Вы помните, как я предсказала Мэдж гертонский диплом? Я ведь говорила, что она его получит, правда? И я всегда уверяла, что Робин и Алан вернутся домой. Я ясно видела это по картам.

Входят Джоан и Робин.

Джоан. Я... я думаю, мне пора идти, миссис Конвей. *(Порывисто, Кей.)* Большое тебе спасибо, Кей! Это был самый замечательный день в моей жизни. *(Внезапно целует ее с большим чувством, затем торжественно смотрит на миссис Конвей, которая обдумывает создавшееся положение.)* Я действительно чудесно провела время, миссис Конвей. *(Стоит совсем рядом с ней.)*

Миссис Конвей испытующе смотрит на нее. Джоан храбро, хотя и с некоторым смятением, выдерживает ее взгляд.

Робин. Ну, мама?

Миссис Конвей смотрит на него, затем — на Джоан и неожиданно улыбается. Джоан улыбается ей в ответ.

Миссис Конвей. Так вы это серьезно, дети?

Робин (пылко). Да ну конечно же!

Миссис Конвей. Джоан?

Джоан (очень торжественно, волнуясь). Да.

Миссис Конвей (с видом побежденной). Я думаю, ты выпьешь с нами чашку чая, не правда ли?

Джоан (порывисто обнимает и целует миссис Конвей). Я очень счастлива!

Кэрол (громко, весело). Чай! Чай! Чай!

Передают друг другу чашки и т. п. Входит Алан.

Алан. Мэдж говорит, что слишком устала, мама. (*Усаживается рядом с Кей.*)

Миссис Конвей. Ну, я думаю, мы мило проведем время и без Мэдж. Кей могла бы прочесть нам что-нибудь из нового романа, который пишет...

Одобрительные восклицания со стороны Джоан и Робина, недовольна лишь Кейзел.

Кей (*в ужасе*). Нет, нет, не могу, мама!

Миссис Конвей. Не понимаю — почему? Когда касается меня, то ты считаешь, что я должна петь для вас всегда, когда вам хочется.

Кей. Это другое дело.

Миссис Конвей (*обращаясь главным образом к Робину и Джоан*). Кей всегда окружает такой торжественностью и таинственностью свое писание... как будто она стыдится его.

Кей (*храбро*). Я и стыжусь... в известном смысле. Я знаю, что оно еще недостаточно хорошо пока. По большей части оно глупо, глупо, *глупо!*

Кэрол (*с негодованием*). Это неправда, Кей!

Кей. Нет, правда, мой ангел! Но оно не всегда будет таким. Оно *должно* стать лучше, если я только буду продолжать. И тогда вы увидите...

Джон. Так ты этим и хочешь заняться, Кей, — только писать романы и всякие такие вещи?

Кей. Да. Но просто писать — это еще ничего не значит. Суть в том, чтобы писать хорошо — уметь чувствовать и быть искренней. Почти никто не обладает тем и другим одновременно, в особенности женщины-писательницы. Но я попытаюсь и стану такой. И что бы ни случилось, я никогда, никогда не буду писать иначе, как только то, что я *хочу* писать, что я чувствую как подлинно свое, глубокое. Я не буду писать только затем, чтобы угодить глупым людям, или ради денег. Я буду... (*Внезапно умолкает.*)

Остальные выжидающе смотрят.

Алан (*подбадривая ее*). Продолжай, Кей!

Кей (*смущенно, растерянно*). Нет... Алан... я кончила... Или если я собиралась еще что-то сказать, то забыла — что... Ничего особенного...

Миссис Конвей (*не слишком озабоченно*). Ты уверена, что не переутомилась, Кей?

Кей (*торопливо*). Нет, мама. Правда!

Миссис Конвей. Я вот думаю, что будет с тобой, Хейзел, когда Кей станет знаменитой писательницей? Может быть, один из твоих майоров или капитанов явится за тобой.

Хейзел (*спокойно*). И совершенно напрасно! Искренне, я предпочла бы, чтобы никто из них не являлся.

Робин (*поддразнивая*). Она думает, что может сделать гораздо лучшую партию.

Хейзел (*спокойно*). Я знаю, что могу. Я выйду замуж за высокого, довольно красивого мужчину, лет на пять или на

шесть старше меня, у которого будет много денег, он будет любить путешествовать. И мы с ним объездим весь мир, но у нас будет свой дом в Лондоне.

Миссис Конвей. А как же бедный Ньюлингхем?

Хейзел. Мама, я ни за что не соглашусь провести всю жизнь здесь. Я лучше умру. Но ты будешь приезжать и гостить у нас в Лондоне, и мы будем давать вечера, чтобы люди могли приходить и любоваться на мою сестру Кей Конвей, знаменитую писательницу.

Робин (*дурачась*). А насчет вашего братца Робина, знаменитого — ну, знаменитого такого или сякого, — тоже будьте уверены.

Джон (*слегка поддразнивая*). Ты ведь еще не знаешь, что ты будешь делать, Робин!

Робин (*хвастливо*). Ну, дайте мне только срок! Я всего двенадцать часов как освободился от армии. Но я, черт возьми, чего-нибудь да добьюсь! И никаких разговоров о том, чтобы «начинать с нижней ступеньки лестницы», и всякой такой чепухе! Сейчас такое время, когда молодым людям предоставляются все возможности, и я уж своего не упущу. Вот увидите!

Миссис Конвей (*с комической тревогой, хотя, по существу, не без серьезности*). Уж не вздумаешь ли и ты бежать из Ньюлингхема?

Робин (*хвастливо*). О... насчет этого я пока ничего сказать не могу. Начать можно и здесь: в этом городишке стараниями милейших подлецов спекулянтов завелись кое-какие деньги, а нас тут, слава богу, знают, так что это могло бы помочь... Но я не гарантирую, что пушу корни в Ньюлингхеме, не бойся! Ты не удивляйся, Хейзел, если я окажусь в Лондоне раньше тебя. И также раньше тебя, Кей. И буду делать большие деньги. (*Хейзел.*) Может быть, больше, чем этот твой высокий, красивый парень.

Кэрол (*резко, подчеркнуто*). У Хейзел всегда будет много денег.

Миссис Конвей (*забавляясь*). Откуда ты знаешь, Кэрол?

Кэрол. Просто знаю. На меня это вдруг снизошло.

Миссис Конвей (*все еще забавляясь*). Вот так раз! Я думала, что пророчица в этом семействе — я. Пожалуй, будет не совсем благородно, если я отправлю мою соперницу спать.

Кэрол. Еще бы! Но я вам скажу другую вещь. (*Внезапно указывает на Алана.*) Алан — вот счастливец.

Робин. Старина Алан?

Алан. Я... знаешь, Кэрол... я думаю... ты ошибаешься.

Кэрол. Я не ошибаюсь. Я знаю.

Миссис Конвей. Ну, это уж слишком! Мне принадлежит право *знать* в этом доме. Подождите минутку! (*Закрывает глаза, затем полушутливо-полусерьезно.*) Слушайте. Я вижу Робина — он носится повсюду, зарабатывает массу денег, становится очень важным и даже помогает некоторым из вас. С ним — верная молодая жена. И Хейзел, конечно, — она очень важная. У нее муж — высокий и *очень* красивый, почти такой, каким она его представляет. Кажется, он получает титул.

Робин. О честолобие!

Миссис Конвей. Я не вижу, чтобы Мэдж вышла замуж, но зато она очень скоро станет начальницей большой школы и одной из тех женщин, которые заседают во всяких комитетах и ездят в Лондон давать показания, — она этим очень счастлива и все такое.

Робин. Бьюсь об заклад, что так и будет с нашей славной Мэдж!

Миссис Конвей (*весело*). Я буду приезжать к ней в гости — *очень* важно, мамаша начальницы, — и другие учительницы будут приходить обедать и будут *очень* почтительно слушать, как я рассказываю о моих детях...

Джон (*счастливая, восхищенно*). О, миссис Конвей! Я так и вижу все это. Вы будете чудесно проводить время.

Миссис Конвей (*в том же настроении*). Потом — Кэрол.

Ну, разумеется, Кэрол пробудет со мной еще много лет...

Кэрол (*возбужденно*). Я не уверена в этом. Я еще точно не

решила, что я буду делать. Есть столько всяких возможностей.

Дж о а н. О, Кэрол, я думаю, ты могла бы пойти на сцену! Кэр о л (*с возрастающим возбуждением*). Да, я могла бы, конечно, и я часто думала об этом. Но я не хотела бы полностью отдаться сцене. В промежутках между выступлениями я хотела бы писать картины — просто так, для себя, мазала бы как сумасшедшая, изводила бы массу, массу самых ярких красок, тюбик за тюбиком, киноварь, и королевскую синюю, и изумрудно-зеленую, и желтую, и кобальт, и китайскую белую. А потом, хорошо бы мастерить себе всякие удивительные платья. И пурпурные плащи. И черные крепдешиновые рубашки, вышитые оранжевыми драконами. А готовить! Да, разные соусы, и пряники, и блины. А сидеть на вершинах гор и спускаться по рекам в лодках! Дружить со всевозможными людьми! Я поселилась бы вместе с Кей в Лондоне, в квартире или в маленьком домике, и Алан приезжал бы к нам гостить и курил бы свою трубку, и мы говорили бы о книгах и высмеивали смешных людей, а потом поехали бы за границу...

Р о б и н (*кричит*). Стоп, стоп, тише!

М и с с и с К о н в е й (*забавляясь, любовно*). Как только удастся тебе все это, милая моя дурочка!

Кэр о л (*возбужденно*). Я уж как-нибудь совмещу. Главное — это жить. Не нужно мне ни денег, ни положения, ни титулованных мужей, ни всякой там дребедени — *только жить*.

М и с с и с К о н в е й (*заразившись общим настроением*). Хорошо, дорогая! Но, где бы вы ни были, вы все, и чем бы вы ни занимались, вы будете сюда иногда возвращаться. Правда ведь? Я буду приезжать и навещать вас, но вы все тоже будете приезжать и навещать меня, все вместе, может быть, с женами и мужьями и вашими собственными милыми детишками, не богатые, или знаменитые, или еще какие. но просто вы сами, вот как сейчас, радуясь нашим старым, глупым шуткам, порой играя в те же старые, глупые иг-

ры, — одна большая, счастливая семья. Я вижу, как мы все снова здесь...

Кей (*с ужасным криком*). Не надо! (*Стоит, глубоко взволнованная.*)

Остальные смотрят на нее в немом изумлении.

Миссис Конвей. Кей, что с тобой?

Кей, все еще взволнованная, начинает плакать. Остальные обмениваются недоуменными взглядами.

Кэрол (*спешит к ней, полная нежности, и обнимает ее одной рукой; с торжественностью ребенка*). Я не хочу заниматься всеми этими вещами, Кей, право, не стану. Я буду с тобой и буду заботиться о тебе, где бы ты ни была. Если ты не захочешь, я никогда тебя не покину. Я буду заботиться о тебе, дорогая.

Кей перестает плакать и смотрит на Кэрол недоумевающим, задумчивым взглядом. Кэрол возвращается на свое место рядом с матерью.

Миссис Конвей (*с упреком, но нежно*). В самом деле, Кей, — что случилось?

Кей (*качает головой, затем очень серьезно смотрит на Алана; стараясь овладеть какой-то мыслью*). Алан... пожалуйста, скажи мне... я не могу этого вынести... а есть что-то... что-то... что ты мог бы сказать мне...

Алан (*пораженный, взволнованный*). Прости меня, Кей! Я не понимаю. Что это?

Кей. Что-то, что ты знаешь... что изменило бы все... дало бы возможность перенести. Или ты еще не знаешь?

Алан (*заикаясь*). Нет... я... не понимаю...

Кей. Ах, Алан, поспеши, поспеши! А потом скажи мне... утешь меня! Там было... что-то из Блейка... (*Смотрит на него, затем с усилием вспоминает, отрывисто.*)

«Боль... и радость, чередой

Ткут покров... души людской...»

Я тоже знала эти стихи. Как они кончались? *(Снова вспоминая.)*

«Верный... в жизни... путь найдем...

Если это... мы пойдем —

Верный в жизни путь найдем».

(Снова готова расплакаться, но овладевает собой.)

Миссис Конвей *(почти шепотом)*. Чрезмерное возбуждение! Я должна была это знать. *(Кей, решительно, весело.)*

Кей, дорогая моя, ты слишком переволновалась сегодня.

Тебе лучше лечь теперь, дорогая, а Кэрол принесет теплого молока. Может быть, дать аспирина, а?

Кей, несколько придя в себя, качает головой.

У тебя все прошло теперь, не правда ли, дорогая?

Кей *(приглушенно)*. Да, мама, прошло. *(Отворачивается, идет к окну и, раздвинув портьеры, смотрит наружу.)*

Миссис Конвей. Я знаю лекарство, оно уже раз помогало.

Робин, пойдем со мной!

Джоан *(беспомощно)*. Мне, наверное, следует уйти?

Миссис Конвей. Нет, Джоан, останься еще на минутку

Робин! *(Уходит с Робинем.)*

Кэрол *(шепотом, направляясь к дверям)*. Она будет петь, и я знаю что. *(Выключает свет и садится рядом с Хейзел и Джоан.)*

Три девушки образуют группу, освещенную неярким, но теплым светом, проникающим из холла. Очень тихо доносятся начальные аккорды «Колыбельной песни» Брамса. Алан присоединяется к Кей у окна, его лицо, как и ее, освещено лунным светом.

Алан *(спокойно, под музыку)*. Кей!

Кей *(спокойно)*. Да, Алан?

Алан. Придет время... и я сумею... сказать тебе... Я постараюсь... я обещаю.

Лунный свет через окна освещает Алана, который смотрит на Кей серьезным взглядом. Когда песня начинает звучать яснее и громче, Кей в ответ улыбается ему. Затем огни меркнут, и очень скоро три девушки — не более как призраки, вся комната погружается в темноту, в лунном свете видны лица только Кей и Алана. Наконец остается едва заметное мерцание. Конвеев нет, занавес опустился, пьеса окончена.

MYSTERY AT GREENFINGERS

A Comedy of Detection

1938

**Таинственное
происшествие в отеле
"Гринфингерс"**

*Детективная
комедия*

Перевод П. Мелковой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке появления на сцене)

АРНОЛЬД ДЖОРДАН.

ЭДНА СЭНДАРС.

КИТ ХЕНЛИ.

ЭЛЕН ТЕННЕНТ.

СЭЛЛИ ФИЛИПС.

КЛАРА ПЭККЕР

РОЗА ХИТОН.

ФРЕД ПУЛ.

РОБЕРТ КРАУТЕР

МИСС ТРЕЙСИ.

Место действия — одно из служебных помещений в большом отеле «Гринфингерс», расположенном в Скалистом крае.

Время действия:

Действие первое — мартовский вечер, примерно за две недели до пасхи.

Действие второе — следующее утро.

Действие третье — тот же день, после полудня.

Замечания по поводу действующих лиц

- МИСС ТРЕЙСИ — старая дева почтенного возраста, дама со средствами, из Стортон в Глостершире. Жизнерадостная, умная, прямолинейная, с несколько резкой, отрывистой речью. Одета все время в строгий дорожный костюм.
- ЭЛЕН ТЕННЕНТ — около двадцати пяти лет, привлекательная, с приятными манерами. В отеле ведет организацией спортивных и других развлечений. Одета в зимнее платье спортивного покроя. Желательно — блондинка.
- ЭДНА СЭНДАРС — бухгалтер и секретарь, двадцати семи — двадцати восьми лет; желательно — с гладко причесанными темными волосами. Иногда надевает очень модные очки. Весьма решительная и острая на язык. Одета в элегантное темное платье.
- МИССИС ХИТОН (РОЗА) — заведует персоналом отеля. Около тридцати пяти лет, довольно красива, сдержанна, деловита, замкнута; хорошо владеет собой. Одета в служебную форму отеля — эффектный черный костюм.
- СЭЗЛИ ФИЛИПС — одна из наиболее опытных горничных отеля. Около двадцати семи лет, резковата, многоопытна, цинична. Очень привлекательна. Одета в достаточно элегантную форму горничной.
- КЛАРА ПЭККЕР — горничная. Моложе и гораздо менее умудренная опытом, чем Сэзли. Одета в такую же форму. Простодушное, добросердечное создание.
- КИТ ХЕНЛИ — помощник управляющего отелем. Около двадцати восьми лет. Обаятельный молодой человек приятной наружности, из хорошей семьи. Любит свою работу. Одет в обычный элегантный костюм, а не в черный пиджак, который будет для него обязательным после открытия отеля.
- АРНОЛЬД ЖОРДАН — один из главных поваров отеля. Около сорока пяти лет. Желательно — рослый и довольно толстый. Наполовину француз и говорит с легким французским акцентом, грассируя. Благожелателен, весел, но вспыльчив. Одет в обычный хороший костюм, но один раз может появиться в поварском колпаке и фартуке.
- ФРЕД ПУЛ — бармен отеля. Около тридцати лет. Очень выхощенный и франтоватый; небрежной американской манерой произношения маскирует свой природный кокни. Одет франтовато, но вместо обычного пиджака носит белую форменную куртку бармена.
- РОБЕРТ КРАУТЕР — детектив на службе Компании, владеющей отелями. Бывший офицер Скотланд-Ярда. Около пятидесяти лет. Желательно — высокий, грузный, с военной выправкой. Несмотря на штатский костюм, громкий голос и грубые манеры выдают в нем самоуверенность бывшего полицейского.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Место действия пьесы — одно из служебных помещений большого отеля «Гринфингерс» в Скалистом крае.

Это прямоугольная чистая комната с немногочисленной современной мебелью и совершенно безликая, как все подобные комнаты.

В ней нет окон на улицу, и она, очевидно, вентилируется искусственно; вдоль всей левой стены, примерно на высоте двух метров, тянется стеклянная матовая панель, через которую в комнату проникает свет из коридора. Спереди слева — дверь, ведущая в основные помещения отеля. Напротив справа — дверь на кухню и в другие служебные помещения. В комнате стоит большой стол, несколько легких стульев и небольших кресел. На стене слева над маленьким столиком висит доска с различными объявлениями и «Правилами для служащих отеля», рядом — стенд для корреспонденции с несколькими письмами в ячейках. В рамке на правой стене — инструкция с заголовком «В случае пожара». Все деревянные декорации должны быть выкрашены очень светлой краской. Целесообразно использовать в убранстве стекло, хромированный металл и т. д., чтобы подчеркнуть, что отель весьма современен. Освещение простое и яркое. Пол покрыт коричневым линолеумом или чем-либо в этом роде. В целом комната должна производить впечатление заново отделанной, чистой, светлой, но голой и неуютной.

При поднятии занавеса мы слышим, как оперный тенор

поет в полный голос. *Джордан* стоит у задней стены справа. Можно подумать, что это он поет с таким глубоким чувством — хотя в действительности он только изображает оперного певца, открывая рот и жестикулируя. На столе с пятью приборами — остатки ужина. *Эдна Сэндарс* занимает место у дальнего конца стола, недалеко от *Кита*, который сидит слева. *Элен* — с той стороны стола, которая ближе к зрителям. *Сэлли* и *Клара* убирали со стола, но прервали это занятие, чтобы поглядеть на представление, которое устраивает *Джордан*. Они стоят, посмеиваясь: *Сэлли* — у буфета, а *Клара*, с полным подносом, — у двери справа. Все они забавляются. *Эдна* и *Кит* курят. *Джордан* продолжает свое «выступление», пока слева не появляется *миссис Хитон*. Она презрительно смотрит на него и останавливается; встретившись с ней взглядом, *Джордан* резко обрывает свое «пение», смущается и отходит в сторону — и тогда видно, что за его спиной, по центру задней стены, стоит радиоприемник. *Джордан* поворачивается и, чтобы скрыть замешательство, быстро выключает ту станцию, которая передавала арию, и начинает крутить ручки приемника. *Сэлли* снова принимается убирать со стола; *Клара* выходит через правую дверь.

Миссис Хитон (презрительно). Простите, что прервала ваше выступление, мистер *Джордан*.

Его спина достаточно красноречива, но он не отвечает.

Эдна (ядовито). И очень правильно сделали, миссис *Хитон*. Мы уже было почти развеселились. Еще минутка — и раздался бы хохот. Кто-то же должен быть на страже, не так ли?

Миссис Хитон (спокойно). Я в отеле, чтобы выполнять свои обязанности, мисс *Сэндарс*. А сюда зашла, чтобы попросить вас подняться в бельевую. Я хочу, чтобы вы проверили мои подсчеты.

Джордан сидит в кресле и читает «Радио-таймс».

Э д н а (*ворчливо*). В такой поздний час? Помилуйте! Я целый день только и знаю, что проверяю разные подсчеты, и чуть не до смерти замерзла.

К и т (*протестуя*). Неужели вы сегодня еще собираетесь работать, миссис Хитон?

Справа входит Клара с пустым подносом.

М и с с и с Х и т о н. К сожалению, я вынуждена, мистер Хенли.

Джордан, не вставая, начинает настраивать приемник.

У нас просто катастрофически недостает очень многого, а мистер Чедвик специально просил как можно скорее сообщить ему, что именно мне нужно.

Э д н а (*медленно поднимаясь*). Ну, так и быть! Но если я здесь умру от воспаления легких, вы уж переправьте мой труп в город, ладно?

Э л е н (*мягко*). У меня для вас тоже есть кое-какие подсчеты, мисс Сэндарс. Но я могу принести их вам попозже.

Э д н а (*направляется к левой двери, шутиливо-грубовато*). А сами вы не можете сказать им, что вам не хватает двух шариков для пинг-понга и карточного столика?

К и т (*она его раздражает*). Ну, хватит.

Э д н а. И в самом деле. (*Собирается выйти, когда по радио начинают передавать новости.*)

Джордан подходит к приемнику и, не отрывая от него взгляда, закуривает сигарету. Эдна останавливается, чтобы послушать.

Г о л о с д и к т о р а (*вкрадчиво*). ...сохраняются авторские права. О погоде.

Диктора душит кашель.

С э л л и (*прерывая уборку, чтобы послушать*). Так что там о погоде?

Г о л о с д и к т о р а. Прошу прощения. Продолжается снегопад в северной и центральной части страны. Большие заносы

в Озерном крае, Северном Йоркшире и Скалистом крае. Почтовое ведомство сообщает, что в графствах Уэстморленд, Камберленд и Дербшир вышли из строя некоторые телеграфные и телефонные линии. Ассоциация автомобилистов рекомендует всем водителям, планирующим поездки в гористые местности центральных и северных районов, наводить справки о состоянии дорог, прежде чем сворачивать на них с главных магистралей. Это самый сильный мартовский снегопад из всех зарегистрированных за последние пятьдесят лет... Румыния. Правительственный кризис в Румынии...

Э д н а *(громко)*. Нет, Румынии не надо!

К и т. Выключите, Арнольд.

Д ж о р д а н *(выключает приемник и садится на стул; с шутовским отчаянием)*. Снег все валит и валит! А они еще думают, что не пройдет и двух недель, как их отель откроется!

Э д н а. К этому времени нас как раз придется откапывать. Или высылать на розыски сенбернаров.

К и т. Надеюсь, наша телефонная линия в порядке? Кто-нибудь сегодня звонил отсюда?

Д ж о р д а н. Этот инженер, как его... Бертон звонил утром, перед самым отъездом. Я был тут с ним.

Э д н а. Вероятно, это был последний голос, который услышали из отеля «Гринфингерс».

М и с с и с Х и т о н. Пойду проверю. *(Выходит в левую дверь.)*

Клара и Сэлли стоят у буфета.

С э л л и. Мистер Хенли, я пару раз выглядывала в окно — метет так, что ничего не видно.

К л а р а *(поддерживая ее)*. Ой, правда, я никогда не видала столько снега.

Х е н л и *(со смехом, обращаясь главным образом к Киту)*. Нам придется заняться зимними видами спорта. *(Идет к столу направо.)*

К и т. Превосходная мысль! Ну что ж, очень может быть, что в Англии из всех больших отелей наш — самый высокогорный. Почти полторы тысячи футов над уровнем моря.

Э д н а. И только-то? А кажется, что все пятнадцать.

С э л л и *(убирая очередную тарелку, саркастически)*. Да, держу пари, что зимой здесь прохладно.

К л а р а *(наивно)*. А сейчас ведь и есть зима, разве нет?

С э л л и. Ничего-то от тебя не скроешь, ну просто ничего! *(Выходит в правую дверь.)*

К л а р а идет за ней. Слева входит миссис Хитон, вид у нее явно подавленный.

К и т. Ну как, миссис Хитон?

М и с с и с Х и т о н. Телефон молчит.

К и т. Вы уверены?

М и с с и с Х и т о н. Да. Наверно, что-то случилось на линии. Вы готовы, мисс Сэндарс?

Э д н а *(задвигая свой стул)*. Вы что, все еще собираетесь продолжать свою инвентаризацию?

М и с с и с Х и т о н. Почему бы нет?

Э д н а *(драматически)*. Занесены снегом! Отрезаны от мира! А мы пересчитываем простыни и наволочки. *(Выходит вместе с миссис Хитон в левую дверь.)*

Д ж о р д а н, сгорбившись на стуле, угрюмо курит и тяжело вздыхает. Э л е н, которая теперь стоит позади маленького столика, берет газету.

Д ж о р д а н. Кит, друг мой, я говорил вам, что это скверное место.

К и т. В прошлом сезоне дела у нас тут шли неплохо.

Д ж о р д а н *(с притворным отчаянием)*. В этом сезоне нас не найдут до конца июня. И что скажет старый Марини, когда окажется здесь после Борнмута и обнаружит, какую кухню ему подсунули: восемь миль от железной дороги, снабжение никуда не годится, все продукты приходится заказывать заранее,— да он же просто сбежит к себе в Италию и попытается счастья у Муссолини. Он самый лучший шеф-повар из всех, что работают в отелях этой Компании. А я — луч-

ший после него. С тем же успехом они могли отправить нас в Гренландию.

К и т. Вот так так! А Чедвик сказал мне, что вы специально просили направить вас сюда на этот сезон.

Д ж о р д а н (*мрачно, переходя к правой стороне стола*). Это потому, Кит, что я болван. Не бывает такого года, чтобы я не отколол какой-нибудь дурацкий номер. В этом году я отколол его раньше обычного. Я попросился сюда.

Слева входит Ф р е д П у л. Он несет бутылку, обернутую в папиросную бумагу.

Ф р е д (*передавая бутылку*). Пожалуйста, мистер Джордан. По-моему, это именно то, что вы хотели. Запишите ее на свой счет?

Джордан у буфета расписывается на счете

К и т (*Элен*). Это Фред, лучший бармен нашей Компании.

Э л е н (*Фреду*). О, мы уже встречались раньше, правда? В прошлом сезоне, когда я приехала помогать миссис Моррисон, вы работали в Каннах.

Ф р е д (*направляясь через сцену к Элен*). Верно. Вы ведь мисс Теннент, не так ли? Как вам тут понравилось? Совсем не то, что в Каннах, а?

Э л е н. Да. Но тут мне впервые представилась возможность поработать самостоятельно, так что я жаловаться не могу. А вот почему вы уехали из Канн?

Ф р е д (*беспечно*). О, мисс Теннент, я, знаете, люблю перемену мест. Много не зарабатываешь, но зато хоть жизнь повидаешь.

Д ж о р д а н (*мрачно, подходя к Фреду*). Как вы считаете, Фред, скоро вам удастся здесь повидать жизнь?

Ф р е д (*ухмыляясь*). У вас, мистер Джордан, полна бутылочка, так что вы-то увидите все, что только пожелаете.

К и т. Эй, а что там у него в бутылке?

Д ж о р д а н (*многозначительно*). Старый ром. Очень старый ром.

К и т (*с комическим ужасом*). Поосторожнее, старина!

Джордан. Когда все так плохо, что хуже некуда, я предпочитаю старый ром. Вот сейчас обойду еще разок эту кухню, а потом напьюсь до потери сознания. *(Идет к двери направо.)*

Кит. Если дела хоть наполовину так плохи, как вы говорите, лучше подготовьте мне полный отчет к утру.

Джордан. Я напишу его ромом, кровью и слезами. *(Выходит в правую дверь.)*

Фред. Мистер Хенли, тут нет и половины напитков, которые мне понадобятся. Пожалуй, с утра мне надо дозвониться до главной конторы.

Кит. Если сможете.

Фред. А почему бы нет?

Кит. Телефонная линия, по-видимому, повреждена. Ни до кого никак не можем дозвониться. И я не удивлюсь, если к утру нас занесет снегом.

Фред присвистнул.

Элен *(смеясь)*. Вы еще не успели пожалеть, что уехали из Канн?

Фред. Успел, мисс Теннент. В кладовой и баре зверский холод. Пришлось надевать пальто. Мистер Хенли, не можем ли мы включить там отопление?

Кит. Нет, Фред, не можем. Котельная не работает. *(Направляясь к Элен.)* Бертон утром поехал за какими-то новыми деталями.

Входит Сэлли в сопровождении Клара. Фред идет к левой двери.

Сэлли *(просияв)*. Хэлло, Фред!

Фред. Сэлли Филипс! Ну как? Держимся еще?

Сэлли. Держалась, пока меня сюда не занесло. *(Кларе, многозначительно.)* Это Фред,

Клара *(на нее это произвело впечатление)*. Ой, я так много слышала про вас.

Фред. Ну, не всем слухам верьте. Так ведь, мистер Хенли?
(Рисуясь, эффектным жестом вынимает сигарету, ловко прикуривает от зажигалки, кивает всем, подмигивает и выходит в левую дверь.)

Клара и Сэлли провожают его взглядами глубочайшего восхищения, а затем медленно возвращаются к уборке и занимаются ею в течение всего последующего диалога.

Кит *(Элен)*. Все же вам не следовало приезжать сюда так рано...

Элен *(улыбаясь)*. Это, знаете, не очень приятно слышать...

Кит *(поспешно)*. О, я имел в виду... конечно, я-то страшно рад, что вы приехали...

Элен. Почему — конечно?

Кит *(сердечно, но несколько смущенно)*. Ну, я хотел сказать, что надеялся видеть вас как можно чаще. Ваше присутствие — для меня здесь единственный луч света. Но я беспокоюсь за вас. Тут масса неудобств, на месте только часть персонала, и вам пока, вероятно, попросту нечем заняться.

Элен. Да, вы, наверное, правы, но мне не терпелось приступить к работе, и, когда в главной конторе сказали, что вы выезжаете, я подумала, что тоже поеду и проверю, в порядке ли тут все. И действительно, я уже проделала большую работу — составила списки всего, что есть и чего не хватает.

Кит *(с воодушевлением)*. Прекрасно! Давайте их мне, а уж я позабочусь, чтобы вы получили все необходимое.

Элен *(встает)*. И еще мне пришла в голову блестящая мысль — переоборудовать тот длинный салон в настоящую комнату для игр.

Кит *(подойдя к ней)*. Это как раз то, что нужно. Послушайте, я знаю, что там адский холод, и вы, вероятно, очень устали, но, может быть, вы не откажетесь показать, что именно вам хотелось бы сделать?

Элен. С удовольствием. Подождите-ка, где мой блокнот? С блокнотом я чувствую себя увереннее.

Кит *(следует за ней к левой двери)*. С блокнотом в руках вы производите впечатление.

Они выходят. Сэлли и Клара сразу бросают работу.

К л а р а (*торопливым шепотом*). Видела, как он на нее смотрел?

Ой, тут дело ясное. Парочка что надо, правда?

С э л л и. Да, это уж точно.

К л а р а (*позади стола, медленно складывая салфетки*). По-моему, она очень симпатичная. И он тоже симпатичный.

С э л л и. Ну-ну, тебя послушать, так все вокруг симпатичные.

Уж очень ты доверчива.

К л а р а (*наивно*). Ну и что? А ты разве нет?

С э л л и. Нет, я слишком много повидала. Теперь меня не так-то легко провести. (*Замолкает, а затем, протирая бокал, идет к Кларе.*) Ну а как тебе понравился Фред?

К л а р а. По-моему, он тоже симпатичный.

С э л л и. Да, он парень не промах. Умный. Со всеми любезный — и с важными птицами и с теми, что попроще. К тому же кучу денег загребают.

К л а р а (*мечтательно*). Он женат?

С э л л и. Да вроде нет. Но женщин за ним бегают уйма. Покоя ему не дают. И богачки, что в нашем отеле останавливаются, — тоже. Видала я их у него в баре.

К л а р а (*ошеломленно*). И они тоже за ним бегают?

С э л л и. А как же. Хоть и мы не святые, но кое-кто из этих дамочек еще почище нас будет. (*Возвращается к буфету.*)

К л а р а. А она чем занимается?

С э л л и. Кто? Мисс Теннент?

К л а р а. Да.

С э л л и. Она вроде как гостей принимает. Всех знакомит, спрашивает, не желают ли они сыграть в теннис, или в гольф, или в карты.

К л а р а. А что, они сами не знают, хочется им играть или нет?

С э л л и. Нет, некоторые из них вообще ничего не знают. Полоумные какие-то. Для них вот и строятся такие отели.

К л а р а. И это все, что она делает?

С э л л и. Ну, она крутится весь день и половину ночи — надо же ей знать, не желают ли они потанцевать вечером, — им-то

это и в голову не придет, пока она не спросит. Вот и приходится ей быть любезной, и улыбаться все время, и щебетать (*передразнивая самые светские интонации Элен*): «О да, ах, конечно, безумно весело!..» Обладеть можно!

Миссис Хитон входит через левую дверь и быстро оглядывается вокруг.

Миссис Хитон (*несколько нерешительно, не отходя от двери*). Где мистер Джордан?

Сэлли (*холодно*). Где-то там (*указывает в сторону кухни*) напивается до потери сознания.

Миссис Хитон (*сердито*). Как вы смеете? Что вы этим хотите сказать?

Сэлли. А то, что он сам сказал.

Миссис Хитон бросает на нее яростный взгляд и выходит направо. Сэлли и Клара смотрят ей вслед, затем перешептываются.

Клара (*понижив голос*). Что это с ней?

Сэлли. Откуда я знаю. Видишь, как бывает. Говорят, что из всех администраторов Компании она самая приятная. Моя подружка работала у нее под началом в отеле в Борнмуте, так она уверяла, что лучшей начальницы и пожелать нельзя.

Клара. Не вижу в ней ничего приятного.

Сэлли. «Приятного»! Если она так себя сейчас ставит, когда нас здесь раз-два и обчелся и все держатся по-свойски, какова же она будет, когда соберутся все и работы будет по горло! Совсем житья не даст!

Клара (*словно продолжая мысль*). Заварю-ка я лучше еще чаю.

Сэлли. Ага, давай.

Клара выходит направо. В ту же дверь входит миссис Хитон. В руках у нее бутылка, которую уносил Джордан,

но бумажная обертка разорвана в клочья. Она пересекает комнату и выходит в левую дверь.

(Смотрит ей вслед, потом зовет.) Эй, Клара! Видала, что у нее в руках?

К л а р а (просунув голову в дверь, шепотом). Я не заметила. А что?

С э л л и (победоносно, складывая скатерть). А та самая бутылка, которую унес мистер Джордан. Она ее отобрала у него.

К л а р а (задохнувшись от удивления). Как ей только удалось?

С э л л и. Вот это вопрос. Он не маленький, если бы хотел, постоял бы за свою собственную бутылку.

К л а р а. А между ними ничего нет?

С э л л и. Что-то не замечала. Но она идет и спокойно отбирает у него выпивку...

К л а р а (убежденно). Значит, все-таки что-то есть.

В этот момент через левую дверь входит Э д н а С э н д а р с. Голова К л а р ы скрывается.

Э д н а. Что обсуждаем?

С э л л и (подходя со сложенной скатертью, доверительно). Как миссис Хитон может пойти и отобрать у мистера Джордана его бутылку?

Э д н а (торжественно). Я пас, Сэлли. И каков же ответ? *(Садится у стола.)*

С э л л и. Вот его-то мы и хотим узнать.

Э д н а. О, а я уж решила, что вы придумали непристойную загадку. Куда все подевались? Где Кит Хенли?

С э л л и. У него была очень нежная беседа с мисс Теннент, а потом они отправились смотреть один из салонов. *(Кладет скатерть на буфет.)*

Э д н а (со значением). Сегодня у всех нас был очень долгий и трудный день, не правда ли?

К л а р а просовывает голову в дверь справа.

К л а р а (с волнением). Я слышала машину... Остановилась у служебного подъезда.

С э л л и. Беги скорей туда и погляди.

К л а р а исчезает.

Клара — славная девочка, но будто вчера на свет родилась. Интересно, кто там.

Э д н а. Вероятно, привезли вчерашнее молоко.

Справа входит Дж о р д а н, еще более угрюмый, чем обычно.

Дж о р д а н. Я слышал машину.

Э д н а. Мне самой не раз слышалось...

Дж о р д а н (*подойдя к столу и понизив голос*). Вы не знаете, Фред у себя в кладовой?

Э д н а. Наверно.

Дж о р д а н. Погодите-ка, вы только что работали... э-э-э... с миссис Хитон?

Э д н а. Да, но я сбежала. По-моему, она сейчас наслаждается обществом своих покрывал.

Джордан переходит к левой двери и останавливается перед Эдной.

Хотите повидать ее?

Дж о р д а н (*едва слышно*). Нет, Фреда. (*Уходит через правую дверь.*)

Эдна и Сэлли смотрят друг на друга.

Э д н а. Да, вы правы. Тут какая-то тайна.

С э л л и. Вот видите... Я же говорила...

Э д н а. Да, да, я помню. Почему она отобрала у него бутылку? До сих пор не знаю.

Справа входят К л а р а, страшно взволнованная, и К р а у т е р, одетый в толстое пальто, еще мокрое от снега. Он стряхивает свою шляпу.

К л а р а (*у двери*). Это мистер Краутер.

Э д н а (*узнав его*). Неужто наш собственный детектив? Так и

есть. Чистая работа, мистер Краутер. Я знала, что кто-нибудь нас найдет. Кто же вам помогал? Ищейки?

Краутер (*справа от стола*). По-моему, шуточки подобного рода я уже слышал, или это мне кажется?

Эдна (*вставая и обходя стол, продолжает в той же шутливой манере*). Да, мистер Краутер. Разрешите представиться — Сэндарс. Эдна Сэндарс.

Краутер (*без энтузиазма*). Я помню.

Эдна (*тем же тоном*). В последний раз мы встречались миновавшей осенью в нашем отеле в Борнмуте. Вы желали получить из кассы тридцать пять шиллингов в возмещение ваших расходов, а я отказалась их выдать без письменного распоряжения главной конторы. Мы основательно поспорили...

Краутер (*перебивая ее, сурово*). Ладно, ладно. (*Кларе.*) Мистер Хенли здесь? Ну, так скажите ему, что я тоже здесь.

Сэлли. Сейчас скажу.

Эдна. Нет, давайте я скажу. Мне это доставит больше удовольствия. (*Быстро уходит налево.*)

Краутер (*снимает пальто; Кларе, которая не может оторвать от него глаз*). Как вас зовут?

Клара. Клара Пэккер.

Краутер. Вот что, мисс Клара Пэккер, если вы возьмете мою шляпу и пальто и повесите их там, где они могут просохнуть, а потом принесете мне чашку крепкого, горячего чая, я буду вам весьма обязан.

Клара (*принимая шляпу и пальто*). Я как раз заваривала чай.

Краутер. Вот и умница.

Клара выносит вещи направо. Сэлли идет к правой двери с подносом.

(*Замечает ее.*) Хэлло, мы с вами уже встречались. Где же это было?

Сэлли (*угрюмо*). В Лондоне.

Краутер. Вы имеете в виду наш лондонский отель?

Сэлли неохотно кивает.

Да, да... Погодите-ка... Вы... *(Потирает подбородок, глядя на нее.)*

С э л л и *(подчеркнуто холодно)*. Да, я была в числе пяти горничных, которых вы обвинили в краже шубки.

К р а у т е р. Ага, было такое дело... Пропажа шубки.

С э л л и *(с негодованием)*. Вот именно! И хоть я этой шубки в глаза не видала и не убирала в номере той дамы, что заявила о пропаже, вы впутали меня в это дело вместе с четырьмя другими, а потом все на меня косились.

К р а у т е р *(игнорируя эту вспышку)*. Постойте, постойте... Как же вас звали?

С э л л и *(в дверях, дерзко)*. Вы просто не поверите. Грета Гарбо.
(Выходит.)

Краутер смотрит на дверь и торжествующе кивает, как бы говоря про себя: «Берегись, девочка моя». Крайне изумленный, стремительно входит Кит Хенли.

К и т. Краутер! А вы что здесь делаете?

К р а у т е р. Пытаюсь найти Северный полюс. Во всяком случае, у меня такое впечатление. Но в главной конторе мне поручили добраться сюда и повидать вас всех. Особое задание.

К и т. Да, но мы, знаете, еще не открылись. Персонал не прибыл. Нас здесь всего несколько человек — проводим инвентаризацию и тому подобное. Остальные приедут только через неделю.

К р а у т е р. О, это мне известно. Но я хочу знать точно, кто именно уже здесь.

К и т. Пожалуйста, но в чем дело?

К р а у т е р *(внушительно)*. Пока не могу вам сказать. Но дело серьезное. По пустякам меня не гоняют. Можем мы здесь побеседовать?

К и т. Конечно. Садитесь. *(Указывает на два кресла справа.)*

Оба садятся.

Здесь будет лучше всего. Лучше — потому что по крайней мере тепло. Видите ли, большая котельная вышла из строя. Бертон, наш инженер, сегодня утром уехал. Мы тут попали

в хорошенькую переделку, мистер Краутер. В довершение и телефонная линия, по-видимому, вышла из строя. Никак не можем связаться с телефонной станцией. Весело, правда?

Краутер. Да, ничего хорошего ждать не приходится, дальше будет еще хуже. Снег валит дьявольски, и я черт знает сколько времени сюда добирался на своей машине. Меня не удивит, если через несколько часов вас вообще занесет.

В правую дверь входит Клара с чашкой чаю, которую ставит на стол; затем приносит сахарницу из буфета.

А, спасибо. Именно то, что нужно.

Клара (томно, Кита). А вы не выпьете чашечку, мистер Хенли?

Хит. Нет, спасибо, Клара. Но чайник держите на огне. И прибегите там.

Клара. Да, сэр. *(Идет к правой двери.)*

Краутер. Верно. И пусть нам никто не мешает несколько минут, понятно?

Клара кивает и выходит, закрывая за собой дверь. Краутер подходит к столу, берет чашку и присаживается на угол стола, напротив Кита.

Хит (встает). Вы хотите знать, кто находится здесь сейчас, да?

Краутер (отпивает глоток чаю, а затем вытаскивает записную книжку). Да, я хочу знать, кто здесь находится — и почему.

Хит (конфиденциально). Хорошо. Но сначала я должен объяснить вам, что в этом сезоне мы ждем здесь большого бума. На прошлой неделе шеф сказал мне, что, по их расчетам, этот отель может стать английским «Глениглз». С июня по сентябрь у нас будет играть оркестр, который обойдется им по двести пятьдесят фунтов в неделю. И хотя меня, хвала господу, оставили помощником управляющего, Компания направит к нам своих лучших работников из всех служб. Так что все мы тут взбудоражены.

Во время последующего диалога Кит прохаживается взад и вперед по сцене, а Краутер сидя делает пометки в записной книжке.

Но вы хотите знать, кто сейчас находится здесь. Ну, во-первых, Арнольд Джордан, который будет главным помощником шеф-повара — старого Марини. Он должен доложить о состоянии кухни, а Бертон — о работе котельной. Арнольда вы ведь знаете?

К р а у т е р. Кажется, да. Он француз, так, что ли?

К и т. По-моему, только наполовину. Славный малый. Но как раз сейчас он не в духе.

К р а у т е р. Отчего же он не в духе?

К и т. Понятия не имею. Может, погода его угнетает. И еще, ему не нравится кухня. Затем тут есть мисс Теннент — Элен Теннент. Она отвечает за организацию спортивных и прочих развлечений.

К р а у т е р. Чем же она занимается сейчас?

К и т. О, как бы вам сказать... это ее первая серьезная самостоятельная работа — раньше она всегда была чьей-то помощницей; ей хотелось оглядеться и заблаговременно внести свои предложения. Видите ли, она всей душой предана делу — в отличие от некоторых своих предшественниц. Она просто создана для этой работы.

К р а у т е р. Она в прошлом году работала какое-то время в Каннах?

К и т. Да. Вы ее знаете?

К р а у т е р *(делая пометку в книжке)*. Думаю, что да. Еще кто?

К и т. Миссис Хитон. В ее ведении будет находиться персонал отеля, а в данный момент она выполняет обязанности кастелянши. Очень хороший работник, хотя о себе говорить не любит. Для меня она человек новый, но вы, быть может, встречались с ней?

К р а у т е р *(делая пометку)*. Да, я ее помню.

К и т. Затем есть еще Фред — знаете, в коктейль-баре.

К р а у т е р. Ах вот как, он собирается здесь работать? Но он-то для чего явился так рано?

К и т. Он приехал всего на пару дней, чтобы проверить запасы и освоиться в баре. Говорит, не было случая, чтобы главная контора вовремя обеспечила его всеми диковинными напитками, которые требуются. Вот он и приехал, чтобы потом подстегнуть кого надо. Коктейль-бар в этом сезоне должен дать большие доходы.

К р а у т е р *(делает пометку)*. Он тоже был в прошлом году в Каннах, так ведь? Потом еще эта развязная девица... как же ее имя? Сэндарс? Она, вероятно, бухгалтер?

К и т. Да, она в этом сезоне будет работать здесь. Ее прислали заранее, чтобы помочь нам провести инвентаризацию и подготовить заказы. Она и бухгалтер и секретарь.

К р а у т е р *(делает пометку)*. Слишком бойка на язык. Это всегда за ней водилось.

К и т. Да, мне уже пришлось пару раз ее одернуть. Она нагрубила мисс Теннент, которая вела себя очень тактично, невзирая на то, что не привыкла к подобному обращению.

К р а у т е р. А из горничных вам пока прислали только этих двух?

К и т. Сэлли и Клару? Да. Просто для того, чтобы обслуживать нас и помогать миссис Хитон. О них я мало знаю.

К р а у т е р *(закрывая записную книжку)*. Ну, с ними я сам разберусь. Я знаю эту публику, а с одной из них уже имел дело. И это все?

К и т. Все.

К р а у т е р *(допивая чай)*. Прекрасно. Только никому не говорите, что я прибыл с особым заданием. Если кто-нибудь поинтересуется, скажите, что я заглянул случайно.

К и т *(кивает и идет к правой двери, чтобы позвать кого-нибудь из горничных)*. Сэлли! Клара! Кто-нибудь! Скажите миссис Хитон, что здесь мистер Краутер и что ему нужно приготовить комнату.

К р а у т е р. Желательно теплую.

К и т *(усмехаясь)*. Вот с этим вам не повезло.

Входит Клара, пересекает комнату и выходит в левую дверь.

Ваша машина в порядке?

Краутер. Должна быть в порядке. Я ее подвел прямо к служебному подъезду — знаете это местечко? Кажется, там, под навесом, теплее.

Кит. Да, свою машину я ставлю туда же. И мисс Теннент — тоже.

Слева входит Джордан. Он удивлен, что видит Краутера. Проходит направо к столу.

Джордан. Привет! Не ожидал увидеть вас здесь, мистер Краутер.

Краутер. Я подумал, что тут для меня найдется недорогая комнатка на ночь. Как поживаете, мистер Джордан?

Джордан. Неважно, прямо скажем. *(Отводит Краутера вправо.)* Послушайте... Ведь вы были полисменом...

Краутер. Я почти двадцать лет проработал в Скотланд-Ярде — если, по-вашему, это означает быть полисменом.

Джордан. Именно. В таком случае у меня к вам вопрос. Существует ли какая-нибудь большая, хорошая тюрьма в местечке потеплее этого? Но только не в Дартмуре — там, должно быть, ничуть не лучше, чем у нас.

Кит садится на стол и наблюдает за говорящими — они его забавляют.

Краутер. Что ж, есть еще Паркхерст, на острове Уайт.

Джордан. Это как раз то, что нужно. Предположим теперь, что я совершил преступление и меня поймали, — посадят меня в Паркхерст?

Краутер. Что, хотите попробовать свои силы?

Джордан. Да. На каком-нибудь денежном дельце. Если все сойдет гладко, я сразу удеру на юг Франции или в Аргентину. Если попадусь, меня отправят в Паркхерст на острове Уайт. В любом случае это будет лучше, чем торчать здесь.

Краутер. Еда там будет похуже.

Джордан. Еда! Я слышать не могу о еде. И потом, если уж и окажусь в тюрьме, то меня, скорее всего, сделают шеф-поваром. Думаю, мне понравится готовить для заключен-

ных — все-таки разнообразие. Мне осточертели богачи. Надоело ублажать их жирные утробы.

К и т. О, да вы у нас прямо революционер, Арнольд!

Слева входит Э л е н Т е н н е н т, явно очень возбужденная. Проходя мимо стола, кладет на угол свою сумочку.

Д ж о р д а н. Мисс Теннент, вы выглядите совершенно очаровательно. *(Посылает ей воздушный поцелуй.)*

Э л е н. Благодарю. Это, наверно, потому, что я только что поскандалила.

К и т. Вы, вероятно, уже встречались с мистером Краутером. Он детектив нашей Компании.

Э л е н *(улыбаясь)*. Да, по-моему, мы встречались. Как поживаете?

*Краутер приветствует ее, не двигаясь с места.
Кит подходит к ней.*

К р а у т е р. Как поживаете вы, мисс Теннент? И с кем это вы поскандалили?

Э л е н *(обращаясь больше к Киту)*. После вашего ухода эта девица Сэндарс стала совершенно невыносима. До сих пор я не считала нужным реагировать на ее грубости, поэтому, видимо, она вообразила, что может говорить все, что ей вздумается, и снова принялась за свое. Я взорвалась и осадила ее как следует.

К и т. И правильно сделали.

К р а у т е р. Лично я очень доволен, что эта особа получила хорошую взбучку. Слишком она нахальна.

В левую дверь заглядывает Ф р е д.

Ф р е д *(весело)*. Хэлло, мистер Краутер. Я только что узнал, что вы приехали.

К р а у т е р. Спасался от метели, Фред. *(Подходит и здоровается с Фредом.)*

Джордан присоединяется к Киту и Элен.

Краутер. Как жизнь?

Фред. Могла быть и хуже. Я уж собирался ложиться спать...

Крутился сегодня с утра до вечера — пришлось проверять все.

Краутер. На днях я видел в городе Чарли, вашего старого друга, Фред.

Фред. Неужто Чарли Френсиса?

Краутер. Не угадали. Вам дается еще одна попытка... Впрочем, так или иначе, его посадили на два года.

Фред. В таком случае, мистер Краутер, он не мог быть моим старым другом.

Краутер. Может, и нет, но вы его знаете.

Фред (*с притворным отвращением*). Мне приходится водить знакомство с очень многими. Тем и плоха моя работенка. Не могу позволить себе быть чересчур разборчивым. Кстати, мистер Краутер, если ночью вам станет плохо, то в моем хозяйстве найдется болеутоляющее. А номер моей комнаты — двадцать семь. Спокойной ночи!

Все (*одновременно*). Спокойной ночи!

— Доброй ночи, Фред!

— Всего хорошего!

Фред *выходит в левую дверь.*

Кит (*Краутеру*). Не хотите ли перекусить?

При слове «перекусить» Джордан медленно, крадучись начинает пробираться к правой двери.

Краутер. Вообще-то, я по пути поел. Но перед сном съел бы пару сандвичей. Если, конечно, мистер Джордан не приготовит мне что-нибудь более вкусенькое и аппетитное.

Джордан. «Вкусенькое и аппетитное»! Мистер Краутер, вы начитались женских журналов. «Как приготовить вкусное, аппетитное блюдо за два с половиной пенса для вашего бедного изголодавшегося идиота мужа»! (*Идет к правой двери.*) Вы получите сандвичи, и они не будут ни вкусными, ни аппетитными. (*Выходит.*)

Э л е н (*понижив голос, Киту*). Он всегда такой?

К и т. Не знаю, но похоже, все шеф-повара такие.

К р а у т е р (*убежденно*). Либо злятся, либо хандрят — большинство, во всяком случае. Говорят, что это из-за кухонной жары. И еда им удовольствия не доставляет.

Слева входит миссис Хитон. Она кивает Краутеру.

М и с с и с Х и т о н. Я покажу вам вашу комнату, мистер Краутер.

К р а у т е р. Хорошо, спасибо. Да, у меня еще был чемодан. Наверно, я его где-то оставил. (*Выходит направо, не закрыв за собой дверь.*)

М и с с и с Х и т о н. Метет еще очень сильно, мистер Хенли. Как по-вашему, починят к утру телефонную линию?

К и т. Не думаю. Между нами и телефонной станцией уйма проводов; вряд ли им удастся управиться в такую погоду.

М и с с и с Х и т о н (*безрадостно*). Да, по-видимому, не удастся. (*Подходит к доске объявлений.*)

Э л е н. Мне кажется, вы слишком удручены всем этим, миссис Хитон. Не унывайте.

М и с с и с Х и т о н (*холодно*). К сожалению, я не вижу оснований для веселья.

К и т. Вы в таком же дурном настроении, как Арнольд Джордан. Он тоже хандрит.

М и с с и с Х и т о н (*холодно*). В самом деле? Очень рада это слышать.

Э л е н (*с упреком*). О, миссис Хитон! Не надо злорадствовать.

М и с с и с Х и т о н (*холодно*). Я не злорадствую.

В левую дверь заглядывает Клара. Она задыхается от волнения.

К л а р а. Там... (*У нее перехватывает дыхание.*)

Все уставились на нее.

К и т (*насмешливо*). Где?

К л а р а. Кто-то звонит у главного подъезда. Звонит и звонит!

Справа входит Краутер с чемоданником в руках.

Краутер. Что тут происходит?

Кит. Кто-то пытается попасть к нам.

Краутер. Скажите-ка им, чтобы заглянули недельки через две.

Кит. Пойду скажу, что к нам еще нельзя. *(Выходит через левую дверь.)*

Клара следует за ним.

Миссис Хитон *(Краутеру)*. Показать вам вашу комнату?

Краутер *(ставя чемодан на стул у буфета)*. Минуточку, я бы хотел поглядеть, кто это там звонит.

Элен. Вы очень подозрительны, мистер Краутер.

Краутер. Нет, мисс Теннент, я просто любопытен, вот и все.

Элен. Собственно, вы до сих пор не сказали нам, почему оказались здесь.

Краутер. Нет, сказал. Я спасался от метели.

Элен присаживается справа и принимается за чтение. Слева входит Эдна Сэндарс. У нее на кончике носа очки в толстой оправе. Она курит сигарету.

Эдна. Ну, я заготовила пухленькую стопку писем для главной конторы. *(Кладет бумаги на буфет.)* Теперь нам недостает только Санта-Клауса и упряжки северных оленей, чтобы отправить нашу почту.

Краутер *(с тяжеловесной иронией)*. Все тут, должно быть, в восторге от вас и ваших вечных шуточек.

Эдна *(укоризненно покачав головой)*. А ведь вы, мистер Краутер, умеете выражаться и покрепче. Ну, хотя бы как в Борнмуте, когда вам не удалось выжать из меня те тридцать пять шиллингов. *(Проходит к столу, где и садится лицом к Элен.)*

Миссис Хитон все еще изучает доску объявлений.

(Обращается к Элен издевательски-ласково.) Надеюсь, мисс Теннент, что вас не слишком утомил этот первый трудный день?

Э д е н *(сухо)*. Нет, я не устала. А вы?

Э д н а *(невозмутимо)*. Смертельно устала. И одной ноги уже нет — отморожена.

М и с с и с Х и т о н *(внезапно и очень раздраженно)*. Да замолчите вы!

Э д н а *(встает и поворачивается к ней, пораженная этой вспышкой)*. Что?

М и с с и с Х и т о н *(свирепо)*. Я сказала «замолчите»! Вы действуете мне на нервы. Все и так достаточно плохо...

Э д н а *(спокойно)*. Что — все, миссис Хитон?

Миссис Хитон не отвечает.

Ладно. Будь по-вашему.

Пауза. Слева входит К л а р а, за ней — К и т, который закрывает дверь. К л а р а пересекает комнату и выходит в правую дверь, оставив ее открытой.

К и т. Никого там нет.

Э д н а *(направляясь к буфету)*. Где — никого нет?

К и т. У главного подъезда кто-то звонил. Можно только пожалеть этих бедняг, если они думали, что отель открыт. С другой стороны, вряд ли кто-нибудь полезет в гору в такую вьюгу только для того, чтобы на месте убедиться, открыт ли отель «Гринфингерс».

М и с с и с Х и т о н. Может быть, они решили обогнуть здание и поискать другой вход?

К и т. Возможно. *(Смотрит на правую дверь.)*

В этот момент справа доносятся голоса Сэлли и мисс Трейси. Обе говорят одновременно, так что невозможно разобрать ни слова. Все прислушиваются и смотрят на дверь. Врывается м и с с Т р е й с и, а следом за ней — С э л л и. Мисс Трейси закутана в теплое пальто из твида.

М и с с Т р е й с и. Добрый вечер! Ну и приключение!

С э л л и *(у двери)*. Я не могла ее остановить. Идет напролом, и все тут.

Мисс Трейси. Конечно, а как же иначе? Кто здесь главный?

Кит. По-видимому, я...

Мисс Трейси. Здравствуйте. Моя фамилия — Трейси. Мисс Трейси. Придется вам приютить меня на ночь.

Кит (извиняющимся тоном). Но отель еще закрыт. Он даже не подготовлен к открытию.

Мисс Трейси. Да, конечно, как это я не сообразила!

Краутер подходит к мисс Трейси.

Но не могу же я сейчас отправиться еще куда-то. Везде такие сугробы! Моя машина просто не пройдет. (*Краутеру.*) Послушайте, мы с вами, по-моему, уже встречались.

Краутер (не слишком любезно). И мне так кажется.

Кит. Это мистер Краутер, один из служащих нашей Компании.

Мисс Трейси (указывая на него, победоносно). Вы — детектив Компании, вот вы кто. (*Обращаясь ко всем присутствующим.*) Как увлекательно! Подумать только! (*Киту.*) Кстати, мистер...

Кит. Хенли. Я помощник управляющего этим отелем.

Мисс Трейси. Тем лучше для вас, мистер Хенли. Я как раз собиралась сказать, что являюсь акционером этой Компании и к тому же очень хорошо знакома с председателем совета директоров, сэром Ричардом Парксом, если, конечно, это имеет какое-нибудь значение.

Кит. Еще бы, мисс Трейси.

Мисс Трейси. Значит, я могу остаться!

Кит. Если вас не пугает, что отель еще закрыт, обслуживающего персонала практически нет и на комфорт рассчитывать не приходится, то мы, конечно, предоставим вам ночлег.

Мисс Трейси. Благодарю вас. Ах да, ведь нас двое. Я оставила в машине компаньонку. Она, бедняжка, спит, но очень тепло укутана, у нее есть грелка, так что, я думаю, можно не тревожиться за нее, пока все не будет готово.

Кит. Понимаю. Значит, вам нужны две комнаты.

Мисс Трейси. Если бы мы могли получить две смежные комнаты, это было бы прекрасно.

К и т (*после недолгого размышления подходит к миссис Хитон*). Миссис Хитон, по-моему, лучше всего поместить их в номере управляющего. Там две хорошие смежные комнаты, и по крайней мере там тепло и сухо. Вы знаете этот номер, в самом конце крыла?

Миссис Хитон. Знаю. (*Мисс Трейси.*) Я покажу вам комнаты.

Мисс Трейси. Спасибо.

Краутер. А заодно, миссис Хитон, вы можете показать мне, где буду ночевать я.

Миссис Хитон. Конечно. Сэлли, Клара, вы мне понадобится. (*Выходит в левую дверь.*)

За ней следуют мисс Трейси, Краутер со своим чемоданчиком, Сэлли и Клара с саквояжем мисс Трейси.

Эдна (*выходя вперед и присаживаясь на край стола*). Ну и ну!

К и т. Поражительная старушка! Надо же так ворваться!

Элен. Вероятно, слегка чудаковатая, но, безусловно, — настоящая леди.

К и т. Да, и я, естественно, не мог выставить ее за дверь в такую ночь.

Эдна (*сухо*). Особенно если она в самом деле приятельница председателя.

К и т. Не думаю, что это блеф. Посторонним, как правило, не известно, что сэр Ричард является председателем совета директоров.

Эдна. Теперь нам придется вести себя безукоризненно.

Элен (*встает, забыв о своей лежащей на столе сумочке*). Ну, я начну с того, что отправлюсь спать. (*Улыбаясь, Киту.*) Я уже действительно устала.

К и т (*с искренним сочувствием*). Иначе и быть не могло. Зато вы сегодня как следует поработали на благо Компании. Вы найдете дорогу к себе наверх? (*Идет вместе с ней к левой двери.*)

Э д н а (наблюдает за ними обоими и, когда Кит церемонно открывает дверь перед Элен, подает голос; еле слышно). До-о-оброй ночи, мисс Теннент.

Оба оставляют это без внимания и выходят из комнаты. Как только за ними закрывается дверь, Эдна, с неожиданным проворством перегнувшись через стол, хватается сумочки. Она бросает быстрый взгляд на левую дверь, мгновение прислушивается, затем открывает сумочку. Ей удается лишь заглянуть в нее, как дверь снова быстро открывается и входит Э л е н. Эдна едва успевает захлопнуть сумочку.

Э л е н (резко). Это моя сумка.

Э д н а (невинным тоном). О, в самом деле? Я как раз любовалась ею.

Элен протягивает руку, и Эдна передает ей сумочку. Девушки обмениваются откровенно враждебными взглядами. Обе стоят у стола

Э л е н (мягко). Боюсь, мисс Сэндарс, что вы не только очень дурно воспитаны, но и способны солгать.

Э д н а (спокойно). Назовите уж заодно воровкой, раз на то пошло.

Э л е н. У меня еще нет доказательств — пока нет. (Поворачивается и уходит налево, оставив дверь открытой)

Слышны голоса ее и Кита. Эдна стоит и слушает.

Г о л о с Э л е н. Да, вот моя сумка. Спасибо, я пойду сама. Доброй ночи.

Г о л о с К и т а (нежно). Доброй ночи, мисс Теннент.

Э д н а (раздраженно бормочет). Фу, черт!

К и т, войдя, закрывает дверь. Смотрит на Эдну, всем своим видом выражая неодобрение.

(Подходит к столу.) Ну, валяйте, говорите.

К и т. Придется.

Эдн а. Ладно. Но погодите минутку. Разговор будет официальный или нет? Вечер на исходе, и можно считать, что мы уже покончили со служебными обязанностями.

К и т. Какое это имеет значение?

Эдн а. Огромное. Одно дело, когда помощник управляющего отчитывает одну из своих рабынь, и совсем другое — когда Кит Хенли беседует с Эдной Сэндарс.

К и т. Понятно. Значит, понемножку и то и другое.

Эдн а. Нет, не пойдет. Ну же, будьте мужчиной. Час поздний, если вы хотите меня отругать, сделайте это неофициально, так, чтобы и я могла вставить словечко.

К и т. *(еще более накаляясь)*. Пора бы вам научиться слушать, не думая о том, как вставить словечко.

Эдн а. Что ж, говорите. А потом скажу я.

Их прерывает появление м и с с Т р е й с и, которая входит слева. На ней уже нет пальто и шляпы. Она в превосходном настроении.

М и с с Т р е й с и. Должна сказать, что все прелестно, не говоря уже об увлекательнейшем приключении! И такие чудные смежные комнаты!

К и т. Прекрасно. Ну а как насчет второй леди?

М и с с Т р е й с и. Моей компаньонки? Из-за нее-то я и спустилась. Она очень устала, бедняжка, к тому же — глуха, как пень, ее сейчас, пожалуй, и не добудиться.

Эдна присаживается на край стола.

Теперь, я думаю, мне следует вернуться наверх и посмотреть, все ли готово для того, чтобы она сразу могла лечь в постель. Если вы минут через десять пошлете за ней одну из горничных — я уже говорила им, где моя машина: у самого подъезда, под навесом, вы знаете это место, — то все будет в порядке и не придется зря тратить время. Вы меня поняли?

К и т. Разумеется. Я сам могу сходить за ней.

М и с с Т р е й с и *(направляясь к столу)*. С вашей стороны, ко-

нежно, очень любезно, что вы предлагаете свою помощь, но, право, будет лучше, если это сделает горничная. Бедная старушка совсем растеряется, если вдруг увидит незнакомого молодого мужчину. Так минут через пять-десять, хорошо?

К и т (*взглянув на часы*). Непременно, мисс Трейси. Я пошлю одну из девушек. Она захватит и ее чемодан.

М и с с Т р е й с и. Я как раз хотела об этом просить. Знаете, вы просто созданы для своей работы. Я обязательно так и скажу сэру Ричарду. Ваша экономка, или управительница, или как она называется...

К и т. Вы имеете в виду миссис Хитон?

М и с с Т р е й с и. Вот-вот, миссис Хитон. Она славная женщина, но сейчас у нее, бедной, какие-то неприятности, что-то ее угнетает. (*Обращаясь к Кити.*) Вы заметили?

Э д н а (*сухо*). Да.

М и с с Т р е й с и (*разглядывая ее*). Вы-то, конечно, заметили. Похоже, вы девушка наблюдательная. Ну, я пошла наверх. (*Идет к правой двери, а не к левой.*) А через эту дверь тоже можно пройти? Когда я куда-нибудь приезжаю, мне хочется знать, как ко мне можно попасть.

К и т (*открывает для нее правую дверь*). Да, можно и здесь. Сверните направо и вверх по лестнице, если вам так больше нравится.

М и с с Т р е й с и. Пожалуй, я пройду здесь. Так интереснее. Вам здесь, наверно, все кажется очень скучным, но для меня это настоящее приключение, уверяю вас. Пустой отель, пурга, ближайшее жилье — за много миль... на мой взгляд, это необычайно интересно и романтично. Да к тому же здесь за нами присматривает детектив. Ну, я, наверно, больше не буду сюда спускаться...

К и т (*улыбаясь*). Думаю, что и мы все сейчас отправимся спать.

М и с с Т р е й с и. Конечно. Вам необходимо отдохнуть. Так что доброй вам ночи. Большое спасибо за все. Доброй ночи.

К и т } (*вместе*). Доброй ночи.
Э д н а }

Мисс Трейси выходит. Кит закрывает за ней дверь, затем возвращается

Эдн а. А старушка-то не проста, верно?

Кит (*безразлично*). Да? Я бы не сказал. Вечно они суетятся, эти старые девы, любительницы путешествий. Я таких сотни видел.

Эдн а. И я тоже. Я ведь не первый год работаю в отелях. Но это не просто суетливая старушка — о нет!

Кит. Чуть более предприимчива и чудаковата, вот и все.

Эдн а (*саркастически*). Ладно, мистер Хенли. Вам-то уж, конечно, все известно.

Кит (*свирепо*). Мне вот что известно...

Эдн а (*прерывая*). Ну, начали...

Кит (*сердито*). Вы нарветесь на неприятности, и очень скоро, если не перестанете грубить мисс Теннент.

Эдн а. Да, да, так я и думала.

Кит (*тем же тоном*). Мисс Теннент работает в этом отеле на одной из самых ответственных и трудных должностей. Девушке ее круга не так-то легко решиться самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, а она решилась. За это я ее уважаю и восхищаюсь ею. И еще мне нравится ее отношение к делу — я уверен, что здесь она добьется успеха.

Эдн а. И вообще она верх совершенства, кто же спорит.

Кит. Боюсь, что в вас говорит обыкновенная ревность.

Эдн а (*с неожиданной серьезностью*). Возможно, вы правы. Мне ненавистна эта мысль, но, быть может, так и есть. Пожалуй, я действительно ревную.

Кит. Вероятно, следовало сказать — «завидуете».

Эдн а. Нет, «ревную» — лучше.

Кит. Что ж, каковы бы ни были ваши чувства, впредь держите их при себе. В противном случае будет скандал. И этот совет, мисс Эдна Сэндарс, я вам даю и как официальное и как частное лицо.

Эдн а. Что ж, мистер Хенли, уже поздно и рабочее время кончилось. Так что теперь я буду говорить как частное лицо.

Я слышала о вас массу лестных отзывов и нахожу, что почти все они справедливы. Мне не нравится большинство мужчин, которые служат в отелях, а я на этой работе уже почти десять лет. Но вы мне нравитесь. И потому я хочу предостеречь вас: будьте начеку, иначе вы рискуете остаться в дураках.

К и т *(полушутя-полусерьдито)*. Нет, какова наглость! Хорошо еще, что это, как вы сказали, не служебный разговор.

Э д н а. Вы намерены отнестись серьезно к моим словам?

К и т. По возможности — не слишком серьезно.

Э д н а. Ну, а я не шучу. Будьте очень осмотрительны. *(С неожиданной улыбкой.)* Прошу вас!

К и т. Вы, по-видимому, знаете, о чем говорите, но я этого не знаю. Не объясните ли?

Э д н а *(решительно)*. Нет, это невозможно. Вы сказали свое слово, я — свое.

К и т. Да, но вы меня поняли, а ваше для меня — сплошная головоломка.

Э д н а *(загадочно)*. Вот в этом-то ваша беда... а может, — моя.

В левую дверь входит миссис Хитон в сопровождении Сэлли и Клара; они направляются к правой двери.

К и т. Послушайте, девушки, пусть кто-нибудь из вас через несколько минут поможет старой даме выбраться из машины, которая стоит у служебного подъезда.

Миссис Хитон. Конечно, мистер Хенли. Клара сейчас идет.

К и т. И возьмите ее чемодан, Клара, если он для вас не слишком тяжел.

К л а р а. Хорошо, мистер Хенли. *(Выходит вместе с Сэлли через правую дверь.)*

Миссис Хитон. Там им будет удобно, мистер Хенли. *(Садится за стол и начинает просматривать записи в своем блокноте.)*

К и т *(незаметно зевнув)*. Так и клонит ко сну.

Э д н а. Я лично пойду лягу, как только погляжу на Путешественницу Номер Два.

К и т. Зачем вам ее ждать? Я вынужден дожидаться, а вам совсем не обязательно.

Э д н а. Просто я любопытна. Всегда боюсь что-нибудь унестить.

М и с с и с Х и т о н (отрываясь от своих записей, спокойно).

У вас из-за этого не бывает неприятностей?

Э д н а (так же спокойно). Бывают, и очень часто. Но всякая неприятность — или почти всякая — все-таки лучше серой скуки.

Справа входит Джордан.

К и т. О, Арнольд, я думал, вы уже спите.

Д ж о р д а н (бросает быстрый взгляд на миссис Хитон, а затем поворачивается к Киту). Нет, я работал и размышлял — на кухне. И еще я составил часть отчета — в весьма резких выражениях, — но не закончил.

Э д н а. Что толку? Все равно утром почта не уйдет.

К и т. Почему?

Э д н а. Нас занесет снегом.

Д ж о р д а н. И вот еще что я подумал. Мы рекламируем этих музыкантов, которым платят бешеные деньги. Но мы не рекламируем своих поваров. А ведь шеф-повара в отеле могут доставить гостям куда больше удовольствия, чем любые музыканты. Не объявляет же Компания: «В этом сезоне в кухнях отеля работают Альберто Марини, Арнольд Джордан, Пьер Видель и Якоб Флюссер!» А если бы и объявила, всем было бы наплевать. А вот танцы под джаз — да, это настоящий бизнес!

К и т. Тут свою роль сыграло радио.

Д ж о р д а н. Если бы мне дали выступить по радио, я бы мог спасти миллионы желудков от консервированной дряни и болезней. (Подходит к буфету.)

М и с с и с Х и т о н (холодно). Да, только кто бы стал слушать вас?

Э д н а (внимательно поглядев на нее). Вот так... (Замолкает.)

М и с с и с Х и т о н. Что?

Э д н а. Нет, ничего.

Кит (*подходит к правой двери и выглядывает в нее; через дверь*). Клара, если этот саквояж тяжелый, оставьте его.
Голос Клары (*за дверью*). Нет, мистер Хенли, нисколько.

Эдна и миссис Хитон встают. Все смотрят на дверь и освобождают проход к левой двери. Входит Клара; в одной руке у нее небольшой, выдавший виды саквояж, другой она поддерживает маленькую закутанную фигурку. Это престарелая дама, ростом пониже, чем мисс Трейси. На ней длинная, почти до пят потерянная шуба. Большой воротник поднят; голова вместе со шляпой обмотана шарфом, так что видны только ее очки. Она ступает неуверенно, и Клара, помогая ей, направляет ее в нужную сторону. Они проходят к левой двери, которую придерживает Джордан. Когда они выходят, он закрывает дверь.

Эдна (*внимательно наблюдавшая за этим шествием*). Так-то вот. Теперь крошка Эдна может считать свой рабочий день законченным. Нет, не утруждайте себя, мистер Хенли, меня можно не провожать до комнаты.

Кит (*негодующе*). Я и не собирался.

Эдна. Спокойной ночи всем. (*Выходит в левую дверь.*)

Джордан (*задумчиво, подходя к доске объявлений*). Я еще не разобрался — нравится мне эта девушка или я ее терпеть не могу.

Миссис Хитон (*спокойно*). Как она, должно быть, страдает в ожидании вашего решения.

Кит (*подавляя зевоту*). Не так уж и поздно, но у меня такое ощущение, будто сейчас два часа ночи. А ведь пройдет несколько недель, и нам в такое время будет казаться, что еще совсем рано.

Миссис Хитон. Это потому что душно — ведь из-за метели все окна закрыты.

Кит (*все еще борясь с зевотой*). Та-ак, ну, что ж, если я больше никому не нужен, то пойду-ка и я лечь. Спокойной ночи.

Миссис Хитон }
Джордан } (вместе). Спокойной ночи.

Кит выходит в левую дверь. Молчание. Джордан поворачивается и подходит к столу. Джордан и миссис Хитон одновременно начинают говорить сердито и громко.

Миссис Хитон. Интересно, что ты делал весь вечер и, если ты хотел увидаться со мной, то почему не мог подняться ко мне наверх?

Джордан. Как у тебя язык повернулся сказать «кто бы стал слушать вас?», да еще таким тоном — сделать из меня дурака и раскрыть всю затею?

Останавливаются в один и тот же момент, с негодованием глядя друг на друга.

Миссис Хитон (после паузы, сердито). Что?!

Джордан. А?!

Миссис Хитон. Не будь идиотом.

Джордан (в бешенстве). «Идиотом»? Ты думаешь, я в игрушки играю, а? Шутки шучу? Сам себя развлекаю, да?

Миссис Хитон (внезапно изменив тон). Ты меня развлекаешь.

Джордан (раздраженно, повернувшись и направляясь налево). Вот спасибо! Я тебя развлекаю. Прекрасно! Я в восторге!

Миссис Хитон (спокойно). Если бы ты не прятался весь вечер по углам, мы могли бы разумно потолковать. А теперь уже поздно.

Джордан (приближаясь к миссис Хитон, раздраженно). Но вот мы здесь. Наконец-то. Наедине. Да еще в тепле. И теперь, конечно, ты говоришь: «Нет, уже поздно».

Миссис Хитон (спокойно). Конечно, поздно, чтобы тут сидеть. Тебе бы раньше об этом поразмыслить. И не вздумай являться ко мне в комнату. Кто-нибудь может тебя увидеть.

Кроме того, мне надоела эта глупая болтовня. Так что и не пытайся, пожалуйста. *(Задвигает свой стул.)*

Джордан *(угрюмо)*. Интересно, как бы я мог попытаться, если я даже не знаю номера твоей комнаты?

Миссис Хитон *(направляясь к левой двери, глядя в лицо Джордану)*. Я думала, ты знаешь, что мне отвели пятнадцатую...

Джордан *(пылко)*. Ах, пятнадцатую! Спасибо, Роза!

Миссис Хитон. Но потом я перешла в другую. Спокойной ночи, Арнольд. *(Быстро выходит.)*

Джордан *(вне себя, кидаясь вслед за ней к двери)*. Так в какую же... ах ты мучительница! *(Выглядывает за дверь, но понимает, что она отошла уже слишком далеко. Яростно хлопнув дверью, возвращается.)*

Справа входит Сэлли.

Сэлли. Ой, мистер Джордан, что происходит?

Джордан *(приходя в себя)*. «Что происходит»! Я так зол на эту женщину! Я ей покажу! *(Подходя к Сэлли.)* Что бы вы сказали, если бы я вас поцеловал?

Сэлли *(без промедления)*. Ничего.

Он крепко ее целует.

Продолжайте.

Джордан. Нет, нет, милая Клара.

Сэлли. Милая Сэлли...

Джордан. Милая Сэлли, довольно. Я вам очень благодарен.

Слева входит Клара.

Сэлли. Вот это Клара. Видите, мы совсем не похожи.

Клара. А кто говорит, что похожи?

Сэлли. Никто. Я приготовила несколько сэндвичей. Не хотите ли сэндвичи, мистер Джордан?

Джордан. Нет, терпеть не могу сэндвичи. В этой варварской стране все только и делают, что едят сэндвичи. И яичницу с беконом! И еще сладкую подливку! Подливка!! Вся страна

утоинула в подливке! Спокойной ночи. *(Выходит в левую дверь.)*

Сэл ли *(нежно)*. Спокойной ночи, мистер Джордан.

К л а р а *(равнодушно)*. Спокойной ночи.

Девушки хихикают.

(Ей не терпится поделиться впечатлениями.) После того как я отвела эту старушку в комнату, я встретила на лестнице Фреда. И он поговорил со мной. Он очень симпатичный, правда?

Сэл ли. А что он тебе сказал?

К л а р а. Он сказал «спокойной ночи». Но это у него вышло так симпатично. Я, пожалуй, съем сандвич. *(Выходит в правую дверь, но оставляет ее открытой.)*

Сэл ли. А мистер Джордан тебе не нравится? Мне — очень. Мужчины вроде него в моем вкусе. Видный такой. А костлявых мне и даром не надо. Когда я служила в отеле «Ма-жестик», на моем этаже один официант мне проходу не давал, но я видеть его не могла. Скелет, да и только. Идет он по коридору, и слышно, как кости гремят.

Возвращается К л а р а, с набитым ртом и сандвичем в руке.

На вид-то он был не противный и официант классный, но я его просто терпеть не могла.

К л а р а *(с полным ртом)*. Кого?

Сэл ли *(нетерпеливо)*. Того парня, про которого я тебе рассказываю.

К л а р а *(простодушно)*. Я ничего не слышала.

Сэл ли. Рот полон — и уши заложило. Ну что же, я пошла спать... *(Поворачивается и, заметив, что дверь слева медленно открывается, смотрит на нее с живым интересом.)*

Входит К р а у т е р, переобувшийся в комнатные туфли, с газетой и фляжкой.

(Лицо ее вытягивается.) Господи! Я и забыла про вас.

К р а у т е р *(многозначительно)*. Именно эту ошибку кое-кто из

вас и допускает — забывает про меня. (*Замечает сандвич у Клары.*) Вот зачем я спустился. Перекусить. Принесите-ка мне парочку сандвичей и немного воды в стакане.

К л а р а кивает и выходит направо.

С э л л и (*направляясь налево*). Ну, теперь-то я действительно иду спать.

К р а у т е р (*присаживаясь к столу*). И, сдастся мне, укроется теплой шубкой, чтоб не замерзнуть.

С э л л и (*возвращаясь к нему, со злостью*). Не заводите снова эти ваши разговоры насчет шубки. Вы не имели права впускать меня в ту историю; я видела, как вы там дали маху, и думала, что у вас хотя бы хватит ума помалкивать.

К р а у т е р (*спокойно*). Вы забыли, что шубку-то я нашел. Дайте срок, и я кое-кого схвачу за руку.

С э л л и (*идет к левой двери*). Насморк вы схватите, и больше ничего. (*Выходит.*)

Краутер разворачивает лондонскую вечернюю газету. Входит К л а р а с маленьким подносом, на котором стоит тарелка с сандвичами, графинчик с водой и стакан.

К р а у т е р (*отрываясь от газеты*). Спасибо, милая.

Она ставит поднос на стол.

(*Берет сандвич, откусывает, а затем наливает из своей фляжки в стакан немного виски и добавляет туда воды, разговаривая при этом с Кларой.*) Пойдите, как же вас зовут? Алиса?

К л а р а. Нет, Клара.

К р а у т е р. Новенькая?

К л а р а. Да, только поступила.

К р а у т е р. Смотрите, не споткнитесь, девочка. Не пытайтесь мудрить, как некоторые. Много таких мудрецов работает в отелях, но все они плохо кончают. Насмотрелся я на них.

К л а р а (*благословейно*). А вы настоящий детектив?

Краутер. Конечно. А что, не похож?

Клара. В фильмах детективы совсем не такие.

Краутер. Не очень-то верьте фильмам. Они только собьют вас с толку. Жизнь — это не кино.

Клара *(задумчиво)*. Да, я сама заметила. Ну и пусть. Я люблю кино.

Слева входит мисс Трейси.

Мисс Трейси *(направляясь к столу)*. Ах, мистер Краутер... детектив...

Краутер *(медленно поднимаясь)*. Так точно, мисс. *(Кларе.)* Ступайте-ка спать, милочка.

Клара *(уходя)*. Спокойной ночи. Спокойной ночи, мисс.

Мисс Трейси. Спокойной ночи. *(Смотрит вслед Кларе, затем поворачивается к столу.)* О, сэндвичи, с чем они?

Краутер. С ветчиной.

Мисс Трейси. Превосходно! Обожаю сэндвичи с ветчиной... *(Берет сэндвич.)*

Краутер садится.

Правильно, садитесь. Так вот, вы тот самый человек, которого я ищу. Но я вижу, вы собираетесь поужинать и проглядеть газету, и мне неловко вас беспокоить. Между прочим, мы с вами уже встречались. *(Подсаживается к столу.)*

Краутер. Да, по-моему, встречались. Обычно я запоминаю людей. Профессиональная привычка.

Мисс Трейси *(понемножку откусывая от сэндвича, оживленно)*. Замечательно! Я тоже помню тот случай. Это было в вашем отеле в Лондоне; моя знакомая тогда заявила, что у нее украли брошку, а вы сказали — нет, она ее, наверно, потеряла, — и свалили ужасного дурака, как сейчас помню. Но это дело прошлое, правда? Так я хотела вам сказать, что меня очень беспокоит моя компаньонка. Вы ведь ее видели?

Краутер *(весьма нелюбезно)*. Нет, но я слышал, что с вами еще кто-то приехал.

Мисс Трейси. Совершенно верно. Так вот, ее поместили в комнате рядом с моей — знаете; там есть дверь из одной комнаты в другую, и я решила посмотреть, все ли у нее в порядке. Я постучала, немножко подождала, никто не ответил, и я подумала, что моя компаньонка заснула. Я тихонько подергала дверь, но она оказалась запертой. Тогда я обошла вокруг — к другой двери, которая ведет в коридор, — тоже постучала и попыталась войти. Но мне не удалось — там тоже было заперто, и она не отзывалась.

Краутер *(с усмешкой)*. Наверно, не хотела отзываться.

Мисс Трейси. Вы хотите сказать, что я ей так надоела за сегодняшний день...

Краутер *(с той же усмешкой)*. Я этого не сказал.

Мисс Трейси. Да, но это у вас на лице написано. И все же я очень беспокоюсь.

Краутер *(слегка пренебрежительно)*. Но о чем беспокоиться?

Мисс Трейси. Я рада, что вы так считаете. Как-никак вы детектив. Я уже говорила вам, что детективы меня очень интересуют?

Краутер *(насмешливо)*. Начитались детективных романов?

Мисс Трейси. Да, я их читаю сотнями. Увлекательнейшее занятие. А вы тоже читаете?

Краутер. Нет. Для нас, профессионалов, это все чужь.

Мисс Трейси. Вполне возможно. И все-таки они очень занимательны.

Краутер *(поучительно)*. Послушайтесь моего совета: выкиньте из головы все эти детективные романы, тайны, загадки и прочую белиберду и перестаньте волноваться за свою приятельницу только из-за того, что ей просто не хочется разговаривать с вами. В этом нет ничего таинственного. А если появится настоящая тайна...

Мисс Трейси. Вы ее раскроете для меня, да?

Краутер. Можете не сомневаться. *(Берет газету, как бы показывая, что разговор окончен.)*

В этот момент откуда-то издалека, сверху, доносятся три

хлопка, которые можно принять за пистолетные выстрелы. Краутер в испуге вскакивает.

Мисс Трейси (смотрит на него, а затем на свои часы, невозмутимо). Это случилось ровно в десять часов семь минут.

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Утро.

Действующие лица, находящиеся на сцене, располагаются между правой дверью и серединой задней стены в следующем порядке: ближе всех к двери — Кит, затем — Элен (сидящая в ближнем кресле), миссис Хитон, Эдна Сэндарс (сидящая на ручке дальнего кресла), Арнольд Джордан, Фред, Сэлли и Клара. Краутер, важный и в то же время растерянный, стоит слева, глядя на остальных. Несколько мгновений все молчат в ожидании, когда он заговорит, а он собирается с мыслями. В руке у него записная книжка.

Краутер. Итак, я собрал вас, потому что нам придется начать все сначала. Сейчас утро, и если кому-либо из присутствующих хоть что-то известно, то, наверно, мы это выясним. Теперь вы не сможете сослаться на то, что вам ужасно хочется спать, или что вы ужасно замерзли, или ужасно испугались и потому не способны думать. Стало быть, мы начинаем с самого начала. Вы, конечно, уже знаете, но я все-таки напомним вам, что, если бы телефонная связь не была нарушена и нас не занесло снегом, здесь давно уже была бы полиция. Но мы отрезаны от всего мира, и, пока сообщение не восстановится, полицию представляю здесь я. Верно я обрисовал ситуацию, мистер Хенли?

К и т. Да, совершенно верно. *(Остальным.)* Всем это понятно? На данном этапе полицию здесь представляет мистер Краутер. Кроме того, он выполняет свои обычные обязанности детектива Компании, и, поскольку мы все здесь являемся сотрудниками Компании, мы должны ему помогать.

К р а у т е р. Благодарю вас, мистер Хенли. *(Всем присутствующим.)* И учтите, сегодня я не намерен выслушивать всякий вздор. Так что же, все здесь?

К и т. Да, все наши служащие — здесь. Но мисс Трейси пока еще нет.

Э д н а. А почему ее нет? С нее все началось, а...

К р а у т е р. На этот счет будьте спокойны. Я поговорю с ней в самое ближайшее время. Вчера вечером она тут говорила кое-что, — правда, я еще не все понял...

Э д н а. Не сомневаюсь.

К р а у т е р. Помолчите. Но мисс Трейси — единственный человек, который находится вне всяких подозрений, потому что, когда это случилось, она была здесь и разговаривала со мной. Так что о ней не беспокойтесь. А ваше дело — начать говорить правду и отвечать на мои вопросы. *(Выдерживает паузу.)* Сейчас я снова обрисую положение — спокойно изложу факты, — пока нам еще не начало казаться, что мы потихоньку сходим с ума. *(Заглядывает в записную книжку.)* Вчера, примерно без десяти десять, пожилая леди, миссис Джернигэн, как мне сказали, была доставлена в свою комнату. Сам я ее не видел — я был в это время у себя, — но кое-кто из вас видел ее. *(Указывая на Клару.)* Это вы помогли ей выбраться из машины и проводили в комнату?

К л а р а. Да, мистер Краутер.

С э л л и. И я ее видела, когда была вон там *(указывает на правую дверь)*, а Клара вместе с ней проходила мимо.

К р а у т е р. Точно. *(Заглядывает в записную книжку.)* Когда она проходила через эту комнату, вас было здесь четверо. Мистер Хенли, миссис Хитон, мистер Джордан, мисс Сэндарс — верно?

... Упомянутые им лица утвердительно кивают или отвечают «да».

Эту самую миссис Джернигэн приводят в ее комнату. Там имеется дверь, ведущая в комнату мисс Трейси. Но миссис Джернигэн запирает эту дверь и запирает также дверь в коридор.

Эдн а (*резко*). Откуда вы все это знаете?

Крау тер. Когда мисс Трейси спустилась сюда, чтобы поговорить со мной — в десять часов или одной-двумя минутами позже, — она мне пожаловалась, что обе двери заперты и что миссис Джернигэн не отзывается на стук. Мисс Трейси затем и приходила сюда, чтобы сообщить мне об этом. Я не обратил на это никакого внимания — да и с чего бы? Я подумал, что, проведя день вместе с мисс Трейси, миссис Джернигэн сыта ею по горло и хочет улечься спать... Точно в десять ноль семь я услышал три хлопка, — может, это были выстрелы, а может, и нет. Я пошел наверх, следом за мной — мисс Трейси, и на лестничной площадке застал кое-кого из вас. Мистер Хенли, чья комната находится ближе всех к комнатам, занятым обеими леди, уверяет, что шум донесся из дальней — из комнаты миссис Джернигэн. Попасть в комнату мы не смогли. Мы выломали замок двери, ведущей в коридор, и обнаружили, что миссис Джернигэн исчезла. Известно, что дверь, которую пришлось взломать, была заперта изнутри. Дверь между комнатами также была заперта изнутри. Все окна были закрыты на задвижки. (*Киту.*) На этот счет сомнений быть не может?

К и т. Нет, я ручаюсь за это. Окна были закрыты на задвижки, а обе двери заперты изнутри.

Крау тер. Да, и притом ключи торчали в замках. Таким образом, никто не мог туда войти. А она не могла выйти из комнаты, ни живая, ни мертвая.

Дж о р д а н (*внезапно*). Но, мистер Краутер, возможно, она и не входила в комнату. Вот вам и объяснение. Только Клара говорит, что миссис Джернигэн вошла туда...

К л а р а (*с негодованием*). Вот тебе и на! Мне-то лучше знать, вошла она или не вошла? Не я, что ли, провожала ее в комнату? По-вашему, я вру или как?

К р а у т е р. Ну, в этом как раз нет ничего невозможного. Готов побиться об заклад, что вчера вечером мне тут пришлось выслушать уйму лжи, причем лжи умышленной, но сегодня я докопаюсь до правды.

К л а р а (*в отчаянии, чуть не плача*). Да говорю же я вам, что привела ее...

К р а у т е р. Ладно, ладно. Я знаю, что привела. (*Джордану.*) Неужели вам не ясно, что все так и было? Там, на полу, в середине комнаты, валялся открытый саквояж, принадлежавший миссис Джернигэн. Между кроватью и окном лежал платок, и на нем было несколько пятен крови.

С э л л и. Ой, если бы мне это сказали вчера вечером, я бы всю ночь глаз не сомкнула! Кровь!

К р а у т е р. Были найдены также два клочка бумаги — весьма ценные вещественные доказательства.

Э д н а. Вы нам пока еще не сказали, что было написано на этих клочках бумаги.

К р а у т е р. Не сказал и не собираюсь говорить. И наконец, есть достаточно свидетельств того, что эти три хлопка — выстрелы, или что бы там ни было — раздались именно из той комнаты. Там еще пахло порохом, и следы пороха были видны на полу. (*Сердито.*) Так уж не хочет ли кто-нибудь сказать мне, что в пустой комнате сам собой открылся саквояж миссис Джернигэн, на полу откуда ни возьмись появились два клочка бумаги и обрызганный кровью платок и, наконец, неизвестно что выстрелило три раза? Конечно, нет. Миссис Джернигэн вошла в эту комнату. И туда вошел кто-то еще.

Ф р е д. Послушайте, мистер Краутер. Не могло ли случиться так, что, когда она вошла в комнату, там уже кто-то был? Я хочу сказать — не мог ли кто-то прятаться в платяном шкафу или за шторами?

К р а у т е р. Да, Фред, я уже думал об этом.

Миссис Хитон. За пять минут до прихода миссис Джернигэн там никого не было — я сама задергивала шторы, пока Сэлли и Клара стелили постель.

Фред. А в шкаф вы заглядывали?

Миссис Хитон. Да, я заглянула специально, чтобы удостовериться, не оставил ли там управляющий каких-либо вещей. Я знала, что это одна из его комнат.

Элен. Но, миссис Хитон, после того как вы ушли — и до того как Клара вернулась вместе с миссис Джернигэн, — дверь в коридор была открыта, разве не так?

Миссис Хитон. Да. В это время кто-нибудь мог забраться туда.

Кит. Но если кто-то проник в комнату — а кто-то, по-видимому, туда проник, — как он оттуда выбрался?

Джордан. Может быть, миссис Джернигэн его выпустила? Краутер (*громко, насмешливо*). Да, а затем трижды выстрелила и бесследно исчезла, так?

Эдна. Как иллюзионистка в цирке. Во время ленча она, возможно, внезапно выглянет из кофейника.

Элен (*резко*). Я полагаю, мисс Сэндарс, что это дело вовсе не повод для шуточек.

Эдна. Ну да? А по-моему, просто умора!

Краутер. Скоро вы перемените мнение. Сегодня всем придется обойтись без шуточек. (*Делает паузу.*) Но вернемся к фактам. Вчера вечером мы осмотрели все до единой комнаты в этом отеле. Сегодня придется осмотреть их еще раз. А пока что я намерен снова опросить всех. Я буду вызывать вас по одному, остальные в это время могут продолжать заниматься своими делами.

Фред. Значит, мы теперь можем быть свободны, мистер Краутер?

Краутер. Пока я за вами не пришлю. И помните, что я больше не потерплю никаких небылиц. Кое-кто из вас лжет, и чем скорее вы начнете говорить правду, тем лучше. (*Киту, указывая на горничных.*) Пусть одна из них побудет за дверью

... (указывает на левую дверь), чтобы я мог ее послать за тем, кто мне понадобится.

Миссис Хитон (*Киту*). Оставьте здесь Клара. Сэлли мне нужна.

Кит. Хорошо. Клара, подежурьте за дверью. Остальные могут вернуться к своим делам.

Джордан выходит направо, прочие — налево.

Кит (*после их ухода поворачивается к Краутеру*). Может быть, вы начнете с меня?

Краутер. Идет.

Кит закуривает сигарету.

Ну, так начнем. (*Направляясь к Киту.*) Вчера вечером, в десять ноль семь, вы были у себя в комнате, так?

Кит. Да. Извините, Краутер, но я не могу сообщить вам ничего, кроме того, что сказал вчера. Я находился в своей комнате и уже наполовину разделся, когда раздались выстрелы. Конечно, я испугался; но тут же подумал, что это просто кто-то дурачится. Поэтому я кончил раздеваться, надел пижаму, а потом решил все-таки поглядеть, в чем дело; тогда я накинул халат и вышел...

Краутер. ...и встретились со мной на лестничной площадке.

Его прерывает появление оживленной и улыбающейся мисс Трейси.

Мисс Трейси. Доброе утро. Извините, что так опоздала. (*Краутеру.*) Вы уже раскрыли тайну?

Краутер (*терпеливо, с тяжелым вздохом*). Нет. Я только что собирался приняться за нее как следует. Сначала побеседовал со всеми вместе, а теперь буду вызывать по одному.

Мисс Трейси (*с воодушевлением*). Великолепно! Вы должны взять меня в помощницы. Кажется, я уже говорила вам, что ужасно интересуюсь детективными расследованиями. Я читаю все хорошие детективные романы... (*присаживаясь к столу*) и кучу плохих — тоже.

Краутер. Да, мисс Трейси, вы мне говорили. Но чем скорее вы забудете про всякие детективные басни, тем лучше. Не ждите от меня, что я найду две кучки табачного пепла, скажу вам, какой это из пятидесяти сортов табака, а затем объявлю, что преступление совершил рыжебородый левша, который раньше жил в Гонконге.

Мисс Трейси. Я этого и не жду. Единственное, чего я прошу, — разрешения помогать вам. Обещаю вам не досаждать. И — кто знает! — может быть, я смогу заметить что-нибудь такое, что вы случайно упустите.

Краутер. Не думаю, что это вам удастся. Но можете попробовать.

Мисс Трейси. Спасибо, мистер Краутер. (*Киту.*) Я, конечно, сожалею, что так случилось, но должна признаться, что вся эта история кажется мне чрезвычайно занятной. Какая удача, что я тут оказалась!

Краутер (*который все время изучал свои записи, Киту*). Да, я хотел задать вам один вопрос. Вы раньше встречались с миссис Джернигэн?

Кит. Не знаю. Дело в том, что я как следует не разглядел ее лицо.

Мисс Трейси. Вот странно! И я тоже.

Краутер (*пораженный*). Как?!

Мисс Трейси. Да, да, я тоже как следует не разглядела ее лицо.

Краутер. Но она же была вашей компаньонкой или нет?

Мисс Трейси. Она просто составила мне компанию в машине по пути сюда, вот и все. Она была моей попутчицей, а вовсе не компаньонкой, которую нанимают за деньги. Господи боже, неужели, по-вашему, я из тех женщин, которым требуется какое-нибудь безответное создание, чтобы читать вслух и наполнять грелки?

Краутер. Значит, она была вашей приятельницей?

Мисс Трейси (*с горячностью*). Да нет же! Я эту женщину вообще не знала.

Краутер (*сбитый с толку*). А я как раз собирался вас расспросить о ней.

Мисс Трейси. Меня бесполезно расспрашивать. Ничего не могу вам сообщить, кроме того, что она представилась как миссис Джернигэн.

Краутер. Тогда каким образом она оказалась у вас в машине?

Мисс Трейси. Я просто подвезла ее. Видите ли, когда я уезжала из отеля в Маркет Харборо, эта женщина стояла у выхода; она сказала, что ее машина сломалась. Ей нужно было попасть сюда, вот я и предложила подвезти ее.

Краутер. Постойте-ка. Я должен в этом разобраться. Значит, она приехала сюда не потому, что сюда ехали вы?

Мисс Трейси. Нет, наоборот. Это я приехала, потому что ей нужно было сюда.

Краутер (*подозрительно*). Вчера вечером вы этого не говорили.

Мисс Трейси. Вчера вечером меня об этом не спрашивали.

Краутер. Значит, вы с ней не знакомы?

Мисс Трейси. Совершенно не знакома. И не жалею об этом. Она показалась мне очень скучной женщиной. Хотя, возможно, я недооценила ее, поскольку после ее приезда здесь никто уже не скучает, правда?

Краутер. Ну, тогда ситуация становится совершенно нелепой. Мы ничего не знаем об этой женщине. Мне придется очень внимательно осмотреть содержимое ее саквояжа.

Кит. Да, это единственная возможность хоть что-то узнать.

Мисс Трейси (*безмятежно*). Боюсь, что это бесполезно.

Краутер. Почему?

Мисс Трейси. Дело в том, что это не ее саквояж, а мой.

Краутер (*сердито и растерянно*). Силы небесные!

Мисс Трейси. Понимаете, она уезжала со мной в такой спешке, что забыла забрать свой багаж из неисправной машины. Поэтому я отобрала кое-что из своих вещей и вместе с саквояжем отдала ей. Конечно, там не все необходимое. Например, у меня не нашлось лишней зубной щетки.

Краутер (*раздраженно*). При чем здесь зубные щетки?! Э, погодите-ка минутку! (*Достает конверт и вынимает из него два клочка бумаги.*) Это находилось в вашем саквояже?

Мисс Трейси. Что-то не узнаю. А что там такое?
Краутер. На одном — имя и адрес. Я вам пока его не покажу.

Другой — обрывок письма. *(Передает ей этот клочок.)*

Кит разглядывает его через правое плечо мисс Трейси.

Мисс Трейси *(медленно читает)*. «Если вы попытаетесь встать у нас на дороге, вам будет...», «и это будет не в первый раз...», «своими делами, а мы — своими...», «...еще пожалеете». По-моему, это означает «еще пожалеете».

Краутер. Конечно, именно это.

Мисс Трейси *(возвращая обрывок)*. Великолепно! Похоже на письмо с угрозами от какой-то шайки, правда?

Краутер. Меня бы это не удивило.

Мисс Трейси. Везет же некоторым!

Краутер. Вы считаете это везением?! Могу поручиться, что она так не считает, где бы ни находилась.

Мисс Трейси. Да, но где она находится?

Краутер. Вероятно, где-нибудь в этом отеле.

Мисс Трейси. Вы думаете, она уже мертвая?

Краутер. Во всяком случае, не живая, такое мое мнение. И тело где-то запрятано.

Мисс Трейси. Но как они могли вытащить ее из комнаты, если двери и окна были заперты изнутри?

Краутер *(выйдя из себя)*. Понятия не имею! Ясно, тут что-то не так. И тот, кто это сделал, либо служит здесь, либо связан с кем-то из служащих. Посторонний этого не смог бы повернуть.

Кит. Вы уверены?

Краутер. Конечно, уверен. Будь он посторонний, как бы он узнал, в какую комнату ее поселили?

Мисс Трейси. Как бы он узнал, что она вообще сюда приехала?

Краутер. Она могла сказать кому-нибудь.

Кит. Но зачем она сюда ехала?

Краутер *(торжествующе, направляясь к Кит)*. Вот как раз это я, кажется, знаю.

К и т *(недоверчиво)*. Быть не может!

К р а у т е р *(с раздражающей таинственностью)*. А вот и может.

Это единственное, что мне совершенно ясно.

М и с с Т р е й с и. Так теперь вы нам объясните?

К р а у т е р *(пряча оба клочка)*. Нет, я пока оставляю свои соображения при себе.

М и с с Т р е й с и *(строго)*. Я надеюсь, вы не собираетесь поступать так, как те противные детективы, которые ничего не говорят, пока наконец в последней главе не созовут всех персонажей в библиотеке. И не вздумайте дразнить нас намеками, вроде: «Обратите внимание на положение графинчика с укусом».

К р а у т е р *(который не слушал ее)*. Какого еще графинчика?

М и с с Т р е й с и. Это не важно. Никакого графинчика тут нет.

К р а у т е р *(заглядывает в записную книжку, а затем — Киту)*. По-моему, я правильно представляю себе расположение комнат. Комната рядом с вашей не занята; за ней — комната миссис Хитон, потом — мисс Теннент, потом — еще одна пустая комната, следующая — моя и, наконец, комната мистера Джордана. Так.

К и т. Совершенно верно. Остальные четверо разместились этажом выше. Комната Фреда — слева от площадки. Первую комнату справа от площадки занимает Эдна Сэндарс, а следующую комнату — обе горничные.

К р а у т е р. Да, я так и понял. Вот в таком порядке и будем их вызывать. Следовательно, на очереди у нас миссис Хитон.

К и т *(подходит к левой двери и зовет)*. Клара!

К л а р а просовывает голову в дверь.

Попросите миссис Хитон спуститься.

К л а р а исчезает.

А я вам больше не нужен?

К р а у т е р. Нет. Впрочем... мне нужно узнать еще вот что. Когда вы были у себя в комнате, не слышали ли вы чего-нибудь или не случилось ли что-нибудь, что хоть чуть-чуть могло бы показаться необычным?

К и т. По-моему, нет. Хотя... вот что... Через минуту-другую, после того как я поднялся наверх, кто-то тихонько постучался в дверь. Я крикнул: «Да, в чём дело?» Но никто не отозвался. Я выглянул в коридор и увидел Арнольда Джордана, который шел...

К р а у т е р (*нетерпеливо*). В какую сторону?

К и т. Не к комнате миссис Джернигэн, — как раз в противоположном направлении.

К р а у т е р (*разочарованно*). Это все?

К и т. Не совсем, пожалуй. Когда я выглянул в коридор, миссис Хитон, комната которой рядом, тоже выглянула, а увидев меня, захлопнула дверь. Вот теперь все.

К р а у т е р. Это уже кое-что. Значит, один из них шныряет по коридору, стучит в двери и затем уходит, а другая выглядывает в коридор самым подозрительным образом. Им придется объяснить свои действия. Вот увидите, сегодня я из них вытяну всю правду.

М и с с Т р е й с и (*с энтузиазмом*). И я буду вам помогать. Мне всегда хотелось иметь повод задавать людям самые бесцеремонные и неделикатные вопросы.

К р а у т е р. Уж и не знаю; мисс Трейси. Вам, пожалуй, лучше не усердствовать.

Слева входит миссис Хитон, очень спокойная и собранная. Подходит к столу.

К и т. Я буду у себя в кабинете — на случай если снова понадобится вам. (*Выходит в левую дверь.*)

К р а у т е р (*сидя у стола*). Итак, миссис Хитон?

М и с с и с Х и т о н. Боюсь, мистер Краутер, что вчера вечером я сообщила вам все, что мне известно.

К р а у т е р (*с оттенком угрозы*). Это мы выясним.

М и с с Т р е й с и (*улыбаясь ей*). Доброе утро, миссис Хитон.

М и с с и с Х и т о н. Доброе утро, мисс Трейси. (*Краутеру.*) Я вас слушаю.

К р а у т е р. Где находится мистер Хитон?

М и с с и с Х и т о н (*вздвигнув*). Что?!

Краутер. Вы ведь миссис Хитон, правильно? А если так, то где же мистер Хитон? (*Видя, что она колеблется, смущена и негодует.*) Только не говорите, что это не мое дело. За последние двадцать лет мне уже от многих доводилось слышать подобные заявления. Обычно забывают, что при расследовании серьезного преступления любые сведения о людях, которые могут быть замешаны в нем, крайне важны.

Мисс Трейси (*мягко, подбадривающе*). Видимо, это действительно так, миссис Хитон. Хотя, конечно, вы не обязаны отвечать на вопросы, если вам не хочется.

Краутер (*сердито*). Послушайте, кто ведет расследование?

Мисс Трейси. Мы оба.

Миссис Хитон. Ну, если уж вам необходимо знать, — мистера Хитона не существует. Хитон — это моя девичья фамилия.

Краутер. Значит, на самом деле вы мисс Хитон?

Миссис Хитон (*нерешительно*). Да.

Краутер. Тогда почему вы носите обручальное кольцо?

Мисс Трейси (*видя, что миссис Хитон колеблется*). По моему, было бы лучше, если бы вы признались, что вы замужем.

Миссис Хитон. Ну, хорошо, действительно я замужем, но, когда работаю в отелях Компании, я не ношу фамилию мужа.

Краутер. Почему?

Миссис Хитон. Извините, но это не имеет никакого отношения к... вашему расследованию. Так что я не буду отвечать на этот вопрос.

Краутер. Нет, так нет. Но вы признаете, что вы замужем и — по причинам, известным только вам, — не носите фамилию мужа. (*Заглядывает в свою записную книжку.*) Вы специально просили перевести вас сюда на предстоящий сезон, так? Почему?

Миссис Хитон. А почему бы нет?

Краутер. Я не спрашиваю вас, почему бы нет; я спрашиваю, почему вы перевелись?

Миссис Хитон. Ну... по той же причине, по которой многие служащие просят о переводе, — хотелось какой-то перемены.

Краутер. Вы больше ничего не хотите сказать по этому поводу?

Миссис Хитон. Нет. Очень жаль, но я действительно больше не могу сказать ничего такого, что могло бы представлять для вас хоть малейший интерес.

Краутер. Ну, нет, вы могли бы сказать. Кое о чем вы до сих пор не упомянули. Вчера вечером, около десяти часов, именно в то время, которое для нас важно, вы вдруг выглянули из своей комнаты и затем, увидев, что мистер Хенли выглядывает из своей, поспешно захлопнули дверь. Почему?

Миссис Хитон (*озадаченно*). По-видимому, вам об этом сказал сам мистер Хенли?

Мисс Трейси. Да, именно он.

Краутер (*раздраженно, обращаясь к мисс Трейси*). Я вас еще раз спрашиваю: кто ведет расследование? Зачем вам понадобилось так прямо ей это выкладывать?

Мисс Трейси. Потому что она разумная женщина — и, по моему, честная — и нам следует вести себя с ней разумно и честно.

Миссис Хитон. Благодарю вас, мисс Трейси. (*Им обоим.*) До сих пор я ничего вам не говорила именно из-за мистера Хенли. Видите ли, между моей комнатой и комнатой мистера Хенли есть еще одна — она сейчас пустует. С другой стороны от меня, за очень тонкой стенкой, — мисс Теннент. Я слышала, как она ходила у себя в комнате, а потом мне показалось, что там есть еще кто-то, — судя по голосу, мужчина.

Мисс Трейси. Боже, боже, боже!

Краутер (*торжествуя*). Видите, что получается, когда начинаешь вытягивать из них правду. Вот всегда так. (*Миссис Хитон.*) Что же дальше?

Миссис Хитон. Я была... обеспокоена. Потом решила, что ошиблась. Но как раз в этот момент мне показалось, что

-кто-то прошел мимо моей двери. Тогда я выглянула и увидела, что мистер Хенли тоже выглядывает в коридор. Тут я почувствовала себя крайне неловко — мне не хотелось, чтобы он подумал, будто я за ним шпионю, — и я поспешила скрыться.

Мисс Трейси. Вам нравится мистер Хенли?

Миссис Хитон. Как сказать, ведь я впервые увидела его всего два дня назад — мы оба служим в этой Компании уже несколько лет, но еще никогда не работали в одном и том же отеле, — так что я мало его знаю, но он производит впечатление очень приятного молодого человека.

Краутер. Что вы подумали, когда увидели, что он выглядывает из комнаты? (*Видя, что она колеблется.*) Ну же, вы вполне можете это сказать. Вы решили, что он только что вернулся к себе от мисс Теннент, так ведь?

Миссис Хитон (*не сразу*). Да, так.

Мисс Трейси. Но почему? Только потому, что он выглянул? Зачем ему было выглядывать, если он еще и войти не успел?

Краутер. Чтобы проверить, не заметил ли его кто-нибудь.

Мисс Трейси. По-моему, это было бы глупо. Если бы я возвращалась к себе и не хотела, чтобы меня видели, я бы скорее шмыгнула в комнату и уж не стала бы оттуда высываться.

Миссис Хитон (*неуверенно*). Да, и я так подумала. Но, видите ли, мисс Теннент очень привлекательная девушка, и я замечала, что мистер Хенли чрезвычайно внимателен к ней. Вот я и подумала, что, по-видимому, он нашел какой-то предлог зайти к ней на минутку. Это, конечно, меня совершенно не касается...

Краутер (*быстро, решительно*). Зато касается меня — если он лжет. Надо еще раз взглянуть на эти комнаты. (*Выходит налево.*)

Мисс Трейси и миссис Хитон смотрят друг на друга.

Миссис Хитон (*встревоженно*). Я же ничего не собиралась говорить. Я совсем не из тех, кто суется в чужие дела и все

вынюхивает, но вам, наверно, я показалась именно такой.
Мисс Трейси (*искренне*). Нет, не показались. Во всяком случае, мне. Я сказала вчера вечером — и сегодня утром остаюсь при том же мнении, — что вы, по-видимому, очень славная женщина. И еще я сказала, что вы сейчас кажетесь не очень счастливой. Теперь я знаю, что это так, и думаю, что знаю почему.

Миссис Хитон (*встревоженная, очень тихо*). Да, именно сейчас я не очень-то счастлива.

Мисс Трейси. Что ж, не будем об этом толковать. Но вы могли бы сказать мне, почему захотели перевестись сюда? Вы не производите впечатление женщины, которая любит перемены ради перемен. Где вы работали раньше?

Миссис Хитон. В Борнмутском отеле.

Мисс Трейси. Так я и думала. А теперь вы должны сказать мне — поверьте, я расспрашиваю об этом не из пустого любопытства, — почему вам так уж понадобилось уехать из отеля в Борнмуте? (*Так как собеседница медлит с ответом, испытующе смотрит на нее.*) Какой-нибудь мужчина из тамошнего персонала досаждал вам своим вниманием?

Миссис Хитон. Да.

Мисс Трейси (*настойчиво*). А кто именно?

Миссис Хитон (*взволнованно*). Нет, это было вовсе не так. Я не могу вам его назвать, это было бы нечестно. Но вина была не его, а моя.

Мисс Трейси. Вы хотите сказать, что он имел по отношению к вам самые серьезные намерения, а вы не могли открыть ему, что вы замужем?

Миссис Хитон. Да. Было... слишком трудно... объяснить... и мне было очень стыдно... Так что я видела только один выход из этого положения — уехать. Поэтому я и просила послать меня сюда.

Мисс Трейси (*уверенно*). Но и теперь вы не чувствуете себя более счастливой, правда? Все стало гораздо труднее, а не легче?

Миссис Хитон. Откуда вы знаете?

Мисс Трейси. Дорогая, я давно живу на свете, я не глупа, и мне не о ком беспокоиться, кроме нескольких вполне здоровых племянников и племянниц. У меня в душе не бушуют страсти — в отличие от всех вас. Поэтому я могу посвящать все свое время и энергию наблюдению за людьми. Вы просто не можете себе представить, как много интересного открывается человеку, когда он перестает считать свою личную жизнь единственно достойной внимания. Именно такие люди, как я, и должны быть сыщиками. Вот почему мне так интересно все, что здесь происходит.

Миссис Хитон. Интересно? А та бедная женщина...

Мисс Трейси *(живо)*. На вашем месте я бы не стала слишком ломать себе голову из-за этой бедной женщины.

Миссис Хитон, неприятно пораженная, смотрит на нее во все глаза. Справа входит Эдна с чашкой кофе в руках.

Эдна. Ага! Великий сыщик пошел-таки наверх?

Миссис Хитон. Да, но что здесь делаете вы, мисс Сэндарс?

Эдна. Собираюсь выпить свой утренний кофе.

Миссис Хитон *(с явным неудовольствием)*. Это я вижу. Ну а я должна вернуться к своей работе. *(Выходит налево.)*

Эдна *(усаживается на угол стола)*. Доброе утро, мисс Трейси.

Вы, кажется, приятно проводите время?

Мисс Трейси. Да.

Эдна *(спокойно)*. Я так и думала. *(Пауза.)* Не хотите ли кофе?

Мисс Трейси. Нет, спасибо.

Эдна. Возможно, вы правы. Кофе просто отвратительный.

Мисс Трейси *(встает)*. Кажется, миссис Хитон вас недолюбливает.

Эдна. Да, недолюбливает. И я о ней невысокого мнения.

Мисс Трейси. Почему? Мне она кажется очень милой женщиной.

Эдна. Знаю. Но я не особенно люблю милых женщин. Слишком уж они мягкие. А я из породы жестких.

Мисс Трейси *(вежливо, но с оттенком иронии)*. Вам это,

должно быть, доставляет удовольствие. Вы первый сезон работаете здесь, в горах?

Э д н а. Да. Я прибыла сюда вместе с этим героическим авангардом два дня назад.

М и с с Т р е й с и. И как у вас идут дела?

Э д н а. Пока что я пользуюсь примерно такой же симпатией, как эпидемия гриппа.

М и с с Т р е й с и. Но вас это не огорчает — поскольку вы из породы жестких?

Э д н а. Нет, не огорчает. Я привыкла. *(Пауза.)* А теперь, мисс Трейси, скажите-ка вы мне кое-что. Почему вы сюда приехали?

М и с с Т р е й с и. Я только что объяснила мистеру Краутеру, что оказалась здесь, потому что эта бедная женщина, пропавшая миссис Джернигэн, хотела попасть сюда и я предложила подвезти ее.

Э д н а *(ставя на стол свою чашку)*. Ах вот как вы объяснили это Краутеру?

М и с с Т р е й с и. Да.

Э д н а. Ну а теперь скажите мне, зачем вы сюда пожаловали.

М и с с Т р е й с и *(искренне забавляясь)*. Милочка, уж не обвиняете ли вы меня в том, что я даю ложные сведения о своих поступках?

Э д н а. Конечно, обвиняю.

М и с с Т р е й с и. Ну, знаете...

Э д н а. Ладно, как хотите. *(Помолчав, улыбается.)* Я слышала, что вы любите детективные романы.

М и с с Т р е й с и. Да, люблю.

Э д н а *(с загадочной улыбкой)*. Я тоже. И на работе у меня часто бывает уйма времени для чтения.

Слева с торжествующим видом входит Краутер.

Краутер. Кое-что я нашел... *(Замечает Эдну.)* Привет!

Э д н а. Привет. *(Издательски-светским тоном)* Нам необыкновенно повезло с погодой, не правда ли?

К р а у т е р. Когда вы мне понадобится, мисс Сэндарс, я пошлю за вами.

Э д н а *(беззаботно)*. Каждый раз, когда вы чувствуете, инспектор, что вам дело не по зубам...

К р а у т е р. Вон отсюда!

Эдна медленно направляется к правой двери.

(Подходит к мисс Трейси.) Да, я кое-что нашел. Наверху, в комнате Кита Хенли...

Э д н а *(дойдя до двери, быстро оборачивается)*. Минутку, мистер Краутер. Я не знаю, что вы там нашли...

К р а у т е р. И не узнаете.

Э д н а. Но если вы считаете уликой любую вещь, найденную в любой комнате, то вы просто ненормальный. Неужели вы не понимаете, что за последние два часа можно было подкинуть все, что угодно, в комнату каждого из нас? *(Помолчав.)* За исключением моей. *(Вынимает ключ.)* Она заперта, и вот ключ от нее. *(Вынимает второй ключ.)* Вот второй ключ. А больше ключей от этой двери нет...

К р а у т е р *(повысив голос)*. Я хочу получить один из этих ключей.

Э д н а. Вероятно, не вы один. *(Выходит направо, хлопнув дверь перед самым его носом.)*

К р а у т е р. Ею я займусь попозже. Неприятности ей гарантированы независимо от того, замешана она в этом деле или нет.

М и с с Т р е й с и. Что вы нашли в комнате мистера Хенли?

К р а у т е р *(ухмыляясь)*. Я нашел некое имя и адрес. *(Вынимает из кармана карточку, но держит ее так, чтобы мисс Трейси не могла прочесть.)* Хотите верьте, хотите нет, но это имя и адрес дают нам нить, которая ведет к миссис Джернигэн.

М и с с Т р е й с и. Вы хотите сказать, что то же имя и тот же адрес были на втором клочке бумаги, который вы нашли в ее комнате?

Краутер. На этот раз вы попали в точку, мисс Трейси, — в самую точку. Как вы догадались?

Мисс Трейси. Вы не сказали мне, что было на втором клочке бумаги. А сейчас говорите, что это имя и адрес дают вам нить. Какую же другую нить это может означать?

Краутер. Ну, теперь мы узнаем, чем на самом деле занимался вчера вечером Кит Хенли, прежде чем успеем состариться. Следующая на очереди — эта девушка, мисс Теннент. Хотя я и не думаю, что она как-то замешана в этом деле. Не тот тип, я бы сказал.

Мисс Трейси. Может быть, вы и правы. Но ведь вполне возможно, что эту карточку, которую вы нашли в комнате мистера Хенли, оставил там кто-то другой, верно?

Краутер. Возможно, но маловероятно. Во всяком случае, он врет.

Слева входит Элен, подтянутая и очаровательная.

Элен. Вы, кажется, хотели видеть меня, мистер Краутер.

Краутер. Да, мисс Теннент. Мне нужно задать вам еще два-три вопроса.

Элен *(улыбаясь)*. Да, пожалуйста. *(Мисс Трейси.)* Доброе утро.

Мисс Трейси. Доброе утро. Все это очень занятно, правда?

Элен *(серьезно)*. Извините, но, по-моему, здесь нет ничего занятного. Все это слишком ужасно. Бедная женщина лежит, вероятно, мертвая где-то в отделе... совершенно ужасно. Разве вы не находите?

Мисс Трейси. Нет, не нахожу. Пора нам, старым, никому не нужным перечницам, начать исчезать. Мы отнимаем слишком много времени у других людей.

Краутер. Да что вы, мисс Трейси. Прекратите эти разговоры, иначе я начну подозревать вас. Кроме того, вы не знаете, действительно ли миссис Джернигэн была никому не нужной старой перечницей. Я начинаю думать, что нет. Мисс Теннент, вы сказали, что вчера вечером, поднявшись наверх, сразу прошли в свою комнату, ни с кем не говорили

и никого не видели, пока эти три хлопка не подняли всех на ноги.

Э л е н. Совершенно верно.

К р а у т е р. Но теперь мне стало известно, что около десяти часов к вам в комнату заходил Кит Хенли и разговаривал с вами минуту-другую.

Э л е н *(с негодованием)*. Ничего подобного! После того как я попрощалась с мистером Хенли вот за этой дверью и ушла спать, я его не видела и не говорила с ним, — конечно, до того момента, когда начался переполох.

К р а у т е р. И он не приходил к вам?

Э л е н. Нет. Зачем ему было приходиться? Кто это вам сказал?

К р а у т е р. Значит, никто к вам не заходил, мисс Теннент?

Э л е н. Никто.

М и с с Т р е й с и. Вы уверены, мисс Теннент?

Э л е н. Да... ах нет, извините. Я совсем забыла...

К р а у т е р. Ах, вы забыли. Ну-ну, давайте-ка вспомним.

Э л е н. Видите ли, это был такой пустяк, что о нем немудрено забыть. В мою дверь постучали. Я вышла посмотреть, кто там. Это оказался мистер Джордан. Он сказал: «Ох, простите. Я ищу Кита Хенли». Вот и все.

К р а у т е р *(насторожившись)*. Погодите минутку! Какой отсюда может быть вывод? Это почти то же самое, что рассказал Кит Хенли. Постучали в его дверь, он выглянул и увидел удаляющегося Джордана. А вы утверждаете, что Джордан постучал в вашу дверь и сказал, что ищет Хенли. Так что же делал Джордан — стучал в двери и уходил? Это же сушья бессмыслица.

Э л е н. Тем не менее все было именно так.

К р а у т е р. По словам миссис Хитон, комната которой рядом с вашей, она слышала, как кто-то вошел к вам, а потом слышала ваши голоса.

Э л е н *(спокойно)*. Она ошиблась. Она, должно быть, слышала, как я отвечала на стук мистера Джордана. И в конце концов, зачем кому бы то ни было заходить ко мне в такой час?

К р а у т е р *(разозлившись)*. Об этом надо спрашивать не меня.

Я сам мог бы задать десятки подобных вопросов. Зачем кому-то понадобилось слоняться по коридорам и стучаться в двери? Зачем кому-то понадобилось врать или «забывать» о том, что с ним произошло? Зачем престарелой даме понадобилось исчезать из запертой комнаты? Я бы мог породить такие вопросы часами.

Мисс Трейси. Знаете, это неплохая мысль, только, по-моему, вам бы следовало заняться этим наедине с самим собой.

Элен. Боюсь, что мне больше нечего вам сказать.

Краутер. Здесь это излюбленная фраза. А потом оказывается, что у всех есть что еще сказать.

Слева вбегает страшно взволнованная Сэлли.

Сэлли (*едва переводя дыхание*). Послушайте, мистер Краутер, какое право имеет Эдна Сэндарс хозяйничать в комнате, где это стряслось?

Краутер (*поспешно*). Она сейчас там?

Сэлли. Да, шарит там, хватает то одно, то другое...

Краутер (*устремаясь влево*). Сейчас я оттуда пугану эту мерзавку! (*Выбегает, за ним — Сэлли.*)

Мисс Трейси и Элен смотрят друг на друга и улыбаются.

Мисс Трейси. Почему вы решили работать в отелях, мисс Теннент?

Элен. Видите ли, деньги начали иссякать — это часто случается в наши дни, — а я много занималась спортом и умею ладить с людьми, поэтому для начала я пару раз устраивалась в Швейцарии инструктором по зимним видам спорта. А потом, в прошлом году, меня взяла на работу эта Компания; так я оказалась в отеле в Каннах.

Мисс Трейси. Скажите, а кто там отвечал за спорт и развлечения? Случайно, не миссис Моррисон?

Элен. Да, я была ее помощницей.

Мисс Трейси. Она вам нравилась?

Элен (*с преувеличенным восхищением*). О да, она само очаро-

вание и очень мило относилась ко мне... Чудесное было время.

Мисс Трейси. Приятно слышать! И все-таки вы предпочли перебраться сюда?

Элен. Конечно, мне было очень жаль покидать Канны, но там я была лишь помощницей, а здесь мне предложили самостоятельную работу. По правде сказать, мне безумно хочется добиться здесь успеха. Вот почему я решила приехать пораньше и немного осмотреться. Надеюсь, что, когда эта ужасная история попадет в газеты, она не испортит нам сезон?

Мисс Трейси *(сухо)*. Ужасные истории никогда никого не отпугивают, милая моя. Они только служат приманкой. Но, я думаю, мы сможем устроить все так, чтобы в газеты ничего не попало. Не исключено, что снегопад для нас — большая удача.

Справа входит Джордан. Он явно взволнован.

Джордан. Где мистер Краутер?

Элен *(отходя от стола направо)*. Он пошел наверх, мистер Джордан.

Мисс Трейси. Ах да... Вы, конечно, и есть мистер Джордан.

Джордан *(нервно)*. Вот именно, а вы — мисс Трейси, *(направляется к ней)* гостья, которая до срока приехала сюда и привезла нам все эти неприятности. Ну, теперь можно считать, мы представились друг другу. Доброе утро. Как вы себя чувствуете?

Мисс Трейси *(невозмутимо)*. Благодарю вас, я провожу время самым восхитительным образом.

Джордан *(пессимистично)*. А я провожу время самым отвратительным образом. Я ненавижу эту кухню. Я ненавижу этот отель. Нас занесло снегом. По всей вероятности, убита старушка. Нам достался самый тупой сыщик в Европе. Если старушка допускает, чтобы ее убили у него под носом, то ничего другого она не заслуживает.

Мисс Трейси (*в восторге от него*). Мистер Джордан, будьте осторожны.

Джордан. С какой стати? Зачем мне осторожничать?

Мисс Трейси. Затем, что очень скоро мистер Краутер пожелает узнать, почему вы разгуливаете по ночам и стучите во все двери. Между прочим, вы стучали к мисс Теннент?

Джордан. Не помню, но, если она говорит, что стучал, значит, стучал.

Входит взбешенный Краутер, за ним — Эдна.

Краутер (*Эдне*). Сидите теперь вот тут (*указывает*) и помалкивайте.

Эдна усаживается с издевательски покорным видом.

(*Мисс Трейси.*) Мне она здесь не нужна, но я вынужден либо глаз с нее не спускать, либо посадить под замок.

Мисс Трейси. Тогда пусть она остается. Не начинать же нам сажать людей под замок. Между прочим, мистер Джордан подтверждает то, что рассказала мисс Теннент. Он действительно стучался в ее дверь.

Краутер (*отходя к буфету*). Ясно. (*Элен.*) Мисс Теннент, больше вы ничего не забыли мне рассказать?

Элен (*улыбаясь*). Нет, уж на этот раз — действительно ничего.

Краутер. В таком случае (*отпуская ее самым любезным жестом, на какой он способен*) мы не станем больше затруднять вас. Спасибо.

Элен направляется к левой двери.

Эдна (*насмешливо-проникновенным тоном*). И спасибо вам за то, что ваше милое, прелестное личико озарило наш бедный старый дом.

Элен (*подойдя к Эдне, не повышая голоса*). Вы знаете, я очень сильная. И если вы не уйметсяь, то вашему личику скоро как следует достанется.

Краутер (*с энтузиазмом*). Вот это разговор, мисс Теннент!

Элен (*продолжая все тем же приятным, ровным тоном*). Видите

ли, до сих пор вы пользовались тем, что я здесь человек новый и не люблю скандалов. Но предупреждаю — я терпела от вас ровно столько, сколько могла. (*Поворачивается, улыбается всем остальным и выходит в левую дверь.*)

М и с Т р е й с и. Удивительное присутствие духа у этой девушки!

К р а у т е р (*посмеиваясь*). Осадила она нашу острячку. Теперь она прикусит язычок.

Э д н а (*не смущаясь*). Не слишком на это рассчитывайте.

К р а у т е р (*направляясь к Эдне*). Вот что, вы, кажется, умеете стенографировать? Есть у вас при себе блокнот и карандаш?

Э д н а. Есть. И вы были бы очень удивлены, узнав, что я записала своим карандашом в своем блокноте.

К р а у т е р. Меня это не интересует. Но раз уж вы здесь, пусть от вас будет хоть какой-то прок: записывайте все, что тут говорится.

Э д н а (*доставая блокнот*). С удовольствием, мистер Шерлок Холмс.

К р а у т е р (*агрессивно*). Ну, Джордан, мне кажется, пора послушать и вас, как вы считаете?

Д ж о р д а н (*выходя вперед*). Может, и пора. Только мне нечего сказать...

К р а у т е р (*обращаясь ко всем*). Слыхали? Еще один. Ему нечего нам сказать. Однако каждый, кто тут рассказывал о вчерашних событиях, почему-то обязательно упоминал вас.

Д ж о р д а н (*ошеломленный*). Как?

К р а у т е р. Вот так. Вы стучали в двери. Насколько я понимаю, не успели вы вчера вечером подняться наверх, как принялись стучать во все двери. Зачем?

Д ж о р д а н (*равнодушно*). Ни за чем.

К р а у т е р (*остолбенев*). Что-с?

Д ж о р д а н (*громче, но так же равнодушно*). Я сказал — ни за чем. Я стучу в двери. Такой я человек — стучу в двери, и все тут.

Э д н а. Это записывать, доктор Торндайк?

Краутер (*укоризненно, Джордану*). Так мы ни до чего не договоримся.

Мисс Трейси. Нам бы очень хотелось знать, мистер Джордан, почему вы стучите в двери.

Джордан (*теперь уже с отчаянием*). Да я же сказал вам. Вот такой я чудак — стучу в двери. Это не значит, что я преступник. Я не похищаю и не убиваю старушек.

Эдна. Он просто стучит в двери. Это такой старинный французский обычай.

Краутер. Минуточку. Вы стучите в одну дверь и говорите, что ищете Кита Хенли. Вы стучите в дверь Кита Хенли и затем просто уходите... Во всяком случае, так говорит он. Ну, и как же вы объясняете это?

Джордан (*пожимая плечами*). Никак не объясняю.

Краутер (*кричит*). Тогда советую вам объяснить! Вчера вечером в этот отель приехала миссис Джернигэн. В ее комнате кто-то три раза стрелял. На ее платке — пятна крови. А сама она исчезла.

Джордан (*кричит в ответ*). Но я не стрелял в ее комнате, не оставлял пятен крови на платке и не выбрасывал ее тело из окна! Я всего лишь человек, который стучит в двери!

Краутер. Да, но почему, почему? Вы что, спятили?

Джордан. Думаю, что я и в самом деле спятил.

Краутер. Похоже на то. И все мы здесь тоже скоро спатим.

Эдна (*после паузы*). Можно вставить словечко, инспектор Френч?

Краутер (*с отвращением*). Нельзя.

Мисс Трейси. Можно. Говорите.

Эдна. Я заставила поработать свое серое вещество. Теперь мне все ясно. Перед нами не Арнольд Джордан. Он исчез вчера вечером. Это переодетая миссис Джернигэн, которая под видом Арнольда Джордана стучит во все двери, потому что не может найти свою комнату.

Краутер (*в ярости*). Убьётеесь вы отсюда или нет?

Эдна (*поспешно встает и направляется к левой двери*). Конечно, сейчас же. С превеликим удовольствием...

Краутер (*останавливая ее*). Нет, останьтесь. Я совсем забыл.
Эдна возвращается на свое место.

(*Поворачивается к Джордану.*) Ладно. Не хотите говорить — не надо. Но не воображайте, что вам удастся выкрутиться.

Джордан. Мне больше нечего вам сказать. И выкручиваться мне незачем. Вы заблуждаетесь, приятель. (*Выходит в правую дверь.*)

Краутер (*с тяжким вздохом вытирает лоб*). Видите, каждый что-то скрывает. Все это дело с самого начала было похоже на какой-то бред, а теперь они превращают его в форменное безумие.

Мисс Трейси (*бодро*). Видимо, мы не можем заняться отпечатками пальцев. А я всегда так об этом мечтала.

Краутер. Вас послушать, так можно подумать, что мы здесь в фанты играем. Тут где-то кроется подвох...

Эдна. Меня бы это ничуть не удивило.

Краутер. Пойду еще разок осмотрю ту комнату, прежде чем продолжать допрос. (*Грозно, Эдне.*) Вы остаетесь здесь! И отсюда — ни ногой!

Эдна (*с шутовским смирением*). Слушаюсь, сэр.

Краутер выходит в левую дверь. Мисс Трейси и Эдна смотрят друг на друга.

Мисс Трейси. Не понимаю, что тут разыгрывает Джордан, Я уверена, что он невинен как младенец.

Эдна (*мирно*). Конечно, невинен. Всем, кроме Краутера, это ясно с первого взгляда.

Мисс Трейси. Но мне бы хотелось узнать, почему он вчера бродил по отелю и стучал в каждую дверь.

Эдна (*спокойно закуривая сигарету*). Я скажу вам, если вы обещаете не рассказывать Краутеру, а то он все испортит.

Мисс Трейси (*с жаром*). Конечно, обещаю.

Эдна. Джордан искал комнату своей жены.

Мисс Трейси. Жены? Нет, не называйте ее. Я попробую

угадать. (*На мгновение задумавшись.*) Он муж миссис Хитон.

Эдн а. Ну конечно же.

Мисс Трейси. Да, теперь я понимаю. Но вы-то как узнали?

Эдн а. Я догадалась вчера вечером. Он говорил нам, что ему следовало бы выступать по радио, а она сказала: «Кто бы стал слушать вас?» А ведь она милая, мягкая, благовоспитанная и вежливая женщина, и так разговаривать она могла бы только с одним человеком — со своим мужем, особенно если перед этим они поругались.

Мисс Трейси. Вчера вечером я сразу сказала, что вы очень сообразительны.

Эдн а. По той же причине он просил, чтобы его перевели сюда. Он был первым помощником шеф-повара в нашем лондонском отеле, а он из тех людей, которые предпочитают жить в Лондоне, а не здесь, в горах. Но когда он услышал, что сюда едет она, он тоже попросил о переводе. Я с самого начала подумала, что они какие-то странные. Очевидно, дело было так: они поженились тайно, вскоре после этого у них вышла размолвка, и, вероятно, на какое-то время они расстались, — а теперь уж им приходится помалкивать, пока у них не наладятся отношения.

Мисс Трейси. Он наверняка ищет примирения — иначе он бы сюда не приехал...

Эдн а. Да и не стал бы искать ее комнату. А она встала в позу гордой неприступности. Эти мягкие женщины бывают ужасно упрямыми, когда по-настоящему задеты их чувства.

Мисс Трейси. Мы должны что-то сделать для них.

Эдн а. Это легко устроить. Совершенно ясно, что она все еще любит его — иначе она не была бы так несчастна, и нам нужно только слегка подлить масла в огонь — сыграть на том, что он под подозрением. Ну, как?

Мисс Трейси. Я могла бы с ней поговорить.

Справа входит Клара. Вид у нее встревоженный.

О... вы не знаете, где миссис Хитон?

К л а р а (*оставаясь у самой двери*). Думаю, что она в своей комнате наверху, мэм.

М и с с Т р е й с и *выходит в левую дверь. Клара смотрит на Эдну округлившимися глазами.*

Э д н а (*направляясь к ней*). Знаете, Клара, вид у вас совсем не веселый.

К л а р а (*мрачно*). Ой, мисс Сэндарс, у меня и на душе совсем не весело. (*Понизив голос.*) Мне страшно.

Э д н а. Не собираетесь же вы сказать, что именно вы все это на-
творили.

К л а р а (*горячо*). Ой, мисс Сэндарс, я-то вовсе тут ни при чем. Надо же! Выстрелы! Платки в крови! Мне даже подумать об этом жутко! Я часто читала про такие дела в газетах, но мне и в голову не приходило, что я окажусь замешанной в одно из них! Если бы только моя мама знала, она бы не разрешила мне оставаться здесь ни минуты!

Э д н а. Да, но ваша мама ничего не знает, а вам все равно отсюда не выбраться.

К л а р а. Ой, конечно... И от этого все еще гораздо хуже. (*Подойдя ближе, очень доверительно.*) Мисс Сэндарс, им уже известно, кто это сделал?

Э д н а (*слегка пародируя тон собеседницы*). Нет, Клара. Но мистер Краутер считает, что вчера вечером мистер Джордан вел себя крайне подозрительно.

К л а р а. Но вы же не думаете, что это сделал мистер Джордан, правда?

Э д н а. Не знаю.

К л а р а. А как по-вашему, не мог он втянуть в это дело Сэлли?

Э д н а (*насторожившись и став серьезной*). Сэлли? С какой стати? (*Видя, что Клара колеблется.*) Говорите же!

К л а р а (*доверительно*). Понимаете, Сэлли вчера, перед тем как пойти спать, болтала тут разное насчет мистера Джордана — какой он симпатичный и все такое, — хотя раньше я думала, что она на Фреда глаз положила... а потом, когда

мы поднялись к себе в комнату, она вышла и не сказала, куда идет; я так и не знаю, где она была, — понимаете?

Э д н а. Вы никому об этом не рассказывали?

К л а р а *(еще более расстраиваясь)*. Ой, что вы! И вы, мисс Сэндарс, никому не говорите. Но, понимаете, Сэлли после этого какая-то странная стала. А мне так страшно, мисс Сэндарс. Я все время чувствую, как сердце колотится. Всю ночь я заснуть не могла, и всякий раз, как вхожу в комнату или открываю буфет, мне прямо худо становится — все кажется, что я там увижу мертвое тело. *(Садится и начинает плакать.)*

Э д н а. Ну, ну, не волнуйтесь, ничего такого там нет.

К л а р а *(рыдая)*. Вам-то хорошо, — а ведь это я провожала бедную старушку в ту комнату... и вот...

Э д н а *(решительно)*. Говорю вам, успокойтесь. Тела миссис Джернигэн вы не увидите нигде — ни в комнате, ни в буфете.

К л а р а *(все еще всхлипывая)*. Кто знает...

Э д н а. Я знаю. Мне точно известно, что ее тела в отеле нет.

К л а р а *(установившись на нее)*. Откуда вы это можете знать?

Э д н а. Неважно. Знаю, и все. Так что не беспокойтесь. Вам абсолютно нечего бояться.

Клара все еще смотрит на нее и вытирает глаза, когда входит Краутер, за ним следуют Фред и Сэлли.

К р а у т е р *(резко)*. Что здесь происходит?

Э д н а. Ничего. Малышка перетрусилась, а я сказала, что ей нечего беспокоиться.

К р а у т е р *(ядовито)*. Вот как, вы ей сказали, что ей «нечего беспокоиться».

Э д н а *(столь же ядовито)*. Вот именно, я ей сказала. И вы больше не нагоняйте на нее страху.

К р а у т е р. Десять против одного, что она что-то скрывает — иначе бы так не перетрусилась.

К л а р а *(мгновенно всполошилась)*. Ой, нет, я ничего не скрываю, правда, ничего!

Э д н а. Нечего ей скрывать. Оставьте ее в покое. Посмотрим-ка лучше, что вам удастся выведать у этих двоих.

Ф р е д (*сердито*). Мое дело сторона. Больше я ничего не могу сказать вам, мистер Краутер. Вчера вечером я рано поднялся в свою комнату. Там и оставался, пока не началась суматоха, тогда я и вышел поглядеть, в чем дело. Я ушел спать еще до приезда этих двух дам. Я их и в глаза не видал и не знал даже, что они здесь.

К р а у т е р (*любезно*). Да, Фред, вы правы. Думаю, мы можем вами больше не заниматься. Вы отправились к себе в комнату, оставались там и ни с кем не говорили, пока все не выскочили на лестницу, так?

Ф р е д (*с готовностью*). Именно так, мистер Краутер. Могу это повторить хоть под присягой.

С э л л и (*непроизвольно*). О, Фред!..

Ф р е д (*обернувшись*). Что это еще за «о, Фред»?

К р а у т е р. Да-да, послушаем теперь вас, Сэлли Как-вас-там. Мне, как вам известно, уже не впервой приходится серьезно беседовать с вами.

С э л л и (*с отвращением*). Вы все никак не можете позабыть ту историю?

К р а у т е р. Не могу. В таких случаях память у меня очень хорошо работает. Так что же все-таки означало это «о, Фред»?

С э л л и (*угрюмо*). Ничего. Просто вырвалось.

К р а у т е р. Знаю, что «просто вырвалось». Потому и интересуюсь. Что это значит?

С э л л и. Ничего не значит.

К р а у т е р. Ну, ладно, увидим. Стало быть, вчера вечером вы поднялись вверх первая — раньше своей соседки по комнате?

С э л л и. Да. Потому что я вас больше видеть не могла.

К р а у т е р. Охотно верю. Вы прошли прямо в свою комнату?

С э л л и. Нет.

К р а у т е р. Вот как? А куда же вы пошли?

Сэлли не отвечает.

Краутер. Отвечайте же.

Эдна. Поистине, мистер Краутер, вам бы следовало признать за нами право хоть на краткое уединение. Вы найдете это местечко слева на верхней площадке лестницы.

Краутер. Ну, хватит, хватит. А добравшись до своей комнаты, вы в ней остались?

Сэлли. Разумеется. А по-вашему, я всю ночь должна шататься туда-сюда?

Краутер. Нет, но именно этим, по-видимому, тут занимались многие из вас. *(Кларе, свирепо.)* Когда вы пришли в комнату, она там была?

Клара. Да.

Краутер. И никуда не выходила?

Клара *(чуть смешавшись)*. Да.

Краутер *(пристально глядя на нее)*. Да ну?!

Клара *(в страхе и смущении)*. Да-а, по-моему.

Краутер *(с отвращением)*. «По-вашему»! Обе вы врете! Ладно, я доберусь до правды.

Фред *(вкрадчиво)*. Мистер Краутер, я вам больше не понадобится?

Краутер. Лучше задержитесь, Фред, я просил всех еще раз собраться здесь. *(Указывая направо.)* Вы трое, побудьте пока вон там. *(Направляется к Эдне.)* А теперь я кое-что скажу вам — и конец вашим фокусам. Почему вы работаете тут под чужим именем?

Эдна. Вы что, обыскивали мою комнату?

Краутер. Обыскивал. Мне не нравятся люди, которые запирают свои комнаты и воображают себя очень умными, если ключи при них. Я нашел еще один ключ, который вы прозевали. А потом я нашел массу всяких других вещей. В том числе кое-какие письма, в которых вас называют не Эдной Сэндарс.

Слева входят Кит и Джордан.

Кит. Что происходит, Краутер?

Краутер. Я просто спрашиваю эту больно умную особу, почему она работает под чужим именем.

К и т. А как ее настоящее имя?

Входят мисс Трейси, Элен и миссис Хитон.

Краутер (*выждав, пока все успокоятся*). Ее настоящее имя — Ченнелфорд. (*Смолкает и торжественно смотрит на Эдну.*) Ченнелфорд!

Э д н а (*спокойно*). Что ж, вы все-таки докопались и, надеюсь, теперь довольны. Моим отцом был Ченнелфорд, тот самый, который известен своими банковскими аферами. Он умер... в тюрьме... пять лет тому назад. Я взяла фамилию матери. (*Медленно пытается к правой двери, держа руки за спиной, так что ей удается незаметно повернуть ключ и вынуть его.*)

Краутер. А Компании было известно, что к одной из своих касс она приставила дочь Ченнелфорда?

Э д н а. Нет, у вас появилась возможность сообщить им об этом. Должно быть, это станет звездным часом в вашей жизни. (*Направляется к левой двери.*)

Ф р е д (*наблюдавший за ней, резко*). Смотрите-ка, она заперла эту дверь. (*Подходит к двери и пробует ее открыть.*)

Краутер (*сердито*). Вы заперли?

Э д н а. А вы проверьте. (*Когда он делает шаг к правой двери, внезапно и быстро устремляется к левой двери, вынимает ключ, выбегает и запирает дверь снаружи.*)

Краутер (*повернувшись, кидается к двери*). Эй! Она нас тут заперла. (*Яростно дергает ручку, но дверь крепко заперта.*)

М и сс Т р е й с и (*в восторге*). В жизни ничего подобного не видела! Ну и смышленная девица!

Краутер дергает левую дверь, Фред — правую. Остальные в изумлении смотрят либо на двери, либо друг на друга, и только мисс Трейси хихикает.

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же после полудня.

Правая дверь открыта — она взломана. Мисс Трейси сидит у стола, разглядывая небольшой револьвер. Клара стоит справа и смотрит на нее. Прежде чем начать говорить, мисс Трейси в течение нескольких мгновений изучает револьвер.

Мисс Трейси. Гмм! Так вы нашли его на втором марше лестницы, ведущей в вашу спальню?

Клара. Да, мисс Трейси.

Мисс Трейси. Вы к нему прикасались?

Клара. Ну а как бы я принесла его сюда, если бы не прикасалась к нему. Но я его несла в переднике.

Мисс Трейси (*в восторге*). Клара, мы должны поискать на нем отпечатки пальцев.

Клара. Чьих?

Мисс Трейси (*задумчиво глядя на нее*). Чьих?

Клара. А в чем дело, мисс Трейси?

Мисс Трейси (*задумчиво*). Я не могу решить — идиотский ваш вопрос или настолько разумен, что нет никакого смысла искать отпечатки пальцев. (*Думает.*) Нет, нам нужно найти владельца этого револьвера.

Клара. Так ведь мы могли бы спросить у них, чей он.

Мисс Трейси (*жалобно*). Не портите мне удовольствие, Клара. Я хочу поискать отпечатки пальцев.

Клара берет револьвер и, рассматривая его, держит так, что, когда мисс Трейси поднимает голову, он оказывается на целенным прямо ей в переносицу.

Если мы обнаружим на нем явные отпечатки, они и будут отпечатками пальцев владельца. Тогда нам останется только получить отпечатки всех. Вы будете подавать им стаканы — я об этом часто читала — и... (*Взглянув на револьвер,*

замечает, куда он направлен.) Между прочим, Клара, если... гм... сейчас по полу пробежит мышка или вы вдруг чихнете, то впечите мне пулю в лоб. Сделайте одолжение, опустите револьвер.

Клара поспешно выполняет указание.

Теперь нам нужен белый порошок. Вероятно, сойдет и пудра.

К л а р а (с готовностью). Моя наверху... Но она розовая. А мука не годится?

М и с с Т р е й с и. Можно попробовать. Принесите немножко в блюдце.

К л а р а выходит направо.

Но нам необходимо раздобыть... ах, как же называются эти штуки? Я читала о них много раз... рас... рас... распылитель. Да, именно так — распылитель.

К л а р а вносит блюдце с мукой.

У нас его нет?

К л а р а. Кого — его?

М и с с Т р е й с и. Распылителя.

К л а р а (ставит блюдце на стол). Даже и не слыхала о таком, мисс Трейси.

М и с с Т р е й с и (вставая). Придется мне дуть самой вместо распылителя. Ну, ладно... держите... вот так (*кладет револьвер на ладонь Клары*), теперь немножко приподымите его... так... а я возьму блюдце... (*берет блюдце и подносит его к револьверу и к лицу Клары, так как Клара наклонилась*) и теперь тихонько подую... (*Так и делает.*)

Какое-то количество муки попадает на револьвер, но гораздо большее — на лицо Клары, которое оказалось чересчур близко. Клара неудержимо чихает.

(*Не обращая внимания на Клару, берет револьвер и сосредоточенно его разглядывает.*) Гм! Оказывается, это не так

просто... Конечно, у нас еще остается другая сторона, и, быть может, она скажет нам больше, но здесь я ничего не могу разобрать. Похоже, что он побывал в зубах у собаки. Но это уж полная нелепость.

Клара опять оглушительно чихает.

(Даже не удостоивает ее взглядом.) Перестаньте, Клара. Это ужасно мешает. Боюсь, вы не вполне прониклись духом нашего расследования.

Она все еще разглядывает револьвер, а Клара, с белым от муки лицом, тупо смотрит на нее, когда слева входит Краутер. У него вид измученного, вконец растерянного и доведенного до белого каления человека. Он подходит к столу и стоит, взирая на мисс Трейси, изучающую покрытый мукой револьвер, на белое лицо Клары так, словно это последняя капля, переполнившая чашу его терпения.

(Подняв наконец глаза, жизнерадостно.) О, мистер Краутер! Как идут дела?

Краутер *(еле сдерживаясь)*. Не будете ли вы любезны объяснить мне, чем вы тут занимаетесь?

Мисс Трейси *(бодро)*. Охотно. Мы ищем отпечатки пальцев.

Краутер *(с убийственной иронией)*. «Отпечатки пальцев»! Поглядите-ка сюда! *(Указывает на Клару.)* И сюда! *(Указывает на револьвер и тут же узнает его.)* Да это же мой револьвер! *(Выхватывает револьвер.)* Вы что, пытаетесь запечь его в мясной пудинг? *(С отвержением сдувает муку в лицо Кларе.)*

Она снова чихает.

Мисс Трейси *(холодно)*. Значит, Клара, этот вопрос решен. Владелец револьвера — мистер Краутер.

Клара *(холодно)*. Да, мисс Трейси.

Краутер *(поворачиваясь к Кларе)*. Уберите эту пакость, а потом пойдите и умойтесь. «Отпечатки пальцев»! И зарубите себе на носу, что здесь есть только один детектив — я.

К л а р а (*забирает блюдо и направляется к выходу*). Хорош детектив, нечего сказать. (*Выходит в правую дверь.*)

К р а у т е р. И вам тоже не мешает кое-что запомнить, мисс Трейси. Женщина, которая вчера приехала в отель, исчезла: вероятно, она убита. Не забывайте об этом, когда ищете развлечений, не забывайте.

М и с Т р е й с и. Стараюсь. Вы не переставая твердите, что мы должны об этом помнить. Но такую женщину, как эта миссис Джернигэн, как-то невозможно все время помнить. Я еще вчера вечером подумала об этом. (*Смолкает, а затем оживленно продолжает.*) Да, а вы нашли эту девушку, Эдну Сэндарс?

К р а у т е р (*раздраженно*). Нет; не нашел, и, если она сейчас находится в отеле, значит, я слепой. С ума здесь можно сойти. Сначала исчезает эта самая миссис Джернигэн — причем исчезает из комнаты, в которой заперты изнутри обе двери и окна закрыты на задвижки. Затем эта девица запирает нас здесь, тем самым выигрывает пять минут — и тоже бесследно исчезает. Я ищу ее четыре часа без передышки. Никаких следов! Пропала, и все тут! Спрашивается; где она? И где миссис Джернигэн, живая или мертвая? Что это такое — отель или дворец египетских чудес в Блэ KPUле?

М и с Т р е й с и. На какой из ваших вопросов мне отвечать в первую очередь?

К р а у т е р (*раздраженно*). На любой.

М и с с Т р е й с и (*бодро*). Тогда, по-моему, это — дворец египетских чудес.

К р а у т е р. Ох... (*Замолкает, так как справа входит Кит.*)

Кит в пальто. Очевидно, он выходил из дома.

Где это вы были?

К и т. На улице.

К р а у т е р (*воинственно*). Вы не просили у меня разрешения выйти.

К и т. А зачем мне просить?

К р а у т е р (*так же*). Потому что пока еще — до приезда поли-

ции — здесь распоряжаюсь я и я не могу допустить, чтобы лица, находящиеся под подозрением, расхаживали где им вздумается.

К и т. Но, Краутер, вы же не подозреваете меня?

К р а у т е р. Не подозреваю? Тогда объясните мне вот это... (*Вынимает обрывок записки и протягивает его Киту.*)

К и т (*читая*). Что это такое? «Улица Морни, Алжир». (*Недоуменно, Краутеру.*) Что это значит?

К р а у т е р. Вы, конечно, раньше эту бумажку и в глаза не видели, да?

К и т. Не видел. Мне она ничего не говорит.

К р а у т е р. Однако я нашел ее в вашей комнате. И я вам скажу еще кое-что. Другой клочок бумаги — с тем же адресом: «Улица Морни, Алжир» — был найден вчера вечером на полу в комнате миссис Джернигэн.

Кит онемел от изумления.

Теперь вы понимаете, почему я не могу позволить вам разгуливать где заблагорассудится?

К и т (*тихо*). Да. Думаю, это вполне разумно, Краутер. В любое время, когда я вам понадобится, я буду здесь.

К р а у т е р (*нелюбезно*). Так-то лучше.

М и с с Т р е й с и. По-моему, мистер Краутер, мы сегодня с вами пришли к выводу, что этот клочок бумаги мог утром подбросить в комнату мистера Хенли кто угодно. Возможностей для этого было предостаточно.

К и т. Благодарю вас, мисс Трейси.

К р а у т е р (*передразнивая Кита*). Да, «благодарю вас, мисс Трейси». А теперь, мисс Трейси, послушайте меня. Мне надоело, что вы все время ввязываетесь не в свое дело и начинаете мне мешать. Если это повторится, то уж я возьму грех на душу и запру вас в вашей комнате, пока не прибудет полиция... а если вы последуете моему совету, то сами отправитесь в свою комнату немедленно.

М и с с Т р е й с и (*невозмутимо*). У меня нет ни малейшего намерения следовать вашему совету, мистер Краутер.

Краутер (*бросив на нее негодующий взгляд, поворачивается к Киту*). Зачем вы выходили из отеля?

Кит. Может быть, вы этого не заметили, но снег тает уже несколько часов. Я хотел посмотреть, не уменьшились ли сугробы.

Мисс Трейси. И что же?

Кит. По-моему, дорога уже вполне очистилась. И кто-то, видимо, успел заметить то же самое.

Краутер. Эта девушка?

Кит. Да, вернее всего, — Эдна Сэндарс. Все остальные — здесь.

Краутер (*возбужденно*). Вы уверены?

Кит. Пойдите и посмотрите сами. Там видны следы шин, совершенно свежие. И не хватает одной из машин.

Краутер. Чьей?

Кит. Вашей.

Краутер (*остолбенев, в ярости*). Что?! Моей машины?..

Кит. К сожалению, так, Краутер. Должно быть, она удрала в вашей машине.

Краутер (*свирепо*). Ах, она... (*Не договаривает, не желая произносить бранное слово.*) Это выдает ее с головой — и решает все дело. Но мне нужно убедиться. (*Поспешно выходит направо.*)

Мисс Трейси. Зато это снимает подозрения с вас. Потому что даже Краутер — а такого тупицу не часто встретишь, — даже он вряд ли может поверить, что вы и эта Эдна Сэндарс были сообщниками. Вы же ее недолюбливаете, правда?

Кит (*нерешительно*). Как вам сказать... Она, конечно, не из тех девушек, которые мне нравятся. Мы не очень-то ладили, она бывала уж чересчур дерзкой, и мне приходилось не раз отчитывать ее за то, что она грубила мисс Теннент.

Мисс Трейси (*задумчиво*). Могу себе представить...

Кит. И все-таки... мне не хочется думать, что она причастна к этому ужасному делу. Хотя, по-видимому, это все-таки так.

Мисс Трейси (*задумчиво*). По-моему, ей известно больше, чем кому-либо из вас. (*Смотрит на Кита.*) Жаль...

Кит (*медленно, с горечью*). Да, и мне почему-то жаль.

Слева входит взволнованный Джордан.

Джордан. Краутер просил меня опять прийти сюда. Снова вопросы. Почему? Почему? Почему? А мне нечего ему сказать. Нечего! Нечего! Нечего!

Мисс Трейси. Мистер Хенли, можно вас попросить об одной услуге?

Кит (*подойдя к ней*). Конечно, мисс Трейси.

Мисс Трейси. Пойдите сейчас же к миссис Хитон и скажите ей, что мистера Джордана вот-вот арестуют.

Озадаченный Кит колеблется.

Это не шутка. Идите, пожалуйста.

Кит выходит налево.

Джордан. Значит, вы докопались до правды? Кажется, именно вам следовало бы быть сыщиком.

Мисс Трейси. Я всегда мечтала об этом, но боюсь, теперь уже слишком поздно.

Джордан. Нет, нет! Вы еще так молоды... Полны энергии... энтузиазма... вы проникательны...

Мисс Трейси (*вставая*). Мистер Джордан, за эти идиотские, но совершенно восхитительные слова я сделаю вас счастливым человеком. Есть у вас зубная щетка?

Джордан. У меня есть три зубные щетки.

Мисс Трейси. Можете вы их упаковать?

Джордан. Но зачем?

Мисс Трейси. Чтобы сбежать — вместе с вашей женой. Конечно, если вы еще любите ее.

Джордан (*с энтузиазмом*). Мисс Трейси, я обожаю эту женщину. У нее масса недостатков. Она слишком невозмутима, слишком непреклонна, слишком требовательна, слишком придирчива. Но я ее обожаю. Она статуя, камень, лед...

Слева вбегает миссис Хитон.

Миссис Хитон. О, Арнольд! Арнольд! (*Бросается к нему в объятия*).

Джордан. Любовь моя! Ангел мой!

Миссис Хитон (*чуть не плача*). Они не посмеют тебя тронуть!

Джордан. Когда ты со мной, я непобедим.

В то время как они стоят, с нежностью глядя друг на друга, справа входит Клара.

Клара (*бросает на них испуганный взгляд*). Ой!

Мисс Трейси (*властно*). Да, да, Клара, вы можете идти.

Клара выходит.

Мистер Джордан! Зубные щетки. И вашу и ее, понятно? И поспешите.

Джордан. Ясно. (*Миссис Хитон.*) Любимая моя, я должен отлучиться — всего лишь на минутку, и потом мы уже никогда не расстанемся.

Миссис Хитон (*проводит его взглядом, затем поворачивается к мисс Трейси*). Ему что-нибудь угрожает?

Мисс Трейси (*сидя справа у маленького столика*). Нет. Но вы меня удивляете, миссис Джордан. Как вы ухитрились поссориться с таким восхитительным мужем, который вас обожает?

Миссис Хитон. Во всем виновата я. Мы поженились тайно — из-за деловых соображений. Потом мы одновременно взяли отпуск и уехали — и это был наш медовый месяц. А потом почти сразу мы поссорились. Он на меня рассердился.

Миссис Трейси (*строго*). А я-то думала, что такая женщина, как вы, может легко совладать с ним, даже если он сердит на вас. Почему вы не сделали ему что-нибудь особенно приятное? Не приготовили для него что-нибудь вкусненькое?

Миссис Хитон. Это для него-то, для шеф-повара?

Мисс Трейси. Из-за чего же вышла ссора?

Миссис Хитон. Там был конкурс на новый десерт. Он при-

думал одно блюдо... и назвал его «Мандариновая роза» — в мою честь.

Мисс Трейси. Но это очень мило! В мою честь никто ничего не называл. Из чего же был сделан этот десерт?

Миссис Хитон. Ломтики мандаринов... и ванильное мороженое... с шоколадным соусом. Он приготовил немножко для меня. А я... *(почти в слезах)* я сказала, что это тошнотворно.

Мисс Трейси. По вашему описанию, это и в самом деле тошнотворно.

Миссис Хитон *(с негодованием)*. Ничего подобного! Это прекрасно! И всем нравится. А потом...

Мисс Трейси. Понимаю. Вы рассорились. Потом вы оба приехали сюда, он не мог найти вашу комнату и пошел стучать во все двери подряд. А теперь единственное, что вам нужно сделать, — это увести его отсюда, куда угодно, и окружить всяческой заботой. *(Обнимает миссис Хитон за плечи и ведет к правой двери.)* Вот поэтому я и отправила его собрать кой-какие вещи — ваши и его.

Миссис Хитон *(у нее перехватило дыхание)*. Но мистер Краутер не позволит нам уехать.

Мисс Трейси. Перехитрите его. Ответственность беру на себя. У вас, наверно, есть машина?

Миссис Хитон. У Арнольда есть.

Мисс Трейси. Чудесно. Итак, вы помчитесь сквозь пургу, один из вас, вероятно, схватит воспаление легких и чуть не умрет, но все это будет только на пользу.

Миссис Хитон. Я рискну. Но почему вы занимаетесь всем этим?

Мисс Трейси. Потому что вы оба бродите тут как лунатики и мешаете. И еще потому, что я хотела бы видеть вас счастливыми.

Миссис Хитон. Если Арнольд готов, то и я готова. Мисс Трейси, я просто не знаю, как вас благодарить.

Мисс Трейси *(скороговоркой)*. Ваш супруг когда-нибудь приготовит для меня вкусный обед, это будет самое лучшее.

Но только не надо «мандариновых роз», — по-моему, это все-таки тошнотворно, — лучше просто суфле с сыром. Краутер сейчас на улице, там, где стоят машины. Приготовьтесь и, когда он войдет в дом, улизните. А пока — марш отсюда!

Миссис Хитон торопливо выходит направо. Мисс Трейси вынимает маленькую записную книжку и делает в ней пометку. Слева входит Сэлли. У нее очень несчастный вид, как будто она плакала. Она медленно проходит к столу, не глядя на мисс Трейси, которая с любопытством наблюдает за ней.

Так-так... Вы — Сэлли, правильно?

Сэлли (*мрачно*). Да. Что вам надо?

Мисс Трейси (*бодро, властно*). Ну-ну-ну, Сэлли, что за тон.

И что у вас за вид! Из-за чего вы плакали?

Сэлли (*вызывающе*). Кто сказал, что я плакала?

Мисс Трейси. Я. А теперь послушайте меня, милочка. (*Подходит к Сэлли.*) Конечно, я не состою у вас в штате. Я — гостья. Но вам не обязательно держаться со мной как с гостьей. Вы можете сказать мне все что угодно.

Сэлли (*с пробуждающимся интересом*). Ах вот как? Вы — гостья, которой я могу сказать все что угодно?

Мисс Трейси. Вот именно.

Сэлли (*все более ожесточаясь*). Ну, что же, я всегда мечтала встретить такую гостью. Гости! Я имею с ними дело уже десять лет, и меня от них тошнит. Да, тошнит! Гости! Клиенты! Посетители! Как бы вы там себя ни называли. Вы не люди, нет. Я бы не поверила, что бывает такая публика, если бы не убила на вас десять лет... (*Обрывает себя на полуслове.*)

Мисс Трейси (*с живым интересом*). Продолжайте. А что в нас плохого?

Сэлли. Все. Во-первых, вы ничего не знаете — как будто вчера на свет родились. (*Передразнивая.*) Ах, где мне найти это? Как мне найти то? Где ресторан, где бар, где моя дочка,

где мой муж? Где тут выход? Я хочу помыть руки, я хочу высморкаться. А какую грязь вы разводите! Просто потому, что вам не приходится за собой прибираться. Стоит вам войти в спальню, как вы переворачиваете в ней все вверх дном, как будто там побывало стадо пьяных слонов. Рассыпаете пудру! Раскидываете свои платья где попало! А что вы вытворяете с полотенцами, одному богу известно! Ну точно как дефективные младенцы!

Мисс Трейси (*тем же жизнерадостным тоном*). Спасибо, душенька. Должна сказать, что за собой я ничего такого не замечала, но я рада была узнать, что о нас думают горничные.

Сэлли (*мрачно, как раньше*). Да это еще не все. Но у меня на душе легче стало оттого, что я хоть часть выложила. А если вы хотите, чтобы меня уволили, так сделайте одолжение — я всем этим сыта по горло. (*С несчастным видом.*) Мне все равно, что теперь будет.

Мисс Трейси. Понимаю. Что ж, тут только четверо мужчин. По-моему, мистера Краутера и мистера Джордана можно исключить. Остаются мистер Хенли и тот молодой человек, который так сам себе нравится, — Фред. Мистер Хенли — привлекательный юноша, но я не думаю, чтобы вы сочли себя вправе плакать из-за него. Значит, это Фред. Так что же натворил Фред?

Как раз в этот момент справа входит Краутер.

Краутер. Она и в самом деле исчезла, и моя машина — вместе с ней. И вероятно, все, что осталось от миссис Джернигэн.

Мисс Трейси. Вы думаете, что эта Эдна Сэндарс...

Краутер. Ченнелфорд. Не забывайте ее настоящее имя. Дочь афериста.

Мисс Трейси. Сэндарс или Ченнелфорд, не в этом дело.

Сэлли медленно отходит в сторону.

Но неужели вы верите, что эта девушка сумела убить миссис Джернигэн, похитить труп из запертой комнаты, пря-

тать его всю ночь и половину дня, а потом дотащить до машины?

Краутер. Да, с чьей-то помощью, конечно. Предположим, что труп выбросили в окно...

Сэлли (*в ужасе*). О-о, ради бога, прекратите! Труп!

Краутер. Не нравится — не слушайте. (*Мисс Трейси.*) Если дорога очистилась, то, может быть, уже починили и телефонную линию. Попробую-ка дозвониться до полиции.

Мисс Трейси. Не нужно. Они уже едут.

Краутер. Вы хотите сказать, что вы...

Мисс Трейси. Они позвонили сюда, чтобы узнать, все ли у нас в порядке. Я сообщила им, что случилось, и они сказали, что вышлют своих людей. Они спросили, опечатана ли комната. Я ответила, что, по-моему, нет.

Краутер. Она и не опечатана. (*Идет к левой двери, бормоча про себя.*) Пойду погляжу, что там делается. (*Поспешно выходит.*)

Сэлли (*холодно*). Имейте в виду, мисс Трейси, чем больше кто-нибудь врет этому Краутеру, тем мне приятнее. Поэтому не подумайте, что я чем-то недовольна. Но я бы хотела понять, что за этим кроется.

Мисс Трейси. Вы не верите, что из полиции в самом деле звонили?

Сэлли (*холодно*). Я точно знаю, что не звонили. Я только что сама билась с этим телефоном десять минут, и все впустую. Так что, если вы не хотели, чтобы Краутер звонил, вам незачем было рассказывать сказки. Но почему вы не хотите, чтобы он сообщил полиции обо всем этом?

Мисс Трейси. Потому что собираюсь с минуты на минуту сделать открытие и боюсь, что Краутер, да еще вместе с полицией все испортят.

Сэлли (*идя к двери направо*). Я вам верю.

Мисс Трейси. Прекрасно, а теперь дайте мне возможность поверить вам. Что такого сделал этот бармен, Фред, что вы плакали?

Сэлли не отвечает.

Он что — ваш дружок?

Сэлли не отвечает.

Мисс Трейси. Сэлли, меня не интересуют ваши личные дела.

Сэлли. А говорите так, будто интересуют.

Мисс Трейси. Нет, не в том дело. Но я должна точно знать, что здесь случилось и каковы отношения между всеми вами.

Сэлли (*полувывышающе-полупрезрительно*). Ах, вы должны знать?

Мисс Трейси. Совершенно верно.

Сэлли. Вы являетесь, когда отель еще закрыт, вам разрешают остаться на ночь, потом начинаются неприятности, — а теперь вы заявляете, что должны знать и то, и это, и пятое, и десятое, и что именно каждый думает обо всех остальных, и бог знает что еще. Не много ли вы на себя берете, мисс Трейси?

Мисс Трейси. Много. Вы совершенно правы. Но вы заблуждаетесь, думая, что я оказалась здесь случайно. Я приехала сюда именно ради того, чтобы узнать все о вас. Итак, совершенно очевидно, что вы влюблены в этого молодого бармена. И сколько же это длится?

Сэлли. Нисколько не длится. Три года назад Фред и я работали в одном и том же отеле, и тогда мы были добрыми друзьями. И я вбила себе в голову, что мы и здесь будем друзьями, но, видно, ошибалась. Фред много о себе возомнил. А все оттого, что работает в коктейль-баре и наливает джин этим светским вертихвосткам.

Мисс Трейси. Понимаю. Значит, беда в том, что вы уже не такие добрые друзья, потому что Фред много о себе возомнил. Вы сейчас ему так и сказали?

Сэлли. Ну да. А ему это не понравилось. Вот он и взъелся на меня.

Мисс Трейси. Из-за того, что вы видели его вчера вечером, да?

Сэлли (*испуганно*). Кто вам сказал?

Пауза. Затем слева легкой походкой входит Фред, мурлы-

ча какую-то мелодию. Бросает быстрый взгляд на Сэлли и мисс Трейси.

Фред. Только что узнал, что много снега у нас растаяло. Это правда, мисс Трейси?

Мисс Трейси. Думаю, да.

Фред. Хэлло, Сэлли! Как делишки?

Сэлли *(глухо)*. Известно как. *(Быстро выходит направо.)*

Фред *(проводит ее взглядом и, присвистнув, с шутовской гримасой обращается к мисс Трейси)*. Славная девчонка, но с норовом. В этом ее беда. Все принимает всерьез. А я смотрю на вещи просто. При моей работе иначе нельзя, мисс Трейси.

Мисс Трейси *(слегка игриво)*. Да уж конечно, нельзя. Кстати, не могли бы вы оказать старушке большую любезность?

Фред. С удовольствием, мисс Трейси.

Мисс Трейси. Сама я не любительница коктейлей — предпочитаю глоточек шерри... но кое-кто из моих друзей ими увлекается, и мне говорили, что вы придумали изумительный коктейль под названием «Серебряная королева» Скажите, рецепт этого коктейля — ваш секрет?

Фред *(улыбаясь)*. Был секретом, а теперь уже нет. Вы хотите узнать, как его приготовить?

Мисс Трейси *(довольная)*. Да, если можно.

Фред *(начинает скороговоркой)*. Возьмите одну часть апельсинового сока, одну часть лимонного сока, потом...

Мисс Трейси *(перебивая его)*. Извините, но мне всего не запомнить. Будьте добры, напишите мне это, пожалуйста. *(Протягивает ему листок из своей записной книжки и карандаш.)*

Фред. Конечно, мисс Трейси. *(Пишет, едва слышно приговаривая.)* Одну часть апельсинового... одну лимонного... *(Продолжает писать, но теперь бормочет уже совсем невнятно.)*

Мисс Трейси *(пока он пишет)*. Апельсины и лимоны! Боже мой, а я надеялась, что там будет нечто более сногшибательное.

Фред (*возвращая листок и карандаш*). Прошу вас, мисс Трейси. И не давайте его своим друзьям помногу. Он крепче, чем может показаться.

Мисс Трейси (*расчувствовавшись*). Я вам так признательна... «Серебряная королева»! Какое очаровательное название! Я этот рецепт буду очень беречь. (*Бережно кладет рецепт в свою записную книжку, а книжку — в карман.*)

Фред презрительно наблюдает за ней, но это выражение мгновенно уступает место его обычной ослепительной улыбке, когда мисс Трейси снова поднимает на него глаза. Слева входит Кит, вид у него самый жалкий.

Фред. Мистер Хенли, если можно, я бы хотел сегодня уехать. Кит. Спрашивать разрешения нужно не у меня, Фред.

Фред. Но ведь вы здесь главный, мистер Хенли?

Кит. Нет, я всего лишь один из подозреваемых. Вам придется спросить у Краутера. Я лично не возражаю, Фред, можете ехать.

Фред. Спасибо. Посмотрим, смогу ли я уломать Краутера. Он знает, что я к этому делу не причастен. Ни с какой стороны. (*Выходит в левую дверь*)

Мисс Трейси (*пристально смотрит на Кита, который еще более помрачнел*). Что-нибудь неладно, голубчик?

Кит. Все неладно. Краутер говорит, что сюда едет полиция, и я только сейчас понял, в какой переплет угодил. Я-то тут, конечно, ни при чем, хотя Краутер, кажется, думает иначе. Но в любом случае я могу уже распрощаться с этой работой — и с Компанией тоже.

Мисс Трейси. Да полно вам!

Кит. Я не хочу упрекать вас, мисс Трейси. Но той женщине лучше было бы не приезжать сюда. По крайней мере одну из моих подчиненных — Эдну Сэндарс — арестуют. Газеты все это раздуют. В главной конторе будут беситься. И тогда — всему конец! Может быть, я сейчас рассуждаю как эгоист — беспокоюсь о себе и своей должности, когда мы даже не знаем, что стало с этой несчастной старушкой, но... пони-

маете, мисс Трейси... Отель для меня нечто большее, чем просто место работы. Мне даже в голову никогда не приходило заняться чем-то другим. И я продвинулся по службе только потому, что работал как каторжный с того самого дня, как окончил школу. А теперь — все кончено.

Мисс Трейси *(спокойно)*. Ерунда!

Кит. О, вы просто не понимаете.

Мисс Трейси. Все наоборот. Я-то понимаю, а вот вы — нет.

Начнем с того, что полиция сюда вовсе не едет. Это просто я подшутила над бедным мистером Краутером.

Кит *(в изумлении)*. Но почему...

Мисс Трейси *(быстро перебивает его, понизив голос)*. Вы должны верить мне на слово. Телефон еще не работает, но может заработать в любую минуту. И если вы хотите остаться на этой работе, вам следует позаботиться, чтобы полиция сюда не приехала.

Кит *(неприятно пораженный)*. Но я же не могу...

Мисс Трейси *(опять быстро перебивает)*. Можете. Ждите телефонного звонка, сюда наверняка позвонят, когда связь будет восстановлена. Вы обязательно должны сами снять трубку. Если к телефону подойдет этот болван Краутер, то неприятностям конца не будет. Запомните — никакой полиции, никаких репортеров! Тогда все будет в порядке.

Кит. Но нельзя же нам умолчать о случившемся?

Мисс Трейси *(спокойно)*. Можно.

Кит. Как! Исчезла женщина...

Мисс Трейси *(перебивая)*. Вы начинаете разговаривать, как Краутер. Прекратите. Делайте, что я вам говорю, — и положитесь на меня. *(Умолкает, затем продолжает жизнерадостно, светским тоном.)* Знаете, мистер Хенли, я уже много лет не получала такого удовольствия.

Кит непонимающе смотрит на нее. В это время слева входит Элен Теннент. На ней маленькая меховая шапочка и незастегнутое теплое пальто или шубка, в руке черная сумочка. Элен выглядит совершенно очаровательно.

Э л е н *(улыбается Киту)*. О, мистер Хенли... Я вас ищу. *(Снова улыбается ему, явно показывая мисс Трейси, что та здесь лишняя.)*

М и с с Т р е й с и *(весьма любезно)*. У вас, конечно, деловой разговор?

Э л е н *(любезно)*. Да, если не возражаете.

М и с с Т р е й с и. Я как раз собиралась уходить. Хочу посмотреть, что Краутер делает в этой роковой комнате. *(Направляется к левой двери, затем оборачивается.)* Так помните, мистер Хенли. *(Уходит.)*

Э л е н *(удивленно поднимая брови)*. Помнить? О чем... Кит? *(Направляясь к нему, обольстительно.)* Вы не против, что я называю вас Кит?

К и т. Совсем не против. Я целиком за... Элен.

Э л е н *(улыбаясь)*. Чудесно! Так о чем же вы должны помнить? Или это тайна?

К и т. Ну, она... ведет себя довольно загадочно... я не могу ее понять.

Э л е н *(с подкупающим обаянием)*. И это все, Кит?

К и т. Вообще-то... нет. По существу, она старается не впутывать в это дело полицию.

Э л е н. Неужели? Но это ей не удастся. Краутер только что сказал мне, что полицейские уже в пути.

К и т *(доверительно)*. Ничего подобного. Это она так сказала Краутеру. А на самом деле телефон еще не работает.

Э л е н *(медленно)*. О-о! Впрочем... не знаю, какое это может иметь значение для меня. *(Очаровательно-доверительным тоном.)* А сейчас, Кит, если уж снег на дороге растаял, я бы хотела как можно скорее уехать. Теперь, осмотревшись в отеле, я поняла, что в городе мне предстоит переделать массу дел — больше, чем я предполагала, — а мне так хочется добиться успеха в работе. Понимаете, Кит, я похожа на вас — меня по-настоящему интересует и волнует то, что я смогу сделать здесь.

К и т *(застенчиво)*. Я знаю, Элен. Это одно из качеств — только

одно из качеств, — которые мне в вас нравятся и которыми я восхищаюсь.

Э л е н (*лукаво*). Будьте осторожны.

К и т (*горячо*). Я не хочу быть осторожным!

Э л е н. Мне начинает казаться, что вы опасный молодой человек. Но (*изменив тон, шутливо*) — к делу, мистер Хенли. Я ничего не знаю об этом ужасном происшествии. Даже Краутер это признает. Мне нужно еще очень многое сделать. Конечно, я оставлю свой адрес — я ведь не собираюсь удрать. Поэтому скажите, пожалуйста, когда мне можно уехать?

К и т. Вы же знаете, что распоряжается здесь Краутер — до прибытия полиции.

Э л е н. Да, но дирекцию представляете вы, Кит. Так как по-вашему?..

К и т. Вы волны уехать, когда пожелаете. А я приложу все усилия, чтобы помочь вам. (*Менее официально.*) И знаете, Элен, с моей стороны это очень благородно. Я уверен, что буду жалеть о вашем отъезде.

Э л е н. О, но я же очень скоро вернусь. И мы будем здесь... оба... весь сезон.

К и т (*помрачнев*). Надеюсь.

Э л е н (*весело*). Ну конечно же!

К и т. Да... у вас все будет хорошо. А вот у меня — не знаю.

Слева входит Ф р е д. Он в пальто, но без шляпы.

Ф р е д. О, извините, мистер Хенли.

К и т. В чем дело, Фред?

Ф р е д (*вкрадчиво*). Я только что услышал, что мисс Теннент, возможно, скоро уедет. Это верно, мисс Теннент?

Э л е н. Надеюсь. А что?

Ф р е д. Дело в том, что мне необходимо поскорее вернуться в Лондон. Я ведь уже говорил вам, мистер Хенли, что заглянул сюда ненадолго — предвидел, что никто не закажет все нужное для моего бара; теперь мне не остается ничего другого, как самому заняться этим. Скажите, мисс

Теннент, не будет ли дерзостью с моей стороны попросить, чтобы вы подвезли меня на своей машине? *(Робко.)* Это было бы так удобно.

Э л е н. С удовольствием.

Ф р е д. Большое спасибо, мисс Теннент. Вы не возражаете, мистер Хенли?

К и т. Конечно, нет. Хотя я не знаю точно, когда вам обоим удастся уехать.

Ф р е д. Разумеется. Но мистер Краутер знает, что я ни при чем. Я даже не видел старушку. Я улегся спать до того, как она появилась. А моя работа не ждет, вы же знаете, мистер Хенли. Наш «Американский бар» откроется меньше чем через полмесяца и наверняка будет работать с полной нагрузкой всю пасхальную неделю.

К и т *(мрачно)*. Будем надеяться.

Э л е н *(Фреду)*. Наш помощник управляющего сегодня мрачно настроен.

Ф р е д *(быстро)*. Ну что вы, мистер Хенли. Стоит ли раньше времени беспокоиться...

Его прерывает появление Э д н ы, которая входит справа. На ней свободное зимнее пальто, застегнутое не на все пуговицы; один локоть она прижимает к боку. На голове — шапочка-колпачок, которую она, войдя, стаскивает и небрежно бросает.

Э д н а *(спокойно)*. Так, так, так! *(Стоит у двери, насмешливо глядя на присутствующих, в то время как они в изумлении смотрят на нее.)* Что у нас за совещание?

Ф р е д. Вот уж не ожидал увидеть вас вновь.

Э д н а. Очень жаль, Фред.

Э л е н *(спокойно)*. Надеюсь, вы привезли с собою полицию.

Э д н а. Вы знаете, я начисто забыла об этом. Как глупо с моей стороны!

К и т *(как громом пораженный)*. Это выше моего разума. Зачем вы уезжали? Зачем вернулись?

Э д н а *(покачивая головой)*. Просто я девушка с причудами, мистер

Хенли, вот и все. Букет капризов и фантазий. Всего лишь...
К и т *(раздраженно перебивает)*. Да замолчите же!

Э д н а. Ладно. *(Пристально глядя на Элен и Фреда.)* Уже оделись по-дорожному? Собрались в путь, да? *(Медленно идет к Элен.)* Вы так скоро нас покидаете, мисс Теннент? И как раз тогда, когда мы, бедные представители низших классов, начали восхищаться вами. А также вашей изумительной сумочкой. *(Внезапно выхватывает сумочку из рук Элен и сует ее под свое просторное пальто, быстро отступая к правой двери.)*

Э л е н *(рассерженно)*. Отдайте сумку, идиотка! *(Спешит за ней.)*

Ф р е д *(оказывается проворнее и успевает загородить Эдне путь к двери; резко, тоном, разительно отличающимся от его обычной манеры)*. Спокойно, я тут управляюсь. Сумку — живо! *(Протягивает руку.)* Ну-ка. Иначе я вас в порошок сотру. *(С самым угрожающим видом.)* Сумку!

Пауза.

Э д н а. О-о... Ну, так и быть. *(Вынимает из-под пальто сумочку.)*

Ф р е д *(выхватывает ее)*. Если хотите, мисс Теннент, я могу поддержать вашу сумочку, пока... *(Многозначительно смотрит на нее.)*

Э л е н. Хорошо, Фред, спасибо. *(Направляясь к правой двери, Эдне — жестко.)* Вы, должно быть, сумасшедшая. Это единственно возможное объяснение. *(Выходит направо.)*

Остальные провожают ее взглядом.

К и т *(беспомощно)*. Видимо, я должен сообщить Краутеру. Он тут единственный человек, который может справиться с этой...

Э д н а. Не называйте меня «этой». Это невежливо.

К и т. Хотел бы я знать, как вообще вас следует называть.

Э д н а *(притворно непонимающе)*. Просто Эдна. И я готова держать пари, что вы уже называете нашу очаровательную

мисс Теннент «Элен», угадала? Ну, не надо краснеть.
Фред. Совсем спятила, честное слово!

Эдна. А хотите, я скажу вам, что делает сейчас милая Элен, пока вы тут стоите, заливаясь нежным румянцем? Она помчалась проверить, готова ли ее машина...

Фред (*рычит*). Это мы и без вас знаем.

Эдна (*теперь уже серьезно*). Кит Хенли, вы не можете сказать, что я не предупреждала вас. Время упущено, но не бесповоротно. Так не будьте же дурачком.

Кит. Ох, утихомирьтесь.

Фред (*подходя к ней, угрожающе*). Сейчас я ее утихомирю.

Эдна (*легко, но серьезно*). Вы на это согласны, Кит? Он не шутит. Он бы меня утихомирил. По глазам видно. Так вы не возражаете?

Фред (*шагнув к ней*). Я бы вас...

Кит (*быстро*). Не надо. Бросьте это, Фред.

Фред не двигается и сохраняет ту же угрожающую позу.

Идите. Оставьте ее в покое.

Фред нехотя отступает.

Эдна (*смотрит на него, а затем на Кита; спокойно*). Спасибо, Кит. Вы дурачок, но очень славный дурачок. И даже вы должны были бы заметить, что наш весельчак Фред внезапно вышел из роли. Это потому, что он знает — его карта бита. Верно, Фред?

Эдна пристально смотрит на Фреда, а он злобно — на нее. Кит переводит взгляд с одного на другого, озадаченный и хмурый. В этот момент в левую дверь врывается Краутер.

Краутер (*яростно*). Этот проклятый телефон не работает!.. (*Замечает Эдну и останавливается в изумлении.*) Что?! Вы!

Эдна (*лучезарно*). Веселого-веселого рождества вам, мистер Краутер!

Краутер (*рычит*). Где моя машина?

Эдна (*невозмутимо*). У подъезда — то, что от нее осталось. Вы не стойте того, чтобы иметь машину, Краутер, — вы же совсем не следите за ней. То тут, то там все время что-то стучит — как почтальон.

Краутер (*шагнув вперед, вне себя от ярости*). Сэндарс, или Ченнелфорд, или как там вас зовут, — вы можете считать себя арестованной!

Эдна (*дерзко*). Идет. А вы можете считать себя настоящим детективом. А они (*указывая на Кита и Фреда*) кого у нас будут изображать? Аладдина и Кота в сапогах? Вот теперь у нас получится веселенькая игра.

Краутер. Вам-то уж, во всяком случае, предстоит веселая игра. В ту минуту, как явится полиция, вы будете арестованы (*Позорачивается к Китау*.) Где Джордан?

Кит. Откуда я знаю.

Краутер (*раздраженно*). Интересно, тут хоть кто-нибудь что-нибудь знает? (*Медленно идет мимо Эдны к правой двери*.) Эта полоумная старуха приходит и заявляет мне, что звонили из полиции, а теперь выясняется, что телефон все еще не работает.

Как только он прошел мимо, Эдна направляется к стулу, стоящему у стола.

Эй, что это вы делаете?

Эдна (*усаживаясь*). Сажусь на стул.

Краутер испытующе смотрит на нее и на остальных, вытирает пот со лба; справа взходит Элен. Она останавливается у самой двери, бросает быстрый взгляд на Фреда и кивает ему.

Фред. Ну, как там, мисс Теннент, все в порядке?

Элен. Да. А тут как?

Фред (*медленно и многозначительно*). А тут — похуже.

Краутер (*подозрительно*). Что это значит — «а тут — похуже»?

Эдна. Он ей сообщает, что я его раскусила.

Краутер (*сердито*). У вас когда-нибудь язык отдохнет?

Эдна. А у вас когда-нибудь голова заработает? Просто подумайте минутку, хоть это вам и тяжело с непривычки.

Краутер (*переходит к правой двери и становится перед ней, требовательно*). Ну, Фред, теперь скажите мне, что вы имели в виду?

Фред (*мягко*). Так ведь, мистер Краутер, как раз то, что сказал: дела здесь не блестящи, все злятся — вы и сами видите.

Краутер. Ясно.

Кит. А мне — нет. Он имел в виду еще что-то.

Эдна. О, и вы наконец очнулись?

Краутер (*орет*). Молчать!

Слева бодрым шагом входит мисс Трейси. С изумлением и восторгом смотрит на сцену, которую она застает.

Мисс Трейси. Ну и ну! Это уже похоже на дело, правда?

(*Замечает Эдну.*) Ах, так вы вернулись, мисс Сэндарс.

Эдна. Да, мисс Трейси, вернулась в милый старый уголок.

Краутер (*кричит мисс Трейси*). Эй, минутку!

Мисс Трейси. Надеюсь, вы обращаетесь не ко мне?

Эдна (*быстро*). Нет, он подзывает такси.

Краутер. Да, я с вами говорю. Вам что-нибудь известно о Джордане и об этой женщине, миссис Хитон?

Мисс Трейси. А вы не смогли найти их?

Краутер. Не смог.

Мисс Трейси (*с удовлетворением*). Значит, они уехали. Это я им велела уехать.

Краутер (*сердито*). Вы им велели! Ну, это уж слишком! (*Делает шаг вперед.*)

Эдна (*повелительно*). Стойте на месте, Краутер! Это важно — не двигайтесь!

Остановленный ее интонацией, Краутер все еще загоразживает дверной проем.

Мисс Трейси (*в этот момент внезапно вынимает из кармана маленький револьвер и держит всех под прицелом; резко*). Ни с места! Командование пора принять мне. Все безмолвствуют под дулом револьвера.

(*На ее лице внезапно появляется выражение восторга*). Вы знаете, я всю жизнь об этом мечтала. В высшей степени приятное ощущение!

Эдн а. Я полностью на вашей стороне, — но лучше бы вы убрали эту штуку.

Фред (*сквозь зубы, обращаясь к Элен*). Приготовьтесь!

Эдн а (*поспешно*). Следите за ними, Краутер.

Краутер (*настойчиво*). Бросьте револьвер!

Кит. Мисс Трейси, ради бога, будьте осторожны!

Мисс Трейси (*все еще держа их под прицелом*). Должна признать, что это не очень удобно и не располагает к разумной беседе. А по-моему, время для разумной беседы наступило. Минуточку. (*Она устала держать револьвер, который тяжеловат для нее, поэтому перекладывает его в другую руку*.)

Фред (*кричит*). Берегитесь!

Испугавшись окрика, все приседают, а Краутер исчезает за дверью. Мисс Трейси произвольно нажимает на спуск, и раздается оглушительный выстрел. Присутствующие застывают на месте. Мисс Трейси бросает револьвер. Все выпускают вздох облегчения и понемногу выпрямляются. Фред и Элен, вставая, меняются местами. В этот момент левая дверь медленно приоткрывается, и из нее выглядывают перепуганные Сэлл и Клара. Они обводят глазами комнату и, убедившись, что никто не убит, поспешно исчезают, захлопнув за собою дверь. Кит поднимает револьвер.

Мисс Трейси. Нелепая штука.

Краутер (*осторожно выглядывает из-за двери и, отирая лоб, входит в комнату*). Отдайте мне револьвер! (*Мисс Трейси.*)

... Я готов присягнуть, что вы рехнулись. *(Взрываясь.)* Не-
нормальная!

Мисс Трейси. Я, конечно, должна извиниться за историю
с револьвером — теперь я вижу, что поступила глупо,
да еще в тот момент, когда решила принять командова-
ние.

Элен *(мягко)*. Мистер Краутер, теперь переполох кончился, и
я хотела бы уехать.

Краутер. Пойдите, я еще не сказал, что вы можете ехать.

Фред *(медленно направляясь к Краутеру)*. И я тоже хотел
бы уехать, мистер Краутер.

Краутер *(невольно пятясь к двери по мере приближения
Фреда)*. Нет, Фред, погодите...

Фред *(мягко)*. Но вы же сказали, мистер Краутер, что со
мной все в порядке... *(Медленно подходит все ближе.)*

Краутер. Еще не время, Фред, стойте!

Эдна *(резко)*. Следите за ним!

Фред *(вопит)*. Давай!

Это — сигнал для Элен, которая стоит за его спиной. В тот же момент он делает прыжок вперед и, когда Краутер отступает в дверной проем, сбивает его с ног. Краутер падает за дверь; видны только его ноги. Фред, за которым по пятам следует Элен, выбегает направо. Слышно, как он орет за сценой: «Быстро вниз!» Кит спешит направо, с явным намерением помочь Краутеру. Эдна и мисс Трейси подходят к двери.

Кит *(за дверью)*. Вы не пострадали, Краутер?

Эдна *(выглянув за дверь)*. Сомлел.

Мисс Трейси *(переходит к левой двери, открывает ее и зовет)*. Сэлли! Клара!

Эдна *(все еще глядя за дверь)*. Бедный старый Краутер!
Но он скоро оправится. Такую голову прошибить трудно.
Монолит!

Мисс Трейси. Я полагаю, нет ни малейшей возможности
остановить тех двоих?

Э д н а. Нет, ее машина уже была наготове. Но это не имеет значения.

Входят недоумевающие С э л л и и К л а р а.

С э л л и. Что стряслось?

М и с с Т р е й с и *(бодро)*. Мистера Краутера нокаутировали.

С э л л и. Кто?

М и с с Т р е й с и. Фред.

С э л л и. Что ж, меня это не удивляет.

М и с с Т р е й с и *(быстро)*. А теперь, девушки, помогите мистеру Хенли и поухаживайте за Краутером.

К л а р а *(изумленно)*. А что надо?

М и с с Т р е й с и. Ну, там, наверно, понадобится уксус, компрессная бумага и все такое. *(Зовет.)* Мистер Хенли, вы знаете, что нужно делать?

К и т *(появился в дверях)*. Думаю, да. Я когда-то занимался боксом.

Э д н а *(заинтересованно)*. В самом деле? Почему вы мне раньше не сказали?

К и т *(Сэлли и Кларе)*. Помогите-ка мне, девушки.

К и т приподнимает Краутера за плечи, Сэлли — за одну ногу, К л а р а — за другую и уносят его.

С э л л и *(проходя)*. Уж я ему не пожалею уксуса.

М и с с Т р е й с и *(Эдне, как только они остаются одни)*. Вы знали о тех двоих?

Э д н а. Да.

М и с с Т р е й с и. К несчастью, у нас мало улик. Поэтому очень жаль, что им удалось улизнуть.

Э д н а. У нас больше улик, чем вы думаете, если только я не ошибаюсь. Поглядим-ка на это. *(Вынимает из-под пальто сумочку, которую вызвала у Элен, и кладет на стол.)* Сумочка Элен Теннент. Она думает, что сумочка — у Фреда. Но та, которая у Фреда, — я купила ее три часа назад — набита бумагой и камешками. А вот в этой должно оказаться что-нибудь более пикантное. *(Открывает сумочку,*

вынимает носовой платок, пудреницу, маленький кошелек, а затем — несколько писем.)

Они смотрят на письмо.

Эдн а. Вот видите: «Улица Морни, Алжир». Стоп! Смотрите. Здесь — весь их план.

Рассматривают письмо — оно очень короткое и написано карандашом.

Подписи нет... *(Читает.)* «Когда мы встретимся там, в горах». Конечно, это от Фреда. Жаль, что у нас нет образца его почерка.

Мисс Трейси. А вот и есть. *(Вынимает свою записную книжку, а из нее — листок.)* Я позаботилась об этом — попросила его написать мне рецепт коктейля.

Эдн а *(смотрит на рецепт)*. Чистая работа, инспектор Трейси. Да к тому же, кажется, и коктейль неплохой. Да, конечно, это Фред. *(Вновь заглядывает в сумочку и наконец выуживает маленький яркий пакетик.)* Называется — «Образчик нашей специальной пудры». Интересно. *(Вскрывает пакетик и высыпает чуть-чуть содержимого на ладонь.)*

Они пристально разглядывают порошок.

Мисс Трейси *(серьезно)*. За этим я и охотилась.

Эдн а. Похоже.

Мисс Трейси. Как вы думаете, она сама его употребляет?

Эдн а. Нет. Просто образчик — для покупателей.

Мисс Трейси. На мой взгляд, это настоящее, настоящее... ужасное злодеяние.

Эдн а. Да. Вот вам и милая дезушка. Боюсь, что нашего юного помощника управляющего ждет удар.

Мисс Трейси. Да, я заметила, что она произвела на него сильное впечатление. Не будьте к нему слишком строги, дорогая...

Эдн а. Можете не беспокоиться. Видите ли, я и сама такая же дурочка. Так что я знаю, каково это.

Мисс Трейси *(тихо)*. Понимаю. *(Изменив тон.)* Забавно, как бесчестные люди, даже умные, попадают на мелоч-

чах. Я спросила ее про миссис Моррисон из отеля в Каннах, и она ответила, что считала ее... «о-о... такой милой»... и что та была так добра к ней... тогда как мне было отлично известно, что они никак не могли поладить друг с другом. Она бы поступила куда умнее — и не выдала бы себя, — если бы прямо сказала, что не могла ужиться с миссис Моррисон. А так мне сразу стало ясно, что она по меньшей мере — лгунья.

Э д н а. И это было только началом.

Справа входит К и т. Вид у него несчастный.

К и т. Краутеру получше. Только он не очень хорошо соображает.

Э д н а. Это его обычное состояние.

К и т. *(с несчастным лицом)*. Сэлли теперь говорит, будто она знала, что Элен Теннент вчера поздно вечером виделась и разговаривала с Фредом. Кто бы мог подумать, что такая девушка...

Э д н а. *(перебивая)*. Погодите. Вы делаете ту же ошибку, что и Сэлли. Наша светская обольстительница не снизошла бы до романа с Фредом. Будь это роман, я была бы о ней лучшего мнения...

М и с Т р е й с и. *(удивленная и шокированная)*. Мисс Сэндарс, что вы говорите?!

Э д н а. *(спокойно)*. То, что думаю. Я же современная девушка. Вы, должно быть, читали про таких. *(Снова поворачиваясь к Киту.)* Нет, их отношения были чисто деловыми. То, что делала Элен Теннент, делалось просто ради наживы. Люди такого сорта, у которых раньше была куча денег и которые вдруг остались без гроша, — такие люди ради денег на что угодно пойдут, поверьте мне.

К и т. *(искренне и пристыженно)*. Теперь я понимаю, что был полным идиотом...

М и с Т р е й с и. *(перебивая)*. Мистер Хенли, мне всегда хотелось услышать, как это звучит в устах мужчины. А сейчас услышала, и мне это не нравится. Просто безобразно. Никогда больше не говорите так.

К и т. Хорошо. Но, очевидно, вы обе знаете, что здесь произо-

шло, а я до сих пор как в потемках. Должно быть, я еще больший болван, чем думал. Так вот, прежде всего — где миссис Джернигэн?

Э д н а. Господи, я и забыла об этом трюке!

М и с с Т р е й с и (*с шутливой строгостью*). Ну-ну, юная особа, так где же миссис Джернигэн?

Э д н а (*спокойно*). О, об этом я догадалась еще вчера вечером, но вот как вы это сделали, я сообразила только сегодня утром.

К и т (*изумленный*). Как она это сделала? Вы имеете в виду...

Э д н а (*перебивая*). Мой дорогой Уотсон, мой дорогой, дорогой Уотсон! Послушайте. Старую даму провожают в комнату. Затем в комнате начинается пальба. Все двери и окна заперты изнутри. Вы вламываетесь — и обнаруживаете, что старушка исчезла, оставив после себя лишь платок с пятнами крови и парочку милых романтических улик. Какое тут может быть объяснение? Только одно. Настоящие старушки не исчезают из запертых комнат. Значит, она была не настоящая старушка.

К и т. Но погодите...

М и с с Т р е й с и (*игнорируя его*). А до ее исчезновения вы ничего не заподозрили?

Э д н а. А как же. Во-первых, мне показалось, что вы ведете себя как-то очень мудрено. (*Киту.*) Я вам об этом сказала, но вы, конечно, не обратили внимания: ведь вы были так заняты — распекали меня.

К и т (*взмолившись*). Не сыпьте соль на открытую рану!

Э д н а (*мисс Трейси*). А еще я заметила, что у обеих пожилых леди одинаково стоптан правый каблук.

М и с с Т р е й с и (*хихикая*). Я еще вчера вечером сказала себе: «Это опасная молодая особа. У нее очень зоркий глаз».

К и т (*почти кричит*). О, подождите минутку, пожалуйста! Вы хотите сказать, что миссис Джернигэн были вы?

М и с с Т р е й с и. Конечно, я.

Э д н а. Вместо того чтобы пойти в свою комнату, она возвратилась в машину, надела эту нелепую шляпу и меховое

пальто и вновь появилась здесь вместе с Кларой, но уже в качестве миссис Джернигэн.

К и т. Но зачем? Какой в этом смысл?

Э д н а. Вот на этом я и споткнулась.

М и с с Т р е й с и. У меня было две цели. Первая — стыдно сказать, впрочем, не так уж стыдно — заключалась в том, чтобы позабавиться и проверить, попадется ли кто-нибудь на мою удочку. Вторая цель — вполне серьезная, и я ее открою попозже. (*Хихикая, поворачивается к Эдне.*) Но я думаю, что даже вы не догадываетесь, как я устроила исчезновение.

Э д н а. Вчера не догадывалась, но когда я утром осмотрела комнату, то поняла. Вы вошли туда как миссис Джернигэн, открыли саквояж и разбросали улики. Заперли обе двери. Потом открыли окно, то, которое ближе к двери в вашу комнату, привязали к оконной задвижке веревку и просушили ее конец под дверь между комнатами. Затем вы выбрались через окно на балкон, по нему прошли в свою комнату, а потом дернули за веревку, которая торчала из-под двери, и таким образом заперли окно. Так?

М и с с Т р е й с и (*посмеиваясь*). Верно! Но как я избавилась от веревки?

К и т. Верно, ведь там же не было никакой веревки, привязанной к окну. А три выстрела? Не могли же вы там стрелять — ведь в это время вы были внизу и разговаривали с Краутером.

Э д н а. Да, тут вы заставили меня поломать голову.

М и с с Т р е й с и (*удовлетворенно*). Это действительно было самой остроумной частью всего замысла. Я ее придумала просто для развлечения. Видите ли, веревка, которую я использовала, чтобы опустить оконную задвижку, была не простой веревкой, а бикфордовым шнуром. Мне достаточно было поднести к ней спичку — в моей собственной комнате, — и веревка не только сгорела сама, но и взорвала три аккуратненькие маленькие бомбочки, вроде китайских хлопушек, — они были привязаны к шнуру. Все это для меня

смастерил мой юный племянник — любитель химии. Ну, вот, как только я подожгла шнур, я смогла выйти из комнаты, поговорить с Краутером или еще с кем-нибудь и обеспечить себе идеальное алиби. Здорово придумано. вы должны признать это.

К и т. Очень здорово, мисс Трейси, но ведь не разъезжаете же вы по всей Англии со своими хитроумными изобретениями специально для того, чтобы сбивать с толку людей? Вы, конечно, приехали сюда не только для того, чтобы разыграть нас таким способом? Я хочу сказать, что в этом просто нет смысла.

Э д н а (*Kitty*). Держу пари, что вы не любите детективные романы.

К и т. Не очень.

Э д н а. Так я и думала. А по-моему, она получила массу удовольствия, когда устраивала этот розыгрыш. Хотя, конечно, дело было не только в этом.

М и с с Т р е й с и (*Kitty*). Конечно. Видите ли, я умышленно поехала вслед за Краутером. Да и он оказался здесь лишь потому, что я обратилась с жалобой в вашу главную контору. Но как только мне стало известно, что во все отели, принадлежащие Компании, посылают Краутера, я поняла, что мне придется заняться этим самой: я знала, что Краутер — человек недалекий и грубый.

Э д н а. Значит, вы подкинули Краутеру дельце, чтобы его занять? Так я и подумала.

М и с с Т р е й с и. Не только, моя дорогая. Устроив это кошмарное и смехотворное происшествие, я вынудила его допрашивать всех подряд, не настораживая того, за кем я в действительности охотилась. А сама я, прикидываясь дурачком, смогла узнать почти все, что мне нужно.

Э д н а. И этот алжирский адрес вы подсунули в комнату миссис Джернигэн, просто чтобы слегка припугнуть их.

К и т. Слушайте, но ведь этот адрес был и на той бумажке, которую, по словам Краутера, он нашел в моей комнате.

Мисс Трейси. Да, я думаю, что эту бумажку туда подбросил утром милый юноша Фред.

Кит. Я понимал, что ее, должно быть, кто-то подбросил. Но есть ли в этом хоть какой-то смысл?

Мисс Трейси *(веско)*. Есть. Этим адресом пользовался агент по контрабанде наркотиков.

Кит *(вставая, удивленный и неприятно пораженный)*. Контрабанда наркотиков! Не хотите же вы сказать...

Мисс Трейси *(перебивая, серьезно)*. Вот именно, в этом-то все и дело. В течение последнего года — или около того — с Ближнего Востока стал поступать новый наркотик — синтетический алкалоид под названием «серенаин». Он почти такой же сильный, как кокаин, но дешевле. Я знаю об этом, потому что один мой молодой родственник чуть не умер от него минувшей зимой. Он так же мерзок и губителен, как и любой из старых наркотиков.

Эдна *(вынимая маленький пакетик)*. Это он и есть.

Кит *(глядя во все глаза на пакетик и сумочку)*. Это — сумочка Элен Теннент?

Эдна *(мягко)*. К сожалению, да, Кит.

Мисс Трейси. Мне было известно, что кто-то доставлял серенаин в наш отель в Каннах. И я понимала, что в скором времени эти люди начнут действовать и в Англии. Например, здесь.

Кит *(медленно)*. Фред и Элен Теннент — оба были в Каннах...

Мисс Трейси. Да, и вот потому-то я подозревала их с самого начала. Им предстояло действовать здесь в качестве агентов.

Эдна. А сегодня утром в разговоре Сэлли и Клары мелькнуло кое-что такое, что и я догадалась.

Кит *(Эдне)*. Но как же получилось, что вы знали об этой торговле наркотиками, а я — нет?

Эдна. О, это я узнала не в главной конторе. У меня другие источники. Видите ли, у меня есть дядюшка, который служит в Скотланд-Ярде, в отделе по борьбе с наркотиками;

иногда он работает в контакте с французской полицией. Он и рассказал мне.

Мисс Трейси. Между прочим, если уж разговор зашел о вашем семействе,— что, вашим отцом в самом деле был Ченнелфорд, который умер в тюрьме?

Эдна. Боже мой, ну конечно, нет! Это письмо с фамилией Ченнелфорд я оставила у себя в комнате специально, чтобы Краутер не соскучился... Моя фамилия действительно Сэндарс, и мой отец — сельский врач. В нашем семействе респектабельности хватило на всех, кроме меня.

Мисс Трейси. Но не укатали же вы в машине Краутера только для того, чтобы купить сумочку для подмены, а?

Эдна. Нет, я из города позвонила дяде. Так что, я думаю, если не произойдет чуда, то завтра Элен Теннент и Фреду придется побеседовать с моим дядюшкой.

Мисс Трейси (*Киту*). Я вам еще вчера сказала, что она очень сообразительная девушка.

Справа доносится шум. Слышны возгласы Сэлли и Клары. «Стой!», «Держи его!» и т. д. Нетвердой походкой входит Краутер, который, очевидно, еще не совсем пришел в себя после удара и падения. Волосы у него мокрые и растрепанные, воротничок расстегнут, глаза дико блуждают.

Краутер (*исступленно*). Вы все... все вы... все до единого... арестованы. (*Испепеляет их взглядом.*)

Мисс Трейси (*успокаивающим тоном*). Конечно, конечно, мистер Краутер. Мы все арестованы. А теперь вам нужно еще немножко полежать.

Клара и Сэлли, явно наслаждаясь происходящим, подхватывают Краутера под руки.

Сэлли (*умасливая его*). Ну-ну, мистер Краутер, идите-ка да отдохните, будьте паинькой!

Клара. И расскажите нам еще что-нибудь про вашу Вайолет. (*Потихоньку ведет его к выходу.*)

Сэлли (*следуя за ними, оборачивается*). У него когда-то

... была девушка, которую звали Вайолет. Слышали бы вы, как он о ней рассказывает! Прямо Великий Любовник!

Все трое выходят.

Мисс Трейси. Бедный мистер Краутер! Придется нам поделиться с ним успехом. Он никогда не узнает, заслужил он его или нет. *(Повернувшись к Киту, спокойно.)* Между прочим, мистер Хенли, я бы не беспокоилась насчет главной конторы и насчет вашей должности. Видите ли, у меня была еще одна причина, чтобы приехать сюда. Мне хотелось посмотреть, что вы все собой представляете. Этот отель и отель в Борнмуте теперь финансируются дочерней Компанией, и я оказалась владелицей контрольного пакета акций. Так что фактически можно сказать, что это мой отель.

Кит. Господи боже... а я-то...

Мисс Трейси. Нет, нет, ничего страшного.

Совершенно неожиданно звонит телефон.

Эдна. О-о, спасательные отряды пробились.

Мисс Трейси. Да, и я пойду им отвечу. *(Поспешно выходит в левую дверь.)*

Кит *(горестно)*. Кажется, я побил все рекорды глупости. Вы, наверно, считаете меня ужасным дураком.

Эдна *(весело)*. Да, но тогда, значит, я и сама немножко дура.

Кит *(удивленно)*. Вы кажетесь мне самой необыкновенной девушкой из всех, кого я когда-либо встречал.

Эдна. Что ж, продолжайте высказываться в том же духе, а я буду заглядывать сюда каждые пять минут, чтобы еще разок послушать. И — заметьте, пожалуйста, — мой нос не так уж плох. *(Показывает на свой профиль.)* Правда?

Кит. Да, очень забавный носик.

Эдна *(приблизив к нему лицо)*. Рассмотрите его как следует.

Мисс Трейси врывается с весьма драматическим видом.

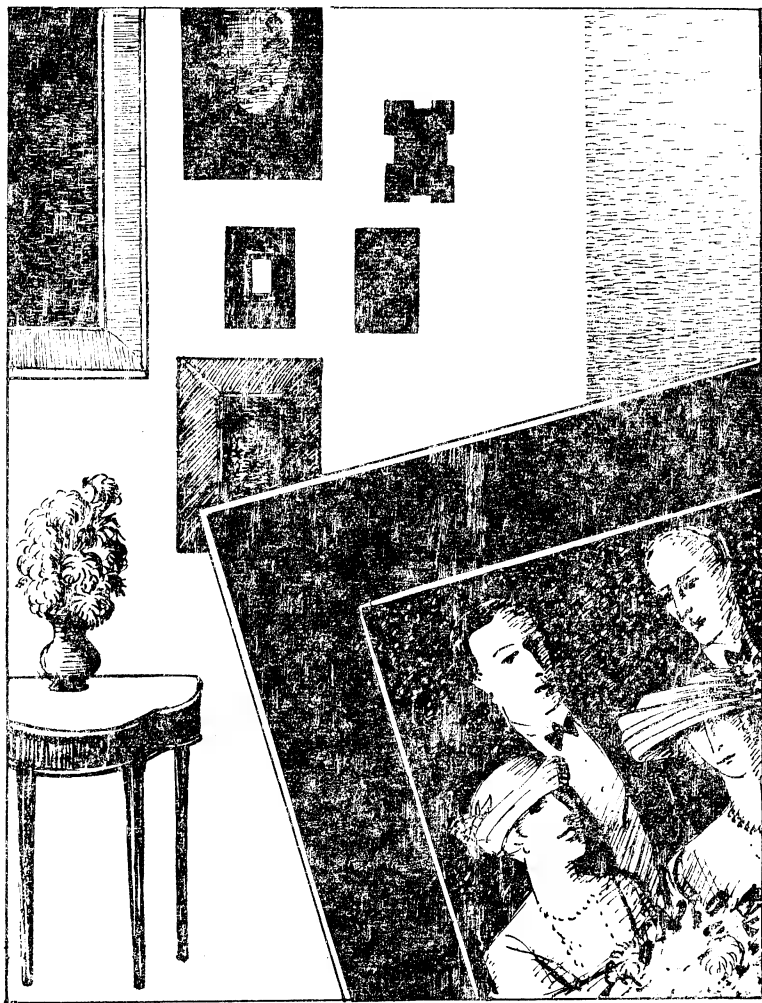
М и с с Т р е й с и. Так, так, жизнь продолжается.

Э д н а. Кто это был?

М и с с Т р е й с и. Ошиблись номером!

Все трое смеются.

Быстро закрывается занавес.

WHEN WE ARE MARRIED

A Farcical Comedy

1938

Когда мы женаты

Комедия

Перевод И. Решетиловой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

РУБИ БЕРТЛ

служанка-подросток

ДЖЕРАЛЬД ФОРБС

молодой органист

НЭНСИ ХОЛМС

племянница Хэлиуэлла,

невеста Джеральда

ОЛДЕРМЕН ДЖОЗЕФ ХЭЛИУЭЛЛ

МАРИЯ ХЭЛИУЭЛЛ

АЛЬБЕРТ ПАРКЕР

член муниципалитета

АННИ ПАРКЕР

ХЕРБЕРТ СОППИТ

КЛАРА СОППИТ

МИССИС НОРТРОП

поденщица

ФРЕД ДАЙСОН

молодой репортер

ГЕНРИ ОРМОНРОЙД

пожилой фотограф

ЛОТТИ ГРЕЙДИ

молодая девушка из бара

СВЯЩЕННИК КЛЕМЕНТ МЕРСЕР

МЭР, РЕПОРТЕРЫ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Хэлиуэлла. Это солидный особняк в поздневикторианском стиле. Слева (от актеров) стена с окном. На задней стене, чуть левее от центра, дверь, ведущая в зал и в остальные комнаты дома. По правой стене дверь в небольшую оранжерею, через которую можно пройти в сад. Гостиная обставлена без всякого вкуса, такого рода обстановка была в моде лет тридцать назад: пианино, маленькие шкафчики, низкие столики и тому подобное. Сквозь окна пробиваются лучи заходящего солнца. Когда поднимается занавес, сцена пуста.

Звонок у входной двери. Минутой позже Руби Бёртл открывает дверь Джеральду Форбсу. Руби совсем еще юная служанка-подросток, страшно расстрепанная. Форбс — приятный, хорошо одетый молодой человек.

Руби. Вам придется подождать, они еще пьют чай.

Джеральд. Не поздновато ли?

Руби (приближаясь к нему, конфиденциально). Гулянка...

Джеральд. Что?

Руби. Гулянка. Гости, понимаете?

Джеральд. Да, конечно. Пришли гости, поэтому распивают чай.

Руби (подходит еще ближе). Жареная свинина, пироги, семга, салат, бисквит со сливками, желе, лимонные тартинки, тартинки с джемом, бисквитное печенье, ореховый

торт, шоколадный рулет и песочное пирожное, оставшееся с праздника.

Д ж е р а л ь д *(с иронией)*. И это все?

Р у б и *(серьезно)*. Нет, еще белый хлеб, черный хлеб, чайное печенье, один большой творожный пирог от Грегори и много разных сортов сыра.

Д ж е р а л ь д. И это гулянка, да?

Р у б и *(кивает, потом по секрету)*. И небольшой коричневый кувшин.

Д ж е р а л ь д *(удивленно)*. Небольшой кувшин?

Р у б и *(все еще конфиденциально)*. Вы знаете, что это? Не знаете? *(Смеется.)* Ну, и я раньше не знала! Маленький коричневый кувшин — это ром для чая. Они от него сразу становятся веселее. *(Серьезно.)* Вы что, не из этих мест?

Д ж е р а л ь д *(не желая продолжать разговор)*. Нет.

Слышен звонок из комнат.

Р у б и. И я из Ротерхэма. Отец работает на шахте. Френк и Уилфред — тоже.

Снова звонок из комнат.

Д ж е р а л ь д. Где-то звонят.

Р у б и *(холодно)*. Слышу. Это мне. Хозяйка меня сегодня совсем загоняла. И еще миссис Нортрон на кухне — она сегодня тут подрабатывает. Их в столовой семь человек гостей: олдермен Хэлиуэлл, со своей миссис конечно, потом — член муниципалитета Альберт Паркер, со своей миссис, потом — мистер Херберт Соннит, с миссис Соннит, и, конечно, мисс Холмс.

Д ж е р а л ь д. О, мисс Холмс, она здесь?

Р у б и. Да, но она уже перестала есть. *(Усмехается. Холодно.)*

А вы за ней ухаживаете, да?

Д ж е р а л ь д *(удивленно и настороженно)*. Что?

Р у б и *(холодно)*. О, я видела вас вечером возле Клекли Вудз. Я была там с сыном нашей молочницы.

Джеральд отворачивается.

Да вы не хмурьтесь, я никому не расскажу.
Джеральд (*доставая шиллинг*). Послушайте, как вас зовут?
Руби. Руби Бёртл.
Джеральд. Но вы, наверно, не хотите, Руби, чтобы у мисс Холмс были неприятности с ее дядей и тетей?
Руби. Нет, не хочу, но я хочу этот шиллинг.
Джеральд (*дает ей шиллинг*). Вы сказали, что мисс Холмс уже поужинала?
Руби. Ага, она же не обжора, как некоторые. А такого, как Паркер, я бы и неделю не прокормила. Вы хотите с ней поговорить?
Джеральд. Да. Не могли бы вы сказать ей потихоньку, что я здесь, пока другие сюда не нагрянули.
Руби. Нагрянут. А вам бы хотелось, чтобы они там застряли на месяц... Они как раз собираются. А ей я скажу. Она пройдет садом и через оранжерею...

Прежде чем она успевает уйти, в приоткрывшуюся дверь из кухни заглядывает миссис Нортроп. Это сварливая, но добрая пятидесятилетняя женщина.

Миссис Нортроп (*сердито*). А, вот ты где!
Руби (*спокойно*). Все в порядке, миссис Нортроп.
Миссис Нортроп (*сердито*). Не вижу никакого порядка, — вместо того чтобы работать, болтаешься тут без дела. Она уже два раза звонила, а у меня согрелась вода. Марш на кухню, болтушка! (*Открывает дверь.*)

Руби уходит.

Вы органист из церкви?
Джеральд. Да.
Миссис Нортроп (*усмехаясь*). А, это с вами они хотят поговорить?
Джеральд (*ошеломленно*). Откуда вы знаете?
Миссис Нортроп. А я слыхала. (*Самодовольно.*) Я всегда все знаю.

Д ж е р а л ь д. Тогда скажите, почему мистер Хэлиуэлл просил меня прийти и повидаться с ним?

М и с с и с Н о р т р о п. Пожалуйста. Сегодня здесь все церковное начальство. Представляю, какое удовольствие ты получишь здесь, парень.

Д ж е р а л ь д. О чем вы говорите?

М и с с и с Н о р т р о п (*конфиденциально*). А, вы не понимаете? Я желаю им провалиться в преисподнюю, вот о чем я говорю! (*Выходит.*)

Джеральд несколько озабочен. Он беспокойно ходит по комнате. Машинально достает свой портсигар, затем снова прячет его. Выжидательно смотрит на дверь в оранжевую. Через некоторое время появляется Нэнси Холмс, хорошенькая девушка лет двадцати.

Нэнси (*запыхавшись, шепотом*). Джеральд!

Д ж е р а л ь д. Нэнси! (*Пытается ее поцеловать.*)

Нэнси (*переводя дыхание*). Нет, не надо, здесь нельзя... Нет, Джеральд... Пожалуйста...

Но он все-таки целует ее, и ничего страшного не происходит.

Нет, Джеральд, послушай, что я тебе скажу, и будь благодарен. Это очень важно. Ты знаешь, почему дядя Джо послал за тобой?

Д ж е р а л ь д (*со слабой усмешкой*). Они хотят со мной поговорить, мне только что об этом сказали.

Нэнси. Это очень серьезно, Джеральд. Они вообще тебя недолюбливают, а теперь, насколько я догадываюсь, кто-то из этих старых ворчунов видел тебя вечером со мной...

Д ж е р а л ь д (*теперь серьезно*). Да, но, может, они тебя не узнали?

Нэнси. Нет. Но тебя узнали.

Д ж е р а л ь д. Ну, если они не впутали в эту историю тебя, тогда не так уж все плохо. Я знаю, как строга твоя тетушка. Пока мы не поженимся, тебе не стоит с ними ссориться...

Нэнси (*серьезно*). Так же как и тебе, Джеральд. Они собираются отчитать тебя, поэтому ты должен обдумывать каждое слово в разговоре с ними. К тому же здесь сейчас этот противный Паркер, которого ты так не любишь.

Джеральд. Этот обжора мне особенно противен. Думаю, лучше им дать прийти в себя после чревоугодия.

Нэнси. Может быть. Правда, они уже кончают.

Джеральд. Если я управлюсь с ними за полчаса, ты сможешь выйти из дому?

Нэнси. Смогу. Я им и не нужна. Я мешаю. У них тут юбилей, и я лишняя.

Джеральд. Что за юбилей?

Прежде чем она успевает ответить, Руби открывает дверь.

Руби. Пришли из «Йоркширского Аргуса».

Джеральд отходит направо, Нэнси подходит к двери. Входит Фред Дайсон, молодой, нагловатый репортер, и Генри Ормонройд, который тащит большой, допотопный корреспондентский фотоаппарат и вспышку. Ормонройд — человек средних лет, с длинными висячими усами, держится с достоинством подвыпившего человека. Дайсон подходит к Нэнси.

Руби. Вот мисс Холмс, племянница олдермена Хэлиуэлла. Остальные еще пьют чай. (*Выходит.*)

Дайсон (*бойко*). Добрый вечер, мисс Холмс. (*Джеральду.*) Здравствуйте! А это мистер Генри Ормонройд, наш фотограф.

Ормонройд (*с поклоном*). Очень приятно с вами познакомиться. Какая чудесная погода для этого времени года.

Джеральд. Вы так думаете?

Ормонройд (*убежденно*). Да.

Дайсон. Кажется, мы пришли слишком рано.

Нэнси. Боюсь, что...

Ормонройд (*укоризненно*). Я же тебе говорил, Фред. Всегда

ты так. Мы могли бы выпить еще по кружке с моим другом в «Золотом льве». Это тот самый приятель, у которого была собственная лавка в центре Блэкпула, рядом с моей студией. Давно это было... Счастливое было время, не то что сейчас! Гм!

Д а й с о н (*сороговоркой*). Ты прав, Генри. Мне очень жаль, что мы так рано. Откровенно говоря, я даже не знаю, в чем тут дело. Мне передали записку — зайти сюда с фотографом.

Н э н с и. Здесь — серебряная свадьба.

Д а й с о н. Генри, у олдермена Хэлиуэлла серебряная свадьба.

О р м о н р о й д. Очень приятно.

Н э н с и. Да, но празднуют не только мои дядя и тетя. Празднуют еще две пары — мистер и миссис Сопнит и мистер и миссис Паркер...

Д а й с о н. Этот Паркер, член муниципалитета?

Н э н с и (*удивленно*). Да. Вы его знаете?

Д а й с о н (*мрачно*). Мы-то его знаем.

О р м о н р о й д. Стоит ему открыть рот на собрании в муниципалитете, как начинает дурь нести. Вот его и прозвали Дуромеля. Ха-ха. Все три счастливые пары здесь?

Н э н с и. Да, потому что все они были обвенчаны в один день, в одной и той же церкви. Тогда они и сфотографировались все вместе. (*Подходит к пианино, чтобы взять фотографию.*)

Д ж е р а л ь д. Вы можете взять у них интервью — они вам расскажут, как они были счастливы...

Д а й с о н. Теперь понятно, почему нас послали.

Н э н с и (*возвращаясь с фотографией*). Вот, посмотрите. Все шестеро в день свадьбы. До чего же нелепо они одеты, правда?

О р м о н р о й д (*торжественно*). Для вас — нелепо, а для меня — нет. Я женился приблизительно в то же время. (*Берет фотографию.*) Понимаешь, Фред, они хотят сфотографироваться такой же группой, как здесь. После двадцати пяти лет суеты и маеы. Очень трогательно. Но если

мы пришли рано, лучше вернуться в «Золотой лев», правда, Фред?

Д а й с о н. Мы вернемся через час.

О р м о н р о й д. В «Золотом льве» чертовски хорошее пиво.

Д а й с о н и О р м о н р о й д уходят, Нэнси запирает за ними дверь.

Д ж е р а л ь д (*берет фотографию, читает надпись на обороте, и лицо его становится сосредоточенно-серьезным*). Значит, они были обвенчаны двадцать пять лет назад, пятого сентября восемьдесят третьего года?

Н э н с и. Да, а что? Почему это так тебя заинтересовало, Джеральд?

Он смотрит на фотографию и смеется.

Джеральд, с чего это ты? Не смейся, пожалуйста. Они сейчас сюда придут.

Джеральд качает головой и тихо смеется. В это время за дверью раздаются голоса.

Д ж е р а л ь д. Это они. Побежали, Нэнси. (*Кладет на стол фотографию, надевает свою соломенную шляпу.*)

Оба выбегают в оранжерею, захлопнув за собой дверь. Теперь голоса за сценой становятся громче, спустя минуту появляются три супружеские пары. Они празднично одеты. Все разомлели от вина и еды. А л ь б е р т П а р к е р — высокий, худой, самодовольный, напыщенный человек, его жена А н н и — добродушная женщина. Х е р б е р т С о п и т — тщедушный, аккуратный человечек, с первого взгляда видно, что он под башмаком у своей жены К л а р ы, шумливой, грубоватой женщины. Супруги Х э л и у э л л — краснощекие, солидные, напыщенные и самодовольные. Всем им от 45 до 55 лет.

Х э л и у э л л (*тоном хозяина*). Что нам теперь нужно — так

это хорошая сигара, а у меня таковые имеются. (*Идет за коробкой сигар.*)

Мария (*раздраженно*). Ох уж эта миссис Нортроп! Как только перемоеет посуду и уберет на кухне, моментально ее отправлю — ноги ее больше в доме не будет.

Клара. И правильно сделаете! Все они одинаковы. Вечно огрызаются, что бы им ни сказали.

Мария. С этой просто беда — любит выпить. Сегодня явилась сюда навеселе.

Клара, Мария и Анни садятся на диван.

Хэлиуэлл (*предлагая сигары Паркеру*). Возьмите сигару, Альберт! Вам она понравится, это «Корона».

Паркер (*берет сигару*). Благодарю, Джо. Я, знаете ли, курю редко, но когда курю, то самые лучшие.

Хэлиуэлл (*предлагая сигары Соппиту*). Херберт?

Соппит. Я, кажется, не... э-э... я попробую, благодарю вас, Джо.

Мария (*экспансивно*). Правильно, Херберт, берите, берите!

Клара. Если бы он покупал сигары, то выкуривал бы только одну.

Соппит (*нервозно*). Я, кажется... я лучше совсем не буду курить. Я слишком много ел сегодня.

Анни (*чтобы подбодрить его*). Я тоже.

Паркер (*недовольно, жене*). Тебе это даром не пройдет.

Клара. Так же как и Херберту.

Паркер (*любезно*). Но меня это никогда не волнует.

Хэлиуэлл. Это заметно, Альберт.

Паркер (*обиженно*). Что вы хотите этим сказать?

Мария. Продолжайте, Альберт, продолжайте. Вы же знаете, что Джо больше всего на свете любит подтрунивать над кем-нибудь.

Анни. Я почувствовала, что надо остановиться, когда подали чай, но, дорогая Мария, все было очень хорошо приготовлено.

Клара. И я подтверждаю.

М а р и я *(вежливо выслушав)*. Знаете, я сказала Джо: «Ну, Джо, нас будет только шесть человек, но это хороший повод, чтобы показать, как мы можем принять гостей», — так и сказала. Правда, Джо?

Х э л л и у э л л *(поглочен своей сигарой, забыв о гостях)*. Что — правда?

М а р и я *(возмущенно)*. Ты прекрасно знаешь что.

Х э л л и у э л л *(таким же безразличным тоном)*. Может быть.

М а р и я *(возмущенно)*. Ты же прекрасно знаешь, как я тебе сказала.

Х э л л и у э л л *(внезапно раздражаясь)*. Хорошо, хорошо, сказала — так сказала.

К л а р а *(прикасаясь к руке Марии)*. Все они хороши! Каждый только и ждет случая, чтобы доказать посторонним, что его жена — лгунья.

П а р к е р *(недовольно)*. Говорите только за себя! Я никогда не выставлял свою жену лгуньей, правда, Анни?

А н н и *(несколько неуверенно)*. Ну... никогда... Альберт, на самом деле...

П а р к е р *(еще более недовольным тоном)*. Что значит это «на самом деле»? Я просто не делал этого — и все. *(Переходит к другой теме, подражая благородным манерам.)* Великолепные сигары, Джо, просто великолепные. Они напоминают мне сигары сэра Херолда Уотсона, которыми он не так давно угощал меня в клубе. Я стоял у камина, а сэр Херолд подошел...

А н н и *(набравшись храбрости, перебивает его)*. Альберт... ты сегодня уже рассказывал об этом.

П а р к е р *(уставившись на нее)*. Ну, так, по-твоему, я не имею права еще раз рассказать этот случай?

С о п п и т. Мария, нет ли у вас нашей свадебной фотографии? Мы свою не могли найти.

М а р и я. Есть. Где она, Джо?

Тот начинает искать фотографию.

О, я всегда смеюсь, когда вспоминаю, как все мы волновались в то утро...

Хэлиуэлл. А священник — больше всех. Он был красный как рак и уж очень молоденький.

Клара. Мы, наверно, были первые, кого он венчал.

Анни. Я в этом уверена. Мне казалось, что обвенчал он нас не по всем правилам...

Паркер (*недовольно*). Ничего подобного, мы были обвенчаны как надо. Если бы он был столетним старцем и занимался соединением брачных уз всю свою жизнь, церемония бракосочетания ничем бы не отличалась.

Мария. Никак не могу вспомнить его имя. Он ведь служил здесь очень недолго, правда?

Соппит. Я, кажется, помню, как его звали. (*Пауза.*) Бич.

Хэлиуэлл. Совершенно верно — Бич, он к тому же странно косил. (*Находит фотографию.*) Вот эта фотография. (*Вручает ее своей жене.*)

Дамы рассматривают фото с громкими восклицаниями.

Паркер (*как бизнесмен*). Я смотрю, цены на гибридных овец опять падают.

Хэлиуэлл. Сравняются с австралийским рынком. Я говорил как-то и затем повторял тысячу раз... если цены на мериносов падают и не поднимаются — с гибридами тут же происходит то же самое. Следите за мериносами...

Мария (*с укоризной*). Эй, Джо, мы что здесь собрались, чтобы обсуждать цены на мериносов? Мы же не на бирже. Взгляните лучше на себя и сравните, какими мы стали.

Хэлиуэлл (*игнорируя ее*). Подожди! Надо выпить!

Мария. Ты прав. Позвони!

Он звонит.

(*Поворачивается к дамам.*) Все надо делать как следует: выпьем за наше здоровье и пойдем дальше.

Соппит (*подхватывает шутку*). Дальше идти некуда.

Клара (*сурово*). Прекрати, Херберт. Немного пошутить никогда не вредно, но ты заходишь слишком далеко.

Соппит. Я не думал...

К л а р а (*перебивая*). Хватит.

Входит миссис Нортроп.

Миссис Нортроп (*агрессивно*). Что еще?

Мария (*высокомерно*). Подайте поднос со стаканами...

Миссис Нортроп (*возмущенно*). Это кто, я должна подавать? Сколько же, по-вашему, у меня рук?

Хэлиуэлл (*безапелляционно*). Ну, так велите этой, как ее там... Руби немедленно подать портвейн.

Миссис Нортроп. Это после чаю? Хороши же вы будете, если выпьете. (*Уходит.*)

Хэлиуэлл (*взбешен*). Ты слышала?

Мария (*поспешно*). Не волнуйся, Джо, все в порядке. Сегодня она уйдет, и уж навсегда.

К л а р а. Господи, до чего мы дошли! Все как одна! Слова сказать нельзя!

Паркер (*поучительно*). Весь этот класс прямо как на подбор! У нас на мельнице такая же картина. Не знаю, когда они рабобают! Лентяи они, лодыри до мозга костей!

К л а р а. А как нагло себя ведут! Ты им слово — они тебе десять!

А н н и (*робко*). Да, но я думаю, они сами не видят ничего хорошего.

Паркер (*злобно*). Видят, и еще сколько! И я не могу понять, чего ты печешься о них.

Хэлиуэлл (*с участием*). Но, послушай, Альберт, перестань брюзжать. Постарайся быть веселым хоть раз. Сегодня ведь наш юбилей. Кстати, Чарли Пирсон на днях рассказывал, что они строят в Торнтоне новую церковь, которая будет открыта к юбилейным торжествам методистской церкви. Ну, а у нас праздник сегодня, и настроение у всех должно быть праздничное. Так давайте же выпьем за здоровье всех присутствующих...

Мария. У меня и была такая идея.

Хэлиуэлл (*не обращая внимания*). Потом вспомним старые времена и сыграем в карты...

Мария. Это тоже моя идея.

Хэлиуэлл (*раздражаясь*). Какое, черт побери, имеет значение, чья это идея, если мы собираемся хорошо провести вечер!

Соппит. Это главное... (*замечает на себе взгляд своей жены и умолкает*) хорошо провести время. (*Встает. Идет к двери. Вид у него жалкий и страдальческий.*)

Клара (*сурово*). Я тебе говорила, чтобы ты не ел семгу. Хэлиуэлл. Но, Клара, почему бы ему не съесть кусочек семги, если она ему нравится?

Клара (*резко*). Потому что он ей не нравится, Джо Хэлиуэлл, — вот почему. Помнишь, как мы ездили в Скарбороу?

Соппит (*оглядываясь*). В Бридлингтон.

Клара. И туда и туда. Что тебе сказал доктор? «Вы роете себе могилу собственными зубами, мистер Соппит». Так и сказал.

Хэлиуэлл. Ха-ха-ха!

Входит Руби с подносом, на котором стоят шесть бокалов и три бутылки портвейна.

Что это вы принесли? Хватило бы и одной бутылки.

Руби (*ставя поднос*). Мне так велела миссис Нортроп.

Хэлиуэлл. В будущем делайте то, что говорю вам я, а не миссис Нортроп. А теперь идите... и без разговоров. (*Откупоривает бутылку.*)

Руби (*оглядываясь в дверях*). А миссис Нортроп сказала, что она больше сюда не придет...

Хэлиуэлл. Мы все это знаем. (*Идет за ней, во рту у него — сигара, в руке — бутылка.*)

Мария (*вмешиваясь*). Оставь ее, Джо.

Хэлиуэлл останавливается и с трудом вытаскивает пробку. Руби выходит и закрывает за собой дверь. Хэлиуэлл разливает вино.

Знаете, что мы сейчас будем делать? Фотографироваться.

М а р и я. Точно в таких позах, как на этой старой карточке. Где она? (*Берет фото и начинает рассаживать всех по местам.*) Я — в центре. Вы, Клара, — здесь. (*Усаживает ее на диван.*) Здесь — Анни. А за спиной у нее — Альберт. Херберт, сюда! (*Садится последней.*)

Х э л и у э л л (*дает им в руки стаканы и сам занимает свое место, шутливо*). За мое здоровье и за здоровье мужа моей супруги!

М а р и я. Оставь свои глупые шутки, Джо.

П а р к е р (*недовольно*). Что нам необходимо — так это несколько серьезных слов.

А н н и (*простодушно*). О, уж не ты ли хочешь, Альберт?

П а р к е р. Что значит — уж не ты ли? Что плохого в серьезных словах по поводу такого события? Женитьба — дело серьезное.

А н н и. Ты прав, Альберт. Кем бы мы были, если бы не поженились?

С о п п и т. Старыми девами и холостяками.

К л а р а. Помолчи, Херберт.

П а р к е р (*напыщенно*). Брак, ну, если хотите... ведь существует институт брака, не так ли?

М а р и я (*серьезно*). Несомненно. (*Многозначительно вздыхает.*)

П а р к е р (*саясь на своего конька*). Один из старейших институтов. Истоки его восходят... восходят к... одним словом, восходят в прошлое. А он и по сей день имеет крепкие корни. Почему?

Х э л и у э л л (*поспешно*). Ну, во-первых, потому...

П а р к е р (*моментально перебивая*). Не мешай мне, Джо, не мешай. Так почему же он имеет и сегодня столь крепкие корни? Потому, что это основа приличной, порядочной жизни.

Х э л и у э л л (*торжественно*). Правда, Альберт, совершенная правда.

Паркер. Что такое женщина, не связанная узами законного брака?

Клара. И что такое мужчина, не связанный такими узами?

Паркер. Не волнуйтесь, я дойду и до этой темы.

Хэлиуэлл. Ну, Альберт, ты слишком тянешь. Мне хочется попробовать этот портвейн.

Паркер (*напыщенно*). Супружество, по-видимому, больше нужно женщинам, чем мужчинам.

Анни. Почему?

Паркер (*недоволен этим вопросом*). Почему?

Хэлиуэлл. Видите ли, Анни, — дети.

Анни. О да, я забыла. Но...

Паркер. Разрешите мне, пожалуйста, вставить слово. Если женщине нужен дом, обеспеченное, приличное существование, которое ей дает супружество, мужчине, кроме того, нужен...

Клара (*поспешно*). Он имеет все, что ему нужно.

Паркер. Ему нужен уют, нужен друг, которому он может поведать о своих печалях, и так далее...

Хэлиуэлл. Это хорошо сказано, Альберт, — «и так далее».

Паркер. Но, Джо...

Хэлиуэлл. Ну, кончайте...

Паркер (*медленно и многозначительно*). Итак, поскольку мы здесь собрались, чтобы отметить день нашей серебряной свадьбы, я предлагаю тост — за *супружество*!

Мария. Превосходно, Альберт.

Все пьют.

Анни (*доверительно*). Мне прямо в голову ударило. Вы помните тот раз, в Харрогите? Я чуть сквозь землю не провалилась, когда официант засмеялся.

Хэлиуэлл (*берет другую бутылку*). Минуточку. Хорошо... хорошо... О, чертова пробка!

Мария (*укоризненно*). Джо!

Хэлиуэлл. Нам нужен еще один тост, только за нас. Ведь не часто так случается, что три супружеские пары, об-

венчавшиеся в один день, встречаются двадцать пять лет спустя. Ну, так... *(Снова наполняет все бокалы.)*

М а р и я *(доверительно)*. Я пока еще все соображаю, но щеки у меня просто горят.

Х э л и у э л л. Так выпьем за здоровье всех присутствующих и за distinguished мистера — как его там зовут? — за мистера Бича, который соединил нас.

В с е о с т а л ь н ы е. За здоровье всех присутствующих! За мистера Бича!

Они пьют. Раздается звонок у входной двери.

М а р и я. Кто бы это мог быть?

Х э л и у э л л *(важно)*. Я тут сказал «Йоркширскому Аргусу», чтобы к нам прислали кого-нибудь.

К л а р а *(восхищенно)*. О, вы хотите, чтобы о нас написали в газете?

П а р к е р. Не годится, чтобы они нас застали в таком виде. *(Быстро заглатывает содержимое своего бокала.)*

Остальные следуют его примеру. Группа распадается. В комнату заглядывает Руби.

М а р и я. Это из «Йоркширского Аргуса»?

Р у б и. Нет, это мистер Форбс, органист из церкви, он уже заходил.

Х э л и у э л л. Скажите, пусть подождет.

Руби выходит.

(Поворачивается к остальным.) Ты знаешь суть дела, Альберт. Херберт, тебе это тоже известно.

С о п п и т *(колеблется)*. Да... Но... *(Идет к Хэлиуэллу.)*

Х э л и у э л л *(резко)*. Никаких «но». Ты слишком мягкосердечен, Херберт.

К л а р а. Я всегда ему это твержу.

Х э л и у э л л. Этот органист... он получает жалованье и должен вести себя прилично — или пусть убирается.

Паркер (*сурово*). Если бы это зависело от меня *одного*, его бы здесь уже давно не было.

Анни. Нет, Альберт, он неплохой молодой человек...

Паркер. Прекрати, Анни. Ты не знаешь и половины того, что известно нам. И готов держать пари, что нам известно меньше половины того, что следовало бы знать. Я бы ни за что его не назначал. Я это говорил тогда и повторяю теперь. А я знаю, что говорю!

Анни (*непокорно*). Иногда, по-моему, лучше было бы тебе придерживаться свое мнение при себе.

Паркер. Что ты хочешь этим сказать?

Из оранжеви выходит Нэнси.

Мария. Где ты была, милая?

Нэнси (*сдерживая веселость*). Выходила на минуту. Я не нужна вам, тетя? Если нет, то я падену пальто и пойду посмотрю, дома ли Мьюриэл Спенсер. (*Идет к двери.*)

Мария (*вставая*). Хорошо. Там пришел Джеральд Форбс, твой дядя хочет с ним поговорить. Но тебе лучше с ним не разговаривать.

Хэлиуэлл. Я тоже не советую. Скажи «добрый вечер» или «здравствуйте» — и больше ни слова. Чем меньше иметь дело с этим парнем, тем лучше для тебя, Нэнси.

Неожиданно Нэнси разражается смехом.

Ты что хохочешь, Нэнси?

Нэнси (*продолжая смеяться*). Простите, дядя. Я вспомнила... очень смешное... (*Выходит, не переставая смеяться.*)

Хэлиуэлл. Что это с ней?

Мария. О, такой у нее глупый возраст. В эти годы они порой сами не знают, смеяться им или плакать. Ну, Клара, Анни, давайте оставим мужчин одним. Я догадываюсь, что мы им сейчас мешаем...

Паркер (*сурово*). Несомненно. В конце концов, это дело церковное.

Мария. Так мы пойдем наверх!

Хэлиуэлл. Вот и хорошо.

Клара бросает на него суровый взгляд.

Мария. Вы еще не видели, что мне Джо подарил. Но... А вы тут не задерживайте его слишком долго.

Паркер. *Его?* Я считаю, что он меня задерживает...

Хэлиуэлл. У меня это не отнимет много времени, я не собираюсь произносить речей. Мы быстро со всем покончим...

Женщины выходят. Хэлиуэлл ставит бокалы на поднос. Мужчины напускают на себя некоторую строгость.

Паркер. Я с самого начала говорил, что это неудачный выбор. Во-первых, он слишком молод.

Соппит (*не очень уверенно*). Я не думаю, что это имеет большое значение.

Паркер (*недовольно*). Ваше несчастье, Херберт, что вы ничему не придаете большого значения. В этом и заключается причина всех ваших неудач.

Хэлиуэлл. Молодой Форбс — типичный южанин, отсюда и все беды.

Паркер (*торжествующе*). Именно это я и хотел сказать.

Соппит. Может быть, позвать его?

Хэлиуэлл. Нет, пусть еще подождет.

Паркер. Это пойдет ему на пользу. Честное слово, когда я услышал, что он южанин и что зовут его Джеральд, я сказал: «Нет, он нам не подойдет, фанфарон и только, что с него взять. А для церкви Лейн Энд, самой богатой и самой большой в округе, нужен пожилой местный йоркширский органист и руководитель хора». (*Копируя Джеральда, утрированно сверхвежливо.*) «Как по-жи-ва-ете? Я так счастлив, что познакомился с вами! Какая сегодня ве-ли-ко-лепная погода!» Брр! Знаете, как это называется?

Соппит (*которому присуще чувство юмора*). Конечно. (*Раскатисто.*) Фан-фарон-ство.

Хэлиуэлл. Альберт прав. Мы допустили ошибку. Но он хо-

роший музыкант и производит впечатление милого, покладистого парня. И все-таки я должен сказать: наша церковь не имеет права связывать себя с органистом, который носит голубые рубашки, вязаные галстуки и брюки с безукоризненно отутюженными складками...

Паркер. Это все называется...

Паркер и Соппит (*одновременно*). Фап-фа-рон-ство!

Паркер (*брезгливо*). Вспомните, что было с «Мессией».

Мы же предупреждали его. Я сам говорил ему: «Я знаю, что это рождественская пьеса, но вы должны подготовить ее раньше, чем другие».

Хэлиуэлл. Точно, Альберт. В конце ноября уже столько «мессий», что своя уже не нужна.

Паркер. И что получилось. У баптистов — «Мессия», у конгрегационалистов — «Мессия», везде «Мессия», а что было у нас?

Соппит. Но когда исполнялось у нас — это было здорово!

Хэлиуэлл. А я не говорю, что плохо, но в то же время кому это было нужно? Однако это мелочь. Главное же в том, что мы не можем терпеть легкомысленного поведения.

Соппит. Я согласен с тобой, Джо.

Паркер (*негодую*). И я так же думаю. Органист у нас в церкви — легкого поведения. Если его выходки терпимы там, у них, на юге, то у нас они непозволительны.

Хэлиуэлл. Мы все — того же мнения.

Соппит и Паркер кивают в знак согласия.

Ну что ж! Теперь разрешим ему войти! (*Идет к двери.*)

Двое других застывают в напряженных позах и выглядят важными и официальными.

(*Сурово.*) Войдите!

Входит Джеральд Форбс, неплотно прикрыв за собой дверь. Он держится сухо, с достоинством. Хэлиуэлл садится и становится таким же важным, как и его коллеги.

Все трое свирепо смотрят на Джеральда, который достает из кармана портсигар. Но прежде чем он успевает открыть крышку портсигара, Паркер вмешивается.

Паркер (сурово). Я бы вам не советовал этого делать!

Джеральд (ошеломленно). Вы о чем?

Паркер (тем же тоном). Что у вас в руках?

Джеральд (все еще удивленно). Это? Папироса. А что?

Паркер. Не кажется ли вам, молодой человек, что при данных обстоятельствах вам сейчас было бы лучше, целесообразнее и уважительнее не курить?

Трое мужчин переглядываются.

Джеральд (пожимая плечами). Ну, если вы так считаете, — пожалуйста. (Прячет портсигар. Пауза.) Вы хотели со мной поговорить?

Хэлиуэлл (жестко). Хотели. И хотим.

Паркер. Могу сообщить вам, что мы уже давно обсуждаем ваше поведение.

Джеральд. Наверно, не так уж давно — я ведь поселился в этих краях несколько месяцев назад.

Паркер. Да. И я надеюсь, ненадолго.

Хэлиуэлл. Погоди, Альберт, дай мне сказать. Мистер Форбс, вы состоите органистом церкви Лейн Энд, самой большой и богатой во всей округе, в этом приходе вы получаете жалованье как органист и руководитель хора.

Джеральд. Да, хотя его едва хватает на жизнь, как вам известно, мистер Хэлиуэлл.

Хэлиуэлл. Да, но, так как вы наш органист, вы имеете возможность давать уроки и подрабатывать, не так ли?

Джеральд. Так. Пока это меня устраивает.

Паркер (с раздражением). Устраивает вас! Пока!

Джеральд (спокойно). Именно это я и хотел сказать, мистер Паркер.

Паркер. Член муниципалитета Паркер. (С достоинством.) Олдермен Хэлиуэлл, мистер Соппит.

Джеральд (*указывая на себя*). Просто ничтожество.

Паркер (*взрываясь*). Послушайте, вы...

Хэлиуэлл (*перебивая, громко*). Нет, дайте мне договорить, Альберт. Мы хотим спокойно разобраться в этом деле, совершенно спокойно.

Джеральд. Я вполне спокоен.

Хэлиуэлл (*взрываясь*). Вы слишком спокойны, черт бы вас побрал, молодой человек. Вам бы следовало сидеть здесь с выражением вины на лице, а не так, как вы сейчас...

Джеральд. Но вы мне еще не сказали, в чем я провинился.

Паркер. В чем? Во всем. И безобразно себя ведете.

Хэлиуэлл. В других церквях им может быть безразлично, как ведут себя их органисты. Но Лейн Энд занимает особое положение. Мы люди солидные и, естественно, ожидаем, что наш органист будет вести себя прилично.

Соппит. Мне кажется, вы слишком легкомысленны, мистер Форбс, на вас уже жалуются.

Паркер. Словом, вас видели... поздно вечером... с девицами.

Джеральд. С девицами?

Хэлиуэлл. Может быть, это была одна и та же особа, но если то, что я слышал, правда, она должна стыдиться своего поведения. Клянусь вам, имей я к ней какое-нибудь отношение, я бы проучил ее.

Паркер. Вас видели, как вы флиртовали поздно вечером. Это предосудительно.

Джеральд (*начинает терять терпение*). Я не сделал ничего предосудительного. Вряд ли что путного можно услышать, собирая глупые сплетни.

Паркер (*резко*). И оставьте этот тон...

Джеральд. А каким тоном разговаривать, если речь идет о глупых сплетнях?

Соппит. Спокойнее! Спокойнее!

Джеральд. Я же говорю вам — все это гнусные сплетни. Старушечьи бредни.

Хэлиуэлл. Прекратите. Не забывайте, что вы еще маль-

чишка. И каждый из нас в два раза старше вас, и мы знаем, что к чему...

Джеральд (*в гневе*). Тогда скажите, что же вы знаете!

Хэлиуэлл (*столь же гневно*). Что знаем, то знаем. И не будем больше об этом. Или вы ведете себя пристойно, или убирайтесь туда, откуда объявились. И не делайте из нас посмешище и притчу во языцах перед соседями. Считайте это честным предупреждением...

Джеральд (*упрямо*). Я не сделал ничего, чего стоило бы стыдиться.

Паркер. Чем вы докажете? Если какой-нибудь парень имеет наглость нахальной обезьяны, то и стыд ему неведом.

Соппит. Ну зачем так, Альберт?

Паркер. А как же еще с ним? Я скажу ему в лицо то, что всегда говорил за глаза. Его не надо было принимать органистом, да и сейчас он ведет себя непристойно, ни во что не ставя уважаемых людей. Его не предупреждать надо, а попросить убираться туда, откуда пришел, и тогда пусть флиртует, сколько хочет.

Джеральд и Соппит пытаются возразить, но Хэлиуэлл останавливает их.

Хэлиуэлл. Знаешь, Альберт, нам не следует поступать так сурово. Надо дать молодому человеку возможность исправиться. (*Джеральду, сурово и покровительственно.*) Я не уверен, что поступил бы так, будь другой день. А сегодня, черт возьми, у нас праздник и нам надо быть поспешнее. Так что я даю вам последнюю возможность исправиться. Можете считать, вам повезло, что вы застали меня в таком настроении. Мы празднуем годовщину свадьбы... все трое, и сегодня исполнилось двадцать пять лет, как мы женаты. (*Сморкается.*)

Джеральд печально качает головой.

Чего это вы качаете головой?

Джеральд (*мягко*). Видите ли, мистер Хэлиуэлл, прошу

прощения, олдермен Хэлиуэлл, боюсь, вы не женаты двадцать пять лет.

Хэлиуэлл (*громко*). Вы думаете, мы считать не умеем, молодой человек?

Джеральд (*так же мягко*). Нет, я не это имею в виду. Боюсь, что все эти годы вы просто жили совместно.

Хэлиуэлл (*вскакивает*). «Жили совместно»? Я голову вам сверну, если вы еще такое повторите!

Джеральд. Нет, нет, нет, я не хотел оскорблять вас, — я сказал то, что думал.

Паркер (*вскакивая*). То, что думал, — значит, у тебя голова не в порядке!

Соппит (*авторитетно, Паркеру*). Погоди, надо его выслушать. Он что-то знает.

Хэлиуэлл (*со злостью*). «Знает»? Что он знает?

Джеральд (*многозначительно*). Если вы успокоитесь, я все вам объясню.

Паркер (*взрываясь*). Я не желаю...

Джеральд (*колко*). Я сказал: *если успокоитесь*.

Хэлиуэлл. Пусть говорит, Альберт.

Джеральд. Благодарю. Разрешите закурить?

Все садятся. Со способной свести с ума медлительностью Джеральд закуривает папиросу. Хэлиуэлл и Паркер наблюдают за ним, готовые в любую минуту взорваться.

Этим летом я отправился отдохнуть в Северный Уэллс...

Хэлиуэлл (*нетерпеливо*). Мне наплевать, куда вы отправились!

Джеральд (*спокойно*). Я отправился в Северный Уэллс и вернулся оттуда не более двух недель назад. Там я познакомился со священником, который последние двадцать лет жил в Африке. Когда он узнал, что я органист из церкви Лейн Энд в Клеклейуике, он не мог скрыть своего волнения и сказал, что некоторое время он был священником этой церкви. Лет двадцать пять назад.

Соппит. Как его имя?

Джеральд Бич. Фрэнсис Эдвин Бич.

Хэлиуэлл *(бурно)*. О да, Бич! Мы только сегодня говорили о нем. Мы помним мистера Бича. Он нас венчал. Да, венчал нас ровно двадцать пять лет назад — всех нас. Поэтому мы и устроили сегодня этот праздник... *(Внезапно голос его замирает, потому что ему становится понятно то, что двое других поняли минутой раньше: здесь что-то не так. Конец фразы звучит неуверенно; в замешательстве смотрит на товарищей.)* Знаете ли, вот уже... двадцать пять лет... как мы женаты...

Джеральд смотрит на них поверх своей папиреды.

Паркер *(глотая слюну)*. Продолжайте, продолжайте.

Джеральд. Я заметил, что что-то при воспоминании о Лейн Энде беспокоит его. *(С видимым злорадством.)* Что-то угнетало его, мучило, джентльмены, грызло, неотступно преследовало. Это было...

Хэлиуэлл *(сердито)*. Это что — декламация?

Джеральд. Прошу прощения, если я утомил вас своим рассказом, джентльмены...

Паркер *(с внезапной страстью, вскакивая)*. Фанфарон!

Джеральд смотрит на него в недоумении.

Если вы хотите что-нибудь нам сказать, то, ради бога, говорите, не фанфароньте!

Хэлиуэлл. Совершенно верно, Альберт. *(Джеральду, нетерпеливо.)* Ну, так что же сказал мистер Бич?

Джеральд. Он ничего не сказал.

Хэлиуэлл и Паркер выпускают вздох облегчения. Начинают дышать спокойнее, осознавая, что их напрасно взволновали. Соппит выжидающе смотрит на Джеральда в надежде услышать еще что-то.

Хэлиуэлл. Ну так зачем же вы морочите нам голову этим Бичем?

Соппит. Пстой, пстой. (*Джеральду.*) Вы ведь не кончили, не правда ли?

Джеральд. Нет. Но вы же не даете мне закончить. Я уже сказал, что он обо всем молчал. Однако написать *написал*, и я получил это письмо два дня назад. Оно при мне. (*Достаёт небольшой, исписанный с двух сторон лист бумаги. Читает выразительно.*) «Дорогой мистер Форбс! Перед отъездом в Африку считаю долгом перед собой и вами объяснить вам то замешательство, которое я, как вы заметили, испытывал всякий раз при упоминании Клеклейуика и Лейн Энда. Хотя я был священником церкви Лейн Энд очень недолго, этот период моей жизни я не забуду никогда, так как повинен в заслуживающей самого сурового наказания небрежности.

Трое мужчин переглядываются.

В Клеклейуик я прибыл прямо из колледжа и несколько месяцев никак не мог покончить с рядом формальностей, необходимых для присуждения мне духовного сана. В то время меня еще не утвердили священником и я не имел полномочий, позволяющих духовному лицу совершать обряд бракосочетания».

Хэллуэлл (*вскакивая, кричит*). Что? (*Вырывает письмо из рук Джеральда, начинает читать сам.*) «...обряд бракосочетания. К счастью, в этот короткий промежуток времени мне пришлось венчать только два раза, но первый раз это были три юные пары, которые — да простит им господь их грех — уверены, что я соединил их судьбы перед алтарем господним, в то время как я... не имел для этого... необходимых полномочий...»

Паркер (*орет не своим голосом и выхватывает письмо*). Дайте мне посмотреть! (*Читает письмо.*)

К нему присоединяется Сонпит.

Подписано правильно: Фрэнсис Эдвин Бич.

Джеральд. Если вы сравните эту подпись с той, которая

стоит в церковной регистрационной книге, вы убедитесь, что это одно лицо. Нет никаких сомнений.

Хэлиуэлл *(горько и изумленно)*. Чертова обезьяна!

Хэлиуэлл, Паркер и Соппит смотрят друг на друга в безмолвном ужасе.

Соппит *(медленно, задумчиво)*. Ну, если мы никогда не были женаты, значит...

Хэлиуэлл. Лучше уж не говори об этом, Херберт. Это ужасно, ужасно. Взять, к примеру, вашего сына, который ходит в среднюю школу, — так выходит, теперь я не имею права назвать его по фамилии...

Соппит *(негодующе)*. Ну, хватит, Джо!..

Хэлиуэлл. Но вы же сами видите, как это нелепо. Не будем вдаваться в подробности.

Паркер *(горько)*. Серебряная свадьба!

Хэлиуэлл. Перестаньте, Альберт, перестаньте.

Паркер *(подчеркнуто серьезно)*. Джо, Херберт, когда эти три бедные женщины наверху узнают, что они на самом деле...

Хэлиуэлл *(мрачно)*. Здесь поднимется такой скандал, что в Лидсе слышно будет.

Паркер. Друзья, они ничего не должны знать. Об этом никто не должен знать. Иначе мы станем посмешищем всего города. Подумать только — олдермен Хэлиуэлл, член муниципалитета Альберт Паркер, Херберт Соппит — к тому же важные члены церковного совета! Уверяю вас, если это станет известным, — мы пропали!

Хэлиуэлл. Ты прав, Альберт!

Соппит *(испуганно)*. А если это к тому же попадет в газеты!

Хэлиуэлл *(еще более напуганный)*. В газеты! О господи боже мой! Нельзя допустить, чтобы это попало в газеты...

Джеральд *(который не вмешивался, когда они обсуждали эту новость, снова обращается к ним, протягивая руку)*. Вы мне дайте, пожалуйста, это письмо.

Паркер и Хэлиуэлл (*встают, как бы защищая это письмо*). Ну, нет!

Паркер (*прячет письмо за спину*). Это письмо...

Хэлиуэлл (*вырывая письмо*). Вот так-то...

Паркер (*сердито*). Нет, Джо, отдай его мне...

Хэлиуэлл. Прости, Альберт, но я никому не могу доверить это письмо. Это — динамит!

Джеральд. Да, но письмо адресовано мне, это, знаете ли, моя собственность.

Соппит. К сожалению, он прав.

Хэлиуэлл (*глядя на него, раздраженно*). Вы бы ему отдали это письмо, да? Но ведь вы, черт побери, замешаны в этой истории так же, как и мы!

Паркер (*сурово*). Как бы то ни было, будем придерживаться определенной позиции в этом вопросе, Херберт, даже если ты к нам не присоединишься.

Соппит (*как бы оправдываясь*). Я только сказал, что он прав, утверждая, что письмо — его собственность. В том случае...

Хэлиуэлл (*агрессивно*). Зачем ломать себе голову над тем случаем? Лучше подумать об этом случае — он стоит десятка других, уверяю вас.

Джеральд. Мое письмо, пожалуйста...

Хэлиуэлл (*заискивающе*). Но послушайте, приятель. Я не сомневаюсь, что вы руководствуетесь благородными побуждениями. Мы немного погорячились с вами, но мы не хотели, так уж выходит у нас, манера у нас такая. Когда Херберт Соппит затеял все это дело...

Соппит (*возмущенно*). Но при чем тут я?

Паркер (*строго*). Вы человек вспыльчивый, Херберт, вы не можете этого отрицать. (*Джеральду.*) Учтите, я скажу сейчас прямо в глаза то, что часто повторял за вашей спиной: вы дали нам лучших «Мессию» и «Илью», чем мы имели когда-либо в Лейн Энде.

Хэлиуэлл. Ну, ну, что и говорить. Лучших в Клеклейуике! А почему? Я им объяснял, этим господам, почему. «Этот

наш молодой человек, — говорил я, — очень умен. У него природный ум» — вот что я им сказал.

Соппит (*с надеждой в голосе*). Точно, Джо, говорили. (*Джеральду*.) И я говорил то же самое. Я всегда был на вашей стороне.

Джеральд. Я вам верю, мистер Соппит. (*Всем троим*.) Можете оставить это письмо сегодня у себя. При одном условии — чтобы оно хранилось у мистера Соппита.

Соппит (*возбужденно, протягивая руку к Хэлиуэллу*). Благодарю вас, Джо.

Хэлиуэлл (*с тревогой*). Что это значит?

Джеральд. Это значит, что таково мое желание. Или верните письмо мне, или передайте его сейчас же мистеру Соппиту, который будет нести ответственность за его сохранность.

Соппит (*охотно*). Конечно, конечно.

Хэлиуэлл молча и неохотно отдает письмо Соппиту, который прячет его во внутренний карман. Остальные следят за ним, как хищники за дичью. Пауза, затем раздается стук.

Хэлиуэлл. Стучат.

Паркер (*мрачно*). Слышу.

Хэлиуэлл. Это значит, моей надоело ждать.

Паркер. Я думаю, Клара может сюда ворваться в любую минуту.

Хэлиуэлл (*горько*). Они хотят продолжать праздник.

Паркер (*горько*). Поболтать о прошлых временах.

Хэлиуэлл (*горько*). Как мы любили собираться за карточным столом.

Джеральд (*после паузы*). Я лучше пойду.

Хэлиуэлл (*поспешно*). Нет, нет. Не придавайте этому особенно большого значения.

Паркер. Не спешите, не спешите! У Хэлиуэлла, надеюсь, найдется для вас отличная сигара.

Хэлиуэлл (*с неестественной веселостью*). Несомненно. И бокал вина. Вы что предпочитаете?

Джеральд. Нет, благодарю. Мне пора идти.

Хэлиуэлл. Послушайте, приятель. Мы признали, что погорячились с вами, не правда ли? Ну, так давайте забудем об этом. Вы видите, в каком неприятном положении мы оказались, и не по нашей вине... *(Идет за сигарой.)*

Джеральд. Вижу. А ведь действительно неприятное, особенно если подумать...

Паркер *(поспешно)*. Это уж точно, но лучше не думать. Надо... *(безнадежно)* постараться забыть о существовании этого письма.

Хэлиуэлл *(возвращается с сигарой)*. Мы ведь теперь друзья, настоящие друзья. Ну, а сейчас возьмите сигару — или парочку, молодой человек, я настаиваю... *(Кладет Джеральду в карман несколько сигар.)* Вы, конечно, дадите нам слово — ваше честное слово — ничего никому не рассказывать об этом неприятном деле, дадите?

Все трое с нетерпением ждут ответа.

Джеральд *(минуту-другую медлит)*. Да.

Они вздыхают с облегчением.

Хэлиуэлл *(пожимает ему руку)*. Вы об этом не пожалеете, молодой человек.

Сверху снова раздается стук.

Паркер *(сокрушенно)*. Слышите?

Хэлиуэлл. Это снова наши жены.

Соппит *(задумчиво)*. Забавная вещь происходит с женами. Каждая только и знает, что твердит мужу, как скучно ей с ним, но ни одна не хочет ни минуты побыть без него.

Хэлиуэлл *(мрачно)*. Это вовсе не потому, что она наслаждается его обществом. Просто жена всегда хочет знать, что делает ее муж.

Паркер. Ну, так что же мы сейчас делаем?

Хэлиуэлл *(злобно)*. Убиваем время. *(Остальным.)* Послушайте, друзья, мы же еще не подготовились к встрече

с нашими женами. Через десять минут они все у нас выпытают, и поднимется буря.

Паркер. Это верно. Нам надо хорошенько все обмозговать. Соппит. Я думаю, — а не могли мистер Бич ошибиться, а?

Паркер. Нам надо посоветоваться с кем-нибудь по поводу этого письма.

Хэллуэлл (*поспешно*). Что? Чтобы на следующий день о нем говорил весь город?

Паркер. Мы могли бы это сделать, не указывая наших фамилий...

Хэллуэлл (*с твердой решимостью*). Я знаю, что мы сделаем. Мы сейчас же отправимся в клуб и там, в спокойной обстановке все обсудим. Пошли, друзья. Переодеваться не надо — прямо в клуб! (*Джеральду.*) Мы вам верим, молодой человек! У вас твердое слово?

Джеральд. Можете на меня положиться.

Хэллуэлл. Славный парень! Погодите, пока мы не скроемся, и сразу уходите через парадную дверь. Пошли, Альберт, Херберт, не будем терять время... (*Подталкивает их к двери в оранжерею.*) Прямо в клуб.

Все трое выходят. Джеральд смотрит на свои часы, улыбается, закуривает папиросу и идет к двери, которая во время всей предыдущей сцены была прикрыта не плотно. Он внезапно широко открывает дверь — за дверью стоит миссис Нортроп с большим стеклянным блюдом и полотенцем. Она в состоянии ликования и ничуть не смущена тем, что ее застали за столь неблагоприятным занятием.

Джеральд (*с притворной строгостью*). Вы что, подслушивали?

Миссис Нортроп (*она уже изрядно выпила*). Думаете, подслушивала?! Надо мне больно. Тут и глухой мог слышать все до последнего слова. Ни одна из них не имеет мужа! Ни одна не обвенчана! (*Внезапно начинает хохотать. Блюдо вот-вот вывалится из ее рук.*)

Д ж е р а л ь д (*развеселившись, глядя на нее*). Осторожней, разобьете блюдо! (*Уходит.*)

М и с с и с Н о р т р о п (*выкрикивает ему вслед*). Разобью блюдо? Да я теперь могу разбить дюжину всяких блюд, если захочу.

Г о л о с Д ж е р а л ь д а (*он подзадоривает ее*). Где уж вам!

М и с с и с Н о р т р о п (*хладнокровно*). Ну, так вот — для начала! (*Бросает блюдо, которое с шумом разбивается.*)

Раздается громкий смех Джеральда, затем хлопает входная дверь.

(Прислоняется к двери и вновь разражается смехом.)
Нет, подумать только!.. (*Хохочет.*) Боже мой, боже мой, боже мой... (*Покачивается со смеху, в то время как занавес быстро опускается.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Прошло полчаса. Зажжен свет. М а р и я задергивает шторы, А н н и и К л а р а раскладывают карты на столе. Они продолжают этим заниматься во время нижеследующего диалога.

К л а р а (*с некоторым раздражением*). Ну, должна вам сказать, ведут они себя довольно странно.

М а р и я. Они просто вышли покурить.

К л а р а (*мрачно*). Я не привыкла, чтобы Херберт уходил курить, когда мы в гостях.

А н н и. Может, им захотелось поговорить о чем-нибудь!

К л а р а. Они прекрасно могли бы поговорить и здесь.

Из оранжереи входит Р у б и.

М а р и я. Ну что, Руби, их там нет?

Р у б и. Нет.

Ма́ри я (*резко*). Ты хорошо искала?

Ру́би. Не могла же я не заметить троих взрослых мужчин в таком маленьком саду.

Ма́ри я. А на улице, как я тебе говорила, ты смотрела?

Ру́би. Да, но их там тоже нет.

Три жены обмениваются недоумевающими взглядами.

Кла́ра. Ты слыхала, когда они ушли?

Ру́би. Нет. Я все время была на кухне. Миссис Нортроп оставила меня мыть посуду.

Ма́ри я. А она где была?

Ру́би. Подозреваю, где-то здесь. Она пришла на кухню совсем ошалелая. И все время громко смеялась, просто как сумасшедшая.

Ма́ри я. Пойди спроси у миссис Нортроп, не знает ли она, куда они ушли.

Ру́би выходит.

Этот шум, что мы слышали наверху, — работа миссис Нортроп. Она разбила мое лучшее блюдо. И Ру́би говорит, что она все время смеялась.

Кла́ра. Удержите с нее стоимость этого блюда, и посмотрим, покажется ли ей это смешным, Я с такими особами не церемонюсь.

Анни. По-моему, она очень неприятная женщина.

Кла́ра. Пьянчужка и лентяйка.

Ма́ри я. У меня было мало времени, и нужна была помощница. Но она здесь последний раз.

Появляется Ру́би.

Ру́би. Миссис Нортроп сказала, что они ушли в клуб, чтобы спокойно там поговорить. (*Выходит.*)

Кла́ра (*сердито*). Клуб! *Клу-уб!*

Анни. И именно сегодня. Какой позор!

Ма́ри я (*негодующе*). Я ни разу в жизни не слышала ничего подобного!

К л а р а (с бешеной злобой). *Клу-уб!* Я ему покажу клуб!

А н н и. Ну, не знаю, чем все это кончится.

К л а р а (с угрозой). А я знаю, чем это кончится для одного из них.

А н н и. Может быть, у них важное дело?

К л а р а. А как же! Эль, вино и виски — куда уж важнее. Пьют напропалую! Ну, а деньги не имеют никакого значения.

М а р и я. Вот и они!

Три дамы моментально напускают на себя ледяную холодность. Трое мужчин появляются из оранжевой, вид у них совсем обескураженный.

Х э л и у э л л (неуверенно). А... вот и хорошо...

М а р и я (мрачно). Что — хорошо?

Х э л и у э л л. Да... ничего... в самом деле.

С о п п и т (нервозно). Мы не... э-э... мы не знали, что вы уже спустились вниз. Правда, Джо? Правда, Альберт?

Х э л и у э л л. Да, Херберт.

П а р к е р. Правда, мы этого не знали.

К л а р а (перебивая). Херберт Соппит, вы, наверно, сошли с ума.
Клуб!

А н н и. И в такой день!

Х э л и у э л л. Видите ли, мы думали уйти на каких-то несколько минут, пока вы там разговаривали наверху.

М а р и я. Что вас туда понесло?

П а р к е р. Да так, кое-что надо было обсудить.

К л а р а. Что — обсудить?

С о п п и т. Так... вообще.

П а р к е р (идет вперед, потирая руки). Ну, я вижу, карты готовы... не сыграть ли нам?

К л а р а. Никакой игры сегодня не будет.

А н н и. Э-го-ис-ты!

К л а р а. Вы только сейчас убедились в этом? Да они никогда ни о чем не думают, кроме собственных удовольствий.

М а р и я. Удивляюсь я тебе, Джо Хэлиуэлл. А я так старалась, чтобы все хорошо устроить.

К л а р а. От них дождешься благодарности! Клуб! (*Глядя на Сонпита.*) Ну, скажи что-нибудь еще.

Мужчины переглядываются с чувством неловкости. Это окончательно выводит женщин из себя.

А н н и. Подумать только — такой день!

К л а р а. Это после того, как мы отдали вам свои лучшие годы — и не получили за это ни слова благодарности.

М а р и я. Ты только вспомни, Джо Хэлиуэлл, сколько у меня было парней кроме тебя, с которыми я могла связать свою жизнь.

А н н и. Вы думаете, что если женились на нас, то мы ваша собственность?

П а р к е р (*с чувством неловкости*). Нет, я так не думаю.

К л а р а (*очень резко*). Нет, думаешь! Все вы одинаковы!

М а р и я. Если бы кто-нибудь из вас в одно прекрасное утро узнал, что он не женат, он бы не очень обрадовался.

Х э л и у э л л (*с трудом*). Да... смею сказать — ты права.

М а р и я (*в недоумении смотрит на него*). Джо Хэлиуэлл, что это с тобой сегодня?

Х э л и у э л л (*с чувством неловкости*). Ничего, ничего особенного, любимая.

К л а р а (*пристально глядя на Сонпита*). Мы еще поговорим с тобой дома.

С о п п и т (*покорно*). Да, Клара.

Женщины смотрят на мужей, потом — друг на друга и отворачиваются от них, выказывая полное свое пренебрежение.

М а р и я. Так что с вашей кузиной, Клара?

К л а р а (*игнорируя мужчин*). Доктор сказал: «У вас чудовищная-кислотность, миссис Фостер, имейте в виду. Вы нагоняете ее, ни о чем не задумываясь».

А н н и. Ах, бедняжка!

К л а р а. При ее наклонностях в еде в этом нет ничего удивитель-

ного! Однажды я видела, как она уничтожала устрицы на свадьбе своей дочери. Я ей тогда сказала: «Эдит, пожалей свой желудок», но она засмеялась и продолжала есть.

Мужчины направляются к двери.

М а р и я (в тот момент, когда Хэлиуэлл прикасается к ручке двери). А куда вы теперь направляетесь?

Х э л и у э л л (с чувством неловкости). В столовую.

М а р и я. Зачем?

Х э л и у э л л. Ну... мы... (набираясь храбрости) должны кое о чем поговорить. Альберт, Херберт, пошли!

М у ж ч и н ы быстро выходят не оглядываясь. Женщины в изумлении смотрят им вслед. Дверь захлопывается. Женщины переглядываются.

М а р и я. Господи, что на них нашло?

А н н и. Что-то стряслось.

К л а р а. Что могло стрястись? Просто валяют дурака, вот и все.

Ну, подожди, объявишься домой, моя светлость!

А н н и. Думаю, нам лучше разойтись по домам...

К л а р а. Ни в коем случае! Они только этого и ждут. Снова отправятся в клуб!

М а р и я. А я бы пошла спать и закрылась у себя, если бы не думала, что так и не узнаю чего-то.

А н н и. Очень жаль, что мы не можем от них уехать хотя бы на несколько дней.

К л а р а. А чем они будут заниматься во время нашего отсутствия? Но мне бы очень хотелось сказать своему: «Я замужем за тобой двадцать пять лет и сейчас решила немного отдохнуть».

М а р и я. Я бы с удовольствием сказала Джо: «Если бы мы не были мужем и женой и я была бы свободна, я бы никогда не согласилась выйти за тебя замуж, даже если б ты умолял меня об этом, стоя на коленях».

Дверь медленно открывается, и входит м и с с и с Н о р т-

ропс большой плетеной сумкой, в которой лежит одежда, две бутылки вина и тому подобное. Она одета, чтобы идти домой.

Миссис Нортроп. Я кончила.

Мария (*недоверчиво*). Вы довольно быстро управились.

Миссис Нортроп (*спокойно*). Да, я на редкость быстро работаю. Мне многие говорили: «Миссис Нортроп, трудно поверить, что у вас только одна пара рук,— вы просто чудо».

Мария (*ехидно*). Ну, я чудес не люблю, миссис Нортроп. Сейчас я заплачу вам то, что вы заработали сегодня, с тем чтобы вам сюда не возвращаться.

Миссис Нортроп (*ехидно*). Хо, понимаю.

Мария. Да, я вами недовольна.

Клара. И я была бы недовольна!

Миссис Нортроп (*раздраженно*). Вас не спрашивают. (*Марии.*) Я и не подумаю сюда возвращаться. Да мой муж и не разрешит мне, когда узнает то, что я сегодня узнала. Мы ведь приличные люди.

Мария. Что это значит?

Клара. Не обращайтесь внимания на ее наглость.

Миссис Нортроп. Вы помалкивайте. (*Марии.*) Мне сначала было вас жалко... но теперь...

Мария (*холодно*). Не пойму, о чем это вы?

Клара. А что это у нее в сумке?

Миссис Нортроп (*зло*). Мои старые туфли и фартук...

Мария. А что за бутылки?

Миссис Нортроп (*сердито*). Мои бутылки. Вы что, думаете, что в Клеклейуйке только вы одни покупаете к ужину вино? Если хотите знать, эти две пустые бутылки мои и купила я их для себя у Джексона, за свои собственные деньги. Не верите — пойдите и спросите.

Мария (*останавливая Клару от вспышки*). Не надо, Клара, оставь ее — с нас хватит. (*Миссис Нортроп, довольно высокомерно.*) Всего вам причитается двадцать четыре шиллинга, не так ли?

Миссис Нортроп (*агрессивно*). Нет уж, пожалуйста, — двадцать пять с половиной, как договорились.

Мария (*идет за своей сумкой, которая лежит на столике*). Хорошо, двадцать пять с половиной, но я удержу с вас за блюдо, которое вы разбили...

Миссис Нортроп (*распалаясь*). Ни одного пенни вы не удержите!

Клара. Нет, вы только послушайте, как она орет!

Мария (*предлагая миссис Нортроп соверен*). Вот вам фунт — это все, что вам причитается.

Миссис Нортроп (*гневно*). Не нужно мне вашего соверена, не возьму я его!

Мария (*оставляя деньги на ближайшем к миссис Нортроп столе*). Вот вам деньги, миссис Нортроп, и это все. (*Важно садится на диван, Кларе.*) Так о чем мы говорили, Клара?

Все три женщины игнорируют миссис Нортроп, что доводит ее до бешенства.

Миссис Нортроп (*не давая возможности вести разговор*). И зря вы напускаете на себя важность, будто какие-нибудь графини, — вы здесь столько живете, что мы все о вас знаем. Чванитесь тут! А вот вас (*обращаясь к Марии*) я помню, когда вы были Марией Фоссет и всего лишь вязальщицей и штопальщицей у Баркинсона, пока не подцепили этого Джо Хэлиуэлла, а он в то время был всего-навсего сортировщиком шерсти. А что касается вас (*обращаясь к Кларе*), так я помню те времена, когда вы отвечивали картошку и яблоки в лавочке у своего папаши, на углу Парковой улицы, — ну и грязная же это была лавчонка, надо сказать...

Мария (*выходя из себя*). Я позову своего мужа!..

Миссис Нортроп. Никакой он вам не муж. Я хотела сказать, что я не хуже вас, но на самом деле, черт возьми, я в тысячу раз лучше, потому что я порядочная замужняя женщина, чего ни одна из вас сказать о себе не может...

Клара (*выходя из себя*). Пошлите за полицейским!

Миссис Нортроп (*с издевкой*). Скажите, пожалуйста, —

за полицейским! Да приведите сюда хоть дюжину полицейских — они животы надорвут со смеху, когда я расскажу им, что я о вас знаю. Ни одна из вас на самом деле не замужем! Я слыхала, как ваш органист из церкви рассказывал об этом вашим мужьям — если их можно назвать вашими мужьями. Я стояла здесь, за дверью, и слышала каждое слово.

К л а р а (*раздраженно*). Я не верю ни единому слову...

М и с с и с Н о р т р о п. Не верьте, пожалуйста. Но парень этот дал им письмо, потому они и пошли в клуб обсудить все. И я их не осуждаю — им есть о чем потолковать. Так же как и вам — самое время подумать о замужестве.

Женщины молча уставились на нее.

(*Берет свой кошелёк.*) Вы мне должны по крайней мере пять с половиной шиллингов, и, если бы вы были поумнее, вы бы мне их сразу отдали... Но я не могу больше здесь задерживаться, мой муж ждёт меня прямо на «Зайце и собаках». Там будет лотерея, а у нас три билета. Так что спокойной ночи! (*Хлопает дверью.*)

Три женщины смотрят друг на друга в недоумении.

М а р и я. Так вот почему они такие странные. Я чувствовала, что что-то не так.

К л а р а (*горько*). Легкомысленные болваны!

Внезапно Анни начинает смеяться.

О, ради бога, перестаньте, Анни Паркер.

А н н и (*продолжая смеяться*). Я не Анни Паркер. И все это так нелепо.

М а р и я (*негодуя*). Что же здесь смешного?

К л а р а (*горько*). Так мне и надо за все беспокойства о недоедании! Это все он виноват — Херберт Соппит! Даже обвиняться как следует не сумел!

М а р и я (*подавленно*). Но Клара, Анни, — это же ужасно! Что мы теперь будем делать?

К л а р а. Чего мы теперь не будем делать, так это играть в карты.

(Начинает убирать карты со стола.)

Мария и Анни ей помогают.

А н н и. О, как глупо мы будем выглядеть, если нам снова придется венчаться в церкви Лейн Энд, правда?

К л а р а *(раздраженно)*. О, ради бога... оставьте!

М а р и я *(горько)*. Надо бы сказать этим болванам в столовой, чтобы они пришли сюда.

К л а р а. Нет, погодите минутку.

М а р и я. Почему?

К л а р а. Нужно кое-что обдумать, а один вид Херберта Соппита лишает меня рассудка, и я ничего не соображаю. *(После некоторого раздумья.)* Но если никто, кроме нас, об этом не знает, то это не так уж и страшно.

М а р и я. Но этот дурак священник знает...

К л а р а. Органист тоже знает...

А н н и. И ваша миссис Нортроп тоже знает — не забывайте об этом, — а вы еще недоплатили ей пять с половиной шиллингов...

М а р и я. Надо сейчас же послать за ней одного из мужчин.

К л а р а. Да, обязательно. Если это станет известно, тогда мы... мы...

Р у б и *(заглядывая в комнату, громко)*. «Йоркширский Аргус»!

К л а р а *(в панике)*. Не нужен нам сейчас никакой «Йоркширский Аргус» — бог знает что с нами будет...

Ее прерывает приход Фреда Дайсона, который немного подвыпил и находится в отличном расположении духа.

Д а й с о н *(сердечным тоном)*. Ну, вот мы снова здесь. По крайней мере я. *(Представляется.)* Фред Дайсон из «Йоркширского Аргуса». Миссис Хэлиуэлл?

М а р и я *(слабым голосом)*. Да.

Д а й с о н *(тем же тоном)*. Миссис Анни Паркер и миссис Соппит — три счастливейшие леди, не так ли?

Выглядят они как угодно, но только не счастливыми

Вы представить не можете, как я волнуюсь.

А н н и. А вы — представить, как волнуемся мы.

М а р и я (*поспешно*). Перестань, Анни. О чем вы, мистер Дайсон?

Д а й с о н. Я потерял нашего фотографа, Генри Ормонройда. Мы уже приходили, но слишком рано, а потом отправились к «Золотому льву», и он там встретил своего старого приятеля. Я их оставил, когда они начали петь «Вахту левого борта», а когда вернулся к своему столу, их уже не было. Я помчался сюда — думал, он у вас. Кстати, где же остальные участники торжества?

А н н и. Мы все здесь.

М а р и я (*поспешно*). Перестаньте, Анни. (*Дайсону, полная смятения.*) Видите ли, мой муж — олдермен Хэлиуэлл, вы, конечно, его знаете...

Д а й с о н (*сердечно*). О да. Кто же не знает олдермена Хэлиуэлла. Потому «Аргус» и направил меня сюда, как только он сообщил в редакцию, что вы празднуете серебряную свадьбу...

К л а р а (*ехидно*). О, так это он просил вас прийти сюда?

Д а й с о н. Да.

К л а р а (*ехидно*). Очень мило с его стороны.

М а р и я. Ну, тогда он еще не знал, что... я хочу сказать... что... (*Умолкает.*)

Д а й с о н. Нашим читателям было бы очень интересно узнать все подробности этого события.

К л а р а (*ехидно*). О, еще бы!

М а р и я. Но будьте благоразумнее, Клара...

К л а р а (*быстро*). Ну, вы вообще чуть не проговорились...

А н н и (*перебивая их*). Господи, о чем это вы обе толкуете? (*Улыбается Дайсону, который заинтригован предыдущим диалогом.*) Все в порядке, мистер Дайсон. Миссис Хэлиуэлл хотела сказать, что нас всех — шестеро, вот и все. Это не настоящий юбилей, а так... вроде... семейного торжества, видите ли.

Д а й с о н (*оглядывается по сторонам, ему хочется выпить*).

Понимаю. Только небольшой, уютный семейный праздник... с... э-э... с выпивкой.

М а р и я. Угадали.

Д а й с о н. Небольшая выпивка... и... э-э... сигары... и... э-э... тому подобное.

Но они не понимают его намеков.

(Достает карандаш и лист бумаги.) Итак, миссис Хэлиуэлл, что бы вы хотели сказать нашим читателям в день двадцатипятилетия вашего счастливого замужества?

М а р и я (*в смятении*). Я... э-э...

Д а й с о н. Смелее, миссис Хэлиуэлл, смелее...

К его удивлению, М а р и я внезапно раздражается плачем и выбегает из комнаты.

К л а р а (*укоризненно*). Видите, молодой человек, что вы натворили?

Д а й с о н (*ошеломленно*). А что я ей такого сказал? Я только попросил ее...

А н н и (*поспешно*). Она сегодня возбуждена — понимаете, столько волнений. Теперь вам нет смысла здесь оставаться, вам лучше пойти поискать вашего фотографа.

К л а р а (*сердито*). Но, Анни, ради бога! Только фотографа нам здесь и не хватает.

А н н и. Все понятно. (*Дайсону.*) Она тоже не в духе. Оставьте нас. (*Оттесняет Дайсона к двери.*)

Д а й с о н выходит из комнаты, и через минуту хлопает входная дверь.

Клара сидит и тяжело дышит.

А н н и (*возвращается на свое место, оставляя дверь открытой*).

Ну, вот мы от него и избавились.

К л а р а. Надолго ли?

А н н и (*раздраженно*). Это уж слишком, Клара, вы так себя

ведете, будто я одна должна отдуваться за всех. Если мы хотим сохранить все в тайне, нам самим надо позаботиться, а не сидеть тут, иронизируя и болтая невесть что при этом парне.

К л а р а (*горько*). Если бы мы не были связаны с такими ослами, ничего бы этого не случилось. Хорошо, что моя бедная мама не дожила до этого дня...

Возвращается М а р и я, она сморкается и с несчастным видом садится на свое место.

М а р и я (*удрученно*). Вы меня извините... Клара, Анни... но я просто не могла сдержаться. Когда он задал этот вопрос, у меня будто что-то оборвалось внутри — и в ту же секунду из глаз полились слезы.

К л а р а (*жестко*). Ну, слезами горю не поможешь.

А н н и (*резко*). Вы, Клара, всегда недовольны. То вы сердитесь, что я смеюсь, теперь вы нападаете на бедную Марию за то, что она расплакалась...

К л а р а (*повысив голос, резко*). Ну а чего вы хотите добиться своим плачем и смешками? Вы решили, что этот дом — «хижина дяди Тома»?

М а р и я. Они уже идут.

Женщины застывают в мрачном ожидании.

Входят Х э л и у э л л, Паркер и Соннит. Женщины смотрят на них.

П а р к е р (*робко*). Кто это был?

Никакого ответа.

(Обмениваются многозначительными взглядами с другими мужчинами.) Я спрашиваю, кто это сейчас приходил?

К л а р а (*неожиданно, со злостью*). «Йоркширский Аргус»!

П а р к е р (*упавшим голосом*). Они все знают.

А н н и (*резко*). Конечно, знаем.

Хэлиуэлл смотрит на них, потом идет к двери.

М а р и я. Куда это вы направляетесь?

Х э л и у э л л. Принесу виски.

М а р и я. Это нам поможет?

Х э л и у э л л. Не знаю, как вам, но мне поможет. *(Выходит.)*

М а р и я *(с надеждой)*. Может быть, все это выдумка?

П а р к е р. Нет, все это правда. Мы рассказали об этом одному приятелю в клубе, конечно, не называя фамилий, и он сказал, что такие вещи иногда бывают, когда молодой священник спешит приступить к исполнению церковных обязанностей, а потом оказывается, что он еще не утвержден в духовном звании. Но это, конечно, случается крайне редко.

К л а р а. Может быть, но с нами это произошло. *(Злобно, Соппиту.)* Это только ты виноват.

С о п п и т *(несчастливым голосом, Паркеру)*. Видите, я же вам говорил, что она во всем обвинит меня.

К л а р а *(резко)*. Она? Кто — она? Кошка? Не забывай, что ты говоришь о своей собственной жене.

П а р к е р. Но... видите ли... в данный момент он не...

К л а р а *(сердито)*. Помолчите, Альберт Паркер!

Х э л и у э л л возвращается с большим подносом, на котором стоят стаканы, бутылки с виски и с содовой.

Х э л и у э л л. Не хотят ли дамы выпить?

М а р и я. Если я сейчас выпью, меня свалит с ног.

Остальные дамы отрицательно качают головами.

Х э л и у э л л. Альберт?

П а р к е р. Да, пожалуйста, Джо. *(Подходит к нему.)*

Х э л и у э л л *(занят только виски)*. Херберт?

К л а р а *(поспешно)*. Ему не следует.

Х э л и у э л л. Херберт?

К л а р а *(резко)*. Ты, кажется, слышал, что я сказала, Херберт. Пить ты не будешь.

С о п п и т *(взбунтовавшись)*. Благодарю, Джо, немного выпью! *(Подходит к Хэлиуэллу, оглядывается на жену, затем уходит, глядя на нее.)*

Она не спускает с него глаз.

Хэлиуэлл. Вот уж я не думал, что молодой Форбс не сдержит своего слова, после того как он обещал не говорить никому на свете.

Мария. Он ничего нам и не говорил.

Хэлиуэлл (*удивленно*). Что? (*Обменивается тревожными взглядами с другими мужчинами.*) Так кто же, если не он?

Мария. Поденница — миссис Нортроп. Она стояла за дверью и все слышала.

Хэлиуэлл (*встревоженно*). А где она сейчас?

Мария. Ушла.

Анни (*со скрытой злостью*). Мария выставила ее.

Паркер (*сердито*). Если она отправилась отсюда с такой новостью, через час трезвон будет по всему городу.

Хэлиуэлл (*сердито*). Почему же вы сразу не сказали? Если эта женщина раззвонит обо всем, мы до конца жизни не избавимся от насмешек. Куда она отправилась — домой?

Анни. Нет, на «Зайца и собак», там она встречается с мужем.

Хэлиуэлл (*повелительным тоном*). Херберт, проглатывайте поскорее виски, мчитесь что есть духу на этих «Зайцев и собак» и приведите сюда эту женщину.

Соппит. Но я не знаю ее.

Хэлиуэлл. Да знаете, черт побери, вы ее видели здесь час назад...

Соппит. Но она меня не знает.

Хэлиуэлл. Не усложняйте, Херберт. Идите скорее. (*Подталкивает его к двери в оранжерею.*) И немедленно ведите ее сюда, — обещайте ей все, что она попросит.

Оба выходят за дверь в оранжерею.

Голос Хэлиуэлла (*он выкрикивает напутствия Соппиту*). И главное, действуйте быстро. Наша судьба — в ваших руках.

Хэлиуэлл возвращается, неся стакан Соппита. Подносит ко рту чужой стакан, потом спохватывается, пьет из своего, сопит и потирает бровь.

Минуту все молчат.

- Хэлиуэлл. Знаешь, Альберт, я испытываю какое-то странное чувство.

Паркер. Какое?

Хэлиуэлл. А то, что я не женат.

Мария (*вставая, внушительно*). Джо Хэлиуэлл, как у тебя язык поворачивается говорить такие вещи?

Клара (*одновременно с Анни*). Как ему только не стыдно! Анни. Вы меня удивляете, Джо.

Хэлиуэлл (*озадаченно*). Чем же?

Мария (*внушительно*). После того, как мы прожили вместе двадцать пять лет. Разве я не была хорошей женой, Джо Хэлиуэлл?

Хэлиуэлл. Ну а я разве жалуюсь?

Паркер (*бестактно*). Вы хорошо заменяли ему жену, Мария.

Мария (*с бешеной злобой*). «Заменяла»? Я не заменяла жену — я была хорошей женой, да будет вам известно, Альберт Паркер.

Анни (*одновременно с Кларой*). Альберт!

Клара (*злобно, Паркеру*). В жизни своей не слышала ничего глупее.

Паркер (*агрессивно*). Но что же здесь глупого, а?

Клара. Все.

Хэлиуэлл (*бестактно*). Но если вы вдумаетесь в его слова — он прав.

Паркер (*многозначительно*). Нельзя не считаться с фактами. Теперь, Мария, вы могли бы выйти замуж за него...

Мария (*презрительно*). Я... замуж за него? Прожили бы вы с ним двадцать пять лет — вы бы этого не сказали.

Хэлиуэлл (*шумно перебивая*). Погоди-ка, погоди, а что значит «прожили бы с ним»? Ты говоришь так, как будто я ненормальный.

Мария (*громко*). Нет, Джо. Я хотела сказать...

Паркер (*еще громче*). Нет, дайте мне высказаться до конца. Я сказал, что вы могли бы выйти замуж за него, ибо,

строго говоря, в глазах закона вы *не* являетесь мужем и женой. Так же как и все мы.

К л а р а (*горько*). Вы бы погромче крикнули, — может, кто из соседей глуховат?

П а р к е р. Не я здесь кричу громче всех.

Х э л и у э л л (*укоризненно*). Вы орали как оглашенные!

А н н и. Да, это правда.

М а р и я (*укоризненно*). Я думала, вы умнее, Альберт.

П а р к е р (*примирительно*). Хорошо, хорошо, хорошо. Но если мы не будем считаться с фактами, мы ничего не достигнем. Это не наша вина — это наше несчастье.

М а р и я. Не знаю, что и сказать об этом.

Х э л и у э л л. Да? (*Альберту*.) Они собираются все свалить на нас.

М а р и я. А почему бы и нет?

Х э л и у э л л (*раздраженно*). Ну в чем, черт побери, *наша* вина?

М а р и я. Если молодой человек просит меня стать его женой ведет меня в церковь и ставит перед священником, то я вправе надеяться, что венчает настоящий священник, а не ряженный недотепа.

Х э л и у э л л. Ну а я тут при чем?

М а р и я. Вы не сумели разоблачить его.

Х э л и у э л л. Не говори глупостей! Откуда я мог знать, что он не имел на это права?

М а р и я (*с усмешкой*). Ну а все-таки смешно, что это приключилось именно с нами, не правда ли?

П а р к е р. Но я говорю то же самое: это не наша вина — это наше несчастье. Никого нельзя ни в чем обвинять. Это делу не поможет. Но факты таковы...

К л а р а (*сердито перебивая*). Если вы еще раз заикнетесь о фактах, Альберт Паркер, я запущу в вас чем-нибудь тяжелым. Нельзя же твердить без конца одно и то же.

М а р и я (*укоризненно*). Да еще так громко.

П а р к е р (*тоном оскорбленного самолюбия*). Хорошо, я кончил. (*Поворачивается к ним спиной.*)

Все три женщины с негодованием смотрят на него.

М а р и я (*поворачивается к Хэлиуэллу*). А ты, Джо, уж не собираешься ли поведать мне, что из-за недоразумения ощущаешь себя иначе?

Х э л и у э л л (*серьезно*). Я не могу тебе лгать, любимая. Я ничего не могу с собой поделывать, но с тех пор, как я узнал, что не связан узами брака, я чувствую себя как-то странно.

М а р и я (*вставая, с неожиданной страстью*). О-о, как мне хочется дать тебе по твоей жирной физиономии! (*Поспешно идет к двери и выходит, по пути отодвигая стулья.*)

А н н и (*идет за ней*). О, бедная Мария! (*Выходит, закрывая дверь.*)

К л а р а. Ну, надеюсь, теперь вы удовлетворены.

Х э л и у э л л (*поучительно*). Никогда не вмешивайтесь в дела мужа и жены.

К л а р а. Но вы сами сказали, что вы не муж и жена.

Х э л и у э л л (*выходя из себя*). Но я не хочу, чтобы сторонние вмешивались в мои отношения с женщиной, с которой я живу под одной крышей. (*Выходит.*)

Тишина. Паркер, мрачный, стоит в одиночестве.

К л а р а (*после паузы*). Ну, после всего, что здесь произошло, стакан портвейна мне просто необходим. (*Ожидает, не предложит ли ей Паркер вина, но он остается неподвижным.*) Благодарю вас. (*С достоинством встает, чтобы самой налить вино.*) Хорошие же у нас манеры, нечего сказать. (*Наливает вино.*) Я говорю — отличные манеры, член муниципалитета Альберт Паркер!

П а р к е р (*оглядываясь, со злостью*). Ну, знаете ли, на месте бедного Херберта Соппита я бы серьезно задумался, стоит ли вам вторично делать предложение.

К л а р а (*собираясь пить*). Вторично! Ни о каких предложениях не может быть и речи. Херберт Соппит — мой муж и остается моим мужем.

П а р к е р. Но перед лицом закона...

К л а р а (*резко перебивая*). Мы это уже слышали. Но разрешите

мне сказать вам, что перед небом Херберт и я являемся законными супругами вот уже двадцать пять лет.

П а р к е р (*торжественно*). Вы снова ошибаетесь: перед небом никто не соединял вас законными узами.

Хэлиуэлл заглядывает в комнату. Он очень озабочен.

Хэлиуэлл. Зайди на минутку в столовую, Альберт. Есть одно соображение...

П а р к е р. Иду, Джо.

Хэлиуэлл исчезает. Паркер выходит, оставляя дверь немного открытой. Клара, оставшись одна, допивает портейн, затем берет старую фотографию и с презрением рассматривает ее. Вдали раздается звонок.

К л а р а (*презрительно бормочет, обращаясь к фотографии*). Желторотые придурки! (*Ставит фотографию на место, лицевой стороной к себе.*)

Заглядывает Руби.

Р у б и. Миссис Соппит...

К л а р а (*охотно отзывается*). Да?

Р у б и. Миссис Хэлиуэлл просила вас зайти в столовую.

Клара поспешно идет к двери.

(Холодно добавляет.) Сцепились, как сумасшедшие.

Клара быстро уходит, за ней следует Руби. Слышно, как где-то далеко хлопает дверь. Из столовой доносятся громкие голоса троих спорящих, снова хлопает дверь, на минуту наступает тишина. Потом несколько раз подряд громко звонят в дверь с улицы. Спустя минуту слышен приближающийся голос Руби.

Г о л о с Р у б и. Да, я знаю... Хорошо... Сюда, пройдите сюда...

Руби вводит Ормонрояда, который несет свой фотоаппарат и прочие принадлежности. Он очень пьян.

Ормонройд *(нетвердо передвигается по комнате, Руби).*

Никого нет. *(Еще раз осматривает комнату, чтобы удостоверить, что это так.)* Совсем никого.

Руби. Они сейчас придут. Они в столовой. Лаютя.

Ормонройд. Что — во время такого торжества?

Руби. Да.

Ормонройд. Ну, это только лишний раз доказывает, что представляет собой человек. Да, человек! Д-д-д-держу пари, если бы это были похороны, они все, как один, сидели бы здесь и хохотали до упаду. *(Подходит к столу и внимательно рассматривает сигары.)* А не найдется ли в этом доме такой малости как сигара?

Руби. Вы уже нашли. Хотите взять... пожалуйста.

Он закуривает.

Моя мама говорит: если господь устроил так, что человек курит, он должен был бы создать в голове у человека дымоход.

Ормонройд. Передай своей матери от меня, что, если господь сделал так, что человек носит воротнички, мог бы вделать сзади на шее и запонку. *(Уставившись на нее.)* Что ты качаешься туда-сюда?

Руби. Это вы качаетесь, а не я. *(Хихикает и критически окидывает его взглядом.)* Кажись, вы немного поддали?

Ормонройд *(удивленно)*. Я... под... дал?

Руби. Да. Осоловели...

Ормонройд *(мутно глядя на нее)*. Что за глупость? И сама ты глупая... а я — ни в одном глазу... Как тебя зовут?

Руби. Руби Бёртл.

Ормонройд *(смакуя это имя)*. Гм! Руби...

Руби. Знаю, знаю, вы хотите сказать, что это нелепое, неподходящее имя. Я все это уже много раз слышала. Можете не повторять.

Ормонройд. Руби, я считаю, что ты особенная девочка. Сколько тебе лет?

Руби. Пятнадцать. А вам?

Ормонройд (*неопределенно разводя руками*). Тысяча. Тысяча тысяч.

Руби (*холодно*). А я думала — лет семьдесят.

Ормонройд (*ужаснувшись*). Семьдесят! Мне пятьдесят четыре.

Руби (*серьезно*). Значит, вы плохо сохранились.

Ормонройд смотрит на нее, тяжело и шумно дыша.

Ну и нализились!

Ормонройд (*после негодующей паузы*). А ты когда-нибудь читала «Полицейские ведомости»?

Руби. Да. Я очень их люблю. Там ужасно интересные убийства.

Ормонройд. Так ты, наверно, обратила внимание на фото женщин, задушенных мужьями...

Руби. Да, и на окровавленные топоры.

Ормонройд (*подавленно*). Ну, так если ты не изменишься, Руби, тебя ждет участь одной из них. (*Отходит от нее и замечает старую фотографию.*)

Руби (*глядя на фото*). А-а-а! Вот какие они были! (*Смотрит на него с подозрением, нерешительно.*) А что это значит — «одной из них»?

Ормонройд. Не думай об этом, Руби, у тебя еще много времени впереди.

Руби (*не понимая*). Времени — для чего?

Ормонройд (*вспомнив о цели своего визита*). Ну, а теперь я должен разместить этих шестерых молодоженов точно так, как они расположены на старой фотографии. Ну-ка, посмотрим... (*Очень сосредоточенно и тщательно устанавливает свой аппарат.*)

Руби (*которая все время о чем-то думала*). Вы что, хотите сказать, что, прежде чем меня задушат, я еще успею вырасти?

Ормонройд (*рассеянно*). Да.

Руби (*настойчиво*). Но за что же он меня задушит?

Ормонройд. Присядь-ка вот здесь на минутку.

Руби. Я вас спрашиваю, за что он меня задушит?

Ормонройд (*сажает ее в кресло и хлопает по плечу*). Может, ты еще найдешь такого, который не станет тебя душить, но ты все-таки будь осторожней. А теперь, Руби, стань вот здесь.

Руби (*с надеждой*). Вы хотите меня сфотографировать?

Ормонройд (*мрачно*). В ближайшие годы — нет, впрочем... (*Наводит фокус.*)

Руби (*после вдумчивого молчания*). Вы хотите сказать, что подождете, пока меня задушат? (*Жизнерадостно, без тени упрёка.*) И-и-и-и! (*Пауза.*) Вы женаты?

Ормонройд. Да.

Руби. Жена ваша, как видно, не очень о вас заботится.

Ормонройд. С чего это ты взяла?

Руби. Держу пари, что ваше пальто не чистили несколько месяцев. (*Продолжая жизнерадостным тоном.*) И у вас на жилете столько яичных пятен, что из них можно сделать омлет. (*После паузы.*) Почему она не следит за вами?

Ормонройд (*занятый своими приготовлениями*). Потому, что ее здесь нет.

Руби. Она с вами не живет?

Ормонройд (*не глядя на нее, с достоинством*). А почему это ты должна... э-э... все знать о моей семейной жизни?

Руби. Говорите, говорите, можете ничего от меня не скрывать. Так где же она?

Ормонройд. Миссис Ормонройд в настоящее время у сестры, она помогает ей управлять пансионом под названием «Пальмовая роща» — хотя в тех краях существует одна-единственная пальма, в фойе этого самого заведения.

Руби. Это где? В Блэкпуле?

Ормонройд. Ничего похожего. Есть место, куда отправляешься пожить, а не умирать. Оно в Торки. (*С глубокой неприязнью.*) Торки!

Руби (*подавленно*). Это прямо на юге?

Ормонройд (*наигранно, напыщенно*). Да, дитя мое, Торки расположен на южном побережье Девоншира. Он закрыт от северных и восточных ветров, там дуют только теплые

южные бризы, поэтому там круглый год прибежище для утонченных и благопристойных членов высшего общества. А сказать по правде — это жалкая чертова дыра. *(С удовлетворением заканчивая свои приготовления.)* Ну, вот мы и готовы запечатлеть счастливых супругов.

Руби *(скептически)*. Вы сказали — счастливых?

Ормонройд. А что — нет?

Руби. Прежде чем говорить, пойдите послушайте, как они ругаются там, в столовой.

Ормонройд *(начиная торжественно)*. Поверь мне, Розии...

Руби *(резко)*. Руби!

Ормонройд. Руби. Ты еще не доросла, чтобы понять все это.

Руби. Я слышу это постоянно, но никто не может объяснить, чего именно я не доросла понять. Мой брат много лет занимается разведением кроликов, и...

Ормонройд *(поучительно)*. Слава богу, семейная жизнь отличается от размножения кроликов. Но брак... брак — это очень сложная штука. Правда, кое-что в семейной жизни меня никогда не прельщало.

Руби. Что же это?

Ормонройд. Ну, видишь ли, я люблю посидеть часок-другой с приятелями, люблю пропустить при случае стаканчик с друзьями. И, надо признаться, люблю, когда выпадает такой случай.

Руби. Если бы вы в этом признались, догадаться можно сразу, только глянув на вас. *(Хихикает.)*

Ормонройд. Если эти три пары женаты вот уже двадцать пять лет и... э-э... и до сих пор не разбежались, то я смело могу назвать их счастливыми парами и не хотел бы слышать от вас или еще от кого, что это не так. Не хотел бы! Если вы или кто-нибудь еще скажет: «Выпейте за их здоровье», я отвечу: «С превеликим удовольствием!..» *(С быстротой, которая дается только в результате огромного опыта, наливает себе виски.)* Отказываться от дру-

жеского тоста — не в моих правилах. За их здоровье!
(Выпивает полный стакан.)

Руби. И-и-и! Вы что, собрались совсем окосеть?

Ормонройд (не обращает внимания, а может быть, не слышит ее слов; становится мягким и сентиментальным). А, да. Быть вместе... в радости и беде... плечо к плечу, рука в руке... когда сопутствует удача или разражается буря... и всегда любящая улыбка... (Неистово размахивает своей сигарой.)

Руби (холодно). Вы поосторожней с сигарой!

Ормонройд. В здоровье и в болезни, в богатстве и в бедности — все время вместе, рука в руке, плечо к плечу, через все жизненные удачи и невзгоды...

Руби (быстро). Вы это уже говорили.

Ормонройд. О, да — это удивительно, это чудесно...

Руби. Что?

Ормонройд. Как — «что»? Господи боже мой, зачем я только разговариваю с этим маленьким крокодилом! Я говорю, что удивительно и чудесно пройти через радости и невзгоды всегда рядом... с любящей улыбкой...

Руби. Плечо к плечу, рука в руке...

Ормонройд. Да, именно так я и говорил.

Руби. Значит, я не такая, как все, потому что, если я иду с кем-нибудь «плечо к плечу, рука в руке» хотя бы двадцать минут, мне это ужасно надоедает.

Ормонройд. Не-ве-ро-ятно! Как тебя зовут?

Руби. По-прежнему — Руби Бёртл.

Ормонройд. Ну а дом у тебя есть?

Руби. Есть, конечно. А что?

Ормонройд. Да разговариваешь ты так, будто выросла в канаве. Никакой нежности, никаких тонких чувств, никакой... никакой поэзии...

Руби (возмущенно). Давай, давай! Поэзию я знаю. Стихи в школе учили. Вот... (Встаёт.)

Ормонройд садится.

«Два брата неразлучно жили
В кругу семьи своей родной.
Могилы братьев разделили,
Навек сокрыв в земле чужой.

Один на Западе далеком
Коварной смертью сражен.
И...»

*Руби запнулась, так как входит К л а р а. Она в недоумении
смотрит на Руби.*

*(Бросает на Клару быстрый взгляд, затем поспешно закан-
чивает.)*

«И лишь индеец точно знает,
Где юный воин погребен».
(Поспешно уходит.)

Клара занимает место Руби.

О р м о н р о й д *(который слушал, склонив голову набок и за-
крыв глаза, открывает глаза и с изумлением видит вместо
Руби Клару).* Должен вам сказать, это очень странно,
очень странно. Что-то со мной не того сегодня...

К л а р а *(тем же тоном, каким говорила Руби).* Похоже, вы
немного пьяны?

О р м о н р о й д. Невозможно понять, что происходит в этом доме.
Но я разберусь.

К л а р а. Кто вы и что вы здесь делаете?

О р м о н р о й д *(все еще изумленный).* Генри Ормонройд из
«Йоркширского Аргуса», буду делать снимки серебряной
свадьбы.

К л а р а *(жестко).* Сегодня никакой серебряной свадьбы никто
здесь снимать не будет.

О р м о н р о й д. Что же, я попал не в тот дом?

К л а р а *(жестко).* Да.

О р м о н р о й д. Извините. *(Направляется к двери, которая от-
крывается, и входит Анни.)*

А н н и. Кто это?

О р м о н р о й д (*моментально смешавшись*). Никто, никто...
Через минуту я все выясню... дайте мне только, время...
(*Выходит.*)

А н н и. Это фотограф?

К л а р а (*горько*). Да, он вдребезги пьян. Когда я вошла, служанка Марии декламировала ему стихи. Бог знает что творится с Хербертом, Альбертом и этой миссис Нортроп!
(*Сердито.*) Я совершенно теряю терпение...

А н н и. Но, Клара...

Входит Мария, очень измученная.

М а р и я. Мне не удалось ничего вдолбить в голову Джо. А где Херберт?

К л а р а (*мрачно*). До сих пор ищет эту миссис Нортроп.

Звонят у входной двери.

Еще кого-то несет нелегкая.

М а р и я. Не надо, Клара. Я ведь никого не приглашала.

К л а р а. Если вы не приглашали, так Джо приглашал. Вызвал сюда этого «Йоркширского Аргуса»!

Входит Руби.

М а р и я. Да, Руби, кто там?

Р у б и (*понижает голос, таинственно*). Какая-то женщина.

К л а р а (*поспешно*). Какая еще женщина?

М а р и я. Подожди, Клара! (*Руби.*) Что за женщина? Кто она?

Р у б и (*конфиденциально*). Я не знаю. Но по-моему, очень подозрительная. Намазана страшно. И волосы крашенные.

Все три женщины переглядываются.

К л а р а (*надменно*). Мы не хотим встречаться с подобными особами, Мария.

М а р и я. Конечно... но... (*Колеблется.*)

А н н и. Вначале узнайте, что она хочет. Возможно, это как-то связано со всей этой историей.

К л а р а (*раздраженно*). Как именно?

А н н и. Ну, этого я не знаю.

К л а р а. Пусть Джо узнает, что ей надо.

М а р и я. О... В таком состоянии, в каком он сейчас находится, — это невозможно. Лучше я сама узнаю. Попросите ее сюда, Руби, и пока не беспокойте мистера Хэлиуэлла.

Руби выходит. Три женщины усаживаются поудобнее, они возбуждены. Руби вводит Лотти, которая входит в комнату, широко улыбаясь.

М а р и я (*встает, остальные две сидят. Нервозно*). Добрый вечер. Лотти. Добрый вечер.

М а р и я (*подходит*). Вы меня хотели видеть?

Лотти (*холодно*). Нет, не вас. (*Спокойно садится, оглядывается вокруг.*)

Три женщины обмениваются недоуменными взглядами.

М а р и я. А-а... я... не знаю вашего имени.

Лотти. Да, не знаете, потому что я его не назвала. Но меня зовут мисс Лотти Грейди.

М а р и я (*с достоинством*). А я — миссис Хэлиуэлл.

Лотти (*качая головой*). Нет, давайте не будем задаваться.

Если говорить правду, так вы не миссис Хэлиуэлл. Вы — мисс Мария Фоссет.

Мария не в состоянии произнести ни слова.

К л а р а. Позвольте, как же так...

Лотти (*поворачиваясь к ней, с утрированной вежливостью*). Мисс Клара Готорп, не так ли? Овощная лавочка Готорпа, на углу Парковой улицы. (*Поворачиваясь к Анни.*) Я, к сожалению, не знаю *вашей* девичьей фамилии...

А н н и. Для вас я миссис Паркер.

Лотти. Пусть будет так. Мне все равно. Я на все смотрю просто. (*Улыбается всем присутствующим.*)

К л а р а (*с издевкой*). Вероятно, миссис Нортроп уже просветила вас?

Лотти. Конечно. Встретились на «Зайце и собаках», где я работаю. Мы старые подруги.

К л а р а (*непривязанно*). Если вы явились сюда, чтобы получить от нас деньги...

Лотти. Я и не заикалась о деньгах.

М а р и я. Тогда для чего же вы сюда пришли?

Лотти (*холодно*). Не для того, чтобы разговаривать с вами.

А н н и. С кем же вы намерены разговаривать?

Лотти (*улыбаясь*). С одним знакомым приятелем, дорогая.

К л а р а (*злобно*). «С одним знакомым приятелем»? В этом доме нет ваших приятелей, так ведь, Мария?

М а р и я (*с негодованием*). Думаю, нет!

А н н и. Погодите, Клара. Я хочу узнать, в чем дело.

Лотти. Очень разумно с вашей стороны. Видите ли, один мой знакомый влюбился в меня и не раз уверял, что если бы он не был связан узами брака, то женился бы на мне...

К л а р а (*мрачно*). Что дальше?

Лотти. Ну, и вот я внезапно узнала, что на самом деле он вовсе не женат. Не станете же вы осуждать меня за то, что я пришла узнать, не изменил ли он своего намерения. (*Улыбается женщинам.*)

Те смотрят друг на друга с растущим оцепенением.

К л а р а (*подавленно*). О, этого я не переживу.

А н н и. Ну, теперь мы кое-что узнали.

М а р и я (*взвинченно*). Клара, Анни. (*Пауза. Внезапно Лотти.*)
Кто он? •

Раздается звонок.

А н н и. Погоди, Мария, там еще кто-то пришел.

К л а р а (*недовольно*). Ну, ради бога, неужели их обязательно надо пускать в дом?

Р у б и (*заглядывая в дверь, важно*). Его преподобие Клемент Мерсер!

Все три женщины вскакивают, когда в дверях появляется Мерсер, тучный, мрачный священник. Руби уходит.

Мерсер (сочувственно). Миссис Хэлиуэлл?

Мария (слабым голосом). Да?

Мерсер (на секунду берет ее руку). Послушайте, миссис Хэлиуэлл, хотя вы и не моя прихожанка, я хочу, чтобы вы знали, что почитаю своим долгом предложить вам свою помощь.

Мария (смущенно). Боюсь... я не совсем вас понимаю... мистер Мерсер.

Мерсер. Ну, ну, миссис Хэлиуэлл, успокойтесь. Все уладится. Вы разрешите мне присесть? (Берет стул и идет к авансцене. Садится, улыбаясь всем присутствующим.)

Мария садится.

Анни. Вас кто-нибудь просил зайти сюда?

Мерсер. Да, мадам. Один рабочий, Нортроп его зовут, остановил меня на улице и сказал, что мне надо немедленно зайти к олдермену Хэлиуэллу, потому что там очень нуждаются в моей помощи. Вот я и пришел — весь к вашим услугам.

Лотти, которая боится, как бы не расхохотаться, встает, быстро идет к двери в оранжерею и останавливается там, повернувшись спиной к остальным.

(Недоуменно посмотрев на нее, поворачивается к трем дамам.) Так что же здесь случилось? Надеюсь, не опасная болезнь?

Мария (открыто). Нет.

Мерсер (несколько озадачен). А! Я спешил, боясь именно этого. Но возможно, кто-нибудь из младших членов вашего семейства нуждается в духовном наставлении. Заблудший сын или дочь?

Клара (раздраженно). Нет.

Мерсер (озадачен). Прошу прощения!

Клара. Я сказала — нет. Я имела в виду, что здесь нет никаких заблудших сыновей и дочерей. Заблудшие мужья — вот и все.

Мерсер (*приподнимаясь*). Мужья?

Лотти разражается хохотом, поворачивается к ним. Мерсер в недоумении смотрит на нее.

Лотти. Вы ничего не поняли.

Мерсер (*раздраженно*). В самом деле! Я не понимаю...

Лотти. Они хотят, чтобы вы обвенчали их.

Мерсер (*потрясенный*). «Обвенчал их»!

Анни (*требовательно*). Мария, вы должны что-нибудь предпринять. (*Мерсеру.*) Вам бы следовало поговорить с мистером Хэлиуэллом...

Мария (*вставая*). Он в столовой — вот дверь. (*Почти выпроваживает его.*) Спросите его, не хочет ли он воспользоваться вашими услугами... (*Уходит вместе с Мерсером.*)

Голос Марни. Сюда... направо...

Клара (*Лотти*). Так кто же он?

Мария поспешно возвращается и закрывает дверь.

Лотти (*все еще улыбаясь, садится на свое место*). По-моему, вы упустили возможность исправить положение, по крайней мере две из вас!

Мария. Две!

Лотти. Ну, вы помните, что я вам говорила? (*Самодовольно улыбается.*) Я знала его и здесь в Клеклейуике, но все началось с ним в Блэкпуле. Он уверял, что очень одинок, а вы знаете, что такое мужчина, который считает себя одиноким, особенно когда все происходит в Блэкпуле.

Клара (*поспешно*). Значит, это не Херберт. Он ни разу не ездил в Блэкпул без меня.

Анни. Нет, ездил, Клара. Помните, года четыре назад?..

Клара (*как громом пораженная*). А он сказал, что ни на минуту не уходил со своей конференции. Никогда больше не поверю ни одному его слову. Но тогда с ним был ваш Альберт.

Анни (*мрачно*). Я знаю, что был.

Мария. Джо тоже был с ними. Он говорил, что ему нужно проветриться.

Лотти (*медоточиво*). Мы все порой не прочь проветриться, не правда ли?

Нерешительно входит Соннит.

Клара (*первая замечает его; резко*). Ну, Херберт Сонпит... Сонпит. Да, Клара?

Лотти (*подходя к нему*). А, Херберт, как поживаете? (*Игриво.*)

Вы не забыли меня, надеюсь?

Сонпит. Я?.. Здесь какая-то ошибка.

Клара (*мрачно*). Хороша ошибка!

Мария. Клара, не сердитесь на него. Я уверена, что это просто шутка.

Сонпит. Что все это значит?

Лотти (*игриво*). А теперь, Херберт...

Сонпит (*недовольно*). Не называйте меня Хербертом.

Клара (*негодуяще*). Подождите хотя бы, пока я уйду.

Анни. Я думаю, он совсем не это имел в виду.

Сонпит (*раздраженно*). Что — имел в виду?

Входит Альберт Паркер, совершенно изможденный.

(*Обращается к нему.*) Я нашел эту миссис Нортроп, Альберт.

Лотти. О, привет, Альберт!

Паркер (*уставившись на нее*). Что значит «привет, Альберт!»?

Лотти (*игриво*). Ну, ну, Альберт!..

Паркер в изумлении смотрит на нее, потом переводит взгляд на остальных женщин, затем — на свою жену.

Анни (*с горечью*). Да, можете смотреть на меня сколько вам угодно, Альберт Паркер. Ваши холостяцкие визиты в Блэкпул! Я склонна даже думать, что в Блэкпуле вы истратили на нее больше денег, чем на меня — за двадцать пять лет.

Паркер (*взбешенный*). Я тратил деньги на нее? В жизни ее не видел. Кто это?

Анни и Клара смотрят друг на друга, потом — на Марию, которая, оцепенев, смотрит на них.

М а р и я. Я этому не верю. Я никогда не поверю.

В комнату заглядывает Руби, она очень возбуждена.

Р у б и. Какой-то автомобиль подъехал к подъезду.

К л а р а (*кричит вслед уходящей Руби*). Скажите, чтобы убрались прочь!

Из столовой входит Хэлиуэлл и в дверях сталкивается с уходящей Руби.

Хэлиуэлл (*слегка подвыпивший*). Что делать с пьяным фотографом и с сумасшедшим священником?.. (*Замечает Лотти и снимает от изумления.*) Лотти!

М а р и я (*с бешеной злобой*). Лотти! Так, значит, это о тебе она говорила, Джо Хэлиуэлл?

Хэлиуэлл. Что?

М а р и я. Что вы бы женились на ней...

Хэлиуэлл (*кричит, с отчаянием*). Это была шутка!

М а р и я (*с горечью*). Ох уж эти ваши шуточки!

Р у б и (*входя, многозначительно*). Мэр Клеклейуика, «Йоркширский Аргус», «Телеграф» и «Меркурий».

Входит мэр. В руках у него шкатулка с серебряным набором рыбных ножей и вилок. За ним идут репортеры.

Мэр (*напыщенно*). Олдермен и миссис Хэлиуэлл, муниципальный совет и духовная корпорация Клеклейуика шлют вам сердечные поздравления по случаю вашей серебряной свадьбы и преподносят вам эту шкатулку с серебряным набором ножей и вилок. (*Протягивает шкатулку Марии, которая внезапно падает в кресло и плачет. Она отталкивает шкатулку, и изумленный мэр протягивает ее Хэлиуэллу.*)

Хэлиуэлл (*со злостью смотрит на Марию, Лотти и на мэра. Берет шкатулку и машинально открывает ее. Увидев серебряный рыбный набор, раздраженно кричит*). Я же тебе сто раз говорил, Фреди, что терпеть не могу рыбу.

Быстро опускается занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация та же. Прошло минут пятнадцать. Руби подметает комнату и ест огромный кусок пирога. Она продолжает свою работу и несколько минут после поднятия занавеса, затем из оранжереи выглядывает Нэнси. Убедившись, что, кроме Руби, в комнате никого нет, кивает Джеральду, и они вместе входят в комнату.

Нэнси. Что здесь было, Руби?

Руби. Вы лучше спросите, чего здесь не было! И-и-и, кончается одно — начинается другое.

Нэнси (*в ее голосе скорее горе, чем упрек*). Видишь, что ты наделал, Джеральд.

Руби. Что! Не он же это начал, правда? А если он, то ему влетит.

Нэнси. Никто не спрашивал, где я, Руби?

Руби. Нет, и держу пари, — если бы вы ушли на всю ночь, они бы сегодня даже не заметили.

Джеральд. Но что здесь произошло, Руби?

Руби (*конфиденциально*). Последние полчаса тут был настоящий сумасшедший дом. Начать с того, что приехал мэр Клеклейуика — и сразу же уехал...

Нэнси. Мэр?

Джеральд (*удивленно*). Зачем они впутали в эту историю мэра?

Руби. Никто его не впутывал. Он сам явился и принес шкатулку с каким-то серебряным рыбным набором. Надел на себя цепочку, как артист из балагана. Но он моментально уехал домой. Не то что эти репортеры...

Джеральд. Репортеры, да?

Руби. Тут их было полно. И не хотели уходить, не то что мэр. Поэтому мистер Хэлиуэлл и мистер Паркер отвели их на кухню и дали им несколько бутылок вина, — по-моему, они еще здесь. Миссис Хэлиуэлл наверху, в своей спальне,

она совсем плохо себя чувствует, и с ней там миссис Соппит. Миссис Паркер и мистер Соппит где-то в саду...

Нэнси. Я тебе говорила — там кто-то есть.

Руби. Дайте мне кончить. Тут еще какая-то женщина с крашеными волосами — она сейчас моется в ванной, и никто не знает, что, кроме ванной, ей нужно. В столовой сидит вдребадай пьяный фотограф, он пытается спорить с этим толстым священником и несет такую чепуху — не знаешь, чем это кончится. (*Уходит.*)

Джеральд. Все это очень забавно.

Нэнси. Да, но я лучше пойду к себе, пока меня тут никто не видел. О, Джеральд.

Джеральд. Нэнси!

Нэнси. Ты меня все еще любишь?

Джеральд. Да, Нэнси, до сих пор, хотя мы вместе целый час.

Целуются. Из оранжереи входят Анни Паркер и мистер Соппит.

Соппит. Вот, полюбуйтесь! Однако вы быстро столковались!

Анни. Вероятно, с вами его и видели.

Соппит. Это правда?

Нэнси. Да. Мы практически обручены. Только... я боялась сказать дяде Джо.

Соппит. Ну, так сегодня и не начинайте...

Анни. А почему и нет? Сегодня он не так доволен собой, как всегда, и один его приятель — тоже.

Нэнси. Спокойной ночи.

Анни. Спокойной ночи. Почему же вы не проводите его и не попрощаетесь с ним как следует? Ведь молодость бывает только один раз.

Нэнси и Джеральд уходят в оранжерею.

Да, молодость бывает только один раз, Херберт. Вы помните, однажды, вскоре после вашего приезда в Клеклейуик, мы все отправились на прогулку в замок.

Соппит. Помню, Анни. Мне кажется, я был слишком к вам внимателен в то время.

Анни. Пусть вам не кажется, так было на самом деле, Херберт Соппит. Помните, как мы возвращались?

Соппит. О!

Анни. Какие это были чудесные дни!

Соппит. О!

Анни. Кроме «о!» вы можете еще что-нибудь сказать?

Соппит. Нет. Если я начну говорить, я скажу слишком много.

Анни. На вашем месте я бы раз в жизни рискнула.

Соппит. Что это значит, Анни?

Анни. Ничего. Но вы не забыли, как мы возвращались с прогулки?

Соппит. Конечно, нет. *(Обнимает ее за талию.)*

Входит Клара.

Привет, Клара!

Клара. Долго это будет продолжаться?

Анни. Ну, не глупите, Клара.

Клара. Это мне-то не глупить? А стоять здесь и бесстыдно обниматься с моим мужем — это не глупости? Как же называется такое поведение, хотела бы я знать?

Соппит. Это просто шутка.

Клара. И как долго вы намерены заниматься этими шутками, как вы их называете, Херберт Соппит?

Анни. Скверные у вас мысли, Клара!

Клара. Какое нахальство и наглость! Вы еще будете мне говорить, что у меня скверные мысли. А ведь вы уже давно совращаете Херберта. Не вздумайте меня уверять, что он сам до этого додумался, я слишком хорошо его знаю.

Анни. Клара, не говорите глупостей. Пойду-ка лучше в сад. Мне нужен глоток свежего воздуха. *(Выходит.)*

Клара. Ну что же ты не бежишь за ней, Херберт Соппит, и не глотнешь также свежего воздуха? Иди, не обращай на меня внимания. Подойди-ка сюда.

Соппит не двигается.

К л а р а. Слышишь, подойди сюда!

С о п п и т. Зачем?

К л а р а. Потому что я приказываю.

С о п п и т. Слышу. Но как ты думаешь, кто ты?

К л а р а. Херберт Соппит, ты не в своем уме.

С о п п и т. Нет. Не я. Со мной все в порядке.

К л а р а (*резко*). Шел бы ты лучше домой и оставил меня, чтобы уладить все это дело.

С о п п и т (*храбро*). И не подумаю.

К л а р а. Не очень пристойно, по моему мнению, двоим нам торчать тут.

С о п п и т (*после паузы*). Ну, так сама и отправляйся домой. Никакой пользы от тебя здесь нет.

К л а р а. Что-о ты сказал?

С о п п и т (*храбро*). Я сказал, чтобы ты отправлялась домой — никакой пользы от тебя здесь нет.

К л а р а (*в ярости подходит к нему и изо всех сил бьет по щеке*). Вот тебе! (*Отступает на шаг и скрещивает руки на груди*.)

Попробуй еще раз сказать, чтобы я отправлялась домой!

С о п п и т (*приближаясь к ней, медленно, внушительно*). Клара, я тебе все прощал, что бы ты ни делала, и никогда не поднимал руку на свою жену...

К л а р а. Еще бы!

С о п п и т. Но если ты не жена мне, то как быть? (*Изо всех сил бьет ее по щеке*.)

К л а р а (*застывает в изумлении*). Херберт!

С о п п и т (*повелительно*). Теперь садись. (*Указывает на стул*.)

Она не двигается с места.

(Срывающимся на крик повелительным голосом.) Садись!

Она садится, не спуская с него глаз; открывает рот — хочет что-то сказать.

Молчи! Дай подумать!

Тишина.

К л а р а (*смотрит на него. Тихим голосом*). Я не знаю, что нашло на тебя, Херберт Соппит.

С о п п и т (*злобно*). Не знаешь?

К л а р а (*взирая на него*). Нет, не знаю.

С о п п и т (*сурово*). Задумывалась ты хоть раз, что у меня может лопнуть терпение жить с женщиной, которая кричит и орет на меня, опускается до пощечин?

К л а р а. Раньше ты никогда не был таким.

С о п п и т. Да, но раньше ты была моей женой...

К л а р а (*поспешно*). Я и сейчас твоя жена.

С о п п и т. Ну уж нет, ничего подобного. (*Достает письмо.*)

К л а р а. Дай мне это письмо!

С о п п и т. Сиди и помолчи лучше!

Входит А л ь б е р т П а р к е р.

П а р к е р. Где Анни?

С о п п и т. Она где-то здесь — не можешь ее найти?

К л а р а. Вероятно, она прячет свое лицо. О, если бы вы только видели то, что увидела сегодня я, Альберт Паркер...

С о п п и т. Попридержи-ка свой язык, пока он не довел тебя до беды!

К л а р а. Я только...

С о п п и т. Молчать!

П а р к е р. Но погодите, я бы хотел знать...

С о п п и т. Это вас разочарует. (*Кларе.*) А ты иди-ка к Марии Хэлиуэлл, живо!

П а р к е р. Но, Клара, неужели вы...

С о п п и т. Вы занимайтесь своими делами. (*Кларе.*) Иди же быстрее.

К л а р а выходит.

П а р к е р. Херберт, не хватил ли ты лишнего?

С о п п и т. Немного, когда искал миссис Нортроп.

П а р к е р. Ничего себе — немного.

С о п п и т. Неважно сколько, я мог бы выпить еще, для своего удовольствия, и, если это кому-то не нравится, пусть отстанет от меня.

Паркер. Так где, вы говорите, моя жена?

Соппит. Она вышла в сад.

Паркер *(неодобрительно)*. Что... в такое время? *(Выглядывает в сад.)*

Соппит. А почему бы и нет?

Паркер *(с достоинством)*. Об этом я с ней поговорю, а не с вами. Вы не моя жена.

Соппит. Нет, так же как и она. Не забывайте об этом.

Паркер *(идет к двери и зовет)*. Анни! Эй, Анни!

Соппит. Почему бы вам не пойти и не поговорить с ней нормально, вместо того чтобы звать ее, как собачонку?

Паркер. Потому что мне вредно ходить по сырой траве в такую пору. Сейчас не хватает только заболеть. *(Снова зовет.)* Эй, Анни! *(Поворачивается к Соппиту.)* Я пришел поговорить с ней наедине...

Соппит. О, я сейчас оставлю вас.

Паркер. По-моему, мы уже достаточно наговорились об этом чертовом деле, все это переливание из пустого в порожнее. Нам осталось только каждому серьезно поговорить со своей женой, а все остальные разговоры — чепуха.

Из оранжереи входит Анни.

А, вот и ты.

Соппит *(уходя)*. Желаю удачи, Анни!

Паркер *(подозрительно)*. Что это значит?

Соппит *(оглядываясь в дверях)*. Чепуха! *(Уходит.)*

Паркер. Херберт сегодня хватил лишнего, набегался по городу за этой поденщицей!

Анни *(игриво)*. Что случилось, Альберт?

Паркер *(напыщенно и самодовольно)*. Ну, Анни, я собираюсь тебя успокоить.

Анни *(с наигранной скромностью)*. Благодарю тебя, Альберт.

Паркер *(прежним тоном)*. Да, я не хочу, чтобы ты волновалась. Я думаю, ты согласишься, что я всегда старался выполнять свои супружеские обязанности.

Анни. Да, Альберт, ты всегда старался.

Паркер (*подозрительно*). Что ты хочешь сказать этим «старался»?

Анни (*с той же наигранной скромностью*). То же, что и ты, Альберт.

Паркер (*после еще одного подозрительного взгляда возвращается к прежнему тону, невыносимо покровительственно-му*). Никто, конечно, не знает лучше тебя, что теперь я занимаю иное положение, чем тогда, когда я первый раз на тебе женился...

Анни. Когда ты *думал*, что женился на мне, Альберт.

Паркер. Ну, ты знаешь, что я имею в виду! В те дни я был всего лишь простым молодым человеком, по имени Альберт Паркер.

Анни. А теперь ты член муниципалитета — Альберт Паркер...

Паркер. Да, а это кое-что значит, не правда ли? Но это не все. Я открыл собственное дело, имею капитал, занимаю видное положение в церковной корпорации, являюсь членом Крикетной лиги, вхожу в Больничный комитет и так далее.

Анни. Да, Альберт, ты хорошо ведешь свои дела.

Паркер (*самодовольно*). Я знаю, что хорошо. И обрати внимание — это меня не испортило, не то что других. Я не какой-нибудь фанфарон. Я *нормальный человек*.

Анни (*очень печально*). Да, Альберт.

Паркер (*подозрительно взглянув на нее*). Ну а что в этом плохого? Не станешь же ты утверждать, что в твоём возрасте...

Анни (*с негодованием перебивает*). «В моём возрасте»!

Паркер. Но ты ведь уже не девочка, не правда ли? И я говорю, что в твоём возрасте ты не станешь меня уверять, что тебе нравятся хвастуны и фанфароны!

Анни (*с некоторой грустью*). Иногда я удивляюсь...

Паркер (*отбрасывая в сторону все ее возражения*). Нет, нет, нет, никто лучше меня не знает, что тебе нравится. А ты великолепно знаешь, каким хорошим мужем я был: постоянным...

А н н и (*довольно мрачно*). Я не сомневаюсь в твоём постоянстве, Альберт.

П а р к е р (*самодовольно*). Это я и говорю. Постоянный. Положительный. Никогда не бросаю денег на ветер...

А н н и (*тем же тоном*). Нет, Альберт, даже твой злейший враг не скажет, что ты бросаешь деньги на ветер.

П а р к е р (*самодовольно*). И в то же время — я не скуп, нет, не скуп. Все устраиваю наилучшим образом — все, что только можно устроить. Все обоснованно, ты знаешь, ничего лишнего.

А н н и. О да! Ничего лишнего.

П а р к е р (*в мечтательном экстазе самовлюбленности*). Всегда разумен и надежен. Все время я устремлялся и взбирался по ступенькам вверх в этом мире, никогда не довольствовался достигнутым, как большинство людей, постоянно только вперед и вперед, только вверх и вверх — от кассира до управляющего, от управляющего до держателя акций. Сегодня я член муниципалитета, завтра — олдермен и послезавтра, может быть, мэр. Так было и так будет. Но иногда мне кажется, что ты, Анни, не отдаешь себе отчета, что за счастливый билет ты вытащила в жизни. О! (*Преисполнен сознания собственного величия.*)

А н н и (*холодно смотрит на него, после паузы*). Но, Альберт, к чему ты все это говоришь?

П а р к е р. Видишь ли, Анни, я хотел лишь сказать, что считаю себя хорошим мужем для тебя. Не подумай, что я хотел сказать, будто ты была плохой женой... Нет... Этого я никогда не говорил...

А н н и (*сухо*). Благодарю тебя, Альберт.

П а р к е р (*покровительственным тоном*). Итак, я считаю, что мой долг — успокоить тебя. И не переживай из-за этой истории с венчанием. Если была ошибка, — значит, была ошибка. Я все устрою наилучшим образом, Анни. Мы все это тихо оформим, обвенчаемся по правилам. (*Хлопает ее по плечу.*) Я никогда не забываю ни о своем долге, ни о долге своего ближнего. И скоро мы уладим этот вопрос.

А н н и. Благодарю тебя, Альберт.

П а р к е р. Не стоит, Анни, не стоит. Конечно, на моем месте далеко не каждый мужчина вел бы себя так же, но неважно.

Я знаю, в чем мой долг.

А н н и. А как в отношении моего долга?

П а р к е р (*удивленно*). Не говори глупостей. Но я же тебе сказал — все будет в порядке.

А н н и. Почему ты так думаешь?

П а р к е р (*поспешно*). Не глупи, Анни. Ты же знаешь, если я сказал — все будет в порядке, значит, все *будет* в порядке.

А н н и (*медленно*). Но я не хочу быть твоей женой.

П а р к е р (*ошеломленно*). Что???

А н н и (*медленно*). Видишь ли, Альберт, я двадцать пять лет была твоей женой. С меня довольно.

П а р к е р (*с ужасом*). «Довольно»???

А н н и. Да, довольно. Ты тут говорил о своем долге. Ну, так я двадцать пять лет выполняла свой долг. Я для тебя стира-
ла, готовила, убирала и штопала. Я для тебя сэкономила,
берегла и рассчитывала. Я целыми часами слушала все
твои скучные проповеди. И ни разу не услышала от тебя
ни слова благодарности. И почти никогда не видела радо-
сти. Но я считала, что я твоя жена и, худо ли, хорошо ли,
должна смириться и жить с тобой.

П а р к е р (*уставившись на нее, изумленно*). «Смириться и жить
со мной»!

А н н и (*холодно*). Да, смириться.

П а р к е р. Но чем я плох?

А н н и (*холодно*). Во-первых, ты большой эгоист. Правда, я
считала, что все мужчины — эгоисты. Ты до смешного тщесла-
вен. Но это опять же свойственно всем мужчинам. Прав-
да, большинство мужчин не лишены по крайней мере вели-
кодушный. А ты чудовищно скуп. И если многие мужчины
забавны — ты же просто только смешон. Ты очень мрач-
ный, нудный...

П а р к е р. Нет!

А н н и (*жестко*). Да, Альберт. Очень скучный и очень, очень нудный и скучной.

П а р к е р (*устанавливая на нее, будто перед ним незнакомая женщина*). Кто тебе все это внушил?

А н н и. Я думаю об этом уже очень давно.

П а р к е р. Как — давно?

А н н и. Почти двадцать пять лет.

П а р к е р (*полуизумленным-полувозмущенным тоном*). Но... ты... ты... ты змея!

А н н и (*не обращая внимания на его слова*). Вот я и решила что мне надо пожить в свое удовольствие. Я хочу наслаждаться жизнью, пока я еще не состарилась.

П а р к е р (*ужаснувшись*). «Наслаждаться»? Что значит — «наслаждаться»?

А н н и (*холодно*). О, ничего страшного. Во-первых, уехать от тебя...

П а р к е р (*громко, с болью*). Перестань! Сейчас же перестань! По-моему, Анни Паркер, тебе должно быть стыдно.

А н н и (*мечтательно*). Ни капельки. Попутешествовать, повеселиться — так много на свете интересных людей... и забыть о торговле шерстью, о членах муниципалитета, о церковных дьяконах...

П а р к е р (*кричит в ярости*). Почему же ты не красишь свои волосы, не румянишь щеки, не носишь трико, как танцовка, и не идешь на подмостки?..

А н н и (*грустно*). Я бы охотно все это сделала.

В то время как Паркер стонет от отчаяния, услышав ее слова, появляется Руби.

Р у б и (*громко и задорно*). Мистер Сонпит просил передать, что если вы еще не кончили, то поспешите или перейдите в другое помещение, потому что они все идут сюда.

П а р к е р (*гневно*). Нет, мы не кончили!

А н н и (*холодно*). Мы кончили.

Руби кивает и уходит, оставляя дверь открытой.

П а р к е р (*громко*). Послушай, Анни, давай хоть минуту поговорим разумно...

А н н и. Они услышат тебя — дверь открыта.

П а р к е р. Ну и черт с ними... (*Хочет закрыть дверь, но входят Соппит и Клара.*)

С о п п и т (*вид Паркера забавляет его*). Привет, Альберт. Чем это вы так изумлены?

П а р к е р (*раздраженно*). Если я хочу изумляться, то и буду изумляться, не спрашивая у вас разрешения, Херберт.

С о п п и т. Что за ерунда!

П а р к е р. Отстаньте, ради бога! Скажите, Клара, могли бы вы назвать меня скрягой?

К л а р а. Ну, во всяком случае, вы никогда не потратили лишнего пенса, Альберт.

П а р к е р (*негодующе*). Я трачу деньги так же, как все. Я всегда плачу свою долю, разрешите вам напомнить. Называть человека скупым только потому, что он не швыряет деньги направо и налево, потому, что он не... э...

А н н и (*подражая его манере, спокойно*). Фан-фа-рон.

С о п п и т. Не терзайте его, Анни.

П а р к е р (*негодующе*). Меня? Меня никто не может терзать! Очень хорошо, что именно *вы* напомнили об этом, Херберт, — ведь именно вы много лет были притчей во языцех.

К л а р а (*гневно*). «Притчей»...

П а р к е р. Да.

К л а р а. Почему же это?

П а р к е р. О! Как подкаблучник! Спросите, кто носит брюки в вашем доме.

А н н и. Альберт, как ты вульгарен!

П а р к е р. Я? Это ты минуту назад мечтала о трико танцорки.

А н н и. Только в переносном смысле.

П а р к е р. Какой уж тут «переносный смысл»! Или ты носишь трико, или ты его не носишь!

Входят Лотти и Хэлиуэлл.

Л о т т и. О каких трико тут речь?

Паркер. Если вы поможете в этом разобраться, получите на чай.

Лотти. Клянусь, только на чаевые вы и можете раскошелиться. (Анни.) По-моему, он страшный скряга.

Паркер. Что?! Тот, кто еще раз скажет это слово, получит по физиономии. (Выходит.)

Хэлиуэлл. Или я сам уйду из этого дома, или попрошу уйти отсюда всех остальных. Куда ни ткнешься — везде склока, черт бы побрал!

Анни. А где бедная Мария?

Соппит. Клара!

Соппит, Клара и Анни выходят.

Хэлиуэлл. Теперь, Лотти, будь умницей. Немного подурачиться — это еще ничего, но я не думаю, что ты захочешь доставить неприятности...

Лотти. А какие тут неприятности? Ты же говорил, и не раз, что если бы не был женат...

Хэлиуэлл (*настойчиво*). Ты же прекрасно понимаешь, это было несерьезно. Если парень на отдыхе, да еще в таком месте, как Блэкпул, примет немного лишнего, то — ты сама это прекрасно понимаешь, — он наговорит черт знает каких глупостей...

Лотти (*с негодованием*). О, теперь я все понимаю! Ты байками соблазнял меня, а потом посмеивался надо мной!

Хэлиуэлл (*убеждая*). Нет, я и не думал ни о чем подобном, Лотти. Никто не восхищался тобой больше, чем я. Ты прекрасная девушка и славный человек. Но будь умницей. Явиться сюда — *вот так*, когда ты не хуже меня знала, что все это было несерьезно!

Входит Мария. Она в пальто. В руках у нее книга для записей расходов по дому, ключи и несколько пар носков.

Мария (*с порога, сурово*). Одну минуту, Джо Хэлиуэлл!

Хэлиуэлл (*стонет*). О, господи боже мой! (*Увидя, что она в пальто.*) Мария, куда это ты собралась?

Ма́рия (*решительно, но в голосе слышатся слезы*). Я возвращаюсь к своей матери.

Хэ́лиуэ́лл. «К матери»! Ну, если ты явишься к своей матери среди ночи в таком состоянии, то ее хватит удар.

Ло́тти. Конечно. Ей, наверно, лет девяносто.

Ма́рия (*раздраженно*). Ей всего лишь семьдесят два. (*Пауза.*) Занимайтесь своими делами. Здесь найдется немало дел для вас.

Ло́тти. Каких это еще дел?

Ма́рия (*указывая на принесенные вещи*). Совершенно для вас непривычных — посмотрим, как они вам понравятся. Это не то что заигрывать с мужчинами в баре.

Хэ́лиуэ́лл. О чем ты, черт побери, говоришь?

Ма́рия. О ней. Если она так хочет получить мое место — пожалуйста.

Ло́тти. Постойте, постойте...

Хэ́лиуэ́лл (*одновременно с Лотти*). Но послушай, Мария...

Ма́рия (*гремит ключами и заставляет их замолчать*). Вот все ключи — лучше вам сразу узнать, какой откуда. (*Кладет их на стол.*) И не забывайте, что кухарку уволили, и я не уверена, что Руби останется. Некоторое время вам придется обходиться самой. Зеленщик приходит в десять, а булочник — в половине...

Хэ́лиуэ́лл (*кричит*). Какое имеет значение, когда приходит булочник?

Ма́рия (*спокойно*). Я разговариваю с нею, а не с тобой. (*Лотти, которая ошеломлена.*) Вот в этих книгах надо аккуратно записывать все расходы. По пятницам он их проверяет, и, если что не так, будет страшный скандал. Забирайте их.

Ло́тти (*отступая*). Я к ним не прикоснусь.

Хэ́лиуэ́лл (*с тревогой в голосе*). Потому что она не...

Ма́рия. Без них она не сможет вести хозяйство. Ты сам так говорил. (*Брошает книги на стол.*)

Хэ́лиуэ́лл. Да, говорил, но к ней это не имеет никакого отношения.

Ма́рия. Так почему же она сюда пришла? (*Лотти, протягивая*

ей носки.) Вот пять пар носков и одни шерстяные (*вешает их на спинку кресла*), которые надо поштопать. Лучше начните с них. Там, наверху, вы найдете три рубашки и еще две пары шерстяных носков, которые надо починить завтра. О завтрашнем обеде позаботьтесь заранее, отнесите к этому серьезно, потому что он всегда предпочитает горячее и очень *привередлив*... (*Поворачивается к двери.*)

Лотти (*с ужасом*). За кого это вы меня принимаете?

Хэлиуэлл. Ну, Мария, ты совершенно не права. Никто лучше меня не знает, какая ты хорошая жена. Будь умницей, моя любимая. Здесь произошла ошибка.

Мария. Есть еще другие вещи, о которых вам придется позаботиться, но, пока вы попытаетесь заниматься им и хозяйством, я уже буду в Блэпуде. (*Уходит.*)

Хэлиуэлл уходит следом за ней.

Входит Ормонройд.

Ормонройд. Это лицо мне знакомо.

Лотти. Гарри Ормонройд.

Ормонройд. Лотти, моя красавица Лотти. Ты не забыла меня?

Лотти. Забыть тебя! Если бы ты не сбежал, я б отпилила тебе ноги. А ты что, собираешься их фотографировать?

Ормонройд. Да, всех вместе — для «Йоркширского Аргуса». Будет отличный снимок.

Лотти. Прекрасный! Так ты ничего не знаешь? Они от тебя скрыли? (*Хочет.*)

Ормонройд. Ну, перестань, перестань. Выпьем немного портвейну.

Лотти. О, это я могу.

Ормонройд. Еще бы. Сегодня тут такой сбор.

Лотти. Это уж точно, что сбор. Выше голову, старина!

Ормонройд. Все прекрасно, Лотти.

Лотти. Мировой портвейн. Дела у Джо Хэлиуэлла, наверно, идут неплохо?

Ормонройд. О да, Лотти, дом у него что надо. А мне кто-то говорил, что ты вернулась в «Толбот».

Лотти. Только на рождество. А кто тебе сказал? Кто-нибудь из тех, кого я знаю?

Ормонройд. Сейчас... постой... Ты его знаешь. Да и я знаю. Наш общий знакомый. Вот вертится на языке. А... *(не может вспомнить)* нет. Но я вспомню его, вспомню.

Лотти. Потом мне пришлось вернуться домой. А ты помнишь Вайолет, нашу Вайолет... она вышла замуж за сержанта из полка герцога Веллингтона... Так вот, сейчас она в Индии.

Ормонройд *(вспомнив, радостно)*. Томми Тухилл!!!

Лотти. Что с ним?

Ормонройд *(недоуменно)*. Но ты же сама о нем спрашивала?

Лотти. Больше мне делать нечего, как спрашивать о Томми Тухилле!

Ормонройд *(все еще сбитый с толку)*. Ну, хорошо, Лотти. А все же в связи с чем мы заговорили о нем? Разве не ты сказала, что он уехал в Индию?

Лотти. Нет, олух ты, это Вайолет уехала. О, вспомнила, Томми, вероятно, и сказал тебе, что я работаю в «Толботе»?

Ормонройд *(по-прежнему в замешательстве)*. Я знал. Ну и что из этого? Спорщица ты сегодня, дорогая.

Лотти *(добродушно)*. Я — нет. А вот ты сегодня немного того!

Ормонройд. Ну, нет, я в полном порядке. Так, а что случилось с Вайолет?

Лотти *(теряя терпение)*. Вышла замуж за сержанта и уехала в Индию.

Ормонройд *(торжествующе)*. Точно — вышла! И кто-то совсем недавно мне об этом говорил.

Лотти. Я говорила.

Ормонройд *(укоризненно)*. Да, это я слышал. Но кто-то еще. О, вспомнил — Томми Тухилл!

Лотти. Что он тебе дался, этот Томми. Затем я работала в Бридмингтоне. Но выдержала только три недели. Не было никакой жизни... и я сказала им и повторяю сейчас: «Я не против работы, но должна же я сама немного пожить и повеселиться».

Ормонройд. И я так думаю. Давай повеселимся немножко. Это то, что нам и нужно... а тут еще Томми Тухилл, на беду, уехал в Индию.

Лотти. Не Томми, а наша Вайолет. Гарри, ты наводишь на меня тоску.

Ормонройд. Ну, так спой что-нибудь, как в старые времена.

Лотти. Ах ты, старый глупый дьявол, как я рада, что встретила тебя!

Ормонройд. Как в старые добрые времена, Лотти.

*Оба поют. Входят Хэлиуэлл, Паркер и Соннит.
Пение прекращается.*

Хэлиуэлл. Ну, а вы решили, что это отдельный кабинет в ресторане, что ли? Вас просит к телефону «Йоркширский Аргус».

Лотти. Пойдем, любимый, я тебе помогу.

Хэлиуэлл. А потом убирайтесь из дома!

Ормонройд. Мы с вами еще увидимся.

Ормонройд и Лотти выходят.

Паркер. Ну, теперь нам всем нужно по-серьезному поговорить... всем вместе.

Хэлиуэлл. Да, да, Альберт. Я знаю. Но сначала дай мне прийти в себя. Я сейчас с трудом уговорил Марию не уезжать к матери.

Паркер. А чем может помочь ее мать?

Хэлиуэлл. О... не надо никаких вопросов... Избавь меня от них, Альберт, дай мне прийти в себя.

Входят три жены. Они в шляпах и в пальто.

Анни. Теперь... Альберт... Джо... Херберт...

Хэлиуэлл. Это что — ультиматум?

Мария. Джо Хэлиуэлл, я прошу тебя ответить на один-единственный вопрос.

Хэлиуэлл. Да, Мария?

Мария. Джо, ты меня любишь?

Хэлиуэлл (*испытывая некоторое неудобство*). Что за вопрос, да еще здесь? Почему ты не спросила меня об этом наедине, наверху?

Мария (*строго*). Раз и навсегда — да или нет?

Хэлиуэлл. Да, люблю, конечно, родная.

Мария. Так почему ты не говорил мне об этом раньше?

Все три женщины садятся и снимают шляпы.

Паркер (*так, будто он начинает очень длинную речь*). Ну, теперь, когда мы снова собрались вместе, настало время серьезно задуматься над создавшимся положением, потому что мы не принадлежим к числу тех людей, которые занимаются переливанием из пустого в порожнее...

Мария. Совершенно правильно, Альберт.

Паркер. Да, но дай мне закончить мою мысль, Мария... Мы...

Его прерывает появление Руби.

Руби (*громко, задорно*). Она вернулась!

Мария. Кто?

Руби. Да эта миссис Нортроп. (*Выходит, оставляя дверь открытой.*)

Хэлиуэлл (*громко, в отчаянии*). О... боже... мы не хотим ее видеть.

Миссис Нортроп (*появляясь со своей сумкой, раскрасневшаяся*). Если вы не хотите меня видеть, так зачем вы послали его рыскать за мной и просили прийти? У вас семь пятниц на неделе. (*Марии.*) Вы мне остались должны, не забывайте.

Хэлиуэлл (*раздраженно*). Вон отсюда!

Паркер (*поспешно, возбужденно*). Подождите-ка, Джо. Мы не можем допустить, чтобы она болтала о том, что ей известно, иначе к утру мы станем посмешищем Клеклейуика.

Миссис Нортроп (*презрительно*). Вы давно уже им стали, молодой человек. Я бы скорее вышла за Джо Хэлиуэлла, чем за вас. Джо покуролесил в свое время, ну а вы такой скряга, какого свет не видел.

П а р к е р (*услышав ненавистное слово*). «Скряга»! Если еще кто-нибудь скажет это слово, я ему шею сверну, кто бы это ни был!

Х э л и у э л л (*миссис Нортроп*). Я вам сказал — убирайтесь, живо!

М и с с и с Н о р т р о п (*полная злобы*). С удовольствием! Можете веселиться сколько вам угодно. Веселитесь, пока я не рассказала одному-двум знакомым все, что я знаю. Тогда вы услышите, как будет смеяться весь город!

П а р к е р. Ну как можно ее отпускать в таком состоянии?

К л а р а. Ее надо обвинить в воровстве.

М и с с и с Н о р т р о п (*испуганно*). Как — в воровстве? Я сверну вам вашу лживую голову, миссис! Я ни разу в жизни не взяла чужого.

Заглядывает Руби.

(Замечает ее.) Что, милая?

Р у б и (*громко, главным образом Хэлиуэллу*). Этот фотограф заснул и храпит возле телефона.

Х э л и у э л л (*взрываясь*). Ну, так разбудите его и отправьте домой!

Руби исчезает.

М и с с и с Н о р т р о п (*многозначительно*). Я бы держала язык за зубами, если бы мне...

К л а р а (*шипит*). Это шантаж!

С о п п и т (*поспешно*). Молчи, Клара!

М и с с и с Н о р т р о п (*взглянув на него*). Ого, вы стали настоящим мужчиной!

Х э л и у э л л (*миссис Нортроп*). Сколько вы хотите?

М а р и я (*сердито*). Я не дала бы ей ни пенни.

К л а р а (*быстро*). Я тоже.

П а р к е р (*быстро*). Разве можно на нее положиться, кто даст гарантию?

С о п п и т (*быстро*). Она могла бы подписать какую-нибудь бумагу.

А н н и (*быстро*). Вот уж глупее не придумаешь.

М а р и я (*быстро*). Ни пенни!

Хэ л и у э л л (*сердито*). Дадите вы мне вставить хоть слово?

Помолчите минутку. Ну, так...

Р у б и (*заглядывая*). Мистер Хэлиуэлл!

Хэ л и у э л л (*нетерпеливо*). Что еще?

Р у б и. Я его разбудила и сказала, чтобы он шел домой. А он твердит, что он и так дома. (*Исчезает.*)

Хэ л и у э л л (*впадает в ярость; орет изо всех сил*). Это что — сумасшедший дом?

Г о л о с М е р с е р а (*за сценой, он приближается*). Мистер Хэлиуэлл! Пожалуйста!

Хэ л и у э л л (*стонет*). О!.. Еще один истязатель!

Входит М е р с е р.

М е р с е р (*строго*). Мистер Хэлиуэлл, я не могу вам разрешить употреблять подобные выражения. Это недопустимо...

Хэ л и у э л л (*протестующе*). Вы бы так не говорили, если б...

М е р с е р (*перебивая*). Совершенно недопустимо. Немного терпения, немного взаимопонимания — больше ничего не нужно.

Хэ л и у э л л. Что — с подобной-то особой? (*Указывая на миссис Нортроп.*)

М е р с е р (*удивленно и неодобрительно*). Миссис Нортроп! Что вы здесь делаете?

М а р и я (*быстро*). Сеет смуту!

М е р с е р (*прежде чем миссис Нортроп успевает открыть рот.*) «Сеет смуту»? (*Подходит к ней поближе.*) И снова написались?

М и с с и с Н о р т р о п (*смирненно, павши духом*). Только один глоток, потому что сегодня я очень расстроена...

М е р с е р (*строго*). И после этого вы являетесь сюда и докучаете здесь? Ай-яй-яй-яй! Что мне с вами делать? Мне стыдно за вас! Сколько раз вы обещали исправиться.

М и с с и с Н о р т р о п (*смирненно и лъстиво*). О... мистер Мерсер... вы прекрасный человек. Во всем Клеклейуике нет проповедника лучше вас. (*Остальным, поворачиваясь*

кругом.) А-а-а! Мистер Мерсер — самый лучший священник. Как... как... лев в образе человеческом! (*Мерсеру, восхищенно.*) О, вы такой!..

М е р с е р (*властно*). Нет, миссис Нортроп, лезть вам не поможет.

Вы не сдержали ваших обещаний. Мне стыдно за вас.

М и с с и с Н о р т р о п (*чуть не плачет*). Нет... мистер Мерсер...

М е р с е р. Теперь идите спокойно домой...

М а р и я (*быстро*). Она всему городу насплетничает про нас.

М е р с е р. Этого мы не допустим. Миссис Нортроп, вы должны дать мне клятву.

М и с с и с Н о р т р о п (*взглянув на него, покорно*). Да, мистер Мерсер.

М е р с е р. Клянись, что никому не расскажете ни слова из того, что вы слышали здесь сегодня. Клянись.

М и с с и с Н о р т р о п (*торжественным дрожащим голосом*). Клянусь! (*Поднимает клятвенно руку.*) В подпитии или трезвости... тогда пусть я умру.

М е р с е р. Ай-яй-яй! Но я полагаю, это сойдет. А теперь спокойно ступайте домой — и будьте порядочной женщиной. Спокойной ночи, миссис Нортроп.

М и с с и с Н о р т р о п (*покорно*). Спокойной ночи, мистер Мерсер, я очень вам благодарна. (*В дверях обращается ко всем присутствующим.*) А-а-а! Это лев в образе человеческом... (*Неистовый выкрик на прощание.*) Стоит всех вас, вместе взятых!.. (*Выходит.*)

Х э л и у э л л (*с облегчением*). Ну, от одной избавились. (*Мерсеру.*) Не могли бы вы сейчас ознакомиться с этим письмом, мистер Мерсер?

М е р с е р (*прочитав письмо*). Я прочитал его очень внимательно. (*Подавленно.*) И знаете, что я думаю?

П о ч т и в с е (*одновременно, возбужденно*). Нет. Скажите, ради бога.

М е р с е р (*медленно*). По-моему, это письмо не вызывает сомнений.

Х э л и у э л л (*разочарованно*). Я-то думал, что вы скажете то, чего мы не знаем.

Мерсер (*не обращая внимания на этот выпад*). Мне очень печально говорить об этом, но нет никаких сомнений в том, что никто из вас не обвенчан.

Паркер (*горько*). Не надо об этом. (*С надеждой*.) Но вы, конечно, можете обвенчать нас... сейчас... без посторонних...

Мерсер (*с негодованием*). Ни в коем случае! Это совершенно невозможно.

Хэлиуэлл (*нетерпеливо*). Что же, черт побери, нам делать?

Мерсер (*обращаясь к нему, глубокомысленно*). Мой дорогой сэр... (*Затем быстро*.) Я не знаю.

Хэлиуэлл (*с раздражением*). О боже!

Мерсер. Но если вы хотите знать мое мнение, то я думаю, что, если бы в этом доме было меньше горячности и сквернословия, а побольше терпимости и взаимопонимания, у вас появилась бы возможность выйти из этого затруднительного положения.

Хэлиуэлл (*раздраженно*). А я думаю, что вы немного утомили меня, мистер Мерсер.

Мерсер (*принимая гордую осанку; в гневе*). Что? После того как я потратил на вас столько времени, вы имеете дерзость... (*Возвращает письмо*.)

Хэлиуэлла всего передергивает.

Спокойной ночи, сэр. Спокойной ночи, леди. (*Уходит, хлопнув дверью*.)

Хэлиуэлл (*тяжело дышит и утирает лицо*). Ну, вот, мы избавились от другого.

Паркер (*начиная в своей обычной манере*). Единственное, что нам теперь нужно...

Клара (*перебивает его, передразнивая*). Это — «серьезно поговорить». Мы уже слышали. Но что нам действительно нужно, так это пораскинуть мозгами, а где мы их возьмем — я не знаю.

Хэлиуэлл (*строго, Кларе*). Вы возьмете их у меня, если посидите молча хотя бы минуту.

Все тяжело задумываются. Появляется Ормонройд, в руке большая кружка пива, — он усаживается в кресло посреди комнаты; присутствующие смотрят на него с изумлением и презрением.

Ормонройд (*жизнерадостно*). Ну, о чем мы тут говорили? Паркер (*раздраженно*). С вами мы ни о чем не говорили. Ормонройд (*не обращая внимания*). Я бы не прочь перекинуться в картишки. (*Хэлиуэллу, который едва сдерживает себя.*) Люблю поиграть, когда каждый за себя.

Хэлиуэлл. Нет уж! И я прошу вас убраться из дома!

Ормонройд (*укоризненно*). Да, но ведь вы заказывали групповой снимок, не правда ли?

Паркер. Сегодня вы никого здесь не будете фотографировать. Ормонройд. Очень странно, что вы все это говорите. Я сразу заметил что-то... это моя профессия... и сказал себе: здесь с людьми что-то неладное. Так оно и выходит.

Клара. О, ради бога...

Ормонройд (*Хэлиуэллу*). А фотографируются люди только в том случае, когда у них все в порядке. Никто, например, не пойдет к фотографу с зубной болью.

Соппит (*серьезно*). Да, я полагаю, такого не бывает. Во всяком случае, со мной.

Ормонройд. Ваше имя, сэр?

Соппит. Соппит.

Ормонройд. Я — Ормонройд. У вас в глазах есть мысль. Берусь сделать великолепный портрет. Напомните мне об этом, мистер Соппит.

Входит Лотти.

А, это ты, Лотти. Присоединяйся к нашей компании.

Мария (*Лотти*). Я думала, вы давно ушли.

Хэлиуэлл. Вы же обещали уйти еще полчаса назад.

Клара (*вставая*). Надо вызвать полицию.

Ормонройд. Что это вы ополчились на Лотти? Почему вы сами спокойно не живете и другим не даете? Мы все в одной

лодке. Все мы пришли в этот мир, и никто не знает — зачем. Все мы отсюда уйдем, и никто не знает — куда. Если вам повезло немного больше, чем другим, благодарите за это небо. И если на вашу голову не обрушилась беда и судьба вас не одурачила, будьте благодарны и за это, потому что с человеком может случиться все, что угодно. Я говорю вот что: все мы люди, не правда ли?

А н н и. Да, спасибо вам, мистер Ормонройд.

П ар к е р. За что это ты его благодаришь? Кто он такой, чтобы учить нас, как нам себя вести?

К л а р а. Какая наглость — иначе не назову!

Звонит телефон.

О р м о н р о й д (*Паркеру*). Это вы обо мне? Я ничто. Но если вам так уж хочется, мистер Паркер, выказать свое недоброжелательство, то запомните: может быть, я и ничто, но я работаю в газете. За моими плечами стоит пресса, не забывайте об этом, ведь в наши дни пресса — могучая сила...

Входит Руби.

Р у б и. Позвонили по телефону, и, когда я спросила: «Кто говорит?» — какой-то парень ответил: «*Йоркширский Аргус*», не у вас ли наш фотограф Ормонройд?», и, когда я ответила: «Он еще здесь», он сказал: «Ну, так передайте ему, что его уволили». Вас уволили. Очень жаль. (*Выходит.*)

О р м о н р о й д (*совершенно ошеломлен*). Вот как, милая. Я где-то здесь оставил свой чемодан.

Л о т т и. Ты, должно быть, забыл его в «Золотом льве».

П ар к е р. Нечего было зазнаваться.

А н н и. Замолчи, Альберт.

Л о т т и. Ну, Гарри, старый дуралей, не так уж все и плохо.

О р м о н р о й д. Не так уж все и хорошо. Куда я теперь подамся?

Л о т т и. Погоди, старина, никогда не хорони себя прежде времени. Мы еще поживем и повселимся, прежде чем они выбросят нас на свалку. (*Остальным.*) Я сейчас уведу его отсюда, а вы оставайтесь и улаживайте свои дела сами, если сумеете.

Хэлиуэлл. А он-то какое имеет отношение к нашим делам? Лотти. Прямое. Скажи им, Гарри, где ты венчался.

Ормонройд. Нет, Лотти, зачем им знать о моих несчастьях. Паркер. У нас своих хватает.

Анни. Не надо, Альберт. Расскажите, мистер Ормонройд.

Лотти. Скажи им, где ты венчался.

Ормонройд. В церкви Лейн Энд, двадцать пять лет назад.

Хэлиуэлл. Тогда он действительно с нами в одной лодке.

Ормонройд. Мне очень не повезло.

Клара. Это мы отлично понимаем.

Лотти. Да, но Гарри разъехался со своей женой и они хотят развестись.

Хэлиуэлл. Ну, так о чем им волноваться? Они свободны. Священник, который их обвенчал, не имел в то время духовного звания.

Лотти. Подождите минутку... Продолжай, Гарри.

Ормонройд. Я знаю, что не имел. Жена это обнаружила. Но она упустила из виду, что в те времена, двадцать пять лет назад, при венчании в церкви всегда присутствовал чиновник-регистратор, который подписывал брачное свидетельство. У меня есть копия.

Паркер. Джо, а он прав.

Ормонройд. Я сам знаю, черт возьми, что я прав. Я несколько месяцев обивал пороги адвокатов, чтобы найти какой-нибудь изъян в этом брачном свидетельстве.

Клара. Значит, мы все-таки женаты?

Хэлиуэлл. Да, конечно. Если нас не связал священник, то это сделал регистратор... законно... по всем правилам.

Клара. О! Слава богу!

Мария. Мистер Ормонройд, вы принесли счастливую весть. Большое вам спасибо.

Лотти. Ну, Гарри, пошли домой, дружок. А почему бы тебе снова не приобрести маленькое ателье в Блэкпуле?

Ормонройд. Потому, что оно стоит сто фунтов, а у меня нет и ста шиллингов,— я знаю, что и у тебя их нет.

Лотти. Да, а здесь такие люди, которые никогда не расстанутся с подобной суммой.

Паркер. Нормальные люди.

Анни. Альберт, ты снова скупишься?

Паркер. Нет, никогда... если ты хочешь...

Хэлиуэлл. Мы вас устроим, Ормонройд, наилучшим образом. Предоставьте это мне. У меня будто гора с плеч свалилась... А-а-а-а... Ну, а теперь давайте веселиться. *(В дверях.)* Кто нам споет? *(Зовет.)* Руби... Руби... принеси нам вина. Мы все должны выпить.

Анни. Давайте споем что-нибудь.

Ормонройд. У Лотти хороший голос. Давай, Лотти, запевай.

Клара. Вот, Херберт Соппит, все-таки я твоя жена.

Соппит. Да, Клара, и я надеюсь, мы будем счастливы. Но этого не случится, если ты не оставишь прежнего тона. Он мне не нравится.

Клара. Хорошо, Херберт.

Соппит начинает петь.

Паркер. Ну, Джо, ты не можешь сказать, что я скучный и нудный, нет?

Хэлиуэлл. А, самую малость, Альберт.

Паркер. Это убивает меня. Я всегда казался самому себе очень веселым парнем. *(Анни.)* Как бы то ни было, скряга или кто-нибудь еще, но я твой муж.

Анни. Чувствую, мне придется примириться с тобой.

Мария. Нам всем надо попытаться примириться друг с другом.

Может быть, мы и собрались здесь именно для этого.

Хэлиуэлл. Ты права, любимая.

Паркер. Вы говорили о том, что нам надо повеселиться.

Анни. А-а-а-а, не стоит, Альберт.

Паркер. Нет, стоит. И мы повеселились. *(Берет ее руку и начинает петь.)*

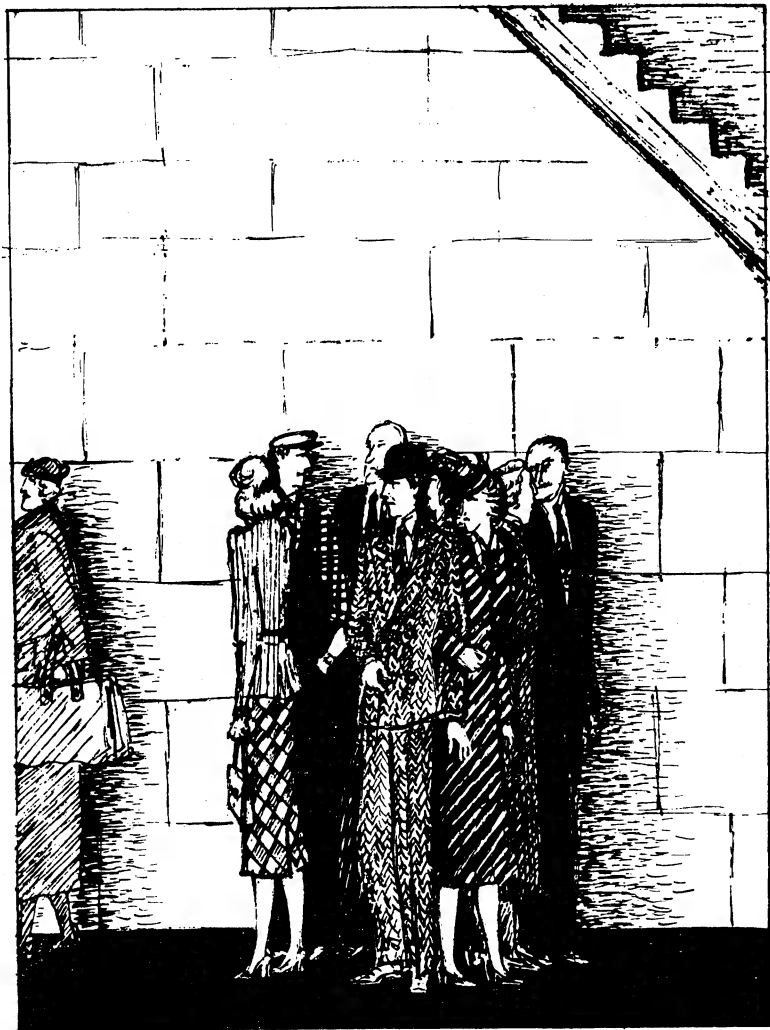
Все поют.

Ормонройд *(громко)*. Все на своих местах. Мы сделаем

отличный снимок и пошлем ко всем чертям «Йоркширского Аргуса». Минутку... внимание... снимаю...

*Входит Р у б и. Вспыхивает магний, и Руби роняет поднос.
Но все продолжают петь, не обращая на это внимания.*

Занавес опускается.

THEY COME TO A CITY

A Play
1943

Они пришли к городу

Пьеса

Перевод М. Абкиной

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЖО ДИНМОР.
МАЛЬКОЛЬМ СТРИТТОН.
КАДУОРТ.
СЭР ДЖОРДЖ ГЕДНИ.
ЭЛИС ФОСТЕР.
ЛЕДИ ЛОКСФИЛД.
ФИЛИППА ЛОКСФИЛД.
ДОРОТИ СТРИТТОН.
МИССИС БЭТЛИ.

Постановка может быть осуществлена в соответствии с возможностями, которые предоставляет сцена того или иного театра.

Действие происходит в течение дня у стен необычного города.

В глубине сцены слева — башня, которая является частью городской стены. По центру башни большие, массивные входные ворота, открывающиеся вовнутрь. От башни направо вдоль всей сцены тянется стена со смотровой нишей. К стене ведут несколько ступенек. На верхней ступени справа небольшая площадка, стоя на которой можно обозревать полностью скрытый стеной город. За стеной простирается широкое и высокое небо.

Башня, стена, площадка делаются из одного материала: под камень, бетон или кирпич. Ворота — под бронзу.

Освещение должно меняться в соответствии с ходом действия — от полного мрака в начале, затем яркого полдня, заката до глубоких сумерек в конце. Небо — соответственно: серое — ярко-синее — багрово-закатное. С открытием ворот на сцену через них должен литься яркий солнечный свет. В конце пьесы Джо и Элис освещены только лучом света.

ДЕЙСТВИЕ
ПЕРВОЕ

После поднятия занавеса сцена погружена в темноту. Слева в луче света появляется леди Локсфилд. Это красивая дама лет шестидесяти, полная чувства собственного достоинства. Манера говорить выдает ее принадлежность к привилегированному классу.

Леди Локсфилд (*оборачивается назад и зовет*). Филиппа!
Филиппа! (*Подождав.*) Филиппа!

Голос Филиппы. Да, мама, иду.

Леди Локсфилд (*нетерпеливо*). Филиппа, ну да где же ты? Не понимаю, как ты можешь бросать меня одну, когда каждую минуту может случиться что-нибудь.

В луче света появляется Филиппа, девушка лет под тридцать. В ней нет никакого особого очарования, но ума и характера больше, чем это кажется с первого взгляда. Мать и дочь одеты как для прогулки.

Филиппа (*терпеливо, но устало*). Я и не думала оставлять тебя. Я шла за тобой, но остановилась на минуту, потому что мне слышались чьи-то шаги.

Леди Локсфилд. Тем более не следовало меня оставлять одну. Нам надо держаться друг друга.

Филиппа (*тем же тоном*). Да, мама.

Леди Локсфилд. Ты и сейчас слышишь шаги?

Филиппа. Нет, сейчас не слышу.

Леди Локсфилд. Где мы?

Филиппа. Понятия не имею.

Леди Локсфилд. И не догадываешься?

Филиппа. Нет. Одно ясно, что мы больше не в этой гнусной Борнкейской гостинице,— слава богу! (*Помолчав.*) Может быть, мы умерли и попали на тот свет?

Леди Локсфилд. Филиппа, не глупи!

Филиппа. Но ты сама подумай. Последнее, что я помню,—
это как подлая газовая колонка лопнула со странным
треском...

Леди Локсфилд. А я решила, что это бомба.

Филиппа. Нет, это газовая колонка.

Леди Локсфилд. У меня будет по этому поводу серьезный
разговор с хозяйкой.

Филиппа. Для этого сперва надо ее найти.

Леди Локсфилд. Филиппа, я не могу позволить тебе так
со мной разговаривать! *(Делает шаг, другой. Останавли-*
вается.) Давай сообразим. Может быть, нас отнесло
взрывом в парк?

Филиппа. Нет, это не Борнкей.

Леди Локсфилд *(нетерпеливо)*. Ну, тогда где же мы?

Филиппа. Не знаю. Но только не в Борнкее. Здесь все выгля-
дит совсем иначе. *(Прислушивается.)* Тише! Опять как
будто шаги.

Леди Локсфилд *(в испуге)*. Ох, Филиппа! Что, если...

Филиппа. Тсс! *(Шепотом.)* Да, кто-то идет.

*Они оглядываются; в луче света появляется Кадурт.
Он невысокого роста, средних лет, самоуверенный, с пыл-*
ливым взглядом и несколько резкими манерами. Одет как
преуспевающий делец, сидящий у себя в конторе. Без
шапки. Они с минуту смотрят друг на друга.

Кадурт *(непринужденно)*. О, добрый вечер! Я полагаю,
сейчас — вечер? Как вы думаете?

Филиппа. Да, должно быть, вечер, хотя у нас сейчас как-то
все спуталось...

Кадурт. Да и у меня тоже. Что же, давайте познакомимся.
Моя фамилия Кадурт.

Филиппа. Меня зовут Филиппа Локсфилд. А это моя мать,
леди Локсфилд.

Кадуорт. Здравствуйте.

Леди Локсфилд. Здравствуйте, мистер Кадуорт. Не знаете ли — это Борнкей?

Кадуорт (*удивленно*). Борнкей? Нет, не думаю. Я никогда не езжу в Борнкей. Мне там не нравится.

Филиппа. И мне тоже. Где же мы тогда?

Кадуорт. Я сам собирался спросить вас об этом.

Леди Локсфилд. Да? В таком случае как же вы здесь оказались?

Кадуорт. Понятия не имею. Не в моем характере не знать подобных вещей, но не знаю.

Филиппа. Выходит, мы с вами в одинаковом положении. С нами это случилось, мне кажется, из-за взрыва колонки.

Кадуорт. А я решил, что сплю и мне снится сон. Я редко вижу сны. Но дело не в них. Вчера вечером я засиделся поздно у себя в конторе, нужно было проверить кое-какие счета, и только что кончил, как... Да, должно быть, я заснул.

Филиппа (*развеселившись*). Мама, он думает, что мы ему снимся!

Кадуорт. Нет, нет! Тут, конечно, что-то другое. Но вы — первые, кого я увидел. Пройдемте немного дальше, хорошо? (*Осторожно идет вперед.*)

Луч света следует за ним.

Филиппа. Пойдем, мама.

Леди Локсфилд (*нерешительно*). Что ж... пожалуй... но мне кажется, лучше бы нам... (*Опасливо идет.*)

Филиппа вплотную следует за ней.

Кадуорт (*оглядываясь вокруг*). Странное место. Впервые такое вижу. Вот как будто стена. Идите сюда.

Они входят в круг света.

Филиппа (*изумленно*). Да, похоже — стена.

Кадуорт. Ну, что ж, лучше стена, чем ничего.

Филиппа. Конечно. Мама, вот мы и пришли куда-то.

Леди Локсфилд. Какой смысл заявлять, что мы пришли, раз мы не знаем куда. Так-то, Филиппа!

Кадуорт. Вы, кажется, сказали, что ваша фамилия — Локсфилд? Имеете отношение к заводу жестяной посуды?

Филиппа (*смеясь*). Я не имела.

Леди Локсфилд (*с достоинством*). Нет. Муж мой, сэръ Фрэнсис Локсфилд, служил в колониях. Он был генерал-губернатором островов Таго-Таго и умер очень скоро после того, как ушел в отставку.

Кадуорт. Никогда не слышал о нем. Я ведь коммерсант и вращаюсь в деловых кругах. Ну, так что же нам теперь делать?

Филиппа (*указывая направо*). Может, попробуем пойти этой дорогой?

Кадуорт. Что ж, пойдемте. Мне бы надо послать две-три важные телеграммы. Может быть, набредем на какое-нибудь почтовое отделение и оно окажется еще открытым.

Филиппа тихонько смеется.

Что вас так рассмешило, мисс?

Филиппа. Мне кажется, вы не отдаете себе отчета... ручаюсь, что здесь нет никаких почтовых отделений.

Леди Локсфилд. Откуда ты знаешь, Филиппа? Может быть, мистер Кадуорт и найдет почтовое отделение или что-нибудь в этом роде. Кстати, я вспомнила: мне нужно написать твоей тетке Эдит, чтобы она не вздумала приехать раньше конца будущей недели.

Филиппа (*идя за ними направо*). А может быть, сейчас уже конец будущей недели.

Кадуорт. Что за нелепость!

Филиппа. Для меня какая-то нелепость и то, что мы здесь.

Леди Локсфилд. Ты не устала, дорогая?

Филиппа (*нетерпеливо*). Да нет же, мама. Все это так занятно! Ну-ка, посмотрим, что там такое? (*Выбегает направо.*)

Леди Локсфилд и Кадуорт, помедлив, идут за нею.

Голос миссис Бэтли. Простите!

Леди Локсфилд (*кричит*). Филиппа, не беги так, милочка!

Голос миссис Бэтли. Простите.

Кадуорт (*останавливаясь*). Как будто чей-то голос.

Леди Локсфилд. Нет, это вам почудилось... (*Зовет.*)

Филиппа, будь осторожна, Филиппа!..

Оба уходят.

В луче света появляется миссис Бэтли. Это невысокая, плотная, средних лет женщина, бедно одетая, с корзинкой (или сумкой) в руке. Под внешним смирением, характерным для людей ее класса, в ней чувствуется спокойная уверенность.

Миссис Бэтли (*про себя*). Я их слышала, а они меня — почему-то нет. Говорят по-английски — слава тебе господи!

Не то что те четыре иностранца в трамвае — уж тараторили, тараторили.

Голос сэра Джорджа (*справа*). Эй!

Миссис Бэтли. Кто это?

Голос сэра Джорджа (*ближе*). Эй!

Миссис Бэтли. Кто это? Где вы?

В луче света появляется сэр Джордж. Это — крупный, привыкший потакать своим желаниям мужчина лет шестидесяти, в спортивном костюме, в руке — клюшка для гольфа. Уверенные манеры, внешнее добродушие, говорит непринужденно, медленно, растягивая слова. Типичный представитель провинциальной знати землевладельцев.

Сэр Джордж. Э... Послушайте... не можете ли вы сказать... далеко отсюда до клуба?

Миссис Бэтли. Какого клуба?

Сэр Джордж (*удивленно*). Вест-Уиндлшемского гольф-клуба, конечно. Какого же еще?

Миссис Бэтли. Уж извините, никогда о таком не слыхивала.
Я живу за Уолтхемстоу — вот где.

Сэр Джордж (*в ужасе*). Уолтхемстоу! Боже милосердный, так неужели же я в Уолтхемстоу?

Миссис Бэтли. Нет, ничего подобного. Может быть, мы в этом... как вы сказали? Вест... как его?

Сэр Джордж. Вест-Уиндлшеме? Должно бы быть так, потому что я играл там в гольф. Но я не узнаю места. А вы играете в гольф? Не думаю, впрочем...

Миссис Бэтли (*которую это очень позабавило*). Я — в гольф! (*Смеется.*) Вот чего выдумали! За всю мою жизнь меня никто об этом не спрашивал!

Сэр Джордж. Да, конечно, я спросил не подумав. Так вот, видите ли, я играл в Вест-Уиндлшеме... и, должно быть, один из тех двух молодых болванов, что стояли за мной... я им говорил, что они стоят слишком близко... угодил в меня клюшкой. Я, вероятно, отлетел далеко и скатился куда-нибудь в обмороке, а потом забрел сюда. Другого объяснения не придумаю...

Миссис Бэтли. Да, наверное, так оно и было. А я ходила за покупками...

Сэр Джордж (*не слушая*). Вот что: на случай если кто будет спрашивать сэра Джорджа Гедни — так это я. Запомните: сэр Джордж Гедни.

Миссис Бэтли (*без всякой иронии*). Подумать только!

Сэр Джордж. А вы никого не встречали здесь?

Миссис Бэтли. Сейчас только прошли вон там две дамы и мужчина. (*Указывает направо.*) Если поторопитесь, так, может быть, и догоните их. Я немножко утомилась, а то и я бы пошла за ними.

Сэр Джордж. Сюда, да? Может быть, хоть им известно, где мы находимся. Может быть, они из местных. (*Торопливо уходит налево.*)

Слышен его голос: «Эй, есть тут кто-нибудь?»

Миссис Бэтли (*повернув голову, прислушивается. Потом,*

снова обернувшись к залу, посмеивается). «А вы играете в гольф? Не думаю, впрочем...» — «Я — в гольф! Вот чего выдумали!» (*Умолкает, услышав голос миссис Стриттон.*)

Г о л о с м и с с и с С т р и т т о н (*она с беспокойством кричит*).
Малькольм! Малькольм!

Миссис Стриттон подходит, все ближе и ближе, луч света высвечивает ее.

Миссис Стриттон — это прилично одетая, довольно красивая светлая провинциалка, ей далеко за тридцать. Видит миссис Бэтли.

М и с с и с Б э т л и. Вы кого ищете — не сэра Джорджа Гедни?

М и с с и с С т р и т т о н. Нет, я звала мужа. Я — миссис Стриттон.

М и с с и с Б э т л и (*вежливо*). Очень приятно. А я — миссис Бэтли. Здесь недавно проходил такой пожилой мужчина небольшого роста и с ним две дамы. Может быть, это и есть ваш муж, миссис Стриттон?

М и с с и с С т р и т т о н. Нет, он совсем не такой, как вы описываете.

М и с с и с Б э т л и. Ваш муж был с вами?

М и с с и с С т р и т т о н (*расстроенная*). Да, еще десять минут назад он был со мной. Мы всегда всюду ходим вместе.

М и с с и с Б э т л и (*философски*). Да, некоторые это любят. А другие — нет.

М и с с и с С т р и т т о н. Он хотел пойти одной дорогой, а я — другой. Вот и потерялись. И теперь не знаю, что с ним случилось.

М и с с и с Б э т л и. Найдется, не горюйте. Я слыхала, как те трое толковали между собой, что тут какая-то стена кругом. Стало быть, он не забредет далеко. Как только перестаете беспокоиться о муже, так он и является. Я это уж сколько раз замечала.

М и с с и с С т р и т т о н (*резко*). Мы случайно потеряли друг друга. Мой муж вовсе не хотел уйти от меня. Он просто меня не слышал.

Миссис Бэтли. Всякое бывает. Но ничего, он вас отыщет.
Извините, миссис Стриттон, я хочу у вас спросить: вы что, живете здесь поблизости?

Миссис Стриттон. Нет, мы живем в Лимингтоне. Мистер Стриттон служит кассиром в Лимингтонском банке.

Миссис Бэтли. Вот чудеса-то! Значит, и вы не здешние?

Миссис Стриттон. Мы собирались погостить у моего дяди — у него большая ферма недалеко от Тьюксбери. И ехали туда, понимаете...

Миссис Бэтли (*подождав*). И что же?

Миссис Стриттон (*медленно*). И... я, собственно, до сих пор не понимаю, что с нами стряслось в поезде...

Миссис Бэтли. Вот и со мной такая история. Я вышла купить кое-что...

Миссис Стриттон (*перебивая*). Мы ехали через тоннель... А потом вдруг Малькольм — это мой муж — спрашивает: «Дороти, ты жива?» Я отвечаю: «Да, милый, жива. Но что случилось?» А он говорит: «Не знаю. Мне показалось, что мы с тобой умерли». Но я, конечно, его успокоила. «Не глупи, — говорю, — милый. Разумеется, мы не умерли».

Миссис Бэтли. Правильно. Если бы мы умерли, мы бы совсем иначе себя чувствовали...

Миссис Стриттон. Вот это самое я ему и сказала.

Миссис Бэтли. Мы бы или ничего больше не чувствовали, или чувствовали себя совсем по-другому. А я вот чувствую себя так же, как всегда. И ноги болят, и кости все ломит от ревматизма... Да и сумка для провизии со мной, а на том свете разве я таскала бы ее с собой? Ведь это было бы просто глупо. Я же вам говорю, что я вышла из дому купить кое-что и...

Миссис Стриттон (*прерывая ее*). Пойду поищу его.

Миссис Бэтли. А я бы на вашем месте не стала.

Миссис Стриттон. Но он может забрести бог знает куда!
(*Уходит крича.*) Малькольм! Малькольм!

Миссис Бэтли (*про себя, спокойно*). Вот неугомонная

какая! И много им проку от того, что они вечно суетятся да тревожатся.

Справа слышны голоса. Луч высвечивает Элис Фостер и Малькольма Стриттона. Элис лет тридцать. Она красива, одета во все дешевое, с первого взгляда производит впечатление чересчур бойкой особы, но при более близком знакомстве значительно выигрывает. Малькольм Стриттон — мужчина лет сорока, заурядной наружности, одет прилично. Они с женой составляют очень подходящую пару. Как все действующие лица, кроме миссис Бэтли, он без шляпы.

Малькольм. И что же вы тогда сделали?

Элис. Пошла прямо к хозяйке и говорю ей: «Вот что, герцогиня, вы не можете требовать, чтобы я двигалась быстрее, чем в моих силах. Работы я не боюсь, но люблю, чтобы те, на кого я работаю, кормили меня досыта. Понятно? Вот вам ваши тряпки, вот ваш знаменитый перечень правил — употребите его сами знаете на что... А мне отдайте мой документ...» Ну, она и дала мне расчет.

Малькольм. Хорошо, но сюда-то вы как попали?

Элис. Погодите, еще не все... После этого захотелось мне доказать, что я — человек свободный и никто мне не указчик. Я сошла вниз, в бар, и выпила три порции джина с лимоном — это на пустой желудок, заметьте! Выхожу из бара — и мысленно высказываю хозяйке все, что я думаю о ней и о ее ресторане... и вдруг — бац!

Малькольм. А что это, собственно, значит — «бац!»?

Элис. Это значит, что меня вдруг что-то сильно ударило и в глазах потемнело. Не знаю, я ли налетела на что или на меня что-нибудь налетело. Но вдруг — вокруг сделалось как бы затемнение, а через минуту оказывается, что я брожу тут и спрашиваю у вас дорогу.

Миссис Бэтли. Вот и со мной такая же точно история...
Вышла за покупками.

Элис. А, здравствуйте! Не заметила вас...

Миссис Бэтли. Извините, это не мистер Стриттон с вами?

Малькольм. Да, я мистер Стриттон.

Миссис Бэтли. Вас жена ищет.

Малькольм. Да, да. Я тоже ее ищу.

Элис (*лукаво*). С каких пор?

Малькольм. Нет, правда ищу. (*Миссис Бэтли.*) А где же она?

Миссис Бэтли (*указывая налево*). Там где-то.

Малькольм (*зовет, но не громко*). Ау!.. Дороти...

Элис. А вы как следует покричите, если в самом деле хотите ее найти. (*Громко кричит.*) До-ро-ти!..

Голос миссис Стриттон (*издали*). Малькольм! (*Ближе.*) Малькольм!

Малькольм. Да, дорогая, я здесь.

Миссис Стриттон (*появляясь*). Ох, наконец-то! А я тебя повсюду ищу, Малькольм.

Малькольм. И я тебя искал, дорогая.

Миссис Стриттон. Видно, не очень усердно...

Элис (*весело*). В самом деле вас искал.

Миссис Стриттон (*игнорируя ее, подходит к мужу*).

Пойдем, мой друг, не будем терять времени. Надо узнать, где мы. Или, может быть, твоя знакомая уже сообщила тебе это?

Элис (*улыбаясь*). Если вы имеете в виду меня, так я сама не знаю, где мы. Он уже спрашивал меня об этом. И еще спрашивал, не встречала ли я вас.

Миссис Стриттон (*сухо*). Вот как!.. (*Нетерпеливо.*) Ну, пойдем же, Малькольм!

Малькольм (*поспешно*). Да, пойдем! (*Элис.*) Простите! (*Идет за женой к авансцене.*)

Оба выходят направо.

Голос миссис Стриттон (*сердито*). Я хожу и ищу его... ужасно волнуюсь... а он — пожалуйста! — прогуливается с какой-то противной особой...

Голос Малькольма. Дороти!.. Прошу тебя...

Голос миссис Стриттон. Кто она такая? Где ты ее подцепил?..

Элис (*садится и достает папиросы; весело*). Да, теперь мы знаем, кто у кого под башмаком. Верно?

Миссис Бэтли. Я догадалась еще раньше, чем увидела его.

Элис. А я — раньше, чем увидела ее. Курить хотите?

Миссис Бэтли (*довольная*). Нет, милочка, спасибо. Этой привычки не имею. Вот чего бы мне хотелось, так это удобного местечка, чтобы посидеть и отдохнуть. Сами знаете, как бывает, когда набегаясь за покупками. Вы уж меня извините, пойду поищу местечка поудобнее. (*Идет в глубь сцены и садится у стены.*)

Направленный на нее свет меркнет, и она остается в тени.

Элис (*зажигает тем временем папиросу и с наслаждением курит*). Уф, теперь полегчало... Не знаю, где я, не знаю, что еще случится, но на душе уже веселее. Какой смысл беспокоиться?.. Эй, вы еще здесь?

Миссис Бэтли. Здесь. Отдыхаю. А вы говорите, милая, говорите, я люблю слушать.

Элис. Вот и отлично, а я люблю поговорить. Ну, не всегда, конечно. Только когда настроение подходящее. Приходилось вам когда-нибудь служить официанткой?

Миссис Бэтли. Нет, не приходилось. А вот у моей двоюродной сестры самая младшая дочка — официантка. И так ей к лицу форма! Она даже снялась в ней.

Элис. Ну и жизнь, скажу я вам! Вот вы жалуетесь — ноги болят. А побывали бы в нашей шкуре! Иной раз кажется, что ноги у тебя раздулись, как футбольные мячи. Вы не поверите — не жизнь, а глупость! Хозяева только и думают, как бы надуть клиентов, а те в свою очередь — как надуть хозяев. Настоящий обезьянник! Мужчины еще туда-сюда, хотя есть между ними и скоты, которые своими свинными глазками так тебя всю и ощупывают, словно хотят узнать, что у тебя под платьем. И некоторые, конечно, щиплют...

Миссис Бэтли. Да, это они любят. Меня раз тоже один уципнул. На Клэптон-род, у зеленой лавки.

Элис. Но женщины! Не все, конечно. Есть и такие бедняжки, которые приходят до смерти усталые, спешат поесть и уйти. Те — тихие, как мыши, и не знают, как и благодарить, когда вы их обслуживаете. Но добрая половина женщин воображает, что если они заказали чашку чаю и бобы с гренками, так они купили тебя с потрохами! Иной раз хочется хватить их чем попало! И отчего это люди такие злые, а?

Миссис Бэтли. Оттого, милочка, что не могут получить своей доли счастья... Вот отчего. Да.

Элис. И оттого они непременно хотят отнять его у других. Так, что ли?

Миссис Бэтли (*миролюбиво*). Так.

Элис. Разве это справедливо? (*Помолчав.*) Как вы думаете, где мы?

Миссис Бэтли. Я еще не успела подумать... Понимаете, ходила я за покупками...

Элис (*прерывая*). Хотя бы и на пустой желудок — все-таки странно, что от трех порций джина... такая со мною история... Конечно, я была очень расстроена... Хотя виду не показывала, но сами понимаете, на душе у меня кошки скребли... И все-таки... Ну что такое три порции джина с лимоном?

Миссис Бэтли. Это — заработок за день тяжелой работы, дорогая...

Элис. Нет, я не о том. Я хотела сказать — что такое три порции для того, кто служит в баре? А я три года служила в барах. Полгода — в Лондоне, в Хаммерсмите. Потом полтора — в Ньюкасле, где посетители называли девушек «милочка». Потом полгода — в Бирмингеме. Не нравился мне Бирмингем! Потом... Привет! Кто-то еще.

Из темноты появляется Джо Динмор — крепкий, веселый малый лет тридцати пяти, в заношенном рабочем комбинезоне. Манеры у него несколько грубоватые. Он

похож на американца. Останавливается и с восхищением смотрит на Элис.

Д ж о *(развязно-снисходительным тоном)*. Привет, красавица!
Э л и с *(делая вид, что не замечает его, обращается к миссис Бэтли)*. Так я и знала, что и здесь появится кто-нибудь из этих петухов! Я надеялась немного отдохнуть от них, да где там!

Д ж о *(ухмыляясь)*. Сама с собой беседуешь, красавица?

Э л и с. Никакая я вам не «красавица»!

Д ж о. А почему же? Разве я не прав?

Э л и с. Нет... Хотя бывают девушки хуже.

Д ж о. Бывают. Я видел таких очень даже много.

Э л и с *(резко)*. Но мне не нравится ваш тон, так что оставьте его. И, если уже хотите знать, я беседую с моей знакомой, которая сидит вон там, у стены, в темноте.

Д ж о. А почему это она туда ушла?

Э л и с. Потому что хочет посидеть спокойно, отдохнуть. И вы бы захотели, будь вы женщиной.

Д ж о. Ну, будь я женщиной, я бы давным-давно на тот свет отправился. Такая жизнь, как моя, хоть кого доконает.

Э л и с. Женщин не так-то легко доконать. Если бы не женщины, все полетело бы к черту.

Д ж о. Ну и пускай бы летело. Не жалко!

М и с с и с Б э т л и *(спокойно)*. А может, уже и полетело...

Д ж о *(оборачиваясь к ней)*. Честное слово, я как раз об этом думал. А теперь скажите мне, где мы?

М и с с и с Б э т л и. Должны бы находиться где-то около Уолт-хемстоу.

Э л и с *(недоверчиво)*. С чего вы взяли?

М и с с и с Б э т л и. Я говорю — должны бы. Но мы не там.

Д ж о. Вот это верно, мамаша. *(Закуривает коротенькую трубку и усаживается у стены.)* Видите ли, я как раз смазывал машину на пароходе. Надо вам сказать, я этим занимался все время, пока мы плыли через южную Атлантику. Машина старая. Во всяком случае, не моложе меня... А то, пожалуй, и старше.

Элис (*иронически*). Вы уверены? Надо бы это точно выяснить...

Джо. Ну-ну, красавица!

Элис (*сердито*). Не смейте!..

Джо (*серьезно*). Ого! Да вы, кажется, злюка!

Элис. Не всегда.

Джо. Ну, так сегодня будьте добрее. Никто вас не хочет обидеть.

Элис. Слушайте. Я была официанткой. Служила в барах. Десять лет подряд работала в таких местах, где мужчины приставали ко мне с глупостями, вроде вашей «красавицы», а я обязана была делать вид, что мне это нравится.

Джо. Клиент всегда прав, а?

Элис. Да. Я бы могла кое-что об этом порассказать. Но дело-то в том, что я хочу отдохнуть от всего. Понятно?

Джо. Понятно. Как вас зовут?

Элис. Элис Фостер. А вас?

Джо. Джо Динмор, мисс Фостер... Или миссис Фостер?

Элис. Нет, я не замужем. Чем вы занимаетесь?

Джо. Я же вам сказал. Служил на пароходе судовым механиком. Ну, а до этого — чего только не делал! Только деньги делать не научился. Одно время работал в Австралии трактористом. Потом в Южной Америке, в железнодорожной бригаде.

Элис. А в Англии не бывали?

Джо. И в Англии бывал в разное время. Англию я оставляю напоследок. Англия — страна для богачей... Я и докером поработал. И на каботажном судне плавал...

Элис. Одним словом, все перепробовали. А теперь попробуйте-ка этого...

Джо. Чего именно? (*Помолчав.*) Не могу понять, что со мной случилось. Только помню, что был внизу, в машинном отделении... А вы как сюда попали, мисс Фостер?

Элис. Я ушла с работы. Все было ужасно... Выпила залпом три рюмки, мне стало нехорошо... вышла на улицу — было темно. И вдруг — бац! Очутилась здесь.

Джо. Подобные вещи и со мной случались. И я бы ничуть не

удивился, если бы проснулся где-нибудь в участке и голова бы у меня трещала с похмелья. Но тут!.. А с вами-то как могло такое приключиться, мисс Фостер?

Элис. Не понимаю... Знаете что — мне надоело слышать каждую минуту ваше «мисс Фостер».

Джо. Но вы, кажется, требовали, чтобы я был вежлив?

Элис. Ладно, не надо перебарщивать. *(Указывает на небо за стеной, которое быстро светлеет.)* Что это там, смотрите...

Джо. Светает, только и всего.

Элис *(выходит вперед)*. Что тут за место?

Джо *(идет за нею)*. Оно мне напоминает одно местечко в Перу...

При свете зари они видят миссис Бэтли, сладко уснувшую с корзиной рядом.

Элис *(шепотом)*. Спит.

Джо. Славная старуха! Не трогайте ее. Пусть поспит.

Оба тихонько отходят от спящей, поднимаются по ступенькам и заглядывают через стену. Свет еще неяркий, все вокруг в легкой дымке.

Элис *(громче)*. Это похоже на замок, правда?

Джо. Может, замок, а может, и просто город. Очень многие старинные города окружены стеною. Я много видел таких. в разных странах.

Элис. А я — только на картинках.

Джо *(смотрит вниз)*. Ничего пока невозможно разглядеть.

А спуск чертовски крутой. Тут, пожалуй, не сойдешь.

Элис *(помолчав)*. Послушайте, Джо. Можно мне звать вас Джо?

Джо. Ну конечно, Элис.

Элис *(медленно и тихо)*. А что, если там, внизу, окажется что-нибудь... сказочное?

Джо. Как это — сказочное?

Элис *(неуверенно)*. Не знаю... Не могу объяснить. Если бы увидела, так знала бы. Какой-нибудь необыкновенный город, ничуть не похожий ни на Лондон, ни на Ньюкасл, ни на Бирмингем.

Дж о (*угрюмо*). Ни на Ливерпуль, Глазго, Порт-Саид, Аден, Коломбо. Ни на Бомбей, Сингапур, Сидней, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго.

Э л и с. Всегда, с самого раннего детства, я мечтала неожиданно встретиться с чем-нибудь необыкновенным, не похожим ни на что вокруг. Забраться на забор — и за ним увидеть чудо... Открыть дверь — и войти в какое-то волшебное царство... Не смейтесь!

Дж о (*серьезно*). Я не смеюсь.

Э л и с. Вы улыгнулись, я видела.

Дж о. Это не одно и то же. Я же по-дружески.

Э л и с. Да, различие есть. Как у этого места — от других.

Дж о. Улыбка — не смех, особенно если дружественная, а?

Э л и с. Дружественная так дружественная.

Дж о. Как у старины Уолта Уитмена. Я всюду возил с собой его маленькую книжицу... и мог бы без конца цитировать ее. Ты знаешь, что он писал? «Во сне я грезил... И видел город... — знаешь какой? — которого не одолеть врагам со всего мира. Мне снилось, что это новый город Дружбы».

Э л и с. Все правильно, Джо.

Дж о. Звучит-то как! Сколько в этом надежд!

Э л и с. Может быть, я — глупая. Но я всю жизнь ждала. Должно быть, оттого я не могла долго оставаться на одном месте. Понимаете?

Дж о. Я как раз такой человек, которому это очень понятно, Элис.

Э л и с. Я воображала, что если перееду в другой город или перемену место работы, так найду то, чего жду.

Дж о. И не находили, нет?

Э л и с. Нет, Джо, ни разу.

Джо и Элис спускаются. Вокруг все больше светлеет.

Дж о. Вы когда-нибудь ругали себя фантазеркой?

Э л и с. Да. Но только не вздумайте вы называть меня так.

Дж о. Ладно, я ругаю себя за это самое вот уж... сколько же?.. Лет пятнадцать.

Элис. Стоп! Не может быть, чтобы вы были такой старый.
Джо. Мне стукнет тридцать пять.

Элис. Ну и что?

Джо. Ничего.

Элис. А как вы думаете — сколько мне?

Джо (*торопливо*). Двадцать два.

Элис. Скажете тоже! Мне уже двадцать восемь!

Джо. Ни за что не поверю.

Элис. И на вид мне не меньше, я знаю. Это оттого, что я немного утомлена. Но подождите...

Они с минуту смотрят друг на друга.

Джо (*улыбается*). Вы — девушка что надо, Элис.

Элис. Спасибо. (*Меня разговор, указывает на ворота.*) Что там, за этой дверью?

Джо. Вот станет светлее — и поглядим. (*Осматривается вокруг.*)
Что-то вроде сторожевой башни. Я видал такие в старых городах.

Элис. Но только эта с виду совсем не старая. Правда?

Джо. Правда.

Элис. Впрочем, может быть, ее недавно заново отремонтировали.

С любопытством смотрят на ворота.

Становится все светлее, но день еще не наступил.

Джо. Такую дверь взломать нелегко.

Элис (*внимательно рассматривает дверь*). А из чего она сделана?

Джо. Не знаю. Мне сдается, из какого-нибудь нового материала.

Элис. А открыты как же? Ни ручки, ничего.

Джо. У таких дверей ручек не бывает. Они либо наглухо закрыты, как сейчас, либо открыты настежь. Так уж они устроены.

Элис. С какой важностью вы это говорите! Можно подумать, что вы помогали ее делать. Смешной народ мужчины!

Джо (*сурово глядя ей в глаза*). Много вы знаете о мужчинах?

Э л и с *(так же)*. Много.

Д ж о. Очень жаль.

Э л и с *(спокойно)*. Я ушла из дому в семнадцать лет и ездила с трупой по городам целых два года. Была у них в хоре. И с тех самых пор я сама себе хозяйка и одна слоняюсь по свету. Работаю, но и повеселиться люблю. Так-то, Джо. Об остальном сами можете догадаться. Насчет мужчин и всего прочего.

Д ж о. Понятно. А для чего вы мне все это говорите?

Э л и с. Сама не знаю. Мне подумалось, что я должна вам сказать.

Д ж о. А мне это не надо. И довольно. *(Вдруг с силой стучит в ворота.)*

М и с с и с Б э т л и *(вздрагивает и просыпается)*. Ох! Как вы меня перепугали.

Д ж о. Извините, мамаша.

М и с с и с Б э т л и. Зачем это вы стучите?

Д ж о. Пускай знают, что мы тут.

Ждут, что кто-нибудь откроет ворота.

М и с с и с Б э т л и. Нет, эти ворота откроются тогда, когда им полагается, не раньше.

Д ж о. А вы откуда знаете, мамаша?

М и с с и с Б э т л и. Чувствую. У меня иногда бывают вроде как бы предчувствия.

Э л и с. И у меня тоже!

Д ж о. Эге, да я, кажется, попал в общество двух колдуний.

Э л и с. Нет. Всего-навсего — в общество двух женщин.

М и с с и с Б э т л и. Нет, дорогая, нас здесь больше. Есть еще один джентльмен с ревнивой женой... и другой, который играет в гольф, — сэр Джордж Гедни. И еще две леди, мать с дочкой, и при них — такой проворный низенький человечек.

Д ж о. Ого, целая компания!

М и с с и с Б э т л и *(глядя направо)*. Да вот идет этот самый проворный человечек.

Все смотрят направо. Входит Кадуорт, разгоряченный, стирая пот.

Кадуорт. Случайно не знаете, где тут почта?

Элис вдруг визгливо хохочет. Глядя на нее, засмеялась и миссис Бэтли. Джо ухмыляется.

(С недоумением смотрит на них.) Чему это вы, а? Я и сам люблю посмеяться, если шутка хороша.

Элис *(сдерживая смех)*. Вы не обижайтесь, мистер...

Кадуорт. Кадуорт.

Элис. Вы извините, мистер Кадуорт, я, ей-богу, сама не знаю, почему засмеялась... но вы так неожиданно появились, весь в поту да еще в поисках почты...

Кадуорт. Не вижу тут ничего смешного.

Джо. А на что вам почта?

Кадуорт. Надо отправить несколько телеграмм.

Джо. Срочно?

Кадуорт. Очень. Коммерческие дела, сами понимаете.

Джо. Наживаете деньги?

Кадуорт. Вот именно.

Джо. А что, вы в них очень нуждаетесь?

Кадуорт. Нет. У меня их много. Не в этом дело.

Джо. А в чем же?

Кадуорт. Вы, видно, из тех, кто любит поспорить? Ладно, меня не переспорите. Ну, слушайте, я вам объясню. Я участвую в разных денежных операциях. Могу либо выиграть, либо проиграть. Если проиграю, люди сочтут меня за дурака и станут говорить, что я теряю деловую сметку и нюх. А я не хочу, чтобы они так думали. И знаю, что надо сделать, чтобы выиграть. Вот оттого-то и спешу послать телеграммы.

Миссис Бэтли. Ну, не говорила я вам, что он человек расторопный?

Кадуорт. Это верно, спасибо за доброе слово. Ну а как же насчет двери? Почему мы все стоим и толкуем о пустяках,

когда перед нами дверь? (*Подходит, осматривает ворота со всех сторон, потом колотит в них кулаками.*)

Дж о. Стучать мы уже пробовали — и погромче вашего. Впрочем, валяйте.

Ка ду ор т (*стучит сильнее, потом отходит и смотрит на башню*).
Подальше (*указывает направо*) есть еще такая же башня.
Я там только что был с одной глупой дамой и ее дочерью.
Ох уж эти женщины-снобы! Надо было видеть, как она обрадовалась, когда появился какой-то сэр Джордж! (*Раздраженно.*) Но где же мы, наконец? И что мы тут делаем?

Миссис Бэтли. Я по крайней мере славно отдыхаю.

Ка ду ор т. А чем вы заняты, когда не отдыхаете?

Миссис Бэтли. Смотрю за всем в доме, где живет куча народу, и три раза в неделю хожу делать уборку.

Элис. Вы, наверно, хитры и любопытны?

Ка ду ор т. Да. А вот вы, наверно, ни на одном месте больше года не задерживались.

Элис. Вы же заняты только поживой.

Ка ду ор т (*посмеиваясь*). Не скрываю. Многим приходится заниматься.

Дж о (*внимательно разглядывавший Кадуорта*). Мне думается, вы один из тех, кто начал с черной работы — конторщиком или чем-нибудь в этом роде, — а потом разными ловкими маневрами, благодаря тому, что только об этом и думали, мало-помалу пролезли в класс капиталистов.

Ка ду ор т (*принимая это как комплимент*). Вы недалеко от истины. А вы кто? Механик или что-то в этом роде? Угадал?

Дж о. Угадали. Механик или что-то в этом роде.

Ка ду ор т. Мастер на все руки? Сегодня — здесь, а завтра — там?

Дж о. Совершенно верно.

Ка ду ор т. Ну, и к чему это вас привело?

Дж о. Вот — привело сюда. А вас куда привели ваши занятия?

Ка ду ор т. Вы бы удивились, если б я вам сказал, какой у меня капитал.

Дж о. Удивился? Мне это не интересно.

Э л и с (*укоризненно*). Ну-ну. Джо, не грубите. Это на вас не похоже. Верно, миссис Бэтли?

М и с с и с Б э т л и. Верно.

Д ж о. Вот тебе и на! Я вижу, женщины уже заключили против меня союз? Вы как — любитель женщин, мистер, как вас там, Кадуорт?

К а д у о р т. Нет. Я держусь от них подальше.

Э л и с. Оно и видно. Бойтесь, как бы женщины не отвлекли вас от дел, да?

К а д у о р т (*сухо*). Да. Они всегда во все суются. От них один только беспорядок и всякая грязь!

Э л и с (*с негодованием*). Грязь! Что вы имеете в виду?

Д ж о. Я догадываюсь. Не волнуйтесь. Он не прав. Но я знаю, что он имеет в виду.

К а д у о р т (*прерывая*). А скажите-ка, сколько раз они вводили вас в неприятности, отвлекали от дел, проматывали все ваши деньги, ссорили вас с людьми? Сколько раз вы из-за женщин лишались места, а?

Д ж о (*смеясь*). Не помню, не считал.

К а д у о р т. Вот видите!

Э л и с (*Джо, полушутливо-полусерьезно*). Это нетрудно было угадать сразу по вашему «привет, красавица!». (*Миссис Бэтли.*) Ведь я вам говорила это о нем с самого начала, правда?

М и с с и с Б э т л и. Правда, милочка. Ну, да не беда. Он славный, безобидный парень.

Д ж о. Спасибо, мамаша.

Входит взволнованная Ф и л и п п а.

Ф и л и п п а. Мистер Кадуорт, вы видели, что там, за стеной?

К а д у о р т. Нет, ничего не мог разглядеть.

Ф и л и п п а. Тогда было темно, а теперь светло и все видно. Там город.

Э л и с. Город! О, давайте посмотрим поскорее! (*Идет к Филиппе.*)

Джо и Кадуорт следуют за ней. Все смотрят вниз, наклонясь над стеной.

Филиппа. Там город, настоящий город! Улицы, площади.
Я только что их видела.

Элис (*возбужденно*). Я тоже вижу! Там еще туман, но они уже видны. Смотрите, Джо!

Джо. Смотрю, Элис, но не вижу никаких улиц и площадей.
Один туман.

Филиппа (*нетерпеливо*). Вы невнимательно смотрите!

Кадурт (*пристально вглядываясь*). Я смотрю внимательно, глаза проглядел — и не вижу ничего, кроме тумана и каких-то странных очертаний.

Филиппа. Ничего странного — это большие здания, улицы, бульвары. Это город. Чудесный город. Я ясно видела.

Элис. Надеюсь, все так и вы не ошибаетесь.

Входят Малькольм и Дороти Стриттон, сердито пререкаясь.

Малькольм. Не хочу спорить с тобой, Дороти. Какой смысл спорить, когда мы не знаем, что с нами произошло и куда мы попали...

Миссис Стриттон. Так я же... я это самое твержу тебе все время...

Малькольм. Дай мне договорить, дорогая. Я не спорю, но одно категорически утверждаю: я ни разу не предлагал тебе ехать в Тьюксбери. Это была целиком твоя затея. Я тебя, конечно, не виню — с какой стати? Но...

Миссис Стриттон (*только что увидев дверь в стене*).
Смотри, дверь!

Малькольм. Вижу.

Миссис Стриттон (*вглядевшись*). Ни звонка, ни молотка...

Малькольм. Да если бы они и были, какое право мы имеем звонить или стучать. Мы не знаем, кто тут живет.

Миссис Стриттон (*негромко, но яростно*). Но спросить у них, где мы находимся, можно, как ты полагаешь?

Малькольм (*подходя к воротам*). Да, пожалуй... Но, знаешь, в такой ранний час...

Миссис Стриттон. Малькольм, если ты не постучишь в эти ворота, я сама это сделаю.

Малькольм. Ну, хорошо, я попытаюсь.

Джо (*Малькольму*). Не трудитесь, дружище. Все мы пробовали — никакого ответа.

Малькольм. Спасибо. Слышала, дорогая?

Миссис Стриттон. Слышала, разумеется. (*Идет к воротам и громко стучит.*)

Пауза.

Малькольм. Вот видишь, дорогая...

Миссис Стриттон (*злобно*). Ах, Малькольм, ты можешь довести человека до бешенства. (*Садится неподалеку.*)

Элис (*весело*). Мы думаем, что там, за стеной, город.

Филиппа. А я так в этом просто уверена.

Миссис Стриттон, не обращая на них внимания, смотрит в одну точку.

Малькольм (*сconfуженный, отвечает за нее, с натянутым оживлением*). В самом деле? Город?

Элис. Да. Подойдите и взгляните сами.

Малькольм нерешительно бросает взгляд на рассерженную жену.

Миссис Стриттон (*резко*). Ну, что ж, ступай, посмотри, может быть, что-нибудь увидишь.

Малькольм. А ты не хочешь?

Миссис Стриттон (*столь же резко*). Нет. Я не верю, что сейчас можно разглядеть там что-либо.

Филиппа. А я ясно вижу.

Миссис Стриттон (*презрительно*). В самом деле?

Филиппа. Да. И очень жаль, что у вас такой несносный характер.

Миссис Стриттон (*вспыхнув*). Что вы хотите этим сказать?

Кадуорт (*хладнокровно*). Она хочет сказать, что у вас тяжелый характер, миссис... Э... (*Малькольму*.) Как ваша фамилия? Моя — Кадуорт.

Малькольм. Стриттон.

Кадуорт. Из Лондона?

Малькольм. Нет, мистер Кадуорт, из Лимингтона. Я служу в Вест-Мидлэндском банке.

Кадуорт. Слышал о таком, но сам имею дело только с Бэрклейским банком.

Джо (*усмехаясь*). А вы какой банк предпочитаете, мисс Фостер?

Элис (*в том же тоне, подхватывая шутку*). Сберегательную кассу на почте, мистер Динмор. А вы?

Джо. А я имею дело только с Всемирным акционерным обществом «Катись, камень, — не обрастай мхом».

Миссис Стриттон (*вежливо, миссис Бэтли*). Как будто потеплело, вы заметили?

Миссис Бэтли (*так же вежливо*). Да, денек будет хороший.

Филиппа. Я начинаю думать, что все мы немножко сбрендили...

Кадуорт (*с недоумением*). «Сбрендили»?

Джо. Она хочет сказать — свихнулись, спятили.

Кадуорт. Вовсе нет, мисс Локсфилд. Что за нелепость! Я лично в здравом уме и твердой памяти. Только на время выбит из колеи — и больше ничего.

Филиппа. А я здесь чувствую себя лучше, чем дома. И все время жду чего-то необыкновенного.

Элис. Да-да. Я тоже.

Смотрят друг на друга с чувством полного взаимопонимания.

Филиппа. Но... но глядя на вас создается впечатление, что вам многое пришлось повидать в жизни...

Элис (*полушутливо-полусерьезно*). О, не говорите.

Джо (*встревая в разговор*). Я знаю, что она имеет в виду.

Элис (*быстро*). Нет, ничего ты не знаешь и лучше помолчи.

Филиппа. А со мной никогда ничего не случилось. Честное слово!

Джо. Вы ничем не занимаетесь?

Филиппа. Нет.

Джо (*не грубо*). Вот если бы вы взялись за какую-нибудь работу, быть может, и с вами начали бы приключаться разные вещи...

Филиппа. Знаю. Но маму хватил бы удар, если бы я...

Джо. Ну и пускай бы хватил!

Филиппа. Вам легко говорить...

Кадуорт. А по-моему, очень много разумного в старом мнении, что место женщины — у домашнего очага.

Джо. Сколько женщин служит у вас в конторе?

Кадуорт. Шесть.

Джо. А сколько охраняет ваш домашний очаг?

Кадуорт. Ни одна.

Джо. Так зачем же вы нам поете, что место женщины — дома? Если бы вы в это верили, так переселили бы всех шестерых девушек из конторы к себе домой — и показали бы другим пример.

Кадуорт. Будет вам чепуху молоть.

Элис. Не слушайте его, мистер Кадуорт, он просто балагурит.

Филиппа. А по-моему, он прав. Почему люди всегда притворяются, лицемерят, проповедуют то, во что не верят сами?

Кадуорт. Все верно, но так и должно быть.

Филиппа. Почему?

Кадуорт. Потому что надо соблюдать приличия, мисс. Если бы мы перестали притворяться, вы бы первая зароптали. (*Мужчинам.*) Верно я говорю?

Малькольм. Верно.

Джо. Нет.

Миссис Стриттон (*с внезапным раздражением, Джо*).

У вас, видимо, страсть противоречить?

Элис (*неприятно*). А вы всегда со всеми соглашаетесь, да?

Миссис Стриттон. Не обо мне речь.

Малькольм *(торопливо заминая разговор)*. Это... это место мне немного напоминает один уголок во Франции, где мы побывали когда-то. Помнишь, Дороти, Шато — на Луаре? Как хороши эти старые городки. Впрочем, здесь все не старое, а совсем новое. Но, несмотря на это, есть какое-то сходство... правда, Дороти?

Миссис Стриттон *(не сразу)*. Да, милый.

Они обмениваются улыбкой. Миссис Стриттон указывает мужу место рядом с собой, он садится. Остальные не обращают на них внимания. От стены отошли все кроме Элис, которая все еще смотрит вниз, на город. Слева медленно входят леди Локсфилд и сэр Джордж.

Леди Локсфилд. Но она была урожденная Кэрмайкл. Я это определенно знаю.

Сэр Джордж. Да. Ее кузина вышла за моего кузена — вы, может быть, его встречали, — Томми Бейзингуорта. Томми — славный малый, но немного надоедливый. А его брат Арчи женился на одной из Логанов.

Леди Локсфилд. Да, да, помню, как же! А на которой он женился — на Китти?

Сэр Джордж. Нет, на Долли. Китти у них самая некрасивая. А с их братом, Пигги Логаном, мы часто охотились вместе на уток.

Кадуорт *(вмешиваясь в разговор)*. Я знаю одного Логана, председателя Медвейского треста. Очень умный человек. Уж его никто не проведет!

Сэр Джордж. Нет, он, наверное, из других Логанов. У этих в роду никто умом не отличался. А позвольте спросить — вы работаете в Сити?

Кадуорт. Да. А вы?

Сэр Джордж. О нет. И часто об этом жалею. Я состою директором в нескольких маленьких учреждениях, так что приходится время от времени наезжать в Лондон.

Леди Локсфилд. Филиппа!

Филиппа *(неохотно)*. Да, мама?

Леди Локсфилд. Помнишь эту миссис, — впрочем, не буду называть имен, — ту, с которой мы познакомились на прошлой неделе? Она еще сбивала коктейли, помнишь? Ну, так сэр Джордж только что рассказал мне о ней все подробности, и оказывается, я была права. Она раз-ве-де-на — и не раз, а дважды! Как я и предполагала, — дважды! Миссис Стриттон (*с вызовом*). Но вы не знаете, чья тут была вина...

Леди Локсфилд (*сухо*). Простите... Что вы сказали?

Миссис Стриттон. Я говорю — ведь неизвестно, чья была вина...

Малькольм (*предостерегающим тоном*). Дороти!

Леди Локсфилд холодно оглядывает обоих и отворачивается.

Сэр Джордж (*Кадуорту*). Кое-кто из членов нашего клуба хорошо заработал на акциях предприятий на западном побережье Африки?

Кадуорт. Не берите их.

Сэр Джордж. Я и не собирался.

Джо. Мне доводилось там бывать. Сущий ад.

Сэр Джордж. Я разговаривал не с вами.

Джо. И я — не с вами.

Сэр Джордж (*игнорируя Джо, Кадуорту*). Какие бы вы сейчас советовали купить?

Кадуорт. Хотите легко нажить шальные деньги?

Сэр Джордж (*стремительно*). Да.

Кадуорт. Я тоже. И я, кажется, знаю, как это сделать.

Миссис Бэтли. Вот только беда — не можете найти почтового отделения.

Кадуорт (*сердито*). Да.

Миссис Бэтли (*так же невозмутимо*). А меня это смешит. Уж извините, мистер Кадуорт. После того как я столько лет чищу да убираю конторы таких вот деловых людей, как вы, можно же и мне немного позабавиться. Держу пари, что вы даже не знаете, кто убирает вашу контору...

Кадуорт. Вот и ошибаетесь. Как раз знаю. Это миссис Саттон. И знаю, где она живет. К тому же она вдова одного моего приятеля, который когда-то давным-давно служил со мной вместе клерком. Он умер. Звали его Эдгар Саттон. Недавно я видел его во сне.

Сэр Джордж. Уж если речь зашла о снах, то — странная это штука. Мой дядя Эверард регулярно раз в месяц видел один и тот же сон, как его преследует леопард. Это лишний раз подтверждает: загадочная вещь сны и все такое. *(С беспокойством.)* А вот если человек, у которого высокое кровяное давление, неожиданно получает удар в голову — скажем, хотя бы брошенным с силой мячом или палкой, — он... я думаю, может отправиться на тот свет, а? Будь так, я ничего бы не сознавал... Нет, тут другое... Потеря памяти... или что-нибудь в этом роде... Не хотите ли еще погулять, леди Локсфилд?

Леди Локсфилд. Я только что собиралась предложить это вам... Филиппа!

Филиппа. Нет, мама, мне совсем не хочется гулять.

Леди Локсфилд *(твердо)*. А мне хочется, чтобы ты пошла с нами.

Филиппа *(с ударением)*. Мама, я намерена остаться здесь.

Они меряют друг друга взглядом. Пауза. Снизу поднимается золотое сияние, словно город отражает свет зари.

Элис *(вскакивает, в волнении)*. Ах, смотрите, смотрите!

Из города слышатся звуки фанфар. Джо и Филиппа бросаются к стене, жадно смотрят вниз, на город. Кадуорт, затем Стриттоны — за ними. Последними подходят миссис Бэтли, леди Локсфилд и сэр Джордж.

Сэр Джордж *(небрежно)*. Сомнительное зрелище!

Элис *(с негодованием)*. Прекрасное зрелище!

Сэр Джордж. Чем-то напоминает мне эту — как ее? — Всеимперскую выставку в Уэмбли...

ед и Локсфилд. Я ужасно скучала на этой выставке. А вы?

Сэр Джордж. И я тоже.

Филиппа. Как только можно их сравнивать?!

Элис (*восторженно*). Ну, Джо, а вы что скажете?

Джо (*с расстановкой*). Не знаю...

Элис (*возмущенная*). То есть как это — не знаете?

Джо. Я и раньше видел города не хуже этого. После долгих месяцев плавания они нам издали казались такими прекрасными — мы воображали, будто въезжаем прямо в рай. А когда очутишься потом в городе... Господи, одно злование.

Элис. Речь сейчас не о запахах.

Джо. Да и я не об этом. Я хотел сказать, когда попадаешь в них — сил нет вынести: нищие в лохмотьях, не люди, а настоящие скелеты... дети ползают у сточных канав, и лица у них в гнойных болячках...

Филиппа (*содрогаясь*). Ах, да замолчите вы! Не портите нам настроения...

Джо (*угрюмо*). Ладно, не буду. Я хотел только объяснить, почему я сказал — «не знаю».

Филиппа. Во всяком случае, это никак не относится к тому, что за стеной. (*Элис.*) Правда ведь?

Элис. Уверена, что не относится.

Кадуорт (*после паузы*). Слишком необычно... Не люблю ничего необычного.

Сэр Джордж. Вы правы.

Малькольм (*жене*). А тебе нравится, дорогая?

Миссис Стриттон (*неуверенно*). Это... какой-то странный город, правда?

Малькольм. Да. Чувствуется, что мы так далеко от дома...

Миссис Бэтли (*как бы про себя*). Вот уж этого я вовсе не чувствую.

Миссис Стриттон. Не чувствуете?

Миссис Бэтли. Нет.

Джо. А что бы вы хотели сказать о...

Миссис Бэтли. Ничего не хочу сказать. У каждого свои

мысли... *(С решительным видом идет к воротам, с интересом их осматривает и садится совсем близко.)*

Остальные с недоумением наблюдают за ней.

Л е д и Л о к с ф и л д *(задумчиво)*. Когда я была девушкой, я ездила в Венецию... На десять дней... Совсем одна... Это нелегко было сделать. А я все-таки поехала. Венеция весной... До этих ужасных войн... Все было совсем иначе, чем теперь. Я была тогда очень молода... и глупа... но я была так счастлива те десять дней.

Ф и л и п п а *(не сводя с нее глаз)*. Ты мне об этом никогда не рассказывала, мама!

Л е д и Л о к с ф и л д. Никому не рассказывала.

Ф и л и п п а. Но мне должна была рассказать.

Л е д и Л о к с ф и л д отрицательно качает головой. Отходит от стены и медленно уходит направо. Ф и л и п п а с минуту стоит в нерешительности, потом торопливо идет за ней.

Э л и с. Я не вижу там людей. А мне сейчас больше всего хочется их увидеть.

К а д у о р т. Еще рано. Все спят. Позже, наверное, дверь отпрут. *(Отходит от стены.)*

С э р Д ж о р д ж *(следуя за ним)*. А вы пойдете в город?

К а д у о р т. Обязательно. Город таких размеров стоит посмотреть.

С э р Д ж о р д ж. Пожалуй, вы правы. Наверное, там можно будет принять ванну и позавтракать. А вас что там интересует?

К а д у о р т *(конфиденциальным тоном)*. Пока трудно сказать. Но в городе, несомненно, много денег. Такие здания без капиталов не выстроишь.

С э р Д ж о р д ж. Ну, нет, это ничего не доказывает. Я видел города в Испании, в Италии, у нас на востоке. Грандиозные здания, соборы, дворцы, всякое такое, а не найдешь ни

единого человека с медным грошом в кармане. Не хотите ли пройтись?

Ка ду о р т. Пойдемте. Все-таки надо будет разузнать. Бывает, что у людей лежат капиталы, а они не знают, как их употребить. Возьмите, к примеру, Южную Америку...

Оба уходят направо.

Д ж о (*смотрит им вслед, потом обращается к Элис, которая по-прежнему любит городом*). Слыхали разговор этой парочки?

Э л и с. Нет, не обратила внимания... А что?

Д ж о. Типичные представители класса хозяев. Хватай, загребай — только об этом и думают.

Э л и с. А вы о чем думаете?

Д ж о. Не во мне дело...

Э л и с. А в чем же?

Д ж о. В том, что тут два типичных представителя...

Э л и с (*перебивая, злобно*). Слышала уже, нечего твердить одно и то же!

Д ж о. Что с вами?..

Э л и с. Не со мной, а с вами — что? Мы — у ворот чудесного города, какой нам и во сне никогда не снился. А вы только качаете своей глупой головой и заявляете, что, мол, еще неизвестно, каким он окажется. А потом рассуждаете о «типичных представителях класса хозяев».

Д ж о. Ну и что же?

Э л и с. А то, что вы не лучше их, если не хуже! И как это я вас сразу не разглядела!

Д ж о. Послушайте, Элис...

Э л и с. Отстаньте!.. (*Порывисто отворачивается и уходит направо.*)

Д ж о (*долго смотрит ей вслед, потом оглядывается на Стриттонов*). Слышали? Какая ее муха укусила?

М а л ь к о л ь м. Не знаю, право.

М и с с и с С т р и т т о н (*ехидно*). Не знаешь? Это меня удивляет — ты ведь так долго с нею гулял и беседовал.

Малькольм. Боже мой, Дороти, ты же отлично знаешь, что я искал тебя.

Миссис Стриттон. Да, так ты сказал.

Малькольм (*устало*). Ну, хорошо.

Миссис Стриттон (*уходя направо*). Нет, вовсе не хорошо.

Малькольм в первую минуту хочет идти за нею, но остается. Джо подходит к нему и миссис Бэтли.

Малькольм (*тоном извинения*). Жена немного расстроена... Она такая нервная... а тут это страшное приключение... вы понимаете. Если бы не оно, мы бы сейчас уже были в гостях у ее дяди. У него большая ферма близ Тьюксбери, даже, собственно, две фермы. А вместо этого мы бродим здесь, не зная, где мы, и дядя не знает, куда мы пропали... Вот Дороти и нервничает. (*Нерешительно.*) Пожалуй, мне следует пойти за ней.

Джо. По-моему, не следует.

Миссис Бэтли (*тихо*). По-моему, тоже. Пускай побудет одна.

Джо. Она просто строптива — вот и все. Такая же и другая — Элис. Объясните нам, мамаша, отчего это у вас, женщин, такая повадка: сейчас она — сахар и мед, а через минуту — зашипит, набросится на тебя, как дикая кошка? С чего бы это, а?

Миссис Бэтли. От разных причин, сынок. Так и с вами, мужчинами, бывает.

Джо. Ну, нет, с нами этого не бывает. По крайней мере со мной. (*Малькольму.*) А с вами?

Малькольм. Должен признаться, и со мной нет. Женщины так неожиданно, без всякой видимой причины выходят из себя.

Миссис Бэтли. Нет, мистер Стриттон, причина всегда есть. Вот, к примеру, ваша жена — вы сами говорите, что она расстроена и беспокоится. Есть такие беспокойные люди. Вот застала она вас в разговоре с этой девушкой... Элис... и уже не верит вам ни в чем и на вас же за это злитесь. Пото-

му что ей хочется немного утешения, а вы ее заставляете тревожиться.

Дж о. Ну, хорошо, мамаша, а что вы скажете насчет Элис? Та с чего закусила удила?

Миссис Бэтли. Уж не знаю, хорошо ли это будет с моей стороны...

Дж о. Ничего, не бойтесь, мамаша, это останется между нами. Ну, и мистером Стриттоном.

Миссис Бэтли. У этой Элис было в жизни много разочарований. Теперь она встретила вас, вы ей пришлось по сердцу...

Малькольм (*испуганно*). Я?

Миссис Бэтли. Нет, он. И ей опять пришлось разочароваться. Ну, она и злится на себя, зачем ожидала от вас большего, а на вас — за то, что вы ее огорчили...

Дж о (*хмуро*). Понимаю.

Малькольм (*любезно*). А вы, оказывается, настоящий сердцевед, миссис... э... Бэтли.

Миссис Бэтли. Я люблю понаблюдать за людьми и поразмышлять о них.

Дж о (*мрачно*). Расстроили вы меня, мамаша.

Миссис Бэтли. Это чем же? Тем, что я сказала, что она разочаровалась в вас?

Дж о. Нет, нет. Все не так, как вы представляете. Все значительно проще.

Миссис Бэтли. А если проще, то еще лучше.

Дж о. Дело совсем не во мне. И я скажу вам почему. У самого у меня не простой характер. Скорее, даже трудный. (*Малькольму.*) А у вас?

Малькольм. Ну... про себя я такого бы не сказал. Каждый по-своему не прост. У меня — средний.

Дж о. Беда моя в том, что я не верю в революцию. Революционер, а в революцию не верю. Сами видите, куда это заводит. Никуда или в такое вот место, как здесь.

Миссис Бэтли. Вам нужна семья, свой теплый угол.

Д ж о (*вспылив, кричит*). Не надо мне никаких теплых углов!
Я всю жизнь от них бегал!

М и с с и с Б э т л и. А что толку?

Д ж о (*уже обычным тоном*). Я же вам сказал — никакого. Но
все оттого, что я... что у меня нет веры в революцию.

М и с с и с Б э т л и. Какую еще революцию?

Д ж о. Ту, что идет. Погодите, увидите, что она сделает с вашим
Лимингтоном и Вест-Мидлэндским банком. А вы, конечно,
крепко любите свой Лимингтон и Вест-Мидлэндский банк,
не так ли?

М а л ь к о л ь м (*решительно*). Нет, не люблю.

Д ж о. Неужели? Это удивительно.

М а л ь к о л ь м. Лимингтон мне никогда не нравился. Ну, а что
касается банка... если уж говорить откровенно... (*Пони-
жает голос.*) Я считаю его совершенно устарелым и... и...

Д ж о (*иронически, шепотом*). Говорите же. Не скрывайте ни-
чего!

М а л ь к о л ь м (*тоже шепотом*). Я считаю, что он тормозит
экономическое развитие...

Д ж о. Браво!

М а л ь к о л ь м (*конфиденциальным тоном*). И еще я вам скажу
вот что: директор нашего банка, сэр Герберт Грусби-Пер-
кинс, — гнусная и мерзкая старая жаба.

Д ж о. Вот это здорово! Но какой смысл в том, что вы шепчете
это мне на ухо? Вот если бы вы сказали всем, кричали об
этом во весь голос! Держу пари, что не осмелитесь! А вам
это было бы очень полезно. Вам пора отвести душу, после
того как вы столько лет ходили на задних лапках в своем
банке и были тише воды, ниже травы. Валяйте! Кричите
на весь мир! Громите! Сделайте это.

М а л ь к о л ь м. Ладно. (*Идет к стене и громко кричит.*) Дирек-
тор банка сэр Герберт Грусби-Перкинс — гнусная и
мерзкая старая жаба!

Д ж о. Молодец! Ну как, теперь полегчало?

М а л ь к о л ь м (*улыбаясь*). Да.

Вбегает миссис Стриттон.

Миссис Стриттон. Господи боже мой! Малькольм, что это тебе вздумалось так кричать? Уж не сошел ли ты с ума?

Малькольм *(со смехом)*. Нет.

Джо. Ну зачем же вы ее обманываете? Сказали бы правду — что вы помешались.

Миссис Стриттон *(в волнении, обнимая мужа)*. Малькольм, умоляю тебя, скажи... Ты здоров?

Малькольм *(утвердительно кивает, продолжая смеяться. Потом крепко целует жену, удивленную этим, и отстраняется)*. Так почему же вы не верите в революцию, мистер...

Джо. Зовите меня Джо. У меня нет больше веры в революцию, потому что я... скис. Пал духом. Не вижу я, чтобы люди были способны делать сообща что-нибудь хорошее. Только зло они делают дружно. Хорошее же если и делают, так не вместе, а порознь. А ведь для того, чтобы из революции что-нибудь вышло, нужно, чтобы люди способны были сообща строить хорошую жизнь. Понимаете?

Малькольм. Не совсем, Джо. Поясните!

Джо. Ну, возьмите дом какой-нибудь или кафе — все в нем как следует быть. Так это потому, что он — дело рук одного человека. А возьмите город, страну в целом — ведь черт знает что делается! Понимаете?

Малькольм. Да, понимаю.

Джо. Мои товарищи говорят: «В этом виноваты условия, это оттого, что весь строй никуда не годится». Согласен. Условия у нас, прямо сказать, дрянь. Система — никуда не годится. Но это меня еще не убеждает, что люди сумеют все вместе создать хорошую жизнь. Сдается — это не тот путь. Нет, нет, я скис окончательно.

Миссис Стриттон *(после паузы)*. Вы не находите, что слишком много говорите?

Джо. Да, пожалуй, разговорился.

Миссис Стриттон. К чему это?

Малькольм. Дороти!

Миссис Стриттон. А с какой стати мне церемониться с

ним? Ведь он же не стесняется говорить что ему вздумается. Я ясно слышала, как он советовал тебе притвориться ненормальным.

Д ж о. Я думал, что таким он вам больше понравится. Вы слишком долго знали его «нормальным». И как будто не особенно-то ценили его. Что-то же должно быть в мужчине, чего не должна касаться женщина.

М и с с и с Б э т л и. Так же как и в женщине.

Д ж о. Согласен. (*Миссис Стриттон.*) А болтаю я много оттого, что не уверен в себе, от попыток разобраться в том, что делается... Ну а вы почему такая недовольная? Чего вам нужно?

М и с с и с С т р и т т о н. Трех детей и большой сад.

Д ж о. А что у вас есть?

М и с с и с С т р и т т о н. Ни одного ребенка и маленький садик.

М а л ь к о л ь м. Видите ли, до сих пор нам обстоятельства не позволяли...

Д ж о. Не сводите разговор на ваши семейные обстоятельства и не оправдывайтесь. Жене вашей известно все, что вы хотите сказать, а нам неинтересно. Правда, мамаша?

М и с с и с Б э т л и. Мне интересно.

Д ж о. Ну, так вы потом ее порасспросите. (*Миссис Стриттон.*) И обязательно вам надо собственных детей и собственный сад?

М и с с и с С т р и т т о н. Ну конечно! А вы что думали? Что я жажду работать в яслях или убирать общественные парки? (*Страстно.*) Я хочу иметь своих детей и свой дом и сад. (*Отходит и садится подле миссис Бэтли, которая успокоительно поглаживает ее руку.*)

Д ж о (*помолчав, Малькольму*). Вот видите. Чуть не каждый хочет чего-нибудь собственного.

М а л ь к о л ь м. Что ж, это естественно.

Д ж о. Вы твердите о семейных обстоятельствах, приятели мои — об ужасных условиях, я — о никудышной системе. Так давайте изменим все, устроим революцию. Но ведь каждый по-прежнему будет хотеть чего-то своего, и из общей рабо-

ты ничего не получится. Что же нам дает революция? С другой стороны, что будет с нами без революции? Вы меня понимаете?

М а л ь к о л ь м. Более или менее. Скажу вам откровенно, я никогда не задумывался об этих вещах.

Д ж о. А о чем же вы думали?

М а л ь к о л ь м. О банковском деле, о кредите. О том, что государственными кредитами распоряжаются частные лица. Это не годится, Джо! Никуда не годится. Мы должны распорядиться им. Другому я этого не сказал бы, конечно...

Д ж о. Почему же? Говорите это всем. Скажите это вашему директору, сэру Герберту, как его там, Буги-Вуги...

М а л ь к о л ь м (со смехом). Если я скажу это сэру Герберту Грусби-Перкинсу, он в два счета выставит меня из банка.

Д ж о. Ну и что же, вы все равно скоро оттуда вылетите. Да уже и вылетели. В конце концов, как вы оказались здесь? Почему все мы — здесь?

М и с с и с С т р и т т о н. Вот теперь вы начинаете говорить разумно. Как раз это я и пытаюсь понять, это меня и тревожит. Сидим тут, занимаемся пустой болтовней да спорами неизвестно о чем, а меж тем никто из нас не знает, где мы, как очутились здесь, как попадем домой.

Д ж о (взволнованно, указывая на дверь). Смотрите-ка!

Ворота медленно начинают открываться. Когда они уже раскрылись настежь, из них хлынул яркий солнечный свет. Все смотрят в молчании.

М и с с и с Б э т л и (встав, тихо). Ну, пойду посмотрю все хорошенько. (Уходит в ворота, оставив свою корзинку.)

Остальные с изумлением смотрят ей вслед.

Д ж о. Ай да мамаша! Кто бы подумал. Идет себе первая вперед и глазом не моргнув!

Малькольм внимательно осматривает вход.

Миссис Стриттон (*встревожившись*). Малькольм, осторожнее!

Малькольм. Да, дорогая. Я только взгляну. (*Скрывается за воротами.*)

Миссис Стриттон нерешительно идет к воротам.

(*Возвращается.*) Все в порядке. Там лестница вниз, к дороге, которая ведет прямо в город.

Миссис Стриттон. Ты полагаешь, нас туда пустят?

Малькольм (*с легким сомнением*). Почему же нет? Открыли же они ворота. Похоже на то, что тут живут культурные люди...

Миссис Стриттон (*вдруг решившись*). Хорошо, пойдем.

Оба уходят. Джо, беспечно насвистывая, идет за ними, но через минуту возвращается и садится. Справа появляются леди Локсфилд и Филиппа.

Филиппа (*возбужденно*). Там столько людей! И все такие милые!

Леди Локсфилд. Филиппа, дружок, как ты можешь видеть это на таком расстоянии? Может быть, они окажутся ужасными.

Филиппа. Нет, я вижу, что они не ужасные. (*Замечая, что ворота открыты, радостно.*) Господи! Ворота открыты!

Джо. Да, и настужь. Войдите, спуститесь по лестнице — и через пять минут вы в городе. Старушка наша первая отправилась туда, а за нею и Стриттоны.

Филиппа. Пойдем и мы, мама!

Леди Локсфилд. Ах, Филиппа, не будь ребенком! Мы не знаем, что это за место... какие люди там живут.

Филиппа. Во всяком случае, оно лучше, чем Борнкей, и люди, уж наверное, не хуже, чем там.

Леди Локсфилд. Откуда мы знаем, что они за люди. Может быть, они убьют нас.

Филиппа. Зачем им убивать нас. В Борнкее люди скорее способны на это.

Леди Локсфилд. Нам бы следовало хотя бы подождать сэра Джорджа и мистера Кадуорта...

Филиппа (*серьезно и твердо*). Мама, я иду туда сейчас. Пойдешь ты со мной — хорошо. Не хочешь — я все равно пойду.

Леди Локсфилд (*кладя ей руку на плечо*). погоди минутку. Ведь ты уже взрослая девушка...

Филиппа. Очень хорошо, что ты об этом вспомнила, мама.

Леди Локсфилд (*медленно*). Да. Ты взрослая. И я не могу тебе помешать вести себя так, как будто я — только не-лепая помеха тебе во всем. Но я могу по крайней мере просить тебя не быть такой жестокой и не обижать меня.

Филиппа (*с раскаянием, но все так же нетерпеливо*). Мама, я ничем тебя не обижаю.

Леди Локсфилд (*с достоинством*). Ну, хорошо, пойдем. (*Уходя.*) Если вы здесь еще остаетесь, не будете ли вы так добры сказать сэру Джорджу и мистеру Кадуорту, что мы с дочерью пошли в этот город?

Джо. Я скажу им.

Филиппа (*Джо*). А вы разве не пойдете? Я думала, вы первым ринетесь туда.

Джо. Еще не знаю. Может, пойду, а может, и нет.

Женщины уходят. Джо присаживается. Сцену заливают дневной свет. Минуты через две выходят сэр Джордж и Кадуорт, увлеченные разговором.

Кадуорт. Тогда я ему говорю: «Вы считаете, что это выгодно?»

А он отвечает: «Во всяком случае, это хорошее дельце, вам не кажется?» «Не знаю, — говорю. — А разрешение вы уже добыли?» «Об этом, — говорит он, — вы не беспокойтесь, мистер Кадуорт. Я его могу получить хоть завтра».

А я тут и отвечаю: «Нет, не можете, потому что оно уже у меня в кармане». Надо было вам видеть его физиономию!

Сэр Джордж. И поделом ему!.. А где же все?

Джо (*указав на ворота*). Там. Леди Локсфилд просила вас передать, что она и дочь тоже пошли в город.

Сэр Джордж. О, ворота отперли? Надо посмотреть, что за город. Пойдемте, Кадуорт? Там и по вашей части может оказаться что-нибудь.

Кадуорт. Конечно, пойдемте. Я люблю знакомиться с новыми местами. Все свободное время посвящаю этому. Если смотреть в оба, так иной раз и выудишь что-нибудь интересное. Раз я так получил пай в Тормаусской трамвайной компании. Ну, потом, конечно, продал его, он меня не устраивал.

Сэр Джордж. Вполне вас понимаю. Трамваи никого не устраивают.

Джо. А что вас устраивает?

Кадуорт. Пытаетесь уязвить меня?

Джо. Не особенно.

Кадуорт. Меня этим, знаете ли, не проймешь.

Джо. Знаю. Но вы все-таки скажите, что вас устраивает?

Кадуорт. Деньги.

Джо. А что вы с ними делаете?

Кадуорт. Наживаю на них еще больше денег.

Джо. Ну, а дальше что?

Кадуорт. Так и быть, объясню. А вы слушайте и впредь не воображайте, будто вы все на свете понимаете. Вы в жизни получали пинки?

Джо. Да, несчетное количество.

Кадуорт. А та девушка из бара? Ручаюсь, что и она — немало.

Джо. Я тоже в этом уверен.

Кадуорт. Ну, а вот я не получал. Почему? Да потому, что у меня много денег. Ну-с, кто теперь над кем посмеется?

Джо. Во всяком случае, я не заплачу.

Сэр Джордж. Нет, сознайтесь, что он прав. Нужно иметь деньги, без них беда, уж поверьте мне... Пожалуй, оставлю тут свою клюшку. Может быть, вы тут присмотрите за ней, а? Смешно ходить в чужом городе с клюшкой для гольфа.

Джо. Не обещаю. Вы же аристократ и...

Сэр Джордж. Да, да. И барон в седьмом поколении, а это что-нибудь да значит. У меня старинное поместье в

Уилтшире. Я потомственный землевладелец. Ну и что? Д'жо. Ничего. Но такие, как вы, допускают ошибку, водя дружбу с такими денежными хапугами. Вам бы надо держаться нас — толпы, простого люда, людей без гроша. Я когда-то читал у Дизраэли об этом. Но вы не захотели. А сейчас уже поздно.

Сэр Джордж. Что-то я ничегошеньки не понял, что вы говорите. Простите. *(Кадуорту.)* А вы поняли, о чем речь, Кадуорт?

Кадуорт. Да, но он не прав. А мне все же надо найти почту.

Сэр Джордж. Ну, хорошо, тогда пошли.

Оба уходят. Джо с мрачным видом садится у ворот. Медленно входит Элис, не менее мрачная.

Элис. Привет, Джо.

Джо. Привет, Элис.

Элис *(запинаясь)*. Вы извините, что я на вас накричала, Джо.

Джо. Пустяки. Поделом мне, я слишком много болтаю.

Элис. Нет, просто я очень вспыльчивая. Я бы не рассердилась так на вас, если бы вы мне не нравились.

Джо. Да, я знаю. Мамаша мне это уже объяснила.

Элис. Вот как? Значит, меня тут, видно, разбирали по косточкам?

Джо. Нет, это она так, между прочим сказала. Уверяла, что вы во мне разочаровались.

Элис. Это верно, Джо.

Джо *(сурово, глядя ей в глаза)*. Что ж, я, конечно, далеко не сокровище, Элис.

Элис. К слову сказать, и я тоже.

Джо *(по-прежнему не отводя глаз)*. Неправда, вы молодчина. Я, как только вас увидел и заговорил с вами, в ту же минуту подумал про себя: «Вот это девушка так девушка!»

Элис *(втайне польщенная)*. Ну да! Сочиняете все.

Джо. Именно так и подумал — и до сих пор так думаю. Да... а теперь, смотрите, дверь-то открыта.

Элис *(увидав)*. Ох! Джо! И все уже туда ушли?

Д ж о. Да.

Э л и с. А вы? Меня дожидались?

Д ж о. Хотел увидеть вас еще раз.

Э л и с. Ну, вот и дождались. Скорее идем! Чего же мы стоим?

Д ж о. Я ведь вам говорил... Я видал множество городов.

Э л и с. Я тоже. Что же из этого?

Д ж о. Не так, как я. Подплываешь к ним, бывало, на рассвете...

Э л и с (*нетерпеливо*). И они кажутся волшебными... А потом, когда погуляешь там да нахлестаешься пива, они оказываются отвратительными. Болячки, скелеты — все это мы слышали. А здесь — совсем по-другому.

Д ж о. Откуда вы знаете?

Э л и с. Чувствую. Кроме того, я полчаса смотрела на город сверху и вижу, что все ничуть не похоже на то, о чем вы рассказывали. Да наконец, почему нам не пройтись и не посмотреть? (*Меняя тон.*) Что это вы вдруг захандрили, Джо?

Д ж о. А я вроде вас. У меня в жизни было столько разочарований, что я не хочу новых.

Э л и с. Идите сюда, глупый. (*Стоит и ждет.*)

Джо неохотно подходит к ней. Когда он подошел вплотную, Элис вдруг быстро целует его. Джо, вскрикнув, пытается обнять ее, но она со смехом ускользает.

Нет, нет, нельзя!

Д ж о. Никогда?

Э л и с. Не здесь и не среди бела дня.

Д ж о. А! Это другое дело.

Э л и с. И только тогда, когда я захочу, — запомни.

Д ж о (*пристально глядя на нее*). Запомню.

Э л и с. Так пойдешь со мной в город?

Д ж о. Пойду.

Э л и с (*радостно*). Джо! (*Улыбаясь ему, убегает в ворота.*)

Джо идет за ней. Из города доносятся звуки фанфар.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорация первого действия. Ворота широко открыты. Но освещение другое — сейчас уже не раннее утро, а конец дня, тени стали мягче. Корзинка миссис Бэтли и клюшка сэра Джорджа стоят там, где их оставили. Через минуту из ворот появляется сам сэр Джордж, ищет глазами свою клюшку, а найдя, с радостью хватает ее и делает несколько замахов, как при игре в гольф. Потом садится и закуривает. Через некоторое время входит миссис Стриттон, разгоряченная и озабоченная.

Миссис Стриттон. А, сэр Джордж!

Сэр Джордж (*заметив ее, встает*). Да? О... миссис Стриттон.

Миссис Стриттон. Вы не видели здесь моего мужа?

Сэр Джордж. К сожалению, нет. Но я и сам только что пришел.

Миссис Стриттон. Он сказал, что если мы потеряем друг друга в толпе, то встретимся здесь, на старом месте.

Сэр Джордж. Так вы присядьте и не беспокойтесь — времени еще впереди много.

Оба садятся.

Утомительный был день для всех нас. Папиросу?

Миссис Стриттон. Нет, благодарю вас, сэр Джордж, я не курю. Несколько раз пробовала — хотела составить компанию Малькольму, — но мне это не доставляет никакого удовольствия. (*Пауза.*) Вам понравился город?

Сэр Джордж. Нет, ужасно не понравился.

Миссис Стриттон. И мне тоже. А вот Малькольму, я уверена, понравился.

Сэр Джордж. Да неужели? Вот не думал, что он из таких.

Миссис Стриттон. Из каких?

Сэр Джордж. Да из тех, кому подобный город может быть по вкусу. Ведь он, кажется, служит в банке?

Миссис Стриттон. Да, в Вест-Мидлэнском, в Лимингтоне. Сэр Джордж. И мне казалось, что он степенный, серьезный человек.

Миссис Стриттон (*поспешно*). Он такой и есть.

Сэр Джордж. Вот если этот город понравится тому кочегару или механику, не знаю, кто он такой, тому парню, который так много рассуждает, — я ничуть не удивлюсь. Кстати сказать, он мне там несколько раз попадался на глаза — и видно было, что он прямо-таки упивается всем.

Миссис Стриттон. Да, мы с мужем заглянули на какой-то здешний завод и видели там его и эту девушку из бара. Они притворились, будто работают. А потом я еще видела, как они танцевали в парке...

Сэр Джордж. В каком парке?

Миссис Стриттон. А вы разве не видели парков, где все танцуют после работы?

Сэр Джордж. Я, наверно, вздремнул после ленча и не заметил, признаться. Не думаю, чтобы ваш муж был из тех, кому хотелось бы потанцевать в этих парках.

Миссис Стриттон. А он и не танцевал. Танцевали Джо и эта девица — Элис. Но должна сказать, он очень был доволен и совсем меня замучил, таская повсюду.

Сэр Джордж. А меня, знаете, мало привлекают здешние достопримечательности. Да и никогда не привлекали... Впрочем, здесь встречаются хорошенькие девушки.

Миссис Стриттон (*кисло*). В самом деле? Я не заметила.

Сэр Джордж. Ну, вас они, конечно, не интересуют. А я люблю посмотреть на хорошеньких женщин... Но там, в городе, слишком много людей... Должен вам сказать, не люблю скопища людей. Всегда чувствовал себя хорошо только там, где их нет. Два-три старых приятеля, несколько преданных слуг — что еще нужно человеку? Но не толпы людей! Вы когда-нибудь охотились на уток?

Миссис Стриттон. О господи, конечно, нет!

Сэр Джордж. Да что это я... Глупый вопрос! Вот это, знаете ли, удовольствие! А я, даже когда приезжаю в Лондон, люб-

лю посидеть спокойно в клубе. Клуб наш — приятный, старомодный. Никто не разговаривает много, можно выпить стакан хорошего вина. Ну, а здесь такое сборище просто-народя — и у всех такой самодовольный вид... Фу!.. А, вот и Кадуорт!

Входит Кадуорт. По лицу видно, что он раздражен.

Ну, Кадуорт, и с вас, я вижу, уже достаточно.

Кадуорт. Да, сыт по горло. Как провели время, сэр Джордж?

Сэр Джордж. Не захотел бы провести так больше ни одного дня. Да мне, правда сказать, и не предлагали. Скорее, наоборот. Тот малый в бюро... или как оно у них называется... спросил меня: «Ну, а вы чем занимаетесь?» Когда я сказал, что много охотился и сейчас еще люблю стрелять птиц и удить рыбу, он загоготал и спрашивает: «Разве вы — дикарь?»

Миссис Стриттон (*чопорно*). Меня это ничуть не удивляет. Я не такое еще слышала и видела в этом городе. Многие там просто шокирует. Нет той интимности и чуткости... Вы заметили, мистер Кадуорт?

Кадуорт. Не знаю, что вы называете интимностью и чуткостью. Это не по моей части. Я говорил с самого начала, что город слишком необыкновенный, — и был прав. Но что меня сразило — так это его жители.

Сэр Джордж. Странный народец, а?

Кадуорт. «Странный»? Скажите лучше — тронутый. Утром говорю одному рыжебородому, тому, который гоготал: я здесь не мог бы жить, потому что здесь нет для меня настоящего дела. «А чем вы занимаетесь?» — спрашивает он. Я ему объяснил. И как вы думаете — что он сказал?

Сэр Джордж. Понятия не имею. Но клянусь, что-нибудь очень дерзкое.

Кадуорт. Он сказал: «Это у нас тут не называется работой». — «А как это у вас называется?» «Преступлением», — отвечает он.

Миссис Стриттон. Не может быть!

Кадуорт. Так и сказал. И прибавил еще, что если меня застанут за этим, то приговорят к году принудительных работ. Дороги заставят мостить.

Сэр Джордж. Это просто дикари!

Кадуорт. Погодите, еще не все. Главное — впереди. Я решил, что у этого рыжего не все дома... у него и вид был как у ненормального.... И остановил другого, серьезного с виду старика. Он спросил, чем может быть мне полезен. Я сказал, что хотел бы познакомиться с видными дельцами, которые работают в той же отрасли, что и я. Он не понял. Я объяснил ему в нескольких словах, чем я занимаюсь. И знаете, что он сделал?

Сэр Джордж. Догадываюсь. Рассмеялся!

Кадуорт. Как бы не так! Он позвал полисмена.

Миссис Стриттон. Полисмена? Я не видела нигде ни одного полисмена

Кадуорт. Ну, что-то вроде полисмена. Старик повторил ему все, что я говорил, и полисмен заявил: «Я пошлю его на освидетельствование, уж не закоренелый ли он преступник»... «Послушайте,— говорю,— никакой я не преступник, я здесь чужой и не хотел даже сюда идти. Отпустите меня, и я уйду из города». И меня отпустили.

Сэр Джордж. Ну, я вам доложу!..

Кадуорт. Постойте, я еще не кончил. Чего только не рассмотрел! Иду я и вдруг вижу — целый ряд только что отстроенных красивых магазинов, а на тротуаре стоит какой-то субъект и что-то отмечает в записной книжке. Ну, я стал его расспрашивать и говорю, что такое строительство, наверно, самое выгодное дело. Он сказал, что они хотят выстроить такой же ряд магазинов по другую сторону площади. «А об этом уже всем известно?» — спрашиваю. «Нет,— отвечает он.— Это пока секрет». Ну, я и сделал ему предложение: «Что,— говорю,— если мы с вами учредим маленькую компанию и поскорее сделаем заявку на этот участок? Цены на него будут расти и расти,

и мы сделаем отличное дельце». Он не сразу понял, пришлось объяснить.

Сэр Джордж. Ну и что? Опять полисмен?

Кадуорт. Нет. Хуже. Мимо как раз проходил какой-то его знакомый с целой толпой школьников. Что ж вы думаете — он подозвал его, и дети окружили нас, так что я не мог двинуться с места. Этот парень пересказал все своему знакомому. Тот — видно, школьный учитель, их там не отличишь друг от друга — задал мне несколько вопросов. Я, конечно, разъяснил все как мог, потому что они там какие-то бестолковые, как дети, не понимают самых простых вещей. И — угадайте, что было дальше.

Сэр Джордж. Нет, не берусь.

Кадуорт (*с возмущением*). Этот учителяшка прочел обо мне детям целую лекцию, да! А я не мог выбраться из толпы учеников.

Сэр Джордж. Лекцию — о вас! Это что же — вроде как если бы вы были какой-нибудь экспонат?..

Кадуорт (*злобно*). Вот именно. Он так меня и называл. «Типичный образец приобретательской психологии» — или что-то в этом роде. Сказал, что я все свои интуитивные способности, — кажется, так, — использовал во вред обществу, стремясь компенсировать чувство неполноценности!

Миссис Стриттон. Какое нахальство! Что он хотел сказать?

Кадуорт. Будьте уверены, что я сразу же задал ему этот вопрос. «Послушайте, вы! — сказал я ему. — Я начал с пустым карманом, я был ничтожным конторщиком, без всякой поддержки. Я работал как вол, ворочал мозгами, чтобы чего-то добиться, стать человеком... чтобы доказать всем, что на Фреда Кадуорта мухи не сядут».

Сэр Джордж. Превосходно сказано! А он что?

Кадуорт. Попросил меня повторить и записал все, слово в слово, в свою тетрадку. Затем пожал мне руку и побла-

годарил. Честное слово, в этом городе все свихнулись!
Сущие дети какие-то! Подумайте...

Его прерывает Э л и с, вбегающая из ворот.

Э л и с *(переводя дух)*. Вы не видели Джо? Он не приходил сюда?

М и с с и с С т р и т т о н. Нет. Я не видела его с тех пор, как он танцевал с вами в парке.

Э л и с. Ну, значит, все в порядке, он там. *(Садится, все еще тяжело дышит.)* Передохну немного и пойду разыщу его. Ох и денек!

К а д у о р т *(кисло)*. Да, денек, что и говорить, замечательный...

М и с с и с С т р и т т о н. Вы мужа моего не встретили?

Э л и с. Да, я видела его на дороге. Он разговаривал с какими-то людьми. И сказал мне, что ищет вас.

М и с с и с С т р и т т о н. Значит, скоро придет.

Э л и с. Видела я и леди... как ее. Она карабкается вверх. Я спросила, как она провела время, и она сказала, что отвратительно.

К а д у о р т. И я тоже.

Э л и с. Ну, вы — это понятно. Но она, женщина...

М и с с и с С т р и т т о н *(с неожиданной страстностью)*. Ну и что же? Вот и мне здесь все противно!

Э л и с *(с удивлением)*. Не может быть!

М и с с и с С т р и т т о н *(все больше раздражаясь)*. Да, ненавижу тут все, ненавижу, ненавижу! Лучше бы я никогда не видела этого проклятого города! Мне противен здесь каждый уголок. Я готова была бы... поджечь его!

Э л и с *(встав, подходит к ней; тихо, но яростно)*. А я готова убить вас за эти слова.

М и с с и с С т р и т т о н. И вы тоже мне противны. Посмотрели бы вы на себя со стороны, когда вы хохотали, и визжали, и дурачились там, внизу!

Э л и с *(медленно)*. Это был лучший день в моей жизни. Я была среди счастливых людей и сама была счастлива. Я нако-

нец попала в волшебное царство! А вы способны только оплевывать все это.

Сэр Джордж (*протестующе*). Послушайте, девушка...

Элис. Я не с вами говорю. С вами мне говорить не о чем. Не понимаю я вас.

Сэр Джордж. Не понимаете? Но я, кажется, говорю на чистом английском языке.

Элис. Я хочу сказать, что вы человек другого мира — и оттого мне трудно с вами разговаривать. Для меня вы — все равно что чучело в стеклянном шкафу. И вы и та старая леди. А теперь не мешайте — я не с вами, я с ней хочу говорить! (*Указывает на миссис Стриттон.*) А вы, миссис Стриттон, вы ревнивая и завистливая женщина, поэтому вам жизнь не в жизнь. Вы ревнуете не только мужа, а всех и все. Вас ничто не радует, если вы не можете заграбастать это для себя одной. И вы завидуете всем, кто счастлив. Я видела вас там, в городе: вы шипели на все, старались отравить удовольствие мужу, ревновали его ко всему...

Миссис Стриттон (*яростно*). Замолчите, вы!.. Как вы смеете!.. (*Разражается слезами, отворачивается и садится.*)

Кадурт (*сердито, Элис*). Я бы охотно надавал вам оплеух!

Элис. Попробуйте! (*Дразнит его тоном уличного мальчишки.*) Как насчет почты? Много ли денег вы сегодня заработали? Я видела рыжебородого, который беседовал с вами. (*Смеется ему в лицо, отходит к воротам и оттуда, полуобернувшись, уже тихо.*) Я всегда ждала чуда, но не думала, что на свете есть такое чудо. Не думала, что люди способны устроить такую жизнь... работать и отдыхать так дружно, вместе. Я на все готова для этих людей... Я умереть готова за этот город... (*Уходит.*)

Миссис Стриттон тихо плачет в стороне. Мужчины издали смотрят на нее и переглядываются. Пауза.

Сэр Джордж. Какая грубиянка!

Кадурт. Хотел бы я, чтобы она была у меня под началом двести недели. Я бы ей показал!

Сэр Джордж. Не сомневаюсь. Но почему вы принимаете это так близко к сердцу? Ведь вам она не сказала, как мне, что вы — чучело в стеклянном футляре... А мне, признаюсь, нравятся женщины с перцем... Вы не знавали Бастера Клейхорна? Он командовал королевским конногвардейским полком.

Кадуорт. У меня никогда не было знакомых среди военных. Моя жизнь проходит в делах, в Сити.

Сэр Джордж. Я знаю, но подумал — может быть, встречались с ним, может быть, ссужали деньгами...

Кадуорт. Я не даю займы.

Сэр Джордж. Знаю, знаю! Но, видите ли... *(Умолкает и встает, увидев леди Локсфилд.)*

Входит леди Локсфилд, видимо, очень утомленная. Миссис Стриттон поднимает голову, чтобы посмотреть, кто это, и снова отворачивается, продолжая сидеть.

А, леди Локсфилд! Устали? Присядьте здесь и отдохните.

Леди Локсфилд. Благодарю вас. Мне давно бы следовало уйти, но я никак не могла увести оттуда Филиппу. И в конце концов пришлось уйти без нее. Но она скоро придет.

Сэр Джордж. Ну, как вы себя чувствовали там?

Леди Локсфилд *(холодно)*. Разумеется, скверно. Быть может, я слишком дорожу некоторыми традициями. Я привыкла, чтобы ко мне относились... определенным образом, вы понимаете...

Сэр Джордж. Прекрасно понимаю.

Леди Локсфилд. Какие там все дерзкие! Я спросила, где у них благотворительные учреждения, потому что я много работала добровольно в разных благотворительных обществах. А девчонка засмеялась и сделала несколько крайне дерзких замечаний...

Кадуорт *(угрюмо)*. А лекцию о вас она не читала?

Леди Локсфилд. Какую еще лекцию? Конечно, нет.

Кадуорт. Значит, вы их еще не знаете...

Сэр Джордж (*вмешивается, боясь, что Кадуорт начнет снова рассказывать ту же историю*). Я говорил только что о Бастере Клейхорне, который командовал полком «синих». Вы знаете его?

Леди Локсфилд. Я знавала кое-кого из дорсетских Клейхорнов. Марджори Клейхорн вышла за австралийца, и они с мужем гостили у нас в Таго-Таго несколько дней...

Сэр Джордж. Нет, Бастер — из лейстерских Клейхорнов. Кадуорт (*мрачно*). Можно подумать, что вы толкуете о лошадях или коровах...

Сэр Джордж. Какие глупости! Я говорю о своем старом приятеле.

Кадуорт. Что ж, продолжайте. Но не все ли равно, из дорсетских он Клейхорнов или лейстерских? По мне, это дурацкая манера — так говорить о людях.

Леди Локсфилд. Право, мистер Кадуорт, вы сегодня сильно не в духе.

Сэр Джордж. У него сегодня был неудачный день.

Леди Локсфилд. О! (*С оттенком злорадства.*) Бедный мистер Кадуорт!

Кадуорт. Не жалейте меня. Я не люблю этого! Приберегите вашу жалость для самой себя, она вам может скоро пригодиться.

Леди Локсфилд. В самом деле? Почему же?

Кадуорт. Во-первых, дочь ваша еще не вернулась, не так ли?

Леди Локсфилд. Я ее жду с минуты на минуту.

Кадуорт. Я видел ее в городе — она чувствовала себя как рыба в воде...

Леди Локсфилд (*недовольно*). Филиппа молода, и, естественно, ее радует все новое. Не вижу в этом...

Кадуорт (*резко, перебивая ее*). Вы не дослушали. Видите, солнце садится? Ну, так вот, когда оно сядет, эти ворота захлопнутся, и никто не сможет ни войти, ни выйти.

Леди Локсфилд. То есть Филиппа окажется запертой там... Благодарю вас, мистер Кадуорт.

Кадуорт. Не за что.

Леди Локсфилд. Должна вам заметить, что вы ведете себя не по-джентльменски.

Кадуорт. А я не джентльмен. Я никогда не выдавал себя за джентльмена.

Леди Локсфилд (*обращаясь к сэру Джорджу*). Надеюсь, вам объяснили, как вернуться домой?

Сэр Джордж. Да. А вам?

Леди Локсфилд. Да. Я заявила, что это единственное, что я хотела бы знать. Это им, естественно, не понравилось.

Миссис Стриттон (*встав и подойдя к ним*). А мне не захотели объяснить.

Леди Локсфилд. Неужели, миссис Стриттон? Но, может быть, они сказали это вашему мужу?

Миссис Стриттон. Убеджена, что нет. Да он, верно, и не спросил. Он... он не хочет возвращаться домой.

Сэр Джордж. Вы разочаровались в нем? А он танцует в парках.

Леди Локсфилд. А вы ведь не останетесь в этом невозможном городе?

Миссис Стриттон. Ни за что!

Сэр Джордж. Так присоединяйтесь к нам. Мы знаем дорогу назад.

Из ворот появляется Джо. Все смотрят на него, а он, прислонясь к стене, поглядывает на них.

Кадуорт. Вот не ожидал, что вы уйдете отсюда.

Сэр Джордж. И я тоже. (*Подтрунивая*). Я полагал, что этот город вполне в вашем вкусе.

Джо (*невозмутимо*). И вы не ошиблись. Он лучше, чем я мог вообразить.

Миссис Стриттон. Надеюсь, вы не начнете опять спорить. Эти препирательства изрядно надоели.

Джо. Не собираюсь.

Кадуорт. А мне казалось, вы в любой момент — не прочь.

Джо. Как правило, — да. Но сегодня — исключительный день. Сегодня я увидел то, что уже не надеялся увидеть.

Сэр Джордж. В самом деле? Что же именно, если это не секрет?

Джо. Город, населенный здоровыми, счастливыми, трудолюбивыми людьми. Настоящий культурный город.

Сэр Джордж. Вы говорите так, потому что он понравился вам. Я сам видел вас там.

Джо. Да, понравился. Я хорошо провел время. Но главное — я наконец увидел настоящий город.

Леди Локсфилд. Если вы не хотите сегодня споров, лучше не говорите больше ничего. Потому что никто из нас с вами не согласен.

Джо (*обводя их взглядом, спокойно*). Этому легко поверить.

Кадурт. Что ж, все зависит, конечно, от того, откуда человек пришел и что его ждет по возвращении.

Джо. Совершенно верно. А вы легко можете себе представить, откуда я пришел и что меня ждет по возвращении. Мало хорошего.

Кадурт. Вы сами это признаете. Не я.

Джо. Но между вами и мною не только эта разница. Дело в том, что вы все четверо... старомодны...

Миссис Стриттон (*гневно*). Как так — старомодны? Я не старомодна.

Кадурт. И я тоже — нет. Я горжусь тем, что я вполне передовой, современный человек. И мне нельзя быть иным — при моих делах.

Джо. Нет, у вас мысль работает по-старому. Вы постоянно твердите себе: «У меня все благополучно — и к черту Джека».

Леди Локсфилд (*раздраженно*). Неправда!

Сэр Джордж (*поспешно*). Только без споров!

Джо (*усмехаясь*). Нет. Споров не будет. Говорите, леди.

Леди Локсфилд (*с достоинством*). Если вы хотите сказать, что мы, а в частности я, равнодушны к страданиям и нуждам других, — вы глубоко ошибаетесь. И такое обвинение возмутительно. Я только что рассказывала, что, когда я справилась, есть ли в городе благотворительные общества,

меня высмеяли — не понимаю почему. А между тем я очень много времени уделяла благотворительности. Я всегда считала это своим долгом.

Дж о. Ладно, я ведь не говорю, что у вас черствое сердце. Но *здесь* не признают благотворительности. Здесь веруют в социальную справедливость — и добились ее. Это как раз то, чего вы все не понимаете и что вам не по нутру. Вы живете хорошо — и вам все равно, что окружающие вас люди не знают, откуда завтра возьмут деньги на обед, когда удастся найти работу, как прокормить детей и самим дотянуть до того времени, когда они вырастут. Вот это я и называю быть старомодным!

Кадуорт (*резко*). Пойдите. Я — индивидуалист...

Дж о (*так же*). Вы — мелкий пират и отлично это знаете.

Сэр Джордж (*развеселившись*). Нет, его там, в городе, называли иначе. Как это, Кадуорт? Типичный образец...

Кадуорт (*сердито*). Ладно, зачем опять все это мусолить. Хотя я согласен с ним, когда это касается вас. Вы действительно старомодны.

Сэр Джордж. А я никогда и не отрицал, даже почитаю это за комплимент.

Кадуорт. Так же как и «чучело»?

Леди Локсфилд. А кого же так называли?

Кадуорт. Это относилось и к вам тоже. Она упомянула и о вас.

Дж о. Кто?

Миссис Стриттон. Ваша приятельница, девушка из бара.

Дж о. Разве Элис приходила сюда?

Сэр Джордж. Была и ушла, после того как всех отбрила своим острым язычком. Будьте осторожны, молодой человек!

Дж о (*с волнением*). Она не спрашивала обо мне?

Миссис Стриттон. Спрашивала. Сегодня все ищут друг друга...

Кадуорт. Я никого не ищу. И с меня довольно. Не к чему торчать здесь. Пустая трата времени... Ну, как, сэр Джордж? Отправимся?

Миссис Стриттон (*умоляюще*). Нет, пожалуйста, подождите, пока соберутся остальные. Гораздо безопаснее идти всем вместе.

Кадуорт. «Безопаснее»? Нам ничего не угрожает. Вернуться столь же легко, как и попасть сюда.

Сэр Джордж. Мы можем подождать еще четверть часа, не больше. (*Леди Локсфилд и Кадуорту.*) Не хотите ли пройти до следующей башни?

Леди Локсфилд (*в нерешительности*). Я бы пошла с удовольствием, но беспокоюсь за Филиппу.

Сэр Джордж. Она вас подождет. Это ей будет уроком. Пошли, Кадуорт? Надо размять ноги, а то совсем затекут.

Кадуорт. Да я уже набродился вокруг этих проклятых стен.

Все трое выходят направо.

Джо (*миссис Стриттон*). А вернуться будет не так легко, как попасть сюда.

Миссис Стриттон. Отчего же?

Джо. Вы этого не поймете, даже если я и скажу вам.

Миссис Стриттон. Вы пытаетесь запугать меня.

Джо. Нет. Вам-то будет достаточно легко. Но было бы куда спокойнее, если бы вы просто умерли.

Миссис Стриттон (*оскорбленно*). Приятные же вещи вы говорите!

Джо. Не знаю уж! А вам никогда не хотелось, миссис Стриттон, легко и спокойно умереть?

Миссис Стриттон (*тихо*). Да. Иногда хотелось.

Джо. Я так и знал.

Миссис Стриттон (*поворачиваясь к нему*). А вам?

Джо. По крайней мере не так — не легко и не спокойно, а просто умереть. Такое было раз или два. Когда я чувствовал...

Из ворот медленно выходит миссис Бэтли. Остатливается и смотрит на них.

(*Подходит к ней.*) Не думал я, мамаша, что и вы захотите

вернуться. Другие — это понятно. Но вы... Огорчили вы меня, мамаша... Я был о вас лучшего мнения...

Миссис Бэтли. О чем вы толкуете, а?

Джо. О вас, мамаша. Я надеялся, что уж вы-то, во всяком случае, захотите остаться там.

Миссис Бэтли (*спокойно*). Вы, видно, любите слушать себя самого?

Миссис Стриттон. Не обращайтесь на него внимания, миссис Бэтли.

Миссис Бэтли. Я и не обращаю.

Миссис Стриттон. Вам сказали, как идти обратно?

Миссис Бэтли. Нет. Я и не спрашивала.

Миссис Стриттон. Тогда вам придется идти вместе с нами.

Миссис Бэтли. Спасибо за приглашение, миссис Стриттон. Но я не думаю возвращаться. Я остаюсь здесь. Я пришла только за своей корзинкой, она мне понадобится.

Джо (*с восторгом*). Молодец, мамаша!

Миссис Стриттон. Миссис Бэтли, вы меня удивляете.

Миссис Бэтли. Чем же?

Миссис Стриттон. Вы говорили, помнится, что у вас множество обязанностей — смотрите за домом, убиваетесь...

Миссис Бэтли (*направляясь за корзинкой*). Да. Немало лет я все это делала. Иной раз думаешь, бывало: да тут и трех пар рук не хватит.

Миссис Стриттон. Не можете же вы все и всех бросить?

Миссис Бэтли. Не могу? А кто это говорит, что не могу? (*Взяв корзинку, идет к воротам, но, дойдя до них, останавливается.*) Всю жизнь, сколько я себя помню, мне говорили, что мне можно и чего нельзя. А за то, что я делала, я спасибо от людей не слыхала. Ну а теперь пускай они сами себя обслуживают. Им это будет полезно.

Миссис Стриттон. Не нравятся мне такие речи, миссис Бэтли.

Миссис Бэтли. Это понятно. Но человеку хочется все-таки раз в жизни высказать то, что у него на уме.

Д ж о. Правильно. Говори, мамаша.

Миссис Бэтли. Никто никогда в жизни не говорил со мною так, как сегодня говорили там, внизу. Они спросили, нравится ли мне жизнь в их городе. А я отвечаю: «Здесь у вас очень хорошо. Все так, как должно быть». А когда увидела ребятишек, выбежавших на улицу, и их матерей, таких веселых и привлекательных, и все такое чистое и красивое, то чуть не разрыдалась. И тут я говорю им: «У вас здесь для таких, как я, видно, мало работы, ну а если есть, то давайте сделаю». А они говорят: «Спасибо, миссис Бэтли, большое вам спасибо». Вы подумайте! Меня еще вздумали благодарить! «Не торопитесь, — говорят, — миссис Бэтли, осмотритесь, отдохните». И дали мне комнату — да посмотрели бы вы какую! И совсем отдельную! Никогда в жизни у меня не было отдельной комнаты. Когда-то, еще девочкой, я в мечтах представляла что-то похожее... А какие тут чудесные улицы... парки... Чудесные дети. Временами казалось, что я с ума сошла... и все это только сон... Но это был не сон... это была явь. *(Пауза.)* Ну, прощайте, миссис Стриттон. Будь здоров, сынок! *(Кивает, улыбается и уходит.)*

Миссис Стриттон *(Джо)*. Вы, конечно, в восторге?

Д ж о. Да, я в восторге.

Миссис Стриттон *(с горечью)*. Тогда что же вы здесь делаете? Почему не веселитесь там?

Д ж о. У меня на то есть причина.

Миссис Стриттон. Какая же это причина?

Д ж о *(качает головой, с улыбкой)*. Вам я этого не могу сказать.

Миссис Стриттон. А есть кто-нибудь, кому вы могли бы сказать?

Д ж о. Есть. Если повезет. Правда, до сих пор мне не везло...

Миссис Стриттон. Не вам одному. Большинству из нас.

Д ж о. Но сегодня я чувствую, что мне повезет. *(Пауза.)* Миссис Стриттон, давайте поговорим серьезно, начистоту. Скажите мне — вы намерены и в дальнейшем дрессировать этого парня, вашего мужа?

Миссис Стриттон (*холодно*). Не понимаю, что вы хотите сказать.

Джо (*пожимая плечами*). Ладно. Вы не хотите понять меня. Не хотите понять мужа. Твердокаменный почти всегда побеждает. Но, победив, проиграет. И остается только одна твердокаменность.

Миссис Стриттон (*упрямо*). Ничего не понимаю. Какой-то бред.

Джо. Такие, как вы, хватают свое маленькое счастье и сворачивают ему голову, как цыпленку.

Миссис Стриттон (*вскипев*). Долго еще вы будете оскорблять меня?

Джо (*гневно*). Я пытаюсь спасти вам жизнь.

Миссис Стриттон. Ей ничто не угрожает.

Джо. Вы сами воткнули ей нож в горло.

Миссис Стриттон. Если бы и так, — вам-то что за дело? Ведь вы меня не любите.

Джо. Я люблю жизнь и не могу видеть, как ее уродуют! (*Глядя в проем ворот.*) Вот идет ваш муж. (*Уходя направо.*) Надеюсь, что к тому времени, как я вернусь, вы успеете избавиться от трупа. Говорят, это самое трудное. (*Уходит.*)

Входит Малькольм.

Малькольм (*торопливо*). Дороти, где ты была?

Миссис Стриттон (*сухо*). Ожидала тебя здесь.

Малькольм. Как жаль, что ты не осталась там со мной.

Честное слово, Дороти, у меня были такие интересные...

Миссис Стриттон (*прерывая*). Я хочу уйти отсюда. Я хочу домой.

Малькольм. Но я и дороги не знаю.

Миссис Стриттон. Другие знают. Мы пойдем с ними. Они скоро двинутся в путь.

Малькольм. Но зачем нам уходить? Право, если бы ты побыла там подольше и осмотрелась...

Миссис Стриттон (*сердито*). Я видела достаточно. И уже высказала тебе свое мнение.

Малькольм. Да, но...

Миссис Стриттон (*горячо*). Говорю тебе, я ненавижу здесь все, все здесь отвратительно!..

Малькольм (*с огорчением*). Но почему, Дороти? Почему?

Миссис Стриттон (*запальчиво*). Ты, наверное, оттого в таком восторге, что встретил эту девицу из бара, которая скакала там и веселилась?

Малькольм. Полно тебе, Дороти! Я на нее и внимания не обратил. Какое мне дело до нее. Неужели же тебе этот город не нравится просто потому, что кому-то другому хорошо в нем?

Миссис Стриттон. Нет, не потому. Хотя одного вида этой особы достаточно, чтобы этот город мне опротивел.

Малькольм (*с робкой настойчивостью*). Так что же тебе, собственно, не понравилось?

Миссис Стриттон. Ах, не будем больше спорить об этом!

Малькольм. Я не собираюсь спорить. Я только спрашиваю — что тебе не нравится?

Миссис Стриттон. А я тебе уже говорила — все. Все — вульгарно и нелепо. И все ходят такие довольные собой!

Малькольм. А почему же им и не быть довольными? У них есть чему радоваться и чем гордиться. Я спросил одного...

Миссис Стриттон (*перебивая*). А какие манеры! Они не умеют себя вести. И каждый считает, что он — не хуже остальных!

Малькольм. Вот уж неправда, Дороти. Среди них есть великие мыслители, ученые, художники, которых они уважают, которыми восхищаются. Их окружают такой заботой, какой у нас никогда не видели великие люди. Они...

Миссис Стриттон. Ах, опять ты начинаешь меня учить... У меня глаза и уши не хуже твоих.

Малькольм. Когда ты не хочешь видеть и слышать, ты слепа и глуха.

Миссис Стриттон. Что такое?

Малькольм. Ты решила заранее — не знаю почему, — что

этот город и его жители тебе не понравятся. Мне он был незнаком, так же как тебе, но я хотел увидеть то, что есть на самом деле. А ты — нет. Ты настроила себя.

Миссис Стриттон. Ну, что же ты замолчал? Говори.

Малькольм. А сейчас ты хочешь решать за меня. Хочешь внушить мне, что город мне не нравится. *(Вдруг гневно.)* Но тебе это не удастся, Дороти, понимаешь? Я этого не допущу. Я знаю — ты просто замкнулась в себе. Не хочешь ничего видеть, твердишь всякие глупости, которые приходят тебе на ум, — вместо того чтобы сознаться, что ты не права, и открыть глаза и душу и... и быть честной.

Миссис Стриттон *(в ужасе)*. Ты возненавидел меня, Малькольм, да?

Малькольм. Нет. Но я близок к этому. Ты и раньше вела себя так. Но теперь — это уже просто невозможно. И ты сценами и хитростями не заставишь меня отречься от моих мыслей и чувств. *(Кричит.)* Я полюбил этот город и этих людей! Я никогда не встречал никого лучше! Это живые люди! Они создают то, что мне всегда хотелось увидеть в мире. И я собираюсь помочь им.

Миссис Стриттон *(увидев, что он идет к воротам)*. Малькольм! *(Не пытается удержать его, садится на ближнюю ступеньку и горько плачет.)*

Малькольм *(медленно и нерешительно возвращается, подходит ближе, наконец садится рядом; мягко)*. Ну перестань, Дороти. Не плачь.

Миссис Стриттон *(сквозь рыдания)*. Ты хотел бросить меня.

Малькольм. Ну, видишь, не бросил. Я здесь.

Миссис Стриттон *(подавляя всхлипывания)*. Ты меня не любишь.

Малькольм. Люблю.

Миссис Стриттон. Нет, не любишь. Если бы любил, ты бы не мог и подумать о том, чтобы уйти от меня. Я бы никогда не могла тебя оставить.

Малькольм. Я тебя не оставлю.

Миссис Стриттон (*вытирая глаза*). Я знаю, что я глупая женщина, и иногда веду себя нелепо. Но я ничего не могу с собой поделать. Иногда я ненавижу себя и хотела бы умереть. (*Шепчет.*) Это сказал и Джо Динмор. Откуда он узнал? Он спросил у меня: «А вам никогда не хотелось, миссис Стриттон, легко и спокойно умереть?» Не знаю, как он мог узнать это, особенно обо мне, но тем не менее узнал. Меня взволновала его догадка и еще кое-что из сказанного им. И все так странно с тех пор, как мы здесь. Ты этого не чувствовал так остро, как я. Ты разговаривал со всеми этими незнакомыми людьми. А потом... этот город. Я видела, что он отнимает тебя у меня... И это ожидание здесь... Ужас!.. Ты не знаешь, что я переживала, Малькольм.

Малькольм. Может быть, и не знаю. Не могу понять... Мне все представляется иначе. Я думаю, что, когда мы вернемся домой, мне теперь там будет очень плохо.

Миссис Стриттон (*радостно, с огромным облегчением*). О, Малькольм, значит, ты вернешься со мной домой?

Малькольм. Вернусь.

Миссис Стриттон. Милый! (*Целует его.*) Как ты добр ко мне! Не думай, что я не сознаю этого. Я бы умерла, если бы ты оставил меня.

Малькольм. Я бы не оставил тебя. Я пошел к воротам в надежде, что ты пойдешь за мной и переменишь свое решение.

Миссис Стриттон. Нет, этого я не могу.

Малькольм (*уныло*). Да, ты этого не можешь. Что ж, вернемся домой. Но боюсь, что мне там теперь будет тошно.

Миссис Стриттон (*горячо*). Нет, увидишь! Я сделаю все, чтобы тебе было хорошо. И ты забудешь... Мы будем чаще встречаться с людьми — с теми, кто тебе приятен. Я завяжу новые знакомства. Конечно, мне все это будет нелегко.

- Но я... я сделаю это, увидишь. Все у нас будет по-другому. (*Увлекаясь.*) Мы можем снять тот дом, что тебе так нравился. И может быть, ты уйдешь из банка? Малькольм,

если мы пойдем обратно вместе с Кадуортом, ты можешь предложить ему свои услуги. Я уверена, что он будет платить гораздо больше, чем тебе платят в банке. Как лучше — оставить вас вдвоем или мне поговорить с ним?

Малькольм *(решительно)*. Я не желаю служить у него.

Миссис Стриттон. Но почему же, Малькольм?

Малькольм *(ярко)*. Прекрати этот разговор, Дороти!

Я иду с тобой — и достаточно.

Миссис Стриттон *(уступчиво)*. Хорошо, милый.

Они сидят рядом, он — мрачный, она, сияя, гладит его руку. Справа входит Д ж о и сардонически смотрит на них.

Д ж о. Что, я верно рассчитал время?

Малькольм *(встречаясь с ним взглядом)*. Да.

Миссис Стриттон *(весело)*. Мы поджидаем остальных, потому что я не знаю дороги домой и муж не знает. Вы не встретили их?

Д ж о. Встретил. Не беспокойтесь — идут.

Малькольм. Я думал, что вам понравилось в городе.

Д ж о. И не ошиблись.

Малькольм. Зачем же вы пришли сюда?

Д ж о. Меня просили об этом... Да, кстати, я не знал, что вы — комик.

Малькольм. С чего вы это взяли?

Д ж о. Я слышал, как там, внизу, на дороге, все хохотали. Что вы развеселого им рассказывали?

Малькольм *(угрюмо)*. Объяснял нашу финансовую систему.

Справа быстро входит Кадуорт.

Кадуорт. Я ухожу. Бессмысленно торчать здесь. Потеря времени. И тех двух не буду ждать. Снобы!

Миссис Стриттон *(вскакивая)*. А можно нам с вами, мистер Кадуорт?

Кадуорт. Разумеется. Если вы готовы. *(Уходит.)*

Миссис Стриттон. Мы готовы. Так идем, Малькольм?

М а л ь к о л ь м *(сурово)*. Пойдем, но помни, что я сказал тебе, Дороти! Никаких просьб о работе!

М и с с и с С т р и т т о н. Никаких, дорогой. Никаких! *(Берет мужа под руку.)*

Д ж о *(Малькольму)*. Я знал, что этим кончится. Но мне очень жаль...

М а л ь к о л ь м *(протягивая ему руку)*. Спасибо тебе. Прощай.

Д ж о *(пожимая ему руку)*. Может быть, еще увидимся.

М а л ь к о л ь м. Я был бы очень рад. Но не думаю.

Д ж о. Кто знает?.. *(Понижая голос.)* Может быть, я тогда напомним вам о том, что вы видели и слышали сегодня. Не глуши этого в себе, товарищ! Всего хорошего!

М и с с и с С т р и т т о н *(тянет мужа)*. Малькольм! Малькольм!

М а л ь к о л ь м. Сейчас. *(Джо, торопливо.)* Всего хорошего, товарищ!

С т р и т т о н ы уходят.

Джо, задумавшись, смотрит им вслед.

Из ворот появляется Ф и л и п п а.

Ф и л и п п а *(подходя)*. Привет!

Д ж о. Привет!

Ф и л и п п а. Это кто ушел сейчас? Не моя мать?

Д ж о. Нет. Кадуорт и та пара из Лимингтона.

Ф и л и п п а. Я так и думала, что они захотят уйти.

Д ж о. Насчет двух — вы правы, а насчет третьего — ошибаетесь. Стриттон не хотел — и чуть-чуть не остался. А ваша мать гуляет с сэром Джорджем. Они уже, наверное, успели за это время перебрать всех дербиширских Снуксов и хемпширских Хиггинсов.

Ф и л и п п а. Да, наверное. А где ваша девушка?

Д ж о. Если вы имеете в виду Элис, так она все еще в городе. Но почему вы называете ее моей девушкой?

Ф и л и п п а. Не будьте наивны. Я с первой минуты поняла, что между вами происходит, и видела, как она на вас смотрела сегодня утром.

Д ж о. Ну а как она смотрит на меня теперь, вы не заметили?

Филиппа. Почему вы не пойдете в город и не отыщете ее?
Джо. Потому что мне нужно быть здесь, и надеюсь, что она отыщет меня.

Филиппа. С какой стати ей бегать туда-сюда?

Джо. Ничего не поделаешь. Я должен оставаться здесь — и все.

Филиппа. Не ожидала этого от вас. Я думала, что такой человек, как вы, ни за что не упустит возможности остаться в этом городе. Вы помните, что говорили утром? Что вы не верите ничему, пока не побываете в городе. Помните?

Джо. Помню.

Филиппа. Теперь вы сами во всем убедились — и вдруг уходите из города и говорите, что должны оставаться здесь. Болтун вы, и больше ничего.

Джо. Да, преимущественно болтун. Но пусть это вас не волнует.

Филиппа. Меня это ничуть не волнует. С какой стати? Теперь меня ничто не волнует. Мне вдруг стало на все наплевать.

Джо. Расскажите об этом вашей мамаше. Вот, кстати, и она.

Входит леди Локсфилд. Джо отходит к стене, оставляя их вдвоем.

Леди Локсфилд. Ну, дружок, мы готовы в путь. Ты, надеюсь, тоже.

Они стоят и смотрят друг другу в глаза.

(После паузы.) Ну, что же, Филиппа?

Филиппа. Мама, я не вернусь домой.

Леди Локсфилд. Не будь глупенькой, дружок.

Филиппа. Я не пойду. Я остаюсь здесь. Я пришла сюда только для того, чтобы сказать тебе об этом.

Леди Локсфилд. Это немыслимо, дорогая. Ничто не заставит меня остаться здесь. Я тебе уже высказала свое мнение об этом городе.

Филиппа. Я не о тебе говорю, мама. Я говорю о себе. Я остаюсь.

Леди Локсфилд. Ты устала, Филиппа.

Филиппа *(всплыв)*. Я не устала. И я не глупенькая. Мне

надоело слышать это столько лет всякий раз, когда я пытаюсь зажечь своей собственной жизнью. Я спокойна, рассуждаю здраво и знаю, чего хочу.

Л е д и Л о к с ф и л д. Перед тобой — твоя мать, дружок. Не чужая. Не надо кричать и смотреть на меня такими злыми глазами.

Ф и л и п п а. Извини, мама, я не хотела тебя обидеть. Но я не пойду с тобой. Легче умереть. Вернуться домой — это та же медленная смерть. Люди в Борнхее — не живые люди. Они ничего не хотят делать. Они хотят только существовать. От сна — к еде, от еды — ко сну, а в промежутке — сплетни. Ты ведь не такая, мама. Как ты хорошо говорила о своей поездке в Венецию. А теперь ты боишься всякой перемены...

Л е д и Л о к с ф и л д. Что ж... я старею. Я похоронила твоего отца. Жизнь уходит. Я стараюсь сохранить то, что еще осталось...

Ф и л и п п а. Да ведь не осталось ничего настоящего! Даже для тебя. А для меня это уж и вовсе не жизнь. И после того, что я видела здесь, я просто не могу вернуться домой. Мама, а какие тут дети! Когда я увидела их сегодня утром, я словно ожила. Даже сердце перехватило. Я чуть не заплакала от счастья. Я попросила женщин позволить мне помогать им: стирать, чистить, скрести — готова на любую работу. И они согласились. Все они такие дружелюбные. А главное — живые. Ах, мама, неужели ты не понимаешь?

Л е д и Л о к с ф и л д. Я вижу, что ты очень возбуждена и переутомлена, дружок. Знаю, что тебе бывало скучно со мной. Я старалась — часто жертвуя собой — сделать твою жизнь веселее.

Ф и л и п п а. Знаю. Но дело не в том, скучно мне было или весело. Это серьезнее. А я — серьезный человек, мама.

Л е д и Л о к с ф и л д. Если ты — серьезный человек, так позволь тебе напомнить, Филиппа, что для серьезных людей много значит чувство долга и что ты — моя единственная

дочь, кроме тебя, у меня никого нет, и у тебя есть обязанности передо мной.

Ф и л и п п а. Я ведь не хочу просто сбежать от тебя. Вовсе нет. Почему бы тебе не остаться здесь со мной? Я жила твоей жизнью. Теперь поживи ты моей.

Л е д и Л о к с ф и л д (*холодно*). Нет, эта жизнь не для тебя и не для меня. Мне лучше знать.

Ф и л и п п а (*с жаром*). Почему тебе лучше знать? Ты ведь даже не любишь той жизни, какой живешь. Только миришься с нею, потому что тебя пугает всякая перемена. Какая это жизнь? Я вовсе не хочу покидать тебя, мама. Мне тяжело думать, что ты уйдешь одна.

Л е д и Л о к с ф и л д. Спасибо и за это. Но вспомни, Филиппа, — я твоя мать, я дала тебе жизнь, я любила тебя и заботилась о тебе.

Ф и л и п п а (*мягко*). Да, мама. Но ты дала мне жизнь не для того же, чтобы отгородить меня от мира. Ты должна позволить мне устроить свою жизнь. Как некогда устроила свою. И если ты хочешь теперь помешать этому, мама, нам придется расстаться — вот и всё.

Л е д и Л о к с ф и л д (*жалобно*). Нет, Филиппа. Я... я слишком стара, чтобы менять жизнь...

Ф и л и п п а. Прощай, мама. (*Целует ее.*)

Л е д и Л о к с ф и л д (*обнимает дочь; сквозь слезы*). Нет, нет, дорогая... не бросай меня... ты не можешь оставить меня...

Ф и л и п п а. Я должна, мама. Прощай. (*Вырывается и бежит к воротам.*)

Входит сэр Джордж.

Л е д и Л о к с ф и л д (*стоит неподвижно, пытается овладеть собой. Медленно оборачивается к сэру Джорджу*). Если вы готовы, то мы можем идти, сэр Джордж.

С э р Д ж о р д ж. Конечно, с большим удовольствием, леди Локсфилд. (*Джо.*) А вы остаетесь?

Д ж о. Похоже на то.

Сэр Джордж. Эта дверь захлопывается, когда садится солнце, так что решайте поскорее, идти или оставаться.

Джо. Знаю. Спасибо, сэр Джордж.

Сэр Джордж. Прощайте. (*Указывая направо.*) Сюда, леди Локсфилд.

Леди Локсфилд (*идя с ним*). Вы, кажется, говорили, что знакомы с Прескоттами?

Сэр Джордж. Да, я близко знал Табби Прескотта. Замечательный был стрелок!

Леди Локсфилд. Он ведь был женат на одной из дочерей Марчисона?

Сэр Джордж. Нет, насколько я помню, на сестре Джерри Финглтона.

Леди Локсфилд. Ах, так то другие Прескотты. Эти никогда не жили в Индии.

Сэр Джордж. Табби ездил в Индию — охотиться на тигров. Но пробыл там недолго.

Леди Локсфилд. Постойте, дайте вспомнить. Был такой Арчи Прескотт...

Сэр Джордж. Как же, это двоюродный брат Табби, отлично играл в поло. Вот его-то, должно быть, вы и встречали в Индии.

Леди Локсфилд. Вот-вот. И это он женат был на одной из Марчисонов...

Оба скрываются из виду. Джо стоит глядя вниз, на город. Уже далеко не так светло, как прежде, чувствуется, что день клонится к концу и закат догорел.

Джо (*с беспокойством смотрит на ворота и делает по направлению к ним шаг, другой; бормочет*). Нет... Боже мой, неужели...

Ворота очень медленно начинают закрываться. За ними слышны торопливые шаги. Джо слышит их и бросается навстречу. В ту минуту, когда он уже достиг ворот, из них с отчаянным усилием выкарабкалась Элис, и ворота с

шумом захлопнулись. Элис, измученная, запыхавшаяся, прислоняется к стене.

(Смотрит на нее, нервно и радостно усмехаясь.) Вы все-таки пришли, Элис.

Э л и с *(задыхаясь)*. Еще издевается надо мной, проклятая обезьяна! Нечего стоять тут и скалить зубы!

Д ж о. А что же прикажете мне делать?

Э л и с. Ползать передо мной на коленях — вот что!

Д ж о. Ладно. *(Делает движение, чтобы встать на колени.)*

Э л и с *(яростно хватая его за плечо и заставляет снова выпрямиться)*. Я готова убить вас.

Д ж о. За что?

Э л и с. За то, что из-за вас мне пришлось уйти оттуда.

Д ж о. А почему вы ушли?

Э л и с. Потому что я — женщина и отпетая дура...

Д ж о. Ну, говорите же!

Э л и с. Ничего больше не буду говорить! Достаточно уже сказано. Больше, чем следовало.

Д ж о. А вам понравилось там, в городе?

Э л и с. Вы сами знаете, что понравилось.

Д ж о. Хорошая жизнь, не правда ли?

Э л и с. Такая жизнь, о которой я всегда мечтала... Всегда верила, что она... где-то близко, впереди, только надо суметь найти. И вот... довелось увидеть ее. Я всегда знала, что люди могли бы жить так, как здесь, если бы захотели попробовать. Почему наша жизнь должна быть похожа на грызню собак из-за кости в мусорном ящике? Никогда не поверю, что у нас не может быть другой жизни. Мы сами сделали ее такой. Здесь, в этом городе, люди встают каждое утро в таком настроении, какое у нас бывает какие-нибудь полчаса раз в год, когда мы подвыпьем на именинах. Верно я говорю, Джо?

Д ж о. Верно, Элис.

Э л и с. Здесь работают не из боязни оказаться в нищете. Здесь работают потому, что делают настоящее и любимое дело.

Жизнь растёт у них на глазах и радует их, как дом, который строишь себе своими руками. Да, здесь люди радуются жизни, а не убивают время в ожидании гробовщика. Сегодня утром, перед тем как мы все сошли вниз, ты сказал, что не веришь...

Д ж о. Знаю, знаю. Я теперь сожалею об этих словах.

Э л и с. Я поняла это по твоим глазам, по твоему голосу, когда мы с тобой встретились там... Помнишь тех детей, Джо?

Д ж о. Ещё бы! Буду помнить, пока жив, Элис...

Э л и с. Я сяду. У меня колени дрожат...

Они садятся рядом. Джо берет ее за руку. Она прислоняется к нему плечом.

Д ж о. Говори же, Элис.

Э л и с. Разве недостаточно того, что я наговорила? Теперь твой черед.

Д ж о. Нет еще. Мне надо сказать так много. Но это потом. Сперва ты...

Э л и с. Да ведь женщине трудно первой сказать, Джо... Не жалеешь ты меня...

Д ж о. Я и себя не пожалел, Элис... Ты сейчас узнаешь. Вот ты сказала, что поступила так, потому что ты женщина. А я хочу поступить, как подобает мужчине...

Э л и с. Что же... Но, знаешь, если бы я не побывала там, среди этих людей, я бы не могла так прямо сказать тебе. Скорее бы умерла, право... Я ведь очень гордая...

Д ж о. Знаю. Я тебя насквозь вижу, не думай.

Э л и с. Ну, ладно. Скажу все единым духом. Но смотри! Если только вздумаешь смеяться, я... я тебя задушу или брошусь вниз с этой стены.

Д ж о. Не буду смеяться. За кого ты меня принимаешь?

Э л и с. Ну, слушай. Утром, до открытия ворот, когда мы тут разговорились, ты мне ужасно понравился... Но мне было обидно, что ты ни во что не веришь... Помнишь, как я разозлилась? Это оттого, что ты оказался не такой, как мне хотелось. Не знаю, понятно ли это для мужчин, но любая

женщина поняла бы это. Я не только на тебя — я и на себя злилась. А потом мы сошли в город и увидели, какая там жизнь, — и ты сразу стал другой. Такой, как мне хотелось, такой, каким, наверное, видела тебя мать, когда ты был мальчиком. У тебя были такие внимательные и счастливые глаза... Ты верил всему, что видел и слышал. Правда, Джо?

Дж о. Правда.

Э л и с. Тут я и поняла, что люблю тебя, Джо. И мне так хотелось, чтобы и ты полюбил меня. Мне показалось, что... что это так и есть.

Дж о. Это так и есть, Элис.

Э л и с. Ты в этом уверен?

Дж о. Уверен.

Э л и с. Вот и чудесно. *(Поднимает к нему лицо.)*

. *Они целуются.*

Удивительно, как это ты влюбился в меня, когда вокруг было столько красивых женщин... рядом с ними я чувствовала себя... как будто вылезла из мусорного ящика.

Дж о. Нет, у тебя был другой вид. Ты была такая сияющая... Это я — из мусорного ящика. Тем, другим, трудно нас понять... Они пришли сюда иным путем. Поэтому ты и другая.

Э л и с *(радостно)*. Верно, Джо, верно. Я чувствовала, что у нас с тобой начинается что-то такое, что не скоро кончится... И когда ты исчез, я не беспокоилась. Наверное, думаю, пошел посмотреть какие-нибудь машины или еще что-нибудь такое, чем он интересуется. Мне и в голову не приходило, что ты уйдешь из города. Я знала, что такой жизни тебе всегда хотелось. Ведь это Наш город. И никто не мешал нам остаться там. Нам так и сказали. Я не беспокоилась, пока не увидела, что уже поздно, а тебя нет. Стала искать тебя, спрашивать у всех. Но никто не знал, где ты. Вдруг встречаю миссис Бэтли, и она говорит, что ты здесь, наверху, у ворот, ждешь меня. Уж я бежала, бежала, из сил выби-

лась и едва успела добежать. Ох и злилась же я на тебя!
Но пришлось уйти, — раз ты ушел, без тебя было бы не то...
Я не могла остаться без тебя, Джо...

Дж о. На это я и надеялся... И оттого ждал здесь так долго...

Э л и с. Но почему...

Дж о. Понимаешь, я боялся, что, если я вернусь в город, ты уговоришь меня остаться. А может быть, у меня у самого не хватило бы духу уйти.

Э л и с. Но почему бы тебе не остаться? Что ты опять выдумал?
Только, ради бога, не говори мне, что это — не то, чего тебе хотелось.

Дж о (*встав, убедительно*). Нет, нет. Неужели ты не понимаешь?
Кому-то надо вернуться туда.

Э л и с. Не понимаю. К тому же некоторые уже отправились обратно, не так ли?

Дж о. Да. Этого следовало ожидать. Ушел Кадуорт. Ушла миссис Стриттон и увела этого беднягу — своего мужа. Ушли сэр Джордж со старой леди, хотя леди пришлось для этого расстаться с любимой дочкой. Но кому какая польза от того, что все они вернутся? Если они когда-нибудь и вздумают проронить слово о том, что они видели здесь, — они будут клясться, что здесь все ужасно. Значит, надо, чтобы вернулся такой человек, который расскажет правду.

Э л и с. Вот оно что!

Дж о. Ведь ты не могла бы любить человека, который способен промолчать об этом? Так?

Э л и с. Да...

Дж о. Ты ушла потому, что ушел я.

Э л и с. Да, и потому, что я женщина...

Дж о. А я — потому, что мужчина, а не какая-нибудь обезьяна...
Я ухожу для того, чтобы рассказать всем о том, что мы здесь видели. Я и раньше знал, в чем у нас беда, — ты ведь слышала, я говорил. Но что толку было вопить об этом, если я не знал, возможно ли создать другую жизнь.

Э л и с. А теперь ты знаешь.

Д ж о. Да, и должен сказать об этом людям. Я буду твердить это днем и ночью, всем и каждому. Где бы я ни был...

Э л и с. Где бы мы ни были...

Д ж о. Да, где бы мы ни были...

Э л и с. Мы расскажем обо всем. Но как же мы попадем домой, Джо?

Д ж о. А как мы попали сюда? Чудом. Это было испытание. И если мы его выдержали, то мы таким же чудесным образом вернемся обратно. Дело не в этом, Элис. А вот когда мы вернемся, тут-то и начнется самое трудное. Одни будут глумиться, высмеивать нас, потому что не хотят другой жизни. Они боятся потерять свое убогое благополучие, ради которого трудились и делали всякие гадости. Они боятся, что не смогут наслаждаться своим благосостоянием, если вокруг них множество людей не будут умирать с голоду. Они не хотят выпускать из рук кнута. Они предпочтут быть господами в нужнике, вместо того чтобы жить в новом, прекрасном мире на равных правах со всеми. Есть и такие несчастные, исковерканные люди, которые от зависти не могут выносить зрелища чужого счастья. И нам с тобой придется воевать с множеством таких людей.

Э л и с. Я знаю, что это будет нелегко, Джо.

Д ж о. Ты и половины всего себе не представляешь, Элис. А сколько есть таких, каким был я, — людей, которые хлебнули горя и знают, что все у нас ни к черту не годится, но не хотят верить, что мир может быть лучше. Эти будут смеяться над нами громче всех, уверяю тебя... И не только это, Элис. Будут дни — непогожие, хмурые дни, — когда никто не станет нас слушать, когда нам нечем будет заплатить мяснику, и булочник будет смотреть на нас косо, и у нас не останется ни крошки табаку, и нас будут спрашивать, когда мы уберемся наконец в другой город... и когда нам самим начнет казаться — а были ли мы в этом городе...

Э л и с. Джо, смотри, темнеет. Давай посмотрим на город в последний раз.

Они подходят к стене и смотрят на город.

На террасах повсюду загораются огни. И в садах тоже.
Джо, мы никогда не забудем эти парки, правда?

Джо. Ничего не забудем.

Элис (*помолчав*). Джо... а что если нам остаться?

Джо. Оставайся ты, если хочешь. А я должен идти.

Элис. Я тебя одного не отпущу.

Джо. Значит, тебе тоже придется уйти.

Элис (*тихо*). Прощай, мой прекрасный город. Увижу ли тебя еще когда-нибудь? (*Плачет.*)

Джо (*утешая*). Ну, ну, Элис, детка, крепись.

Элис (*сквозь рыдания*). Я не хочу уходить... и, когда мы вернемся туда, все будет казаться еще хуже, чем прежде.

Джо. Нет, Элис. Во-первых, нам будет о чем вспомнить. Мы были теми, кто был здесь и видел все своими глазами. И потом, мы будем всегда надеяться. И всякую искру надежды и веры, которую мы найдем в людях, будем раздувать в пожар...

Нам скажут, что человеческую натуру нельзя переделать. Это один из старейших предлогов, для того чтобы смотреть на все сложа руки. И это неправда. Человек меняется вот уж сколько тысячелетий. Но есть одно неизменное, чего нельзя ни убить в человеке снарядами и пулями, ни выколлотить дубиной, ни выжечь каленым железом, — это вечное стремление и надежда переделать мир так, чтобы в нем жилось лучше. И на всем земном шаре, где только есть люди, эта надежда в них все крепнет. От нее светлеют лица, от нее голоса звучат громче и увереннее. Не всякий мужчина, не всякая женщина хотят верить в это светлое будущее, трудиться во имя его, жить ради него и, если понадобится, умереть за него. Но один человек здесь, другой — там, несколько — на одной улице, чуть больше — на другой, и смотришь — нас уже миллионы, нас громадные армии, которые могут построить десять тысяч новых городов.

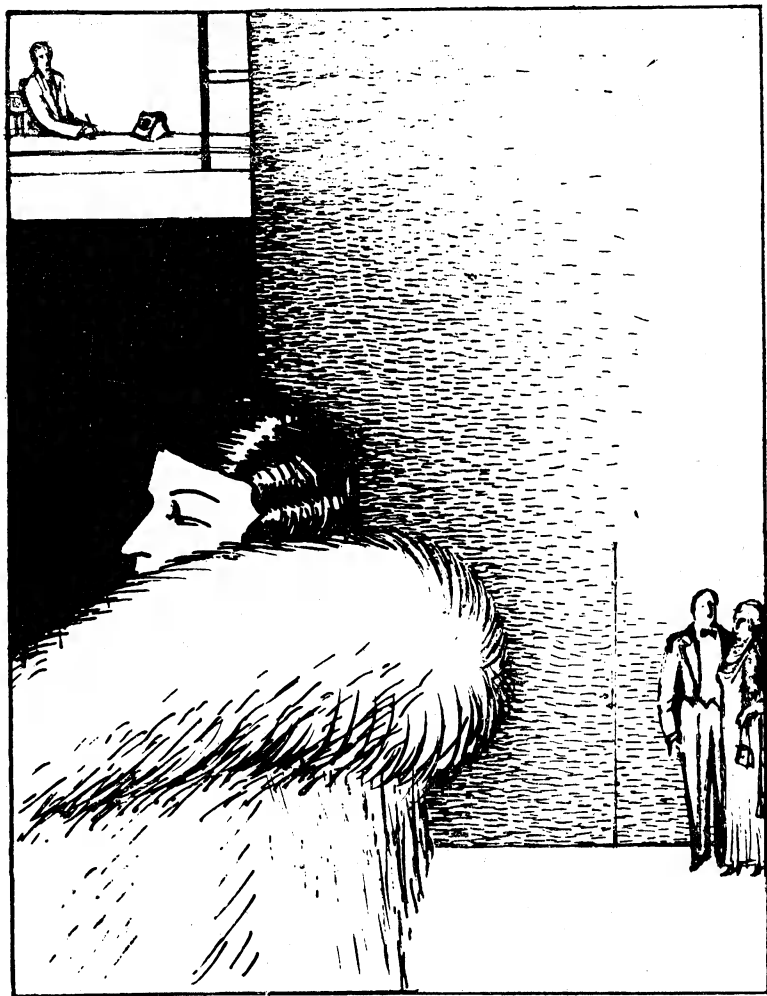
Элис (*поднимая глаза на стену*). Таких, как этот?

Д ж о. Да, таких, как наш город. Где не люди — для машин и денег, а машины и деньги — для людей. Где нет зависти, жадности, ненависти, где исчезли навсегда нужда, и болезни, и страх, где не услышишь ни звона кандалов, ни свиста кнута. Где люди из темных нор вышли на солнце. И никогда никто больше не закроет его от них. Они наконец свободны. Много лет назад старик Уитмен сказал: «Во сне я грезил... И видел город, которого не одолеть врагам со всего мира. Мне снилось, что это новый город Дружбы».

Э л и с. Идем, Джо, нам пора в путь...

Уходят. Вновь слышатся фанфары, медленно гаснет свет.

З а н а в е с

THE GOLDEN FLEECE

A Comedy

1944

"Золотое руно"

Комедия

Перевод В. Ашкенази и С. Майзельс

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке появления на сцене)

МИСС УИКС.

ДЖОРДЖ ПРИТЧЕТ.

ЭЛСИ.

МОНДОВИ.

ЛЕДИ ЛЕДМИЛЛ.

МИСС СЕЛЛ.

ТЭГГ.

МИССИС ТЭГГ.

СЭР РУФУС ГАРНЕТТ.

ЛЕДИ ГАРНЕТТ.

УИЛЬЯМ ЛОТЛЕСС (УИЛЛ).

МОЛЛИ КАДДЕН.

АЛЕК РОТБЕРИ.

ВЕРОНИКА ФРЕНШЕМ.

ДОКТОР ПЛАМУЭЗЕР.

ПЕРКИНС.

ЛОРД ФЛИТФИЛД.

Действие первое — ранняя осень, вечер.

*Действие второе — две недели спустя,
вечер.*

*Действие третье — пять дней спустя,
после полудня.*

*Действие происходит в вестибюле-гостиной
отеля «Золотое руно»
в Челтингейт-Спа, английском
курортном городке.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вестибюль-гостиная отеля «Золотое руно» в курортном городке Челтингейт-Спа. Пространство сцены имеет форму полукруга или полуовала. Справа (если смотреть со сцены) — небольшая дверь, ведущая в комнату отдыха или комнату для игры в карты. Затем по той же стене — парадный вход в отель (большая двустворчатая дверь в широком дверном проеме). По центру в глубине сцены — конторка портье с регистрационными книгами, ящичками для писем, телефонами и т. п. Слева, недалеко от конторки, дверь, ведущая в служебную часть отеля; ею пользуется только персонал, и далее она именуется «служебный вход». В центре по левой стене дверь для постояльцев отеля; она ведет к лифту, лестнице и т. д. и называется «главный вход». Между служебным и главным входами у стены может стоять низкий столик с диванчиком и парой маленьких стульев; другой такой столик стоит у стены между главным входом и просцениумом. Еще один низкий столик со стульями — в середине сцены, чуть левее центра. На стене возле конторки портье — обычные афиши, сообщающие о кинофильмах, спектаклях, лекциях, концертах и т. д., а также расписание времени питья минеральной воды. Все вместе производит впечатление строгого комфорта, поэтому декорации должны быть не слишком современными, но и не фарсово-викторианскими.

В момент поднятия занавеса сцена освещена. Поздний вечер. М и с с У и к с, портье, женщина лет тридцати, в

черном, подтянутая и не лишенная привлекательности, стоит за конторкой, заканчивая работу. С гостями она преувеличенно любезна, с прочими — гораздо более суха и деловита. Джордж Причтет, угрюмый официант средних лет, слоняется по вестибюлю в ожидании последних двух-трех заказов, которыми закончится его рабочий день; пока что он вытряхивает пепельницу, смазывает пыль и т. д.

Мисс Уикс (*негромко*). И три... двенадцать и шесть... пятнадцать и шесть... одиннадцать и шесть... двадцать семь шиллингов... один фунт семь... тринадцать и девять... два фунта девять пенсов... четыре шиллинга... два фунта четыре и девять... два... четыре — девять... (*Заглядывает в грессбух.*) Пять и семь... семь и девять один и четыре... шесть и четырежды десять... два... десять... четыре. Три, восемь, два. Итого пять... восемнадцать... шесть. Вы сказали... (*Записывает результат и задумчиво смотрит в сторону Джорджа, который воспринимает этот взгляд как предложение продолжить прерванный разговор.*)

Джордж (*уныло*). Да, двести фунтов, всего-навсего. Так сказать, двадцать пятерок и десять десятков. Больше они не запрашивали, но мне неоткуда было их взять. А то знаете, где бы я был сейчас...

Мисс Уикс (*продолжая считать*). Пять... восемнадцать... шесть. И где бы вы сейчас были?

Джордж (*с горечью*). В Престон-Пэнс, и имел бы отличное собственное дело.

Мисс Уикс. Восемь... девять... пять. Девять... пять... одиннадцать.

Джордж. Да, вот еще что...

Мисс Уикс (*прерывая*). Одну секунду. Пять... и одиннадцать... десять, два и восемь... пятнадцать и четыре... десять... восемнадцать. Так. (*Теперь она вся внимание.*) Что ж, не вы первый, не вы последний. Если бы каждый получал свое, у меня было бы пять тысяч фунтов — не мень-

ше! — и третья часть в оптовой торговле мясом в Мейл-бурне. Так всегда говорит моя мать. Но ее брат, мой дядя Фред — это были его деньги и торговля — перед смертью лишился памяти... Только адвокаты сказали, что этого нам никогда не доказать. Так что сами видите.

Джордж (*с горечью*). Меня не надо убеждать. Я и так знаю. Главное — везение! Если вам рассказать хоть половину того, что я пережил, вы просто обзовете меня вруном.

Телефонный звонок.

Мисс Уикс (*в трубку*). Отель «Золотое руно». (*Подчеркнуто любезно.*) Кто, простите? Я не совсем расслышала... Да, что-то с телефоном... А-а, миссис Гор... Да? В субботу? Да, конечно, миссис Гор... Вы сказали — первый этаж, миссис Гор? Да, я тоже так думаю. Я уверена, что это можно будет устроить. Да, конечно, миссис Гор... Значит, в субботу, миссис Гор... (*Кладет трубку. Обычным тоном.*) Какая-то миссис Гор.

Джордж. Да, она у нас останавливалась, эта миссис Гор. (*Довольный собой.*) А вы даже не запомнили. Она у нас уже бывала. Так что можете вызывать оркестр.

Все это не производит никакого впечатления.

Не смейтесь.

Мисс Уикс. И не собираюсь. Чтобы заставить меня смеяться в такой час, нужно что-нибудь повеселее. (*Зевает, потом лениво начинает наводить порядок на конторке.*)

Джордж заглядывает в дверь комнаты для игры в карты и тут же возвращается.

Гм!

Джордж (*понижив голос*). Все еще играют.

Мисс Уикс. А кто играет-то?

Джордж (*так же*). Сэр Как-его-там-зовут — Гарнетт с женой и другая парочка — у него такие грубые манеры...

Мисс Уикс. Мистер Тэгг?

Джордж. Вот-вот. Невысокого полета птица.

Мисс Уикс. Но у них куча денег.

Джордж *(с отчаянием)*. Ну, скажу я вам! Поражаюсь, откуда такие люди их добывают. Везет же!

Элси, молоденькая горничная с грелкой в руках, выглядывает из служебной двери.

Элси *(торопливо, шепотом)*. Мисс Уикс!

Мисс Уикс. Да?

Элси. Молли здесь?

Мисс Уикс. Не видела. Она должна быть только к одиннадцати.

Элси. Знаю... но номер восемнадцатый ее спрашивает... Та старая дура. По-моему, она хочет, чтобы Молли спела ей колыбельную.

Джордж. Это еще зачем? Спойте лучше мне.

Элси *(надменно)*. Пожалуйста, без фамильярностей, мистер Притчет. *(Мисс Уикс.)* Скажите Молли, когда она придет. Номер восемнадцатый — сигнал SOS. *(Быстро исчезает.)*

Снаружи слышно, что подъехал большой автомобиль. Мисс Уикс и Джордж смотрят в сторону парадного входа.

Джордж *(подходит к двери и выглядывает; шепотом)*. Не волнуйтесь, все те же. Похоже, старуха Ледмилл. *(Становится у двери.)*

Через служебную дверь входит Мондови, управляющий. Это итальянец средних лет, одет с подчеркнутой строгостью — на нем визитка или смокинг. В руках несколько писем, которые он бросает на конторку. Говорит с сильным акцентом.

Мондови *(с важностью)*. Во вторник... второй этаж... номера двадцать восемь и двадцать восемь «А»... для мистера и миссис Бакстер из Бирмингем. Постояльцы отличный. Очень богатый. Достойный люди.

Мисс Уикс (*снова подчеркнуто вежливо*). Слушаю, мистер Мондови. Тут еще миссис Гор звонила, просит свои обычные комнаты на первом этаже с субботы на следующие две недели. Я сказала, что все будет в порядке.

Мондови. Ну конечно. Мы хорошо знаем миссис Гор. Всегда тратит много денег. Достойный люди... Очень богатый. Вполне достойный.

Снаружи раздаются голоса.

(Кидает в ту сторону начальственный взгляд.) А это кто?

Мисс Уикс. Я полагаю — леди Ледмилл.

Мондови делает несколько шагов вперед, готовый улыбнуться и потереть руки. С помощью Джорджа входит леди Ледмилл в сопровождении своей компаньонки мисс Селл. Выход очень торжественный. Леди Ледмилл — располневшая пожилая женщина с глазами навывкате, роскошно одетая и чудовищно уродливая. Говорит с одышкой, громким и хриплым голосом. Обе они закутаны чуть не до носа, хотя всего лишь ездили обедать.

Мондови (*кланяясь и улыбаясь*). Добрый вечер, леди Ледмилл! Сегодняшний вечер вы провели вдали от нас. Довольны вы, э?

Леди Ледмилл. Нет, Мондови, не слишком. Должна сказать, у них там очень скверно кормят. Телятина была даже хуже, чем у вас.

Мондови. Я специально говорить повар об этой телятине, леди Ледмилл. Мне очень жаль, что вы недовольны сегодняшним вечером.

Леди Ледмилл. Потом нас повели на лекцию о каких-то заморских странах. О чем, мисс Селл?

Мисс Селл (*робко*). По-моему, о побережье Адриатики.

Мондови (*воплощение заинтересованности и восторга*). Да-да, я хорошо его знаю. Очень красиво. Спалато... Рагуза...

Леди Ледмилл (*безжалостно перебивая*). Ну, знаете. Я почти ничего не поняла. А слайды были какие-то странные.

Некоторые вообще не имели отношения к тому, о чем шла речь. Один раз я точно узнала Маркет-харборо, в другой раз — Бери-Сент-Эдмундс. А полковник еще говорит, что я продремала всю лекцию. Разве я могла бы узнать Бери-Сент-Эдмундс, если бы дремала? А, мисс Селл?

Мисс Селл (*робко*). Я подумала...

Леди Ледмилл (*решительно*). Вздор, вы вообще не думаете. Вы сказали Хорроксу, чтобы машина была подана к одиннадцати утра?

Мисс Селл. Да, леди Ледмилл.

Леди Ледмилл (*мисс Уикс*). Где мои письма?

Мисс Уикс. К сожалению, сегодня ничего нет, леди Ледмилл.

Леди Ледмилл. Вы уверены?

Мондови (*суетливо*). Сейчас же проверьте, есть ли письма для леди Ледмилл.

Мисс Уикс (*посмотрев еще раз, извиняющимся тоном*). Нет, сегодня нет.

Мондови. Страшно сожалел... сегодня нет.

Леди Ледмилл (*сурово*). Странно работает ваша почта.

Мисс Селл (*робко*). Да. Мое письмо...

Леди Ледмилл (*резко*). Спокойной ночи.

Мисс Селл (*покорным эхом*). Спокойной ночи.

Мисс Уикс (*горячо*). Спокойной ночи, леди Ледмилл. Спокойной ночи.

Мондови подходит к главной двери, открывает ее, кланяясь и улыбаясь, и л е д и Л е д м и л л проплывает мимо него, за ней — м и с с С е л л.

Мондови. Спокойной ночь, ваша светлость. Спокойной ночь. Очень вам благодарен. Спокойной ночь!

Джордж и мисс Уикс с отвращением переглядываются. Мондови возвращается и замечает это. Оба смотрят на него, он смотрит на них.

Мондови (хочет сказать что-то резкое, но решает смолчать; многозначительно пожимает плечами и закрывает глаза).
Я иди спать. (*Выходит в служебную дверь.*)

Джордж (с ядовитым выражением лица подходит к мисс Уикс; зло передразнивая). Достойный люди! Очень богатый!

Чтобы показать, как она к этому относится, мисс Уикс с шумом захлопывает свой грессбук и продолжает наводить порядок на конторке. Джордж зевает, стряхивает со стола пепел. Из комнаты для игры в карты выходят мистер Тэгг, сельский житель с Севера, грубоватый человек лет пятидесяти пяти; миссис Тэгг, простая женщина, двумя годами моложе; леди Гарнетт, тех же лет, но более самоуверенная и светская, и сэр Руфус Гарнетт, худощавый, беспокойный человек. Мужчины в смокингах, женщины одеты богато, но безвкусно.

Миссис Тэгг (*продолжая расчеты после бриджа*). Кажется, мы все подсчитали? С меня пятнадцать и шесть...

Леди Гарнетт. Нет, восемнадцать, если вы помните. Так что мне причитается еще полкроны.

Миссис Тэгг. Ну, тогда я рассчитаюсь с вами утром... а может быть, у тебя есть полкроны, папочка?

Тэгг протягивает леди Гарнетт полкроны.

Сэр Руфус. Хорошая была игра.

Миссис Тэгг (*с надеждой*). По-моему, тоже, сэр Руфус.

А тебе понравилось, папочка?

Тэгг (*уничтожающе*). Нет, не понравилось.

Леди Гарнетт. Ну, полно вам, мистер Тэгг...

Тэгг (*тем же тоном*). Я вас не осуждаю. Но я получаю удовольствие от бриджа, когда играю с людьми, которые поддерживают мою масть и не берегут своих тузов, словно собираются лечь с ними спать. (*Бросает взгляд на жену.*)

Сэр Руфус. Ну, ладно, что там махать кулаками после драки. Я выиграл и предлагаю всем выпить.

Миссис Тэгг. Благодарю вас, сэр Руфус, но... не могу.

Я должна спать, потому что к восьми часам мне надо быть у источника — я каждое утро пью воду.

Леди Гарнетт. Всем нам пора спать. Так что не задерживайся, Руфус.

Сэр Руфус. Нет, дорогая, только одну — на сон грядущий. А вы, Тэгг? *(Нетерпеливо переминается.)*

Женщины выходят через главную дверь. Мисс Уикс уже ушла. Джордж, озабоченный предстоящим последним заказом, не дает себе труда открыть им дверь и кругами ходит около мужчин, присевших за один из столиков.

Ну, что вам заказать? Ваше слово.

Тэгг *(грубовато)*. Мне — двойной виски и маленькую «Полли».

Сэр Руфус. Мне то же самое, официант.

Джордж *(быстро)*. Два двойных и две «Полли», благодарю вас, сэр. *(Уходит в служебную дверь.)*

Сэр Руфус. Люблю бридж.

Тэгг. Я тоже, когда играют как следует. Но моя жена не желает учиться. Так вот, насчет Фоссета. Он берет да выкладывает шестнадцать тысяч из собственного кармана.

Сэр Руфус. Изрядная сумма.

Тэгг. Ну, Фоссет стоит тысяч двести — хотя самому ему грош цена. Что ему шестнадцать тысяч? В общем, он их выложил не раздумывая — и в результате получил контрольный пакет акций.

Сэр Руфус. Как, всего за шестнадцать тысяч?

Тэгг. Да, но вы взгляните, как они повернули все дело. Очень умно! Фоссет вообще голова. Правда, на нем это не написано, но ведь и на многих других — тоже, а все-таки мы способны кое-кого заставить врасплох. *(Умолкает, заметив возвращающихся миссис Тэгг и леди Гарнетт.)*

Леди Гарнетт. Руфус!

Тэгг. Ну, в чем дело?

Леди Гарнетт. Там некому нас поднять. В лифте никого нет.

Миссис Тэгг. Я сказала, что могу подняться пешком, но леди Гарнетт требует лифт.

Тэгг. А почему бы и нет? Мы же платим за лифт — пусть он и возит, когда нам нужно.

Сэр Руфус. Совершенно верно. Это просто чья-то халатность. Они вообще здесь очень халатны, должен сказать.

Входит Джордж с подносом.

А, официант. Вы знаете, в лифте никого нет. Дамы вынуждены ждать. Нехорошо.

Тэгг. Кое-кому из вас неплохо бы пошевелиться.

Джордж. Очень сожалею, сэр, наверное, лифтер сегодня выходной. Я скажу ночному портье. Это он не проследил. *(Поспешно выходит через служебную дверь.)*

Сэр Руфус. Дорогая, ты действительно ничего не хочешь?

Леди Гарнетт *(строго)*. Нет, и, если бы у тебя была капля здравого смысла, ты бы тоже не стал пить в такой поздний час.

Тэгг *(медленно)*. А я люблю пропустить рюмочку перед сном.

Миссис Тэгг *(гордо)*. И всегда любил, правда, папочка? *(Леди Гарнетт.)* Всегда любил.

Тэгг. Это полезно для моего желудка. *(Леди Гарнетт, которая морщится.)* И для вашего — тоже. Я случайно слышал, как вы жаловались моей жене.

Леди Гарнетт закрывает глаза. Поспешно возвращается Джордж.

Джордж *(торопливо)*. Он сейчас придет.

Миссис Тэгг *(заискивающе, Джорджу)*. Очень вам благодарна. *(Выходит следом за величественно плывущей леди Гарнетт.)*

Мужчины теперь заняты своей выпивкой. Джордж подходит ближе.

Тэгг. Ну, бывайте... *(Пьет.)*

Сэр Руфус. Ваше здоровье! *(Пьет.)*

Тэгг. Да... некоторые из нас умнее, чем кажутся, особенно когда дело коснется денег. У нас на бирже есть ребята... взглянешь на такого, думается, у него ни шиллинга за душой... Но смотрите, не ошибитесь — некоторые из них запросто выпишут вам чек на четверть миллиона...

Джордж *(сэру Руфусу)*. Прошу прощения, сэр, вы больше ничего не будете заказывать?

Сэр Руфус *(решительно)*. С какой стати?

Джордж. Понимаете, сэр, я сейчас кончаю, так что если вы не будете больше ничего брать, то, может быть, пожелаете расплатиться, пока я не ушел.

Сэр Руфус *(кладя на поднос шестипенсовик)*. Пожалуйста.

Джордж. Спасибо, сэр. Спокойной ночи, джентльмены. *(Уходит в служебную дверь.)*

Сэр Руфус *(глядя ему вслед)*. Что-то он слишком берет за горло, как вы полагаете? Давай, плати поживей, да и все тут, а?

Тэгг. Задать бы им хорошую взбучку — все было бы по-другому. Это старухи их распустили. Моя половина тоже не лучше. Твержу ей: «Мы платим деньги. Так? Значит, за свои деньги надо получать то, что тебе причитается. В том числе и любезное обхождение». Твержу ей, твержу, но все как об стенку горох. Больно она мягкотелая.

Через главную дверь входит Уильям Лотлесс, ночной портье. Это седой, чисто выбритый человек средних лет с умным, веселым лицом. Одет в гостиничную униформу.

Уилл *(мягко)*. Добрый вечер, джентльмены. Сегодня опять что-то тихо, не правда ли? *(Кивает, улыбается и проходит мимо.)*

Сэр Руфус. Эй, постойте!

Уилл останавливается и оборачивается.

Вы ведь ночной портье, да?

У и л л. *(приветливо)*. Да, сэр. Меня зовут Уильям Лотлесс, и я здесь работаю ночным портье уже — ого! — уже около трех лет. Чем могу служить, сэр?

Тэ г г. Это вы должны управлять лифтом, когда дневной лифтер уходит?

Сэр Ру ф у с. Об этом и я хотел спросить.

У и л л. Да, это одна из моих обязанностей. Одна из многих. Я еще подаю спиртные напитки, открываю дверь, отвечаю на телефонные звонки, передаю распоряжения на утро...

Тэ г г. Хорошо. Хорошо. Все это нам ни к чему. Мы желаем знать другое: почему вас не было в лифте, когда леди Гарнетт и моя жена ожидали там несколько минут назад?

У и л л. *(доверительно)*. Очень сожалею. Но я объясню, как это вышло. Лифтер кончает в одиннадцать вечера. По часам, которые висят там, — а те часы всегда на пять минут обгоняют те, что висят здесь. И беда в том, что каждый из нас верит только своим.

Сэр Ру ф у с. Едва ли это причина для того, чтобы заставлять гостей ждать.

У и л л. Вы правы, сэр, я сразу сдаюсь и не спорю: вы правы. Если б я знал, что дамы ждут, я был бы тут как тут. Я всегда прилетаю, когда знаю, что меня ждут, но, видите ли, Джордж, официант, мне не сказал.

Тэ г г. А ему-то что?

У и л л. Тут, как и всюду, все взаимосвязано. Когда я заступаю на дежурство, Джордж свою работу заканчивает, и если кто-то заказывает выпивку, то подаю я. Но вы уже только что заказали и, конечно, дали ему за труды...

Сэр Ру ф у с. Да, должен признаться, дал.

У и л л. Ну, вот. Джордж дожидался своих чаевых, поэтому, пока вы не заказали, он не сказал мне, что я могу заступать. Я его не осуждаю. Это вполне естественно. Я просто объясняю. Вообще гостиничный бизнес — интересная штука.

Тэ г г. Интересная или нет, но вы, видно, много могли бы о нем порассказать.

У и л л *(спокойно)*. Нет, сэр. Я совсем не это имел в виду. Я умею держать язык за зубами. *(С достоинством направляется к конторке, надевает очки, просматривает регистрационную книгу и т. д.)*

Сэр Руфус и Тэгг смотрят на него, потом с некоторой неловкостью — друг на друга и выпивают.

С э р Р у ф у с *(после паузы)*. Так вы говорили... э-э...

Т э г г *(скривив рот, недовольно)*. Я говорил, что, на мой взгляд, тут слишком много бесстыжих нахалов.

С э р Р у ф у с *(так же недовольно)*. Надо утром поговорить с управляющим. У меня есть здесь кое-какие связи — я хорошо знаю Глисона, директора синдиката, в который входят местные отели. Я просто... э-э... *(Оглядывается, видит, что Уилл спокойно смотрит в их сторону, и замолкает.)*

Т э г г. Что?

С э р Р у ф у с. Ну, пора и на покой, а? *(Допивает.)*

Т э г г *(вставая)*. Я готов. *(Кричит в сторону конторки.)* Лифт!

Уилл подходит к ним.

С э р Р у ф у с. По-моему, восточные африканцы набирают силу. Они сегодня на подъеме. Может быть, уже поздно продавать их?

Оба идут к выходу в сопровождении Уилла.

Т э г г. Да нет. Они у меня давным-давно, и пока расставаться с ними не собираюсь.

Оба выходят; У и л л следует за ними, злорадно усмехаясь. После короткой паузы звонит телефон на конторке. Снять трубку некому, и он продолжает звонить. Через служебную дверь входит М о л л и К а д д е н, цветущая, хорошенькая, добродушная женщина в форме горничной. Она несет завернутую в полотенце грелку и небольшой поднос, на котором стоит чашка с чем-то горячим. В нерешительности смотрит на телефон, ставит поднос, снимает трубку и, видя, что никто не появляется, неуверенно отвечает.

Молли. Отель «Золотое руно»... Миссис Фергюсон? О, ей гораздо лучше... А я Молли Кадден, ночная горничная, я только что была наверху... Миссис Фергюсон сказала мне, чтобы я зашла к ней на всякий случай... И я заглянула, а она спит так сладко... Да, ей наверняка лучше... Да-да, она говорила о вас... и о своем внучке. Как он?.. О, как хорошо! Спокойной ночи. *(Кладет трубку.)*

Входит Уилл.

Уилл. Добрый вечер, Молли.

Молли. Добрый вечер, Уилл. Хорошо, что я оказалась тут. Звонила дочка миссис Фергюсон узнать, как ее самочувствие. А что это вас так развеселило, мистер Лотлесс?

Уилл. Да этот грубиян... Рэг или Тэгг, как его там... я сейчас вез их в лифте, а перед этим они мне буквально велели заткнуться. Так вот, этот Рэг или Тэгг очень доволен собой, потому что у него куча восточных африканцев...

Молли. «Восточных африканцев»? Черных?

Уилл. Нет, акций. И хотя они идут на повышение, он говорит, что будет держать их и не выпустит из рук. Он умен, этот тип, — умен и не собирается их продавать.

Молли. Ну и что же тут смешного?

Уилл *(улыбнувшись)*. А то, что скоро начнется падение курса и его восточные африканцы не будут стоять даже тех денег, за которые он их купил. Ну и трудно было удержаться от улыбки, когда он рассказывал, какой он умник.

Молли *(смотрит на него)*. Знаете, мистер Лотлесс, не пойму я, что вы за человек.

Уилл. Так и должно быть, миссис Кадден. *(Указывая на себя.)* Не человек, а сплошная тайна.

Молли *(оставив это без внимания, серьезно)*. Откуда вы знаете про эти акции и всякое такое? Кто вам рассказывает?

Уилл. Никто мне не рассказывает. Я сам вычисляю. Здесь, по ночам у меня много свободного времени, и я читаю все финансовые сводки в газетах и... словом, я сам все вычисляю. Иногда, конечно, ошибаюсь, да иначе и быть не мо-

жет... Иногда случается сильно проигрывать, как на позапрошлой неделе, — меня тогда здорово потрянуло, когда упали цены на «Золотой Берег»... и я потерял около ста пятидесяти тысяч фунтов...

Молли (*пораженная*). О чем вы говорите?

Уилл. О, это просто игра, в которую я играю сам с собой, следя за рынком. Вот, смотрите... (*Достает записную книжку и показывает.*)

Молли (*смотрит*). Для меня это китайская грамота.

Уилл (*показывает*). Ну а на прошлой неделе я заработал около полумиллиона — видите?

Молли. Ничего я не вижу.

Уилл (*показывает ей*). Вот здесь, все подсчитано абсолютно точно.

Молли (*взглянув на него*). Занятный вы человек, мистер Лотлесс. Я хочу сказать — ведь все это просто так, понарошку, правда?

Уилл (*печально*). Конечно, это все только в воображении. Просто для забавы. Я дал себе слово, что отныне буду заниматься этим только так.

Молли (*быстро*). А почему вы дали слово... и когда?

Уилл (*предостерегающе подняв палец*). Ну! Я уже говорил вам, Молли Кадден, — вы слишком любопытны.

Молли, оскорбленная, отворачивается.

Не обижайтесь. Мы делаем свое дело — вы наверху, я здесь, внизу, — и мы ведь друзья?

Молли (*просто*). Да, мистер Лотлесс. Вы очень славный человек, я в первый раз с таким работаю... и вы очень умный, не то что обычные ночные портье. Но когда вы так себя ведете, мне трудно сдерживать любопытство.

Уилл. Вполне естественно, Молли.

Молли (*указывая на поднос*). О, боже мой! Посмотрите. Номер восемнадцатый-то ждет. (*Берет поднос и собирается идти.*) Да, мистер Лотлесс.

Уилл (*прибирая на маленьком столике*). Что, Молли?

М о л л и (торопливо, но выразительно). Помните, я говорила вам про бумаги, которые мне прислал дядя... ну, тот, который скоропостижно умер на позапрошлой неделе... так я их захватила с собой, чтобы вы на них взглянули. Вы обещали посмотреть.

У и л л. Ладно. Где они?

М о л л и. Я сейчас за ними схожу, только отнесу это в восемнадцатый да посмотрю, не нужно ли чего двадцать четвертому. Я быстро. (Торопливо выходит с подносом через главную дверь.)

У и л л уносит стаканы и прочее в служебную дверь и возвращается с несколькими газетами. Идет за конторку и собирается читать. Меняет освещение — теперь свет падает только на конторку и на один из столиков. Тихо напевает или насвистывает. С улицы входят В е р о н и к а Ф р е н ш е м и доктор А л е к Р о т б е р и. Она — очень красивая девушка лет двадцати восьми, великолепно одетая, в черном туалете — сама утонченность. Ему лет тридцать, он высок, умен и слегка неуклюж; одет в поношенный смокинг. Они встречались всего раза три-четыре, но он явно влюблен, и она знает это, но не принимает слишком всерьез.

У и л л (выходя вперед). Добрый вечер, мисс. Добрый вечер, доктор.

А л е к. Добрый вечер, Уильям. Для меня есть что-нибудь?

У и л л. Нет, сэр.

А л е к. Отлично! Мисс Френшем, не хотите ли выпить?

В е р о н и к а (нерешительно). Сама не знаю. Я утром собиралась...

А л е к (настойчиво). Тем больше оснований.

В е р о н и к а (улыбаясь). Ну хорошо.

Идут к освещенному столику. Уилл подходит к ним.

Мне, пожалуй, джин с лимоном.

А л е к. Джин с лимоном, Уильям. А я выпью пива.

Уилл. Один джин с лимоном, одно пиво. *(Выходит в служебную дверь.)*

Вероника и Алек закуривают.

Вероника *(полушутя)*. По-моему, танцы в «Гранд-отеле» в среду были ничуть не лучше, чем здесь, в «Золотом руне», в пятницу?

Алек *(мрачно)*. Да. Но я надеялся, что они будут лучше — ради вас.

Вероника. Почему — ради меня?

Алек. Я обычно не хожу на такие вечера. И предложил пойти, чтобы иметь возможность снова с вами поговорить... и посмотреть на вас.

Вероника *(после короткой паузы)*. Продолжайте.

Алек. Продолжать? Я уже все сказал.

Вероника. И больше комплиментов не будет?

Алек. А они вам так необходимы, комплименты?

Вероника. Вовсе нет. Я терпеть не могу комплиментов, особенно от тех, кто любит их делать.

Алек. Ко мне это не относится.

Вероника. Знаю. Ваши комплименты потому и забавны, что говорить их явно не в вашем характере. Вы из тех молодых врачей, которым нравится быть грубо-откровенными... или просто грубыми. Я даже слышала, как одна старая дама жаловалась на вас... по-моему, это была леди Ледмилл. Она сказала, что, когда ваш старший коллега вернется, она предупредит его в отношении вас.

Алек *(ядовито)*. «Старший коллега»? Вы мне льстите! Старый Пламуэзер — мой босс, который платит мне жалованье. И живу я в этом отеле только потому, что Пламуэзер остановился здесь и ведет прием, а мне поставили кровать в маленькой комнате, примыкающей к его кабинету. Самому мне «Золотое руно» не по карману.

Вероника. А что вы сказали этой несчастной старушке леди Ледмилл?

А л е к. Она стала жаловаться на бессонницу, а я сказал, что не надо так переедать.

Вероника смеется.

Что тут смешного! Это противно. Старуха набивает себе живот, как рождественской индюшке. В половине девятого — чай с бутербродами. В половине десятого — настоящий завтрак, в половине двенадцатого — кофе и кусок-другой торта. В половине второго — ленч из трех-четырёх блюд. В половине пятого она набрасывается на тосты, сандвичи и торт. В половине девятого — обед из шести блюд. В половине одиннадцатого...

Появляется У и л л с подносом.

У и л л (*ставя поднос на столик*). Джин с лимоном. Пиво.

А л е к. Спасибо. Я потом с вами рассчитаюсь, Уильям.

У и л л. Конечно, сэр. (*Возвращается за конторку и закрывается газетой.*)

Вероника и Алек пьют.

В е р о н и к а. Ну, пусть глупая старуха объедается, зачем же было ей грубить? Какая, в конце концов, разница?

А л е к. Никакой, если бы она была одна, но их тысячи и тысячи... старых фаршированных лягушек... крокодилов... динозавров. Вся страна наводнена ими. Они не делают ничего хорошего ни другим, ни даже самим себе и только требуют целыми днями, чтобы им прислуживали, потому что у них есть деньги. Живые прислуживают полумертвым — и это по всей стране.

В е р о н и к а. Странное высказывание для эскулапа. А сами-то вы разве не из тех же живых, которые прислуживают полумертвым?

А л е к. Я говорю не о больных. Я говорю о людях, у которых есть только деньги, аппетит да предвзятые мнения — и больше ничего. Их всюду полным-полно, и никто из нас не может

заняться стоящим делом, потому что они без конца требуют наших услуг.

Вероника. Никто вас не заставляет оказывать им эти услуги. Алек (*с горечью*). Ах, дорогая Вероника...

Вероника (*холодно*). Я вам не «дорогая Вероника», доктор Ротбери.

Алек (*прежним тоном*). Я знаю, но, к несчастью для моего душевного спокойствия, я всю последнюю неделю воображал, что это не так.

Вероника. И ни разу мне не сказали! Почему?

Алек (*сквозь зубы*). Потому что я был настолько глуп, чтобы позволить себе... как вы, люди вашего круга, это называете?

Вероника. А мы, люди нашего круга, называем это повсякому.

Алек. Зачем так грубо! Подумайте о том, что если для вас это ерунда, то для меня все очень серьезно.

Вероника (*резко*). Подождите. (*С обольстительной улыбкой.*) Посмотрите на меня.

Алек (*с глубоким вздохом*). Я не хочу на вас смотреть! (*Но смотрит.*) Я знаю. Вы прекрасны. Согласен.

Вероника. Зачем так неохотно! Разве вам не нравится то, что вы видите?

Алек (*бормочет*). Нравится... к несчастью!

Вероника (*спокойно*). Знаете, ведь все это — только деньги. Моя одежда стоит денег, и уверяю вас — я бы не выглядела так в старых тряпках. Фигура, руки, волосы, лицо тоже стоят денег. Выглядеть по-настоящему привлекательной стоит очень дорого и требует полного рабочего дня.

Алек (*убито*). Ладно, ваша взяла. Только не воображайте, что я этого не понимаю. Всю последнюю неделю я только о том и думал, причем без всякого удовольствия.

Звонит телефон.

Уилл (*снимает трубку, затем зовет*). Доктор, вам звонят из больницы.

Алек. Спасибо. (*Веронике.*) Одну минуту. (*Идет к телефону.*)

Она наблюдает за ним с легкой улыбкой.

Да, доктор Ротбери слушает... Понятно... Да, сейчас приеду. *(Кладет трубку.)*

Вероника встает.

(Веронике.) Прошу прощения, но я должен ехать в больницу. Надеюсь, что это ненадолго — на случай если вы желаете подождать.

Вероника. Очень поздно. А я в девять пятнадцать еду в город. Так что должна с вами попрощаться... уже сейчас.

Алек *(неловко)*. Да... ну...

Вероника *(улыбаясь, протягивает ему руку)*. До свидания. И спасибо вам... за...

Алек *(ядовито)*. За попытку развлечь вас, да?

Вероника *(холодно)*. Когда вы станете старше, и ваша работа будет приносить вам больше удовлетворения, и вы перестанете быть таким заносчивым и агрессивным, — тогда...

Алек *(грубо)*. Я стану похожим на домашнюю болонку. *(Смотрит на нее.)* Что ж, до свидания. И лучше бы ноги вашей никогда здесь не было.

Вероника *(подойдя чуть ближе и вызывая улыбку)*. Да? Почему?

Алек *(свирепо)*. Ладно, вы сами напросились. *(Грубо хватая ее и крепко целует.)* До свидания.

Вероника *(холодно)*. Очень глупо.

Алек *(торопливо)*. Я знаю. Я глуп. До свидания. *(Выбегает.)*

Она смотрит ему вслед, потом медленно и задумчиво берет сумку со стола. Через главную дверь входит Молли.

Молли *(весело)*. Добрый вечер, мисс. А я слышала, что вы уехали.

Вероника *(любезно)*. Нет, я уезжаю утром. А вы на этой неделе не по утрам?

Молли. Нет, мисс. Наоборот, по ночам. Меня обычно назна-

чают на ночь. Мне-то ничего, а молодые этого терпеть не могут.

Вероника (*доставая из сумки пять шиллингов*). Спасибо, вы были со мной очень милы.

Молли (*принимая чаевые*). Спасибо вам, мисс. Мне было очень приятно, честное слово. И спасибо за туфли. С вами у меня совсем не было хлопот. Так приятно иногда иметь дело с человеком молодым и красивым, у которого есть здоровье и сила — все при нем. Надеюсь, вы к нам еще приедете.

Вероника (*с улыбкой*). Едва ли. Челтингейт не совсем в моем вкусе.

Молли (*серьезно*). Да, я знаю, он малость скучноват... и... как бы это сказать... уж очень любит толстосумов... а все же тут иногда славно бывает. Вот если я днем не работаю, я люблю посидеть в саду, когда музыка играет... а если солнышко светит, да цветы цветут, да птички вокруг тебя порхают — красиво, прямо как на картинке, и сидишь точно во сне, понимаете, и... ну ничего лучше тебе не надо.

Вероника. Чудесно! Спокойной ночи, Молли. (*После паузы, нерешительно.*) Вы знаете доктора Ротбери?

Молли. Да вроде бы знаю. Он ведь тут живет. И знаете, не нравится ему. Хочет выбраться отсюда. Глуповат, как все молодые, но если его узнать получше, так это замечательный молодой человек — очень добрый и умный при этом. В больнице на него прямо молятся. (*Доверительно, но без фамильярности.*) Мне кажется, он вам и самой приглянулся, а?

Вероника. Боже мой... ничего подобного. Наоборот, он меня раздражает.

Молли. Ну и что из того? Если человек вас раздражает, это может просто означать, что он вас интересуется.

Вероника. Может, да, а может, и нет. Ну, спокойной ночи, Молли.

Молли (*открывая дверь*). Спокойной ночи, мисс.

Вероника выходит.

(Возвращается и со своей обычной аккуратностью убирает со стола стаканы и идет к конторке, за которой Уилл по-прежнему скрыт газетой. Ждет, глядя на него с улыбкой и нетерпением.) Я бы не сказала, что вы слишком любезны.

У и л л *(опуская газету)*. Я все объясню.

М о л л и. Никогда не встречала человека, который бы умел это делать лучше вас. А с этим как? Унести? *(Показывает ему стаканы.)*

У и л л *(забирая у нее стаканы)*. Нет... благодарю вас за то, что вы их принесли, миссис Кадден, но они тут еще пригодятся. *(Ставит их вниз и выходит из-за конторки.)* Объясняю. Итак. Я прятался за газетой не потому, что она меня как-то особенно заинтересовала, хотя вижу, что Хэррин и его шайка затевают большую игру с «Хеви индастриелс» и могут заработать насморк...

М о л л и. Не хочу больше слушать про акции и рынки. Расскажите, почему вы прятались за газетой.

У и л л. Потому что я старался исчезнуть. Оставался при исполнении служебных обязанностей, разумеется, но в то же время вроде бы и не был здесь.

М о л л и. Почему?

У и л л. Потому что у красивой молодой особы, которая только что ушла отсюда, была небольшая интимная беседа, проще говоря тет-а-тет, с нашим другом доктором Ротбери.

М о л л и. Ах вот почему она о нем спрашивала! Бьюсь об заклад, вы все слышали за своей газетой! Ну, сознайтесь! Вам не совестно? Что они говорили?

У и л л. Он без ума от нее. Сражен наповал. Конченный человек. Так ей и сказал.

М о л л и *(восхищенно)*. Ну, как славно! Я всегда говорила про доктора Ротбери — пусть только появится подходящая девушка, и вы увидите.

У и л л. Никогда не мог понять, почему вы, женщины, так хотите всех расставить в пары, привязать друг к другу и разложить по постелям, точно вам предстоит управлять целой

31
33 армадой Ноевых ковчегов. Природа и так еле справляется, а тут еще вы ее понукаете.

М о л л и (серьезно). Верно, но посмотрите, сколько счастья это принесит. А я только говорю — попытайте удачи. Потому что я верю в счастье, мистер Лотлесс. Многие не верят — притворяются, что верят, но в глубине души не верят... они против счастья и против тех, кто счастлив. А я — нет. (Пауза.) Ну и что она сказала?

У и л л. Этот случай — не по вашей схеме. Так что не фантазируйте на их счет. Гиблое дело. Опять деньги, понимаете? У него их нет. А у нее — слишком много.

М о л л и. Много? Это для меня новость. И дала мне всего пять шиллингов.

У и л л. Возможно. Но вам уже следовало бы знать: чем они богаче, тем меньше нам дают. А почему? Объясняю.

М о л л и. Не трудитесь. Я думаю о них, бедных молодых дурачках. Если б знала, я бы ей побольше наговорила. Как же ей не стыдно! Такой чудный, умный молодой человек. И это после того, как он сказал, что благословляет землю, по которой она прошла!

У и л л. Он этого не говорил. Так вообще никто не говорит, держу пари — разве что в сентиментальных романах.

М о л л и. Вот вы и снова ошиблись, мистер Умник. Потому что мне это говорили... однажды... давным-давно... когда я была еще девочкой... говорил приятель моего брата. Он сказал, что благословляет землю, по которой я прошла.

У и л л. Должно быть, он был не в своем уме.

М о л л и. Чуть-чуть. Я его как сейчас вижу. У него были очень светлые ресницы. Он был парикмахер, и звали его Сирил. Однако все это не помешало ему потом жениться на вдове, на пятнадцать лет старше себя... у нее были три бакалейные лавки...

Звонок по внутреннему телефону.

У и л л (снимает трубку). Да, мэм... Я скажу ей... (Кладет трубку.) Вот еще одна душа, благословляющая землю, по кото-

рой вы ходите... Номер восемнадцатый... просит новую грелку. Это уже которая?

М о л л и. Четвертая. У бедной старушки бессонница, и она ищет предлог снова рассказать мне о своей дочери в Индии. *(Идет к служебной двери.)*

У и л л. Если бы она поехала вместе с дочерью в Индию, ей не нужно было бы столько грелок. *(Смотрит вслед уходящей Молли.)* А те бумаги вашего дяди, которые вы хотели мне показать? Где они?

М о л л и *(торопливо)*: Они здесь. Я сейчас вам принесу. *(Выбегает.)*

Уилл надевает очки, достает трубку и собирается усесться не за конторкой, а за столиком.

(Возвращается со старой, потрепанной полевой сумкой или чем-то в этом роде.) Ну, вот. По-моему, это мусор... во всяком случае, такой у них вид, но вы все-таки взгляните. А я принесу сюда чаю, когда вернусь.

У и л л *(принимая сумку)*. Прекрасная мысль, Молли. Я все это изучу внимательнейшим образом.

М о л л и выходит в служебную дверь. Уилл усаживается, достает бумаги и собирается с видом бизнесмена погрузиться в их изучение. Но не успевает он взглянуть на первый документ, как возвращается А л е к.

А л е к. Мисс Френшем легла, по-видимому, спать, как только я ушел?

У и л л. Да, доктор.

А л е к *(обращаясь больше к самому себе, чем к Уиллу)*. Я должен написать ей записку.

У и л л *(спокойно)*. Я не стал бы этого делать.

А л е к. Да? Почему?

У и л л. Если они испытывают к вам интерес, они пишут вам сами. А если нет, стоит ли переводить бумагу? К тому же этим вы себя только связываете.

А л е к *(смотрит на него)*. Пожалуй, вы правы, хотя я не вижу

оправдания тому, что вы вмешиваетесь в чужие дела.
У и л л *(спокойно)*. Я сам не нахожу этому оправдания. Удивительно, правда?

А л е к *(продолжая смотреть на него)*. Ну, теперь моя очередь быть нескромным. Подите сюда, Уильям, друг мой. Нет, ближе — вот так. Снимите очки.

Уилл стоит перед ним, ярко освещенный.

(Достает из кармана сложенную половину газетного листа и прикладывает ее к нижней части лица Уильяма таким образом, что теперь он видит одновременно верхнюю часть лица Уильяма и газетную фотографию, на которой изображен бородатый мужчина.) Боже мой, это вы!

Уилл выхватывает газету, бросает на нее быстрый, встревоженный взгляд.

Это чужая. *(Пытается отобрать газету.)*

У и л л *(решительно)*. Неважно чья, назад вы ее не получите.
(Засовывает газету в карман.)

А л е к *(довольно и весело)*. Ну и ну!

У и л л *(спокойно)*. Должен сказать, я этого ожидал.

А л е к. Почему?

У и л л. Потому что на днях видел человека, который служил надзирателем в Мейдстоуне в те времена, когда я был там. Он тоже меня заметил. И узнал.

А л е к. Он уверен, что это вы. Он сам рассказал мне об этом... Его недавно взяли санитаром в больницу... И когда он описал вас, у меня почти не оставалось сомнений, и он отдал мне эту вырезку с фотографией, чтобы я мог сам убедиться.

У и л л. Ясно. Как его фамилия?

А л е к. Роббинс.

У и л л. Это он.

А л е к *(закуривая сигарету)*. Расскажите мне все, Уильям. Или теперь я должен называть вас мистер Блофилд?

У и л л. Имя мое так или иначе Уильям, но я бы предпочел, чтобы

вы не называли фамилию, если собираетесь всем этим по-забавиться. Мне совсем не до забавы, уверяю вас.

А л е к. Ну, полно вам. Я и не думаю. И что мне за дело, что вы побывали в тюрьме. Я всегда считал вас достойным человеком, а остальное меня не касается. Расскажите мне, что все-таки произошло.

У и л л. В шестнадцатом году меня ранило на Сомме, я демобилизовался и нашел себе работу в пароходном агентстве. В следующие четыре года этот пароходный бизнес стал настоящим Монте-Карло, и тут я был на высоте — я прирожденный игрок, доктор, можете мне поверить, — и, когда выскочил оттуда перед самым крахом, у меня уже были деньги, с которыми можно вести игру. В тридцатом году я стоил больше миллиона, на бумаге по крайней мере, но на нас надвигался новый спад, и надо было играть по-крупному. Я рискнул — и проиграл. Речь шла о том, чтобы извлечь из некоторых ценных бумаг большую прибыль, чем это возможно, — нечто среднее между цирковым трюком и мошенничеством. Мне приходилось, конечно, и раньше этим заниматься, но тут я был недостаточно расторопен. Будь я чуть-чуть проворнее — заседал бы в палате лордов, а не работал ночным портье в отеле «Золотое руно».

А л е к. Не так уж много вы потеряли.

У и л л. Наверное, немного. Но я не жалею. А просто вам рассказываю. Я отсидел пять лет в Мейдстоуне. А когда вышел, не стал снова отпускать усы и бороду и сменил фамилию.

А л е к. На то были причины?

У и л л (*ухмыляясь*). Да, потому что когда я вышел, то имел куда меньше, чем до отсидки.

А л е к. А почему вы не припрятали приличную сумму на черный день?

У и л л (*мрачно*). Потому что женился. Да, все тогда говорили: Билл Блофилд удачно женился. Нашел жену в верхнем ящике общества. Туда-то и пошло все, что осталось от моих денег. А она еще до того, как я угодил в Олд Бейли,

1 1 была несколько... мягко выражаясь, легкомысленной. А уж когда я туда попал, она продала меня со всеми потрохами. Развода получить не могла, зато официально изменила фамилию. Когда я вышел, то даже подумывал отправиться в Кани и тихо свернуть ей шею, но потом решил: да пусть она сгорит с этими деньгами. Все равно они не пойдут ей впрок, мои деньги.

А л е к. А сюда как вы попали?

У и л л. Когда я остался совсем без гроша, то встретил приятеля, который был когда-то метрдотелем в «Амбассадоре». Я много раз давал ему на чай. Теперь он стал управляющим в борнмутском отеле, входящем в этот синдикат. И взял меня швейцаром. А оттуда я перешел сюда.

А л е к. И вас никто не узнал?

У и л л. Нет, да и с чего бы? Когда вы видите гладко выбритого ночного портье Лотлесса, вы не обязательно вспоминаете бородатого биржевого дельца Блофилда, к тому же исчезнувшего много лет назад. Роббинс — другое дело, он часто видел меня в тюрьме. Там приучаешься запоминать лица.

А л е к. Кажется, тюрьма не слишком вам повредила?

У и л л. В каком-то смысле — даже пошла на пользу. Когда я попал туда, я был сплошным комком нервов — не мог ни есть, ни спать. А когда вышел, мог есть все, что угодно, спать где и когда угодно и отличался завидным хладнокровием. Научился философски смотреть на жизнь, так сказать. Но все равно — в таких местах что-то в человеке умирает. Где-то в душе за пять лет там прибавляется еще пятьдесят. Перестаешь быть молодым. И всегда видишь перед собой кладбище. Смешно, но это так.

А л е к. И больше вы никогда не играли, а?

У и л л. Я дал себе обещание: «Больше никогда». Точно так же я больше в рот не беру спиртного — не знаю, обратили ли внимание или нет. Я сказал: никаких крепких напитков и никаких фокусов с ценными бумагами. Но я часто занимаюсь этим в теории — знаете, просто чтобы чем-то заняться и чтобы мозги не заржавели.

В служебную дверь входит Молли с подносом, на котором чайник, две чашки и сэндвичи.

А лек. Хэлло, Молли!

Молли. Здравствуйте, доктор, хотите выпить с нами чаю?

А лек. Нет, спасибо, я иду спать. Я тут все слушал глубокомысленные рассуждения Уильяма, а теперь уже поздно. Впрочем, сэндвич я съем. *(Берет сэндвич с подноса, который Молли поставила на столик.)*

Уилл. Я рассказывал доктору, как я развлекаюсь, воображая себя биржевым маклером.

Молли *(разливает чай)*. Я знаю. По-моему, это глупо.

А лек *(жует)*. Согласен с вами, Молли.

Молли. Но вы ненамного разумнее, доктор Ротбери, насколько мне известно.

А лек. Откуда же вам известно?

Молли. Неважно откуда.

А лек. Неважно так неважно. Пора спать. Спокойной ночи. *(Идет наверх.)*

Уилл и Молли. Спокойной ночи, доктор.

Оба уютно усаживаются за чаем; тут же лежит сумка Молли.

Молли. Вы уже посмотрели?

Уилл. Только начал. *(Пробует чай.)* Отличный чай, миссис Кадден.

Молли. Рада, что он вам нравится, мистер Лотлесс.

Уилл *(начинает перебирать документы)*. Ну-с, приступим! Две расписки. Разрешение на владение охотничьим ружьем. Меню ежегодного обеда в «Красном льве»... неплохо они там веселились, наверное.

Молли. Да, дядюшка рассказывал об этих обедах. Там было замечательно.

Уилл *(продолжая просматривать бумаги)*. А кто он был, ваш дядюшка?

Молли. Он был главным лесничим у сэра Джорджа Кертигена

- в Чарлтон-чейз, а потом — чем-то вроде судебного пристава. Сэр Джордж очень его ценил. Я туда часто ездила, когда была маленькая. Там было чудесно! Кругом густой лес.
- У и л л (*перебирая бумаги быстрее*). Ничего интересного. Старые лицензии, счета, расписки — мусор, все это можно выбросить. Эге! (*Всматривается.*) Нет, он продал их. Очевидно, у вашего дядюшки в свое время были кое-какие акции.
- М о л л и. Понимаете, сэр Джордж был большим человеком в Сити...
- У и л л. Да, я помню его.
- М о л л и. Вы?
- У и л л. Да, я, хоть вы и считаете меня глупым.
- М о л л и. Да я не хотела это сказать, я...
- У и л л (*перебивая*). Не важно. Так что же сэр Джордж? Он иногда допускал вашего дядю к делам?
- М о л л и. Да, я именно это хотела сказать.
- У и л л (*усмехаясь*). Так я и знал.
- М о л л и. В другой раз, когда я соберусь открыть рот, вы уж дайте мне сказать самой, а не говорите за меня. Это очень раздражает.
- У и л л (*все еще перебирая бумаги*). Постараюсь больше этого не делать. Я вижу, он заранее купил себе отличную могилу. Еще один кутеж в «Красном льве» — на этот раз бифштекс, почки и устричный пудинг. Судебная повестка в суд графства.
- М о л л и. Что?
- У и л л. Нет, это не ему. Доверенность на шестьдесят восемь фунтов... Сейчас ничего не стоит. Длинное письмо с Тасмании...
- М о л л и. От тети Милли... это его сестра...
- У и л л. Теперь фотографии. Свадебные...
- М о л л и (*неожиданно встревожившись*). А вот...
- У и л л. Но это же вы.

Молли вскрикивает и умолкает.

Уилл спокойно рассматривает фотографию, затем пере-

дает ей. Она взглядывается и отворачивается. Уилл смотрит на Молли с любопытством.

Молли *(слышен ее тихий плач; после паузы, всхлипывая).*

Я не знала, что она еще там.

Уилл. Простите, если я затронул неприятную тему.

Молли. Нет, просто... увидела себя... двадцать лет назад... такая веселая и счастливая, верящая, что все будет замечательно... молоденькая дурочка!

Уилл *(негромко).* А ничего замечательного не было?

Молли. Нет... была сплошная гадость.

Уилл. Аналогичный случай.

Молли *(установившись на него).* И вы! А я всегда думала, что вы из этих, из закоренелых холостяков.

Уилл. Может быть, я им и был. Но при всем том пошел и сказал: «Согласен». Как вы. *(Снова перелистывает бумаги.)* Теперь свидетельства. О рождении, о браке, о смерти. Семейные документы все можно сжечь, кроме тех, которые вы хотите сохранить на память. Так! *(Смотрит в изумлении и переворачивает несколько акций.)* Постойте, постойте! *(Подносит акции к свету и внимательно их рассматривает. Затем, удовлетворенный, переводит взгляд на Молли, стоящую с широко раскрытыми глазами.)* Великий боже! *(Нервно смеется.)*

Молли. Да что с вами? *(Берет акции и смотрит на них.)* «Леденхолл и Ломбард». Сто акций. И еще сто акций.

Уилл *(пытаясь сдержать волнение).* Да, пятьсот акций маленькой компании под названием «Леденхолл и Ломбард».

Молли *(с растущим волнением).* Ну, и они что-нибудь стоят... мистер Лотлесс?

Уилл *(тем же тоном).* Отличительной особенностью этих акций — голову даю на отсечение — является то, что передача их никогда не регистрировалась. А им лет около десяти.

Молли *(нетерпеливо).* Ну, будет молоть чепуху. Скажите мне — они чего-нибудь стоят? Что это за компания? Чем она занимается?

У и л л (*торжествующе*). Я вам скажу. Последние несколько лет «Леденхолл и Ломбард» действовал как компания-учредитель или компания-держатель. (*Берет карандаш и погружается в подсчеты.*)

М о л л и (*нетерпеливо*). Я не понимаю, что это значит. Скажите, могу я продать их и сколько мне дадут?

У и л л (*продолжая подсчеты*). Такие компании существуют просто для того, чтобы держать акции других компаний.

М о л л и (*сердито*). Прекратите! Сколько я могу получить? Пятьдесят фунтов? Сто?

У и л л (*не отрываясь*). Не говорите глупостей!

М о л л и (*в ярости*). Да вспомните же обо мне и ответьте!

У и л л (*не замечая ее*). Я занят.

Молли с яростным криком хватает тарелку, на которой лежали сандвичи, и разбивает о его голову. Он ошеломленно смотрит на нее.

М о л л и (*сразу же раскаивается; горестно*). Я же вам говорила — у меня ужасный характер. Никто не верит, но это так. Ох, простите, Уильям. Вам больно?

У и л л (*все еще ошеломленный*). Нет. По-моему, нет.

М о л л и (*прикладывая руку к его голове*). Ну, маленькая шишечка. Нет, большая.

У и л л (*все еще ошеломленный, задумчиво*). Да, у меня всегда были большие. (*С внезапным возбуждением.*) Послушайте, Молли, позвольте мне заняться этим делом для вас.

М о л л и. Этими акциями?

У и л л (*возбужденно*). Да. Положение щекотливое. Отдайте их какому-нибудь провинциальному биржевому маклеру или стряпчему — и лондонские пройдохи в два счета запутают. Но это как раз моя сфера. Можете мне поверить, Молли, тут я — маг и волшебник. Дайте прибрать этих ребят к рукам — и я снова стану пиратом Билли. Вот уви-

дите. Ну, Молли, мы же с вами друзья. Вы разрешите мне заняться этим? Только ради вас. Честное слово.

Молли (*которая никогда не видела его таким*). Да, конечно, Уильям. Я доверяю вам.

Уилл (*вскакивая*). Умница, Боже! Какая сногшибательная новость! Где наш лондонский телефонный справочник?

Молли (*растерянно*). Но нельзя же в такое время звонить людям!

Уилл (*идя к телефону*). Нельзя? Не беспокойтесь. Синдикат Кадден — Лотлесс начинает биржевые операции в полночь. Междугородная?.. Вы увидите, как полетят перья! (*Усмехается, торопливо перелистывает справочник.*) Междугородная... Челтингейт сто семьдесят пять... соедините меня с мистером Персивалем Вандермором, Мэйфер шестьдесят семь триста двадцать пять... Спасибо.

Молли (*смотрит на него во все глаза, машинально продолжая убирать со стола; беспокойно*). Уильям?

Уилл (*все еще роясь в справочнике*). Да?

Молли (*беспокойно*). Вы, может, не в себе? Я вас такхватила по голове...

Уилл (*усмехаясь*). Я даже не заметил. Я был настолько занят мыслями... Главное, не вмешивайтесь. (*В трубку.*) Приветствую вас, мистер Вандермор... Да, я знаю, который час... Но дело очень важное... Я представляю небольшой синдикат, владеющий пятью сотнями акций «Леденхолл и Ломбард»... Нет, это вполне возможно... вот они передо мной... передача не регистрировалась... Да, это меняет дело, верно?.. О нет, вы не станете... Очень легко... Послушайте, Вандермор, это говорит Билл Блофилд... Да, это тоже меняет дело... Да, вцепился обеими руками... Нет, приехать не могу, и мне нельзя позвонить. Я сам вам позвоню ровно в час... и тогда сделаю вам одно предложение... Ну, хорошо, обдумайте, и тогда приступим... Хорошо, Вандермор, ровно в час... (*Кладет трубку и торжествующе смотрит на Молли, которая стоит с раскрытым ртом, держа в руках поднос.*) Ну что ж, миссис Кадден, начало поло-

жено... Синдикат Кадден — Лотлесс выходит на рынок.
Молли (*растерянно*). Знаете, мистер Лотлесс... вы так переменились... А кто это — Билл Блофилд?

Уилл. А-а... это просто имя, которое он знает.

Молли. Но вы так и не сказали мне, могу я продать эти акции и сколько они стоят.

Уилл. Сколько они стоят теперь — это ничто в сравнении с тем, сколько они принесут, прежде чем я с ними покончу. Дайте срок.

Молли (*тоскливо, задумчиво*). Ладно. Просто мне хотелось купить кое-что из вещей, и я поинтересовалась, не станет ли мне чуть полегче с деньгами, вот и все.

Уилл. «Полегче с деньгами»!

Звонит внутренний телефон.

(*Снимает трубку.*) Двадцать седьмой? Да, мэм... Да, конечно, может. Через две минуты принесет. (*Кладет трубку.*)

У двадцать седьмой бессонница, и она просит принести ей успокоительного.

Молли (*потясь с подносом к двери*). Сию минуту. (*Останавливается.*) А сколько, как вы думаете?

Уилл. Одну чашку.

Молли. Да нет, я насчет себя.

Уилл. А-а... трудно сказать, что мы получим, если удастся забрать в руки Вандермора и его ребят и я пущу машину в ход. Один бог знает, где этому будет конец. (*Небрежно.*) Но сейчас, я полагаю, ваши акции стоят около двухсот пятидесяти тысяч фунтов.

Молли вскрикивает.

Занавес быстро опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же.

Две недели спустя. Пятница, поздний вечер.

В момент поднятия занавеса сцена ярко освещена. На этот раз входная дверь широко расплазнута, виден коридор, соединяющий вестибюль с основным зданием. Доносятся звуки танцевальной музыки, но оркестр явно играет на другом конце отеля. Мисс Уикс, как и прежде, за своей конторкой. Джордж прислуживает клиентам. За столиками возле стены сидят две молодые пары. Мужчины в смокингах, девушки в простых вечерних платьях. На столах лежат воздушный шар, бумажная шляпа, маска с фальшивым носом, напоминая о продолжающемся карнавале. Обе пары заняты разговором, но слов не слышно.

Джордж (*подходя к мисс Уикс*). Не знаю, как у них там дела, но сюда что-то мало кто заходит.

Мисс Уикс. Они все собрались в дальней гостиной.

Джордж (*желчно*). Ну, их там не густо. Карнавал по случаю дня рождения. Чьего дня рождения?

Мисс Уикс. Ну, это просто повод.

Джордж (*желчно*). Для чего?

Мисс Уикс. Для того чтобы люди могли повеселиться, а у нас было бы больше клиентов.

Джордж (*прежним тоном*). Карнавал! С пятидесяти человек — десять шиллингов на бумажные шляпы и фальшивые носы!

Мисс Уикс. Лучше чем ничего. А что вы хотите?

Джордж. Я? Я скажу вам; чего я хочу. Я хочу пойти наверх, почитать Эдгара Уоллеса и выпить бутылку-другую-третью пивка.

Мисс Уикс (*на которую это не произвело впечатления*).

Кому что нравится! Хорошо, что у всех разные вкусы.

Джордж. Ну, это как сказать. Может, и плохо. Если бы всем нравилось одно и то же, жизнь была бы куда спокойнее.

В том-то и беда, что вы, девушки, этого не понимаете. (*Отходит от конторки.*)

Через служебную дверь входит М о н д о в и. Он в вечернем костюме и очень важничает.

М о н д о в и. Эй, Джори... вы сейчас не занят, а?

Д ж о р д ж. Нет, сэр.

М о н д о в и. Тогда возьмите поднос. Вот там.

Д ж о р д ж выходит через служебную дверь.

Еще не конец. (Имея в виду танцы, которые, судя по звукам музыки, еще продолжаются, смотрит на часы.) Сколько их там сегодня?

М и с У и к с. Трудно сказать, мистер Мондови, потому что почти все шли через другой вход, но я думаю, что с нашими гостями — около пятидесяти.

М о н д о в и. «Пятидесяти»! Нехорошо! Не совсем плохо, но не совсем хорошо.

М и с У и к с. Видите ли, мистер Мондови, люди, приезжающие в Челтингейт, не отличаются особой живостью и подвижностью.

М о н д о в и (*с горечью*). Я думаю, все, что они желать, — это много и невкусно есть четыре раза в день, спать и пить вонючая вода.

Мисс Уикс шокирована. Входит Д ж о р д ж с подносом, на котором стоят бутылки, бокалы и т. д.

Д ж о р д ж. Вот, сэр.

М о н д о в и. В маленький отдельный кабинет за карточный комната.

Д ж о р д ж уходит в указанном направлении.

(*Мисс Уикс.*) Если придет кто-нибудь из девушек с поднос, пусть идет в отдельную кабинетик за карточный комната. Я устраивать там маленький ужин. (*Уходит следом за Джорджем.*)

Звонит телефон.

Мисс Уикс (*в трубку*). «Золотое Руно»... Мистер Лотлесс?.. Нет, его еще нет... перезвоните, пожалуйста, попозже. (*Кладет трубку.*)

Входит Элли с большим подносом, на котором стоят накрытые салфетками холодные закуски, тарелки и т. д.

За карточную комнату, мистер Мондови сказал. Элли (*ворчит*). Свинство, и больше ничего. Кончила работу, спускаюсь, а мне говорят: «Ну-ка, отнеси». Небось официанта не пошлют, чтоб он мне помогал убирать постели. (*Уходит.*)

Входит Джорджи, усмехаясь, придерживает для нее дверь.

Джорджи (*саркастически*). Мне всегда так приятно видеть ваше милое, улыбающееся личико.

Один из двух молодых людей, сидящих за столиками, подзывает Джорджа, расплачивается за выпитое и дает ему на чай. Затем пара уходит через главную дверь. Элли возвращается и подходит к мисс Уикс.

Элли. Что там затевается?

Мисс Уикс (*надменно*). Мистер Мондови устраивает ужин для нескольких гостей.

Элли. Чего ради? Что, они еще не наелись?

Мисс Уикс. Это так, очередной карнавальный сюрприз в честь дня рождения. Хотя, конечно, никакого дня рождения сегодня нет.

Элли. Есть, есть. У Молли. Она мне сказала утром. Все это ради нее, только никто еще не знает.

Через главную дверь медленно входят сэр Руфус и Тэгг, поглощенные разговором. Сэр Руфус еще не снял нелепого фальшивого носа, а Тэгг — дурацкой маленькой шляпки. Оба явно забыли об этих украшениях.

(Хихикает.) Гляньте-ка, кого к нам занесло! (Хихикая, уходит в служебную дверь.)

Сэр Руфус. То есть они даже не собирались платить дивиденды?

Тэгг *(торжественно)*. Конечно, ни пенса. Так и было задумано с самого начала. А что ж получилось?

Сэр Руфус. Ну, очевидно, началась игра на понижение...

Тэгг. Кто об этом скажет? Говорят же: «Господа, компания «Пранто» предложила нам принять имущество и оборудование, и лучшее, что мы можем сделать,— это согласиться...»

Сэр Руфус. Да, чисто, чисто сработано. И они вошли в концерн «Пранто»?

Тэгг. Они вошли в синдикат, который владеет контрольным пакетом «Пранто». И получили все имущество и оборудование за двадцать пять тысяч. Толковые ребята.

Сэр Руфус. Бесспорно. Это мне напоминает одну ловкую деловую комбинацию, свидетелем которой я был года два назад...

Тэгг. Но это еще не все.

Его прерывает Мондови, который выходит из карточной комнаты, кланяясь и источая улыбки.

Мондови. Сюда, пожалуйста. Леди Гарнетт, миссис Тэгг — они будут, конечно?

Тэгг. Они следуют за нами. Должен сказать, что я здорово проголодался.

Тэгг и сэр Руфус уходят в карточную комнату. Мондови остается у двери. Вторая пара выходит прямо на улицу. Джордж убирает бокалы. Через главную дверь входит леди Гарнетт; на ней вечернее платье, в руке какая-то карнавальная игрушка. Ее сопровождает доктор Памуэзер, пожилой врач с вкрадчивыми манерами. Они ведут чрезвычайно доверительный разговор и останавливаются в центре, чтобы не заканчивать его при Мондови.

Д - р П л а м у э з е р. Не могу поверить своим ушам.

Л е д и Г а р н е т т. Я сначала никому не хотела рассказывать, но потом все-таки решила, что вы должны это знать.

Д - р П л а м у э з е р (*торжественным шепотом*). Я вам весьма признателен, леди Гарнетт. Конечно, были и другие... э... жалобы, как вы догадываетесь.

Л е д и Г а р н е т т. Да, я так и предполагала.

Д - р П л а м у э з е р (*с важностью*). Дело в том, что доктор Ротбери совершенно не пригоден к работе такого рода. Я не хочу сказать, что он лишен способностей к занятиям медициной. Вовсе нет. Нельзя также сказать, что ему не хватает усердия или добросовестности. Этого у него не отнимешь. Однако... он... э-э...

Л е д и Г а р н е т т (*подсказывая*). Груб.

Д - р П л а м у э з е р (*лукаво*). Я бы не сказал, я бы не сказал...

Л е д и Г а р н е т т (*так же лукаво*). Манеры.

Д - р П л а м у э з е р. Именно, именно, миледи. Но... (*серьезно, доверительно*) между нами, этот молодой человек здесь не задержится. Я принял решение.

Л е д и Г а р н е т т. Очень мудрое решение. Этот доктор совершенно не в стиле Челтингейта, и никогда не будет. О! Все уже в сборе! (*Подходит к Мондови.*)

Доктор следует за ней. Они останавливаются возле двери. Входит л е д и Л е д м и л л, с воздушным шаром в форме колбасы, за ней — м и с с и с Т э г г и м и с с С е л л, в нелепых бумажных шляпах. Все они в вечерних платьях. После их появления Джордж закрывает главную дверь.

М и с с и с Т э г г (*нервно заканчивая долгое объяснение*). Поэтому теперь я даю им отдых всюду, где только возможно.

Л е д и Л е д м и л л (*которая явно ни во что не ставит миссис Тэгг, останавливаясь*). Кому вы даете отдых?

М и с с и с Т э г г (*шепотом*). Моим ногам.

Л е д и Л е д м и л л (*громко, удивленно*). Вашим ногам?

М и с с С е л л (*робко, пытаясь помочь*). Миссис Тэгг рассказы-

вала о том, сколько беспокойства ей причиняют... ее ноги.

Леди Ледмилл (*величественно*). Ах вот как! Узнайте, нет ли мне писем.

Миссис Тэгг (*суегливо*). Ах... да, конечно. (*Поворачивается и видит у конторки мисс Селл, к которой относилось это распоряжение.*) Ах... я понимаю... да... простите.

Мисс Селл (*возвращаясь*). Нет, леди Ледмилл, писем нет. Леди Ледмилл (*сурово*). Очень странно здесь работает почта.

Миссис Тэгг. Да, я вот...

Леди Ледмилл. Очень странно. Мисс Селл, по-моему, вы уже достаточно долго носите эту бумажную шляпу.

Мисс Селл (*срывая ее*). Да, я совсем забыла.

Миссис Тэгг тоже снимает свои шляпу и рассматривает ее восхищенно и задумчиво.

Леди Ледмилл. Ступайте наверх, мисс Селл, — вы ведь не приглашены на ужин к Мондови...

Мисс Селл. Хорошо, леди Ледмилл.

Леди Ледмилл. Но не ложитесь — вы мне можете понадобиться.

Мисс Селл. Хорошо, леди Ледмилл. Спокойной ночи, миссис Тэгг. (*Идет наверх.*)

Миссис Тэгг. Спокойной ночи, мисс Селл. (*Задумчиво смотрит на шляпу.*) Какая красивая!

Леди Ледмилл (*сурово*). Для юной девушки — несомненно.

Миссис Тэгг (*вызывающе*). Да, я уже не юная девушка. (*Снова надевает шляпу.*) Но была ею когда-то.

Леди Ледмилл (*идет к двери карточной комнаты*). В самом деле?

Миссис Тэгг (*следует за ней*). Да, я и теперь иногда чувствую себя молодой. (*Берет булавку и протыкает шар-«колбасу», который несет леди Ледмилл.*)

Та оборачивается и подозрительно смотрит на миссис Тэгг, которая отвечает ей невинным взглядом. В с е п р и г л а ш е н н ы е удаляются в комнату для игры в карты.

Д ж о р д ж (*подходит к мисс Уикс, которая наводит порядок на конторке*). Видали, как миссис Тэгг проткнула старухин шарик?

М и с с У и к с (*поднимая глаза*). Не может быть!

Д ж о р д ж. Честное слово. Молодец! Так ей и надо!

С улицы входит Перкинс из «Газетт», человек лет сорока, с усиками, в мятом плаще или макинтоше и сдвинутом на затылок котелке. Курит трубку, выпуская огромные клубы дыма. Держится грубовато-нахально.

(*Замечает его.*) Да, сэр?

П е р к и н с. Нет, сэр. Перкинс из «Газетт». Мне надо поговорить с этой юной леди.

Д ж о р д ж (*раздосадованно*). Спокойной ночи всем. (*Уходит в служебную дверь.*)

П е р к и н с (*представляясь мисс Уикс*). Перкинс из «Газетт».

М и с с У и к с. Как, опять?

П е р к и н с. Я еще ничего не узнал. Был в «Гранд-отеле» и в «Куинз». Но там никто не понимает, о чем идет речь.

М и с с У и к с. Я же сказала вам, что я тоже не понимаю.

П е р к и н с. Верно, сказали. Но теперь... у меня родилась одна мысль. (*Ждет, но мисс Уикс не проявляет никакого интереса.*) Хотите узнать какая?

М и с с У и к с (*продолжая наводить порядок на конторке*). Нет, не особенно.

П е р к и н с. Благодарю вас. Мне пришлось в голову, что я, возможно, начал свои расспросы слишком рано.

М и с с У и к с. Не могу с вами согласиться. У нас здесь это называется поздно.

П е р к и н с. Вы не поняли. Если все это, как предполагают, происходит поздно вечером, те, кто работает днем, могут ничего об этом и не знать.

Через служебную дверь входит У и л л.

У и л л. Добрый вечер, мисс Уикс.

Мисс У и к с. Добрый вечер, Уильям.

Пер к и н с *(сердечно)*. Добрый вечер, Уильям.

У и л л *(мягко ставя его на место)*. Добрый вечер, сэр.

Мисс У и к с *(закончив наводить порядок на конторке)*. Это наш ночной портье, так что теперь вам лучше обратиться к нему.

У и л л. По поводу чего?

Мисс У и к с. Меня не спрашивайте. Я пас. Спокойной ночи.
(Уходит через служебную дверь.)

У и л л *(делая шаг вперед)*. Чем могу быть полезен?

Пер к и н с. Моя фамилия Перкинс. Я представляю «Газетт».

У и л л. Из Лондона?

Пер к и н с. Лондонскую «Дейли газетт», разумеется, но я не из Лондона. Я в манчестерском отделении. Челтингейт входит в наш район, понимаете?

У и л л. Понимаю. Почему бы вам не присесть?

Пер к и н с. Хорошая мысль. Значит, так: в нашей лондонской редакции получен... *(Садится.)* Пойдите-ка, я вас нигде не мог видеть? *(Встает.)*

У и л л *(стоя)*. Если вы останавливались в этом отеле и имеете привычку возвращаться поздно, — тогда, наверное, могли.

Пер к и н с. Нет, никогда здесь не останавливался. А больше мы нигде не встречались?

У и л л. Насколько я помню, нет, мистер Перкинс.

Пер к и н с. Нет?

У и л л. Нет.

Стоят, глядя друг на друга.

Пер к и н с *(возвращается назад и садится)*. Ладно, это не имеет значения. Дело вот в чем. *(Конфиденциальным тоном.)* До нашей лондонской редакции дошла одна странная история... вернее, начало странной истории... Речь идет о большом финансовом синдикате, который с треском крушит рынок, действуя из отеля в Челтингейте. *(Достает сигарету из пачки, потом предлагает Уиллу.)*

У и л л. Ничего удивительного. Тут останавливается много богатых людей.

Пер к и н с. Сигарету?

У и л л. Благодарю вас, сэр. *(Роется в кармане в поисках спичек.)* Чтобы тебе потребовались здешние воды и ванны, надо здорово разбогатеть. Горячая серная вода — непременный спутник высокого подоходного налога.

Пер к и н с. Да, но это еще не все. Помощник лондонского редактора, а у него мозги варят и ушки на макушке, имеет сведения, что эти здешние ребята, которые, видно, свое дело знают, работают по ночам.

У и л л. Чем же они занимаются? Ценными бумагами и акциями?

Пер к и н с. Да, идет большая игра на бирже.

У и л л. Как же они это делают ночью? Ведь биржа закрыта.

Пер к и н с. Ну, конечно, у них есть люди, которые покупают и продают в Лондоне днем, но сами они работают ночью — передают инструкции и всякое такое. Наш-то это разнюхал через одного парня, который работает у крупного маклера. Так что из Лондона меня просили съездить сюда и разузнать все в подробностях.

У и л л. Могу только сказать, что, если бы здесь кто-нибудь полночи звонил в Лондон по поводу акций и ценных бумаг, я бы первым знал об этом.

Пер к и н с. Логично. Да.

У и л л. Да.

Пер к и н с. Да.

У и л л. Но могу вас заверить, что никто не заказывал разговор с Лондоном.

Пер к и н с. Никто.

У и л л. Никто.

Резкий телефонный звонок.

Прошу прощения. *(Подходит к телефону и берет трубку.)* «Золотое руно»... Да-да... это я, лучше перезвоните мне через час... Знаю, но перезвоните в течение часа... Хорошо. *(Кладет трубку и возвращается. Небрежно.)* Приятель... Захотелось поболтать.

Пер к и н с. Поздновато, а?

У и л л. Он тоже ночная птица, вроде меня.

Пер к и н с. Занятно видеть такого человека, как вы, в должности ночного портье.

У и л л. Объясняю. Присаживайтесь. Ночные портье бывают трех типов.

Пер к и н с. Занятно. Многое, знаете, бывает трех типов. Помню, однажды я...

У и л л. *(решительно)*. Эти три типа следующие. Во-первых, молодые люди, которые идут на эту работу, потому что надеются со временем перейти на дневную и продвинуться до главного портье. Во-вторых, — обратный случай — те, кто вынужден идти на ночную работу, потому что на дневную их уже не берут, так что выбора у них нет. И наконец, третий тип — люди, которым нравится быть ночными портье просто потому, что это чудаки, неудачники, оригиналы, философы.

Пер к и н с. И вы — из числа этих последних?

У и л л. Да, я номер третий.

Пер к и н с. Думаю, что вы правы.

У и л л. Я знаю, что я прав.

Пер к и н с. Три типа. Надо запомнить.

У и л л. Вам это пригодится. Но эта ваша сказка о большом финансовом синдикате, который тут по ночам... это уж чересчур неправдоподобно, вы согласны?

Пер к и н с. Не знаю. В наше время все возможно. Значит, я был здесь, в «Гранд-отеле», в «Куинз»...

У и л л. Еще остались «Ройял», «Бристоль», «Спа-Гидро», — правда, в «Спа-Гидро» крупные финансисты вряд ли останавливаются.

Пер к и н с. Почему?

У и л л. Там не держат спиртного.

Пер к и н с. Ладно, попытаю счастья в «Ройял» и «Бристол».

Через служебную дверь входит М о л л и. На ней длинное пальто, надетое поверх гостиничной формы. Она останавливается и смотрит на Перкинса, который собирается уходить.

У и л л. Ну что ж, почему бы и нет.

Пер к и н с. И если слухи верны, я уж докопаюсь.

У и л л. У вас нюх на такие дела?

Пер к и н с (*конфиденциально*). Шестое чувство. Хороший материал я чую там, где остальные пройдут мимо и не оглянутся. Не знаю даже, как это мне удастся.

У и л л. Талант, а?

Пер к и н с. Несомненно. Сами убедитесь. Следите за «Газетт». Могу поклясться, что я вас где-то уже видел.

У и л л. Нет.

Пер к и н с. Ну, ладно, спокойной ночи. (*Уходит.*)

М о л л и. Добрый вечер, мистер Лотлесс.

У и л л. Добрый вечер, миссис Кадден.

М о л л и. Кто это такой?

У и л л (*сухо*). Газетчик с шестым чувством, который рыщет по Челтингейту.

М о л л и (*обеспокоенно*). Это имеет отношение... э-э... к нашему делу?

У и л л (*вкрадчиво*). Знаете, вполне возможно.

М о л л и (*встревоженно*). Да, но...

У и л л (*прерывая ее*). Предоставьте его шестое чувство мне. Я с ним отлично управлюсь. К нашему «материалу» он и на пушечный выстрел не подойдет.

М о л л и (*серьезно смотрит на него*). Знаете, Уильям, в вас сам черт не разберется. Бывает, вы простодушны, как младенец, а в следующую минуту — хитры, как сто ли-сиц.

У и л л. Что же тут плохого?

М о л л и. Да ничего! Так даже интереснее. (*Снимает пальто.*) Сегодня я развлекалась... и держу пари, вы не знаете, почему.

У и л л. Знаю. Вы сказали мне неделю назад, и я не забыл. С днем рождения!

М о л л и (*довольная*). Никогда бы не подумала, что вы запомните.

У и л л. Никогда не забываю ничего, когда это касается моих друзей. Я даже... э-э... приготовил кое-что...

М о л л и *(возбужденно)*. Ну да? Подарок... мне!

У и л л. Еще рано. Кто-нибудь может войти.

М о л л и. Да, но вы хоть скажите, что это такое.

У и л л. Э-э, нет. Не хочу портить впечатление. Подождите, пока все стихнет.

М о л л и. Ну, тише, чем сейчас, может, уже и не будет, но я и сама думаю — еще в самом деле рано.

У и л л открывает дверь и выходит. Мы видим, как наружное освещение отеля меркнет, очевидно, он выключил несколько ламп. М о л л и уносит свое новое пальто за служебную дверь. Они возвращаются одновременно.

У и л л. Где же вы были? В кино?

М о л л и *(с восторгом)*. Да. Чудный фильм. В главной роли — Роберт Дрейк. Он вам нравится?

У и л л. Никогда его не видел.

М о л л и. Да что вы! Ах, какой мужчина! Высокий, хорош собой, но даже не это главное. А вот бывает у него такая легкая улыбка... нежная... и... и... печальная... а глаза чуть прищурены. Если бы он *мне* так улыбнулся, — я прямо не знаю, что бы со мной сделалось. А эта девица в фильме так ужасно к нему относилась — кроме самого конца, конечно... Он ей все время улыбался этой свой особенной, легкой улыбкой, а она такая противная, что я бы всю ее глупую, смазливую рожицу расцарапала.

У и л л *(усаживаясь)*. Вы ревновали?

М о л л и *(негодуя)*. И не думала. Во-первых, я вообще не ревнива. А потом, кто же ревнует артиста, которого видишь в кино? Может, я и глуповата, но не до такой же степени. А в этой картине он играет бедного молодого человека, у которого ничего нет, кроме старой машины с фургоном... *(Умолкает, потому что в этот момент с улицы входит Алек Роттери.)*

Он уже не в смокинге, а в обычном, довольно поношенном костюме; вид у него усталый и подавленный.

А л е к. Я бы не назвал его таким уж бедным, если у него есть машина с фургоном.

У и л л. Для кино он бедный. На экране всегда высокий жизненный уровень. Он бедный по киностандартам.

А л е к. Продолжайте о вашем фильме. Простите, Молли, что я помешал. *(Закуривает.)*

М о л л и. Ну, так вот, Роберт Дрейк играет этого молодого бедняка, но в конце выясняется, что он совсем не бедняк.

А л е к *(сардонически)*. Подтверждаю, что так.

М о л л и. Но эта девица, в которую он влюблен... он-то думает — да и вы думаете, пока не догадаетесь, — что она очень богата... А на самом деле ничего подобного, она просто притворяется. Ну, и все кончается хорошо — они женятся и уплывают на его красивой яхте. Так чудесно!

А л е к *(качая головой)*. Вовсе нет. Как по-вашему, Уильям?

У и л л *(тоже качая головой)*. Разумеется, нет.

М о л л и. А что же вам не нравится?

А л е к. Начнем с того, что, по-моему, этот фильм ничуть не похож на реальную жизнь.

М о л л и. А кто вам сказал, что похож? Стану я платить шиллинг за то, чтобы сидеть в темноте и чтобы мне показывали реальную жизнь. Я могу ее увидеть задаром, когда выйду из кино. А туда я хожу, чтобы уйти от жизни, просто ради приятного разнообразия.

У и л л. Вот что такое женщины. Они могут дурачить себя, но при этом знают, что обманываются. А мы — не знаем, и в этом наша беда.

А л е к. Только не моя. Моя — в том, что я все вижу слишком ясно.

М о л л и. Это вы-то? Держу пари, вы ничегошеньки не видите, кроме чужой кори да ветрянки.

Звонит внутренний телефон.

(Снимает трубку.) Да, конечно... сейчас иду. (Кладет трубку.)

Уилл. Восемнадцатый?

Молли. Восемнадцатый. Я быстро. (Уходит в служебную дверь.)

Алек. (спокойно). Мне кажется, что вы что-то замышляете.

Уилл. Выбросьте это из головы, доктор. Не такие мы люди.

Алек. Нет, я не имею в виду ничего плохого. Но что-то все же задумали. Последние две недели вас водой не разольешь, а вы, Уильям, напоминаете кота, который наелся сметаны. Поэтому я и задумался. (Останавливая Уилла, который хочет ему ответить.) Я не спрашиваю, что именно у вас...

Уилл. (сухо). Я и не собирался вам говорить.

Алек. Но мне бы хотелось съесть сандвич и чего-нибудь выпить. У меня сегодня был очень длинный и трудный день, да вдобавок пришлось провести в больнице лишних два часа.

Уилл. Да, вид у вас измученный. Если хотите, можете съесть сандвич и выпить прямо сейчас, но лучше будет, если вы подождете.

Алек. Не понимаю.

Уилл. Объясняю. Сегодня у Молли день рождения, и... э-э... один мой знакомый из Лондона прислал ей корзину с разными вкусными вещами... Все самое лучшее... шампанское, пирог с дичью...

Алек. (удивленно). Для Молли?

Уилл. (торжественно). Для нашей Молли Кадден. А почему бы и нет? Вы можете мне назвать здесь другого человека, который в свой день рождения был бы более достоин всего самого лучшего, чем эта женщина?

Алек. Могу — это я. И только я. Но какое я имею отношение?

Уилл. У нас будет вечеринка, и вы приглашены. Молли не станет возражать, я знаю.

Алек. Благодарю вас и принимаю приглашение. Я устал, но еще не засыпаю.

Уилл. Вы чем-то подавлены.

А л е к. Да. Сыт по горло.

У и л л. Нашим заведением?

А л е к. В том числе. Хотя тут я больше не останусь.

У и л л. Вас увольняют?

А л е к. Да.

У и л л. И это все?

А л е к. Нет, но этого достаточно, правда?

У и л л. Достаточно, но еще не все.

А л е к. Это все, что вы услышите.

У и л л. *(спокойно, невинным тоном)*. Постойте, а как зовут эту девушку?

А л е к. *(быстро)*. Вероника Френшем. То есть, собственно... какую девушку?

Звонит телефон.

У и л л. *(снимает трубку; резко, властно)*. Кто?.. Да, я... Да, да, знаю. Свяжитесь с Вандермором. Он позвонит мне позже... Да, они все продаются... Я? Да что вы?.. Не верьте этому. Я так его прижму, что завтра в это время он будет на коленях просить пощады... Ладно. Скажите Вандермору. *(Кладет трубку.)*

А л е к. *(саркастически)*. Интересные дела делаются в этом отеле по телефону в ночные часы!

У и л л. Не спорю.

А л е к. А кто этот мистер Вандермор?

У и л л. Один умный делец в Лондоне, который теперь знает, что он не так умен, как ему казалось две недели назад.

А л е к. Уильям, вы, случайно, не мошенник?

У и л л. *(улыбаясь)*. В каком-то смысле — да, а в каком-то — нет. Прошу прощения, наступает время торжественного ужина. *(Идет к служебной двери.)* Вы можете мне помочь, доктор. *(Выходит.)*

А л е к. *(вслед)*. Ладно, давайте! *(Направляется к служебной двери.)*

Но когда он доходит до нее, оттуда выходит У и л л с кор-

зиной и большой картонной коробкой, которая лежит сверху. Оба возвращаются назад.

Надеюсь, все это — честного происхождения?

У и л л. В каком-то смысле — да, а в каком-то — нет. *(Ставит корзину возле стола и достает из нее две-три бутылки шампанского, пирог с дичью, паштет и т. д., все самого лучшего качества.)*

А л е к *(по мере появления этих яств)*. Черт возьми! Кто-то раскошелился.

У и л л. Все самое изысканное. Хотя вам, наверное, такая пища не пойдет впрок?

А л е к *(усмехаясь)*. В каком-то смысле — нет, а в каком-то — да. *(Помогает Уиллу.)* Принимаемая изредка, она вредна для тела, но полезна для духа. Принимаемая часто, она вредна и для тела и для духа.

Через главную дверь входит Молли. При виде стола она останавливается в изумлении.

М о л л и. Боже милостивый! Откуда это?

У и л л. От приятеля из Лондона... скромный подарок ко дню рождения.

М о л л и. Мне?

А л е к. И мне. Вы меня пригласили.

М о л л и. Рада слышать. А то вряд ли мы вдвоем со всем этим разделаемся.

У и л л. Я принесу бокалы.

М о л л и. Нет, давайте я сама.

У и л л. Сидите на месте и не беспокойтесь. Это ваш праздник. *(Уходит.)*

М о л л и *(рассматривая стол)*. Ну и ну! Прямо как на рождество, даже еще лучше. Никогда не видала такого угощения. А уж сколько стоит...

А л е к *(подражая Уиллу)*. Все самое лучшее. Но кто же это вас так угощает?

М о л л и. Откуда я знаю. Слышали, что сказал Уильям? Один из его лондонских друзей.

А л е к. Из каких друзей?

М о л л и. Наверное, из тех, с которыми у него дела.

А л е к. Какие дела?

М о л л и. Очень уж вы любопытный.

А л е к. Ну, ладно, Молли, я же догадался, что между вами тут что-то происходит. Что же именно?

М о л л и. Знаете, я бы не сумела вам рассказать, даже если бы захотела. А я обещала Уильяму молчать.

А л е к. Он зарабатывает для вас деньги?

М о л л и (*уходя от ответа*). Похожа я на человека, для которого кто-то зарабатывает деньги?

А л е к. Да, если поглядеть на все это. (*Начинает снимать фольгу с бутылки шампанского.*)

М о л л и. Надо все унести в заднюю комнату. А то хороши мы будем, если кто-нибудь войдет.

А л е к. Никто сейчас не войдет. Все в порядке. И кроме того, Уильяму полагается быть здесь по долгу службы.

М о л л и. А я и забыла. Мой день рождения, а тут еще Роберт Дрейк со своим фильмом и этот неожиданный подарок — у меня прямо голова кругом идет.

Через служебную дверь входит У и л л с бокалами, ножами и вилками.

(*Весело.*) Доктора не стоило приглашать — он такой любопытный, во все сует свой нос.

У и л л. Это недопустимо. Доктор Ротбери, вспомните сказки, которые вы читали в детстве... У вас будет все, что душе угодно, с одним условием: не задавать вопросов. Вот и у нас сейчас такая сказка.

А л е к (*поднимая бокал*). Позвольте предложить тост! За здоровье нашей Молли! Много лет жизни и всего самого лучшего!

У и л л. За нашу Молли Кадден... самую любезную, приятную и душевную женщину во всем гостиничном деле!

Пьют.

М о л л и (*смущенно*). Ну, ладно, перестаньте, а то я совсем растаю и начну плакать... Что же это будет за ужин! Кому дать кусочек? На вид он кажется жирным, но один-то кусочек, я думаю, можно съесть — вреда не принесет. (*Передает им тарелки с едой.*)

Они уютно располагаются за столом и приступают к трапезе.

У и л л. Вот что значит двадцать минут жить на двадцать тысяч в год.

М о л л и (*выпив*). Хорошо бьет в нос шампанское. Оно не такое сладкое, как было у моей сестры на свадьбе.

А л е к (*наполняя бокалы, с притворной серьезностью*). Хорошее шампанское не должно быть сладким.

М о л л и. Почему?

А л е к. Провалиться мне, если я знаю!

У и л л (*внушительно*). В Англии принято пить сухое шампанское, а мы ведь в Англии руководствуемся не разумом и даже не инстинктом, а традицией.

А л е к. Потому-то здесь людей и заставляют молчать. Все дело в традиции.

М о л л и. Вы о политике?

А л е к. Да.

М о л л и. Тогда остановитесь. Сегодня, пожалуйста, никакой политики.

А л е к. Почему же?

М о л л и (*добродушно, но твердо*). Потому что сегодня мой день рождения, а я не люблю политики, а если вы о ней заговорите, я буду сидеть как набитая дура.

У и л л (*передавая еду*). Не хотите ли еще набивки?

М о л л и. Спасибо. Давайте просто раз в жизни хорошо, уютно посидим. (*Помолчав.*) Доктор, а куда подевалась та красавица, за которой вы бегали? Вы все еще за ней бегаете?

У и л л. Не совсем.

М о л л и. Ну да, как же! У вас все на лице написано. Интересно, что она сегодня делает.

А лек. Пошла куда-нибудь, где за вход берут кучу денег, а показывают чушь собачью, делает вид, что ей очень весело, и старается скрыть зевоту.

Молли (*Уиллу*). Смешные эти молодые: кто бы он ни был, доктор или кто другой, но если ему не по себе или чувствует, что попал в глупое положение, — всегда сразу надувается.

Уилл. Верно, верно. (*Алеку.*) А вы знаете, она права.

А лек. Да, признаюсь.

Уилл (*Молли*). Но не будьте слишком жестокой к молодым людям.

Молли. Я! Да я их всех люблю. Благослови их бог.

Уилл. Вы ведь не знаете, что значит быть умным молодым человеком, вроде нашего друга. А я знаю, потому что сам из таких. И должен сказать, что, за исключением редких случаев, когда ты воображаешь себя властелином мира, быть умным молодым человеком — настоящая пытка.

А лек. Верно, верно. (*Молли.*) А вы знаете, он прав.

Молли. Не верю. Побудьте-ка хоть денечек женщиной — тогда узнаете почем фунт лиха. Почему мы любим быть с мужчинами? Потому что тогда мы забываем обо всех своих горестях. Я хочу выпить за женщин — за бедных женщин!

А лек (*открывая новую бутылку*). Подождите. Ну, вот. (*Наполняет бокалы.*)

Уилл (*поднимая бокал*). За женщин... всех, кроме ворчливых жен, надоедливых старых дев, властных богатых вдовушек, хитрых авантюристок, дерзких кокеток и...

А лек (*подхватывая*). И девушек, пусть даже чертовски хорошеньких, для кого главное в жизни — деньги... и...

Молли. И за всех женщин, которые останавливаются в отелях, обсыпают своей пудрой номера и замачивают чулки и панталоны в раковине...

Пьют.

(*Икает.*) Ну, если я не начну есть больше, а пить меньше, я скоро опьянею. (*Неожиданно замечает картонную коробку.*) А что в этой коробке?

У и л л (*глядя на коробку*). Совсем забыл. (*Идет к коробке и начинает открывать ее.*) Это вам.

М о л л и (*возбужденно*). Мне!

У и л л. Подарок к дню рождения.

А л е к (*сухо*). От друга из Лондона?

У и л л. От друга из Лондона. Ну, сделайте глубокий вдох — а-а-а! — и закройте глаза.

Молли стоит с закрытыми глазами. Уилл подходит и кладет на ее вытянутые руки великолепную меховую шубу.

М о л л и (*чувствует мягкое прикосновение меха, широко раскрывает глаза и еще больше вытягивает руки, чтобы лучше разглядеть шубу; задохнувшись*). Рождественская сказка! Вы только посмотрите!

А л е к. Мы смотрим. Мы потрясены.

У и л л (*самодовольно*). Вы получили настоящую вещь, Молли.

М о л л и (*очень взволнованная*). Но... то есть... не может быть, чтобы это мне. Вы посмотрите на нее!

У и л л. Это вам, вам. Примерьте.

М о л л и. Но... Я никогда и не мечтала, что у меня будет такая шуба. Настоящая... я хочу сказать... не то что подделки, в которых ходят все кругом, а самая настоящая.

А л е к. Можете дать голову на отсечение.

М о л л и. Да, но... знаете... да как же я ее надену? Я ведь никогда...

А л е к. Ну, смелей. Надевайте.

М о л л и (*надевает шубу почти как ребенок. Потом, восхищенная собой и чувствуя себя необыкновенно роскошной женщиной, трется щекой о воротник и т. д.*). Ну, как я в ней выгляжу? Глупо, наверное, а?

У и л л. Ничего себе — глупо! Вы выглядите потрясающе, правда?

А л е к. Прямо с Бонд-стрит.

М о л л и. Вы смеетесь надо мной...

У и л л. Мы не смеемся. Лучше выглядеть просто невозможно.

А л е к. Нам трудно поверить, что вы нас еще узнаете.

М о л л и (*довольно удачно изображая модную женщину*). Ах да, конечно! Доктор Ротбери, если не ошибаюсь? Кажется, мы с вами встречались как-то утром у источников? И с мистером Лотлессом — тоже! Здравствуйте! У вас тут просто восхитительно!

У и л л (*включаясь в игру*). У нас тут необычайно весело... леди Билджуотер.

М о л л и (*прежним тоном*). Не составите ли вы мне компанию?

У и л л. С восторгом, миледи, с полным восторгом!

М о л л и (*постукивая по столу и изображая леди Ледмилл*). Есть письма для меня?

У и л л (*изображая Мондови*). Мисс Уикс, проверяйте как следует — есть письма для леди Билджуотер...

А л е к. Сегодня, к сожалению, нет, леди Билджуотер.

М о л л и (*в роли леди Ледмилл*). Странно работает ваша почта, чрезвычайно странно.

Все трое громко хохочут.

(*Снова становясь собой.*) А я вот ее не сниму, хотя могу и память и испортить — что со мной и случается. (*Останавливается, серьезно смотрит на Уилла и так же серьезно спрашивает.*) Ну, скажите мне честно: ничего, что я взяла эту шубу?

У и л л (*веско*). Вы думаете, в противном случае я позволил бы вам взять ее?

М о л л и. Но... ведь это не вы ее купили?

У и л л. Я! Всех моих денег не хватит даже на воротник, не говоря уж о самой шубе.

М о л л и. Не понимаю. Разве я не говорила, что вы должны взять...

У и л л (*торопливо перебивая*). Неважно, что вы говорили. Осторожнее!

М о л л и (*вспомнив об Алеке*). Ах да. Простите! Хотя все равно я не понимаю почему...

У и л л (*снова перебивая*). Ну, а я понимаю. (*Алеку.*) Надеюсь, вы извините меня?

А л е к. Да, но вы могли бы мне и сказать.

У и л л. Не сейчас. Сейчас нам нужен еще один тост.

А л е к (*слегка зашмелев*). Я готов предложить его. Пусть старый Пламуэзер катится ко всем чертям!

М о л л и. Плохой тост. И я уверена, доктор Пламуэзер никому не сделал зла.

А л е к. Очень ошибаетесь. Он похож на безобидного старого кота, но в действительности это настоящий бич. Он очень опасен. Прикидывается ученым, но на самом деле — нечто среднее между старым шарлатаном и лакеем какой-нибудь богатой старухи. Ни в его словах, ни даже в мыслях нет ни капли правды. И в жизни его волнуют только две вещи — вкусные обеды и жирные гонорары. Глядя на него, можно понять, что неладно в этой осторожной, богатой, престарелой стране. И если вы не хотите выпить за то, чтобы он катился ко всем чертям, я выпью один. (*Поднимает бокал.*) Пусть катится ко всем чертям старый Пламуэзер и пусть ему придется оперировать гнойный аппендицит где-нибудь в трущобах в три часа ночи! (*Пьет.*)

М о л л и (*также с легкими признаками опьянения*). Если бы я не знала, что вы совсем раскисли из-за этой мисс Френшем, я бы не позволила вам говорить такие вещи — как раз тогда, когда мы так уютно веселимся.

А л е к. Я презираю вашу мисс Френшем...

М о л л и. Ну уж нет!

А л е к. Повторяю: я презираю ее. Очаровательна? Несомненно. Красива? Может быть. Но разве она настоящая? Я скажу вам. Это вещь, вынутая из стеклянного футляра и выставленная на продажу. Осталось еще что-нибудь выпить... за конец царства денег. А, Уильям?

У и л л (*шаря в корзине*). Для такого тоста найдется. (*Достает бутылку и начинает ее откупоривать.*) Старый бренди. Как раз то, что нужно.

М о л л и. Только без меня, благодарю вас. А вы двое будьте осторожнее.

А лек. И не подумаем. Слишком долго мы осторожничали.
В этом наша беда.

М ол л и (*внезапно вспомнив что-то*). Эй, Уильям Лотлесс... разве вы не говорили мне... да и не однажды... что вы больше не пьете?

У и л л. Говорил. Но сегодня я пью. И я повторяю вам тост нашего молодого друга-эскулапа: за конец царства денег!..

М ол л и. Это очень приятно услышать от вас — человека, который всегда говорит и думает о деньгах!

У и л л (*Алеку*). Вот что такое женщина. Если вы спасаете ее из пучины, она напомнит вам, что вы обещали не мочить одежду. За конец царства денег!

А лек. За конец царства денег!

М ол л и. За конец царства денег!

У и л л. Хотите я расскажу вам, что такое деньги?

М ол л и } Нет.

А лек } (*быстро*). Да.

У и л л (*словно начиная лекцию*). Деньги! Деньги! Это слуга, ставший господином.

А лек. Верно, но не слишком оригинально.

У и л л. Деньги... были придуманы просто для удобства, как знак, как символ... что-то вроде... железнодорожного билета. Вот и все. Но что произошло? Они вышли из-под контроля. Стали источником власти. Мы позволяем людям использовать деньги как оружие власти, а это все равно что позволять им использовать военные корабли и бомбардировщики в собственных интересах.

А лек. Вы совершенно правы, Уильям. (*Молли.*) Тут он прав.

М ол л и. Ну, он почти всегда прав. (*Уиллу.*) Это все?

У и л л (*нашел в корзине большую сигару и собирается закурить ее*). Все? Конечно, нет. Первое, что нужно сделать, — это отнять у денег их власть. Собственно говоря, личные деньги должны быть просто карманными деньгами. Это единственный род денег, в который я верю, — карманные деньги. У каждого должны быть карманные деньги, и ни у кого не должно быть никаких других.

М о л л и. А какая разница?

У и л л. Карманные деньги — это просто собственные деньги ограниченного действия, их тратят на все, что придет в голову. Вы не можете с их помощью заставить меня работать на вас весь год, держа их, как пистолет, возле моего виска. Вы не можете пустить их в рост и сидеть, наблюдая, как их становится все больше...

М о л л и. Но вы однажды сказали, что мы как раз этим занимаемся... Ну, вся эта глупая история с акциями... а теперь вы говорите...

У и л л. Я говорю вам, как должно быть, а не как есть в действительности. Мы делаем всего лишь то, что пытаются делать все. Мы не делаем ничего плохого.

М о л л и. Должно быть, это все-таки плохо, если вы не думаете, что это хорошо.

Уилл пытается перебить ее.

Нет, нет, нет, — дайте мне вставить слово.

А л е к. Правильно. Это ваш день... а не его.

М о л л и. Я говорю — все это очень хорошо, все ваши умные разговоры про то, как должно быть, но если, по-нашему, что-то плохо, значит, мы сами должны перестать это делать. Кто-то ведь должен начать, верно же?

У и л л. Нет. Все дело в системе, а не в самих людях.

М о л л и. А по-настоящему все зависит только от того, как люди относятся друг к другу. Если они добры, полны надежды и готовы помочь тем, кто нуждается в помощи, — тогда все хорошо. А если нет — тогда конец.

У и л л. Ну, не можете же вы начать...

М о л л и (*безжалостно обрывая*). Могу. (*Икает.*) Я уже начала. Я думаю, беда в том, что некоторые не выносят счастья. Им самим оно не дается, так они хотят, чтобы и у других его не было. Они вообще не любят жизнь, эти люди... им бы хотелось для надежности умереть... только они этого не понимают... а может быть, им вовсе не хотелось родиться на свет... И стоит им где-нибудь увидеть кусочек живой

жизни, они тут же норовят растоптать ее. Утюжат все вокруг, точно... точно танки... не дай бог, попадется им на дороге немножко счастья. Я не говорю, что их очень много...

А л е к. А я говорю. Их миллионы и миллионы.

У и л л. И я не уверен, что мы не плодим все новых и новых.

М о л л и. Как это?

У и л л. Потому что таков образ жизни большинства людей. Возьмите, например...

А л е к (*громогласно перебивая*). Возьмите новый бокал! Нужно произнести тост. (*Наполняя бокалы.*) Сейчас моя очередь.

М о л л и. Ну, пусть это будет что-нибудь хорошее.

А л е к (*торжественно*). Я предлагаю выпить за компанию по сооружению и использованию канала Лидс — Ливерпуль, а также за Лондонскую школу тропической гигиены и за майора Баттеруорта, секретаря Северо-Челтингейтского гольф-клуба. Как вам нравится такой тост?

М о л л и (*серьезно*). По-моему, очень глупо. А как насчет отсутствующих друзей?

У и л л. У меня их нет.

М о л л и. Как? Ни одного?

У и л л. Ни одного.

М о л л и. Ах, бедняжка! (*Алеку.*) А вы? У вас должно быть много друзей.

А л е к (*серьезно*). Четверо, я думаю. Нет, трое. Нет, для верности будем считать — двое.

М о л л и. Господи, а у меня их десятки... сотни.

У и л л (*торжественно, поднимая бокал*). За отсутствующих друзей Молли!

А л е к (*следуя его примеру*). За отсутствующих друзей Молли!

М о л л и. Ну, ладно. За отсутствующих друзей, и пусть они будут здоровы и счастливы! (*Пьет, икает.*)

Алек смеется.

Г о л о с л е д и Л е д м и л л (*за сценой*). Нда!

Слышен шум за дверью комнаты для карт. Дверь распахивается.

вается. Мондови придерживает ее. Из комнаты выходят леди Ледмилл, леди Гарнетт, миссис Тэгг, за ними — д-р Пламуэзер, сэр Руфус, Тэгг и, наконец, сам Мондови. Оживленно разговаривая, они расходятся по сцене, но вдруг замолкают от удивления, как и те трое, кого они увидели. Молчание прерывается громким смехом Алека, на которого обитатели гостиницы устремляют сердитые взгляды.

Тэгг (раздраженно). Не вижу ничего смешного.

Мондови (в ярости, Молли и Уиллу). Смешного? Это возму-ти-тельно! Что вы тут делать вдвоем... есть... пить?..

Алек. А-а... это я виноват. Это все ради меня...

Молли (перебивая, твердо). Доктор Ротбери тут ни при чем. Просто сегодня у меня день рождения и...

Уилл (вмешиваясь). Но ответственность за это веселье я беру на себя. Это была моя идея.

Леди Ледмилл (уничтожающе). В самом деле?

Уилл (не выпуская изо рта сигары). Да, в самом деле.

Леди Гарнетт (Молли). Позвольте узнать, чья на вас шуба?

Молли (возмущенно). Моя собственная! Ее прислали в подарок.

Леди Гарнетт. Ах вот как?

Молли (с вызовом). Да, вот так.

Тэгг. Какая наглость!

Миссис Тэгг. А вдруг это вправду ее шуба...

Тэгг (грубо). Ты только погляди на нее и потом подумай: откуда горничной взять такую шубу?

Алек. Не будьте таким грубияном.

Тэгг. Что?

Уилл (спокойно). Он сказал: «Не будьте таким грубияном».

Мондови (задыхаясь от ярости). Кончать! Кончать! Завтра... вы уходите...

Д-р Пламуэзер (напыщенно). Пойдите, Мондови. Доктор Ротбери!

А лек *(спокойно)*. Слушаю вас, доктор Пламуэзер.

Д - р П л а м у э з е р. Я искал подходящего случая сказать вам кое-что, и вы не замедлили предоставить мне такую возможность.

А лек *(Молли и Уиллу)*. Я вам говорил! Вот я и уволен.

Д - р П л а м у э з е р *(недовольно)*. Уволен! Да, совершенно верно. И чем скорее мы расстанемся, тем лучше.

А лек. Вполне согласен.

Д - р П л а м у э з е р. Должен вам сказать, что без хороших манер и чувства меры вы вряд ли пойдете далеко.

А лек *(с жаром)*. А я должен вам сказать, что без профессионализма и честности, которых вам явно недостает, вы вообще никуда не пойдете и останетесь тем, что вы есть.

Д - р П л а м у э з е р *(в ярости)*. Вы отъявленный молодой осел!

А лек. А вы — надутый старый осел!

Молли икает.

Л е д и Л е д м и л л *(устрашающим тоном)*. Молодой человек...

А лек. Нет, благодарю. Больше я не обязан вас слушать.

М о н д о в и *(приплясывая от нетерпения)*. Прошу вас, леди и джентльмены, разрешите мне сказать несколько слов. Мне стыдно. Никогда, никогда со мной ничего подобного не случалось. Вы двое *(указывает на Молли и Уилла)* — вон из отеля!... Завтра же утром!... Чтобы вас тут не был!..

С э р Р у ф у с. Вы правы. Они, наверное, тут поужинали вашими продуктами. И еще с шампанским!

У и л л *(спокойно)*. Болинджер двадцать восьмого года. Как вам это нравится?

Л е д и Л е д м и л л. Ну, я не собираюсь стоять здесь всю ночь... *(Делает шаг вперед.)*

М о л л и *(стремительно бросается к главной двери и останавливается, загородив выход и глядя на собравшихся; возбужденно)*. Пойдите минутку! Никто пока не уходит.

Мондови (*задыхаясь*). Вы пьяны! Вы сошли с ума. Убирайтесь!

Молли (*обрывает его*). Не шумите. Уильям... и я... мы ли здесь не работали не покладая рук. Всегда старались угодить и чтобы всем было удобно. А сегодня может, мы и нарушили правила, но никому от этого плохо не было. Так неужели вы позволите, чтобы нас уволили, вышвырнули вон?

Миссис Тэгг (*робко*). Что касается меня, то, по-моему, они не сделали ничего плохого...

Тэгг (*яростным шепотом*). Замодчи сейчас же!

Мондови (*грозя пальцем*). Я говорить... вы... вон... вон... из этот отель... из всех отель...

Молли. Слышите? Никто из вас не хочет что-нибудь добавить?

Мондови. Да... вон... убирайтесь!..

Молли смотрит на них. Недолгое молчание.

Молли (*настойчиво*). Как подумаю обо всем, что я делала... и никогда не жаловалась... не ждала благодарности... будьте вы все прокляты! Вы выгоните нас на улицу? Ладно, посмотрим. Уильям Лотлесс, вы все твердите мне, что я богатая женщина. Это что-нибудь означает или вы просто смеялись надо мной? Я богата?

Уилл (*невозмутимо*). Разумеется.

Молли. Я достаточно богата, чтобы купить этот отель?

Сэр Руфус. Ну, знаете... это уж слишком!

Уилл (*сэру Руфусу*). Не беспокойтесь. Вы еще ничего не слышали.

Молли (*нетерпеливо*). Не обращайтесь на него внимания. Ответьте мне. Я могу купить этот отель?

Уилл. Вам нет необходимости покупать его. Скажите одно слово — и он ваш.

Мондови (*почти стонет*). Боже... что это? Все перепились до полный безумий!

Уилл (*повелительно*). Не шумите, а то сами в два счета вылетите из всех отелей сразу. (*Молли.*) Вам не нужно покупать этот отель, потому что три дня назад вы... приобрели

контрольный пакет акций синдиката курортных отелей, которому принадлежит и этот отель и шесть других.

Сэр Руфус (*нарушая изумленное молчание*). Надеюсь, вы не думаете, что мы этому поверим?

Уилл. Разумеется, вы можете поступать так, как вам больше нравится.

Тэгг. Там же на полмиллиона имущества, в этих отелях!

Уилл (*доставая из кармана записку*). Это сущие пустяки! Ну, я знаю, вы все любите деньги, так что посмотрите повнимательнее на миссис Кадден: ведь если бы она превратила все, чем она владеет, в наличность, завтра бы она стоила... э-э... по самым скромным подсчетам... миллион четыреста пятьдесят тысяч фунтов.

Мондови (*падая на стул*). Милли... о мамма миа. я умираю!

Леди Ледмилл. Какая удивительная история...

Молли (*резко*). Да, но вас в ней касается только вот что. Я закрываю этот отель, и немедленно... завтра. Мы остаемся здесь, а вы уходите — все! Вам надо поскорее уложиться, так что не задерживайтесь. Спокойной ночи.

Д-р Пламузэр (*глядя на нее с интересом*). Да... конечно... если это правда...

Леди Гарнетт (*тот же взгляд и тон*). Это совершенно меняет дело...

Молли (*свирепо*). Только не для меня! Спокойной ночи!

Сэр Руфус (*примирительно*). Но теперь...

Молли (*с ненавистью*). Я сказала — спокойной ночи!

Ее моральное превосходство настолько очевидно, что они покорно уходят — все, кроме Мондови, который настолько изумлен, что не в силах двинуться с места.

Уилл (*после ухода последних гостей подходит к Мондови и постукивает его по плечу*). Идите туда. (*Указывает на служебную дверь.*)

Мондови. Мистер Лотлесс, я не знаю...

Уилл (*твердо*). Отправляйтесь. Туда.

Мондови уходит.

Алек (*Уиллу*). Послушайте, это правда?

Уилл. Каждое слово. Я играл на бирже с акциями, которые она получила в наследство.

Молли садится и разражается слезами.

Ну, в чем дело? В чем дело?

Алек. Простая реакция. Нервы.

Молли (*негодующе, сквозь слезы*). Это не нервы! Я их всех ненавижу! И себя тоже!

Алек (*успокаивая*). Ну, ну, ну!

Уилл идет к телефону. Быстро входит Перкинс.

Молли (*взрываясь*). Мне стыдно самой себя! (*Снова плачет.*)

Перкинс. Хэлло! Перкинс из «Газетт».

Уилл (*набирая номер*). О боже!

Перкинс (*энергично*). Что происходит? Что тут происходит?

Алек. Это одна из наших горничных. Она только что узнала, что она стоит миллион четыреста пятьдесят тысяч фунтов и владеет контрольным пакетом акций синдиката курортных гостиниц. Она закрыла этот отель, велела всем убираться вон завтра же утром и теперь решила хорошенько поплакать.

Перкинс (*иронически*). Благодарю вас. Не морочьте голову.

Алек (*Уиллу*). Он думает, я его разыгрываю.

Перкинс (*язвительно*). О нет! Я только репортер — и верю всему. (*Обращаясь преимущественно к Уиллу.*) Ну, я ткнулся в «Ройял» и в «Бристоль». Пустой номер. И вдруг мне пришло в голову... десять минут назад... что это вообще пустой номер.

Уилл (*еще у телефона*). Шестое чувство?

Перкинс. Шестое чувство, старина. Я сказал себе: «Ты зря тут тратишь время, приятель. В Челтингейте никогда не было материала и никогда не будет. Возвращаясь в Манчестер». Уезжаю в двенадцать сорок пять. Счастливого оста-

ваться. *(Выбегая.)* Счастливо оставаться... миллион чetyреста... ха-ха! *(Исчезает.)*

У и л л. Вот вам газетная ищeyка. *(В трубку.)* Да, я хочу поговорить с мистером Вандермором... О да, он подойдет...

М о л л и. Что вы собираетесь делать?

У и л л. Собираюсь сделать для вас еще немного денег.

М о л л и *(встревоженно)*. Хватит. Я больше не хочу.

У и л л *(в трубку)*. Вандермор?... Отлично... Говорит Лотлесс. Слушайте. Не трусьте, Вандермор... Я считаю вас хорошим игроком, иначе я не стал бы иметь с вами дело.

М о л л и *(чуть не плача)*. Вы уже изменились. Уже совсем не такой славный, как прежде... Я больше не хочу.

Он резким жестом приказывает ей замолчать и сосредоточивается на разговоре, изредка сердито бросая: «Ладно...», «Ну и что?» — и т. д. Молли вытирает глаза и понимает, что его не остановишь.

Занавес быстро опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же, неделю спустя. Середина дня. Ярко светит солнце, его лучи проникают с улицы и сверху, словно через световой люк. Теперь сцена выглядит иначе. Ясно, что это больше не отель. Стулья и столики стоят как попало. Конторкой явно никто не пользуется.

За столом перед конторкой сидит м и с с У и к с, теперь похожая на деловую машинистку в конторе биржевого маклера. Дверь и окна почти забаррикадированы. Дверь закрыта занавеской с прорезью, через которую официант Д ж о р д ж, одетый уже по-иному, смотрит на каждого, кто желает войти, ибо дверь крепко заперта. Сразу после поднятия занавеса громко звонит телефон, стоящий теперь

на столе мисс Уикс. Она снимает трубку. Джордж стоит возле двери.

Мисс Уикс *(в трубку)*. К сожалению, мэм, мы не можем...

Нет, но в настоящее время отель закрыт...

Джордж *(саркастически)*. Скажите, что мы можем продать ей несколько чудных акций.

Мисс Уикс *(в трубку)*. Нет, я не знаю, когда он снова откроется... Всего доброго... *(Набирает номер и ждет.)*

Через служебную дверь входит Элли с небольшим чайным подносом.

Джордж. Это мне? Спасибо, детка.

Элли *(презрительно проходя мимо)*. Вам? Пфф! Это мистеру Лотгессу. *(Задержавшись на секунду, с деланной доброжелательностью.)* А вам хочется чаю?

Джордж. Да.

Элли *(уничтожающе)*. Если хотите чаю, пойдите и приготовьте. *(Торжествуя, уходит в комнату для игры в карты.)*

Джордж *(мисс Уикс)*. Вы видели?

Мисс Уикс. Что — видела?

Джордж. Вот награда за приветливость. Моя всегдашняя ошибка. Держусь слишком дружелюбно и просто. А будь я более высокомерен, знаете, где бы я сейчас был?

Мисс Уикс *(утомленно)*. Да, в Престон-Пэнс, во главе собственного славного маленького дельца. *(Возвращается к прерванной работе, не обращая внимания на его негодующий взгляд.)*

Через некоторое время из комнаты для карт слышится сердитый голос Уилла, затем оттуда выскакивает испуганная Элли.

Элли *(таинственно)*. Он что, не с той ноги встал?

Джордж *(иронически)*. Я бы не удивился.

Элли. Прежде он был такой славный, а теперь совсем другой, правда, мисс Уикс?

Мисс Уикс. Он очень много работает. И недосыпает. При такой жизни кто угодно может сорваться.

Элси. Ну, я вам скажу... *(Не договаривает, потому что из комнаты для карт быстро выходит Уилл.)*

Он без пиджака, в зубах — сигара. Теперь он чем-то похож на крупного финансиста, но уж никак не на ночного портье. В речи, движениях и жестах появилась властность, резкость.

Уилл *(бросает на стол мисс Уикс несколько бумаг; отрывисто)*. Перепечатайте в двух экземплярах. И повторите ту телеграмму в Манхэттен-бэнк. Мы получили ответ от Фокса по поводу котировки акций «Инвестмент корпорейшн»?

Мисс Уикс *(теперь она исполняет обязанности секретарши)*. Нет, мистер Лотлесс.

Уилл. Черт возьми, разве можно работать в таких условиях? Нужен телетайп. Доставайте телетайп. Скажите, что мне он нужен немедленно. Неважно, сколько будет стоить. Он мне необходим. А-а... вы... Элси... сходите наверх и скажите миссис Кадден, что ей надо подписать кое-какие бумаги. Элси мнется и беспокойно смотрит на него.

Ну? Идите же. *(Замечает, что все трое беспокойно переглядываются.)* Ну?

Мисс Уикс *(растерянно)*. Миссис Кадден здесь нет.

Уилл *(пораженный)*. Нет? Где же она?

Мисс Уикс. Она... уехала... Вчера вечером.

Уилл *(в ярости)*. Боже милостивый! И никто мне не сказал. *(Элси.)* Что вы там торчите? Ступайте!

Элси выбегает в служебную дверь.

(Взяв себя в руки.) Она сказала, куда едет?

Мисс Уикс *(помявшись)*. Нет... не совсем

Уилл. Что значит — не совсем?

Мисс Уикс *(помявшись)*. Ну... мне кажется, она поехала в Лондон...

У и л л. Час от часу не легче! Именно туда, куда ей не следовало ехать. Она не сказала, зачем она едет? Пройтись по магазинам?

М и с с У и к с. Она не сказала.

Д ж о р д ж *(медленно)*. Мне кажется...

У и л л *(грубо)*. Я вам не верю, но все-таки выслушаю.

Д ж о р д ж. Простите, что я раскрыл рот. Прошу прощения.
(Умолкает с таким видом, словно это были последние слова в его жизни.)

У и л л. Слушайте, вы двое, мне сейчас не до шуток. Тут на карте миллионы. Ведь все записано на имя Молли Кадден, и, если в Лондоне она попадется кое-кому в лапы, — мне конец... и вам тоже. Сами подумайте. Женщина с миллионным состоянием... а более простодушного человека свет не видел... бродит по Лондону... О боже! От одного этого может начаться сердечный приступ.

Д ж о р д ж. Мне кажется, она поехала к этой мисс Френшем... помните, такая хорошенькая, молоденькая, она у нас тут жила не так давно. Я видел, как миссис Кадден перед отъездом заглянула в регистрационную книгу и записала адрес... а когда она ушла, я тоже посмотрел туда... Помоему, она записывала адрес этой мисс Френшем.

У и л л *(мисс Уикс)*. Пошлите мисс Френшем телеграмму для миссис Кадден: «Возвращайтесь немедленно срочные дела ваше присутствие необходимо. Уилл Потлесс». Это заставит ее поторопиться. Нам надо вернуть ее, пока эти ловкачи из Сити и Вест-Энда не подцепили ее на крючок, иначе нам крышка. Пошлите телеграмму немедленно. *(Направляется к комнате для карт, оборачивается. Осуждающим тоном.)* Почему вы мне не сказали, что она уехала?

Молчание.

Понятно. Она просила не говорить мне, да?

Д ж о р д ж. Да.

У и л л *(с досадой)*. Самый крупный бизнес в моей жизни... а я точно вожусь со школьниками младших классов.

Громкий стук во входную дверь.

Кто еще? Газетчиков не пускать! И незнакомых — тоже!
Джордж *(поглядев в прорезь)*. Это Мондови.
Уилл. Ладно. Пусть войдет.

Джордж впускает Мондови. Мисс Уикс тихо говорит по телефону, отправляя телеграмму.

Мондови *(скромно одет, вид у него встревоженный)*. О-о, мистер Лотта-лесс... здрав-ствуйте.

Уилл *(отрывисто)*. Добрый день, Мондови. Я велел вам отправиться в Лондон и поговорить с главным управляющим компании о другой работе.

Мондови. Да...

Уилл кивает и уходит в карточную комнату.

Очень вам благодарен.

Мисс Уикс. Где вы остановились, мистер Мондови?

Мондови *(таинственно)*. В «Гранд-отеле», у моего друга Пеллини. И знаете, мисс Уикс, этот «Гранд-отель» — просто что-то ужасный.

Джордж. Ну, ведь не хуже, чем было у нас.

Мондови. Да что вы! Куда хуже. Ужасно. Все так неудобно... и так плохо готовить. Вчера вечером Пеллини говорит: «Угощу тебя цыпленок «Гранд-отель» — это коронный блюдо мой повар». Ну, хорошо, я попробовать. Вы знай, что это был... *(Делает быстрое движение пальцами.)*

Мисс Уикс *(в ужасе)*. Крысы?

Мондови. О нет, не крысы... но... э-э... знаете... лапэн... да... кролики. *(С невыразимым презрением.)* Цыпленок «Гранд-отель»... фирменный блюдо... из кролик.

Джордж *(мрачно)*. Я когда-то работал в одном приморском заведении, так там цыплят делали из морских свинок.

В этом городе было много мужских школ.

Мондови. Так! А вы что делает тут?

Мисс Уикс. У нас тут смесь миллионеров с уборщицами.

Мондови. А отель... он еще закрыт, да?

Джордж. Да. И если дело пойдет, мы и остальные отели закроем.

Мисс Уикс. Мы можем быть вам чем-то полезны, мистер Мондови?

Мондови. Нет, нет. Я забыть мой диплом. Он в моем кабинет. Я боюсь, как бы его не украль.

Джордж. Зачем?

Мондови *(наставительно)*. Потому что с таким диплом человек может уже не работать простым официант — понимаете, мисс Уикс? Прошу меня извинить, по-жа-луй-ста. *(Уходит в служебную дверь.)*

Джордж *(пародируя его, как прежде)*. Достойный люди... и очень богатый.

Пауза. Джордж зевает, мисс Уикс печатает на машинке. Дверь медленно открывается, и осторожно, предварительно оглядевшись по сторонам, входит Молли Кадден. Она в своей меховой шубе, в руке небольшой чемоданчик.

Молли *(почти шепотом)*. Ну, я ведь быстро обернулась? Он не заметил, что меня нет?

Джордж. Всего несколько минут назад.

Молли. Вот как я его интересую.

Мисс Уикс. Но он был в бешенстве.

Молли *(сварливо)*. Почему? Он скучал по мне?

Джордж. Нет, он боялся, что вы попадете в лапы какого-нибудь другого мошенника.

Молли. На этот раз, я думаю, вы правы, Джордж. *(Ставит чемоданчик на пол, снимает шубу.)* Я хорошо съездила, хотя чуть не изжарилась в шубе. А здесь еще скучнее... сидишь тут взаперти... никакой жизни нет...

Мисс Уикс *(с иронией)*. Только печете миллион за миллионом.

Молли. Мне больше нравилось стелить постели. Ну, вы двое, бегите и принесите чаю.

Мисс Уикс. Но мистер Лотлесс...

Молли (*прерывая ее, твердо*). Не обращайтесь на него внимания. Кроме того, я тут затеяла одно хитрое дело, и вам лучше быть подальше и не впутываться.

Джордж (*идя к двери*). Меня это вполне устраивает.

Мисс Уикс (*встает; нерешительно*). Ну, если вы берете ответственность на себя...

Молли. Не беспокойтесь. Идите же.

Джордж (*оборачивается перед самой дверью*). Между прочим, тут наш старик.

Молли. Какой еще старик?

Джордж. Очень богатый, очень достойный люди.

Джордж и мисс Уикс уходят. Молли, которая явно возбуждена затеянной ею интригой, беспокойно заглядывает в прорезь входной двери, затем неслышно идет к комнате для карт, возвращается и снова заглядывает в прорезь. Возвращается Мондови, торжественно неся большой диплом в рамке.

Мондови. Ах, миссис Кадден... вы хорошо поживает?

Молли. Прилично, можно сказать. Слишком много сижу тут. Что это вы нашли?

Мондови (*с гордостью показывает*). Мой диплома. Вам нравится?

Молли (*серьезно*). Просто удивительно. И подумать только, что все это было сказано о вас!

Мондови. Очень благодарю. Всего доброго, миссис Кадден.

Молли (*после короткой паузы*). Мистер Мондови, каково это — управлять отелем?

Мондови. Я вам сейчас скажу, миссис Кадден. Управлять отелем — это отличное занятие, если бы не две вещи — только две. Первое — это хозяйева. Второе — клиенты.

Молли. Так что... А если бы вы сами были владельцем отеля и у вас были бы другие постояльцы, не такие, как обычно?..

Мондови. Тогда... это было бы восторг! И я знаю, где бывают такие отели...

Молли (*настойчиво*). Где?

Мондови (*указывая вверх*). На небесах. Всего доброго, миссис Кадден. (*Уходит.*)

Молли. Всего доброго, мистер Мондови.

Из комнаты для карт выходит Уилл. Они смотрят друг на друга. Он в ярости. Она держится вызывающе.

Уилл. Итак, вы тайком отправились в Лондон?

Молли. А что тут такого?

Уилл (*сердито*). А то, что вы в два счета можете все погубить. И похоронить нас обоих из-за глупого женского каприза. Позвольте вам кое-что напомнить. Месяц назад вы были горничной в этом отеле и ни о чем другом и думать не смели, а теперь вы — самая богатая женщина в Англии. А кто это сделал? Не вы. Вы до сих пор не понимаете, в чем тут суть. Это сделал я.

Молли. Никто и не спорит.

Уилл (*в ярости*). И пока я зарабатываю для вас миллионы, я прошу только об одном: будьте тут и посидите тихо неделю-две. А вы не можете сделать даже этого! Вы скорее готовы рискнуть всем, чем сделать то, о чем я вас прошу! Еще один такой побег — и вам, пожалуй, придется снова стелить постели.

Молли (*спокойно*). Ничего страшного. Может быть, это для меня и лучше.

Уилл. Я стараюсь сделать из вас что-то...

Молли (*перебивая*). В таком случае — не надо усердствовать. И вот еще что, Уилл Лотлесс. Перестаньте строить из себя что-то... такое малосимпатичное. Когда вы были здесь просто ночным портье, и больше никем, — вы были отличным человеком.

Уилл. А что же со мной с тех пор случилось?

Молли. Все. Вы кричите, шумите, ругаетесь. От вас не дождешься улыбки. Вы такой озабоченный и злоющий...

Уилл (*кричит*). И вы будете озабоченной и злоющей, если самая крупная в вашей жизни финансовая операция висит

на волоске. *(Жестикулирует, потом успокаивается, но тон его остается резким.)* Вы зачем ездили в Лондон?

Молли. Для перемены обстановки.

Уилл. Виделись с этой Френшем?

Молли. Виделась. Я знала, что она вовсе не богатая. Я вам говорила. Она сказала мне, что работает секретаршей. Сегодня она меня познакомила со своим хозяином. И он пожелал непременно поехать с нами.

Уилл *(встревоженно)*. Как! Но кто...

Через главную дверь входят Вероника Френшем и лорд Флитфилд. Лорд Флитфилд — пожилой, высокий, превосходно одетый человек импозантного вида.

Вероника *(Уиллу)*. Привет, мистер Лотлесс!

Молли *(нервно)*. Уилл, это лорд Флитфилд.

Лорд Флитфилд *(сохраняя спокойствие под пристальным взглядом Уилла)*. В представлении нет необходимости, миссис Кадден. Как я и предполагал, это мистер Уильям Блофилд.

Уилл *(в ярости, Молли)*. Дрянь!

Молли *(взбешенная)*. Ах вы... *(Дает ему сильную пощечину, затем, потрясенная тем, что сделала, отворачивается и без сил падает в кресло.)*

Вероника *(негодующе, Уиллу)*. Так вам и надо! Ну что она сделала?

Уилл *(с горечью)*. Погубила меня... и себя тоже.

Молли *(встает, в растерянности)*. Не понимаю, о чем вы?

Лорд Флитфилд *(вкрадчиво)*. Может быть, я объясню?

Уилл *(желчно)*. Вот и отлично. Можете доставить себе это удовольствие.

Лорд Флитфилд. Это мистер Уильям Блофилд. Я сразу узнал его почерк в недавних операциях на рынке. В свое время мистер Блофилд был очень известным и преуспевающим дельцом. Потом он был признан виновным в подделке ценных бумаг и приговорен к пяти годам тюрьмы.

Молли *(ошеломленно)*. Уильям!

У и л л. Вам понадобилось привезти его сюда? Что ж, это правда. Бывший заключенный Блофилд — это я.

М о л л и *(совершенно убитая, подходит ближе)*. Уильям, я всегда знала, что тут что-то не так... Почему же вы мне не сказали?

У и л л *(отмахнувшись, с горечью)*. Сейчас я вам кое-что скажу. Не думайте, что лорд Флитфилд приехал сюда и рассказал вам, кто я такой, просто ради вашего блага. Я его знаю. И единственное настоящее различие между нами состоит в том, что меня поймали, а его... а он — лорд Флитфилд.

Л о р д Ф л и т ф и л д *(невозмутимо)*. Нет, это не единственное различие, есть и другие.

У и л л. Да, есть, я скажу и о них. Мы вели одну игру, но он, конечно, делал это куда элегантнее. Ничего вульгарного, ничего грубого. Он водился только с Достойными Людьми. Приличный человек, отличный человек, настоящий господин. Но вел ту же самую игру — только в десять раз опаснее.

Л о р д Ф л и т ф и л д. Дорогой Блофилд, вы упускаете чрезвычайно существенную разницу — в наших методах. Вероятно, люди заметили, что, когда я добился некоторой власти, я пользовался ею тактично, любезно и, может быть, даже не без шарма. В то время как вы были хвастливым, шумным и высокомерным. Поэтому общество воспользовалось первой же вашей ошибкой, чтобы как можно скорее вас изолировать. Как говорится, если надо иметь хозяев, то пусть это по крайней мере будут приятные хозяева. Вы записываете, мисс Френшем?

В е р о н и к а *(записывая)*. Да, лорд Флитфилд.

Л о р д Ф л и т ф и л д. Очень хорошо. Это может пригодиться.

У и л л *(грубо)*. Ладно, тогда запишите вот что. Я хочу сказать лорду Флитфилду...

М о л л и *(перебивая его, настойчиво)*. Нет, замолчите, Уильям! Позвольте сейчас мне сказать. *(Лорду Флитфилду.)* Я не знала, что он был в тюрьме... Но... я не понимаю, какое это теперь имеет значение? Он сделал что-то нехорошее.

И был наказан. Вот и все. Разве мы не можем теперь забыть об этом?

Лорд Флитфилд. Нет, миссис Кадден, мы не можем. Тут дело очень серьезное. Эти наглые пиратские вылазки на биржевом рынке вызвали настоящую панику. Два больших синдиката в важных отраслях промышленности уже хорошо потрянуло. Вкладчики могут потерять доверие. Поэтому наша обязанность — положить конец подобным операциям.

Уилл (*желчно*). Другими... и более простыми словами, я помешал его собственным аферам, и он не может с этим примириться.

Лорд Флитфилд (*выразительно*). Конечно, не могу. А если лучше говорить более простыми словами, то извольте. Я могу снова отправить мистера Блофилда в тюрьму, и, если в течение часа мы с ним не придем к дружескому соглашению, он туда и отправится, это я вам обещаю.

Уилл (*Молли*). Теперь вы видите, что натворили?

Молли. Это правда — то, что он говорит?

Уилл. Да.

Молли. И поэтому вы должны были держать все в такой тайне?

Уилл. Да.

Молли (*подавленно*). Но я же ничего не знала, Уильям. Я же не знала. Теперь понятно, почему вы так меня обругали. А я еще вас ударила. Простите, Уильям. Я не знала.

Уилл (*с горечью*). Ну, вот теперь вы знаете.

Молли (*укоризненно*). Месяц назад вы бы по-другому говорили. (*Взрывается.*) Это ужасно — все это! Зачем я с этим связалась! (*Уиллу.*) Однажды это вас уже погубило... вы попали в тюрьму... и теперь вы снова идете к гибели. (*Лорду Флитфилду.*) А я думала, вы такой чудный человек, и привела вас сюда, а вы хотите снова отправить Уильяма в тюрьму! Это просто *гадко*.

Вероника (*сочувственно*). Молли...

Молли. Нет, милая... все пошло кривь и вкось. Мне надо

подумать... я не могу... я так расстроена. (*Отходит в сторону и садится.*)

Лорд Флитфилд и Уилл смотрят на нее, потом — друг на друга.

У и л л. Итак?

Л о р д Ф л и т ф и л д. Если бы мы с вами спокойно все обсудили... без эмоциональных всплесков... мы могли бы прийти к полюбовному соглашению, а?

У и л л (*отрывисто*). Какого рода соглашению?

Л о р д Ф л и т ф и л д. Вы выходите из игры, Блофилд. Прекращаете все операции... но остаетесь на свободе. Это мое последнее слово.

У и л л. Ладно. Ваша взяла. Пойдемте, там комната, которую я использую как контору. (*Идет впереди, показывая дорогу.*)

Лорд Флитфилд кивает Веронике, та идет за ним, и все трое скрываются в комнате для карт.

Молли сидит с несчастным видом, пытаясь собраться с мыслями.

Входит А лек. По-видимому, он вернулся из больницы. Увидев Молли, он останавливается.

А л е к. Эй, Молли, что стряслось?

М о л л и (*медленно приходя в себя*). Все. Все пошло не так.

Я привезла сюда лорда Флитфилда.

А л е к. Как — этого знаменитого финансового воротилу?

М о л л и. Да. Я думала, он поможет Уильяму. Но он угрожает посадить его в тюрьму. Уж этого-то я никак не хотела.

А л е к. Послушайте, Молли. Я давно уже думаю, что вы не совсем понимаете, в чем смысл этого делания денег.

М о л л и. Вы хотите мне это объяснить?

А л е к. Да.

М о л л и. Давайте. В чем же он состоит?

А л е к. Вы думаете, человек просто вписывает цифры в книгу, а потом у него оказывается все больше и больше денег?

Нет, Молли, это хищная сила. Вы играете человеческими жизнями — жизнями тысяч и тысяч людей, которых вы никогда не видели.

Молли (*пораженная*). Ох, но я же не хотела...

Алек. Неважно, что вы хотели, но так получается. У людей пропадают сбережения. Им приходится уезжать из своих домов, продавать мебель. Дети вынуждены бросать школу. Люди не могут поехать в отпуск. Многих увольняют... старики остаются без работы.

Молли (*негодуя*). Ну, хватит! Я больше не желаю слушать. Вы же понимаете, что, если бы я все это знала, хотя бы догадывалась, как оно на самом деле... и как портит жизнь людям... я бы пальцем к этому не притронулась. Лучше бы мне сжечь эти акции. Это же... бесчестно!

Алек. (*усмехаясь*). Успокойтесь. Вы бы могли отдать их мне, чтобы помочь открыть клинику.

Молли. А вам хочется клинику?

Алек. Да, это все, что мне нужно.

Молли. Ну, не все.

Алек. То есть?

Молли. Она здесь.

Алек. Кто? Не Вероника же Френшем?

Молли (*идя в направлении комнаты для карт*). Она самая. Она секретарша этого лорда Флитфилда.

Алек. Секретарша?

Молли. Я говорила вам, что она вовсе не богачка. Я вызову ее оттуда. (*Заходит в комнату и сразу же возвращается вместе с Вероникой.*) Ну, разбирайтесь между собой. А если меня кто-нибудь спросит, я наверху, в своей комнате, пытаюсь прийти в себя. (*Собирает свои вещи.*) И не делайте глупостей. Не тяните. Пусть из этой пустой затеи выйдет хоть что-то толковое. (*Уходит.*)

Вероника (*улыбаясь*). Итак?

Алек. Не понимаю — какой смысл притворяться богатой?

Вероника (*холодно*). Я получаю шесть фунтов в неделю. Другие секретарши большей частью получают четыре.

А л е к. Но зачем вы несли весь этот вздор?

В е р о н и к а. Я была в отпуске, а притворяться богатой и шикарной — это часть отдыха. Кроме того, вы были так довольны собой и так уверены, что знаете все на свете, что я решила вас чуть-чуть осадить.

А л е к. Не очень удачная шутка.

В е р о н и к а. Я потом тоже так подумала. И написала вам шесть писем.

А л е к. *(поспешно)*. Я не получил.

В е р о н и к а. Нет, я их порвала. Но все-таки написала бы, если б вдруг не выяснилось, что мы едем сюда. Ну, как вы?

А л е к. Хуже некуда. Старик Пламуэзер меня выставил, и теперь я делаю кое-что в больнице просто так, внештатно.

В е р о н и к а. Я много думала о вас.

А л е к. И я о вас — тоже. Честно говоря, вы ужасная зануда. По-моему, нам лучше пожениться.

В е р о н и к а. Чтобы вы могли перестать думать обо мне?

А л е к. Да. Я хочу заняться работой.

В е р о н и к а. Это еще не основание. Почему вы хотите жениться на мне?

А л е к. Потому что иначе я наверняка свяжусь с какой-нибудь сиделкой, а я их не выношу.

В е р о н и к а. В таком случае уж лучше я выйду за вас замуж. Но если мне придется зарабатывать нам на жизнь, вы будете по утрам готовить завтрак.

А л е к. А что вы едите на завтрак?

В е р о н и к а. Только чай с тостами.

А л е к. Это как раз то, что я умею делать, — чай и тосты.

Целуются. Входит лорд Флитфилд.

Лорд Флитфилд *(весело)*. О, мисс Фрепшем!

В е р о н и к а *(с некоторым смущением)*. Лорд Флитфилд, это доктор Ротбери.

Лорд Флитфилд. Здравствуйте. Приятно встретить молодого доктора, который верит в старые, традиционные методы лечения. А где же миссис Кадден?

А лек. Она наверху. Я позову ее. Не уходите. (*Убегает.*)
Лорд Флитфилд (*с любопытством смотрит на Веронику*).

Я надеюсь, у него бесчестные намерения?

Вероника. О нет. Мы помолвлены.

Лорд Флитфилд. Поздравляю его, хотя и не думаю, что хорошая секретарша может быть такой же хорошей женой. Когда женщина становится секретаршей, это обнаруживает все ее лучшие качества, когда она делается женой — этого не происходит.

Из комнаты для карт выходит Уилл с какими-то бумагами в руках.

А-а, Блофилд. Я послал за миссис Кадден, мы объясним ей, к какому мы пришли соглашению.

Уилл. Она не поймет.

Лорд Флитфилд. Все тот же грубоватый и прямой Блофилд. Кем вы были в этом отеле, пока снова не включились в биржевую игру?

Уилл. Ночным портье.

Лорд Флитфилд. И наверное, позднее возвращение было пыткой для чувствительного постояльца.

Уилл. Не верьте, если вам скажут такое. Я был хорошим ночным портье. Правда, мисс Френшем?

Вероника. Вы были прелесть. Единственный ночной портье, который мне по-настоящему нравился.

Уилл. Слышали?

Лорд Флитфилд. Как вы добивались успеха в качестве ночного портье?

Уилл. Объясняю. У меня не было никакой власти и очень мало забот и неприятностей, поэтому мне нетрудно было производить приятное впечатление. Во многих отношениях эта работа приносит больше удовлетворения, чем те, которые приносят больше денег. Во-первых, тебе хватает времени для размышлений. Во-вторых, ты не так боишься размышлять. Хотя вам это не подошло бы. Метрдотель — вот это по вашей части.

Лорд Флитфилд. Вероятно, вы правы. Те немногие люди в Лондоне, которых я все еще уважаю, — почти исключительно метрдотели.

Входит Молли. Сейчас она выглядит гораздо лучше.

Итак, миссис Кадден, мы готовы. Садитесь, пожалуйста *(Усаживает ее в кресло и садится сам.)*

Вероника садится. Уилл остается стоять.

Молли. Садитесь, Уильям.

Уилл *(отрывисто)*. Ничего, я постою.

Молли. () боже, вы опять надулись?

Лорд Флитфилд *(видя, что Уилл собирается отвечать)*

Нет, Блофилд, позвольте мне сказать несколько слов. Миссис Кадден, мы пришли к разумному дружескому соглашению, и должен сказать, что в ходе переговоров наш друг ничего не добивался для себя, но защищал лишь ваши интересы.

Молли *(растроганно)*. Уильям!

Уилл. Ну, ладно. Не надо благодарственных возгласов. Позвольте объяснить, что произошло. В тюрьму я не сяду, это решено.

Лорд Флитфилд *(твердо)*. Решено совершенно определенно, что бы ни случилось.

Молли. Ну, тогда все в порядке.

Уилл. Эти ребята получают то, чего хотели, — контроль, который был в наших руках, но они гарантируют вам столько денег на расходы, сколько вы пожелаете. Можете купить десять шуб и чемодан бриллиантов. Это будет замечательно. *(Идет в сторону двери.)*

Молли *(вставая)*. Мне не нужно десять шуб и чемодан бриллиантов, какой вы глупый! А куда это вы направились?

Уилл. Иду собирать вещи. *(Выходит.)*

Молли в нерешительности, она хочет вернуть его, но потом решает этого не делать.

Лорд Флитфилд. Да, вам нужно только подписать документы, дающие нам право контроля, после чего можете о нас забыть. Тратьте столько, сколько вам заблагорассудится. Развлекайтесь. Покупайте все, что вам только нравится. Веселитесь. Путешествуйте.

Молли. Понятно.

Лорд Флитфилд (*выразительно*). Ну, вот и все, миссис Кадден. Мне пришла в голову странная мысль — запишите, мисс Френшем, — что, если бы это продолжалось еще немного, вы с Блофилдом, не покидая этого отеля, могли бы закрыть своей тенью весь мир. Судьбы целых отраслей промышленности оказались бы в ваших руках. Вы могли бы контролировать весь товарный рынок и даже вызвать голод, если бы пожелали. Вы могли бы управлять политической жизнью на другом конце света. Судьбы миллионов и миллионов людей, которых вы никогда не видели, оказались бы в ваших руках. Любопытное положение. Впрочем, конечно, и мне случалось в нем бывать.

Молли. Тогда вы должны стыдиться самого себя. По-моему, это бесчестно.

Лорд Флитфилд. Что?

Молли (*горячо*). Да, бесчестно! Но я с самого начала чувствовала, что это плохо. Я видела, как это портит его... да, и начинает портить меня. Никакой настоящей работы! Только игра! И вся эта власть. Сидишь здесь и вмешиваешься в жизнь других людей, за много миль отсюда. Я не хочу портить людям жизнь ради денег, но и вы не должны этого делать. Нет, я не подпишу ваши бумаги!

Лорд Флитфилд (*пораженный*). Но, миссис Кадден, понимаете ли вы серьезность положения? Эти огромные капиталовложения не могут быть оставлены без присмотра.

Молли. Эти огромные капиталовложения, как вы их называете, не останутся без присмотра. Доктор объяснил мне, что я могу сделать, и скоро придет адвокат, который все мне растолкует в подробностях. Я мало что понимаю в таких делах, но зато понимаю, что, если один человек может

мешать тысячам людей жить и быть счастливыми. — это неправильно.

Лорд Флитфилд. Может быть. Но при существующей системе...

Молли (*перебивая*). Так лучше покончить с существующей системой. И для начала я передам весь этот контроль людям, жизнь которых он затрагивает, — английскому народу.

Лорд Флитфилд. Другими словами, вы передадите свой капитал правительству в форме доверительной собственности?

Молли. Да, именно так.

Лорд Флитфилд. И вы думаете, что правительство управится с ним лучше, чем мои друзья и я?

Молли. Ну, что же, если не управится, — мы ведь можем сменить правительство, разве нет?

Лорд Флитфилд (*улыбаясь*). Возможно, хотя у моих друзей и у меня обычно находится рука и при смене правительства.

Молли. Да уж наверное. Но вот этой руки (*помахивает бумагами*) у вас не будет. Я приняла решение на этот счет.

Вероника. Молли, но разве вам не нужно ничего для себя?

Молли. Да, я как раз подхожу к этому. Мне нужно только две вещи. Я хочу иметь возможность содержать этот отель и управлять им... на моих собственных условиях. И я хочу иметь достаточно денег, чтобы предоставить доктору Ротбери клинику.

Вероника. Милая! Это замечательно! (*Лорду Флитфилду.*) Она может это сделать?

Лорд Флитфилд. Конечно. Адвокат все оформит

Вероника. Ах, Молли, как это здорово!

Лорд Флитфилд. Ну что ж, я выполнил самую важную часть своей миссии, поэтому позвольте откланяться. (*Встает.*) Кстати, моя старая приятельница леди Ледмилл по-прежнему здесь?

Молли. Она была здесь, пока мы не закрылись, а теперь она рядом, в «Гранд-отеле».

Лорд Флитфилд. Тогда я тоже остановлюсь в «Гранд-отеле», мисс Френшем. Жду вас утром. До свидания, миссис Кадден.

Молли. До свидания, лорд Флитфилд. Рада, что познакомилась с вами.

Лорд Флитфилд. Я в восторге, что познакомился с вами. Вы произвели на меня необыкновенное впечатление. Кстати... о вашем отеле...

Молли. Да?

Лорд Флитфилд. Не позволяйте вашему ночному портье читать биржевые бюллетени. *(Уходит.)*

Молли и Вероника, стоявшие вместе с ним у входа, возвращаются.

Молли. Господи, кто бы сказал, что я на такое способна. Прямо не знаю, смеяться или плакать. Так все им и выложила, прямо в лицо. Только я знать не знала бы, как это делается, если бы не доктор — ваш молодой человек.

Вероника *(возбужденно)*. У которого будет своя клиника. А где он?

Молли. Он ждет, когда мы закончим. Не хочет встречать, так он сказал.

Алек просовывает голову в главную дверь.

Алек. Вероника! Быстро сюда! *(Исчезает.)*

Вероника. Что такое? Вы не смеете ко мне так обращаться!

Молли *(восхищенная)*. Еще как смеет! Ну, живее!

Вероника *(идя к двери)*. Ну, хорошо, на этот раз — пожалуй. Но я не позволю все время говорить со мной в таком тоне. *(Вдруг стремительно бросается к двери и в восторге кричит, уже почти за сценой.)* Милый, у тебя будет клиника! А мы устроим себе квартиру на верхнем этаже.

Молли с улыбкой слушает, потом вздыхает и садится. Че-

рез служебную дверь входит У и л л в аккуратном, но потертом костюме и со старым чемоданом в руках. Смотрит на нее.

Молли (*смотрит на него и медленно встает; укоризненно*).
Уильям! Уильям!

Он молча останавливается.

Куда это вы идете?

У и л л. Какая разница? Я здесь больше не нужен.

Молли. Кто это сказал?

У и л л. Это вы сказали.

Молли. Я не говорила.

У и л л. Все равно что сказали. Но прежде чем уйти, я хочу сказать вам одну вещь, Молли Кадден.

Молли. А я хочу сказать вам много разных вещей, Уильям Лотлесс.

У и л л. Послушайте сначала меня. Не думайте, что я вернулся на биржу просто ради того, чтобы легко заработать. Прошло то время. Зачем мне сейчас куча денег? Я бы не знал, что с ними делать. Я вернулся в игру, чтобы снова побить этих ловкачей, понятно вам? И я сделал это, запомните — я сделал это.

Молли. Я знаю, Уильям. Но это снова стало портить вас. И вы не были счастливы.

У и л л. Ну и что? Счастье — не для бывших заключенных моего возраста. Уж это-то мы усвоили. Но этот час был мой, и я знаю, чего стоит эта игра. Если бы у людей был здравый смысл, они бы остановили нас много лет назад. Значит, нет у них здравого смысла.

Молли. А у меня есть здравый смысл, как вы думаете?

У и л л. Не слишком много. Меньше, чем когда вы были горничной. Забавная вещь. Я никогда не терял головы из-за женщин, но всякий раз, когда я летел кувырком, причиной была женщина.

Молли. Значит, вы из-за *меня* полетели кувырком?

У и л л. Это вы сказали, а не я. Что вы попросили у Флитфилда — яхту? Две яхты?

М о л л и. Нет. И я ничего не подписала.

У и л л (*пораженный*). Как?!

М о л л и. Все пойдет в доверительную собственность государству. Себе я попросила только денег на клинику для доктора Ротбери да на свое маленькое дело. Вы бы не хотели в нем работать?

У и л л (*поднимая чемодан*). Нет, благодарю. Я как-нибудь обойдусь без пенсии. Не хочу быть на содержании у женщины.

М о л л и (*подходит ближе, чтобы удержать его*). Уильям, Уильям, идите сюда. Кто собирается брать вас на содержание, старый вы дуралей? Ответьте-ка мне на один вопрос. Вам нравится работать в таких отелях?

У и л л. Нет.

М о л л и. Почему?

У и л л. Вы же сами знаете. Потому что мне не нравится публика, которая здесь останавливается. Слишком много бездельников и обжор.

М о л л и (*хитро*). Беда в том, что вы только критикуете. Бьюсь об заклад, что своих мыслей насчет того, как надо вести дела в отеле, у вас нет.

У и л л (*негодующе*). Как это — нет? А о чем же, по-вашему, я думал последние два года? У меня полно мыслей!

М о л л и (*по-прежнему хитро*). Ну, это только слова!

У и л л. Это мои слова! Управлять отелем! Боже, дайте мне только место, в котором мне было бы по-настоящему интересно работать, и...

М о л л и (*перебивая, твердо*). Вы приняты.

У и л л. Что? Куда?

М о л л и. Сюда, на должность управляющего.

У и л л. Как, это и есть ваше собственное дело?

М о л л и. Да, но такого отеля в Челтингейте еще не было: здесь будут жить люди, которые слишком много работали и не слишком много ели, мужчины, которые не зря живут на

свете, и женщины, которые стоят того, чтобы для разнообразия кто-то прислуживал им и стелил постели,— словом, настоящие люди. Все должно быть хорошо, но не слишком дорого. Это значит, что для управления мне нужен человек, который умеет думать. Но, конечно, если у вас не лежит душа...

У и л л (*прерывая, злобно*). Не говорите глупостей, женщина, не говорите глупостей. Я единственный человек в Англии, который может взяться за эту работу. Идеи! Да у меня их тысячи. Вот, смотрите... (*Быстро достает записную книжку.*)

В служебную дверь входят мисс Уикс и Джордж.

Мисс Уикс. Мистер Потлесс...

Молли. Вы нам понадобится, мисс Уикс...

У и л л. Старший администратор.

Джордж. А как насчет меня?

Звонок или стук в парадную дверь.

У и л л. Посмотрите, кто там.

Джордж впускает леди Ледмилл, еще более утрашающую, чем прежде, и мисс Селл.

Леди Ледмилл (*громким голосом*). Где лорд Флитфилд? Мне сообщили, что он здесь.

Молли. Он был здесь, но отправился в «Гранд-отель» искать вас.

Леди Ледмилл. Вот как. Есть письма для меня, которые вы не удосужились мне переслать?

Мисс Уикс. Нет, леди Ледмилл.

Леди Ледмилл (*подходя к конторке, подозрительно*). Вы уверены?

Мисс Уикс. Совершенно.

Леди Ледмилл (*сурово*). Я предпочитаю проверить. Почта здесь работает очень странно. И несколько писем пропало.

Молли (*шепотом, мисс Селл*). Есть шанс вам избавиться от этого старого крокодила. Идите работать к нам сюда.

Мисс Селл (*с жаром*). Неужели? Ах, как было бы замечательно. Но...

Леди Ледмилл (*величественно вышагивая к столу*). Мисс Селл!

Молли (*колеблющейся мисс Селл*). Это ваш шанс... ваш единственный шанс...

Леди Ледмилл (*у двери, повелительно*). Мисс Селл!

Мисс Селл (*взглянув на Молли, с жалкой улыбкой*). Да, леди Ледмилл. (*Торопливо выходит следом за ней.*)

Уилл. И такова половина Англии.

Молли. Я разочарована. Так не должно быть.

Уилл. И тем не менее это так. Миллионы и миллионы таких мисс Селл...

Звонит телефон.

Мисс Уикс (*снимает трубку*). Да?.. Да-да, миссис Гор... Я сейчас узнаю, миссис Гор. (*Молли, прикрыв трубку рукой.*) Миссис Гор хочет узнать, может ли она у нас остановиться. Она очень богатая.

Молли. Если она очень богатая, скажите ей, что она нам не подходит. (*Уиллу.*) Я разочарована.

Уилл. Посмотрите-ка.

Возвращается мисс Селл, возбужденная собственной дерзостью, — шляпа сдвинулась набок, в руках сломанный зонтик леди Ледмилл, который она бросает на стол.

Мисс Селл. Когда мне можно приступить?

Молли (*смеется*). Ура!

Уилл. Приступайте сейчас же. Вот, глядите.

Смеясь, все обступают Уилла с его записной книжкой и возбужденно говорят, перебивая друг друга.

Занавес

КОММЕНТАРИЙ

КОММЕНТАРИЙ

«Опасный поворот»

Пьеса впервые опубликована на языке оригинала в 1932 г. Первая постановка — май 1932 г.

Перевод осуществлен по изд.: *Priestley J. B. Dangerous Corner.* London, W. Heinemann, 1932. Печатается с исправлениями по публикации журн. «Интернац. лит.», 1938, № 6.

«Ракитовая аллея»

Комедия впервые опубликована на языке оригинала в 1933 г. Первая постановка — ноябрь 1933 г.

Перевод осуществлен по изд.: *Priestley J. B. The Plays. Vol. 2.* London, W. Heinemann, 1955. Печатается по изд.: *Пристли Дж.-Б. Ракитовая аллея.* М., «Иностр. лит.», 1960.

Стр. 110

Лига Наций — международная организация, учрежденная в 1919 г., целью которой, согласно уставу, было развитие сотрудничества между народами. Фактически перестала существовать в 1939 г., формально распущена в 1947 г.

Стр. 115

Мормоны — религиозная секта, основанная в конце 20-х гг. в США неким Джозефом Смитом.

Стр. 130

Смитфилд — лондонский оптовый рынок, где продавались мясо и битая птица.

Стр. 159

«Палладиум» — лондонский эстрадный театр.

«Время и семья Конвей»

Пьеса впервые опубликована на языке оригинала в 1937 г. Первая постановка — август 1937 г.

Перевод осуществлен по изд.: *Priestley J. B. Time and the Conways.* London, W. Heinemann, 1937. Печатается по публикации журн. «Звезда», 1939, №4.

Стр. 174

Ллойд-Джордж Дэвид (1863—1945) — премьер-министр Великобритании (1916—1922).

Стр. 175

Шейлок — персонаж пьесы В. Шекспира «Венецианский купец».

Стр. 177

Гертон — женский колледж Кембриджского университета.

«Панч» — английский еженедельный сатирико-юмористический журнал.

Стр. 182

Нейрс Оуэн (1888—1944) — популярный английский актер.

Стр. 185

«Веселая Англия» — комическая опера Эдуарда Германа (1862—1936), впервые была поставлена в 1902 г.

Стр. 191

Лестерский полк — один из привилегированных полков Англии.

Стр. 200

Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — фельдмаршал, президент Германии (1925—1933) до прихода к власти фашистов.

Харт Уильям (1870—1946) — американский киноактер, снимавшийся в вестернах.

Стр. 212

Эдвардианский стиль — стиль, господствовавший в начале XX в., назван по имени короля Эдуарда VII (1841—1910), правившего с 1901 по 1910 г.

Стр. 215

«Эгоист» — критический психологический роман английского писателя Джорджа Мередита (1828—1909).

Стр. 236

Блейк Уильям (1757—1827) — английский поэт.

**«Таинственное происшествие
в отеле «Гринфингерс»**

Пьеса впервые опубликована на языке оригинала в 1937 г. Первая постановка — январь 1938 г.

Перевод осуществлен по изд.: *Priestley J. B. Mistry at Greenfingers.* London, W. Heinemann, 1937. На русском языке публикуется впервые.

Стр. 266

Скалистый край — живописный холмистый район в северо-западной части графства Стаффордшир.

Стр. 272

Борнмут — крупный курорт на южном побережье Англии.

Стр. 281

Гарбо Грета (1905—1986) — всемирно известная американская киноактриса.

Стр. 285

Дортмур — тюрьма в графстве Девоншир.

Паркхерст — тюрьма строгого режима для лиц, осужденных на длительные сроки.

Стр. 329

Доктор Торндайк — герой детективных историй Ричарда Остина Фримена (1862—1943)

Стр. 330

Инспектор Френч — герой детективных историй Фримена Уилса Крофта (1879—1957).

«Когда мы женаты»

Комедия впервые опубликована на языке оригинала в 1938 г. Первая постановка — февраль 1938 г.

Перевод осуществлен по изд.: *Priestley J. B. When We are Married*. London, W. Heinemann, 1938. На русском языке публикуется впервые.

Стр. 375

Олдермен — член муниципалитета.

Стр. 389

Харрогит — фешенебельный курорт.

Стр. 393

«Мессия» — имеется в виду оратория Георга Фридриха Генделя, написанная в 1740 г.

Конгрегационалисты — одно из течений в кальвинизме, существующее в Англии со второй половины XVI в. Каждая община автономна, сама для себя выбирает формы культа, руководителей, пастора, принимает и исключает членов.

Стр. 411

Соверен — монета стоимостью в один фунт стерлингов (20 шиллингов).

Стр. 412

«Заяц и собаки» — игра, когда играющий бросает бумажки по своему следу, с тем чтобы другие по ним нашли его.

Стр. 416

«Хижина дяди Тома» — роман Бичер-Стоу (1811—1896), проникнутый состраданием к судьбе негров в Америке; написан в 1852 г.

Стр. 423

Руби (ruby) — рубин (англ.).

Стр. 128

«Два брата неразлучно жили...» («The Graves of a Hause hold») — стихотворение Доротеи Хеманс (1793—1835).

Стр. 449

«Толбот-хауз» — здание клуба религиозно-благотворительной организации.

«Они пришли к городу»

Пьеса впервые опубликована на языке оригинала в США в 1943 г. Первая постановка — апрель 1943 г.

Перевод осуществлен по изд.: *Pristley J. B. Three Plays. London, W. Heinemann, 1943.* Печатается по изд.: *Пристли Дж.-Б. Они пришли к городу. М., «Искусство», 1943.*

Стр. 474

Хаммерсмит — район в западной части Лондона.

Стр. 478

Уитмен Уолт (1819—1892) — американский поэт, певец «мировой демократии», людей труда, всемирного братства народов.

Стр. 503

Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881) — премьер-министр Великобритании, лидер консервативной партии, писатель.

Стр. 503

Полк «синих» — полк королевской конной гвардии; название получил по цвету формы.

«Золотое руно»

Комедия впервые опубликована на языке оригинала в США в 1944 г. Первая постановка — 1948 г.

Перевод осуществлен по изд.: *Priestley J. B. The Plays. Vol. 2, 1955.* На русском языке публикуется впервые.

Стр. 563

Сомма — река на севере Франции. Во время первой мировой войны

на Сомме, восточнее Амьена, в 1916 г. произошло большое сражение между немецкими и англо-французскими войсками.

Олд Бейли — название лондонской улицы, перешедшее на название здания, в котором находится Центральный уголовный суд.

Стр. 571

Уоллес Эдгар (1875—1932) — английский писатель.

Стр. 590

Бонд-стрит — одна из главных торговых улиц Лондона

Стр. 604

Вест-Энд — западная фешенебельная часть Лондона.

В. Ворсобин

СОДЕРЖАНИЕ

6	ОПАСНЫЙ ПОВОРОТ <i>Перевод В. Метальникова</i>
83	РАКИТОВАЯ АЛЛЕЯ <i>Перевод Е. Голышевой и Б. Исакова</i>
172	ВРЕМЯ И СЕМЬЯ КОНВЕЙ <i>Перевод В. Исакова</i>
269	ТАИНСТВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ОТЕЛЕ «ГРИНФИНГЕРС» <i>Перевод П. Мелковой</i>
378	КОГДА МЫ ЖЕНАТЫ <i>Перевод И. Решетиловой</i>
467	ОНИ ПРИШЛИ К ГОРОДУ <i>Перевод М. Абкиной</i>
544	«ЗОЛОТОЕ РУНО» <i>Перевод В. Ашкенази и С. Майзельс</i>
631	<i>Комментарий</i>

Пристли Джон Бойнтон.

**П 77 Избранное. В 2-х т. Т. 1: Пер. с англ./ Коммент.
В. Ворсобица.— М.: Искусство, 1987.— 638 с.: ил.**

В первый том избранных произведений известного английского драматурга Джона Бойнтон Пристли вошли пьесы, написанные им в 30—40-е годы: «Опасный поворот», «Ракитовая аллея», «Время и семья Конвей», «Таинственное происшествие в отеле «Гринфингерс», «Когда мы женаты», «Они пришли к городу», «Золотое руно». Большинство пьес уже известно советскому читателю по публикациям, театральным и телевизионным постановкам. Пьесы «Таинственное происшествие в отеле «Гринфингерс» и «Золотое руно» публикуются на русском языке впервые.

4703000000—075

П ————— 47—86

025(01)—87

ББК 84.4Вл

Джон
Бойнтон
Пристли

Избранное
том I

Редактор	<i>И. С. Гракова</i>
Художник	<i>О. Л. Лозовская</i>
Художественный редактор	<i>Л. И. Орлова</i>
Технический редактор	<i>Т. Е. Ступина</i>
Корректоры	<i>О. Г. Завьялова М. Л. Лебедева</i>

И. Б. 2501

Сдано в набор 08.08.86. Подп. к печ. 15.06.87. Формат издания 70×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28. Усл. кр.-отг. 28,35. Уч.-пзд. л. 28,565. Изд. № 12219.
Тираж 30 000. Заказ № 582. Цена 2 руб.

Издательство «Искусство», 103009, Москва, Собинковский пер., 3.
Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула,
проспект Ленина, 109.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16